

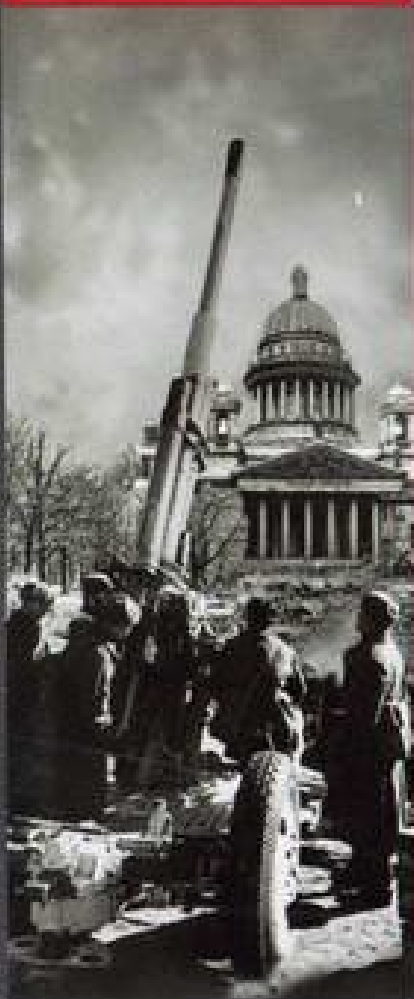
ЖДАНОВ

А. Вольнец

ЖДАНОВ

ЖЗЛ

Алексей
Вольнец

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Андрей Александрович Жданов по праву является самой загадочной политической фигурой эпохи Сталина. С 1948 года не появилось ни одного полноценного исследования его биографии на русском языке. Родившийся в семье православных богословов, он стал ведущим идеологом сталинизма. Во время индустриализации строил Горьковский автозавод и первые тяжёлые танки. В 1941 году создавал Ленинградское народное ополчение и ледовую Дорогу жизни, но некоторые и ныне считают его виновником ужасов блокады. Он публично критиковал Ахматову, Зощенко, Трумэна и Тито. Учил писателей соцреализму, философов философии и композиторов музыке. Дружил со Сталиным и враждовал с Маленковым и Берией. Обстоятельства его смерти до сих пор вызывают вопросы у историков. Члены сталинского политбюро считали его «мягкотелым», но и ныне он остаётся пугающим жупелом для части российской интеллигенции и всех националистов Прибалтики и Финляндии. «Ждановщину» разоблачали западные советологи во время холодной войны, Горбачёв в годы перестройки, и она до сих пор разоблачается в либеральной публицистике.

Так кто же такой А. А. Жданов? Данная книга впервые в современной России на основе массы архивных документов пытается всесторонне рассказать об этой непростой личности.

- [Алексей Вольнец](#)
  -
  - [Часть первая.](#)
    - [Глава 1.](#)
    - [Глава 2.](#)
    - [Глава 3.](#)
    - [Глава 4.](#)
    - [Глава 5.](#)
    - [Глава 6.](#)
    - [Глава 7.](#)
    - [Глава 8.](#)
    - [Глава 9.](#)
  - [Часть вторая.](#)
    - [Глава 10.](#)
    - [Глава 11.](#)

- [Глава 12.](#)
- [Глава 13.](#)
- [Глава 14.](#)
- [Глава 15.](#)
- [Глава 16.](#)
- [Глава 17.](#)
- [Часть третья.](#)
  - [Глава 18.](#)
  - [Глава 19.](#)
  - [Глава 20.](#)
  - [Глава 21.](#)
  - [Глава 22.](#)
  - [Глава 23.](#)
  - [Глава 24.](#)
  - [Глава 25.](#)
- [Часть четвёртая.](#)
  - [Глава 26.](#)
  - [Глава 27.](#)
  - [Глава 28.](#)
  - [Глава 29.](#)
  - [Глава 30.](#)
  - [Глава 31.](#)
  - [Глава 32.](#)
  - [Глава 33.](#)
  - [Глава 34.](#)
  - [Глава 35.](#)
  - [Глава 36.](#)
  - [Глава 37.](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. ЖДАНОВА](#)
- [КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [comments](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)

- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)

- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)

- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)

- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)

- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)

- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)

- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)

- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)

- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)

- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)

- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)

- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)

- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)

- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)

- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)

- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)

- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)

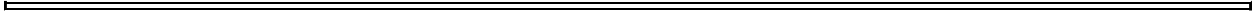
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

**Алексей Волынец
ЖДАНОВ**

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1636

(1436)

«Молодая гвардия», 2013

Часть первая.

«ТОВАРИЩ АНДРЮША»

Глава 1.

ПРЕДКИ

3 марта 1896 года в соборе Святого Харлампия в Мариуполе священник Николай Иванович совершил таинство крещения и нарёк Андреем младенца, рожденного 26 февраля (14 февраля — по старому стилю) у инспектора народных училищ Александра Алексеевича Жданова и законной жены его Екатерины Павловны.

Церковно-приходские книги в Российской империи были единственным официальным документом, фиксирующим акты гражданского состояния. Младенца из семьи Ждановых записали в первый раздел книги, «О рождающихся». В соответствии с законами империи мальчик пяти дней от роду уже был вписан в строгую сословную систему всё ещё полуфеодального общества. Как сын «надворного советника», заслужившего личное дворянство, крошечный Андрей Жданов от рождения попал в сословие потомственных почётных граждан^[1]. Однако предки нашего героя не были ни дворянами, ни купцами, не принадлежали они и к «низкому» податному сословию — вся их жизнь и деятельность были связаны с Русской православной церковью.

Дед нашего героя по отцовской линии был простым сельским священником. В 1860 году он, Жданов Алексей Никандрович, или в том написании «Жданов Алексей Никандров», получил приход в селе Руднево Пронского уезда Рязанской губернии. За год до отмены крепостного права в селе было две церкви — построенная в 1811 году недалеко от садов местных дворян Елшиных каменная церковь Входа Господня в Иерусалим (иначе Входиерусалимская, с местнотимой иконой Иерусалимской Богоматери) и деревянный храм Ильи Пророка, построенный в XVIII веке возле сельского кладбища.

Алексей Жданов прожил обычную жизнь близкого к крестьянам приходского священника. Имел типичные награды от церковного начальства, например, в 1873 году получил от Рязанской епархии набедренник — часть богослужебного облачения священника, прямоугольник с изображением креста, который носится на длинной ленте у бедра и символизирует «меч духовный, который есть Слово Божие». Едва ли Алексей Никандров даже в самой бурной фантазии мог предположить, какой поражающей силы «меч духовный» через несколько десятилетий

окажется в руках одного из его внуков... Пока же сельский священник был озабочен образованием сыновей, благо должность и духовное звание давали для этого некоторые возможности и связи: Александр, Павел и Иван Ждановы получили наилучшее образование из возможного в то время для лиц их сословия.

Александр Алексеевич Жданов родился в селе Руднево 6 сентября (по старому стилю^[2]) того же 1860 года, когда его отец стал местным приходским священником. Начальное образование сын священника получил в Данковском духовном училище Рязанской епархии. Духовные училища, занимая промежуточное положение между церковно-приходской школой и семинарией, предназначались «для первоначального образования и приготовления детей к служению православной церкви», получаемое образование примерно соответствовало первым четырём классам гимназии.

Данковское духовное училище располагалось за чертой уездного города Данкова (тогда — Рязанской губернии, ныне — Липецкой области) в северной части Покровского монастыря, основанного ещё в XVI веке боярином Телепнёвым-Оболенским на правом берегу верховьев реки Дон. Училище было подчинено ведению Рязанской духовной семинарии, которая, в свою очередь, входила в округ Московской духовной академии. По окончании Данковского училища четырнадцатилетний Саша Жданов и поступил в Рязанскую семинарию. Вступительные экзамены для таких абитуриентов проходили без всяких формальностей прямо на квартире у ректора семинарии.

История Рязанской духовной семинарии восходит к цифирной школе, основанной местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Рязанским Стефаном Яворским ещё во времена императора Петра I. В 70-е годы XIX века в Российской империи насчитывалось четыре десятка подобных семинарий, по одной в каждой епархии Русской православной церкви.

Рязанская семинария располагалась тогда на окраине города в Троицком монастыре. Это было сословное учебное учреждение, и подавляющее большинство из нескольких сотен семинаристов составляли дети священнослужителей, в основном сельского и куда реже — военного духовенства; кроме них было совсем немного детей мелких чиновников.

Срок обучения составлял шесть лет — три отделения с двухгодичным курсом каждое: низшее, среднее и высшее. Основными предметами семинарского образования считались богословие, философия и словесность, по которым высшее отделение называлось «богословским», среднее — «философским», низшее — «риторикой». Все шесть лет в

семинарии преподавали Священное Писание и греческий язык. По выбору семинаристы изучали французский или немецкий язык, ученикам высшего отделения также преподавался древнееврейский язык. В первый год обучения семинаристы обучались иконописи, а в старших классах изучали основы педагогики, что позволяло по окончании семинарии преподавать в начальных учебных заведениях.

Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что в семинарии обучались дети низшего слоя «среднего класса» Российской империи. Они жили благополучнее многочисленного русского крестьянства, но были далеки от зажиточности и богатства. Именно такой была семья сельского священника Алексея Жданова.

Семинаристы жили и учились в двухэтажном кирпичном корпусе. Рядом располагалась семинарская деревянная баня, которая на протяжении XIX века несколько раз сгорала в пожарах. Жилые комнаты учеников не отличались опрятностью. Из-за недостатка финансирования семинаристы должны были сами следить за чистотой. Однако, по свидетельству современников, полы в семинарии мылись обязательно только перед экзаменами, да иногда — перед Рождеством и Пасхой.

Рязанская духовная семинария располагала внушительной библиотекой, где кроме учебных сочинений выписывались и некоторые общеобразовательные, светские периодические издания: «Журнал Императорского человеколюбивого общества», «Московские ведомости», «Северная пчела», «Журнал Министерства народного просвещения», «Указатель открытий по физике и химии». Всего в семинарской библиотеке насчитывалось свыше шести тысяч книг, много журналов и пять сотен старинных изданий и рукописей, включая старопечатные книги XVI века.

При всех недостатках и ограниченности церковной педагогики семинария давала неплохое для тех лет образование. В условиях страны, где большинство населения оставалось абсолютно безграмотным, выпускники духовной семинарии могли достаточно уверенно смотреть в будущее. Чуть раньше, чем Александр Жданов, ту же Рязанскую семинарию окончил такой же сын священника Иван Петрович Павлов, в будущем известнейший русский учёный, физиолог, академик, лауреат Нобелевской премии.

Судя по дальнейшей биографии, несомненно, что и Александр Алексеевич Жданов имел склонность не к духовной карьере, а к светскому высшему образованию. Но к 1880 году, когда он окончил семинарию, семинаристов уже лишили права претендовать на поступление в университеты — это были первые ласточки той борьбы с «кухаркиными

детьми», которая развернётся в 80-е годы XIX века, когда имперская бюрократия предпримет одну из последних попыток сохранить разрушавшееся феодальное общество с его строгим делением на неравноправные сословия.

Сын сельского священника, будучи от рождения выше крестьянской массы, составлявшей почти 90 процентов населения России, тем не менее не принадлежал к той среде, которую верхушка царской бюрократии желала допустить к высшему образованию и соответствующему положению в обществе. Поэтому вчерашний семинарист почти два года проработал сельским учителем в малосапожковской земской школе в 150 верстах от Рязани, благо семинария давала основы педагогической профессии. А в 1883 году Александр Алексеевич Жданов, двадцати трёх лет от роду, выбрал единственное доступное ему в Российской империи высшее образование и поступил в Московскую духовную академию.

Это учебное заведение, одна из четырёх высших духовных академий в России, было преемницей и продолжательницей знаменитой Славяно-греко-латинской академии. Три остальных находились в Петербурге, Киеве и Казани. Московская же располагалась в 60 верстах от старой столицы в Сергиевом Посаде в стенах Троицесергиевой лавры.

Православие тогда было не просто общепринятой религией большинства, а вполне официальной идеологией. Московская духовная академия была одним из основных её столпов. Впрочем, изучение религиозных текстов и истории христианства оставляло некоторый простор для развития гуманитарного знания. И, как писал современник, академия «обрисовывалась как строго учёное царство, своего рода русский Оксфорд, как её называли иностранцы, посещавшие Россию»^[1].

Из «русского Оксфорда» свысока поглядывали на иные духовные и светские университеты, преподаватели и студенты академии жили в маленьком Сергиевом Посаде своим замкнутым миром. А.Л. Катанский, преподававший в академии, позднее так описал те годы:

«Жизнь академической корпорации сосредоточивалась исключительно в ней самой, ограничиваясь взаимным общением её членов. Никакого другого общества в Посаде не было, и потому академическим преподавателям приходилось поневоле жить в очень близком общении между собой.

...Студенты Московской академии держали себя с большим сознанием своего достоинства, так как составляли единственную интеллигенцию Посада и не видели ничего выше себя. Вели себя очень свободно и по отношению к своим наставникам. Нисколько не стесняясь их, едва

удостаивая их на улице раскланиваться с ними, преспокойно продолжали ухаживать за местными дамами и барышнями...

Троицесергиев Посад, прекрасное место для серьёзных учёных занятий, был, однако, очень скучен в часы отдохновения от них, в особенности для молодёжи. Мы, молодые, положительно не знали куда деваться в свободное от занятий время. Негде было даже погулять; во всём Посаде совсем не имелось тротуаров, приходилось совершать прогулки по немногим грязным или пыльным улицам... Приходилось для прогулок избирать даже монастырские стены, наверху которых были довольно широкие проходные коридоры, или же топтаться в маленьком академическом саду»^{2}.

Вот в этот замкнутый мир профессоров-богословов и погрузился на десять лет вчерашний рязанский семинарист Александр Жданов. В сентябре 1883 года, указывается в формулярном списке о его службе, «после проверочных испытаний принят в число казённокоштных (то есть без платы за обучение. — А. В.) студентов первого курса Московской духовной академии»^{3}. Он с успехом прошёл всё четырёхлетнее обучение, окончив академический курс одним из лучших среди трёх сотен студентов, и получил возможность остаться в её стенах стипендиатом в качестве исполняющего обязанности доцента кафедры Священного Писания Ветхого Завета. На этой должности уже вполне можно было заниматься научной деятельностью в области церковной истории и философии. И в июне 1891 года Жданов получает степень магистра богословия за сочинение «Откровение Господа о семи Азийских церквях (опыт изъяснения первых трёх глав Апокалипсиса)». Сочинение о семи церквях заняло семь томов! В том же году это исследование выходит отдельной книгой. Примечательно, что и в наши дни данная работа Александра Алексеевича Жданова рекомендуется представителями Русской православной церкви при изучении откровений Иоанна Богослова.

Затем Жданов утверждается в звании доцент;» Московской духовной академии, как указано в его служебном формуляре: «Избран Советом академии на должность доцента по занимаемой им кафедре Святого Писания Ветхого Завета и утверждён в означенной должности епархиальным преосвященным; указом Правительствующего сената (по департаменту герольдии) за № 52 утверждён в чине надворного советника со старшинством с 12-го ноября 1891 года»^{4}.

Впрочем, тот год подарил жизни молодого богослова в чине надворного советника и менее официальные, но куда более приятные

события. Вспомним, как очевидец описывает студентов академии, открыто ухаживающих за местными дамами и барышнями. Александр Жданов тоже не остался в стороне от этого приятного и, пожалуй, богоугодного дела. Избранницей тридцатилетнего уроженца Рязанской губернии стала Екатерина Горская, дочь «заслуженного экстраординарного профессора по кафедре Еврейского языка и Библейской археологии» Павла Ивановича Горского-Платонова.

Любовный роман завершился венчанием в 1890 году. В апреле 1891 года у молодожёнов родился первенец — дочь Татьяна. Окружавшие младенца с рождения иерархи церкви и профессора богословия, искушённые в библейских тонкостях, не могли предполагать, что Татьяна Александровна Жданова в будущем станет убеждённым членом коммунистической партии и будет преподавать марксизм и научный атеизм в партийной школе. Но это будет потом...

Настало время познакомиться со вторым дедом главного героя нашей книги. Павел Иванович Горский-Платонов родился 2 января 1835 года. Род Горских был издавна связан с Русской православной церковью, среди них были и ректоры Духовной академии, и епископы. Недаром в семье Ждановых позднее шутили, что их матушка — Екатерина Павловна — «состояла в родстве чуть ли не со всем Священным синодом»^[5]. При таком раскладе начало жизненного пути Павла Горского было predetermined — он окончил Вифанскую духовную семинарию, которая находилась в том же Сергиевом Посаде, затем обучался в Московской духовной академии и так же, как и его будущий зять, за успехи в учёбе остался бакалавром при академии. Магистром богословия дед будущего секретаря ЦК ВКП(б) стал в 1858 году.

Павел Иванович был искренне верующим человеком. В 1864 году он опубликовал свой перевод работы немецкого католического философа Якоба Фрошаммера «Разбор учения Дарвина о происхождении видов в царстве животном и растительном»^[6]. Тем самым Горский-Платонов стал одним из первых, кто познакомил русского читателя с дарвиновской теорией и её критикой с позиций христианства.

Искренне верующий, он был живым человеком со всеми большими и мелкими страстями. А.Л. Катанский описал своё первое знакомство с Павлом Горским сразу по прибытии в академию: «Приняли меня очень приветливо, но глядели на меня, что называется, во все глаза, стараясь распознать, что за птица прилетела к ним из Петербурга... Бакалавр П.И. Горский... в особенности испытующе посматривал на меня для того, чтобы

на другой день разнести по Посаду весть о новоприезжем из Петербурга бакалавре и поделиться своими впечатлениями от нового знакомства»^{7}.

По свидетельству современников, Горский, ещё будучи бакалавром, являлся «главным заправилкой» одной из двух группировок преподавателей академии. В 1869 году Священным синодом был утверждён новый устав академии, введивший элементы самоуправления, что обострило борьбу преподавательских группировок за влияние на академическую и научную жизнь. И неформально возглавляемый Павлом Горским кружок быстро стал доминировать в стенах академии. Вскоре уже профессор Горский-Платонов сделался одним из влиятельнейших лиц академии, её инспектором.

В 1892 году профессор П.И. Горский вместе с архимандритом Антонием Храповицким основал «Богословский вестник» — официальное периодическое издание Московской духовной академии. После революции 1917 года убеждённый монархист Антоний Храповицкий будет активным сторонником Белого движения, бескомпромиссным врагом советской власти и основателем РПЦЗ — Русской православной церкви за рубежом.

Примечательно, что в первом же номере «Богословского вестника» появилась и небольшая статья доцента А. Жданова с рецензиями на новые западноевропейские работы по изучению библейских писаний. В том же номере в самом конце была помещена статья профессора П.И. Горского, по содержанию весьма далёкая от сугубо богословских тем, но весьма актуальная для текущего положения России. Статья называлась обтекаемо — «По поводу неурожая», но описывала самый настоящий голод: «Нынешний год тяжёл для нашего отечества. Целым миллионом людей будет очень трудно прокормить себя нынешнюю зиму и весну, многим сотням тысяч людей нельзя будет добывать необходимые или обычные средства жизни в тех размерах, как было доселе, и наконец всем не очень богатым людям, всем служащим, получающим небольшое жалованье, придётся нелегко прожить голодное время...»^{8}

Периодический голод был естественным спутником крестьянской жизни в той России. Причинами являлись неблагоприятные климатические условия, бедность и почти первобытная примитивность подавляющего большинства крестьянских хозяйств. Голод 1891 — 1892 годов начался в Поволжье, затем охватил весь Урал. При этом в других регионах России было достаточно хлеба, чтобы спасти голодающих от смерти, но имущие классы предпочли сохранять доходы от хлебного экспорта, да и вся инфраструктура была приспособлена только к вывозу хлеба за границу — железные дороги просто не справлялись с попытками доставить

значительные объёмы зерна в голодающие районы. Весной 1892 года, как следствие долгого недоедания, начались эпидемии холеры, сыпного и брюшного тифа. На Урале в 1892 году смертность превысила рождаемость.

В своей статье профессор Горский рассказал о сборе средств для помощи голодающим среди преподавателей и студентов Московской духовной академии. Впрочем, не избежал профессор и некоторой оппозиционности — начал статью с умиления государем императором, который по поводу голода отменил придворные балы, закончил же её осторожной критикой действий властей, не справившихся с ликвидацией последствий неурожая.

Средства, собранные профессором Горским, доцентом Ждановым и другими преподавателями и студентами Московской духовной академии, предназначались для помощи наиболее пострадавшим от голода районам Российской империи: четырём уездам Пермской губернии, в особенности Шадринскому. По официальной статистике, общее количество умерших от голода в этих четырёх уездах составило около сорока тысяч человек. Ни Павел Горский, ни Александр Жданов, конечно, не могли предположить, что большая политическая и государственная карьера их ещё нерождённого внука и сына начнётся именно в этом, регулярно голодающем Шадринском уезде.

Общественная активность профессора Горского не ограничивалась только благотворительностью и публицистикой на злободневные темы. Ещё в 1888 году он был избран городским головой Сергиева Посада. На этом посту профессор несколько лет безуспешно пытался сделать город центром отдельного уезда и снизить налоги, но чиновники губернии не прислушались к его ходатайствам. Впрочем, Павлу Ивановичу удалось увеличить в городе количество газовых фонарей и отремонтировать некоторые общественные здания. Однако городская дума, в которой он председательствовал, практически не могла работать из-за склок заседавших в ней городских группировок. Профессор не смог утихомирить это «вече» и в конце 1892 года отказался от поста городского головы. Выйдя в отставку, он вернулся к чисто академической деятельности, а о былой, начальственной, издал брошюру «Отрывки из скорбной летописи городского головы», где описал свои чиновничьи мытарства.

А вот для его зятя, Александра Алексеевича Жданова, начало 90-х годов XIX века стало, пожалуй, самым удачным в его жизни и карьере. Осенью 1892 года у молодого преподавателя родилась вторая дочь — Анна, счастливый муж и доцент был уже без пяти минут профессором, увлечённым исследователем древних текстов. Однако в 1893 году эта

сергиевопосадская идиллия неожиданно и довольно драматически закончилась.

Александр Алексеевич Жданов, подобно тестю, был принципиальным и весьма активным человеком, но отличался от профессора Горского куда большим вольнодумием. Он сочувствовал социалистам-народникам и, несмотря на искренний интерес к истории христианства, похоже, в стенах Московской духовной академии окончательно стал атеистом. В своих лекциях он раскрывал студентам тезис о том, что «не Бог создал человека, а люди создали себе Богов»^{9}. Надо заметить, что студенты явно любили молодого преподавателя Жданова, чему осталось немало свидетельств. Атеистические и народнические мысли, проскальзывавшие в лекциях Жданова, находили отклик среди студенчества, которому молодой доцент импонировал куда больше, чем старые преподаватели.

В 1893 году один из таких преподавателей выдвинул свою работу на соискание учёной степени магистра богословия. В соответствии с уставом академии для рассмотрения данного вопроса была создана комиссия, куда пригласили и доцента Жданова с совещательным голосом. Комиссия первоначально дала положительную оценку работе соискателя докторской степени, но после критического выступления Жданова отменила свой вердикт. Несостоявшийся магистр богословия решил закончить академический спор доносом церковному начальству о неблагонадёжном поведении доцента Жданова.

Разразился скандал. Атеизм в стенах Духовной академии в Троицесергиевой лавре действительно не мог не шокировать верхушку церковной бюрократии. Горский здесь уже не мог спасти зятя. Помимо прочего, доцент Жданов успел нажать в стенах академии немало недоброжелателей своей язвительностью и прямолинейностью.

Как позднее вспоминала его старшая дочь Татьяна, «отец владел языками — немецким и французским свободно, на английском читал в подлиннике Шекспира и Байрона. Кроме того, знал греческий, латинский, еврейский, болгарский и языки других славянских народов. Он был многогранно развитым человеком, необычайно остроумным. Он мог тонко, в высшей степени продуманно и остро дать характеристику любому человеку и оценку его поступкам. Нередко эти лица стояли выше его по положению. Его языка боялись. Отец был смелым человеком, бесстрашным и неподкупным»^{10}.

Вспомним, что и тесть его тоже обладал непростым характером и имел немало соперников и недоброжелателей в академической среде. В итоге

Александр Жданов был изгнан из Московской духовной академии, более того, ему за выявленные прегрешения было запрещено проживать в Москве и Санкт-Петербурге. Однако в провинциях полуграмотной Российской империи человек с высшим образованием был ценным кадром по определению, а доцент Жданов уже имел немалый преподавательский опыт и даже написал для учительских библиотек народных училищ изданную в 1892 году брошюру «Сократ как педагог». Поэтому покинувший Москву опальный магистр богословия быстро нашёл должность в сфере «народного просвещения», что позволяло не оставить семью без куска хлеба. «Предложением господина попечителя Одесского учебного округа, — гласит служебный формуляр о чиновнике 7-го класса Жданове, — от 11 сентября 1893 года за № 10783 назначен с 1 сентября того же года инспектором народных училищ Екатеринославской губернии Мариупольского уезда»^{11}.

Бывшие студенты Александра Жданова активно сочувствовали любимому преподавателю. Портрет опального доцента после изгнания убрали из учительской, но студенты добыли маленькое фото Жданова, увеличили его у фотографа и снова повесили среди портретов преподавателей академии. Начальство, к восторгу студентов, несколько дней не замечало этой фронды. Когда же фото заметили и сняли, студенты вновь повесили дубликат. Так продолжалось несколько раз.

Летом 1893 года группа бывших студентов Жданова ездил в Иерусалим, маршрут их лежал традиционным путём паломничества того времени — пароходом из Одессы до самой Палестины. Возвращаясь от христианских святынь, студенты не поленились и завернули в Мариуполь к своему бывшему преподавателю — они привезли ему в подарок древнее Евангелие на арамейском языке, в дорогом кожаном переплёте с металлическими украшениями и дарственной надписью: «Александрю Алексеевичу Жданову от слушателей студентов Московской духовной академии XLIX и L курсов. 23 сентября 1893 года»^{12}. Позднее эта книга всегда хранилась в доме секретаря Политбюро ЦК ВКП(б).

Такая признательность учеников — несомненно лучшее свидетельство преподавательских и человеческих качеств Александра Алексеевича Жданова. Работа в должности инспектора народных училищ Мариупольского уезда оставила немало колоритных фактов для характеристики его неравнодушной и сильной личности.

Спустя полвека бывшая учительница земской школы М.С. Лотоцкая оставила яркий рассказ о стиле работы нового инспектора:

«Памятно для меня его пребывание в 1894 году в селе Ново-Керменчике, когда я, ещё молодая учительница, впервые встречала инспектора земских школ, приехавшего на обследование знаний учеников. Я с мужем, конечно, встретила его со страхом и трепетом... Но каково было удивление и поражение, когда инспектор Жданов Александр Алексеевич приветливо и ласково заговорил с нами. Как сейчас помню его слова: "Я не приехал искать ваши недостатки и наказывать вас за это. Я приехал посмотреть на вашу работу, и если есть недоделки в ней, то помочь исправить их".

...Мои дети, живя в здании школы, часто прибегали ко мне в класс. Что случилось и в присутствии инспектора Жданова. Я, конечно, заволновалась и стала отпрашивать их домой, но инспектор запретил — подозвав к себе, стал их ласкать и говорить с ними. Во время урока он сидел на задней парте, следил за ходом моей работы и держал мою дочь у себя на коленях.

Проверив работу моих 2 отделений и мужа, тоже 2 отделений, старших, он вынес хорошую оценку, а указав на некоторые недостатки, разъяснил и как их исправить...

...Мы с мужем пригласили инспектора Жданова к себе на скромный обед. Во время обеда был разговор о нашей работе с детьми, и он высказался вскользь, что Закон Божий предмет не основной, а чтобы мы обращали особое внимание на общеобразовательные предметы. Мы с мужем во второй раз переглянулись и поняли, что с нами говорит человек не простой, и мы его в мыслях приняли революционером...

После обеда муж повёл инспектора на "судейскую квартиру" (так называли помещение для приезжих чиновников). Жданов интересовался жизнью крестьян и не возражал, когда пришли любопытные — человек 12, и получилось как собрание. Он говорил с ними просто, как с равными с собой — о крестьянской жизни, недостатках и способах избежать их...»^{13}

Вот так — «и мы его в мыслях приняли революционером» — а ведь молодые земские учителя, супруги Лотоцкие, как мы поймём далее, оказались недалеко от истины. Но помимо этого мы ясно видим человека, искренне любящего детей, невысокомерного, опытного педагога, способного увлечь и взрослых.

В Мариуполе в семье Александра и Екатерины Ждановых в декабре 1894 года родилась третья дочь — Елена, а в феврале 1896 года появился на свет, несомненно, долгожданный сын. Мальчик родился в доме, выходящем фасадом на Александровскую площадь, от которой в центр города вела широкая Екатерининская улица — главная в Мариуполе,

мощённая осколками местного гранита и освещавшаяся по вечерам «замечательно тусклым» светом газовых фонарей. Улица шла к собору Святого Харлампия, где спустя несколько дней и крестили новорождённого Андрея Александровича Жданова.

Построенный в византийском стиле собор был самым крупным зданием в Мариуполе. Находился он в центре этого уездного города обширной Екатеринославской губернии. В его стенах специально сохранили два английских ядра — следы обстрела города англо-французской эскадрой в 1855 году во время Крымской войны. Три придела огромного собора, строившегося 40 лет, могли вместить пять тысяч человек одновременно, каждого шестого горожанина. Большинство из них жило в типичных для Приазовья хатках, камышовые или черепичные крыши которых разнообразили пейзажи рабочих слободок у порта и строящихся металлургических заводов.

В те годы этот уездный город по количеству иностранных консульств уступал только Санкт-Петербургу — бурно развивавшаяся в Российской империи современная промышленность большей частью принадлежала иностранному капиталу, а Мариуполь был не только одним из крупнейших центров металлургии, но и основным торговым портом для обширного промышленного района с заводами и шахтами Донбасса.

В год рождения нашего героя в Мариуполе как раз завершалось строительство крупнейших на юге России металлургических заводов. Один из них строился инженерами из США и принадлежал Никополь-Мариупольскому горному и металлургическому обществу, контролировавшемуся французским и американским капиталом. Впрочем, по слухам, свой финансовый интерес в этом предприятии имел и всесильный тогда министр финансов Российской империи граф Витте. Второй строящийся в Мариуполе металлургический гигант принадлежал бельгийцам.

На следующий год после рождения главного героя нашей книги городская дума Мариуполя примет решение создать на Александровской площади сквер, сохранившийся до наших дней (ныне это парк на Театральной площади). Конечно, в далёком 1896 году никто в семье инспектора местных училищ не мог и предположить, что спустя полвека здесь появится памятник их новорождённому сыну, а старинный город на берегу Азовского моря будет 40 лет носить его имя...

Пока же единственный в семье мальчик рос в южном городе у моря, в окружении любящих родителей и старших сестёр. Только вот у его отца, похоже, опять не заладилось с начальством. Летом 1899 года Александра

Жданова перевели из губернского города в село Преслав Бердянского уезда Таврической губернии директором учительской семинарии. Выражаясь современным языком, это было педагогическое училище, готовившее учителей для начальных школ. И вот новый директор стоит перед безукоризненно выровненной шеренгой замерших семинаристов. До него тут директорствовал отставной генерал Уваров, внедрявший среди будущих учителей церемониальную шагистику, строевые песни и умение выстаивать многочасовые всенощные бдения по стойке «смирно». Теперь же перед учениками предстал человек среднего роста, крепкий, с короткой шеей и большой головой, одетый не во фрак или вицмундир, а в простую синюю косоворотку, перетянутую шерстяным пояском.

Современники оставили нам описание облика нового директора и его первый разговор с учениками:

«Выступил вперёд правофланговый — руки по швам, ест глазами начальство, выкрикнул зычным голосом:

— Ваше Превосходительство, разрешите съездить в Ногайск, галоши купить.

— Во-первых, я не "Ваше Превосходительство", а Александр Алексеевич — так и прошу меня впредь называть. Во-вторых, я вам не разрешаю ехать в Ногайск, а галоши, — усмехнулся новый директор, — вы поручите купить Николаю (служителю семинарии. — А. В.)».

Отказано было и ещё двум, пытавшимся прикрыть желание погулять надуманными причинами. «Четвёртым, — вспоминал в 1935 году бывший семинарист А.И. Волков, — выступил наш вольнодумец Ольховский. Он откровенно заявил, что хочет немного развлечься. И вот ему-то Александр Алексеевич разрешил поездку с условием возвратиться к определённому часу. Это сбilo нас с давно освоенных позиций — изворачиваться перед начальством кто как может. Мы увидели, что этого директора не проведёшь...»^{14}

Александр Жданов проработал в Преславе, выросшем из болгарской колонии в многонациональной Новороссии, чуть больше года. Современники утверждают, что и за этот малый срок он успел «коренным образом перестроить преподавание и воспитательную работу в семинарии»^{15}. Открыл семинаристам доступ ко всему фонду семинаристской и своей личной библиотек — до него выдавались только книги, положенные по программе. Активно поощрял самостоятельное творчество — ставили пьесы Фонвизина, Гоголя, Островского, организовывали музыкальные вечера. Улучшился быт воспитанников, уже

привыкших к унижительному шпионству за ними, обыскам, картёжничеству, пьянству. «Лучшие воспитанники семинарии, — рассказывала позднее Татьяна Жданова, — часто посещали отца на нашей квартире, отец давал им книги из своей библиотеки, рекомендовал им читать сочинения Чернышевского, Белинского, Герцена, Добролюбова, Писарева, Ушинского и ряд других книг, по которым потом проводил беседы с воспитанниками»^{16}.

«Этими новшествами и вольностями, — вспоминал ученик Жданова А.И. Волков, — были недовольны "благонамеренные" преподаватели семинарии, но до поры до времени молчали. Молчание было нарушено ими, когда Александр Алексеевич настоял на приёме в семинарию среди учебного года рабочего из Донбасса Григория Кармазина, 23-летнего неблагонадёжного матроса Петрова и ещё троих, уволенных за бунт из Ново-Бугской учительской семинарии — Прохора Дейнегу, Вольнянского и Пикулю. С появлением этих лиц в семинарии началось систематическое разложение религиозно-нравственных устоев. Семинаристы стали регулярно снабжаться прокламациями из Донбасса (через Кармазина), были организованы кружки — литературный, вольнодумцев и безбожников. Преподаватели сумели выявить организаторов этих кружков, а также установить действительного вдохновителя их — самого Александра Алексеевича. Сразу же поп Василий Алфёров и преподаватель Божко сфабриковали на него донос попечителю Одесского учебного округа... Скоро мы узнали, что Александра Алексеевича переводят от нас куда-то на север, но прожил он в Преславе до августа 1900 года»^{17}.

Признаем, что семинаристские «благонамеренные» и начальство Одесского учебного округа имели все основания опасаться революционной агитации среди подопечных Александра Жданова. Пройдёт всего пять лет, и тот самый Прохор Дейнега, которого он принял в своё училище, возглавит самые настоящие бои с царскими войсками в Донбассе.

Прохор Семёнович Дейнега тогда уже будет заведующим и преподавателем математики в школе шахтёрского посёлка Гришино. Куда меньше народу знало, что одновременно он — член партии социалистов-революционеров, руководитель местной рабочей дружины. В декабре 1905 года Прохор Дейнега командовал восставшими рабочими в Горловке и погиб в бою. Это было крупнейшее вооружённое выступление на Украине и юге России в период первой русской революции 1905—1907 годов. Не случайно восстание Дейнеги упомянет в «Очерках русской смуты» генерал Деникин, считая его предтечей махновского движения.

А ведь несостоявшийся профессор богословия и толкователь Апокалипсиса «их превосходительство» Александр Жданов не мог не сочувствовать своему ученику. Он прекрасно знал и видел те страшные внутренние проблемы Российской империи, которые толкали почти безоружных крестьян и рабочих на армейские штыки. Не мог он не сочувствовать повстанцам Дейнеги и потому, что в том же 1905 году почти так же погиб его младший брат. Павел Алексеевич Жданов возглавил выступление крестьян за передел помещичьих земель. Помещик вызвал бунтаря на переговоры и застрелил его. У убитого остались семеро малолетних детей и нетрудоспособная вдова...

Осенью 1900 года стараниями попечителя Одесского учебного округа графа Сольского неблагонадёжного чиновника Жданова отправили подальше от беспокойной промышленной Новороссии в куда более сонную Тверскую губернию, в уездный город Корчеву, где он был назначен инспектором народных училищ Корчевского, Кашинского и Калязинского уездов.

В этом небольшом, с двумя тысячами человек населения городишке на берегу Волги было три каменные церкви, три гостиницы, два трактира, четыре постоянных двора, два начальных училища (мужское и женское) и одна больница. Из промышленных предприятий здесь работали пивоваренный завод, две кирпичные фабрики и пара пряничных мануфактур — корчевские пряники в Центральной России славились в те времена не меньше тульских.

Городок стоял на правом высоком берегу Волги по обе стороны её притока — речки Корчевки. Именно здесь, в провинциальном и патриархальном центре Европейской России, на стыке границ древних Тверского и Московского княжеств, прошло сознательное детство главного героя нашей книги, начала формироваться его личность.

Глава 2.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Самый младший из семьи Ждановых рос на руках страстно любившей его матери и достаточно пожилой (1849 года рождения) няни Александры Михайловны Беловой, в окружении трёх старших сестёр. По свидетельству одной из них, он был «всеобщим любимцем в семье и все его лелеяли...»^{18}, отличался впечатлительностью, был живым и весёлым. Наверняка в доме царил культ самого младшенького, единственного мальчика, окружённого любящими женщинами и постоянно занятым, но тоже любящим, мудрым отцом.

Как пишут исследователи биографии нашего героя историки В.И. Демидов и В.А. Кутузов: «Такая обстановка, несомненно, сказывается на личности, формирует в характере — часто и на всю жизнь — определённые черты. Нам как исследователям показалось, что желание быть в центре внимания окружающих, чувствовать себя всеобщим любимцем и спустя многие годы сопровождало Андрея Жданова. И следует заметить — он имел в этом успех»^{19}.

Мальчик рано, с четырёх лет, научился читать и пристрастился к книгам. «Отец, — вспоминала Татьяна Жданова, — критически относился к существовавшей тогда системе народного образования и обучения в средней и высшей школе, поэтому никто из нас, детей, не был им отпущен в среднюю школу для учёбы. Он сам занимался с нами, читал нам лекции по... философии, психологии и логике, преподавал нам русский язык, арифметику, немецкий язык. Мама вела с нами занятия по истории, географии, французскому языку. Отец много внимания уделял физическому воспитанию детей. Мы под его руководством занимались гимнастикой, греблей, возделыванием огорода. Делали с отцом дальние прогулки и экскурсии с образовательной целью. Во время прогулок... отец показывал нам лесных птиц, зверей, а затем эти наблюдения закреплялись изучением книг по естествознанию... Отец хорошо рисовал красками, карандашом, пером и углём и прививал нам вкус к живописи и рисованию»^{20}.

Как покажет дальнейшая гимназическая жизнь, у младшего из Ждановых не обнаружилось способностей к рисованию, зато в юношеские годы его почерк был «прямо-таки художественно каллиграфический».

«Мать, — продолжала Татьяна Александровна Жданова, — хорошо

играла на рояле. Она хотела передать и нам своё умение. Основной причиной, почему мы, дети, не прошли под её руководством курс музыкального обучения, являлась любовь к отцу: усталому отцу приходилось ежедневно выслушивать гаммы и экзерсисы, которые мама играла в продолжение 7—8 часов. Когда же ещё и мы должны были садиться за рояль и повторять то же самое, создавалась совершенно невыносимая обстановка для работы отца, и мы добровольно отказались от систематического изучения музыки. Музыкальные способности матери и любовь к музыке и пению отца (он хорошо пел) передались брату Андрюше и сестрам Анне и Елене. У Андрюши оказался абсолютный музыкальный слух и блестящая музыкальная память. Отказавшись от прохождения специального курса музыки, под руководством матери он подбирал по слуху и исполнял на рояле различные музыкальные произведения. Например, такие сложные вещи, как увертюра к опере "Вильгельм Телль" Россини»^[21].

Дочь профессора богословия Екатерина Павловна Жданова, урождённая Горская, получила блестящее музыкальное образование. «Моя бабушка со стороны отца, — вспоминал позднее сын Андрея Жданова Юрий, — была замечательной пианисткой. Ещё звучит в памяти её исполнение произведений Листа, Шопена, Шумана, Чайковского, Грига. На них и был воспитан музыкальный вкус моего отца»^[22].

Пройдёт 30 лет, и вдова статского советника Жданова уже в семье секретаря ЦК ВКП(б) в знаменитом московском Доме на набережной будет учить музицированию своего внука. «Её маленькие, старческие сморщенные пальцы, — напишет уже в XXI веке Юрий Андреевич Жданов, — прикасаясь к клавишам, исторгали море сильных, сочных, прелестных звуков. Она играла Бетховена, Листа, Шумана, Шопена, Грига, играла изумительно, хотя не касалась инструмента с дореволюционных времён, добрых два десятка лет»^[23].

Семейное, но при этом весьма основательное музыкальное образование останется с Андреем Ждановым на всю жизнь. Даже в далёкие от комфорта 1920-е годы в двух комнатках коммунальной квартиры, в которых будет проживать уже большой партийный начальник, найдётся место для «непролетарского» пианино. И в 1930—1940-е годы рояль на даче Сталина будет предназначаться именно для нашего героя.

В самом же начале XX века маленький мальчик учился классической музыке у матери и русским народным песням у отца — помимо европейской и русской классики у него будет вкус и к народному

творчеству, от «плачей» до частушек, а кроме солидного рояля в будущем Андрей Александрович сможет залихватски растянуть и рабочую гармошку.

Православный богослов и русский социалист-народник Александр Жданов стал первым учителем своего сына, благо знаний и педагогического опыта хватало. Жданов-отец, владея древнееврейским, древнегреческим, немецким, французским и английским языками, зная европейскую культуру, увлекаясь идеями марксизма и социализма, тем не менее — выражаясь более поздним языком его сына — не «низкопоклонствовал перед Западом» и был далёк от всяческого новомодного в начале XX века «декаданса».

Благодаря отцу мальчик не только получил начальное образование, любовь к русской классической литературе и народным песням, но и познакомился с обеими идеологическими доктринами — с православием (не как религии, а в качестве культурной традиции) и революционными идеями. Заложенное отцом наследие будет проявляться в деятельности сына всю жизнь, даже когда он станет вторым человеком в иерархии сверхдержавы Сталина.

Вспоминая о первом десятилетии XX века, сестра Татьяна рассказывала: «Андрюша в этот период много занимался метеорологией и под руководством отца делал метеорологические наблюдения на огороде, где был дождемер, а затем в течение ряда лет делал записи о состоянии погоды, температуре, осадках и ветре»^[24]. Даже это привитое отцом детское увлечение изучением природы останется на всю жизнь — не случайно Андрей Жданов будет поступать в сельскохозяйственный институт, а уже в последующие годы у него в доме будет солидная библиотека по биологии. «Но интересы его при обучении, — напишет позднее сын Юрий, — склонялись не к биологии, а к метеорологии и климатологии. К этим наукам он питал склонность всю жизнь, интересовался проблемой долгосрочных прогнозов (погоды. — А. В.)». Через три десятка лет уже член ЦК и прочая-прочая будет удивлять советских лётчиков-полярников совершенно неожиданными для кремлёвского небожителя познаниями в области метеорологии.

Первые годы страшного XX века были счастливым временем для маленького Андрея Жданова, проведённым в любви и достатке на природе сонной и патриархальной русской провинции. Даже события 1905—1907 годов откликнулись в Корчевском уезде лишь отдельными забастовками, а местные «террористы» из эсеров ограничивались так и не осуществлёнными прожектами взрыва железнодорожного моста через

речку Шошу, чтобы помешать переброске гвардейских войск из Петербурга во время декабрьских баррикадных боёв 1905 года в Москве.

В 1920-е годы в партийной автобиографии Андрей Жданов, пусть и казённым стилем, попытается изложить, как он впервые приобщился к политике:

«Детство моё прошло под влиянием революционных взглядов отца (к партии не принадлежал, но водил дружбу с социалистами и толстовцами), который дал основной толчок к созданию революционного мировоззрения. Так как отец симпатизировал более всего с.-д. (социал-демократам. — А. В.), то основное направление его воспитательной работы было марксистским. Как только я стал жить сознательной жизнью, а у меня она началась в 1904—1905 годах — я симпатизировал с.-д. и следил за всеми перипетиями их работы в промежуток 1906—1912 годов по тем источникам, которые имел (буржуазная пресса, брошюры издательств первой революции 1905—1906 годов)»^{25}.

При всей суконности официального изложения, несомненно, что в те годы десятилетний мальчик пусть ещё смутно, но интересовался большими событиями окружающего мира, тем более что дети очень чутко реагируют и улавливают, а часто и копируют интересы и симпатии родителей. Впрочем, этот первый интерес к политике у младшего поколения Ждановых был ещё абсолютно детским. Татьяна вспоминала: «Иногда мы, дети, собирались в бане на огороде и во всё горло пели там без стеснения революционные песни и кричали: "Царь дурак, чёрт!", "Долой самодержавие!"...»^{26} Жили Ждановы на самой окраине городка Корчевы, и неблагонадёжно дурачиться можно было без страха. Однако когда дети размалёвывали портреты царей и цариц в старых учебниках, их «творчество», по указанию матери, сжигалось от греха подальше.

Инспектор народных училищ Александр Алексеевич Жданов, обременённый большим семейством, ограничивался пассивным сочувствием революционным идеям, воздерживаясь от активного участия в какой-либо организованной нелегальной деятельности. Впрочем, в захолустной Корчеве и уезде было совсем немного возможностей для активности такого рода. События первой русской революции вторглись в семью Александра и Екатерины Ждановых известием о гибели брата — Павла Жданова. Они же оставили для младших членов семьи ещё смутную, не оформившуюся, но устойчивую симпатию к народническим, социалистическим и революционным идеям.

Все эти годы для маленького Андрея Жданова продолжалась

радостная мальчишеская жизнь. Беспечное счастье впервые оборвалось в начале весны 1909 года. Вернувшийся 12 марта из очередной служебной поездки по уездам 48-летний отец пожаловался на сильное утомление. На следующий день он слёг, а 16 марта Александра Алексеевича не стало...

Семья лишилась не только любимого человека, воспитателя, но и кормильца. «После его смерти, — писала Екатерина Павловна начальству покойного мужа, — я осталась без всяких средств к существованию с четверыми детьми, находящимися у меня на руках, в возрасте от 13 до 17 лет, причём младшим ребёнком является сын. Ввиду крайне тяжёлого материального положения, в которое я со своими несовершеннолетними детьми поставлена внезапной кончиной мужа, покорнейше прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать мне пособие в пределах, установленных законом»^{27}.

В Российской империи пенсионное обеспечение чиновников и их семей регулировалось довольно запутанной системой и во многом зависело от воли начальства, при этом учитывались срок службы, возраст и количество членов семьи. Для Ждановых вопрос с пенсией решился через полгода: «По положению Совета Министров, в 6 день октября 1909 года, Всемилостивейше соизволил на назначение вдове бывшего инспектора народных училищ Тверской губернии статского советника Жданова Екатерине Ждановой с четырьмя несовершеннолетними детьми — сыном Андреем, рождения 14 февраля 1896 года и дочерьми: Татьяной, рождения 23 апреля 1891 года, Анной, рождения 28 сентября 1892 года и Еленой, рождения 18 декабря 1894 года за свыше 23-летнюю службу Жданова, в том числе 2 года без пенсионных прав, усиленной пенсии по девятисот рублей в год, в одной половине вдове, а в другой — детям, с производством таковой пенсии со дня смерти Жданова — 16 марта 1909 года»^{28}.

Формально, по закону, «Всемилостивейше соизволил» назначить пенсию сам император всероссийский. Не догадывался он тогда, что определяет пенсию матери мальчика, который всего через восемь лет будет лично знаком по крайней мере с одним из тех, кто оборвёт жизнь царской семьи в подвале дома Ипатьева... Но вернёмся в затерявшийся между революциями мирный 1909 год.

С учётом, что самая крупная пенсионная выплата для обычного чиновника составляла 1143 рубля 60 копеек в год, вдове и сиротам Александра Жданова причиталась достаточно большая по тем временам пенсия. Но 75 рублей в месяц было в три раза ниже прежнего оклада покойного Александра Алексеевича. Столько получал не обременённый

семьей подпоручик — самый младший офицерский чин в армии.

Что же касается единовременного пособия от Министерства народного просвещения в 150 рублей, то львиная доля из них (87 рублей 58 копеек) вернулась в то же министерство в погашение каких-то ведомственных долгов покойного, остальные — «на восстановление кредитов», ушедших в печальный ритуал похорон. Екатерина Павловна снова робко взывала к губернскому директору народных училищ: «Не могу ли я ходатайствовать перед Вашим Превосходительством об увеличении суммы пособия, тем более что покойный муж мой оставил меня без всяких денежных средств»^{29}. Это прошение осталось без ответа.

Семья Ждановых столкнулась с бедностью. Конечно, это не была бедность большинства населения империи, регулярно голодавшего русского крестьянства. То была бедность «среднего класса», опрятная и неголодная, но оттого не менее обидная для образованных, интеллигентных людей. Надо было думать, как жить дальше. Старшие девочки, после отцовского воспитания не боявшиеся народной жизни, решили было податься в работницы Кузнецовской фарфорово-фаянсовой фабрики, располагавшейся в том же уезде, недалеко от Корчевы. Это было одно из известнейших производств художественного фарфора, принадлежавших купцам-старообрядцам, «фарфоровым королям» Кузнецовым. Но для работы на нём требовались отдельные виды на жительство, выдававшиеся полицией (в современной терминологии — фактически прописка, регистрация). Как несовершеннолетним сестрам Ждановым в их получении отказали.

Помогли родственники: старшую из дочерей взял к себе в семью брат покойного Иван Алексеевич, учитель женской гимназии города Переславль-Залесского Владимирской губернии; Анну и Елену на льготных по оплате условиях определили в Тверскую женскую гимназию. Вдове Александра Жданова с тремя детьми пришлось перебраться в Тверь.

Кончина Александра Алексеевича не прошла незамеченной среди его коллег и единомышленников. В журнале «Русский народный начальный учитель» (№ 8—9 за 1909 год) появился некролог на смерть Александра Жданова:

«Обладая выдающимся умом, значительной эрудицией, покойный был крупной и яркой личностью вообще и тем более редким явлением на горизонте незначительного города Корчевы и его уезда... Обладая сильным критическим талантом, он никогда не оставался глух ко всем несправедливостям и неправдам и в должных случаях не стеснялся указывать на недостатки в постановке дела в учебных заведениях. Его

критика порождала часто недоброжелательное отношение к нему заинтересованных лиц, про Александра Алексеевича говорили, что он не может "ладить"... и в результате было нисходящее движение по иерархической лестнице»^{30}.

Достаточно горькие, хотя и лестные строки.

Без сомнения, самым страшным ударом смерть любимого отца стала для тринадцатилетнего мальчика. «Андрюша, — вспоминала старшая из сестёр, — был глубоко потрясён смертью отца. Он долго не мог прийти в себя. Мы опасались за его здоровье. Он был совершенно неутешен, и никакие убеждения не могли на него повлиять. Андрюша стал как-то взрослее, и на весь его характер лёг отпечаток скорби»^{31}.

В этом тяжёлом состоянии он встретил пришедшийся на лето 1909 года переезд семьи в Тверь. Здесь, как только поступила назначенная семье пенсия, для мальчика наняли преподавателя, чтобы подготовить его к поступлению в реальное училище.

Тверское реальное казённое училище — именно так оно именовалось официально — располагалось на Миллионной улице, главной в городе, пересекавшей его исторический и административный центр от берега впадавшей в Волгу реки Тьмаки. Обучение в реальном училище стоило дешевле, чем в гимназии, — 60 рублей в год. Рассчитанная на шесть лет учебная программа отличалась от гимназической меньшим количеством «классических» предметов, вроде греческого языка, и большим упором на точные науки. Здесь обучались около трёх сотен подростков. В училище были кабинеты физики и естественных наук, а также чертёжный и рисовальный классы, имелась довольно обширная библиотека.

Андрей Жданов, переживавший смерть отца, осенью заболел и в училище пошёл уже в разгар учебного года. Мальчик маленького роста, ранее окружённый лишь семейной любовью, он попал в уже сложившийся детский коллектив со всеми понятными последствиями для новичков. Спустя 40 лет его бывший одноклассник и приятель Е.Д. Покровский оставил воспоминания о первом появлении Андрея Жданова в стенах реального училища:

«...В середине 1-й четверти к нам в III класс Тверского правительственного реального училища, выдержав экзамен экстерном на всё "отлично", поступил один ученик. Это был мальчик бедно, но опрятно одетый в дешёвенький чёрного цвета суконный костюмчик с галстуком. По училищным традициям того времени вновь поступающий ученик должен быть "окрещён", т. е. побит, и потому как он реагировал на такую

"встречу", зависело дальнейшее к нему отношение.

...Вновь поступивший мальчик Андрюша Жданов был физически слабым — как раз таким, на которых нападают безнаказанно... Я почувствовал симпатию к этому мальчику и сразу же решил взять его под свою защиту, и так как по кулачной части я был не из последних, то разогнал нападавших и предупредил, что если они ещё раз вздумают побить его, то я с ними разделаюсь как следует. Угроза помогла — новичок был оставлен в покое, а я приобрёл в нём своего первого постоянного и искреннего друга. Моему сближению с Андрюшей Ждановым способствовало ещё и то обстоятельство, что он жил недалеко от меня, на Смоленской улице, продолжавшей ту, на которой жил я. Мы ходили друг к другу, вместе проводили время... У моих родителей был граммофон с большим количеством разных пластинок, и мы часто подолгу просиживали, слушая произведения лучших композиторов»^[32].

Остальные «реалисты» быстро привыкли к новичку, оценив и его успехи в учёбе, и проявившуюся вскоре школьную дерзость. Отметим, что Андрей Жданов сумел удачно пройти нелёгкий для каждого новичка период и вписаться в чужой и непривычный ему коллектив. Эти «дипломатические» способности нашего героя ещё неоднократно проявятся в течение его жизни.

Пока же «реалист» Жданов погрузился в учёбу. Как вспоминал всё тот же Е.Д. Покровский, «Андрей обратил на себя внимание всех преподавателей своими недюжинными способностями с первой же четверти. Какое-то время его, как и всех учеников, вызывали к доске для опроса по заданным урокам. Но уже во второй четверти, убедившись в его исключительном прилежании и знаниях, перестали проверять устно. Проверяли его письменные классные и домашние работы. Однажды вместо нашего заболевшего учителя математики с нами стал заниматься другой. Он решил лично убедиться в том, что слышал от коллег о способностях нашего товарища и, вызвав к доске, задал ему самую трудную — по нашим тогдашним представлениям — задачу (что-то с перемножением 3-и 4-значных чисел). Внимательно выслушав условия задачи, мой друг будто бы задумался, чем вызвал явное разочарование учителя. Но Андрей, знаком остановив его вопрос о причинах затруднения, взял кусок мела и записал на доске длинный ряд цифр, а на вопрос, что сие означает, ответил: "Это произведение тех чисел, с умножения которых начинается решение задачи". Пораженный учитель сам, на доске, проверил результат и, не дожидаясь решения всей задачи, сказал: "Садитесь, Жданов, вы поразили меня!" После этого товарища нашего к доске не вызывали до самого окончания

училища. Он стал примером не только для одноклассников, но и для учеников старших классов...»^{33}

Как покажет будущее — у Андрея Жданова действительно были явные математические способности. Уже на высоких постах в 1920—1940-е годы он не раз удивлял и приводил в смущение разных чиновников, на ходу вылавливая в поступавших к нему справках и отчётах противоречивые цифры или элементарные арифметические ошибки.

В школьные же годы авторитет среди одноклассников Жданов завоевал не только блестящими способностями, но и, скажем так, активной общественной позицией и даже дерзостью в отстаивании своих интересов перед педагогами. Так, однажды у его класса возник конфликт со священником-преподавателем Закона Божия, который в отместку задал «реалистам» для подготовки к сочинению ещё десять глав «Деяний апостольских» в дополнение к уже ранее заданным. Ученики возмутились и направили делегацию к директору училища, а главой делегации выступал Андрей Жданов. Однако конфликт был разрешён не в пользу учащихся и вскоре в классах появилась карикатура на преподавателя Закона Божия со стихотворной эпиграммой:

Уж нас батюшка обставил —
Лишних десять глав прибавил.
Ещё гневаться изволит —
Реалист к начальству ходит.
Что ж — оно не мудрено —
Пузо больно велико.
А святительские брюхи
К интересам правды глухи^{34}.

Автором эпиграммы был конечно же герой нашей книги. Пожалуй, это первое из дошедших до нас свидетельств присутствующего ему сарказма — в дальнейшем объектами иногда безобидного, а часто весьма язвительного юмора товарища Жданова станут партийные начальники и советские министры, многие из которых будут бояться таких шуток не меньше прямого начальственного гнева.

Пока же отметим, что столкновение «реалиста» Жданова с преподавателем основ православия случилось одновременно с публикацией в «Богословском вестнике» цикла лекций его покойного отца по Ветхому Завету. Посмертное издание лекций Александра Алексеевича Жданова

было весьма высоко оценено православными богословами. При этом фраза из школьной эпиграммы — «А святительские брюхи / К интересам правды глухи» — ведь тоже не только плод самостоятельных умозаключений подростка Андрея, но в том числе и следствие влияния отцовского мировоззрения...

Вспомним и фразу из некролога о «сильном критическом таланте» покойного статского советника Жданова, и слова из воспоминаний старшей сестры об отце — «его языка боялись». Несомненно, герой нашей книги унаследовал эти качества.

Но Андрей Жданов не стал бы тем, кем стал на самой заоблачной вершине власти в СССР, если бы помимо юмора и сарказма не обладал быстрым умом, замечательными способностями и недюжинным дипломатическим талантом: даже в школьные годы конфликты с учителями не помешали ему ни отлично учиться, ни даже числиться на хорошем счету у начальства училища.

Учился он и в самом деле очень добросовестно и результативно. Не случайно по постановлению педагогического совета его неизменно награждали: Полным собранием сочинений писателя Д.В. Григоровича, юбилейным (к трёхсотлетию династии в 1913 году) изданием «Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича» и т. д.

Мальчик рано проявил и такие черты, как честолюбие и желание быть первым — самые незначительные неудачи в учёбе его серьёзно беспокоили. В ноябре 1914 года он, например, писал родственникам: «В прошлую четверть нежданно-негаданно из первого ученика переехал во 2-го. Причина — 3 по рисованию. Вся суть дела в том, что для 1-го ученика нельзя иметь тройки ни по одному предмету. У меня 11 пятёрок и 3 по рисованию, т. е. все пятёрки и одна тройка. У первого ученика 8 пятёрок и четыре четвёрки, т. е. баллы хуже моих. Я, понятно, лаялся с учителем рисования на чём свет стоит. Потом решил оставить его в покое, тем более что это мстительная и выжившая из ума руина (ему 92 года) может тройкой лишить меня готовальни...»^{35}

Серебряная готовальня — набор инструментов для чертёжных работ и рисования — по традиции дарилась лучшему выпускнику училища. И одинокая «тройка» грозила оставить честолюбивого подростка без такого отличия. Адресатом письма об этих учебных переживаниях было семейство младшего брата отца — «дядя Ваня и тётя Лида», как называл дядю с женой Андрей Жданов. В семье Ивана Алексеевича воспитывалась старшая сестра Татьяна, и сам Андрей не раз проводил школьные каникулы в доме дяди в Переславле-Залесском, в Горицкой слободе на самом берегу

прекрасного Плещеева озера.

Коллежский асессор Иван Алексеевич Жданов также окончил Московскую духовную академию и преподавал греческий и русский языки в Переславском духовном училище, а с 1914 года заведовал и созданной по его инициативе местной земской библиотекой. Дядя принадлежал к той же разночинной, народнической интеллигенции, что и покойный его брат. Не случайно в архивах переславской полиции была заведена отдельная папка с надписью «Дело Жданова И. А.».

Свою педагогическую деятельность дядя начинал в Харькове и вынес оттуда любовь к украинской, «малороссийской» песне. В Переславле-Залесском он местными силами ставил музыкальные пьесы «Запорожец за Дунаем» и «Наталка-Полтавка».

Вообще родственное сходство у Ждановых проявлялось очень сильно, круг симпатий и интересов у Ивана Алексеевича и покойного Александра Алексеевича был общим. По отзывам очевидцев, Иван «считал себя социалистом и в своей семье в этом духе воспитывал детей»^[36].

Андрею любящий дядя отчасти заменил отца. В 1930 — 1940-е годы Андрей Жданов, уже один из первых властителей СССР, будет не раз приезжать в Переславль-Залесский к двоюродным братьям и сестрам, помогая родственникам ремонтировать крышу дома, в котором он был когда-то, в детстве, счастлив...

После революции 1917 года И.А. Жданов станет начальником УОНО (Уездного отдела народного образования) и активистом общества «Пезанпроб» (Переславль-Залесского научно-просветительного общества). В 1920-е годы он будет с энтузиазмом изучать Переславский уезд, организовывать краеведческий музей и «естественно-научную» лабораторию при нём, оставит немало тетрадей по местным растениям и местному народному фольклору. Злые языки будут обвинять дядю в неуживчивости (вспомним характер его старшего брата) и злоупотреблении лишней рюмкой. Последнее, кстати, не раз будет звучать и в адрес главного героя нашей книги уже от его недоброжелателей. Не будем ханжами — похоже, мужчины в семье Ждановых действительно были не прочь хлопнуть рюмку, и Андрей Жданов впоследствии тоже мог залихватски гульнуть с песнями под гармошку. Но настоящие алкоголики и пьяницы не делают ни грандиозных государственных карьер, ни тем более не оставляют столь обширное, просто необъятное рабочее наследство. Чрезвычайная работоспособность, которая в 1920—1940-е годы отличала товарища Жданова, просто не совместима с подточенной алкоголем личностью. Так что эти слухи пусть останутся на совести злых языков.

Рассказывая о родственниках Ждановых в Переславле-Залесском, нельзя не упомянуть один весьма колоритный исторический казус. В 1923 году замечательная художница Ольга Людвиговна Делла-Воскардовская углём и мелом напишет портрет провинциального интеллигента, своего хорошего знакомого Ивана Алексеевича Жданова. Но куда больше она известна дореволюционными портретами Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. А ведь политическая история России и история русской литературы в дальнейшем по-своему, но очень тесно свяжут имена поэтессы А.А. Ахматовой и политика А.А. Жданова.

К 11 августа 1914 года все великие державы Европы уже объявили друг другу войну. Бельгия уже трещит под натиском германского наступления, русская императорская армия только-только переходит границы Восточной Пруссии и австрийской части Галиции. Но в центральных губерниях России о войне пока напоминают только бодрые и насквозь пропитанные казённым патриотизмом строки газет. В этот день наслаждавшийся летними каникулами реалист Жданов из дома дяди пишет своей бабушке вполне милое и такое нарочито детское письмо:

«Милая и дорогая бабушка!

Крепко вас целую. Спасибо вам, дорогая бабушка, за память обо мне. Я перешёл теперь в последний VII класс Тверского реального училища, так что осталось учиться в Твери только год. Учусь я первым учеником; каждый год перехожу с наградой первой степени.

В нынешнем году экзамены пришлось держать с 28 апреля по 4 июня, и я сильно утомился. Летом ездил в Крым с экскурсией, а после неё дней через 9—10 поехал к дяде Ване на лето. У дяди я встретил самый радушный родственный приём и время провёл чудесно.

Жаль только, что скоро придётся покинуть Переславль: 16 августа — начало занятий. Живя в Твери, совсем не имел о вас известий. Напишите мне, дорогая бабушка, о себе. Желаю вам здоровья и всего хорошего. Кланяюсь всем родным.

Любящий вас внук Андрей Жданов.

11 августа 1914 года, Переславль»^{37}.

Через несколько дней наш герой вернётся в Тверь, в седьмой, последний класс училища, который в реальных училищах был дополнительным, и в нём обучались только те ученики, которые готовились к поступлению в высшие учебные заведения.

Интересный факт: в реальном училище музыку и пение преподавал начинающий композитор и регент местного церковного хора Александр Васильевич Александров. Тогда будущий автор музыки гимна СССР и

будущий создатель знаменитого военного ансамбля песни и пляски учил музыкальным премудростям способного «реалиста» Андрюшу Жданова. Через 25 лет могущественный член политбюро А.А. Жданов поспособствует принятию в члены ВКП(б) вернувшегося с гастролей в Нью-Йорке народного артиста СССР дирижёра А.В. Александрова...

Но вернёмся в Тверь. Параллельно с учёбой «реалист-семиклассник Андрей Жданов в силу ограниченности в средствах был вынужден подрабатывать репетиторством. В сентябре 1914 года он напишет дяде Ивану: «Сейчас испытываем хроническую болезнь — катар финансов. В этом сентябре приступы его начались уже с 10-го сентября. Мне, однако, удалось на днях получить с ученика 10 карбованцев, что было очень кстати...»^{38} Отметим характерное малороссийское слово «карбованец» (рубль), явно подхваченное подростком у когда-то жившего в Харькове дяди.

На последнем году обучения Андрея в училище семью Ждановых, да и всё российское общество, затронет война, превратившаяся к концу 1914 года в затяжную, никем не ожидаемую многомиллионную бойню. Сестры Елена и Анна благородно и мужественно поступят в духе народнической русской интеллигенции, готовой быть с народом в трудные минуты, — девушки пойдут на шофёрские курсы и после их окончания добровольцами отправятся на фронт, будут перевозить на грузовиках раненых.

Не останется в стороне от помощи раненым и Андрей. В одном из писем дяде он сообщит: «У меня теперь пропасть дел. Я заведую волшебным фонарём во многих госпиталях Твери, так что редко вечер выдаётся свободный...»^{39} Упомянутый «волшебный фонарь» — это распространённый в начале XX века диаскоп для световой проекции изображений, рисунков и фотографий — активный «реалист» Жданов занимался обеспечением досуга раненых в тверских госпиталях.

За этими хлопотами с репетиторством и посильной помощью жертвам войны Андрей не забудет и учёбу. Волнения по поводу единственной «тройки» за рисование закончатся благополучно. 30 апреля 1915 года, получив на выпускных экзаменах тринадцать «пятёрок» и одну «четвёрку» (всё по тому же рисованию), «сын чиновника Андрей Александрович Жданов, исповедания православного», стал обладателем свидетельства об окончании седьмого класса Тверского реального казённого училища. «По сему он, Андрей Александрович Жданов, — написано в свидетельстве, — может поступить в высшее учебное заведение с соблюдением правил, изложенных в уставах оных, по принадлежности»^{40}.

Законы Российской империи не позволяли выпускникам реальных училищ, в отличие от гимназистов, поступать в университеты. Да у семьи Ждановых и не было средств для оплаты университетского образования. В итоге Андрей выбрал учебное заведение с минимальной оплатой и соответствовавшее его интересам по изучению природы — он решил поступать на сельскохозяйственный факультет Московского сельскохозяйственного института.

Этот вуз возник вскоре после отмены крепостного права, как Петровская земледельческая и лесная академия, расположившаяся в выкупленном имении графов Разумовских. С тех пор этот посёлок, тогда расположенный на окраине Москвы, получил имя Петровско-Разумовское, а Петровская академия со временем стала именоваться Московским сельскохозяйственным институтом. Ныне это известная Тимирязевка — Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева.

Как писал в начале XX века Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Московский сельскохозяйственный институт «имеет целью доставлять высшее образование по сельскому хозяйству и по сельскохозяйственному инженерному искусству». Обучались в институте четыре года, плата за обучение и пансион в студенческом общежитии составляла 400 рублей в год.

Летом 1915 года в институт поступило прошение директору Московского сельскохозяйственного института от сына статского советника Андрея Александровича Жданова:

«Желая для продолжения образования поступить в Московский сельскохозяйственный институт на сельскохозяйственное отделение, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о допущении меня к состязательному экзамену. На основании Высочайше утверждённого Положения обязуюсь, во время пребывания меня в нём, подчиняться правилам и постановлениям института»^{41}.

К прошению прилагались: аттестат об окончании полного (шестилетнего) курса реального училища, свидетельство об окончании курса дополнительного (7-го) класса, метрика (свидетельство о рождении), документ о приписке к призывному участку (новое веяние мировой войны) и три фото с собственноручной подписью просителя.

Состязательные, то есть вступительные экзамены Жданов сдал успешно. В дополнение к учёбе на сельскохозяйственном отделении, 15 сентября 1915 года он записался ещё и вольнослушателем экономического отделения Московского коммерческого института. Его «предметную книжку» — сейчас мы называем такой документ «зачёткой» — из этого

института в декабре 1948 года, вскоре после смерти члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б), перешлёт на имя «товарища Сталина» бывшая квартирная хозяйка Жданова в Твери А.П. Патрикеева (с её сыном Колей Андрей Жданов дружил в юности).

Начавшаяся с таким энтузиазмом учёба в Москве продолжалась недолго — фактически один первый семестр. Причиной тому стали, во-первых, банальная нехватка средств на оплату учёбы и проживания в «старой столице»; во-вторых, молодого человека всё больше увлекали дела сугубо политические...

Сохранилось его заявление директору института от 15 февраля 1916 года: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство отсрочить мне взнос платы за 2-е полугодие ввиду отсутствия материальных средств, до 15 марта сего года»^{42}. Судя по всему, взнос за второй семестр так и не был уплачен первокурсником Ждановым. Однако его официальные отношения с Московским сельскохозяйственным институтом в том году прекратились не сразу. Весной 1916 года он ещё выполнял учебные задания по сбору каких-то статистических данных о сельском хозяйстве Корчевского уезда Тверской губернии, пытаясь сочетать учёбу с работой мелким земским чиновником.

В начале лета 1916 года он уже сообщал в письме дяде Ивану: «Моя внешняя жизнь сложилась так: служил в Твери в городском комитете по борьбе с дороговизною, получал по 45 р. в месяц. Недавно службу прикончил по собственному желанию. Причина: полное отсутствие работы, ту же работу, которая была, я считаю совершенно неподходящей к себе. Нечто машинное. Предложили мне место на фронте помощником заведующего лавкой, жалование 60 р., содержание, чин прапора, обмундирование, подъёмные. Решил не брать...»^{43}

Вот так — ни учёба в институте, ни спокойная, но нудная карьера мелкого чиновника в губернии или армейском тылу девятнадцатилетнего Андрея Жданова не привлекали. Неудивительно — ещё в 1915 году он начал достаточно тесно общаться с тверскими социал-демократами.

В начале 1920-х годов уже начинающий партийную карьеру товарищ Жданов в одной из анкет оставит подробное описание этого отрезка своей биографии. Очень серьёзным «партийным» языком, старательно и подробно опишет он свои первые шаги в политике:

«...В 1912 году, 16 лет, в бытность в 5 классе вместе с Афанасьевым, ныне председателем союза кожевников, организовали кружок учащейся молодёжи для изучения социал-демократических идей. Вместе с т.

Афанасьевым держались направления "Правды", которую в это время получали. Кружок, организованный из пятиклассников, не получил оформленного политического направления, так как состоял из публики незрелой, неуравновешенной, неподготовленной, какими были и его руководители.

В таких же кружках, не имевших связи с партией, но уже более определённого направления, работал и в 1913 году, когда, между прочим, кружок пытался развернуть социал-демократическую пропаганду среди учащихся женской гимназии и реального училища, издавши письменное воззвание к учащимся о необходимости борьбы за передовые идеи передового класса.

В 1914 году вновь организовался кружок, уже более обширный, с включением гимназистов и семинаристов двух семинарий, учениц коммерческого] училища и шк[олы] Максимовича, человек до 20, в кружке были и народники, эсеры. Кружок имел связь через отд. членов и с партией РСДРП большевиков... В кружке господствовало большевистское направление и члены его большей частью вступили в партию РСДРП большевиков — часть в подполье, частью вскоре после февральской революции, и являлись, как и являются теперь, ответственными партработниками...

В 1915 году почти все члены кружка кончили среднюю школу и поступили в высшую школу, причём я в Московский с/х институт. В то время я... в сентябре месяце участвовал в редактировании и выпуске листовок Пресненского районного комитета РСДРП большевиков. В то же время уже будучи студентом я посещал занятия легального студенческого кружка в Петровке, в котором велась и марксистская и народническая работа.

Принимал участие в Тверском землячестве и был его казначеем. В землячестве сидели народники. Большевиков было 4—5, большей частью из нашего тверского кружка, которые после борьбы вынесли декларацию об уходе. В это время я решил вступить в партию и начать работу в рабочих кружках. Бросил студенчество и уехал в Тверь, решив связаться с партийной организацией и влиться в её ряды... Ноябрь 1915 года я считаю своим вступлением в ряды партии большевиков. С начала 1916 года работал в качестве пропагандиста, а в марте 1916 года на собрании активных работников организации кооптирован в ТК (Тверской комитет. — А. В.) РСДРП большевиков. Работал под кличкой "Юрий". В комитете было трое: кроме нас — Вилькс из латыш.[ской] организации, кличка "Мексиканец". Весна и лето 1916 года прошли в горячей работе. Нами было

выпущено 3 листовки, проводилась кампания Военно-пром.[ышленных] комитетов и т. д.»^{44}.

Конечно, изложенные столь серьёзным языком истории о школьных кружках «для изучения социал-демократических идей» в прозаической реальности были обычным интересом подростков к радикальным и романтическим идеям. Но несомненно, что Андрей Жданов стал активно интересоваться нелегальной политикой ещё во время учёбы в реальном училище. Равно не приходится сомневаться и в том, что он сразу, без заметных колебаний и поисков, примкнул именно к социал-демократам. Куда более популярные в те годы эсеры или анархисты его не привлекали. Это свидетельствует об определённом багаже политических знаний и интересе к марксизму. Менее очевидны его фракционные симпатии. Впрочем, в провинции Российской империи деление на большевиков, меньшевиков и прочие течения внутри РСДРП было куда менее выраженным, чем у вождей в эмиграции.

Указанный в автобиографии срок вступления в ряды партии достаточно условен — в подпольной организации формальности не соблюдались. При всей этой условности 1916 год Андрей Жданов встретил уже как участник нелегальной социал-демократической деятельности. Об этом свидетельствует самый авторитетный и компетентный орган в данном вопросе — Тверское губернское жандармское управление. В недрах его секретных архивов остался документ за номером 509 от 16 сентября 1916 года с отчётом филёров наружного наблюдения:

«... 8 мая сего года квартиру проходившего наблюдение в Твери по партии с.-д. крестьянина Лифляндской губернии Рижского уезда Адатовской волости Роберта Викмана по кличке "Рыжий", по постановлению Министра Внутренних дел подчинён частному надзору полиции на два года, за принадлежность к Рижской РСДРП... посетил неизвестный наружному наблюдению в форме Московского сельскохозяйственного института студент, который пробыл 1 ч. 20 мин., вышел с находившимся в означенной квартире, проходившим также по наружному наблюдению, по той же с.-д. партии, и подчинённый тому же гласному надзору полиции, за принадлежность к той же Рижской с.-д. рабочей партии... Германом Вилькс, по кличке "Ночной", с которым был проведён в квартиру названного Вилькса, откуда через несколько времени вышел и был проведён в д.[ом] Андреева, по Рыбацкой улице, где, по установке, оказался почётным гражданином гор. Мариуполя, студентом Московского сельскохозяйственного института Андреем Александровичем Ждановым.

Кроме сего были получены 15 мая с. года агентурные сведения, что бывший реалист Тверского реального училища Жданов... 7 мая сего года вращался среди рабочих, собравшихся в саду против Городской управы, где в то время проходили выборы в Военно-промышленные комиссии»^{45}.

Заметим, что жандармский документ, так и оставшийся неизвестным Жданову, во многом подтверждает данные его автобиографии начала 1920-х годов, даже причастность к антивоенной агитации во время выборов в губернском военно-промышленном комитете. Подтверждается знакомство с рижским социал-демократом Германом Вильксом, носившим подпольную кличку Мексиканец и известным полиции по кличке агентурного наблюдения Ночной. Кстати, в годы Гражданской войны товарищ Вилькс (Вилке) будет комиссаром 17-й кавалерийской дивизии Червоного казачества и погибнет в бою. А упомянутый Роберт (Пётр) Викман, высланный из Риги в Тверь под гласный надзор полиции, в 1919 году станет председателем Тверской губчека.

Всё же история любит поразительные шутки. Их превосходительство начальник Тверского губернского жандармского управления генерал-майор Василий Антонович Шлихтинг (из русских немцев) и в страшном сне не мог заподозрить, что всего через три-четыре года поднадзорный латыш займёт фактически его кресло, а неблагонадёжный студент сельскохозяйственного института станет, по сути, тверским губернатором.

Пока же тверской социал-демократ Андрей Жданов, даже проштудировав Маркса, тоже не мог предположить близкую революцию и с тайной гордостью носил подпольную кличку Юрий. Не случайно именно этим именем он назовёт своего первого и единственного сына.

В августе—сентябре 1915 года при попытке подпольно напечатать в Москве большой тираж листовок для Тверского комитета РСДРП полиция арестовала почти весь актив тверских социал-демократов. Среди арестованных был, например, 27-летний латыш Мартин Лацис, организатор Тверской социал-демократической латышской группы, а в близком будущем — второй человек в ВЧК. Для замены арестованных товарищей подпольщики Твери в конце осени 1915 года провели собрание партийного комитета и актива, на котором и решили привлечь к нелегальной работе сочувствующую молодёжь. На том собрании присутствовал и девятнадцатилетний Андрей Жданов.

Как вспоминала Е.И. Троицкая, одна из участниц тверского нелегального кружка, «из учащейся молодёжи, примыкавшей к Тверскому комитету РСДРП были организованы коллегии пропагандистов и техников. В коллегии пропагандистов вошли Андрей Жданов, Николай Патрикеев,

Пётр Поспелов, Михаил Константинов (Михеев), Александр Горкин»^{46}.

Как видим, наш герой с самого начала «специализировался» именно на пропаганде. Примечателен этот список имён его сверстников и товарищей по тверской «нелегальщине». Тогда двадцатилетний Николай Нилович Патрикеев, мать которого и сохранит ждановскую зачётку, после революции станет одним из руководителей Наркомата внешней торговли СССР (он единственный из этой компании молодых людей, кто не переживёт 1937 год). Семнадцатилетний Пётр Николаевич Поспелов в будущем возглавит редакцию «Правды», главной газеты страны, а 25-летний Михаил Михайлович Константинов станет редактором «Тверской правды». Восемнадцатилетний Александр Фёдорович Горкин через полвека займёт должность главного судьи в государстве — председателя Верховного суда СССР. Становится даже немного жаль тверских жандармов — они были уверены, что надзирают за экстремистами, отбросами общества, врагами царя и отечества, а получилось, что следили за элитой будущего великого государства...

Главной задачей Андрея Жданова в Тверском комитете РСДРП была организация распространения и «подписки» на нелегальную прессу — в 1915—1916 годах местные марксисты получали газету «Социал-демократ», бывшую тогда центральным органом большевистской фракции, редактировавшимся самим Лениным в Швейцарии, и газету «Пролетарский голос», издание Петербургского комитета РСДРП. Это было небольшое количество экземпляров, нерегулярно поступающих в Тверь из Москвы или Петербурга.

Через шесть лет, которые вместят революцию и Гражданскую войну, в 1922 году, заполняя анкету всероссийской переписи членов РКП(б), Андрей Жданов, уже председатель Тверского губисполкома (то есть фактически губернатор), тщательно суммирует свой подпольно-революционный путь. В графе «революционный опыт» он напишет: «Участие в студенческих движениях — 1, в подпольных кружках — 2, в нелегальных массовках и митингах — раз 10, в маёвках — до революции — 1»^{47}.

Неопределённый студенческий статус и начавшуюся подпольную деятельность нашего героя в июле 1916 года прекратит мировая война. В те июльские дни она достигла своего апогея: на фронте во Франции гроыхала позиционная битва на Сомме, в которой обе стороны потеряют убитыми и ранеными свыше миллиона человек; одновременно на Украине русская армия начала наступательную операцию против австрийцев, известную позднее как Брусиловский прорыв, здесь потери обеих сторон

убитыми, ранеными и пленными достигнут двух миллионов. Война требует всё новых и новых пополнений, мобилизация становится всеобщей и перманентной.

7 июля 1916 года нелегальный тверской социал-демократ с партийной кличкой Юрий представил в Московский сельскохозяйственный институт справку: «Даю сведения канцелярии, что я призван на военную службу, как родившийся в 1896 году. Студент с/х отделения Андрей Александрович Жданов»^{48}.

В тот день в Белоруссии русские дивизии Западного фронта начали безуспешный штурм города Барановичи — многочисленными атаками удалось захватить лишь первую линию немецких траншей, потеряв за несколько суток боёв 80 тысяч человек. Ни российская монархия, ни её армия к мировой войне были не готовы. Не хватало всего — от винтовок до младших офицеров (и то и другое в первую очередь массово терялось на поле боя). Но если винтовки ещё можно было за тонны золота купить в Японии или США, то офицеров нельзя было ни «купить», ни назначить из солдат: большинство солдатской крестьянской массы было либо неграмотно, либо едва умело читать. В итоге на роль офицеров стали призывать кого угодно, лишь бы они обладали достаточным образованием, а таковых в той России было не так уж много.

Именно поэтому неблагонадёжному студенту Жданову, как человеку с неплохим по тем меркам образованием, после призыва была предопределена карьера младшего офицера воюющей армии. Сначала он около месяца проходил начальную солдатскую подготовку в Царицынском студенческом батальоне, где служили неблагонадёжные элементы из образованных и откуда выйдет немало активных участников совсем близкой Гражданской войны. После короткой подготовки уже 4 августа 1916 года Жданова отправляют в Грузию, в Тифлис.

3-я Тифлисская школа подготовки прапорщиков пехоты была одним из пятнадцати созданных по всей империи центров ускоренной подготовки младших командиров. Прапорщик был самым низшим офицерским чином в русской армии военного времени. Школы прапорщиков комплектовались любыми гражданскими лицами, имевшими образование хотя бы в объёме выше начального училища. Курс обучения составлял всего три-четыре месяца. Будущим самым младшим командирам действующей армии преподавали азы военной науки в соответствии с реальным опытом мировой войны.

С весны 1916 года 3-я Тифлисская школа прапорщиков предназначалась исключительно для бывших студентов. Всего же в

Тифлисе располагалось пять таких школ. Их юнкера носили светло-синие погоны с галуном и цифрами соответствующей школы.

После 1917 года выпускников школ прапорщиков разбрасает по разные стороны баррикад. Епифан Ковтюх, будущий главком красной Таманской армии и прообраз главного героя трагической книги Александра Серафимовича «Железный поток», окончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков за полгода до появления в ней юнкера Жданова.

По воскресеньям и во время православных праздников занятия не проводились, в эти дни юнкера могли получить увольнение в город. Любознательный бывший студент Жданов, конечно, пользовался такой возможностью. Так, в центре Закавказья, в оживлённом и гостеприимном Тифлисе он не только изучил стрелковое дело с тактикой. С детства склонный к музыке, Жданов быстро освоил некоторые грузинские мелодии и народные песни. Тогда он ещё не подозревал, что буквально через несколько лет судьба на всю оставшуюся жизнь сведёт его с грузинским большевиком Джугашвили. Их будущей дружбе поспособствует некоторое знакомство Жданова с грузинской культурой. И на совместных посиделках они будут хором петь русские, украинские и грузинские песни, переходя, по мере продвижения застолья, к хулиганским частушкам и куплетам. Впрочем, хоровое пение и потребление горячительных напитков будут совсем не главными их занятиями.

Пока же будущий Сталин находился в ссылке под Туруханском, а в тверскую жандармерию поступила копия секретного сообщения саратовских жандармов начальнику Тифлисского губернского жандармского управления № 42396 от 26 августа 1916 года:

«4-го сего августа студент сельскохозяйственного института Андрей Александрович Жданов, находившийся в гор. Царицыне на военной службе в подготовительном учебном батальоне, отправлен в 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков.

Названный Жданов по сообщению начальника Тверского Губернского жандармского управления от 4-го сего августа за № 445 в г. Твери входил в сферу наружного наблюдения по партии с.-д.

Об изложенном сообщая для сведения»^{49}.

Впрочем, жандармские сведения не очень интересовали прошедших германский фронт преподавателей школы прапорщиков. Они заботились о том, как бы поскорее вколотить в головы вчерашних студентов основы окопной жизни и передать свежее испечённых офицеров в армию, где немецкие снаряды и пули уже не различали ни социал-демократов, ни монархистов.

К концу декабря 1916 года юнкер Жданов окончил курс подготовки. 28 декабря он писал своим «дорогим храпоидолам» — тверским приятелям:

«С 20-го числа ждём производства в прапорщики. Давным-давно уже в тумбочках около кровати лежат пальто "со звёздочкой", шашка, в чемодане револьвер... и другие предметы офицерского снаряжения, а время идёт и идёт.

Возможно, что ранее Крещенья в Твери не буду. Сейчас сидим и ни черта не делаем, юнкера курят, играют в карты. Начальство махнуло рукой, ибо мы почти уже "офицеры", и не вмешивается во внутренний распорядок нашей жизни. В этом отношении мы пользуемся долей свободы... В наших краях пробуду дней 10—12. Затем поеду в Казанский округ и поселюсь где-нибудь в Самаре или Нижнем Новгороде, смотря по тому, где будет вакансия. Ближе к родным местам пристроиться не удастся, ибо я кончил школу 121-м (из 230), а в Москву и Питер выбирают кончивших в первой сотне...

Рефлексиями теперь страдаю мало, хотя почва для них богаче, чем когда бы ни было. Не скажу, чтобы у меня было эпическое спокойствие, но нет и больших нравственных терзаний. Здесь страшно пусто, скучно, но надо во всякой обстановке извлекать материал для жизни, иначе и жить не стоит. Ко мне, как и везде, хорошо относятся товарищи. У нас есть хороший народ. Я не нахожу, чтобы военщина наложила большой отпечаток на всех нас, хотя это должно быть видно со стороны. В сущности, мы все остались прежними, только огрубели и появились новые интересы. Но это всё наносно, поверхностно... Я всё тот же, что и был, так же хочу прежней вольной жизни. Но пока её нет, лучше не мучить себя несбыточными надеждами. Придёт время, развернёмся»^[50].

Как видим, и здесь проявились коммуникабельность и дружелюбие нашего героя — «Ко мне, как и везде, хорошо относятся товарищи. У нас есть хороший народ». А вот энтузиазма в военной карьере прежде честолюбивый в учёбе Жданов не проявил — окончил курс середнячком, не попав ни в первые, ни в отстающие.

Двадцатилетний юнкер и не предполагал, что спустя четверть века будет профессионально заниматься вопросами военной промышленности и командовать фронтами в новой мировой войне, по итогам которой наденет золотые погоны генерал-полковника. Пока же, к середине января нового, 1917 года, их выпуск 3-й Тифлисской школы, наконец, получил по одинокой маленькой звёздочке прапорщика на погоны и отбыл к местам назначения в запасные пехотные полки.

Глава 3.

«ШАДРИНСКИЙ ГУСЬ»

В середине февраля 1917 года, накануне своего по законам Российской империи полного совершеннолетия, юный выпускник 3-й Тифлисской школы прапорщиков прибыл по распределению в 139-й запасной пехотный полк. Эту учебную часть, расположенную на юге Зауралья в уездном городе Шадринске огромной Пермской губернии, отделяло от войны почти две тысячи вёрст.

На третий год боёв прожорливый германский фронт ежедневно требовал от России 15 тысяч человек нового пополнения. Увеличение числа призываемых побудило военное ведомство империи с середины 1916 года начать формирование запасных пехотных полков. К началу следующего года их насчитывалось уже свыше трёхсот, в них проходили военную подготовку 600 тысяч вчерашних крестьян. По мере готовности от запасных полков отпочковывались маршевые роты, которые под командованием таких, как наш герой, скороспелых прапорщиков отправлялись на фронт. По статистике Первой мировой войны прапорщики на передовой в среднем жили десять дней, именно на них приходится самый высокий процент боевых потерь среди офицеров и рядовых.

Прапорщик Жданов был назначен взводным командиром 10-й роты. На удивление, наш герой не был единственным большевиком размещённого в уральской провинции запасного полка. Скромную, но немаловажную должность рядового писаря при штабе занимал тридцатилетний Николай Иванович Уфимцев, вступивший в РСДРП ещё в 1906 году. Среди рядовых служил сочувствовавший большевикам бывший преподаватель мусульманской начальной школы 25-летний Галиулла Касимов. На два месяца раньше прапорщика Жданова рядовым в 139-й полк попал и ветеран социал-демократического движения сорокалетний ивановский ткач Евлампий Александрович Дунаев, член РСДРП с 1898 года, но он бежал из полка за несколько дней до прибытия Жданова. Идеальный дезертир Дунаев нелегально пробрался в Нижний Новгород, где в первые дни после отречения Николая II примет участие в штурме резиденции губернатора. Однако даже за несколько суток до Февральской революции в засыпанном снегом Шадринске, как и во всей России, ещё ничто не свидетельствовало о приближении столь эпохальных событий.

Этот зауральский городок возник в середине XVII века, когда на берегу

впадающей в Тобол реки Исети на Шадринской заимке казаки основали первый русский острог. Во время пугачёвского бунта здесь базировались царские войска, действовавшие против повстанцев. Славился Шадринск и особо крупными мясистыми гусями уральской, или шадринской, породы, выведенной от приручённых диких гусей Сибири. По народным уральским «сказам», шадринских гусей поставляли в Санкт-Петербург, отправляя птиц своим ходом. Их выгоняли весной маленькими гусятами, а пригоняли осенью уже взрослыми. Чтобы не стирались лапки, им делали башмачки из глины. Куда вероятнее, что ночью спящих гусей перевозили на телегах, а днём гнали, чтобы они могли щипать траву.

Когда наш герой после убийства Кирова станет, по словам Троцкого, «ленинградским наместником Сталина», он учредит в Северной столице свой литературный конкурс. На первом (и последнем) конкурсе в 1936 году победит историческая повесть уральского писателя Евгения Фёдорова «Шадринский гусь». Ленинградские литераторы не без оснований будут подозревать, что первый секретарь горкома и обкома в подведении итогов составил протекцию этому произведению, основанному на народных сказаниях не чужого ему Шадринска.

Помимо гусей, затерянный на Южном Урале Шадринск прославился в истории России прежде всего «картофельными бунтами» крестьян в середине XIX века. Чиновники Николая I заставляли тогда казённых крестьян переходить с зерна на картошку и слёзно писали начальству: «... Картофку, окаянные, не берут для посадки...» Тёмные крестьяне сочли насильственную посадку неведомой «картофки» одним из признаков начинающегося конца света. Среди крестьян пошли раскольничьи слухи, что «картофель есть отрощение того заветного яблока, за которое лишился блаженства первоначальный человек, и что когда оно с проклятиями было брошено на землю, то от него родился картофель и, следовательно, семя сие есть антихристово»^{51}. Крестьян просветили в ортодоксальном богословии при помощи войск, многих отправили просвещаться дальше на каторгу...

Сохранившаяся в бывшем Центральном партийном архиве КПСС рукопись неизвестного автора свидетельствует о первых днях пребывания прапорщика Жданова в уездном городе: «Хотя А.А. и был уже офицером, но он чувствовал себя студентом, а потому, прибывши в Шадринск, стал искать соответствующей среды...»^{52} Пусть в те годы Шадринск и насчитывал менее семнадцати тысяч жителей, «соответствующая среда» быстро нашлась. В городе был свой круг общения местной интеллигенции.

Высших учебных заведений Шадринск не имел, но в семьях горожан выросло немало студентов, обучавшихся в губернских центрах. В самом же уездном городе были одно мужское реальное училище, женская гимназия и несколько начальных училищ. Имелись две публичные библиотеки и три книжных магазина.

Бывший московский студент поначалу стал частым гостем в доме купца Гордея Моисеева. В этом двухэтажном особняке на Преображенской улице в центре города регулярно собиралась шадринская молодёжь, в семье Моисеевых были три студента и богатая, по местным меркам, библиотека. Накануне революции наследники капитала Моисеевых сочувствовали эсерам. За несколько лет до начала мировой войны старший купеческий сын Адриан привёз из Петербурга эсеровские листовки и поручил приказчикам отца разложить их по сапогам в семейном обувном магазине. В итоге один из приказчиков попал в тюрьму, а купеческого сына спасли связи и деньги отца.

Шадринск вообще был купеческим поселением с нравами, похожими на те, что описывал в своих пьесах А.Н. Островский, с добавкой сибирского размаха и раскольничьего колорита. «Купечество составляет здесь всё... — писал именно об этом зауральском городке Д.Н. Мамин-Сибиряк в романе «Хлеб». — Сообразно этому купеческому складу устроился весь город. Купец сказывался во всём».

Молодой прапорщик и не подозревал, что в доме шадринского купца Моисеева определится его личная судьба на всю оставшуюся жизнь — здесь он через пару месяцев по прибытии познакомится с Зинаидой Кондратьевой, выпускницей местной женской гимназии, своей будущей женой. Девушка была ровно на два года и два месяца младше нашего героя. Окончив гимназию, она, как и Андрей Жданов, уже прожила один год студенческой жизни и только в мае 1917 года вернулась в Шадринск из Петрограда, где с осени 1916-го училась на Высших женских сельскохозяйственных стебутовских курсах.

Их переросшее в любовь знакомство неудивительно — у молодых людей было слишком много общего. Отец Зинаиды Александр Иванович Кондратьев, так же как и отец нашего героя, был уроженцем Шацкого уезда Рязанской губернии, работал в земской управе и был удостоен личного дворянства. Пострадал он и за свои вольнодумные убеждения — в годы первой русской революции поддержал крестьянское антипомещичье движение и в 1906 году был сослан за Урал в Шадринский уезд, где числился писарем в управе Осиновской волости и подрабатывал починкой обуви. У Зинаиды было ещё две сестры и трое братьев.

Андрей и Зина были равней даже в строго юридическом смысле — оба принадлежали к сословию «почётных граждан». Сословное деление тогда было определяющей частью жизни и быта, закреплено силой традиций и законов российской монархии. Эту средневековую норму отменит в конце 1917 года партия, в которой состоял Андрей Жданов.

Но вернёмся в первые дни весны 1917-го. Уроженец Шадринска, тогда двадцатилетний ученик Тобольской семинарии Николай Буткин так вспоминал прапорщика Жданова: « А.А. был удивительно милым товарищем, очень весёлым и остроумным человеком. Был большим выдумщиком. Очень любил петь и участвовать в любительских спектаклях»^{53}.

Неудивительно, что провинциальная гимназистка из революционной семьи ответила взаимностью такому обаятельному московскому студенту. Влюблённый Жданов при первой возможности прибегал из полка в редакцию единственной в городе газеты «Исеть» и развлекал сотрудников и свою возлюбленную пением. В ту «доисторическую эпоху» даже патефоны были роскошью, а радио воспринималось как элемент научной фантастики, и поющий и играющий на рояле прапорщик был вне конкуренции. «Он то и дело соблазнял сотрудников редакции петь песни, — пишет о Жданове шадринский очевидец. — Ради этого бросались все дела, и сотрудники с большим увлечением предавались концертным занятиям...»^{54}

Штаб и основные части 139-го пехотного полка располагались в самом центре Шадринска, на углу улиц Николаевской и Весёлой, в построенном к 1914 году новом здании городского реального училища. Это двухэтажное каменное здание было самым большим во всём уезде. Помимо запасного полка в Шадринске имелись и иные признаки большой войны — два госпиталя для раненых, три сотни семей беженцев из западных окраин империи и лагерь военнопленных, в котором содержалось две тысячи немцев и подданных Австро-Венгрии всех национальностей, а также пара сотен турок.

Неподалёку от штаба на Николаевской улице располагалась кондитерская Анны Тимофеевны Павловой. Хозяйка обитала тут же, у неё и квартировала гимназистка Зина Кондратьева, чьи родители жили в 25 верстах от Шадринска в селе Осиновском. В 20-е годы XX века Николаевскую и Весёлую улицы переименовывают соответственно в улицы Ленина и Либкнехта. Но пока имена этих товарищей в Шадринске были мало кому известны, за исключением, пожалуй, Андрея Жданова и его немногочисленных приятелей по политике.

Революционно настроенный молодой прапорщик не сторонился рядовых солдат, здоровался с ними за руку, обращаясь: «Товарищ!» В сословном обществе с извечным делением на «голубую кровь» и прочее «быдло» такое поведение было смелым и не находило понимания у командования полка. Но прапорщик Жданов, похоже, и не стремился к такому пониманию — он явно предпочитал офицерскому кругу общество шадринской интеллигенции. Преподавательница женской гимназии Мария Ивановна Пашкевич, у которой училась Зина Кондратьева, позднее вспоминала жениха своей ученицы: «Он не был франтом, не следил за своей внешностью, как обычно другие офицеры. Одевался небрежно, шинель на нём как-то висела мешком, зимой ходил в больших растоптанных валенках... Словом, человек не тем был занят»^{55}.

Прибывший на побывку в Шадринск 26-летний унтер-офицер пограничной стражи Александр Арыкин, служивший в Маньчжурии и входивший в харбинский кружок РСДРП, добавляет детали в зарисовку внешности Жданова в начале 1917 года: «...Смуглый молодой человек с усиками, подстриженными по-английски, в серой шинели с погонями прапорщика, в чёрных, несколько стоптанных валенках»^{56}.

Сообщение об отречении царя было получено в Шадринске 2 марта 1917 года от телеграфистов железнодорожной станции. Несколько дней город был в тихом недоумении — простой народ по вековой привычке безмолвствовал, разночинцы притихли в радостном предвкушении перемен, а городские верхи ждали, как повернутся события в Петрограде. Наконец 6 марта состоялось чрезвычайное заседание городской думы, на котором присутствовали командир 139-го полка полковник Архангельский, председатель уездного земства Стефановский и полицейский исправник Подгурский. «Отцы города» заявили, что присоединяются к Временному правительству и поспешили добавить, что реформирование городской думы и земского самоуправления считают преждевременным.

Крестьянство Шадринского уезда привычно ждало разъяснения ситуации у приходских священников. 13 марта состоялось собрание духовенства города и уезда, на котором батюшки, недавно певшие «аллилуйя» богохранимому монарху, одобрили отречение и постановили считать историю государственной церкви «двухсотлетним параличом».

Как видим, первоначально революция в Шадринске была верхушечным торжеством привычного уездного конформизма. Казалось, всё остановится на отмене монархии, а революционные беспорядки ограничатся далёкой столицей. Но подавляющее большинство населения

страны к 1917 году влачило столь чудовищное и жалкое существование, что покачнувшаяся система была уже обречена.

Для представления уровня жизни в той России стоит дать краткое описание социально-экономической ситуации Шадринского уезда. В 1917 году в нём проживало 370 тысяч человек и было всего два города — сам Шадринск и Далмато-во, «заштатный город» с населением в несколько тысяч. То есть 95 процентов населения было крестьянским. Проведённая Министерством земледелия имперская перепись 1916 года по Шадринскому уезду дала следующие результаты: почти 14 процентов крестьян были безземельными, 27 владели клочком в одну-две десятины, 29 имели минимальные земельные наделы, лишь 29 могли быть отнесены к середнякам и только около одного процента — к зажиточным и богатым. Пятая часть крестьянских хозяйств уезда не имела и одной лошади, а десятая часть не обладала даже коровой.

Передел земли в сельских общинах проходил один раз в 10—15 лет. Земельный надел имели право получать только лица мужского пола — на девочек, родившихся в семье, отец земельных наделов не получал. Если в семье рождались только девочки, отец всё равно получал лишь один надел. Таких «многосемейных», но «однонадельных» хозяйств в уезде было 11 процентов.

После совершения передела зажиточные крестьяне (тот самый один процент) скупали у бедняков душевые наделы, иногда на срок до следующего передела. Они же скупали у «общества» земельные наделы отсутствующих или умерших крестьян.

На территории уезда располагались три крупных помещичьих землевладения, обширные «казённые» земли Крестьянского поземельного банка и богатейшие в Екатеринбургской епархии церковные земли. Самым крупным помещиком (хотя и сильно уступавшим церкви в размерах земельной собственности) был шадринский купец третьей гильдии Протопопов. Местные крестьяне рассказывали о нём так: «Пожалуй, не жил трезвый-то, всё больше пировал. Отец его дурел. В праздники услаждали их старики: в беги бегали, боролись за стакан водки, за двугривенный. Все желали как-то убрать их. Утеснение земли сделалось...»^{57}

Накануне революции в уезде более половины крестьянских хозяйств обрабатывали землю сохой и деревянной бороной, менее половины имели плуги. Несколько более сложный сельхоз-инвентарь — сеялки и т. п. — могли позволить себе только три процента крестьянских хозяйств. В Шадринском и ближайших уездах Пермской губернии в начале XX века

неурожайными, то есть голодными для многих крестьян, были 1901, 1906, 1910 и 1911 годы. Не сгустим краски, если скажем, что две трети из 95-процентного крестьянского населения уезда жили в бедности или откровенной нищете, многие из них существовали впроголодь, фактически на грани выживания.

Но и в относительно благополучных на фоне полунищеты деревни городах значительную часть составляли откровенно обездоленные. Даже небольшой купеческий Шадринск в начале XX века уже не мог обойтись без пролетариата. В городе работали паровые мельницы, овчинно-шубные мануфактуры, большой винокуренный завод Поклевскогокозелл, несколько мастерских по изготовлению сельскохозяйственных орудий и четыре пимокатных завода, производивших войлок и валенки — основную зимнюю обувь Сибири. В 1909 году в Шадринске вступила в строй большая прядильно-ткацкая фабрика братьев Бутаковых. В 1916 году на ней уже работало почти тысяча человек. Всего же на всех предприятиях города в 1917 году насчитывалось около двух тысяч рабочих. Таким образом, фабричные рабочие и их семьи составляли треть населения небольшого города.

Относительно приличным было положение рабочих на фабрике Бутаковых, где был девятичасовой рабочий день при весьма низкой зарплате. На винокуренном заводе рабочий день составлял 12 часов. Как шутили местные пролетарии, «если ничего не заработал, то всё равно, что был на работе у Поклевского»^[58]. В кондитерской Павловой, той, у которой квартировала невеста нашего героя, рабочий день наёмного пекаря у печи составлял 15 часов.

Рабочий день в пимокатных мастерских («малухах») начинался в 12 ночи и заканчивался в шесть вечера, с трёхчасовым перерывом на еду и отдых. Статистические материалы о пимокатном промысле в Шадринском уезде использовал ещё В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России». Будущий вождь революции относил Шадринский уезд к районам с развитой кустарной промышленностью, где развитие капитализма привело к разорению кустарей и превращению их в наёмных рабочих: «Гигиенические условия пимокатного промысла крайне неудовлетворительны — невыносимая жара, масса пыли, удушливая атмосфера... Естественным результатом является то, что кустари выдерживают не более 15 лет работы и кончают чахоткой»^[59].

Неудивительно, что в Шадринске были распространены туберкулёз и иные инфекционные заболевания.

Ещё больше осложнила ситуацию мировая война. Мужские руки и в городе, и на селе были основным инструментом работы и выживания. Но к 1917 году из русских областей империи в армию призвали половину трудоспособных мужчин.

Могла ли в таких условиях остаться стабильной покачнувшаяся в результате верхушечного переворота государственная система? Та система, при которой подавляющее большинство населения было обречено на изнурительную бедность, а значительная часть интеллигенции испытывала искреннее отвращение к государственной идеологии? Вопрос риторический...

Добавим, что даже маленький уездный Шадринск имел к тому времени свои революционные традиции. Так, в 1906 и 1907 годах местные рабочие уже проводили «маёвки» — демонстрации на 1 мая. Отдельные волости уезда не обошлись в те годы без крестьянских волнений по поводу земли. 31 мая 1906 года террорист-эсер Попов убил воинского начальника города Шадринска полковника Куньева.

Весной 1912 года после расстрела демонстрации рабочих на Ленских приисках в знак протеста бастовали шадринские рабочие-строители, к ним присоединились ткачи фабрики Бутаковых. В феврале 1913 года власти Ольховской волости Шадринского уезда созвали волостной сход, чтобы отметить трёхсотлетний юбилей династии Романовых. Поразительно, но местные крестьяне твёрдо отказались послать поздравление царю Николаю II.

Начавшаяся в июле 1914 года мировая война вылилась в Шадринске в драку рабочих-новобранцев с полицией. В той же Ольховской волости крестьяне заявили в ответ на указ о мобилизации: «Землю нам не даёте, а на фронт гоните. Зачем мы пойдём?»^[60] В итоге забираемые в армию мужики избивали местное начальство и разгромили волостное управление.

Так что гроздь гнева в России зрели долго, и весной 1917-го они дали свои плоды.

Уже в 1920-е годы в автобиографии Андрей Жданов так описывал свою встречу с Февральской революцией: «Решил заняться революционной пропагандой среди солдат, к которой приступил немедленно — за неделю до февральской революции... Наша рота первая подняла красный флаг революции. Вместе с группой солдат 10-й роты я вошёл в Комитет общественной безопасности. Затем, при организации военного комитета и Совета солдатских депутатов, вошёл в исполком, и вместе с тов. Уфимцевым (ныне секретарь Екатеринбургского губкома) организовали партийную организацию. Во всём городе только я и тов. Уфимцев были

большевиками...»^[61]

Скорее всего, в реальности эта деятельность выглядела не так целеустремлённо. Но несомненно одно: юный прапорщик Жданов встретил долгожданную революцию с восторгом и пылким энтузиазмом.

Комитет общественной безопасности в Шадринске образовали 7 марта 1917 года, в него вошли около ста человек, представлявших более сорока организаций. Но куда важнее было то, что 10 марта в 139-м полку был образован солдатский комитет. Такие комитеты «из выборных представителей от нижних чинов» образовывались в те дни по всей армии на основании приказа № 1 Петроградского совета. Показательно, что служивший в полку менее месяца прапорщик Жданов был избран в состав солдатского самоуправления. Это ещё раз говорит о его способности быстро завоёвывать авторитет среди окружающих. Но главное — свидетельствует о заметном влиянии среди солдат небольшой группы сочувствовавших большевикам во главе с писарем Николаем Уфимцевым. Старый член РСДРП, он также был избран в состав солдатского комитета. На целых два года, решающих в русской истории, — 1917-й и 1918-й — товарищ Уфимцев станет покровителем и наставником молодого революционера Жданова.

16 марта 139-й запасной пехотный полк принёс присягу на верность Временному правительству. Нам ничего не известно об отношении Жданова к этой присяге, но до противостояния большевиков и «временных» было ещё далеко. Революции от роду шла вторая неделя, и наверняка юный прапорщик без колебаний повторял слова: «Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания...»^[62]

Некоторые моменты этой присяги могли смущать молодого прапорщика, но всё искупали слова «впредь до установления образа правления волею народа». Представления Жданова об этом «образе правления» восходили к народническим убеждениям его семьи и к «Манифесту Коммунистической партии» Маркса из отцовской библиотеки.

Март 1917-го стал месяцем всеобщей политизации и создания местных отделений самых разнообразных партий, как легально существовавших до революции, так, естественно, и ранее нелегальных. Появились в Шадринске кадеты (конституционные демократы) и эсеры (социалисты-революционеры). Последние были самой многочисленной партией — даже в уездном Шадринске через неделю после революции

официальных членов этой партии насчитывалось четыре десятка.

Не отстали от прочих политических сил и большевики. В марте шадринская большевистская группа объединяла около пятнадцати человек из солдат запасного полка и местных рабочих. История сохранила некоторые фамилии: Анисимов, Григорьев, Ёлкин, Развин, Князев, Клюев, Фадеев, Бритвин, Исаев, Чистяков. Первые трое были рабочими текстильной фабрики, с 1912 года входили в социал-демократический кружок. Кроме того, два прапорщика 139-го полка, Малахов и Аргентов, причисляли себя к «меньшевикам-интернационалистам» — течению в РСДРП, активно сотрудничавшему с большевиками. Руководителями этой группы, как наиболее образованные и «политически подкованные», были Андрей Жданов и Николай Уфимцев.

Уже упоминавшийся унтер-офицер Арыкин оставил весьма бесхитростное описание своего первого разговора с товарищем Ждановым. Их встреча состоялась 24 марта 1917 года у клуба Общества взаимопомощи приказчиков, особняка из красного кирпича, где в одной из комнат располагалась шадринская организация РСДРП. Арыкин как раз пришёл записываться в местные социал-демократы, и первыми, кого он увидел, были прапорщик Андрей Жданов и рядовой Василий Князев.

«Завязалась наша первая беседа, — вспоминает Арыкин, — выяснилось, что они идут с собрания 10-й роты 139-го полка, на котором тов. Жданов делал доклад о текущем моменте. В беседе Андрей Александрович интересовался, где я служил, в какой части, какое настроение солдат, как прошли февральские дни, читал ли я что из революционной литературы.

Я рассказал, что служил в Харбине, участвовал в демонстрациях и даже выступал на митингах в своей роте. Сам я местный рабочий и что приехал по болезни на три месяца... Андрей заметил: "Хорошо что стали приезжать в Шадринск большевики из местных рабочих, а дела в Шадринске хватает, засели тут эсеры да меньшевики, а брехуны они несусветные".

Познакомились, Андрей с улыбкой пожал мне руку и говорит: "Ну что ж, нашего полку прибыло, будем работать, работу найдём". Я высказался, что хочу поступить на работу на ткацкую фабрику Бутакова, он сказал: "Ну вот и поручим тебе вести пропагандистскую работу среди рабочих этой фабрики". В свою очередь, Андрей Александрович рассказал обстановку в Шадринске, какие задачи стоят перед организацией. "Всё же местных рабочих-большевиков мало", — с огорчением сказал тов. Жданов. В заключение он посоветовал мне чаще заходить в организацию, чаще

встречаться, делиться впечатлениями, быть в курсе событий.

При первой встрече с Андреем Александровичем я почувствовал к нему очень сильное влечение. Мне казалось, что я его давно уже знаю, он мне показался братом. В последующей работе вместе с ним я убедился, что он имеет особое свойство — привлекать людей. Его нельзя не полюбить. Помимо светлого, не лишённого юмора характера, он был прекрасный пропагандист, как хорошо он делал доклады, подкрепляя жестом левой руки наиболее важнейшие положения, как любили слушать Андрея трудящиеся Шадринска и особенно солдаты 139 полка»^[63].

Арыкин записал свои воспоминания о Жданове, когда его товарищ по 1917 году был уже очень большим начальником, поэтому он то и дело путается между почтительным «Андрей Александрович» и дружеским «Андрей». Понятно, что весной того года молодой прапорщик был для унтера Арыкина просто Андреем. Некоторая шаблонность в описании личных качеств Жданова не мешает составить хорошее представление о весёлом и обаятельном молодом офицере.

На следующий день после встречи с унтером Арыкиным, 25 марта 1917 года, Жданова избрали в городскую «комиссию по организации митингов для разъяснения революции». Почти столетие назад газеты, как продукт весьма сложной для тех лет техники, были редкостью, не говоря уже о том, что большинство неграмотного и малограмотного населения либо не могло их прочесть вовсе, либо плохо понимало смысл прочитанного по слогам. Поэтому народные митинги были основным, доступным всем «средством массовой информации». Именно на этих солдатских и крестьянских митингах весны 1917 года Андрей Жданов научился публично говорить с массами людей. Позднее все очевидцы, даже недоброжелатели, будут высоко оценивать ораторские способности Жданова.

В марте 1917 года в Шадринске возобновили издание газеты «Исеть», до революции закрытой из-за многочисленных судебных штрафов. И уже во втором номере появляется статья Жданова «Перспективы рабочего движения». В пафосном духе революционного времени автор дал свою политическую оценку произошедшим событиям: «Суд истории свершился, под могучими волнами революционного движения рухнули ветхие подпорки отжившего абсолютизма». Отмечая авангардную роль пролетариата, наш герой писал: «Надо работать, враг ждать долго не будет, надо создавать большевистские организации, свою печать, профсоюзы».

Впрочем, в те дни Андрей Жданов ещё не мог знать о программе действий большевиков после Февральской революции, обнаруженной

Лениным в виде «Апрельских тезисов». И это, естественно, отразилось в статье:

«Свободному соотношению борющихся сил — буржуазии и пролетариата — мешали лишь остатки феодально-крепостнических отношений в лице погибшего абсолютизма и для того, чтобы устранить с пути новых творческих сил эти ненужные преграды, пролетариат должен поддерживать буржуазию... Будем бить вместе, но пойдём врозь!

Правда, не нужно скрывать, что есть одно серьёзное препятствие на пути широкого развития самостоятельности рабочего класса. Это общегосударственный вопрос об обороне России от внешнего врага. Рабочий класс во всех странах всегда боролся против завоевательных стремлений правящих классов. И только одна цель — цель обороны заставляла его у станка забывать классовую рознь и работать, напрягая все силы. Оставив пока в стороне принципиальное разрешение вопроса о задачах и целях войны, скажем только, что, если восставшему народу и армии нужны такие силы, мы отдадим их с радостью.

Будем ждать, что скажет Петроград, а пока работать и работать без конца»^[64].

Как видим, прапорщик Жданов был в те дни скорее «революционным оборонцем» (он и в дальнейшем не вполне расстанется с этими чувствами, например, проголосует против Брестского мира). Но молодой социал-демократ готов был идти в революции дальше простого свержения монархии и перераспределения власти в пользу денежных мешков буржуазии — потому он и пойдёт за Лениным.

Начало партстроительства для шадринских большевиков не было гладким. Как писал сам Жданов в 1920-е годы, «во всём городе только я и тов. Уфимцев были большевиками. Мы связались с Екатеринбургским комитетом большевиков. В СД (социал-демократическую. — А. В.) организацию набился соглашательский элемент... те из рабочих, которые вошли в организацию, придерживались оборонческой тактики. После бесплодной борьбы с этими элементами я и тов. Уфимцев вышли из организации, взявши с собой партийное знамя, кассу и библиотеку. Организация, лишившись руководителей, умерла.

Мы же с тов. Уфимцевым начали завоевание солдатского совета и солдатских масс как базы для организации. В мае 1917 года нами был организован Совет раб. депутатов и я был его тов. (заместителем. — А. В.) председателем...»^[65].

Здесь товарищ Жданов, уже опытный партаппаратчик, явно несколько

приукрасил недавнюю действительность — его большевистский курс в уездном Шадринске не был столь уж эталонным и непоколебимым. В провинции разница между социал-демократическими течениями была не столь явно выражена и люди зачастую плавно «перетекали» из одной «фракции» в другую, не вполне понимая, к какому направлению склоняются.

Первое общее совещание шадринских социал-демократов состоялось 15 апреля, а вскоре по инициативе Жданова городские «эсдеки» организовали даже специальное «бюро», задачей которого было выяснить, кто из них меньшевик, а кто большевик...

Тем временем Февральская революция продолжалась, всё ещё оставаясь верхушечной. 21 апреля 1917 года городская дума Шадринска издала распоряжение: «Все портреты лиц из дома Романовых из общественных зданий убрать и надписи на иконах и сооружениях, имеющих отношение к дому Романовых, уничтожить». А 1 мая на Флоровской площади города впервые открыто прошёл праздник «труда и солидарности» под красными флагами. На празднике с красным бантом выступал командир 139-го запасного полка и начальник местного гарнизона полковник Архангельский.

Однако всё громче и настойчивее среди солдатской и крестьянской массы раздавались требования мира и земли. По примеру Петрограда в Шадринске были объявлены выборы местного Совета рабочих и солдатских депутатов, в которых могли участвовать все рабочие и служащие обоего пола, достигшие семнадцати лет, «за исключением владельцев предприятий и управляющих, имеющих право увольнения и приёма рабочих и служащих». Избиралось по одному депутату на каждую сотню человек. Своих представителей в совет могли направить общественные и политические организации. В итоге в Шадринский совет вошли представители Союза земских служащих и Союза печатников, представители местных союзов почтово-телеграфных чиновников, железнодорожников и многих иных организаций, вплоть до представителей профсоюза мешочной фабрики. Естественно, в совет были избраны представители от партии социалистов-революционеров и социал-демократической партии.

Солдаты избирали своих представителей в совет отдельно. 17 мая прошли выборы в военный комитет 139-го полка. От четырёх тысяч солдат и офицеров в комитет было избрано 16 солдат (по одному от каждой роты), восемь прапорщиков и один штабс-капитан. Теперь без санкции выборного военного комитета ни один приказ командира полка не был обязателен к

исполнению.

Одним из восьми избранных в комитет прапорщиков был Андрей Жданов. 22 мая 1917 года на первом организационном заседании Шадринского совета рабочих и солдатских депутатов он был избран в исполком совета, возглавив его солдатскую секцию. Именно Жданов открывал и вёл заседание 22 мая. Как видим, он активно участвовал в создании и работе совета, входил в руководство, но его позднейшее утверждение в партийной анкете 1920-х годов, что совет создавал именно он с Уфимцевым, — это, мягко говоря, некоторое преувеличение. Тем более в те дни большинство и в Шадринском, и в прочих советах по России ориентировалось на эсеров.

Впрочем, Жданов и ещё очень немногочисленные шадринские большевики могли себя чувствовать уверенно — у них была своя надёжная и сильная опора. Ведь не случайно солдаты 9-й роты 139-го полка писали в приветствии-наказе новорождённому совету:

«9-я рота убеждена, что Совет рабочих и солдатских депутатов должен быть верховной революционной властью, как в городе, так и в уезде, безусловно признаёт за Советом право контроля над местными общественными организациями.

...9-я рота обещает свою мощную поддержку. В любой момент готова встать на защиту, что Совет будет твердо идти по назначенному пути, помня, что сзади стоит на страже стальная щетина солдатских штыков»^[66].

С высокой долей вероятности можно предположить, что эти слова о «верховой революционной власти» и «стальной щетине солдатских штыков» написаны прапорщиком Ждановым.

Кстати, деятельность совета финансировали не только за счёт взносов шадринских рабочих, но и средствами городской думы, которая просто вынуждена была выделить деньги новоявленному конкуренту. На протяжении лета 1917 года все центры власти — городская дума, уездное земство, Совет депутатов и местный комиссар Временного правительства — будут существовать параллельно. Старые органы власти и «временные» будут всё более терять авторитет. В итоге к осени единственной влиятельной силой останется совет.

Пока же Андрей Жданов со товарищи занимались текущими партийными делами и организацией крестьянского совета, который был образован на съезде в конце июня. Выступая перед крестьянами-депутатами, Жданов бил точно в цель — утверждал, что покончить с войной и получить землю можно только путём передачи всей власти советам. Здесь герой нашей книги предстаёт уже как твёрдый

последователь ленинского курса. С агитационными целями прапорщик Жданов не раз выезжал и в другие запасные полки, расположенные в Южном Зауралье — выступал перед солдатами, призывая к немедленному миру «без аннексий и контрибуций».

К июлю 1917 года в Шадринском уезде действовал уже объединённый Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. К этому месяцу наиболее многочисленной и влиятельной политической силой в Шадринске оставались эсеры, их организация насчитывала порядка двухсот членов. Они верховодили в совете и имели немалое влияние в городской думе. В контролируемой ими же газете «Исеть» они писали, что партия социалистов-революционеров «ставит конечной целью осуществление социализма». Однако животрепещущие вопросы мира и земли, наиболее волновавшие массы, откладывались эсерами на потом. Здесь куда более конкретные лозунги большевиков о разделе земли и немедленном мире в глазах народа становились всё более привлекательными.

Но будем помнить, что летом 1917 года у молодого прапорщика была не только политическая, но и личная жизнь. Некоторое время Жданов жил в доме Николая Лундина, учителя местной начальной школы для мальчиков, потомка пленных шведов, поселенных на Урале ещё Петром I. Иногда тринадцатилетний сын Лундиных Борис сопровождал прапорщика на службу, особенно когда тот водил команды солдат на стрельбище за город, где мальчишки любили собирать гильзы. Во время Великой Отечественной войны Борис Лундин будет инженером-химиком, одним из создателей сульфидина — сильного бактерицидного препарата, спасшего сотни тысяч наших раненых.

Жил Жданов и в доме местного журналиста Гребнева на Соснинской улице. Очевидец, семинарист Николай Буткин, вспоминал: «В Шадринске А.А. жил на нескольких квартирах... Обстановка была самой непритязательной: стол с книгами, два-три стула, простая железная кровать, гитара на стене, несколько открыток и всё. Одно время А.А. с одним из своих товарищей решили пожить на положении дачников, для чего они сняли себе под квартиру садовую беседку... Однако в первую же ночь "дачников" постигла неудача: кто-то, забравшись в сад, украл у товарища хорошую гармошку. Это послужило причиной к отъезду от дачного существования»^[67].

Младшему товарищу Жданова, сочувствовавшему большевикам Коле Буткину было тогда 19 лет. В своей короткой биографии он мог в то время похвастаться Андрею лишь одним — как в прошлом, 1916 году на молебне семинаристов в Тобольском соборе стоял рядом с всесильным и ещё не

убитым Гришкой Распутиным, испуганно разглядывая его бороду и алую шёлковую косоворотку. Недоучившийся семинарист Буткин проживёт долгую жизнь, после Гражданской войны окончит медицинский факультет Томского университета, 1945 год встретит начальником крупнейшего на Дальнем Востоке военного госпиталя. Уже в 70-е годы прошлого века, на излёте жизни, он — для себя, не для публикации — напишет несколько десятков листов мемуаров о Шадринские революционных лет, где не раз тепло помянет «остроумное озорство» своего давнего друга Андрея Жданова.

Благодаря Буткину мы можем узнать, как прапорщик Жданов отдыхал от полковых и политических дел весенними и летними вечерами 1917 года:

«Шадринское дачное место — Городище — являлось любимым местом отдыха горожан. Привлекала своеобразная красота этого места. Дачи находились или в бору, или на опушке бора... В жаркий летний день воздух так напоён сосновым запахом, полезным и приятным, что невозможно надыхаться...

Исеть около Городища протекала медленно, вода была чистой, что радовало купальщиков. Купальни строились ежегодно.

Красота местности на Городище, дополнительные возможности в виде кумыса, охоты и рыбалки привлекали горожан... Летом 1917 года мы, студенты-шадринцы, как и в прошлые годы, стремились на Городище, но теперь с нами ходили туда ещё А. Жданов, несколько реже — Н. Уфимцев.

Иногда ходили на выходной день, а иногда уходили в субботу с ночевой.

На Городище А. Жданов был неистощим в остроумных выдумках. Всегда весёлый и жизнерадостный, он становился центром нашей компании.

Особенно мы любили петь хором... Песен знали много. Любили песни на слова Некрасова: "Калистратушку", "В полном разгаре страда деревенская", "Коробушку", "Волга, Волга, весной многоводной..." и др. Пели "Замучен тяжёлой неволей", пели "Варшавянку", песни о С. Разине, об Ермаке, украинские песни, но особенно хорошо исполнялся "Вечерний звон". Андрей был очень музыкальным человеком, в его теноровом исполнении эта прекрасная, полная грусти песня звучала очень хорошо. Хор только помогал, подражая колоколу.

Пели час и два. Замолкнет Городище. А иногда нас окружали дачники, просили спеть песню по заказу...»^{68}

Как вспоминает Буткин, хотя среди участников таких посиделок на природе и были «товарищи, которые от рюмочки не отказались бы», пьянок

не устраивали, ограничиваясь слабоалкогольным кумысом, популярным в этих краях Южного Урала. По старой традиции — шадринская молодёжь считала её студенческой, наверное, не догадываясь о древнем языческом истоке, — на берегу реки иногда разжигали большой костёр и прыгали через него. Спустя более полувека Буткин вспомнил: «Один раз попытался прыгнуть и Андрей Жданов, но так неудачно, что хотя из костра выбрался самостоятельно, но шинель несколько попортил...»^{69}

Вот так, вполне интеллигентно развлекался с друзьями будущий идеолог самой грозной диктатуры XX века. А ведь в его жизни тогда была ещё и гимназистка Зинаида Кондратьева, весеннее знакомство с которой к лету превратилось в настоящую любовь. Увы, подробности их шадринских свиданий нам уже никогда не станут известны — но пусть это и останется личной тайной двух молодых людей тех лет. Впрочем, нам известна одна история, которую девушка Зинаида рассказала юноше Андрею, — на тот момент это оставалось самым страшным приключением юной гимназистки.

За два года до их знакомства, зимой 1915 года, Шадринск потрясло дерзкое ограбление: налётчики в чёрных масках «обнесли» квартиру одного из местных предпринимателей. Целью следующего налёта оказалось домовладение купчихи Павловой. Именно в её доме снимали квартиру в складчину пять гимназисток, среди них сестры Татьяна и Зинаида Кондратьевы. При попытке ограбить кондитерскую Павловой шадринских гангстеров и задержали. К удивлению всего города, главой шайки, именовавшей себя в романтических традициях Серебряного века «пиковыми валетами», был лучший ученик местного реального училища, сын единственного городского адвоката, а наводчицей у «валетов» оказалась одноклассница и соседка Зинаиды по комнате...

В те дни, когда социал-демократ Жданов участвовал в организации Шадринского совета и гулял с любимой на берегу Исети, в недалёком селе Осиновском, где жили родители Зинаиды, местные крестьяне в четверг на Троицкую неделю традиционно отмечали день «лихорадки». В этот своеобразный «праздник» в Осиновку приходили молодые девушки из соседних деревень, наряженные в костюмы всякой нечисти, и вместе с местной молодёжью, тоже замаскированной под чертей и леших, гуляли по селу с песнями и плясками, наигрывая при этом в тазы, вёдра и лукошки. Местное поверье утверждало, что принимающих участие в этом празднике не тронет лихорадка. Совсем рядом сосуществовали мечты о социализме по Марксу и древние, даже не христианские, а ещё полуязыческие обычаи...

В начале июля 1917 года в Петербурге произошли известные июльские события, когда большевики Ленина вместе с союзниками из левых эсеров и анархистов впервые открыто столкнулись с Временным правительством. В провинции это откликнулось резким обострением отношений большевиков и сочувствующих им групп с большинством политических сил, которые всё ещё поддерживали «временных».

Не обошло это петроградских событий и лично Жданова. В 1920-е годы он так писал об этом: «В июле 1917 года я был исключён из среды офицеров 139-го пех. полка и обвинён под хохот всего офицерства в большевизме, после чего снял погоны и с этого времени расчёты с офицерским чином считаю законченными»^{70}.

Здесь товарищ Жданов вновь несколько отлакировал события для придания им большей партийности. В действительности официально он будет демобилизован из армии только в декабре 1917 года. В июле же он был исключён не «из офицеров», а из офицерского собрания — «за унижение чести русского офицерства», выразившееся в слишком дружеских отношениях с рядовыми и симпатиях к большевикам. Исключавшие Жданова офицеры не могли знать, что этот странный двадцатилетний прапорщик со временем получит золотые погоны генерал-полковника, вынесет самую страшную городскую осаду в истории человечества и маршалы сильнейшей армии мира будут первыми отдавать ему честь.

Вероятно, это исключение лишь придало прапорщику большую решимость на избранном им пути. Газета «Исеть» в 108-м номере от 1 августа 1917 года писала: «В субботу, 29 июля, в Шадринске организовалась партия социал-демократов-интернационалистов. Председателем бюро избран А.А. Жданов».

В те дни социал-демократами-интернационалистами именовались «левые меньшевики», сам Ленин аттестовал членов этой фракции «полубольшевиками». Но в условиях провинциального Шадринска фактически это была группа ориентировавшихся на Ленина местных большевиков и близких им меньшевиков. Поэтому в советское время этот день, 29 июля 1917 года, считался официальной датой создания городской большевистской организации.

Местные эсеры в это время были заняты выборами в городскую думу, большевики Жданова в них не участвовали. При этом на предвыборных митингах наш герой всё же призвал поддержать список эсеров, так как другие претенденты на места в гордуме — кадеты и прочие — были, по его мнению, ещё хуже. В итоге эсеры погрязли в предвыборных дрызгах и

судах вокруг выборов. К тому же из них стала выделяться фракция левых эсеров, всё более склонявшаяся к лозунгам большевиков.

Так что «большевик», или, по строгим ленинским меркам, тогда ещё «полубольшевик» Жданов был своим человеком в эсеровской газете «Исеть», заменявшей большинству читающих шадринцев окно в мир. Наш герой был одним из постоянных её авторов и любимцем немногочисленной редакции.

Обязанности редактора летом 1917 года исполнял склонный к периодическим запоям эсер Жернаков, которого все знакомые звали просто по отчеству — Евгенич. Провинциальному изданию вечно не хватало корреспондентов и авторов, поэтому раздражительный Евгенич брал для «Исети» статьи и заметки из губернских и центральных газет. Их он вырезал ножницами, и острый на язык Жданов прозвал это привычное занятие редактора «стрижкой».

Николай Буткин подрабатывал в «Исети» секретарём, позднее он так описывал типичный визит нашего героя в редакцию:

«Раза три в неделю приходил А. Жданов. Его приходу Евгенич всегда был рад — он никогда не приходит "пустым", а приносил с собой заметки от солдат или партийцев, всегда острые и злободневные, или садился в комнату № 3, где писал сам.

Приход Жданова всегда вносил некоторое оживление из-за замечаний по нашему адресу.

Опишу хотя бы одно типичное посещение. Андрей начинал разговор с Жернаковым:

— Стрижёшь?

— Стригу.

— Выходит?

— Всякое бывает.

— Опять эсеровщину в газету протащишь?

— Иди ты к чёрту.

Разговор кончен. Начинает подковыривать меня:

— Николай, запиши меня в очередь на подписку. Пока я занимаюсь, очередь подойдёт.

А какая очередь, если не каждую неделю приходит по одному подписчику.

Уходит в комнату № 3. Во избежание помех — закрывает двери. Некоторое время в комнате тихо. Думаю — пишет.

Примерно через полчаса слышен тенор Андрея:

"Чёрные брови", — начинает он. "Карие очи", — подхватываем мы с

Евгеничем — он басом, а я веду второй голос, сливаясь то с Андреем, то с Евгеничем...

"Чёрные брови", — запекает Андрей. В голосе появляются мягкость, задушевность, сожаление о чём-то далёком и прекрасном. Изменившийся голос Андрея действует на нас. Смотрю из своей комнаты на Евгенича. Он сидит на стуле. Глаза устремлены вдаль. Выстригать бросил...

Кончаем мы песнь. Красота её, стройность исполнения, музыкальность, скрытая тоска в содержании вызывают у меня удивительное чувство светлой грусти. Хочется видеть эти удивительные глаза, эту прекрасную девушку. Что же — нам с Андреем по 21 году.

Да, бывают такие люди — у Андрея не только музыкальность, но и талант, умение прочувствовать и передать содержание каждого слова песни. Только талант может проникнуть в каждую фразу, оттенить её голосом, придав ему неповторимый оттенок...

А у открытого в моей комнате окна стоят человек десять. Слушают. Слышу разговор: "Хорошо поют".

Вот и судьбы нашлись.

Минут через десять начинаем новую песню, нашу любимую: "Уродилась я девушкой красивой, *Красива да бедна, плохо я одета*, Никто замуж не берёт девушку за это. *Я с двенадцати лет по людям ходила*, То качала я детей, то коров доила".

Горька доля девушки. Грустная песня, даже гонит слезу. У окна слушателей ещё больше, даже просить начинают. Мы не гордые — поем: "Ой, у лузи", "Ой ты сад ли, мой сад", "Липу вековую" — всё русское, задушевное. Поём час и больше, пока из комнаты № 3 не послышится голос Андрея: "Ребята, я опять запаздываю". Встаёт и уходит из редакции...»^[71]

В конце июля 1917 года Андрей Жданов неожиданно стал весьма популярным у всех шадринских обывателей, без различия политических пристрастий и вкусов. Причина была вроде бы далёкой от политики, но совсем без неё летом революционного 1917 года конечно же не обошлось.

У студенческой молодёжи Шадринска существовала традиция устраивать на Ильин день (20 июля) благотворительные вечера с представлениями и танцами. Собранные средства предназначались в помощь нуждающимся студентам. В этот раз Жданов и его друзья-студенты, сочувствовавшие большевикам, решили провести свой Ильин день, устроив студенческий вечер с концертом на сцене клуба Общества взаимопомощи приказчиков, там же, где находилась комната, выполнявшая роль штаба местной организации РСДРП. Но после июльских событий в

Петрограде и обострения политического противостояния большинство шадринских студентов — дети состоятельной интеллигенции и купечества — отнеслись к идее «большевистского» концерта отрицательно. В итоге от участия в вечере под благовидными предложениями отказались и нанятые заранее профессиональные артисты.

Известие о вечере уже распространилось по городу (даже продали первые билеты), и отказ от проведения мероприятия был бы равносителен политическому поражению. Сочувствовавшие социал-демократам и левым эсерам студенты решили проводить вечер собственными силами, но сомневались, что публика придёт на такое любительское мероприятие. И тут вмешался Жданов. Вот как об этом вспоминает Н. Буткин:

«Из декораций — три комнаты и лес с речкой, — я нашёл нечто похожее из старых декораций театра. С большим трудом разыскали летние костюмы для мужских ролей, женщины обошлись без нашей помощи.

И всё-таки боялись провала, да не только провала — горожане, узнав из афиш фамилии артистов, могли просто не пойти на вечер. Они были бы правы, т. к. никто и никогда из нашего кружка на сцене не играл.

И тут выступил А. Жданов: "Всё будет хорошо. Сами убедитесь. Я сегодня напишу афишу, завтра т. Петров отпечатает, утром 18-го расклеим по городу. Двух дней горожанам читать хватит".

А. Жданову поверили, не зная, какова будет афиша. Риск огромный, но иного выхода нет...»^[72]

И здесь наш герой проявил явный талант в той области, что сейчас называют «пиаром», а в эпоху могущества Жданова именовали «агитацией и пропагандой». Он нашёл нестандартный подход к решению проблемы, обратив слабость любительской труппы в её достоинство.

Через несколько дней по городу были расклеены необычные афиши под броским заголовком «Без разрешения начальства». Текст этого ждановского творения сохранил для нас семинарист и будущий врач Буткин:

«Из студентов никто и никогда на сцене не бывал. Они не имеют права и не собираются причислять себя к артистам.

12 ролей в пьесе студенты поровну разделили с любителями, известными горожанам по старым постановкам.

Мы заранее просим извинения у зрителей за постановку пьесы А. Толстого "Касатка" в 4-х действиях.

Любители просят не упоминать их фамилии в афише, а об остальных сообщаем следующее:

Роль Касатки исполняет А.В. Моисеева. В спектаклях и концертах

никогда не участвовала, но имеет выраженные артистические наклонности. Очень способная и талантливая женщина. В её успехе на сцене мы не сомневаемся.

Роль князя Вельского исполняет Г. Елизаров. С театральными постановками до сих пор знакомился только из партера. Способен понимать как трагедию, так и комедию. Больше склонен к трагическим переживаниям. Пока холост. Не курит.

Роль Быкова исполняет А. Клеванский — способный чтец-декламатор. Может с успехом играть любовников. Как видно из его роли, свободно выходит из любых положений.

Роль бедного Желтухина играет известный горожанам Н. Буткин. Он единственный из студентов, имеющий сценический опыт: один раз исполнял роль молчаливого статиста. Выпивать будет только по требованию роли.

В пьесе участвуют ещё два студента, но они просят не сообщать их фамилий в афише. Роли у них маленькие, они просто не успеют доказать публике свою талантливость.

Просим не забывать буфет.

Умеющим разрешается танцевать.

За справками обращаться к Н. Буткину только после окончания спектакля»^{73}.

Спустя полвека Буткин вспоминал: «Небывалое содержание афиши. У каждой афиши народ и смех. Советуют читать прохожим. 18 июля вечером к кассе не подступиться; 19-го — все билеты проданы. Требуют дополнительных мест»^{74}.

Вот как эту же историю описал очевидец в конце 40-х годов XX века, сразу после смерти нашего героя: «Афиша была образцом Жданове кого юмора. На спектакль, как и ожидал А. А., повалила тьма народу. Билеты были заранее все раскуплены. В день спектакля у театра образовалась толпа, желавшая попасть в театр. Билеты перекупались по невероятным дорогим ценам. Несмотря на отсутствие подготовки, спектакль сошёл прекрасно...»^{75}

Заметим, что любительский спектакль оказался ещё и удачным коммерческим предприятием. Похоже, наш герой, при всём своём юношеском юморе и искреннем увлечении революционными идеями, был предприимчивым молодым человеком, склонным к предпринимательским гешефтам. Возможно, не зря глава полиции соседнего уездного Кургана исправник Иконников подозревал прапорщика Жданова в связях с

екатеринбургским купцом второй гильдии Т.Н. Ждановым. Этот однофамилец (а вдруг родственник, кто теперь знает?..) нашего героя за годы мировой войны организовал в сёлах Курганского и Шадринского уездов целую мафию по спекуляции сливочным маслом. Этот продукт — в ту эпоху ручного труда достаточно дорогой и доступный лишь высшим и средним слоям населения — по военному времени оказался необычайно прибыльным. На местах масло покупали у крестьян по 29— 30 рублей за пуд, а продавали в Екатеринбурге, Москве и Петрограде по 100-120 рублей...^{76}

Участие Жданова в нашумевшем на весь Шадринск спектакле не ограничилось только ловким юмористическим приёмом с афишей. Один из главных «актёров», левый эсер Григорий Елизаров вечером перед спектаклем от волнения напился до неспособности передвигаться, и нашему герою пришлось приводить его в чувство нашатырём и одевать в сценический костюм. Но пьяный «князь Вельский» боялся выходить к публике, и его пришлось силой вытолкать на сцену.

Вспоминает Буткин: «Представьте картину: князь не выходит, а вылетает почти до середины сцены, оборачивается к двери и кричит: "Ты чего толкаешься. Я могу толкнуть ещё сильнее". Садится на стул и заявляет своим партнёрам: "Вот и играй после этого..." В публике гомерический хохот. Егор свою роль путает, к суфлёру обращается так, что слышно публике. Зрители, наблюдая пьяную игру, непрерывно хохочут.

В своё время на сцену выходит Желтухин, заспанный, в измятом костюме. Товарищи решили, что Желтухин должен иметь солидный вид и соответствующий объём. Для этого привязали мне на брюхо подушку. У Желтухина первые слова: "Францусский..." После сна он должен потянуться. Я потягиваюсь, и, о ужас, подушка лезет книзу, её видно из-под пиджака. Я её хватаю руками, и она вылезает полностью. Я держу её в руках и не найду места, где положить. Стулья у стола все заняты. Положить на пол не рискую. Хожу с ней по сцене. В публике хохот неудержимый...

Зритель, насмеявшись вдоволь, остался довольным.

В общем, всё закончилось благополучно. Конец вечера удался. Мы благодарили А. Жданова. Его озорная афиша привлекла в театр публику...»^{77}

К концу лета 1917 года авторитет немногочисленной большевистской организации в Шадринске заметно вырос. Старый большевик Николай Уфимцев ещё раньше уехал в Екатеринбург, где играл одну из ведущих ролей в Уральском комитете РСДРП(б). Стараниями Уфимцева из

Екатеринбурга в Шадринск для помощи Жданову и товарищам направили несколько большевиков. Среди городских партийцев-ленинцев особым колоритом выделялся любитель пить и петь Абрам Павлович Чистых, бывший матрос, член Одесской войсковой организации РСДРП с 1905 года, участник знаменитого восстания на броненосце «Потёмкин». Весной 1917-го, благодаря революции, он вернулся в родной Шадринск из Александровского централа, каторжной тюрьмы под Иркутском, где по приговору царского суда отбывал пожизненное заключение. В Шадринске матрос, каторжник и большевик Чистых жил на той же Николаевской улице, где располагался штаб 139-го полка и жила невеста нашего героя Зинаида Кондратьева.

В конце августа 1917 года под Петроградом произошла попытка военного мятежа генерала Корнилова. Это событие заставило ориентировавшиеся на Временное правительство силы изменить своё отношение к ранее преследуемым и шельмуемым большевикам. Итогом стал рост влияния ленинской партии в Петрограде и по всей стране.

В Шадринске 1 сентября по решению Уральского съезда Советов состоялась однодневная политическая забастовка в знак протеста против корниловского выступления. Андрей Жданов к тому времени уже был признанным лидером городских большевиков. Сентябрь 1917 года стал судьбоносным месяцем для нашего героя и по иным причинам — именно в сентябре он официально сочетался браком с Зинаидой Кондратьевой.

Пусть большевик и атеист, но внук священника и профессора богословия, он венчался с невестой в церкви. Таинство венчания свершилось в Свято-Николаевском храме Шадринска. Этот каменный храм, построенный ещё в конце XVIII века, сохранился до наших дней. Молодых венчали перед резным липовым иконостасом под списком Тихвинской иконы Божией Матери в золотых ризах, украшенных бриллиантами, крупными сапфирами и прочими драгоценными камнями, некогда подаренными шадринским купцом Фетисовым «в благодарность за чудесное спасение его от потопления».

Свахой на свадьбе Андрея и Зинаиды была жена Адриана Гордеевича Моисеева, старшего наследника одного из городских купеческих кланов и лидера местных эсеров. Платье на свадьбу брали у одноклассницы невесты Антонины Соколовой, дочери местного купца Ивана Степановича Соколова. У платья пришлось подшивать подол, так как Зина была меньше ростом. Старшая сестра хозяйки платья была замужем за владельцем городской текстильной фабрики, самого крупного предприятия в Шадринске.

Выходит, что лидер местных большевиков и скромный прапорщик вращался в сливках местного общества, по сути, среди шадринской «золотой молодёжи». Однако это как раз неудивительно для тесного мирка маленького уездного города, где образованные и интеллигентные люди были редкостью и тянулись друг к другу, а революция ещё не переросла в Гражданскую войну, которая всего через несколько месяцев превратит оппонентов жарких и увлекательных дискуссий в смертельных врагов.

Глава 4.

«ПЬЯНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В сентябре 1917 года возникли первые большевистские организации в сельских волостях Шадринского уезда. Большевистские идеи привозили возвращавшиеся домой солдаты-фронтовики. Всё громче раздавались требования крестьян о переделе земли.

Росла хозяйственная разруха, органы Временного правительства не справлялись с организацией продовольственного снабжения воюющей армии и городов, всюду процветала спекуляция.

В том же сентябре 1917-го в сёлах Шадринского уезда впервые появились вооружённые команды, направленные Временным правительством для реквизиции у крестьян хлеба. Так что знаменитые продотряды не были изобретением большевиков. 1 октября цена на муку в Шадринске подскочила в два раза.

Местные эсеры в сентябре были заняты повторными выборами в городскую думу (первые в июле по суду признали недействительными). Большевики, выступая за передачу всей власти Советам, эти выборы игнорировали. По итогам прошедшего 17 сентября голосования абсолютное большинство получили эсеры. Председателем гордумы стал эсер Николай Здобнов, а главой городской управы избрали Адриана Моисеева.

Тридцатилетний Николай Васильевич Здобнов, уроженец Шадринска, был основателем и первым редактором газеты «Исеть». Ещё в юности он увлёкся политической деятельностью, примкнул к эсерам, до революции неоднократно арестовывался жандармерией. К осени Жданов и Здобнов были уже хорошо знакомы несколько месяцев, можно даже сказать, приятельствовали — оба были недоучившимися московскими студентами и типичными представителями разночинной русской интеллигенции со схожими литературными и художественными вкусами. Разделяла их лишь принадлежность к разным политическим силам. Наверняка чуть более старший Здобнов снисходительно относился к «экстремизму» своего более младшего приятеля. К тому же их жёны — жена Здобнова Нина Ивановна (в девичестве Михалёва) и жена нашего героя Зинаида были соученицами и близкими подругами по шадринской гимназии.

О близком знакомстве Жданова с семьёй Адриана Моисеева уже рассказывалось. Таким образом, лидеры местных эсеров и новые

официальные власти Шадринска — Здобнов и Моисеев — были фактически приятелями Жданова. Их политическое соперничество оставалось вполне мирным. Наверняка молодые люди (самому старшему из них, Здобнову, было 30, а самому младшему Жданову всего 21) даже находили в этом массу приятного — ведь для интеллигентного человека нет большего удовольствия, чем хорошо поспорить с умным и приятным собеседником.

Грубая проза жизни внесёт свои коррективы в приятельские отношения большевика Жданова и лидеров городских эсеров. В октябре Уральский областной комитет РСДРП(б) направил в Шадринск ещё десяток рабочих для помощи местным партийцам. Всего к октябрю 1917 года, накануне решающих событий в Петрограде, организация шадринских большевиков насчитывала около шестидесяти членов.

25 октября в далёкой от Урала столице коалиция большевиков, левых эсеров и анархистов свергла Временное правительство. Легитимности данным событиям придал открывшийся в этот же день 2-й Всероссийский съезд Советов, провозгласивший переход всей власти в центре и на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съезд Советов и новое правительство Ленина тут же провозгласили декреты о мире и о земле — именно эти решения, отвечавшие самым насущным чаяниям большинства населения России, и предопределили дальнейшую победу большевиков и советской власти.

В Шадринск известие о петроградских событиях пришло через два дня, 27 октября, вместе с телеграфным обращением Исполкома Уральского съезда Советов. В здании городского реального училища, где располагался 139-й полк, тут же состоялся солдатский митинг, где выступил окрылённый перспективами Андрей Жданов:

«Дурман эсеровской иллюзии прошёл. Рабочие и солдаты поняли предательскую роль меньшевиков. Революционный пролетариат Питера свергнул власть капиталистов. Настала очередь за нами. Мы с помощью рабочих Урала должны вырвать судьбу трудящихся города и деревни из рук буржуазии»^{78}.

Молодой прапорщик был слишком оптимистичен. Наделе в Шадринске и уезде почти на три месяца — с ноября 1917 года по январь 1918-го — сложилось неустойчивое равновесие; одни политические силы и группы населения поддержали переход власти к Советам, другие заявили о верности Временному правительству, а третьи были озабочены лишь выборами в будущее Учредительное собрание, которое, как считалось, скоро и примет всю полноту власти и ответственности за судьбы

революционной России. В числе таких «третьих» была основная масса шадринских эсеров. Николая Здобнова действительно вскоре избрали делегатом в Учредительное собрание по Пермскому избирательному округу. Произошло это 25 ноября, ровно через месяц после петроградских событий. Получилось, что основная масса многочисленных и влиятельных шадринских эсеров, занятая проектами вокруг «учредилки», просто проигнорировала эту казавшуюся тогда неубедительной «суету» большевиков.

Впрочем, в ноябре Шадринск испытал на себе немалые по местным провинциальным масштабам потрясения, метко прозванные в народе «пьяной революцией». Эта «революция» затронула местных жителей куда сильнее, чем далёкая Октябрьская в Петрограде.

Дело в том, что в годы Первой мировой войны в России действовал «сухой закон». В условиях, когда самогонный аппарат был для большинства очень сложным техническим устройством, обычная водка стала для населения, особенно для миллионов одетых в солдатские шинели мужиков, жутким дефицитом и предметом несбыточных мечтаний.

В Шадринске располагался весьма большой для того времени винокуренный завод. Принадлежал он уральскому водочному олигарху Викентию-Станиславу Альфонсовичу Поклевскому-Козелл. Пан Поклевский принадлежал к старинному роду польско-литовского дворянства; впрочем, род этот имел вполне русское происхождение и вёл своё начало от одного из боевых холопов князя Курбского, некоего Козлова, во время Ливонской войны перебежавшего вместе с хозяином на сторону Речи Посполитой.

В Пермской губернии основными конкурентами водки Поклевского были пивные короли, екатеринбургские купцы Злоказовы. «Сухой закон» во время войны не отменил прибыли Поклевского — спирт требовался и для технических нужд. В итоге к осени 1917 года в Шадринске на винокуренном заводе скопились значительные запасы спирта, предназначенного для отправки на военные предприятия, и нереализованные запасы водки. Февральская революция и так сломала армейскую дисциплину, а уж после того как в Питере мало кому знакомые большевики скинули бессильное Временное правительство, мобилизованные солдаты сочли, что пора разъезжаться по домам. Но перед этим многие самовольно демобилизованные из многочисленных учебных полков Урала решили заехать в Шадринск за вкусным и ценным спиртом...

13 ноября 1917 года толпа, состоящая из деклассированных элементов, дезертиров, разложившихся солдат местного гарнизона и крестьян

окрестных деревень, разгромила винный склад. 15 ноября пьяные погромщики штурмовали уже сам завод, убили сторожа. Солдаты тащили водку ящиками, используя поясные ремни. Обстановку усугубил побег из тюрьмы полусотни местных уголовников. Город, по сути, оказался в руках неорганизованной, пьяной и вооружённой винтовками толпы. Как писал очевидец, «после этого весь город был подвергнут пьянству почти полтора месяца... Жертвами этого погрома пало 86 человек»^{79}. По другим данным, погибли 63 человека и 65 получили ранения. При этом многие из жертв, выражаясь словами современников, просто «залились до смерти».

Местные власти должны были реагировать на столь бурные события. 15 ноября был образован так называемый Комитет по охране порядка, его председателем стал эсер Здобнов, заместителем председателя — большевик Жданов. Сохранился листок с набросками воззвания комитета: «К гражданам города Шадринска от Комитета по охране города. Граждане! Комитет по охране города просит вас во имя спасения родины и свободы оказать ему всяческое содействие по восстановлению порядка в городе... Только при вашей деятельности и поддержке может быть восстановлена нормальная жизнь города...»^{80}

Двое суток комитет лихорадочно пытался навести в городе порядок. В ночь на 17 ноября приняли решение запасы спирта уничтожить — сжечь или вылить в воды реки Исети. На языке вогулов «И сеть» — много рыбы. Вероятно, в тот год рыбы в Исети стало меньше.

Но на руках солдат и населения осталось немало украденного спирта и водки. Пьяные безобразия и грабежи продолжались. Комитету по охране порядка пришлось даже уволить за пьянство большинство городских милиционеров. Для охраны порядка Здобнов и Жданов сформировали дружину добровольцев, винтовки взяли у солдат 139-го полка. 18 ноября в Шадринске ввели комендантский час, запретив с восьми часов вечера до шести утра любые собрания, митинги и массовые зрелища.

Противники большевиков попытались использовать произошедшие беспорядки в своей пропаганде. В местной эсеровской газете «Народная мысль» появилась статья «Вторая шадринская революция», где во всех бедах и погромах обвиняли однопартийцев Жданова. Однако большевиков эти уколы не останавливали — в ноябре 1917 года в Шадринском уезде их насчитывалось уже свыше двухсот человек.

28 ноября избранный в Учредительное собрание эсер Здобнов сложил с себя полномочия председателя городского Комитета по охране порядка и стал собираться в Петроград. Новым председателем комитета, фактически

руководившим городом, стал Жданов. Большевики всё больше увеличивали своё влияние и прибирали к рукам реальную власть на местах.

Последний месяц 1917 года прошёл в странном затишье. Погромы удалось прекратить, пьяные толпы дезертиров рассеялись, население отсиживалось по домам. Простые ленинские лозунги о немедленном мире и немедленном переделе земли были известны уже всем и поддерживались большинством. Политические противники большевиков потеряли темп, ожидая открытия Учредительного собрания. Большевики же, напротив, времени зря не теряли.

Решительные события развернулись в первые дни нового, 1918 года, на рождественские праздники. 3 января открылось совместное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов. Перед собравшимися выступал местный левый эсер Чубаров, лично участвовавший в октябрьских событиях в Петрограде и только что вернувшийся из столицы. На голосование было поставлено две резолюции. Первая — большевиков, одобряющая октябрьские события и требующая немедленной передачи всей власти Советам. Вторая резолюция, эсеровская, требовала объявить действия сторонников Ленина незаконными. После бурных дебатов, с незначительным перевесом, благодаря расколу эсеров на «правых» и «левых», победила резолюция большевиков. Правые эсеры во главе с Адрианом Моисеевым в знак протеста покинули заседание Совета под крики политических противников: «Скатертью дорога предателям!»

Надо отметить, что реальная сила в городе в те дни была на стороне большевиков. Благодаря понятным лозунгам о мире и земле сторонники Ленина обеспечивали себе благожелательный нейтралитет оставшихся в Шадринске солдат запасного полка. Вооружённая дружина, сформированная Комитетом по охране порядка, главой которого уже был Жданов, так же контролировалась скорее большевиками, чем эсерами. И вдобавок к этому, накануне заседания Совета, в Шадринск из Екатеринбурга прибыл отряд Красной гвардии во главе с балтийским матросом Павлом Хохряковым. Пусть красногвардейцев было всего 20 человек при одном пулемёте «максим», но вместе с местными большевиками для уездного Шадринска они представляли уже вполне достаточную силу. На начало 1918 года политические противники большевиков не имели даже такой минимально организованной войсковой части.

Используя перевес в силах, большевики действовали быстро. Уже 3 января на совместном заседании Совета они сформировали новый исполнительный комитет, куда первым вошёл Жданов. Он не мог

претендовать на роль главы Совета, так как не был местным уроженцем. Председателем Совета избрали уже знакомого нам по предыдущей главе большевика Александра Арыкина.

4 января сформировали шадринский отряд Красной гвардии — 87 человек из рабочих и бывших солдат запасного полка.

На 7 января назначили проведение Уездного съезда Советов крестьянских депутатов. Впрочем, за проведение этого съезда выступали и правые эсеры, они ещё обольщались своим влиянием на крестьянские массы. Собравшийся съезд противники большевиков проиграли — представители уездных крестьян высказались за передачу всей власти Советам, а у открывшегося Учредительного собрания потребовали немедленного мира и передела земли. На съезде был избран Уездный земельный комитет во главе с Андреем Ждановым. Он же вместе с другими большевиками и левыми эсерами был избран и в новый исполком Совета крестьянских депутатов.

Сразу после проведения съезда наш герой обратился к жителям Шадринского уезда с пылким воззванием. Это — первый в его жизни распорядительный документ, изданный от его имени и подписанный лично им, как представителем власти. Понятно, что взволнованный этим молодой парень сбился на пафоснейший канцелярит:

«Сим довожу до сведения населения города и уезда, что 5-м Уездным крестьянским съездом 7—10 января я избран уездным земельным комиссаром. В сознании великой ответственности перед избирателями я приступаю к подготовительным работам по проведению великих земельных преобразований. Прошу все организации города и уезда оказать мне всевозможное содействие в деле подготовки великой земельной реформы и в деле осуществления насущных требований трудового крестьянства, выдвинутых Великой Русской Революцией. Уездный народный комиссар по земельным делам Андрей Жданов»^{81}.

Увы, окружающий мир не спешил признавать нового уездного наркома. Параллельно со съездом крестьянских Советов в Шадринске проходило заседание городской думы, где оставались лишь правые эсеры. Они образовали Шадринский отдел Союза защиты Учредительного собрания.

Противостояние большевиков и сторонников уже разогнанного в Петрограде Учредительного собрания разрешилось в конце месяца. В поисках легитимности правые эсеры назначили на 27 января проведение Уездного крестьянского съезда. Большевики их опередили, подготовив к 25 января очередной Уездный съезд Советов крестьянских депутатов.

Накануне этого съезда, в ночь с 24 на 25 января, состоялось совместное заседание исполкома Шадринского Совета рабочих и солдатских депутатов и исполкома уездного Совета крестьянских депутатов. На нём председательствовал и выступал Андрей Жданов. В час ночи он предложил окончательно передать всю власть в Шадринске и уезде в руки Советов, подчинив им все имеющиеся политические организации и органы управления, а несогласных с таким решением распустить, в случае сопротивления арестовывать их по решению Совета.

В ту же ночь несколько десятков шадринских красногвардейцев заняли вокзал, телеграф и некоторые административные здания. Группа красногвардейцев во главе с большевиком Ждановым и анархистом Петровым заняла типографию. Уже отпечатанный номер эсеровской газеты «Народная мысль» был тут же сожжён, а Жданов до утра занимался выпуском первого номера новой газеты «Крестьянин и рабочий», в котором сообщалось о взятии Советами всей власти в Шадринске и уезде.

С пачками этой новой газеты он явился на открывшийся утром 25 января 1918 года в городском клубе приказчиков съезд Советов крестьянских депутатов, где присутствовало свыше пятисот человек. Которые сутки не смыкавшего глаз Жданова тут же избрали председателем президиума съезда. По поручению Совета рабочих и солдатских депутатов он прочёл крестьянским депутатам доклад «О текущем моменте». К концу дня крестьянский съезд принял все необходимые большевикам решения — официально провозгласил советскую власть в уезде и одобрил роспуск Учредительного собрания, ввиду того, что оно «не признало декретов, провозглашённых самим народом в лице Советов». Как видим, решительная позиция по вопросам о мире и земле в который раз давала большевикам возможность обойти правых эсеров и иных политических противников.

На этом съезде Андрея Жданова избрали заместителем председателя исполкома и вновь народным комиссаром земледелия Шадринского уезда. Образованный решением съезда Шадринский совет народных комиссаров уже 29 января распустил земскую управу — за отказ подчиниться Совету и «учитывая её непопулярность среди беднейшего крестьянства». Так же упразднили ещё остававшийся аппарат уездного комиссара Временного правительства «как архаическое учреждение» и закрыли купеческое собрание как «занимающееся исключительно игрой на бильярде и карточной игрой, как предприятие бесполезное».

Таким образом, к концу января 1918 года вся власть в Шадринске и Шадринском уезде перешла в руки Советов, возглавленных коалицией

большевиков, левых эсеров и анархистов. Герой нашей книги — Андрей Александрович Жданов, которому тогда должно было исполниться только 22 года, — принял самое непосредственное участие в этих событиях и стал одной из ключевых фигур новой уездной власти.

Одним из первых постановлений Совет обещал расстреливать всех грабителей и погромщиков, застигнутых на месте преступления. Расстрелы на местах пока оставались лишь грозной декларацией, но с проблемами грабежей и самочинных обысков Жданову вскоре пришлось разбираться лично. Спустя ряд десятилетий шадринский большевик Александр Арыкин вспоминал об этом:

«— Слышал, Арыкин, о новостях сегодняшней ночи? Чёрт знает что творится, — проговорил Жданов, здороваясь, как только я вошёл в гимназию, в которой размещался Совет. По тому, как он спросил меня, и по его нахмуренным бровям понял: случилось что-то неприятное, серьёзное.

— Что такое, Андрей Александрович, что случилось? — спросил я, пожимая ему руку.

— На, прочти вот что, — негодуя проговорил Андрей, подавая мне письмо.

В письме сообщалось, что комиссар Административного управления матрос Петров ночью производил незаконные обыски, забирая себе золотые и серебряные вещи, и пьянствовал.

— Да, работа безобразная. Что будем делать? — спросил я, глядя на возмущённое лицо Андрея.

— Как что? — переспросил он. — Арестовывать и немедленно, сейчас же. Мы не можем допустить ни на минуту, чтобы такими грязными поступками бросали тень на нашу партию и власть... Бери двух-трёх красноармейцев, арестуй его на квартире и вези сюда, — сказал Андрей, подавая мне мандат.

Привезённый Петров корчил из себя невинного младенца, кричал:

— Вы подрываете мой авторитет революционера, я требую прекратить надо мной насилие.

— Гадина ты, а не революционер, грабитель, твой авторитет повысится в тюрьме, — с негодованием проговорил Андрей.

На собрании красногвардейцев Андрей Александрович рассказал о преступных действиях комиссара. О том, как эти действия льют воду на мельницу наших врагов, которые и без этого поливают нас грязью клеветы. Слова Жданова: "Беспощадная революционная борьба с такими негодьями в наших рядах!" — встретили огромное сочувствие среди красногвардейцев. Петров был заключён в тюрьму»^[82].

Петрову придётся провести в шадринской тюрьме несколько месяцев. Бывшего балтийского матроса освободят только к лету 1918 года, когда понадобятся люди для отпора наступающим белым.

Михаил Харитонович Петров был уроженцем Шадринского уезда, призванный в 1913 году на Балтийский флот, служил матросом броненосного крейсера «Громобой». После революции стал членом знаменитого Центробалта (Центрального комитета Балтийского флота) и в январе 1918 года с мандатом народного комиссара по морским делам прибыл в Шадринск для организации поставок продовольствия Балтфлоту. После зубодробительной дисциплины царского флота революционная вольница и власть явно опьянили вернувшегося в родные края матроса.

К чести Андрея Жданова, он и в молодости, и в зрелом возрасте будет равнодушен к той банальной материальной выгоде, которую даёт обладание государственной властью. Попытки приобрести всяческие вещественные прибыли от властных должностей всегда будут вызывать у него неприятие и брезгливость. Жданов явно был из той породы властителей, для которых сугубо материальная сторона власти не важна. Власть для них является наградой и ценностью сама по себе как возможность изменять жизнь и окружающую реальность в соответствии с собственными убеждениями и представлениями о правильном и справедливом...

До начала Гражданской войны оставалось ещё несколько месяцев, пока перед новой властью вставали не военные, а хозяйственные и политические трудности. Надо признать, что в условиях нараставшей разрухи и хаоса новый уездный Совет довольно решительно взялся за дело. В феврале 1918 года ввели рабочий контроль на предприятиях и фабриках Шадринска, установили восьмичасовой рабочий день. Когда владельцы решили остановить текстильную фабрику и уволить всех работников этого крупнейшего производства в городе, Совет национализировал фабрику, передав её управление рабочим, для чего был создан Рабочий деловой комитет.

В марте—апреле 1918 года Советом были национализированы в Шадринске почти все крупные производства и кредитные учреждения. Уездных промышленников и торговцев обложили дополнительным налогом, сборы от которого шли на содержание уездных школ, больниц и приютов. В Шадринск тогда было эвакуировано около тысячи детей из Петрограда, которому в условиях нараставшей хозяйственной разрухи уже угрожал голод.

Андрей Жданов, помимо своих обязанностей в Совете, являлся и

главным редактором газеты «Крестьянин и рабочий» — основного рупора новой власти. Газета, редактируемая большевиком, но выходявшая под эсеровским лозунгом: «В борьбе обретёшь ты право своё!» — не без успеха пропагандировала действия советской власти. Например, от имени председателя исполкома Чубарова (замом которого был Жданов) на её страницах очень живо разъяснялась крестьянам новая налоговая политика: «Послушайте, мужички, я вам скажу, кого мы обложили: не телят и поросят, а тех купчиков, которые "влачили плачевное существование", а именно Мокеева В.Я. Он ведь "гроши" зарабатывал "тяжёлым трудом". В 1916 году, по данным податного инспектора, он только даром руки мозолил — зарабатывал всего 500 000 рублей. И вот мы согрешили, грешные, обложили его всего тысконок на 80. Бедный! Чем же он будет жить... И таких несчастных в городе находится 61 человек, из них ни один не получал меньше 10 000 рублей чистой прибыли в 1916 году Вот, товарищи, исполнительный комитет каких телят да поросят обложил»^{83}.

Как истинный интеллигент, склонный к теоретизированию о смысле жизни, Жданов на страницах издаваемой им газеты затрагивал и куда более абстрактные темы. Так, 22 февраля 1918 года в очередном номере газеты «Крестьянин и рабочий» появилась его статья «Ещё об интеллигенции». Это «ещё» прозвучало потому, что данная статья нашего героя фактически стала продолжением его статьи «Об интеллигенции», напечатанной ранее, в 1917 году, в газете «Исеть». По мысли, высказанной тогда ещё прапорщиком Ждановым, сущность интеллигенции двояка — полупролетарская и полубуржуазная — интеллигент завис между классами. «Раз знание стало средством достижения целей, поставленных капиталом, то и его обладатели фактически превратились в рабов капитала. В то же время через этих недовольных рабов капитал осуществляет своё господство над трудом», — рассуждал Жданов в 1917 году и далее отмечал, что существует и другая интеллигенция, которая «орудием врага — знанием — начинает бить его самого»^{84}. В феврале 1918 года зампреда уездного исполкома призывал зависшую между пролетариатом и буржуазией интеллигенцию «бросить половинчатость и заигрывание по обе стороны» и «слиться в единую мощную семью с трудящимися массами»^{85}.

Этот возникший ещё в юности интерес к теоретическому осмыслению роли интеллигенции в русском обществе и государстве останется у Жданова на всю жизнь. И нам в его биографии придётся не раз сталкиваться с его мыслями и высказываниями на эту тему. Пока же эти

теоретические рассуждения были скорее интеллектуальным развлечением и маленькой данью гуманитарным амбициям молодого человека — суровая действительность первой весны советской власти ежедневно требовала от уездного комиссара земледелия совсем других забот.

В наше время всеобщей грамотности может показаться странным, что одним из руководителей местной власти мог являться недоучившийся студент. Но в той России даже такое образование совсем не казалось куцем на фоне массовой неграмотности. Тем более что помимо некоторых теоретических знаний Жданов весной 1916 года успел и попрактиковаться мелким земским чиновником по сельскому хозяйству в Корчевском уезде Тверской губернии.

Молодой нарком уездного земледелия взялся за своё дело с энтузиазмом, свойственным молодости и революции. Надо было успеть претворить в жизнь знаменитый Декрет о земле до начала весеннего сева 1918 года.

23 марта состоялся очередной Шадринский съезд Советов. Из 551 делегата съезда 449 представляли крестьянство. От волостных и сельских сходов поступило 72 наказа, многие из них были посвящены исключительно вопросу о земле. Съезд должен был обсудить «закон о социализации земли», с докладом о котором выступил товарищ Жданов. По словам очевидцев, в перерывах между обсуждениями закона пели «Марсельезу» и «Интернационал».

Отвечая на поступившие съезду крестьянские наказы из деревень, Жданов разъяснял делегатам: «Земля отныне принадлежит народу. Полностью используйте её. Если не хватает сельскохозяйственного инвентаря, тягловой силы, семян, реквизируйте всё это у богачеев. Пусть бедняки объединяются в трудовые артели и совместно используют машины»^{86}.

Решением большинства съезд принял резолюцию, согласно которой казённые, монастырские и помещичьи земли передавались в распоряжение волостных комитетов для распределения между нуждающимися. Съезд разделил все крестьянские хозяйства на трудовые, где применялся только личный труд, полутрудовые — где наряду с личным трудом крестьяне использовали ещё и батраков, и нетрудовые — действующие за счёт наёмного труда. Отныне устанавливались общие уравнивательные нормы землепользования и нормы сельхозинвентаря. Лошади и сельские орудия сверх нормы изымались без выкупа и передавались безлошадным и бедным хозяйствам. Из реквизированных у землевладельцев сельхозмашин предполагалось сделать общественные прокатные пункты.

Помимо уравнительного передела земли, победившие радикальные социалисты — большевики, левые эсеры и анархисты — планировали и организацию коллективных хозяйств. Весной 1918 года на конфискованных землях помещика Протопопова при помощи уездного наркома земледелия Жданова 15 беднейших крестьянских семей Батуринской волости организовали коммуну с колоритным названием «Первый просвет новой жизни».

По требованию Жданова все крестьяне, получавшие перераспределённую землю, обязывались под расписку дать обязательство, что весь полученный надел будет своевременно обработан и убран.

Передел земли, естественно, вызывал многочисленные споры между крестьянскими семьями и даже целыми сельскими общинами. Поэтому в апреле 1918 года в газете «Крестьянин и рабочий» появилось объявление: «Уездный земельный отдел сим извещает, что 15 апреля открылись курсы сельских мерщиков в городе Шадринске в здании городского училища»^[87]. Объявление удостоверил комиссар земледелия А. Жданов.

В апреле 1918 года большевиков в городе Шадринске и уезде насчитывалось уже 383 человека. В конце этого месяца Жданов, как глава уездного комитета РКП(б), участвовал в 4-й Уральской областной конференции Российской коммунистической партии (большевиков). Данная конференция примечательна тем, что вопреки решению Ленина большевики Урала, среди которых лидировали так называемые «левые коммунисты», приняла резолюцию против Брестского мира. Одним из «левых коммунистов», выступавших вообще за большую независимость Урала от Москвы, был старший товарищ главного героя нашей книги, бывший писарь 139-го полка Николай Уфимцев. По его примеру 22-летний Жданов так же голосовал против Брестского мира, как и многие, искренне считая его постыдным компромиссом с империализмом. Этот поступок серьёзно противоречит позднему образу твердокаменного большевика-ленинца, безупречного сталинского соратника, колебавшегося исключительно «вместе с генеральной линией партии».

Среди забот тех дней не забыл Жданов и своё студенческое увлечение земской статистикой. В мае он разослал в волостные советы перечень вопросов для местных властей — где требуется провести осушение болот, выкопать новые колодцы, провести искусственное орошение, построить мельничные плотины и т. п. Удивительно, но в те лихорадочные дни Жданов успел даже позаботиться о защите местных лесов. Сохранилось его письмо в исполком: «Ввиду происходящей в пределах Шадринского лесничества хищнической рубки в большом масштабе общенародного леса

Уездный Земельный отдел просит сделать распоряжение об откомандировании в Кабанскую волость отряда красногвардейцев в составе 10 человек в помощь местной страже, которая бессильна остановить разгром общенародного леса»^{88}. По предложению Жданова уездный совет определил порядок использования местных лесов крестьянскими хозяйствами.

Хозяйственная деятельность молодого комиссара Жданова, которой он занимался явно с желанием и энтузиазмом, происходила на фоне всё более нараставшего политического напряжения. События 1917 года и первые плоды советской власти в 1918 году дали ей не только массы сторонников, но и огромное количество противников и врагов — от озлобленных конфискациями землевладельцев и фабрикантов до убеждённых сторонников разогнанного Учредительного собрания.

Забавный факт: всю весну 1918 года в Шадринске параллельно с Советом продолжала существовать старая городская дума. Господа-думцы приняли резолюцию: «Признавая переход власти в руки Советов, как свершившийся факт, городская Дума остаётся на своём посту...» Дума даже издала распоряжение управе и прочим городским органам управления «мириться с контролем со стороны местной советской власти, предоставить комиссару право решающего голоса и подписи бумаг»^{89}.

Однако все противники большевиков в Поволжье, на Урале и Сибири ещё не имели никакой организованной военной силы, чтобы выступить против Советов. До тех пор, пока весной 1918 года в эти края не прибыли эшелоны с эвакуированными из Центральной России солдатами чехословацкого легиона.

Ещё в разгар Первой мировой войны в 1916 году царское правительство стало формировать из многочисленных пленных чехов и словаков первые воинские части, намереваясь использовать «братьев-славян» против Австро-Венгрии. После Февральской революции Временное правительство в июне 1917 года сформировало первую чехословацкую дивизию, затем ещё несколько (всего до 80 тысяч штыков). Но фронт разваливался, и чехи остались не у дел. Октябрьскую революцию они сначала восприняли нейтрально. Однако уже в ноябре 1917 года на совещании представителей Антанты в румынских Яссах, где впервые подняли вопрос о возможности англо-французской интервенции в Россию, чехи рассматривались как основная сила возможной оккупации.

Представители Антанты предложили эвакуировать чехословацкие войска через Владивосток, якобы для отправки на французский фронт.

Советское правительство предлагало более краткий путь для эвакуации — Северным морем, через Архангельск и Мурманск. Командование чехословацкого легиона, подстрекаемое эмиссарами Антанты, отказалось. Эшелоны с вооружёнными чехословаками растянулись по всей России от Пензы до Владивостока. 80 тысяч хорошо вооружённых и неплохо организованных солдат представляли грозную силу в разорённой и дезорганизованной мировой войной и двумя революциями стране. Эту силу и решили использовать представители Антанты для свержения большевиков и создания в России правительства, которое бы продолжило войну с Германией, — весной 1918 года, в разгар серии германских наступлений во Франции, все искренне считали, что мировая война продлится ещё не один год...

В итоге сложился временный военно-политический союз ориентированного на распоряжения Антанты командования чехословацкого корпуса и правых эсеров, которые политически объединяли большинство антибольшевистских сил, выступавших под лозунгом защиты и восстановления разогнанного Учредительного собрания. Чехословацкий мятеж начался в середине мая 1918 года в Челябинске. Буквально в считанные дни огромная территория от нынешнего Новосибирска (тогда Новониколаевска) до Челябинска оказалась под контролем мятежников, официально считавшихся частью вооружённых сил Антанты. Только что созданные отряды Красной гвардии в тех регионах и городах насчитывали в лучшем случае сотни, а обычно — лишь десятки бойцов. Естественно, они не могли оказать никакого эффективного сопротивления многочисленным, хорошо организованным и вооружённым частям чехословацкого корпуса.

Этот мятеж позволил всем антибольшевистским элементам Сибири, Урала и Поволжья собраться с силами и открыто выступить против Советов. Под сенью чехословацких штыков как грибы после дождя стали возникать многочисленные «демократические» правительства — Комитет Учредительного собрания в Поволжье, Сибирское правительство, Уральское областное правительство и т. п. Повсеместно начали появляться первые антибольшевистские военные формирования.

Нельзя сказать, что советское правительство не предприняло решительных и энергичных мер для ликвидации этих выступлений, но его ресурсы в тех регионах и условиях были крайне ограничены. Уральский край обладал развитой промышленностью, однако был практически лишён боеспособных воинских формирований. Во время Первой мировой войны на Урале располагались лишь запасные полки, в основном прекратившие

своё существование к весне 1918 года. На базе этих полков из малочисленных отрядов добровольческой Красной гвардии и начали создавать первые воинские части Красной армии.

В Шадринске на месте бывшего 139-го запасного пехотного полка был образован 4-й Уральский полк. Когда до города дошли известия о чехословацком мятеже, в полк добровольцами записались почти все слушатели курсов землемеров, созданных Андреем Ждановым. Одним из таких несостоявшихся «сельских мерщиков» был 23-летний местный уроженец Михаил Шумилов, также бывший прапорщик. Оказавшись в Красной армии в мае 1918 года, он останется в ней на всю жизнь: примет участие и в штурме Перекопа, и в гражданской войне в Испании, в должности командира стрелкового корпуса—в советско-финляндской войне, будет оборонять Ленинград в 1941-м. В 1942 году 7-я гвардейская армия Шумилова будет защищать Сталинград...

Глава 5.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

К 1 июня 1918 года все советские воинские формирования Урала по спискам насчитывали 19 тысяч человек, из них треть не была вооружена, половина не имела ни фронтового опыта, ни простой воинской подготовки. Против десятков тысяч чехословаков и примкнувших к ним добровольческих белых отрядов советская власть Урала в начале июня смогла выставить не более восьми тысяч штыков.

В тот момент бывшие Пермская, Вятская, Уфимская и Оренбургская губернии были объединены в огромную Уральскую область. Руководство красноармейскими частями на этой обширной территории осуществлял Уральский областной (окружной) комиссариат по военным делам во главе с коллегией, в которую входили Филипп Голощёкин, Николай Уфимцев и Павел Хохряков.

42-летний бывший зубной врач и член РСДРП с 1903 года Филипп Исаевич Голощёкин входил в высшее руководство большевистской партии, участвовал в октябрьском перевороте и с начала 1918 года был фактическим лидером большевиков Урала. Его же ближайшие сотрудники по военным делам были хорошими знакомыми нашего героя — бывший писарь штаба 139-го полка Уфимцев руководил первыми шагами прапорщика Жданова на ниве партийной деятельности весной 1917 года, а матрос Павел Хохряков в январе 1918 года со своим пулемётом «максим» помогал Жданову устанавливать советскую власть в Шадринске.

Вообще, короткая жизнь тридцатилетнего Павла Даниловича Хохрякова является типичным примером тех, кто яркими метеорами промелькнул в русской революции, сжигая себя и окружающих, ломая инерцию привычного и меняя историю. Бывший кочегар броненосца «Император Александр II», член партии большевиков, Хохряков создавал первые отряды Красной гвардии на Урале. Какой-то мистической прихотью судьбы этот в прошлом вятский крестьянин оказался причастен и к расстрелу семьи последнего царя династии Романовых, и к убийству родственников Ленина.

Екатеринбургский нотариус Виктор Ардашев являлся двоюродным братом Владимира Ульянова, их матери были родными сестрами. Братья с детства были знакомы, но если Владимир стал радикальным социал-демократом и лидером подпольной партии, то Виктор делал благополучную

карьеру нотариуса и был членом умеренно-либеральной партии кадетов. В январе 1918 года Виктор Ардашев стал в Екатеринбурге организатором протестов в поддержку разогнанного его двоюродным братом Учредительного собрания. Красногвардейцы Хохрякова, только что вернувшиеся из Шадринска, арестовали неблагонадёжного нотариуса. Через несколько дней, когда задержанного из здания Совета вели в тюрьму, на одной из улиц арестант попытался бежать и был застрелен конвоиром.

15 января 1918 года матрос Хохряков старательными буквами с завитушками вывел донесение руководству: « *Чест* имеем *довести досведенья* начальника Центрального штаба, нам *красно гвардейцам* 4-го *Района* был доверен Арестованный Ардашев *Гражданин Города верхотурья*, сопроводить в екатеринбургскую тюрьму *который* *отнас* сбежал и после трёх предупреждений был убит *извинтовки*». Текст и орфография сохранены.

Заметим, что на фоне большинства это был ещё относительно грамотный человек, работавший на флоте со сложной для тех времён техникой. Он так и подписал свой доклад о смерти двоюродного брата Ленина — «матрос Хохряков». Увы, в полуграмотной стране, населённой в основном малоимущими крестьянами, где жизни дремучих миллионов переломала мировая война, давно назревавшие социальные перемены были обречены обернуться масштабным насилием. Весной 1918 года именно Хохряков отконвоирует семью Николая II из Тобольска в Екатеринбург и позднее в том самом подвале дома Ипатьева лично будет участвовать в расстреле, а через несколько недель сам погибнет в бою с чехословаками.

Личное знакомство с Уфимцевым и Хохряковым, организаторами Красной армии на Урале, способствовало переходу Андрея Жданова из уездного совета в комплектовавшийся кадрами окружной военной комиссариат. Уфимцев и Хохряков знали Жданова не только как проверенного большевика (причём своего, «левого» коммуниста), но и в качестве толкового организатора и грамотного пропагандиста. В первых числах июня 1918 года наш герой подаёт заявление о добровольном вступлении в Рабоче-крестьянскую Красную армию и прибывает в Екатеринбург для работы в Уралоблвоенкомате. Его новая должность официально называлась «инспектор-организатор агитационного бюро окружного военкомата». Начальником агитбюро, то есть непосредственным руководителем Жданова, был Н.И. Уфимцев.

Екатеринбург отделяло от Шадринска лишь 200 вёрст — скромное расстояние для Урала. 22-летний бывший московский студент и сам стремился вырваться из уездного захолустья. Занесённый в Шадринск

лишь перипетиями мировой войны, бывший прапорщик не собирался оставаться там всю жизнь. Среди водоворота революционных событий он тем не менее скучал по родной Твери, где остались родственники и масса друзей, в том числе товарищи по социал-демократическому подполью. Явно манили его и столицы с большими городами, где происходили главные события революции. Неудивительно, что Андрей с желанием ухватился за первую возможность перебраться из уездного Шадринска в куда более оживлённый Екатеринбург, фактический центр Урала.

Несмотря на «карьерный рост» и перемещение в «центр», бывший член исполкома уездного совета и глава местной организации большевиков Жданов нелегко переживал расставание с шадринскими соратниками, о чём свидетельствует его письмо в Шадринск от 12 июня 1918 года, в котором с чувствами и не без пафоса он пытается объясниться и даже оправдаться перед товарищами:

«Мне приходится разрывать с вами ту тесную связь, которая соединяла меня с вами в течение года с лишком общими идеями и борьбой за светлое будущее трудящихся. В частных беседах с некоторыми из вас я уже давно говорил о своём постоянном желании уехать из Шадринска. Причиной этой тяги к отъезду были многие обстоятельства и общего и личного характера. Однако Совет, быть может, незаслуженно преувеличивая мои слабые силы и способности, всякий раз, когда поднимался вопрос о моём переезде из Шадринска, противился ему. Теперь я, кажется, основательно засел в Екатеринбурге. Получил назначение на должность областного организатора Красной Армии. В задачу мою будет входить как общее инструктирование организации, ведающей постановкой дела в Красной Армии, так и упорядочение политической, культурно-просветительской и партийной организации Красной Армии. В переживаемый же тяжёлый момент центр тяжести работы ежедневно будет обращен на организацию отпора чехословацким бандам. Такие "сепаратные" действия с моей стороны вызовут, вероятно, ряд упрёков со стороны товарищей по моему адресу. Я боюсь, что некоторые товарищи превратно истолкуют мой отъезд как бегство работника с ответственного поста в трудную минуту.

Товарищи! Я думаю, что год моей работы в революционных и советских организациях Шадринска служит достаточным доказательством ложности таких обвинений... Нигде я не сворачивал с своей дороги, несмотря ни на какие шипения и угрозы со стороны буржуазии, меньшевиков, прав.[ых] эсеров и проч. саботажников. Будьте же уверены, товарищи, что я до последней капли крови, до последнего издыхания во всяком месте исполню свой долг борца за светлую жизнь для трудового

народа. Пусть же никакая тень не встанет между мной и вами, дорогие товарищи по общей работе и духу. Пусть каждый из вас, где бы он ни был, с оружием в руках борется за новую жизнь. И что бы ни случилось с каждым из нас, победа останется за нами.

Душой с вами. Ваш товарищ А. Жданов».

Явно не просто прошло расставание Жданова с Шадринском, где в 15 месяцев вместилась значительная часть ключевых событий его жизни. В город Шадринск он больше уже не вернётся никогда.

Долго предаваться интеллигентским рефлексиям в июне 1918 года не было времени. В середине месяца для сопротивления «белочехам» и белогвардейцам был образован Северо-Урало-Сибирский фронт во главе с латышским большевиком Р.И. Берзиным и бывшим генералом царской армии Д.Н. Надёжным. Малочисленным и наспех организованным красным частям, разбросанным отдельными группами по фронту в 700 вёрст, пришлось с боями отступать по всем направлениям.

Окрестности Шадринска защищал отряд в 912 штыков и 36 сабель при 15 пулемётах и одном броневике (примечательно, что этот броневик прибыл из Петрограда и ранее охранял Смольный). 29 июня 1918 года, пока основные силы этого отряда были скованы боями с наступающими ротами чехословаков на Челябинском тракте в нескольких верстах от города, в Шадринск на автомобилях ворвалась передовая группа чехословаков и добровольцев Временного сибирского правительства. Среди этих последних были старые приятели нашего героя — правые эсеры Адриан Моисеев и Николай Здобнов. Когда-то гулявшие на свадьбе прапорщика Жданова, они теперь возглавляли подпольную эсеровскую дружину Шадринска, а вскоре возглавят новую власть в городе — Временный шадринский комитет народной власти.

Ночью на 29 июня красные при помощи броневика выбили отряд Моисеева из центра Шадринска, но отбросить чехословаков от города не смогли и приняли решение отступать в сторону Екатеринбурга. С утра 30 июня шадринское купечество с «хлебом-солью» под колокольный звон всех восьми церквей Шадринска встречало «братьев по крови» — чехословацких легионеров. Местной властью в городе вновь стали эсеры Здобнов и Моисеев, для борьбы с большевиками начал формироваться местный добровольческий отряд.

Через две недели после падения в Шадринске советской власти над городом появились два красных аэроплана. Вместо бомб самолёты разбросали агитационные листовки, составленные тем самым агитбюро, в котором работал товарищ Жданов. Тогда никакого видимого эффекта эта

красная пропаганда не оказала, но в течение следующего года войны агитация красных сыграет свою существенную роль в исходе гражданского противоборства.

Пока же, в июле 1918 года, наступление чехословаков и росших в численности белых формирований продолжалось. Развернулись бои на подступах к Екатеринбург. Северо-Урало-Сибирский фронт был преобразован в 3-ю армию Восточного фронта. При поспешном оставлении Екатеринбурга была расстреляна семья бывшего императора Николая II. В решении судьбы последних Романовых принимали непосредственное участие товарищи нашего героя — Уфимцев и Хохряков. Первоначально они выступали против бессудного расстрела, но в сложившихся условиях было решено не отдавать семью Романовых в руки противников советской власти. Впрочем, смерть в те дни была неразборчива — практически одновременно с Романовыми в Екатеринбурге по подозрению в связях с белыми был расстрелян ещё один родственник Ленина, его племянник Георгий Ардашев.

С ростом масштабов боевых действий росло и ожесточение сторон. Если к началу 1918 года установление советской власти прошло с минимальными жертвами или без жертв вообще, то с первых дней чехословацкого мятежа выросшее политическое напряжение обернулось открытым террором. В ответ на убийства мятежниками большевиков красные стали арестовывать и расстреливать своих противников. В свою очередь, наступавшие белые истребляли сторонников советской власти в захваченных городах и уездах. Кроме того, Временное сибирское правительство в июле 1918 года объявило о возвращении прежним собственникам ранее конфискованного имущества и земли, что ещё более подхлестнуло расправы на местах. Среди прочих жертв белого террора будет и Никифор Шаркунов. Председателя крестьянской коммуны, организованной при помощи Жданова на конфискованных помещичьих землях, расстреляли.

Казни в Шадринске проводились на окраине города, названной Кровяным Бором. В 1918—1919 годах здесь погибли многие товарищи Жданова по уездному совету и городской парторганизации. За год «белой» власти в Шадринском уезде будут убиты и разными способами казнены свыше двух тысяч человек. При этом до прихода белых жертвами красного террора в уезде пали менее десятка активных противников Советов. В то время на Урале и в Сибири белый террор, особенно после перехода власти к адмиралу Колчаку, значительно превзойдёт по масштабам террор красный, что сыграет немалую роль в победе большевиков в будущем, 1919

году. Пока же бывший депутат Учредительного собрания Николай Здобнов в июле 1918 года писал в шадринской городской газете: «Власть большевиков, власть грубого насилия в Шадринске сброшена, и мы можем говорить свободно...»^[90]

Летом 1918 года эсер уездного масштаба Здобнов сделает стремительную «государственную» карьеру в созданных на чехословацких штыках белых «социалистических» правительствах — станет заместителем министра народного просвещения Самарского правительства и участником Уфимского государственного совещания (объединения белых правительств Урала, Сибири и Поволжья). Однако уже к концу года он сам едва не окажется жертвой колчаковского террора, когда с санкции Антанты адмирал Колчак провозгласит себя верховным правителем, после чего разгонит и арестует временные правительства из бывших депутатов Учредительного собрания. Часть арестованных Колчаком соратников Здобнова будет расстреляна, но самому бывшему главе Шадринской городской думы колчаковской пули посчастливится избежать.

В результате всех этих потрясений Здобнов навсегда отойдёт от политики и в течение двадцати лет оставшейся жизни будет заниматься исследованиями русского книгопечатания и книгоиздания, станет классиком русской и советской библиографии. Примечательно, что жена Здобнова сохранит отношения со своей бывшей подругой по шадринской гимназии Зинаидой Ждановой. И когда в 1930-е годы воевавшего против большевиков бывшего эсера не раз будут арестовывать, из далёкой Москвы за него будет заступаться уже всемогущий член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов. Летом 1941 года уже пожилой человек Здобнов попросится на фронт добровольцем. Но в те дни органы сталинской госбезопасности будут лихорадочно «зачищать» все мало-мальски сомнительные и подозрительные элементы, и старый шадринский эсер вновь попадёт в тюрьму. Его далёкий всемогущий друг-соперник революционной молодости тогда уже будет отрезан от России в Ленинграде, окружённом немецкими танками. Арестованный Здобнов умрёт в заключении в 1942 году. Через два года, вскоре после снятия блокады, с подачи Жданова будет опубликована рукопись Здобнова «История русской библиографии». Сохранённые во многом благодаря Жданову научные работы Здобнова будут ещё не раз переиздаваться во второй половине XX века.

Думается, тот факт, что Жданов через всю жизнь пронесёт доброе отношение к своему политическому противнику Николаю Здобнову, весьма показателен для психологической характеристики героя нашей книги. Андрей Александрович Жданов, безусловно, был искренним

приверженцем большевистской революционной идеи, способным на решительные, насильственные действия. Но при этом он не был узколобым фанатиком — в годы «воинствующего безбожия» он был способен проявить уважение к религиозным чувствам других людей (вспомним его венчание в церкви) и даже в условиях Гражданской войны смог сохранить человеческое отношение к своему политическому противнику.

Впрочем, кровавым летом 1918 года встреча двух бывших приятелей по интеллигентским спорам о судьбах России вряд ли бы закончилась мирно. Гражданская война продолжалась, размах боевых действий и ожесточение сторон росли, белые наступали по всем фронтам.

После падения Екатеринбурга инспектор-организатор агитационного бюро окружного военкомата и работник политотдела 3-й армии Жданов оказывается в Перми. Во второй половине 1918 года и в самом начале 1919 года нашему герою придётся пережить всю тяжесть поражений в первых столкновениях с мятежным чехословацким корпусом, полками Омской директории и армиями верховного правителя Российского государства Колчака. Именно в те месяцы и в этом регионе появятся в истории нашей страны имена Фрунзе, Чапаева, Тухачевского, Блюхера и их противников по ту сторону фронта — Каппеля, Войцеховского, Пепеляева. Бывший прапорщик Жданов играл в этих событиях куда менее заметную роль — он занимался вопросами политической пропаганды среди бойцов Красной армии, местного населения и солдат противника. Но в условиях Гражданской войны — особенно в условиях Гражданской войны! — политическая пропаганда или, говоря современным языком, информационно-психологическая война была оружием не менее важным и действенным, чем винтовки и пушки. Молодой большевик Андрей Жданов и был одним из полководцев пропагандистского фронта, на котором красные, как признавали даже их противники, одержали убедительную победу.

В ведение Жданова входили инструктаж агитаторов, снабжение частей литературой и листовками и иные самые разнообразные задачи, которые появлялись в ходе лихорадочного создания регулярной Красной армии. В Перми в августе 1918 года его назначили руководителем своеобразного учебного подразделения — военно-агитаторских курсов. Вместе с ним преподавателем на курсах работала и его жена Зинаида. Здесь в сентябре она официально вступит в ряды РКП(б). Членом коммунистической партии она пробудет долгие 72 года...

Задачей курсов являлась подготовка работников для агитационной, организаторской и культурно-просветительной деятельности среди

красноармейцев и всего населения. Предполагаемый срок обучения на курсах — 4,5 месяца, три курса по шесть недель каждый: основной (теоретический), практический и «повторительный». После учёбы выпускники обязаны были прослужить в распоряжении агитбюро не менее полугода.

Но пройти полную программу не удалось практически никому — из-за сложной обстановки слушателей Жданова постоянно бросали на ликвидацию разнообразных кризисов: от борьбы со спекулянтами и дезертирами до затыкания прорывов на фронте. А там бои шли с переменным успехом. В августе 1918 года 3-я армия попыталась перейти в контрнаступление и даже продвинулась на 30 вёрст к Екатеринбург, но вскоре была остановлена белыми. Осенью 1918 года красные успешно наступали в Среднем Поволжье и Прикамье, отбив у белых Симбирск и Казань. Этим поражением и воспользовался Колчак, чтобы разогнать белые «социалистические» правительства и установить единоличную диктатуру

Всё это время, до декабря 1918 года, 3-я Красная армия Восточного фронта упорной обороной сковывала резервы белых. Однако Колчак, стремясь переломить ход событий на фронте, в короткие сроки подготовил наступление на Пермском направлении. И в самом конце года произошло то, что красные сразу же назвали «пермской катастрофой».

В декабре 1918 года губернский город Пермь, являвшийся основным тыловым центром всей Северной группы армий Восточного фронта Советской республики, был набит людьми и техникой. Здесь скопилось около шести тысяч вагонов военного имущества и продовольствия при крайней нехватке паровозов. Все эвакуированные из Екатеринбурга учреждения были здесь, по переполненным казармам теснился многотысячный ещё необученный гарнизон, забытые ранеными лазареты из больниц расплзлись по вагонам, учебным аудиториям и монастырям.

В ночь с 23 на 24 декабря 1918 года 4-й Енисейский стрелковый полк из Сибирской армии Колчака в тридцатиградусный мороз на лыжах прошёл 35 вёрст и в шестом часу утра неожиданно ворвался в Пермь, блокировав казармы, где располагались основные резервы красных. Здесь сдались в плен до четырёх тысяч новобранцев, недавно мобилизованных в РККА, и многочисленная артиллерия. Из захваченных пушек белые открыли огонь по ещё удерживаемой красными железнодорожной станции Пермь-2.

Поздним декабрьским рассветом того дня городские обыватели уже наблюдали на улицах первые разведывательные дозоры белых «сибиряков», в добротных полушубках с погонами на плечах, в шапках-ушанках, с заткнутыми за них веточками ельника — символом белой

Сибирской армии. Части красных в беспорядке отступали за реку Каму. Стратегически важный Камский железнодорожный мост достался белым в целостности и сохранности.

В ходе «пермской катастрофы» 3-я Красная армия потеряла свыше половины своего состава, около 32 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Белым достались огромные трофеи, большая часть вооружения и запасов бежавших большевиков — свыше сотни орудий и более 10 тысяч снарядов, около тысячи пулемётов, более 20 тысяч винтовок, 10 миллионов патронов, 9 бронепоездов. В Перми остались три сотни паровозов и свыше пяти тысяч вагонов с военным имуществом, оружием и продовольствием. Достались белым и огромные запасы дефицитного и ценнейшего в те годы топлива: угля, дров, нефти и керосина.

Инструктор политотдела Жданов был одним из тех, кому посчастливилось бежать из Перми и не попасть в плен к белым, которые не церемонились с «партийными». А ведь вместе с ним в те последние декабрьские дни 1918 года была и Зинаида. К счастью, они сумели не потерять друг друга в хаосе Гражданской войны и затем избежать самых страшных её проявлений.

Для расследования причин и ликвидации последствий «пермской катастрофы» на фронт в штаб 3-й Красной армии по поручению Ленина прибыла специальная комиссия ЦК РКП(б) во главе с наиболее решительными и авторитетными руководителями большевистской партии — Феликсом Дзержинским и Иосифом Сталиным. Вряд ли Андрей Жданов мог непосредственно общаться с высокими лидерами, но так или иначе это было первое пересечение биографий нашего героя и будущего всесильного вождя. Через 22 года, страшным летом 1941-го, когда Ленинградский фронт будет рушиться под ударами немецких танковых клиньев, Жданов снова вспомнит этот разгром и пермское отступление — ему очень пригодится опыт работы и обороны в самых катастрофических условиях.

С началом 1919 года бои на 600-вёрстном колчаковском фронте не стихали — через несколько дней после падения Перми войскам 5-й Красной армии удалось захватить у белых Уфу. И уже в январе 1919 года Жданов оказывается в этом городе в должности заведующего культпросветотделом Уфимского губвоенкомата, входившего тогда в состав Уральского окружного комиссариата по военным делам. Зинаида Жданова становится заведующей библиотекой губвоенкомата.

Уфа в те дни голодала. Рабочим по карточкам полагалось в сутки до 400 граммов хлеба, служащим — 200. Выдавали полфунта мяса на человека в неделю и десять килограммов муки на семью раз в месяц. В

городе свирепствовал тиф, но с разрешения санитарных властей в организованной культпросветотделом Уфимской центральной красноармейской школе шли лекции — например, писатель-анархист Сивачёв прочитал доклад «Есть ли жизнь на Марсе?».

«Знание — сила. Без знания человек слеп. Идите, читайте, записывайтесь, учитесь понимать и строить новую жизнь!» — зазывают солдат и горожан афиши культпросветотдела. Много лет спустя, в конце 1940-х годов, именно секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов станет инициатором создания Всесоюзного общества «Знание»...

К исходу зимы 1919 года Колчак начал своё последнее наступление. Его войска тогда насчитывали 140 тысяч штыков и сабель против 85 тысяч бойцов Восточного фронта красных. 14 марта 1919 года белая Западная армия захватывает Уфу. 5-я Красная армия при отступлении теряет половину своего состава. При поспешном оставлении города не взорван мост через реку Белую, что позволяет Колчаку быстро перебросить войска на левый берег и приступить к преследованию красноармейских частей по направлению к Бугульме и Белебею.

Казалось, для Жданова вновь повторились недавние дни «пермской катастрофы». Через несколько лет он лаконично напишет в одной из партийных анкет: «В марте 1919 года Уфа пала. Продолжаю работу в Белебее по заданиям политотдела 5 [армии]. Из Белебея по болезни еду в отпуск в Тверь...»^[91]

Решение, принятое Ждановым весной 1919 года, явно задевало его на протяжении всей оставшейся жизни. Действительно, он с детства не отличался крепким здоровьем, которое не улучшили почти три года неустроенного быта в казармах и случайных жилищах с лета 1916 года. А переводы ответственных работников с фронта на укрепление тыла в те годы не были редким явлением — воюющие армии Гражданской войны были немногочисленными, а надёжно функционирующий тыл в тех условиях был не менее, если не более, важен. Но всё же это был именно отъезд из действующей армии в тыл — пусть для Гражданской войны понятие тыла было достаточно условным.

Бывший прапорщик и будущий генерал-полковник Андрей Жданов явно не был «человеком войны», живущим сражениями на поле боя. По своему психотипу и складу характера он отличался от дравшихся рядом с ним лихих рубак, атаманов и полководцев, для которых война стала привычной и даже притягательной стихией. Долгие месяцы тяжёлых отступлений от Екатеринбурга, Перми и Уфы, несомненно, измотали его физически и морально. К тому же на руках Андрея Жданова находилась

уже беременная жена, родительский дом которой отрезал фронт и которой явно было не место в воюющей армии.

В общем, у нашего героя было достаточно причин для возвращения с фронта в Тверь — от возможности по болезни перевестись на такую же работу в другой военный комиссариат до по-человечески понятного беспокойства за жену и будущего ребёнка. Но Жданов был человеком идейным, искренним приверженцем своих убеждений, и решение оставить фронт в дальнейшем всё же будет беспокоить его совесть большевика. Став крупнейшим руководителем государства, он скромно отмалчивался на вопросы о своей армейской биографии в годы Гражданской войны. В 1937 году на запросе бывшего комиссара кавалерийского корпуса, а в то время ведущего советского историка Исаака Минца по поводу включения биографии Жданова в издания по Гражданской войне, наш герой категорично написал: «Вообще всё о моей персоне предлагаю вычеркнуть»^[92]. Думается, это не было позой и проявлением скромности, и, как умный человек, Жданов просто не хотел выставлять рядом с реальными и легендарными героями Гражданской войны свою скромную биографию незаметного штабного и тылового работника...

В конце марта или самом начале апреля 1919 года Жданов отбыл из Белебея в Тверь. Он разминулся с новым командующим 5-й армией — Михаилом Тухачевским, вступившим в эту должность 5 апреля 1919 года. На следующий день, 6 апреля, Белебей был захвачен белыми. Но это был один из последних успехов Колчака — в конце месяца началось общее контрнаступление Восточного фронта красных. Для преуспевшего в массовых расстрелах, но так и не наладившего работу тыла верховного правителя России, оно закончится через десять месяцев полным разгромом и польнёй иркутской проруби...

К маю 1919 года Жданов с женой добрался до Твери. Возвращение в родной город, который наш герой покинул почти три года назад, в июле 1916 года, не могло не радовать молодого коммуниста — здесь были родные и масса знакомых, а многие товарищи по дореволюционному социал-демократическому подполью, кого не разбросало по фронтам Гражданской войны, занимали в Тверской губернии руководящие должности. Так, Пётр Викман, о посещении квартиры которого студентом Ждановым в мае 1916 года доносили жандармские филёры, сам уже был главным тверским «жандармом» — председателем Губчека, а в мае 1919 года занял должность председателя губернского исполкома. Конечно, такие друзья и связи открывали нашему герою немалые по тем временам возможности и перспективы.

10 мая 1919 года приказом по Тверскому губернскому военкомату А.А. Жданова назначили начальником организационно-агитаторского (агитационно-просветительского) отделения. Губернский военный комиссариат являлся высшим военным учреждением в соответствующей губернии, ответственным за снабжение, мобилизацию и подготовку войск, ему подчинялись все войска на территории губернии, за исключением входящих в действующую армию. По штату в организационно-агитаторском отделении губернского военкомата работали 33 человека. Отделение занималось агитацией и политическим воспитанием войск и населения всей Тверской губернии.

Время было голодное, на руках пожилая мама и беременная жена — для дополнительного «пропитания» Жданов подыскал себе ещё одну должность с хорошо знакомыми ему обязанностями: он устроился преподавателем политграмоты в Тверское кавалерийское училище. Созданное на базе дореволюционного юнкерского кавалерийского училища, это военно-учебное заведение готовило командиров для конницы РККА и в те дни официально называлось Московской окружной кавалерийской школой им. Льва Троцкого. Лет через пять Жданов уже будет активным политическим противником Льва Давидовича, но пока товарищ Троцкий являлся всесильным и авторитетным создателем регулярной Красной армии, грозным председателем Реввоенсовета Республики.

1919 год как раз стал годом организационного строительства Советской России. Из добровольческих полупартизанских отрядов были созданы регулярные вооружённые силы, а из поспешно слепленного после октябрьского переворота советского аппарата власти только-только стал выковываться дееспособный государственный механизм. Нашему герою и предстояло принять самое активное участие в решении этих задач на территории Тверской губернии.

По сравнению с другими землями бывшей Российской империи, охваченными Гражданской войной, Тверской регион был тыловым и относительно спокойным. Но выглядел он так только на фоне полномасштабной гражданской бойни. Весь предыдущий, 1918 год двухмиллионная Тверская губерния была охвачена волнениями крестьян, выступавших против продразвёрстки. Отношение тверского крестьянства к советской власти было противоречивым. Изъятие продовольствия вызывало озлобление и повсеместные протесты. Но в результате большевистского передела помещичьей земли крестьянское землевладение в губернии возросло в 1,5 раза. И в условиях наступления белых армий

крестьянство опасалось, что итогом падения большевиков станет возвращение помещиков и потеря полученной земельной собственности. Поэтому крестьянское недовольство так и не вылилось в массовое политическое выступление против советской власти.

Тверские крестьяне по старинной привычке верили в «доброего царя», считая, что Ленин за них, а все беды от «хулиганов» в местных советах. В условиях тотальной нехватки кадров местный, низовой аппарат советской власти действительно был изрядно «засорён» случайными, некомпетентными, а порой и злонамеренными людьми.

Помимо продразвёрстки в 1919 году началась и массовая мобилизация — в Красную армию забирали молодых мужчин и лошадей. Изъятие этих кормильцев также вызывало волнения и протесты, в первую очередь массовое дезертирство. Как один из немногих тыловых регионов Советской России Тверская губерния стала «донором», из которого выкачивали все ресурсы для воюющей армии. Массовые мобилизации обернулись массовыми волнениями и дезертирством. Порой дезертировало до 80 процентов мобилизованных, и Тверская губерния в 1919 году прославилась своими «зелёными» и «лесными» дивизиями — многими тысячами беглых дезертиров, скрывавшихся в тверских лесах и болотах.

С апреля 1919 года именно Корчевский уезд, хорошо знакомый Жданову, стал одним из самых «зелёных» в губернии. Сочетая репрессии и уступки — периодические амнистии, дополнительные пайки добровольно вернувшимся и т. п., — большевики к осени 1919 года сумеют справиться с массовым дезертирством и лесными дивизиями.

В июне 1919 года в Твери прошёл 5-й губернский съезд Советов, вылившийся для большевиков в настоящий политический кризис губернского масштаба. После выборов большинство на съезде составляли беспартийные. По инициативе меньшевиков и эсеров с небольшим перевесом голосов прошли резолюции с осуждением внутренней политики большевиков. Одновременно в городе началась всеобщая забастовка рабочих, измученных жизнью в условиях нехватки продовольствия, разрухи и войны.

Большевикам с большим трудом удалось урегулировать этот кризис при помощи политических манёвров, обещаний и уступок, не прибегая к репрессиям. Сам Ленин лично направил телеграмму бастующим рабочим Твери, а затем встречался в Кремле с делегацией тверских забастовщиков.

Вот на таком фоне Андрею Жданову пришлось начинать свои первые шаги в органах власти Тверской губернии. Наблюдая в июне местный политический кризис, он, как человек толковый и уже опытный, обратил

внимание своих товарищей, партийных руководителей Твери и губернии на то, что политическая работа среди населения ведётся множеством разрозненных организаций: губернским комитетом партии, организационно-просветительным отделом губсовета, информационно-инструкторским отделом губисполкома, губернским советом профсоюзов, соответствующим отделом губернского военкомата и другими органами и организациями. В такое критическое время в деле пропаганды и агитации существовали большой разницей и ненужное дублирование. Жданов предложил для экономии сил и средств объединить и централизовать всю политическую работу в губернии.

Партийные руководители губернии хорошо знали Жданова по дореволюционному подполью и доверяли ему. В итоге уже в июле 1919 года Жданов создал под своим руководством оргбюро, а потом на его базе — политотдел при губкоме РКП(б) «для объединения всей политической работы в губернии». При этом обязанности по службе в губвоенкомате и кавалерийском училище с него никто не снимал.

Молодой большевик с головой окунулся в агитационную и организационную деятельность. Только в августовских номерах «Тверской правды», главной газеты в губернии, напечатаны шесть его выступлений. А ведь именно в августе 1919 года, 20-го числа, у Андрея и Зинаиды Ждановых рождается первый и единственный ребёнок, мальчик. Отец назовёт младенца Юрием — именно под таким псевдонимом в подпольной организации тверских социал-демократов в 1915—1916 годах знали юного Жданова.

Но для приятных семейных хлопот 1919 год не оставляет ни времени, ни возможностей. Устанавливая контакты с местными работниками, Жданов много ездит по губернии, что в те дни, скажем прямо, было весьма небезопасно, особенно для представителя партийной власти. В одной из таких поездок вместе с председателем Губчека Михаилом Константиновым (его школьным приятелем и тоже бывшим тверским подпольщиком) Жданов знакомится с председателем Бежецкого уездного комитета партии Михаилом Чудовым. Вскоре, по предложению Жданова, Чудова переводят на работу в Тверь, где он быстро продвигается по партийной линии и в конце 1920-х годов уже вместе с Кировым руководит Ленинградским обкомом партии. Судьбы Жданова и Чудова ещё пересекутся в Ленинграде после убийства С.М. Кирова, и в пресловутом 1937 году это пересечение закончится для Чудова трагически... Но пока на дворе стоял 1919 год, не менее тяжёлый и страшный.

Через неделю после того как Жданов приступил к работе в Тверском

губвоенкомате, 18 мая 1919 года в главном Спасо-Преображенском соборе Твери с пропагандистскими целями были вскрыты мощи князя Михаила Тверского. Внук и сын православных богословов, Жданов не мог не заметить этого события. Но у него, как и у большинства русской интеллигенции тех лет, былой официоз «казённой» религии мог вызвать лишь отвращение, а вскрытие мощей символизировало полную невозможность возвращения былого дореволюционного мира. Вскрытые мощи оказались завёрнутыми в материю явно фабричного производства и никак не соответствовали представлениям верующих о святых и нетленных останках.

В октябре 1919 года на Миллионной улице, по которой мальчик Жданов когда-то ходил в реальное училище, был открыт памятник Карлу Марксу — бетонный бюст с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Пусть господствующие классы содрогнутся перед коммунистической революцией. Пролетарии в ней могут потерять только свои цепи. Приобретут же они целый мир».

Заметим, что памятник «основоположнику» был открыт в то время, когда Добровольческая армия Деникина максимально приблизилась к Москве и судьба советской власти висела буквально на волоске. И это действо с новым памятником возымело свой пропагандистский эффект, демонстрируя и врагам, и сторонникам непоколебимую уверенность большевиков в своих силах.

В те дни Жданов хорошо знал: если деникинцы возьмут Москву, ни ему, ни его семье не жить.

Глава 6.

НАЧАЛО БОЛЬШОЙ КАРЬЕРЫ

Осень 1919 года молодой большевик встречает с кипящей энергией: губвоенкомат, Кавалерийское училище им. Троцкого, политотдел губкома, встречи, митинги, поездки по губернии, статьи в «Тверской правде». При этом он ещё умудрялся выпускать в губкоме ежедневную юмористическую стенгазету со своими стихами и на партсобраниях рисовать дружеские шаржи на товарищей.

Позднее один из очевидцев вспоминал: «...Тов. Жданов считался у нас прекрасным запевалой. Мне вспоминаются тяжёлые дни Гражданской войны, когда было холодно, голодно и уж во всяком случае не до песен. Андрей Александрович как-то умел расшевелить людей, ввести в тоскливую среду дух бодрости и веселья. Например, члены партии фабричного района прямо с работы пришли на партийное собрание. Сидят понурые, голодные, ждут открытия собрания. Но вот появляется тов. Жданов и садится в самую гущу людей:

— А ну, ребята... Песенку!

И зал гудит стройными, бодрыми голосами: "Смело мы в бой пойдём за власть Советов!.."

Бывало все собираются в кружок. Тов. Жданов брал в руки вилку, щёлкал по ней пальцем, прикладывал к уху вместо камертона и задавал тон: "До-ре-до"... Хор исполнял "Вдоль по Питерской"^[93].

Занимался Жданов и профессиональной музыкой — при его содействии был организован городской хор и оркестр Твери, а в Кавалерийском училище им. Троцкого создали свою армейскую самодеятельность. Из певших вместе с товарищем Ждановым вскоре выйдут заметные деятели культуры — курсант кавшколы Сергей Лемешев станет знаменитым оперным певцом, солистом московского Большого театра, а капельмейстер тверского гарнизона Николай Сидельников будет известным дирижёром и композитором.

Не забудет Жданов и прочую интеллигенцию. 14 сентября 1919 года в газете «Тверская правда» появляется его статья «Человек-документ», где он вновь теоретизирует на близкую ему тему о роли и месте русской интеллигенции. Автор статьи делит её на «жирную», службу буржуазии, и «тощую», которая должна присоединиться к пролетариату и партии. В этот

день, 14 сентября 1919 года, красный Туркестанский фронт окончательно разгромил Южную армию Колчака, а наступавшие на Москву ударные части генерала Деникина начали штурм Курска.

В ноябре 1919 года, в разгар решающих боёв на деникинском фронте, Андрей Жданов организует и проводит Первый съезд писателей Тверской губернии. На состоявшемся 6—8 ноября съезде присутствовали тверские журналисты и литераторы самых разных политических вкусов и направлений — большевики, эсеры, меньшевики. Мероприятие сопровождалось жаркими идейными спорами и дискуссиями о литературе и судьбах многострадальной родины.

«Агитатор, лектор. Может быть руководителем какой-нибудь организации партийной или советской не без успеха. Развита хорошо. Предан партии»^[94] — так писалось в одной из первых партийных характеристик на Жданова в Тверском губкоме РКП(б).

Неудивительно, что в том же ноябре 1919 года на очередной губернской партконференции большевиков он избирается в состав губернского комитета РКП(б). Именно с этого момента можно отсчитывать начало большой партийной и государственной карьеры нашего героя. В декабре 1919 года нового члена губкома включают в состав тверских делегатов на 7-й Всероссийский съезд Советов. На съезде, проходившем 5—9 декабря 1919 года в Москве, тверского представителя Жданова избирают в состав Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов, насчитывавшего три сотни членов.

Таким образом, с конца 1919 года Андрей Жданов мог считать себя, по сути, членом парламента и правительства нового государства. Впрочем, на синекуры эти должности совсем не походили. Кроме новых обязанностей и нагрузок — никаких дополнительных возможностей для обустройства собственной жизни. Время оставалось суровым и аскетичным.

Стремительное выдвижение 23-летнего парня в верхние эшелоны власти не должно удивлять. В те бурные времена быстро делались и куда более головокружительные карьеры. Но главное, у Жданова в Твери были все предпосылки и основания для такого роста. По тем временам он был весьма образованным человеком — статистика по руководителям губернского масштаба тех лет даёт следующие данные: имеющих высшее образование было около 6 процентов, среднее — чуть более 20 процентов, у остальных была только начальная школа^[95]. Среди же населения половина была просто неграмотной. Помимо образования Жданов, как показывает практическая деятельность, — ещё и очень толковый и

активный работник, а это крайне важно в условиях жуткого дефицита квалифицированных кадров у советской власти. Конечно же Жданов ещё и проверенный, не вызывающий сомнений член партии с дореволюционным стажем. Среди новой политической элиты Тверской губернии у него масса старых товарищей юности и друзей детства, а такие личные качества нашего героя, как отмечаемые всеми обаяние и коммуникабельность, позволяют ему поддерживать старые и легко заводить новые знакомства и связи.

Вот и весь секрет стремительной карьеры Жданова — нужный человек в нужное время оказался на своём месте... А время оставалось тревожным, место — хлопотным. Весной, с 29 марта по 5 апреля 1920 года товарищ Жданов впервые участвует в съезде большевистской партии. Он является одним из 553 делегатов с решающим голосом на IX съезде РКП(б). Делегаты представляют 600 тысяч членов партии со всей бывшей Российской империи. Больше половины делегатов моложе тридцати лет. Так что 24-летний Жданов не выделяется на общем фоне участников.

На съезде выступали Ленин, Троцкий, Каменев, Бухарин.

Это было первое общее собрание представителей большевиков после решительного перелома в Гражданской войне. Армии Колчака и Деникина уже окончательно разгромлены. Ещё, конечно, будут проблемы с вторжением поляков и Врангелем, с иными остатками белых на окраинах страны, но самому существованию Советской России уже ничто не угрожает.

Поэтому съезд посвящен экономическим проблемам. Как говорил Владимир Ленин утром первого заседания, «мы можем теперь со спокойной и твёрдой уверенностью приступить к очередным задачам мирного хозяйственного строительства, с уверенностью, что настоящий съезд подведёт итоги более чем двухлетнему опыту советской работы и сумеет воспользоваться приобретённым уроком для решения предстоящей, более трудной и сложной задачи...»^[96].

Более трудной и сложной по сравнению с чисто военной задачей Ленин считал именно экономическое строительство. В ближайшее десятилетие товарищу Жданову и придётся решать вот такие «более трудные и сложные задачи» — сначала на ниве восстановления экономики после Гражданской войны, потом — в ходе индустриализации и создания новой современной промышленности, способной догнать передовые страны.

Удивительно, но наш интеллигентный герой, увлечённый музыкой, литературой и радикальной политикой, окажется толковым хозяйственным

администратором. Уже в 1919 году помимо всех иных обязанностей он работает в отделе кооперации и отделе профсоюзов Тверского губкома. В июне 1921 года Жданов возглавит губернскую плановую комиссию при экономическом совете Твери. В его компетенцию входили вопросы «по проведению в жизнь декретов о натуралогах, по учёту промышленных предприятий, по натурпремированию, по разработке принципов лесозаготовительной кампании, по электрификации, о рабочей силе вообще и вопросам земельной политики...»^[97].

О наделённой всего лишь совещательными правами плановой комиссии уже через месяц заговорили как об эффективном инструменте исполнительной власти. Вскоре Жданов возглавит уже сам губернский экономсовет — фактически станет главным по экономике и идеологии в масштабах Тверской губернии.

Тверь к началу 1920-х годов из-за перипетий мировой войны стала одним из научно-промышленных центров России. Именно сюда ещё в 1915 году был эвакуирован знаменитый Русобалт — Русско-Балтийский вагоностроительный завод, единственное в бывшей Российской империи предприятие, производившее автомобили и самолёты. Здесь же в годы мировой войны возникла крупнейшая в стране радиостанция международной связи, в мастерской которой впервые в нашей стране начали производить радиолампы для радиоприёмников и радиостанций. И весь этот хай-тек начала XX века в условиях разрухи и разброда после Гражданской войны попал в ведение товарища Жданова. А ведь ещё требовали особого внимания и старые производства Твери, например, крупнейшая в России хлопчатобумажная фабрика, ранее принадлежавшая знаменитому клану купцов Морозовых, в начале 1920-х годов переименованная в Тверскую пролетарскую мануфактуру.

После национализации почти всех крупных предприятий в организации производства и потребления особенно актуальным стал вопрос о кооперации. Деятельность Жданова по решению этой проблемы находит отражение в его многочисленных статьях на страницах тверской прессы. Только в 1920 году в «Тверской правде» появляются статьи Жданова «Советская власть и кооперация», «О кооперации», «Задачи партии и потребительские кооперативы», «Натуральный налог», «Что делать с кредитной кооперацией?» и пр.

А кроме того, наш герой умудрялся организовывать и развлекательные мероприятия в духе того времени. Так, летом 1920 года в партийном клубе он ставит театральную инсценировку «Суд над панской Польшей». Как раз на Украине и в Белоруссии разворачивается масштабная война с войсками

Пилсудского, а Жданов в своей «пьесе» играет комическую роль «адвоката» буржуазной Польши.

Занимался Жданов и организацией в Твери первой партийной школы, начавшей работу в 1920 году. Позднее в автобиографии он отмечал, что читал в партшколе лекции по самому широкому кругу тем: «Развитие капитализма в России, история Интернационала, политэкономия, Советская конституция, Советское партийное строительство и потребительская кооперация»^{98}.

Понимая все свалившиеся на страну экономические сложности, Андрей Жданов активно поддержал противную марксистским догмам новую экономическую политику (нэп). «Государство оставляет в своих руках максимум того, что при данном состоянии государственных ресурсов оно может удержать», — пояснял он в «Тверской правде»^{99}. На страницах издававшегося Тверским губкомом для активистов партии «Спутника коммуниста» Жданов разъясняет рядовым партийцам особенности нэпа и премудрости функционирования рыночной экономики, например, в статье «Финансовая политика и местный бюджет».

В 1920—1922 годах Жданов проявляет себя не только как управленец-практик, но и как экономический аналитик. Издававшийся при его участии в Твери экономический журнал «Наше хозяйство» будет отмечен самим Лениным.

Показательно, что по рекомендации Жданова в плановую комиссию губисполкома как эксперта в области кооперации, статистики и права включили Михаила Кропоткина. Тверской анархист М.А. Кропоткин был родственником обоих отцов-основателей русского анархизма — Петра Кропоткина и Михаила Бакунина, но он же был опытным деятелем тверской кооперации, и не вполне политкорректные для Советской России анархистские убеждения не помешали Жданову привлечь его к практической работе^{100}.

Впрочем, на начало 1920-х годов в стране ещё сохранялись рудименты многопартийности. Так, в Тверском горсовете, где заседал и наш герой, в 1921 году из 257 депутатов 92 были большевиками, 18 — меньшевиками, двое — анархистами, трое — от «неизвестных партий» (вероятно, бывшие правые эсеры) и 142 беспартийных. Сессии горсовета порой были весьма жаркими, и Жданову на них не раз приходилось оттачивать свой опыт публичной полемики.

В феврале 1921 года газета «Тверская правда», редактором которой в дополнение ко всем прочим должностям и обязанностям также был

Жданов, посвятила практически целый номер личности ушедшего из жизни князя-анархиста Петра Кропоткина. Кстати, в 1922 году в «Тверской правде» в 14 лет начал свой творческий путь известнейший в будущем советский журналист Борис Полевой — редакция поместила на последней полосе номера его заметку в семь строк о встрече тверских школьников со старейшим местным поэтом С.Д. Дрожжиным.

74-летний Спиридон Дрожжин был гордостью Тверского края. Ныне незаслуженно забытый, в начале XX века этот рождённый ещё крепостным крестьянин стал одним из самых известных и популярных народных поэтов, занимая тогда в русской поэзии одно из ведущих мест. Однако память о крестьянском поэте оказалась плотно похороненной за ширмами декадентства и Серебряного века. Но наш герой, Андрей Жданов, с детства выросший на русской классике и народничестве, был искренним поклонником поэзии Дрожжина и, судя по всему, столь же искренне не воспринимал творчества всяческих новомодных декадентов.

В начале 1920-х годов в Твери за С. Дрожжина развернулась настоящая борьба между большевиками и эсерами. Первоначально старый поэт благоволил эсерам и отнекивался от предложений большевиков, ссылаясь на то, что искусство находится вне политики. После организованного Ждановым в ноябре 1919 года первого съезда писателей Тверской губернии, на котором С.Д. Дрожжин был почётным председателем, местные меньшевики и эсеры в пику нахрапистым большевикам создали своё литературное общество имени поэта И.С. Никитина.

Обаятельному Жданову пришлось позаботиться о том, чтобы авторитетного старца окончательно «не охмурили» меньшевики с эсерами — он устраивал в честь поэта вечера в губкоме и упорно ходил на эсеро-меньшевицкие «никитинские среды».

Сохранились воспоминания тверского поэта Якова Уховского об этой стороне жизни Жданова: «Андрей Александрович, вскрывая политические ошибки Никитинского литературного общества, убеждал Дрожжина не порывать связи с большевистской печатью, помогать в печати советскому строительству, партии и государству.

Мне лично не один раз приходилось встречать товарища Жданова в редакции газеты "Тверская правда". Я ходил надоедать туда со своими стихами, а Андрей Александрович сдавал свои статьи и фельетоны. Однажды он спросил меня: "Почему ты не ходишь на Никитинские среды? Занят? А кто будет отвоевывать от эсеров такого замечательного русского поэта-крестьянина Спиридона Дрожжина? Идём сегодня же..." И мы ходили вместе слушать выступления престарелого поэта...»^[101]

Жданов активно печатал стихи Дрожжина в «Тверской правде», не раз лично встречался с ним и так поразил сердце старого поэта, вдохновенно декламируя его стихи. Впрочем, здесь молодому большевику, агитируя патриарха тверской литературы, не приходилось кривить душой — снежной зимой 1921 года в комнате поэта Уховского он с удовольствием читал седобородому старцу его строки:

По дороге вьюга снежная
Крутит, пылью рассыпается,
На леса, поля безбрежные,
Словно туча, надвигается
И летит путём-дорогою
Над деревню убогою.
Что мне эта непогодушка,
Холод, зимняя метелица,
Когда ждёт меня зазнобушка,
Молодая красна девица,
Ждёт, и грудь её кипучая
Вся полна любовью жгучею.
Молодецкой сладкой думою
Бьётся сердце одинокое,
Как войду я в ночь угрюмую
На крыльцо её высокое,
Как открою дверь дубовую
И увижу чернобровую.

А за метелью и вьюгой на одной из заснеженных улочек ещё не оправившейся от разрухи Твери ждёт Андрея его «чернобровая» Зинаида. Не будем забывать, что Жданову всего 25 лет и, кроме большой революционной политики, чувства и мысли молодого человека занимает его любимая женщина. Выкормив младенца, Зинаида не осталась в стороне от политики — в июне 1921 года окончила губернскую совпартшколу, после чего работала участковым парторганизатором в местном губкоме РКП(б).

После революции 1917 года и в ходе Гражданской войны победившая коммунистическая партия заметно выросла в численности. С завершением боевых действий, летом 1921 года в ЦК РКП(б) приняли решение очистить разросшиеся ряды большевиков от случайных людей, примкнувших к уже

правлящей партии. Была начата «партийная чистка». На местах создавались комиссии, которые должны были проверить социальное происхождение, революционную биографию, политическую подкованность и морально-бытовой облик каждого партийца. Чистка не была формальностью — за год, к весне 1922 года, из партии исключили свыше трети членов.

В революционной биографии товарища Жданова вопросы — и серьёзные — могли вызвать лишь два момента. О первом он заявил сам и сразу.

Секретарь Тверской городской комиссии по чистке партии Александр Соколов позднее так вспоминал об этом событии: «15 сентября тов. Жданов принёс в комиссию свою автобиографию. И сказал: "Вот вам... целый вечер писал... Промывайте теперь мои косточки..." — Почему? — А как же иначе? Ведь всё же я сын магистра философии»^{102}.

Непролетарское происхождение искупалось у Жданова его активной партийной работой с дореволюционным стажем — здесь вопросов не было. Комиссия поинтересовалась венчанием. Жданов спокойно ответил, что «в Бога, натурально, в то время не верил», на «обряд» согласился под давлением родителей невесты, «требовавших гарантий женитьбы» и опасавшихся, что в случае гибели мужа «беззаконная» молодая не получит даже пенсии. Этот ответ комиссию удовлетворил, что неудивительно — вся комиссия, начиная от секретаря Соколова и председателя Петра Поспелова, была хорошо знакома Жданову ещё со времён реального училища и юношеского увлечения нелегальной политикой.

Кстати, Поспелов и Жданов дружили семьями, и двухлетний маленький Юра Жданов частенько сидел на руках 22-летнего Пети Поспелова — ребёнок только начал разговаривать и называл товарища отца Типтя вместо Петя. Через три десятка лет, уже после смерти и Жданова, и Сталина, именно секретарь ЦК Пётр Поспелов без сантиментов будет решать дальнейшую партийную судьбу молодого Юрия Жданова...

Пока же как бывшему подпольщику Андрею Жданову по инструкции о чистке нужно было заверить свой дореволюционный партийный стаж подписями трёх членов партии, знавших его до 1917 года по совместной работе в подпольной организации. «В связи с этим порядком, — вспоминал А. Соколов, — многим подпольщикам приходилось бегать по городу, разыскивать товарищей, рассылать письма и телеграммы, выезжать в Москву, Петроград и другие города. Товарищ Жданов, не выходя из помещения комиссии по чистке, тут же заверил свой партийный стаж тремя подписями — Виноградова И. Н., Грибова М.Н. и Соколова А. В.»^{103}

Вечером того же дня в помещении театра Морозовской ткацкой фабрики (крупнейшей в России) состоялось общегородское партийное собрание совместно с беспартийными рабочими. Присутствовало полторы тысячи человек. Чистку проходили партийцы, занимавшие властные посты — члены бюро губкома и президиума губисполкома. Каждый выходил на трибуну, рассказывал свою биографию, отвечал на вопросы, порой нелицеприятные. Если судить по воспоминаниям А.В. Соколова, «когда Жданов пытался говорить... его голос тонул в шуме одобрения: знаем... свой... хватит. Товарищ Жданов безнадежно махнул рукой и сел на место очень смущенный и, видимо, недовольный таким исходом чистки. Над ним потом подшучивали: "Единственный случай, когда тверские рабочие не дали Жданову говорить" ...»^{104}.

Несомненно, что в начале 1920-х годов в Твери и местной парторганизации Жданов был не только востребованным и авторитетным, но и весьма популярным человеком — благодаря способностям и личным человеческим качествам его уважали и многие искренне любили. Не случайно в те годы среди людей и даже на страницах местной прессы Жданова называли «товарищ Андрюша», подчёркивая не только его молодость (власть тогда вообще была молода), но и общую симпатию к нему.

Всё это способствовало стремительной карьере нашего героя. В июле 1921 года он избран членом президиума Тверского губисполкома, работает заместителем председателя исполкома по экономическим вопросам. 15 декабря 1921 года Жданова избирают главой всех большевиков губернии — председателем Тверского губернского комитета РКП(б). Ещё через несколько месяцев, в апреле 1922 года, 26-летний «товарищ Андрюша» становится «губернатором» — его избирают на пост председателя Исполнительного комитета Совета депутатов Тверской губернии.

Строгая, даже фанатичная тогда партийная мораль требовала на таких постах, находящихся под прицелом всевозможной критики, ударной работы. А время оставалось сложным и даже опасным — Гражданская война закончилась, но гражданское противостояние и озлобление с ожесточением нравов остались. Так, в начале 1921 года был убит один из товарищей Жданова — тоже член губисполкома, заведующий губернским отделом образования Фёдор Бадюлин. В одном из сёл его захватила переодетая красноармейцами банда некоего «барона фон Киша» и забила насмерть шомполами. Убийства рядовых коммунистов в стычках с антибольшевистским подпольем на местах были едва ли не ежедневными, последние крупные банды на территории губернии ликвидировали только к

1923 году. Самого «барона фон Киша», связанного с нелегальной организацией Бориса Савинкова, чекистам так и не удалось найти. Он действовал в губернии до середины 1920-х годов...

В конце зимы Жданов заболел скарлатиной, которую достаточно легко переносят дети и очень тяжело — взрослые. Конечно, скарлатина была менее опасна, чем свирепствовавшие в те времена холера или тиф, но сказались шесть нелёгких лет, с 1916 по 1922 год, — болезнь дала осложнение на сердце. Совсем молодой человек стал инвалидом=сердечником, и проблемы с сердцем отныне будут преследовать Жданова до самой смерти.

Поработать во главе всей Тверской губернии нашему герою довелось всего три месяца. В «Тверской правде» от 9 июля 1922 года появилась весьма необычная для того сурового времени заметка «Счастливого пути»:

«В порядке персональной переброски ЦК РКП(б) председатель Губисполкома, член Губкома РКП(б) и член ВЦИК тов. Жданов Андрей Александрович откомандировывается для работы в Сормово... Но можно ли только этим ограничиться, провожая тов. Андрюшу?..

Тот, кто близко сталкивался с ним в работе, знает, что тов. Андрюша заслуживает быть отмеченным не только как сердечный товарищ, но как человек с недюжинными способностями на поприще общественной деятельности... Здесь его деятельность проходила, как говорится, "под зеркалом". Везде и всюду внешне незаметный, но внутренне прямолинейный и открытый он, казалось, был столпом здравого мышления и огромной организаторской деятельности.

Андрюша в Твери работал и на партийном, и на советском поприще: он был членом бюро Губкома, заместителем ответственного секретаря, председателем Губплана, председателем Губисполкома и многое другое.

На съездах, на многих собраниях, митингах нередко можно было видеть Андрюшу председательствующего, держащего речь. Андрюша не чужд был и журналистике — он работал в 1919 году в РОСТе, был организатором Пятого губернского съезда работников печати.

Андрей Жданов многое сделал в Твери — и мы уверены, что он будет продолжать свою плодотворную работу и в других местах его родины — Социалистической Республики»^[105].

Характеристика Тверского губкома РКП(б), выданная перебрасываемому на новую работу товарищу, была не столь лирической, но тоже весьма лестной: «Выдержанный партиец губернского масштаба. Теоретически развит, хороший организатор. Советский и партийный

работник, лектор, пропагандист, журналист, газетный работник»^{106}.

Персональные переброски партийных работников в 1920-е годы были обычным делом. Именно в 1922 году Ленин предложил руководству РКП(б) усилить подготовку и выдвижение молодых партийных кадров. Кроме того, страшный дефицит грамотных управленцев вместе с огромным объёмом новых задач, которые свалились на большевиков после победы в Гражданской войне, вынуждали перебрасывать толковых и преданных партии людей во все концы страны на самые разные должности.

В высшем руководстве о Жданове тогда уже знали. Он ещё не был близко знаком ни с кем из первых лидеров, но, неоднократно появляясь в Москве на центральных мероприятиях партии и сессиях советов, сумел завязать необходимые знакомства — дипломатические способности весёлого и обаятельного «товарища Андрюши» работали не только в Твери, но и в столице Советской России. Да и блестящие характеристики и результаты работы в Тверской губернии создали о Жданове в центральном аппарате власти самое положительное мнение. Не будем забывать и тот факт, что уроженцем Тверского края, того самого Корчевского уезда, был «всесоюзный староста» Михаил Калинин, председатель ВЦИКа, то есть официальный глава Советского государства — фигура и ныне недооценённая по степени авторитета и влияния в те годы. М.И. Калинин не раз бывал в Твери и, несомненно, уже неплохо знал молодого товарища Жданова, своего земляка.

Однако переброска в незнакомый регион на новый фронт работ сулила не только возможный карьерный рост, но и немалые трудности. Госчиновники жили в те годы совсем не богато, и даже переезд из одного конца страны в другой не был делом простым и лёгким, особенно для семейного человека.

Андрей Жданов искренне считал Тверской край родным для себя. Здесь у него были масса друзей, налаженный для тех несытых времён быт и интересная работа. Сормово — крупный промышленный центр под Нижним Новгородом, был совсем чужим и незнакомым. Кроме того, Жданов не мог не слышать о специфических отношениях Сормовской и Нижегородской парторганизаций с Центром — нижегородцы часто становились в оппозицию к Москве и упорно не принимали назначенцев со стороны. Туда в 1918—1922 годах уже пытались присылать руководителей из Центра — Льва Кагановича, Вячеслава Молотова и Анастаса Микояна, но даже эти неслабые товарищи, которые вскоре станут лидерами сталинской партии, не смогли там удержаться.

Назначение по решению ЦК в пролетарское Сормово было

своеобразным экзаменом, открывавшим в случае успеха новые перспективы. Но, что удивительно, сам Жданов тогда совершенно не стремился к карьере государственного руководителя. Вынужденный под давлением обстоятельств и окружающих тащить на себе управленческие обязанности, он мечтал тогда о пропагандистской и преподавательской работе. Ещё он хотел учиться — Жданов всегда помнил о своём незаконченном высшем образовании, а 1920-е годы стали временем появления коммунистических, «красных» университетов и академий, в которых по окончании Гражданской войны начали массово обучаться партийные работники.

Поэтому наш герой был явно не рад новому назначению и подал в губернский комитет ходатайство:

«Постановлением Оргбюро ЦК я назначен к переброске в Сормово. Принимая во внимание крайнюю усталость и то обстоятельство, что я в течение нескольких лет работаю на советско-партийной организационной работе, я считаю необходимым резко изменить характер работы. Полагая, что наиболее рациональным для партии использованием будет предоставление мне возможности выявить моё постоянное стремление к пропагандистской и лекционной работе, к которой я имею способность, прошу бюро губкома ходатайствовать перед Оргбюро ЦК об изменении решения Оргбюро и посылке меня в Институт красной профессуры, по окончании которого я буду более полезным и ценным работником для партии, чем в настоящее время»^{107}.

Но партийная дисциплина не принимала отговорок. 4 сентября 1922 года Оргбюро под председательством секретаря ЦК РКП(б) Валериана Куйбышева постановляет: «Поручить Учраспреду ЦК ускорить переезд в Нижний Новгород тов. Жданова...»^{108}

Глава 7.

ГАРМОНИСТ ДЛЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В Сормове располагался один из крупнейших механических заводов в России, где в цехах и конструкторских бюро трудились до двадцати тысяч человек. Помимо паровозов и судов для Волжской флотилии на заводе в те годы производились первые в нашей стране танки — копии захваченных у интервентов машин. Образцы танков русского производства носили личные имена: «Борец за свободу товарищ Ленин», «Борец за свободу товарищ Троцкий» и т. п.

Нижний Новгород был одним из крупных промышленных и торговых центров России. Анастас Микоян, аналогичным образом направленный ЦК на работу в местную парторганизацию, оставил нам описание города в самом начале 1920-х годов: «...Вышел на привокзальную площадь. Вокруг озабоченные, куда-то спешащие люди. Транспорта никакого не видно. Спрашиваю, где находится губком. Говорят — в кремле. Указали дорогу, и я направился по мощённой булыжником улице — навстречу своей новой жизни.

Шёл мимо неприглядных, приземистых, теснившихся друг к другу домов. На их фоне ярким пятном выделялось бывшее здание ярмарки на берегу Оки. На другой стороне реки сверкали купола церквей. У причалов стояли пароходы, баржи. Через Оку наведён разводной понтонный мост. Я шёл по его разбитому деревянному настилу, опасаясь, как бы не провалиться в воду. Несколько раз переспрашивал дорогу: путь неблизкий, а транспорта так я и не встретил.

Кремль казался неприступным, как будто только что выдержал осаду. Мимо прошёл отряд красноармейцев. Вид у них измождённый и какой-то потрёпанный: кто в сапогах, кто в лаптях и обмотках.

Губком помещался на первом этаже большого белого здания, которое громко называлось Дворцом Свободы (бывший дом нижегородского губернатора)»^{109}.

Точно так же в начале осени 1922 года пришёл в бывший дворец губернатора и товарищ Жданов. Прошёл по временному наплавному мосту — капитального моста тогда ещё просто не было. Через несколько лет именно Жданову придётся его строить.

Пока наш герой отнекивался от нового назначения, в Сормовской

парторганизации уже прошли выборы, и прибывшему по направлению ЦК Жданову пришлось остаться в Нижегородской организации. Здесь к нему присматривались до декабря. Характер и специфический колорит того времени доносят до нас скупые строки протокола № 6/1 пленума Нижгубкома РКП(б) от 1—3 декабря 1922 года: «...8. Текущие дела, а) утверждение заведующего Агитпропом.

Тов. Угланов указывает, что бюро остановилось на кандидатуре тов. Жданова, хотя выходит небольшое затруднение с его социальным положением, так что бюро получит в своём составе лишнего интеллигента. Выставлялась ещё кандидатура тов. Кагановича, но он необходим на Выксе. Тов. Жданов — развитой работник, старый член партии и по способностям подходит к работе Агитпропотдела.

Тов. Вахламов задаёт вопрос, почему ЦК послало тов. Жданова "орабочиться" в Сормово?

Тов. Угланов даёт справку, что тов. Жданов прибыл из ЦК тогда, когда в Сормово уже прошла конференция. ЦК его рекомендовал вообще для партийной работы как способного работника.

Тов. Каганович указывает, что с введением тов. Жданова в бюро губкома создадутся известные настроения. Лучше выставить кандидатуру тов. Козелева, как полурбочего. А тов. Жданова нужно послать на советскую работу в Сормово и провести в губисполком...

Тов. Смирнов указывает на правильность решения бюро о тов. Жданове. Тов. Козелева снимать невозможно...

Тов. Козелев замечает, что предложения тов. Кагановича несерьёзны. Тов. Жданов ещё до революции показал себя на подпольной работе...

Постановили: Утвердить заведующим Агитпропотделом и членом бюро тов. Жданова. ("За" — все, кроме Кагановича)»^[110].

Товарищ Каганович — это не известный в будущем сталинский нарком Лазарь Каганович, а его старший брат Юлий. Все три брата Кагановича — Лазарь, Юлий и Михаил — в разное время работали на ответственных должностях в Нижегородском крае. И у них явно не сложились дружеские отношения с нашим героем. Мрачный Лазарь Каганович в дальнейшем за глаза называл Жданова не иначе как «гармонистом». Ему явно не импонировали успехи коммуникабельного и обаятельного «гармониста», которому, по мнению Кагановича, давалось всё слишком легко. В дальнейшем он характеризовал Жданова так: «Здесь и не требуется большого умения работать, надо иметь хорошо подвешенный язык, уметь хорошо рассказывать анекдоты, петь частушки, и можно жить на

свете»^{111}.

Жданов действительно любил лихо растягивать гармонь, и в Нижнем частенько мог выдать благодарным слушателям популярную тогда народную «Сормовскую»:

Сормовска больша дорога
Вся слезами залита,
Вся слезами залита,
По ней ходят рекрута.
Рекрута, рекрутики,
Буйные головушки,
Не видать вам, рекрута,
Своей родной сторонушки.

Не случайно сын Жданова Юрий позднее вспоминал, как отец рассказывал ему в детстве историю о своём первом партийном поручении: «Меня вызвали в партийный комитет и сказали: купи гармонь и в течение месяца научись играть. Когда через месяц я пришёл и сказал, что гармонь купил и играть научился, меня направили в Тверь вести пропагандистскую работу среди молодёжи»^{112}. Это, конечно, байка — но характерная.

Со стороны действительно могло показаться, что весёлому, любящему пошутить и спеть Андрею Жданову всё даётся слишком легко. Он действительно делал свою партийную работу, не напуская налицо выражение чрезмерной серьёзности. И многим угрюмым фанатикам это казалось неправильным. Но вот наш герой был таким редким человеческим типом — фанатиком весёлым и жизнерадостным...

И эти черты ждановского характера ярко проявились на его первом партийном посту в Нижнем. С декабря 1922 года Жданов — заведующий агитпропотделом Нижгубкома. Как мы уже знаем, агитация и пропаганда — любимая работа нашего героя, и он развернулся со всей силой, низвергая шаблоны и казёнщину. Под руководством Жданова пропагандистская работа стала интересной и для партийцев, и для непартийного населения, особенно для молодёжи: проводились всяческие семинары, дискуссии, лекции по внешней политике и т. п. Порой чрезмерная вольность ждановской агитации даже вызывала некоторое недоумение со стороны высшего руководства РКП(б). Из ЦК в феврале 1924 года писали Жданову: «Признавая вполне своевременными и целесообразными Ваши начинания в области методики, считая постановку

воспитательной работы в общем и целом удовлетворительной, мы обращаем Ваше внимание на состояние этой работы... Нужно подходить весьма осторожно, не всякий беспартийный преподаватель сможет хорошо разъяснить сущность международного положения и правильно обосновать развитие германской революции»^{113}.

1923 год в Советской России был годом нового массового всплеска ожиданий мировой революции — внимание партийных активистов и сочувствующих было приковано к Германии. Германскую революцию, а вслед за ней и мировую ждали со дня на день. Баррикадные бои в Германии тогда действительно были, но революции, тем более мировой, не случилось. Партии пришлось разъяснять своим сторонникам, почему вновь не оправдались эти завышенные ожидания. В этих условиях слишком креативная ждановская агитация, как видим, вызывала некоторое беспокойство у бюрократов партийного центра. Но именно эта деятельность плюс известные черты характера позволили Жданову довольно быстро стать своим товарищем для нижегородцев, ранее отторгавших «чужаков».

В январе 1924 года он уже представляет Нижегородскую парторганизацию на 8-й конференции РКП(б). Это было последнее собрание большевиков при жизни Ленина. Весь предыдущий год, в связи с болезнью вождя, в партии нарастала ещё незримая борьба в верхах. В конце января 1924 года Ленин умер.

Смерть лидера революции не прошла мимо семьи Ждановых. Сыну Андрея и Зинаиды тогда было чуть более трёх лет, через восемь десятилетий он оставит воспоминания о том дне: «Стужа лютая. Оконные стёкла разрисованы ледяными пальмами и папоротниками. Я сижу на широком подоконнике, дыханием пробиваю наледь, чтобы увидеть происходящее на улице. В доме никого нет. Отец и мать ушли на траурный митинг, посвященный памяти Владимира Ильича Ленина. Где-то далеко в Москве его хоронят. Вот над Нижним Новгородом прогрехотали залпы прощального салюта. Издалека донеслось пение: "Вы жертвою пали..." Это не выдумка и не позднейшая реконструкция событий: это самое раннее и сильное впечатление детства»^{114}.

Смерть Владимира Ильича, товарища Ленина, вождя и творца их нового мира, без сомнения, была крайне сильным потрясением для убеждённых коммунистов Андрея и Зинаиды Ждановых. Так что их сын, как все маленькие дети тонко чувствующий эмоции родителей, на всю жизнь запомнил тот день в конце января 1924 года и то состояние трагедии,

в котором находились мать и отец.

Почти сразу после смерти Ленина в партии вовсю развернулась борьба за лидерство между Троцким и Сталиным. Андрей Жданов ещё с дореволюционных времён ориентировался на фракцию Ленина и совершенно искренне считал Троцкого, примкнувшего к Ленину только летом 1917-го, недостойным высшего руководства партией. Так наш герой непринуждённо и естественно попал в группировку Сталина.

Сам Жданов в отчётном докладе губкому о 8-й конференции РКП(б) осторожно заявлял: «В недрах нашей партии существовала опасность влияния мелкобуржуазного элемента. Наша задача — прекратить дискуссии»^{115}. Но когда Троцкий опубликовал ряд своих статей, направленных против Сталина, Жданов сделал целый доклад для нижегородцев, в котором представил историю партии как историю борьбы Ленина с Троцким: «Наша партия выковала своё оружие в борьбе с всякими оппортунистическими течениями и в силу этого является монолитной»^{116}. Название доклада говорило само за себя: «О задачах идейного разгрома троцкизма».

Летом 1924 года глава нижегородских большевиков Николай Угланов ушёл с повышением в Москву, став первым секретарём столичного комитета партии. И 20 августа Андрей Жданов избран руководителем Нижегородского губернского комитета партии — тогда эта должность называлась «ответственный секретарь губкома». Назначение руководителем Нижегородского края, крупнейшего промышленного центра, являлось не только значительным ростом на карьерной лестнице, но и серьёзным политическим экзаменом.

Через год с небольшим, в декабре 1925 года, на XIV съезде партии Андрей Жданов избран одним из пятидесяти кандидатов в члены ЦК ВКП(б). Именно этот съезд переименовал Российскую компартию во Всесоюзную и принял решение о проведении в ближайшем будущем индустриализации. Тогда же, обращаясь к делегатам съезда, Сталин заявил: «Люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются...»^{117} Без сомнения, наш герой был согласен с этими сталинскими словами.

Но пока внутренняя политика оставалась сравнительно мягкой, даже внутрипартийная драка за власть велась большей частью в рамках дискуссий и административных перемещений. К тому же эта война сторонников Сталина с партийной оппозицией Троцкого, а затем и Зиновьева, оставалась публичной и открытой. И секретарю губкома

Жданову на собраниях коммунистов не раз приходилось отвечать на самые неудобные вопросы. В архивах остались некоторые следы этих острых дискуссий. Так, 24 августа 1927 года на районном собрании Сормовской парторганизации Жданова спросили: «Скажите, только не по-рабски, в работе партии и в отношении к оппозиции не сказываются ли безобразные качества Сталина, отмеченные Лениным в его характеристике?» Жданову пришлось уйти от ответа на такой вопрос. «Ну, товарищи, судите сами: можете ли вы считать партию рабом?!»^{118} — не без демагогии воскликнул он.

Не без труда, но всё же удавалось убедить людей в правоте группировки Сталина. В октябре 1927 года на собрании партактива ближайших к Нижнему городов — Сормова, Канавина, Балахны и других — Жданов обрушился на оппозицию, обвиняя её в «меньшевистской сущности». Умение проводить интересные исторические параллели дало ему возможность представить троцкистов и зиновьевцев в качестве фактических заговорщиков: «Оппозиция говорит, что фракция Сталина держится насилием над партией. Кроме того, оппозиция сравнивает Сталина с Керенским. К чему эти сравнения с Керенским? Вы же знаете, что партия в Октябрьские дни 1917 года свергла Керенского. Ну, а раз Сталин — Керенский, надо свергать»^{119}.

И на этом собрании актива Жданову пришлось ответить на массу острых политических вопросов. Один из присутствовавших коммунистов спросил кандидата в ЦК ВКП(б): «Нет ли в ЦК таких товарищей, которые обостряют вопрос с оппозицией?» Жданов принял этот прозрачный намёк на Сталина и сразу ответил, что «именно Сталин и Орджоникидзе на Августовском пленуме ЦК убедили пленум не исключать Троцкого и Зиновьева из членов ЦК»^{120}.

Впрочем, внутрипартийная политическая борьба была не единственной и не самой сложной задачей для регионального партийного руководителя. Прежде всего ему приходилось решать многочисленные проблемы, связанные с весьма бедственным, фактически полунищенским положением большинства рабочих и крестьян в отсталой и разорённой стране. А с 1927 года навалились и вопросы, связанные с началом индустриализации — Нижегородский край с его промышленностью рассматривался одним из флагманов экономического обновления.

В 1920-е годы Жданов неоднократно занимался вопросами, связанными с забастовками рабочих, — протесты пролетариата особенно болезненно воспринимались марксистской партией. Рабочие тогда

бастовали много и охотно. Значительная часть таких выступлений в промышленном Нижнем Новгороде была связана с разницей в оплате труда чернорабочих и квалифицированных пролетариев. Первые требовали повышения зарплаты, а вторые бастовали, когда часть зарплаты перераспределялась в пользу неквалифицированной рабочей силы. Жданову приходилось уговаривать и тех и других. Сам он выступал и против банальной уравниловки, и против большого разрыва в уровне доходов.

Только за 1925 год в Нижегородской губернии было зафиксировано четыре крупных конфликта рабочих с властями, причём в забастовке строителей в Канавине, длившейся пять дней, приняло участие 1200 человек.

В связи с беспокойной ситуацией на заводах в Нижний Новгород с инспекцией направили инструктора Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) Георгия Маленкова. Инспекция коснулась в основном беспокойных рабочих районов Сормова и Канавина. 25-летний инспектор ЦК рьяно взялся за дело — несмотря на то, что ему пришлось признать работу Нижегородской парторганизации «в общем удовлетворительной», он выявил ряд существенных недостатков. Так, причину недовольства рабочих заработной платой Маленков увидел в том, что партийные ячейки «слабо привлекают рабочие массы к обсуждению волнующих их вопросов»^[121]. Вообще ситуация с настроениями пролетариата в освещении Маленкова выглядела удручающе. По его мнению, крайком не принимал никаких мер по привлечению низового актива к пропаганде политики партии, основная масса членов партии не посещала даже партийных собраний, не участвовала в общественной жизни и не платила членских взносов. Маленков отметил также большое количество растрат, краж и особенно пьянство.

12 сентября 1926 года Жданова с объяснениями вызвали на заседание Оргбюро ЦК. Судя по тем вопросам, которые задавал Сталин, в ЦК не особенно интересовались алкогольным увлечением нижегородских коммунистов. Но беспокойство вызывали стачки и забастовки. Особенно товарища Сталина волновал вопрос о том, нужно ли поднимать зарплату неквалифицированным рабочим. Жданов признал, что необходимо «поставить во всю ширь вопрос о повышении заработной платы». Тем не менее он выступал за сохранение прежней разницы между оплатой квалифицированных и неквалифицированных рабочих: «Товарищ Сталин, бузят-то больше квалифицированные рабочие. Они являются наиболее требовательным элементом. Они поднимают вопрос, чтобы ещё больше

сделать разницу, а неквалифицированные боятся, чтобы этого не произошло... Мы считаем, что эту разницу между квалифицированными и неквалифицированными нужно оставить. Во всяком случае, не давать квалифицированным уйти вперёд»^{122}.

Толковые объяснения Жданова удовлетворили набирающего силу вождя. Никаких неблагоприятных для нашего героя оргвыводов из придинок Маленкова не последовало. Нижегородская губерния и её парторганизация испытывали те же трудности, что и большинство промышленных районов страны и местных организаций ВКП(б). Жданов же показал себя компетентным руководителем большого и сложного региона, а его политическая надёжность у Сталина вопросов не вызывала.

С этого времени рабочие контакты Жданова и Сталина становятся более частыми. Дружбы ещё не было, но товарищеская симпатия уже явно присутствовала.

Нужно признать и другое — в те же дни, похоже, родилась сохранявшаяся в дальнейшем неприязнь в отношениях Жданова и Маленкова, ставшего зачинщиком этого разбирательства в ЦК. В команде Сталина оба проработают бок о бок четверть века, но по-человечески дружеских отношений у них никогда не возникнет. Взаимная неприязнь станет одной из причин подковёрной борьбы группировок Жданова и Маленкова в послевоенном будущем.

Но 1920-е годы для нашего героя были временем не столько политических баталий, сколько периодом кропотливой и тяжёлой практической работы в Нижегородском крае. По большому счёту, даже поддерживая курс Сталина, Жданов остался вне основной схватки с троцкистской и иной оппозицией и был ещё далёк от всяческих интриг в кремлёвском окружении.

Как справедливо отметили петербургские исследователи биографии Жданова В.А. Кутузов и В.И. Демидов, «за одиннадцать лет ждановского руководства нижегородская парторганизация не позволила втянуть себя ни в одну из верхушечных свар, ни один из её видных членов не стал фигурантом в громких политических процессах.

Не скроем — под мощным давлением сегодняшнего общественного мнения и мы впадали в убеждённости о глубокой погружённости А.А. Жданова в нехорошие дела, пристрастно искали на него компромат. Не нашли. Напротив, обратили внимание: в публичных выступлениях он редко называл фамилии местных "оппортунистов", предпочитал говорить — "кое-кто", "некоторые работнички", "в одном из вузов один преподаватель"... Официальную справку дали "компетентные органы" —

нижегородское управление госбезопасности»^[123].

Действительно, в середине 1990-х годов в разгар разоблачительной кампании на запрос этих исследователей был получен официальный ответ Нижегородского управления ФСК (Федеральной службы контрразведки, предшественницы ФСБ) № Д-184 от 7 апреля 1995 года: «Нами проведена работа по поиску документов, относящихся к периоду пребывания Жданова А.А. на посту секретаря Горьковского обкома партии. Были проверены имеющиеся архивные материалы за 1922—1934 годы, проведён опрос бывших сотрудников Управления, работавших в 50—60-х годах, когда проводилась реабилитация жертв политических репрессий. Каких-либо данных о личном участии Жданова А.А. во внесудебных органах, а также документальных материалов о его личных инициативах в политическом преследовании конкретных граждан, незаконных санкций, вмешательств в оперативно-следственную и судебную деятельность в Управлении ФСК РФ по Нижегородской области не имеется»^[124].

Это всё, конечно, не означает, что большевик Жданов был «белым и пушистым» толстовцем. Но приведённые выше факты объективны. Конец 1920-х — начало 1930-х годов стали для нашего героя периодом самой напряжённой и плодотворной хозяйственной работы, которая отнимала все силы и время. Политические интриги и расправы для него никогда не были самоцелью. Да и на общем фоне своих соратников и современников Жданов не выделялся особой «кровожадностью», скорее наоборот. При этом он, естественно, оставался человеком своей партии и своего времени. Времени очень жёсткого и жестокого.

Ведь это для нас и наших современников смерть человека, к счастью, всё ещё остаётся событием чрезвычайным и трагическим. А для человека 1920—1930-х годов смерть воспринималась совершенно иначе — после Первой мировой и Гражданской войн большинство мужчин если и не убивали сами лично, то многократно наблюдали многочисленные насильственные смерти и ещё более многочисленные «естественные» — от голода и эпидемий. Человеческая смерть воспринималась тогда обыденно, а убийство оставалось почти бытовой привычкой. Отсюда и проистекает та кажущаяся нам лёгкость принятия насильственных решений в то время.

Для Жданова, человека нежестокого, насилие — лишь один из методов, далеко не единственный и не самый главный, но вполне допустимый, а порой и необходимый. Несомненно одно: в 1920-е — в начале 1930-х годов карьерные успехи Жданова обуславливались не «репрессиями» и даже не политической преданностью Сталину. Главным

козырем Жданова оказались способности эффективного управленца и уже известные нам человеческие качества.

Сохранив жизнерадостный настрой, жил он с семьёй скромно, в двух комнатах коммунальной квартиры. Одевался в чёрную косоворотку и обычный пиджак. Простота не выглядела нарочитой, он просто не замечал, во что был одет, так одевались тогда почти все — «партмаксимум» не позволял номенклатуре получать доходы, заметно превышающие рабочие оклады. Побочных прибытков семья Ждановых не имела и жила на зарплаты Андрея и Зинаиды. Зинаида в те годы работала в культотделе губернского совета профсоюзов, а затем в газете «Нижегородская коммуна».

«Он не обращал внимания на свою внешность, всегда целиком отдавался работе», — говорила о Жданове сестра Татьяна Александровна, в те годы также работавшая в Нижнем Новгороде на низовых партийных должностях^{125}.

Спустя многие десятилетия уже отставной Никита Хрущёв рассказал в мемуарах: «Помню нашу первую встречу. Мы соревновались раньше с Нижегородским краем. И теперь наша делегация на съезде пригласила в гости Горьковскую делегацию. Не помню, где мы собрались. Жданов был весёлым человеком. Тогда он у нас выпил и ещё до этого выпил. Одним словом, вышел на подмостки и растянул двухрядную гармонь. Он неплохо играл на гармонии и на рояле. Мне это нравилось»^{126}. Похоже, даже такой в целом недоброжелательный и «себе на уме» человек, как Хрущёв, при встрече поддавался личному обаянию жизнерадостного Жданова.

Тепло отзывались о нашем герое и его шофёры, с которыми ему приходилось много ездить по области. Во время поездок Жданов много работал, встречался с людьми, партработниками районов, крестьянами, молодёжью, с интересом вникал во все проблемы и вопросы. Он никогда не был высокомерен с низшими по должности или статусу. В длительных поездках всегда заботился о здоровье водителя, его быте.

О стиле работы первого секретаря свидетельствует незначительный случай, поданный в воспоминаниях современников почти как притча: «Однажды, проходя по берегу реки Волги... Андрей Александрович заметил, что на некоторых деревьях, посаженных вдоль набережной, сломаны ветки. Андрей Александрович попросил работников... аппарата немедленно разыскать и привести к нему виновников этих повреждений. Были приняты меры, и два молодых человека, оказавшиеся комсомольцами, вошли в кабинет Андрея Александровича. А. Жданов не

разгорячился и, не выходя из себя, совершенно спокойно спросил их — действительно ли они это сделали, и если так, то какими соображениями они руководствовались. После беседы с Андреем Александровичем эти комсомольцы были так растроганы, что дали слово никогда больше не хулиганить, не допускать подобных поступков»^{127}.

Рассказ этот вполне в стиле и духе работы Жданова. Однако на личном обаянии можно войти во власть, но нельзя столько лет в ней удерживаться лишь по этой причине. В сталинской Москве признавали за ценность только практические и весомые хозяйственные результаты. И они были.

Вопросами экономики Жданов стал заниматься сразу после появления в Нижнем Новгороде, благо уже имелся опыт такой работы в Тверской губернии. Так, в июле 1923 года в местном издании «Коммунист» появляется основательная статья Жданова, посвященная конкретным вопросам экономического планирования: «Мы говорим о применении наших плановых заданий и предположений к хозяйственным циклам, которые у нас определяются в первую очередь характером нашей страны, как преимущественно земледельческой... Таким временем в практике промышленных и финансовых органов является период с 1 октября по 1-е октября следующего года. Именно к этому времени выясняются сырьевые, продовольственные, финансовые и иные условия, на которых можно строить и бюджетные предположения, и производственные программы. Хозяйственная деятельность определяет и ход политической, партийной и культурной работы». И далее следует перечень задач парторганизации на ближайшие месяцы с добавлением: «Уже теперь вырисовывается опасность недооценки значения плановой работы и неумение работы по планам. Это может обречь нашу работу на кустарничество и стихийность»^{128}.

Всего за десять лет, прошедших с 1923 года, в нижегородских газетах было опубликовано более двухсот докладов, речей, выступлений и статей Жданова. Но наряду с печатным словом молодой «губернатор» не забывает и о самой передовой для тех лет технике. Ещё в 1918 году по указанию Ленина в городе в помещении бывшей семинарии была организована Нижегородская радиолaborатория, быстро ставшая одной из самых передовых в Советской России. Обращаясь к будущим работникам лаборатории, вождь большевиков подчеркнул: «Газета без бумаги и "без расстояний", которую вы создаёте, будет великим делом»^{129}. Андрей Жданов стал одним из первых партийных руководителей СССР, внедрившим в жизнь регулярное вещание, которое началось с его выступления 27 декабря 1924 года на губернской радиостанции «Малый

коминтерн».

С 1924 года, уже как секретарь губкома, Жданов непосредственно руководит хозяйством своего региона. К тому времени экономика Нижегородской губернии в основном восстановилась после значительного падения в период Гражданской войны, а к 1925—1926 годам частично уже и превзошла довоенный уровень.

Одним из первых экономических достижений Жданова в губернии стало завершение строительства Нижегородской электростанции в районе Балахны. Данная ГРЭС входила в шестёрку первоочередных объектов плана ГОЭЛРО, задуманного ещё Лениным. Станция строилась вручную с 1922 года. Однако в связи с нехваткой инвестиционных средств в Москве приняли решение законсервировать строительство. И только личное вмешательство секретаря губкома Андрея Жданова позволило добиться дополнительных ассигнований на продолжение работ. В сентябре 1925 года на ГРЭС был введён в действие первый турбогенератор.

Той же осенью в Нижнем Новгороде завершилось и первое после Гражданской войны большое градостроительное мероприятие — на Молитовских буграх в Канавине всего за пять месяцев построили район Ленинский городок, ставший первым в истории города благоустроенным рабочим посёлком из ста двухэтажных деревянных домов. Впервые в нашей стране была применена комплексная застройка не только жилыми зданиями, но и объектами «соцкультбыта» — школами, детскими садами, магазинами. Проведено благоустройство и озеленение территории.

В 1927—1928 годах во исполнение всё того же ленинского плана ГОЭЛРО под Нижним Новгородом возводятся уникальные металлические гиганты — знаменитые Шуховские башни, опоры для переброски через реку Оку линий электропередач Нижегородской ГРЭС.

В декабре 1927 года съезд партии принимает решение о проведении в стране индустриализации. Первый пятилетний план стартует с 1 октября 1928 года. Для нашего героя он оборачивается радикальными увеличениями и так немалых объёмов работ. Прежде всего, Нижегородская губерния преобразуется в Нижегородский край — помимо ранее подведомственной Жданову территории в новый край с 1929 года входят Вятская губерния, Муромский уезд Владимирской губернии, Марийская и Вотская автономные области, Чувашская автономная республика и часть Костромской губернии. Ныне это территория семи субъектов Российской Федерации — Нижегородской, Кировской и части Владимирской областей, Республики Марий Эл, Удмуртской и Чувашской республик. Если раньше в губернии у Жданова было «под началом» около трёх миллионов человек, то

население созданного в 1929 году Нижегородского края приближалось к восьми миллионам.

В августе 1929 года Жданов проводит 1-ю Нижегородскую краевую партийную конференцию. В рядах большевиков его края на тот момент состоит 50 819 коммунистов. Именно им предстоит в ближайшие годы сотворить великое и страшное чудо индустриализации. С 1928 по 1932 год в Нижегородском крае было введено в действие 78 новых заводов и фабрик, за тот же период с нуля освоено производство автомобилей, создано одно из ведущих в СССР химических производств, второе по объёму в СССР бумажное производство и т. д. В начале 1930-х годов ежегодный рост экономики Нижегородского региона составлял 25—26 процентов. Советское «экономическое чудо» создавалось жёсткой волей коммунистической партии. Главным проводником этой воли на земле Нижнего Новгорода был Андрей Александрович Жданов.

Об индустриализации в Нижегородском регионе можно написать не один десяток диссертаций. Сейчас упомянем только грандиозный по объёму и стремительный по срокам проект создания Горьковского автозавода. Основанный на купленных у корпорации «Форд» самых современных для тех лет технологиях проект затрагивал не только чисто экономические, но и внешнеполитические сферы — от постоянных переговоров с иностранными фирмами до обучения русских рабочих на американских предприятиях. Так наш герой впервые «вышел на международный уровень».

Закладка автозавода состоялась 2 мая 1930 года. В присутствии будущих строителей завода, рабочих делегаций с фабрик и заводов Нижнего Новгорода и Москвы секретарь Нижегородского крайкома ВКП(б) товарищ Жданов торжественно положил первый камень в фундамент будущего ГАЗа. Этот крупнейший тогда в мире автомобильный завод вступит в строй уже 1 января 1932 года, а спустя всего несколько лет будет производить свыше половины всех автомашин в СССР.

Ответственность за строительство промышленных объектов, ввод в действие новых производственных мощностей возлагалась в первую очередь на партийное руководство края. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архивах письма и докладные записки, направлявшиеся секретарём Нижегородского крайкома Ждановым в центральные партийные и советские органы власти, зачастую лично Сталину.

Так, 22 января 1932 года Жданов пишет в ЦК Сталину: «...Мы пришли к выводу, что наиболее приемлемым является вариант строительства гидроэлектростанции в районе Чебоксар. Основания, которые привели нас

к этому выводу, заключаются в том, что

1. Чебоксарский вариант даёт возможность получать станцию мощностью порядка 350—400 тыс. Квт, которые к моменту пуска в ход гидростанции в основном поглотятся ростом промышленности края к тому времени.

2. Чебоксарский вариант даёт радикальное разрешение вопроса о реконструкции водного транспорта в районе наиболее интенсивного грузооборота Кама — Нижний, ввиду чего Наркомвод решительно настаивает на первоочередном строительстве Чебоксарской плотины, как дающей 3-метровые глубины на этом плёсе.

Для окончательного решения данного вопроса требуется исключительно быстрая и более решительная работа по изысканиям геологическим, топографическим, мелиоративным и др., каковые работы до сих пор ведутся чрезвычайно слабыми темпами, при слишком чрезмерном количестве людей и оборудования. Мы считаем, что эти темпы совершенно не отвечают необходимым требованиям, и поэтому просим...»^{130}

Далее следуют пять пунктов конкретных требований к конкретным ведомствам. Всё очень чётко, понятно, обоснованно.

К этому же времени относится разработка Ждановым целого букета новых пропагандистских приёмов, нестандартных решений в области социальной рекламы.

На заводах и стройках Нижнего Новгорода по предложению Жданова работали выездные редакции основных нижегородских газет, а также «Правды» — главной газеты страны. В бригаду «правдистов» входили тогда известные и популярные журналисты, поэты и литераторы: Давид Заславский, Александр Безыменский, Демьян Бедный, Иосиф Уткин, Александр Магид.

Позднее А.С. Магид писал о работе на заводе «Красное Сормово»: «По совету А.А. Жданова выездная редакция "Правды" стала выпускать так называемые печатные "ярлыки" небольшого формата, изобличающие в стихотворной форме бракоделов, прогульщиков и летунов, с указанием их фамилий и должностей. Сормовские пионеры наклеивали их на бутылки кефира, на папиросные и даже на спичечные коробки... А в бараках, где проживали, раскачивались большеформатные объявления о том, что в данном бараке живёт такой-то прогульщик (тоже в стихах)»^{131}.

На Горьковском автомобильном заводе (тогда он ещё именовался Нижегородским — НАЗ), тоже по совету Жданова, был сооружён деревянный верблюд на колёсах — «символ медлительности и

безразличия». На нём выездная редакция «Правды» вывешивала «молнии» с указанием начальников цехов и мастеров, которые не обеспечивали выполнение плана. Стихи для этих «молний» сочиняли поэты Безыменский и Уткин. Как вспоминал А.С. Магид, «коллектив сборочного цеха не слезал с "верблюда" до тех пор, пока не было достигнуто выполнение сменной программы. Эти мероприятия здорово помогали»^[132].

После ликвидации наиболее проблемных «прорывов» на заводе Жданов предложил литераторам: «Давайте махнём на Балахну». Там на берегу Волги уже всю работало одно из любимых детищ нашего героя — Балахнинская бумажная фабрика (она и в наши дни даёт треть газетной бумаги России). В 1933 году с пуском третьей бумагоделательной машины фабрика стала крупнейшей в Европе, причём не только по объёмам продукции, но и по технической оснащённости. Фабрика начала производить продукцию и на экспорт, принося стране столь необходимую тогда валюту. При фабрике был построен посёлок Правдинский, названный так потому, что бумага с комбината шла на выпуск газеты «Правда». Вот поэтому Жданов и решил не только отдохнуть на берегу Волги с «правдистами», но и показать им людей, которые производят бумагу для их газеты.

Позднее сын нашего героя так рассказывал о той поездке: «Там к "правдистам" подошли трое рабочих с жалобой на свою заводскую многотиражку, которая обозвала их оппортунистами. Отец спросил: "Почему вас так обозвали?" Рабочий Козичкин рассказал, что они стояли за постепенное наращивание выпуска бумаги, а от них требовали ничем не обоснованных рывков. Отец не только поддержал рабочих на собрании бригады, но и просил "правдистов" напечатать в газете портреты этих рабочих с подписью: "Вот они, передовики производства"»^[133].

Эту историю Юрию Андреевичу Жданову рассказал участвовавший в той поездке А.С. Магид. Кстати, сам Александр Самойлович, тогда корреспондент «Правды», а в будущем историк советской авиации, на всю жизнь останется убеждённым сталинистом. Как и многие сталинские литераторы того времени, он имел воинское звание, был полковым комиссаром...

Острыми оставались социальные вопросы. В 1931 — 1933 годах на отдельных предприятиях Нижегородского края из-за хронического недостатка бюджетных средств были нередки задержки выплаты заработной платы. Новые передовые производства требовали значительных капиталовложений. Пятая часть бюджета края в те годы формировалась за

счёт поступления доходов от лесной промышленности — древесина нижегородских, чувашских, марийских лесов занимала заметное место в экспорте из СССР. Но в связи с Великой депрессией в капиталистическом мире доходы от лесного экспорта резко упали. Государственный лесопромышленный трест «Севвостлес» задолжал в бюджет края миллионы рублей. Кроме того, одной из причин задержек с выплатой зарплаты был повсеместный дефицит наличных денежных знаков. Наряду с объективными трудностями имелись и субъективные факторы — проявления бесхозяйственности, халатности, бездушия руководителей. Начавшееся введение единоначалия на предприятиях в ряде случаев имело и обратный эффект, нередко приводя к тому, что новые руководители не обращали должного внимания на нужды подчинённых.

14 апреля 1933 года Жданов собрал совещание Нижегородского крайкома ВКП(б) по вопросу несвоевременной выплаты заработной платы. Показательна фраза в его выступлении: «...Вопрос о пренебрежении к насущным нуждам рабочих выявляет коммуниста-чиновника, бюрократа с партийным билетом в кармане, который работает только за ставку и который партийный билет носит для того, чтобы иметь должность, и для которого вопросы рабочего класса являются делом второстепенным»^[134].

По предложению Жданова совещание обратилось к прокуратуре с предложением привлечь к уголовной ответственности наиболее злостных неплательщиков заработной платы. Главам других предприятий предлагалось «в кратчайший срок реализовать образовавшиеся неликвиды», чтобы найти средства для выплат рабочим. Около сорока начальников разного ранга, от директоров трестов и фабрик до прорабов отдельных бригад, получили от шести месяцев принудительных работ до двух лет тюремного заключения. Схожие сроки получили и несколько директоров районных банков. Вероятно, сейчас они проходят по спискам сталинских репрессий...

В те годы титанического строительства не хватало всего — от сложного импортного оборудования до необученных рук из деревни, от денег до хлеба. Но самым главным дефицитом были кадры, те самые, которые, по меткому выражению Сталина, «решали всё». Одной из главнейших задач Жданова как высшего руководителя края был именно поиск и подбор толковых людей, способных в стремительном темпе ускоренной индустриализации успешно решать новые, непосильные ранее задачи.

Подбором кадров занимались партийные органы. И жизнь членов партии в те годы была беспокойной и наполненной почти каторжным

трудом. Несправлявшихся безжалостно снимали с должностей и исключали из партии. Так, в 1933— 1934 годах из горьковской краевой парторганизации было исключено 15 тысяч человек, то есть каждый пятый.

Способных и ответственных людей Жданов всячески поддерживал. Он бился за организованность и дисциплину, внедрение в эпоху всеобщего увлечения коллегиальностью единоначалия, планирование «вплоть до цеха», «японские методы», боролся с «лжеударничеством» и уравниловкой.

К середине 1920-х годов он «изобрёл» весьма своеобразный метод перетягивания к себе нужных работников. Кадры тогда наряду с финансами и материальными фондами тоже становились своеобразным объектом лоббирования, так как от них — авторитета, профессионализма, связей конкретных людей — зависел общий успех конкретных организаций, проектов или предприятий. Толковые кадры наряду с материальными фондами нередко становились предметом своеобразного торга между регионами и Центром, между отдельными ведомствами.

Суть ждановского метода в решении кадровых проблем отразил в письме от 4 июня 1926 года, адресованном самому Жданову, помощник командующего войсками Московского военного округа комиссар А.С. Булин:

«Дорогой т. Жданов! Я вынужден просить тебя не возбуждать перед ЦК вопрос о демобилизации военных работников. Пользуясь нашей добротой, ты ведь скоро всех военных ребят демобилизуешь. Я решительно возражаю против метода, который ты усвоил, — сначала избрать на выборную работу (как ты сделал по отношению к т. Легконравову, Лукояновскому уездному, избрав его председателем Уисполкома), а потом, исходя из этого конституционного факта, добиваться демобилизации, даже предварительно не сговорившись с ПУокром (политическим управлением округа. — А. В.). Против демобилизации Легконравова я возражаю, о чём предупредил ПУР (политуправление РККА. — А. В.). Привет!»^{135}

Впрочем, не все неизбежные в большом деле споры и межведомственные склоки решались столь потоварищески. Даже у такого оптимистичного и доброжелательного по характеру человека, как Жданов, проскальзывали, порой и на публике, отголоски этих подковёрных битв: «Ничего не жалели для него (автозавода. — А. В.), вытерпели обиды и упрёки, будто им "заслоняется" целый ряд других строек...»^{136}

В начале 1930-х годов Нижегородская область под руководством Жданова стала одним из крупнейших научно-промышленных центров, известным за пределами страны. Не случайно иностранные СМИ

именовали Нижний «русским Детройтом».

В 1933 году товарищ Жданов с гордостью докладывал на 4-й Горьковской краевой конференции ВКП(б): «В борьбе за технико-экономическую независимость Советского Союза от заграницы наш край также имеет огромное значение. Я перечислю только некоторые виды продукции, которые мы до последнего времени ввозили из-за границы и производство которых в нашем крае помогло Советскому Союзу освободиться от заграничного импорта, — это специальные сорта стали (Вык-са), автомобили грузовые, легковые и автобусы (ГАЗ), мотоциклы (Ижевск), шлаковозы и чугуновозы ("Красное Сормово"), фрезерные станки и делительные головки (станкозавод), токарные и строгальные патроны (завод им. Орджоникидзе), хирургический инструмент (заводы им. Ленина и им. Горького), радиоаппаратура, аэропланы и т. д.»^{137}.

Кстати, упомянутые Ждановым аэропланы — это истребители, впервые выпущенные в 1932 году на Нижегородском авиационном заводе (ныне НАЗ «Сокол»), дальние прадедушки «мигов», которые и сейчас стоят на вооружении российской авиации.

Работая в Поволжском регионе, наш герой, конечно, не обошёл своим вниманием и проблемы великой русской реки. На рубеже 1920—1930-х годов Жданов в дополнение к своим многочисленным обязанностям был уполномоченным СНК СССР и ЦК ВКП(б) по нефтеперевозкам — Волга была тогда одной из главных транспортных артерий страны и по ней шёл основной поток бакинской нефти (другой тогда ещё не было) в Центральную Россию. О важности «нефтяного вопроса» можно судить по тому, что в те годы Жданов был обязан ежедневно отчитываться перед председателем Совнаркома — «сколько нефти завезено, сколько в пути, сколько в Астрахани и т. д.».

Жданов высоко оценивал экономический потенциал Волги. На одном из хозяйственных совещаний в Нижнем 5 ноября 1931 года он говорил: «Три дня тому назад, докладывая т. Сталину о ходе волжских перевозок, мне удалось добиться, чтобы доклад об итогах навигации на Волге и перспективах её на следующий год был поставлен на ближайшем заседании Политбюро ЦК. С этой точки зрения наше обсуждение представляет богатый и ценный материал для тех предложений, с которыми мы пойдём в ЦК»^{138}.

Спустя три месяца он докладывал 17-й конференции ВКП(б) о перспективах развития Волжского бассейна: «ЦК нашей партии внёс уже решение, которое имеет исключительное значение и для Поволжья, и для

Ленинграда, — это решение о постройке трёх мощных гидроэлектрических станций, одна к северу от Ленинграда и две на Волге: в Ивановской области и в Нижегородском крае. Это решение ЦК должно произвести подлинную техническую революцию, подлинный индустриальный переворот для всех краёв и областей, которые связаны с Волгой...»^{139}

В Нижнем Новгороде долго не было постоянного моста через Оку, впадавшую в Волгу в черте города. Планы его постройки с целью соединить историческую часть Нижнего с его знаменитой ярмаркой и промышленным Канавином вынашивались ещё в конце XIX века, однако по разным причинам откладывались. Приходилось довольствоваться временным, наплавным «плашкоутным» мостом, а в зимнее время опасной ледовой дорогой. 7 ноября 1927 года, на десятилетие революции, состоялась торжественная закладка моста, декрет о строительстве которого был подписан ещё Лениным. Сооружение столь непростой конструкции продолжалось с большими сложностями свыше пяти лет. Наконец, 1 апреля 1933 года секретарь Горьковского горкома партии Андрей Жданов торжественно открыл движение по новому мосту, который на тот момент был самым протяжённым в стране.

В тот же день на страницах центральной городской газеты «Горьковская коммуна» появилась передовая статья «У купеческих "отцов города" Нижнего не выходило, у большевиков города Горького вышло!».

К 1 мая 1933 года в адрес Жданова поступила телеграмма за подписью Сталина, Калинина, Молотова и Кагановича: «Горячо приветствуем рабочих и всех трудящихся города Горького в день пролетарского праздника Первого мая и поздравляем с окончанием строительства гиганта-моста через реку Оку»^{140}. Через несколько дней текст этого поздравления был опубликован в «Правде».

Решение о переименовании Нижнего Новгорода в город Горький датируется 7 октября 1932 года. Город и, соответственно, край получили новое имя в связи с сорокалетием литературной и общественной деятельности самого маститого на тот момент русского пролетарского писателя Максима Горького. Горький был тогда (и, пожалуй, остаётся) самым известным в мире уроженцем Нижнего Новгорода.

Знакомство Жданова и знаменитого нижегородца состоялось 8 августа 1928 года, когда писатель после эмиграции вернулся в СССР и впервые за много лет посетил малую родину. По описаниям корреспондентов, Горький прибыл в Нижний из Казани на пароходе «Плёт», у причала его дружным «ура!» встречало всё губернское начальство во главе с нашим героем.

Несколько дней ответственный секретарь губкома партии Андрей Жданов сопровождал почётного гостя, показывал Горькому строящиеся заводы и городские сооружения.

К 1933 году бывший Нижний Новгород из некогда ярмарочного купеческого города превратился в крупнейший промышленный центр. За период индустриализации его население выросло почти в три раза, в городскую черту вошли большие промышленные пригороды Сормово и Канавино. Горький стал третьим мегаполисом в СССР после Москвы и Ленинграда.

Жданову пришлось приложить немало усилий, чтобы развитие городского хозяйства не сильно отставало от стремительного развития промышленности. По его инициативе в ноябре—декабре 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) дважды рассматривало вопрос «О коммунальном хозяйстве Нижнего в связи с пуском новых предприятий». Городу и краю в этом отношении была оказана значительная помощь. Все свои усилия и средства, подчёркивал Жданов на заседании политбюро, краевые и городские власти направляли в рабочие районы. «Что нам удалось сделать в крае? Мы построили 170 тыс. кв. метров жилой площади, по-новому перестроили трамвайную сеть Нижнего. Сеть, которая нам досталась от буржуазной Сироткинской думы, проходила только по одной улице, представляла собой узкоколейку... Мы построили ряд культурно-бытовых учреждений (больницы, бани), расширили водопроводное и канализационное хозяйство...»^{141} И Жданов здесь ничего не приукрашивал. Несмотря на то, что ускоренная индустриализация требовала непомерных затрат, строительство нижегородских (уже горьковских) гигантов первой пятилетки — автозавода, авиационного и машиностроительного заводов и других — привело к появлению новых благоустроенных рабочих районов: соцгорода ГАЗа, посёлков имени Орджоникидзе, имени Калинина и др.

Соцгород — так тогда называли строившиеся в 1930-е годы по единому плану жилые массивы в различных городах СССР. Первым опытом такой застройки и стал нижегородский жилой район нового автозавода-гиганта. Перед его проектированием был объявлен всероссийский конкурс, в котором, помимо множества московских архитектурных и проектных организаций, приняла участие американская фирма «Остин компани», проектировавшая сам автозавод. К исполнению был принят проект Всероссийского общества пролетарских архитекторов во главе с профессором-архитектором Аркадием Мордвиновым, родившимся в Нижегородской губернии в семье иконописца.

Строительство соцгорода на 50 тысяч жителей началось осенью 1930 года.

Построение новой жизни не обошлось без неизбежных тогда жертв — при реконструкции главной в городе Советской площади (ныне площадь Минина и Пожарского) весной 1930 года были снесены храмы XVII века — Благовещенский собор и церковь Святителя Алексия митрополита Московского.

Ещё ранее, в сентябре 1927 года, распоряжением Жданова был закрыт один из самых известных в прошлом и настоящем монастырей Нижегородчины — Серафимо-Дивеевский (возрождён в конце 1980-х годов). Есть во всём этом какая-то злая мудрость истории — один из самых знаменитых монастырей России закрыл сын и внук известных богословов, чьи труды и ныне высоко ценятся в духовных академиях Русской православной церкви.

Обратим внимание: закрытие монастырей и храмов шло рука об руку с впечатляющим развитием образования. В том же 1927 году в Нижегородской губернии грамотными были лишь 43,6 процента населения (один из самых низких показателей в Центральной России)^{142}, почти половина детей в школах не обучалась. Ещё хуже ситуация была в национальных регионах, вскоре вошедших в Нижегородский край. Но уже в конце 1920-х годов начинается буквально взрывной рост количества и качества образовательных учреждений. Только в самом Нижнем Новгороде появляется целый ряд новых вузов — строительный, педагогический, медицинский и другие, а также почти три десятка техникумов. Созданный в 1930 году Нижегородский сельскохозяйственный институт разместился в здании бывшей семинарии...

Глава 8.

«ДЕЛО НЕ В СТРАУСОВЫХ, А В ЖДАНОВЫХ...»

Помимо индустриализации одной из важнейших задач нашего героя на рубеже 1920—1930-х годов была, естественно, коллективизация. О далеко не блестящем состоянии сельского хозяйства в России начала XX века читатель уже имеет некоторое представление на примере Шадринского уезда. Причём этот район Пермской губернии считался хлебопроизводящим, с достаточно развитым на общем уровне страны сельским хозяйством. Однако с современной точки зрения это было почти средневековье: с сохой, без машин и удобрений, с регулярными голодовками.

Проведённый советской властью передел помещичьей земли лишь несколько улучшил положение крестьянства. Увы, жизнь в доколхозной деревне отнюдь не являла собой сусальную картинку с изображением тучных нив и патриархальных богобоязненных селян, чей буколический быт разрушили злокозненные большевики со своими колхозами.

Ко второй половине 1920-х годов в стране было 25 миллионов крестьянских хозяйств, сельское население составляло 130 миллионов человек. Следствием почти средневековых методов земледелия и мелких земельных наделов являлась бедность крестьянства — большинство хозяйств едва могло прокормить себя.

Выход виделся в развитии сельской кооперации, то есть в объединении единоличников для совместного решения хозяйственных задач. Кооперативы, активно поддерживаемые экономической политикой большевиков, и дали толчок коллективизации — организации крестьян в группы и коллективы для удобства обработки земли, торговли, расчётов, поставок и т. п. В 1927 году в стране уже насчитывалось 66 тысяч кооперативов, в которых объединилось около восьми миллионов человек.

Крестьяне тогда составляли свыше 80 процентов всего населения СССР, и состояние сельского хозяйства было не только экономической, но и острой политической проблемой. После уничтожения помещичьего землевладения царём деревни стал пресловутый кулак. В последнее время его рисовали розовыми красками — мол, это такой работающий крепкий хозяин, который всё нажил непосильным трудом. Увы, такое заблуждение

стало результатом сознательных передёргиваний, искажения реального положения вещей.

Большевистская пропаганда лишь подхватила термин, которым с конца XIX века в деревнях называли особый тип хозяев, извлекающих прибыль на рынке. 4—5 процентов сельского населения держали порядка 15—20 процентов всего рынка сельскохозяйственной продукции, включая почти половину продаваемого в города хлеба. В советской статистике эти хозяйства называли «мелкокапиталистическими». Но извлечение прибыли не ограничивалось только сельским хозяйством — кулаки выжимали её отовсюду: эксплуатировали батраков (сельских пролетариев и беднейшую часть середняков), сдавали в аренду часть рабочего скота и сельхозинвентаря, занимались ростовщичеством.

Советское государство уже самой политикой развития кооперации, предоставления ссуд, кредитов, сельхозтехники, разнообразной помощи бедняцким и середняцким хозяйствам ущемляло экономические интересы кулаков. Поэтому борьба между государством и кулаком в те годы не была выдумкой советских пропагандистов, а являлась следствием объективных социально-экономических процессов в русской деревне — в деревне бедной, населённой ожесточёнными малограмотными людьми, привыкшими за годы мировой и Гражданской войн к смертям и убийствам. Отсюда та жестокость нравов, которая выплеснулась в ходе ускоренной коллективизации.

В 1920-е годы Советская Россия, на которую наиболее развитые страны взирали с подозрением, а многие и с вполне агрессивными намерениями, оставалась страной с отсталым сельским хозяйством, слабой промышленностью и армией без современной техники. Можно только с ужасом предполагать, что могло случиться с нашей родиной в 40-е годы XX века, сохранись всё на прежнем уровне. Преодолеть отсталость и слабость было невозможно без настоящей промышленной революции — той самой индустриализации.

Близость новой мировой войны для всех была очевидна, и у страны просто не было десятков лет на поступательное развитие — индустриализацию необходимо было проводить в самые сжатые сроки. Большевики это прекрасно понимали, ведь от этого зависело сохранение их власти, а в тех условиях — и жизни. Особенность исторического момента заключалась в том, что сохранение большевистской власти было немислимо без сохранения и укрепления страны.

С началом индустриализации государству нужен был постоянный, прогнозируемый приток хлеба в города и на стройки. Кроме этого,

государство вынашивало планы реконструкции сельского хозяйства, перевода его на современную технику с целью увеличения производительности труда и высвобождения рабочей силы, необходимой на стройках и предприятиях. Важным было и то, что зерно тогда являлось стратегическим продуктом, главнейшим экспортным ресурсом для получения валютной выручки, необходимой для покупки промышленного оборудования и технологий. Других сопоставимых с зерном экспортных товаров тогда ещё просто не было — той же нефти не хватало даже для внутреннего потребления. Поэтому хлеб для СССР был во всех смыслах «всему голова».

Но в 1927 году, когда было принято решение о начале масштабной индустриализации, страна столкнулась с «хлебной стачкой». Крупные частные поставщики зерна, ожидая роста цен в связи с прогнозами неурожая в ряде регионов страны, просто «придерживали» хлеб и не продавали его заготовителям по прежним ценам. В итоге, несмотря на то что урожай снизился совсем незначительно, к концу года возникли перебои в обеспечении промышленных центров продовольствием. Рост цен в кооперативных и частных лавках привёл к недовольству в рабочей, городской среде. Вынужденно было введено нормированное распределение товаров первой необходимости, что ещё больше озлобило население.

Казалось, короткой умиротворённости нэпом пришёл конец. Призрак большого антибольшевистского восстания снова начал бродить по России.

Обострение внутренней ситуации произошло на фоне резкого ухудшения внешнеполитической обстановки — так называемой «военной тревоги» 1927 года. Мощнейшая на тот момент сверхдержава мира, Британская империя, официально разорвала дипломатические отношения с СССР. На грани разрыва оказались отношения и со второй по мощи державой — Францией, главной победительницей в Первой мировой войне. На западной границе враждебно настроены были все соседние государства — Финляндия, республики Прибалтики, Польша и Румыния. С востока нависала ещё одна опасность — отнюдь не миролюбивая Японская империя, совсем недавно участвовавшая в оккупации Приморья.

Вооружённые силы СССР из-за бедности государства были в 1920-е годы резко сокращены, и на всей огромной территории страны насчитывалось всего 600 тысяч «штыков» и «шашек» при минимуме современной военной техники. К тому же не стоит забывать, что к концу 1920-х годов многочисленные враги советской власти — от эсеров до монархистов, от атаманов бывших повстанцев до офицеров белых армий — ещё представляют собой многочисленные, порой организованные

(особенно «за кордоном») и весьма активные силы. Они всё ещё нацелены на борьбу за власть, готовы немедленно включиться в неё при любых изменениях внутренней или внешней обстановки в стране. И борьба эта будет не на жизнь, а на смерть.

Именно кризис 1927 года, когда внутренние проблемы усугубились внешними, поставил вопрос об ускоренной индустриализации, невозможной без столь же форсированной сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Для начала советской властью была введена контрактация посевов — скупка будущего урожая по заранее оговоренной цене с предоплатой, а также с выдачей семян, удобрений, поставками сельхозинвентаря в кредит. Расчёт мог производиться как деньгами, так и промышленными товарами. Процесс шёл быстро, к 1931—1932 годам контрактацией было охвачено более 70 процентов посевов.

Судя по документам и выступлениям, А.А. Жданов плотно занимался в крае этими вопросами. Термин «контрактация» постоянно присутствует в его выступлениях и публикациях. «Мы должны использовать оставшиеся недели до сева для того, чтобы закончить всю хозяйственную подготовительную работу: сортирование семян, ремонт машин и орудий, контрактация, составление рабочих планов, организация труда, — говорит он на пленуме Нижегородского крайкома и краевой контрольной комиссии ВКП(б) в апреле 1930 года. — ...В дальнейшей подготовке к коллективизации мы должны особенно учитывать своеобразие наших национальных районов, где, очевидно, вопросы, связанные с производственным кооперированием, с контрактацией, наряду с работой среди бедноты и батрачества, с мерами ограничения и вытеснения кулака будут иметь особое значение, большее чем в других районах... Мы должны сейчас особенно серьёзно подумать относительно контрактации молочных и животноводческих продуктов... Мы должны установить твёрдую дисциплину в контрактации. Установить такой порядок, что если контрактант получил государственную помощь, то он должен в срок сдать мясо, масло и прочее»^{143}.

Контрактация дала более прогнозируемый приток хлеба. Частные перекупщики и кулаки уже не могли скупать всё товарное зерно у крестьян, устранение цепочки «коммерческих посредников» также позволяло снизить стоимость продукта для конечного потребителя.

Контрактация развивалась параллельно с процессом создания классических колхозов, начавшимся в 1929—1930 годах. Замысел выглядел блестяще — создать техническую основу сельского хозяйства, сделать

основным инструментом сельского труда тракторы и прочую передовую сельхозтехнику, которую ранее не могли позволить себе купить или арендовать 95 процентов крестьян.

Однако на начало 1930-х годов техники не хватало, заводы по производству сельхозмашин только создавались. Кроме того, одновременно с индустриализацией и коллективизацией началось и масштабное перевооружение армии.

Поэтому на деле коллективизация вылилась в принудительное образование колхозов на основе изъятого у крестьян имущества — лошадей, скота, инвентаря. Сказывались «революционное нетерпение», отсутствие опыта столь грандиозных преобразований и всеобщая склонность к лёгкому принятию насильственных решений.

В то же время распространённое в обличительной публицистике представление о коллективизации как об «уничтожении крестьянства» столь же далеко от реальности, сколь далеки от неё и радужные представления многих публицистов о «благоденствии» доколхозной деревни или о бравом «фермере», который сам всех мог накормить до отвала при помощи «невидимой руки рынка».

Начало 1930-х годов действительно стало временем массовой человеческой трагедии на селе, неизбежной при столь масштабных и быстрых социальных изменениях. В советский период освещали лишь часть этой трагедии, связанной с кулацким террором. В постсоветский — об этом напрочь забыли и стали всячески раздувать горе жертв раскулачивания. В реальности было и одно, и другое. Но была ещё одна сторона: наиболее массовая часть деревенского населения, которая с трудностями и лишениями пережила начальный, самый тяжёлый период коллективизации, уже через несколько лет, к концу 1930-х годов, получила первые реальные плоды тех реформ. В колхозы массово пошла техника, изменился сам уровень сельской жизни — коллективизация повлекла не только быстрое техническое развитие, но и другие социальные перемены, например, создание на селе развитой для тех лет системы образования и иной инфраструктуры современной жизни. С 1935 по 1936 год колхозы стали повсеместно строить клубы, школы, детсады. Значительную часть многомиллионного студенчества новых вузов страны в 1930-е годы также составили дети крестьян и вчерашние крестьяне — без коллективизации им пришлось бы остаться на селе, заменяя своими руками, плугом, а то и сохой недоступные единоличникам тракторы.

Все эти грандиозные по масштабам и содержанию социально-экономические изменения, индустриализация и коллективизация, были

спрессованы в одно короткое десятилетие!

Процесс коллективизации прошёл в Нижегородском крае куда менее болезненно, чем в иных регионах страны. Сложно однозначно оценить причины такого относительного благополучия. Невозможно свести всё только к одному, пусть и толковому руководителю, равно как нельзя сбрасывать со счетов компетенцию и способности первого лица. Как бы то ни было, но в крае не было ни заметного голода, ни крупных протестных выступлений, характерных для иных районов СССР.

Сам Жданов в своей публичной риторике тех лет «колебался вместе с генеральной линией партии» — его многочисленные речи, доклады, статьи на крестьянскую тему насыщены напоминаниями о классовой борьбе в деревне, призывами к бдительности, искоренению классового врага и «кулацких настроений». Не избежал он и принятия «повышенных обязательств» по темпам коллективизации выше, «чем наметили по пятилетке всего Союза».

Переход к коллективизации осуществлялся на фоне вооружённого конфликта на КВЖД и разразившегося мирового экономического кризиса, что снова вызывало у партийного руководства серьёзные опасения по поводу возможности новой военной интервенции против СССР. Отдельные позитивные примеры коллективного хозяйствования, а также успехи в развитии потребительской и сельскохозяйственной кооперации породили завышенные ожидания, неадекватные оценки складывавшейся ситуации — возобладало мнение о возможности быстрой и сплошной коллективизации.

7 ноября 1929 года в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома», в которой текущий год был объявлен годом «коренного перелома в развитии нашего земледелия». Уже в декабре Нижегородский крайком ВКП(б) принял постановление о проведении сплошной коллективизации края за три года. Если к осени 1929 года нижегородские колхозы объединяли лишь 3,6 процента крестьянских хозяйств, то в декабре — 6 процентов, а к марту 1930-го коллективизировали 48 процентов дворов.

Естественно, такой взрывной темп, помноженный на бедность, ожесточённость и неграмотность общества, породил массу проблем, создав напряжённую обстановку на селе. На заседании бюро крайкома Андрей Жданов даже высказал опасение относительно возможности повстанческих выступлений в крае.

Жданов, имевший к тому времени уже десятилетний опыт управления, неплохо знал жизнь крестьян и проблемы сельского хозяйства. Несомненно, он был убеждённым сторонником коллективизации, готовым

проводить её не только агитацией, но и прямым государственным насилием. С другой стороны, он видел те многочисленные ошибки, просчёты и преступления, которые порождала форсированная сплошная коллективизация. Уже 30 января 1930 года последовала директива Нижегородского крайкома: «Всяким принуждениям по вовлечению в колхозы должна быть объявлена борьба»^{144}.

Когда 2 марта 1930 года в советской печати было опубликовано письмо Сталина «Головокружение от успехов», в котором руководитель партии отметил многочисленные «перегибы» при проведении коллективизации, Жданов развернул в крае кампанию по изобличению и устранению таких «перегибов и извращений».

«В то время, как у нас шёл рост колхозного движения, к этому действительно массовому росту (а мы имели несомненно большой массовый рост) примешалась нездоровая игра в коллективизацию, — говорил Жданов в апреле 1930 года на пленуме крайкома. — Нужно сказать, что чем дальше, тем быстрее росли наши колхозы количественно, тем больше становились ножницы между качественной стороной движения и количественной»^{145}.

Показательно, что наиболее сложная обстановка в период коллективизации в Нижегородском крае сложилась на территориях, включённых в его состав только в 1929 году — в Вятском округе, Вотской автономной области (ныне Удмуртия) и Чувашской республике.

«Старые» районы Нижегородчины жили побогаче, здесь была в высокой степени развита кооперация, ставшая основой коллективизации, — в некоторых уездах до 70 процентов крестьян входили в различные кооперативы. Куда лучше обстояло дело с кадрами, подбором которых на протяжении ряда лет упорно занимался А.А. Жданов. В 1928 году здесь работали уже почти две сотни колхозов. Присоединённые районы были менее развитыми. Коллективизация в этих местах проводилась пришлыми людьми, с большими издержками и перегибами.

Разницу в подходах демонстрируют две такие истории. В Кезском районе Удмуртии нижегородский рабочий Шаудин записывал в колхозы следующим образом: «Пришёл на собрание, вынул из кармана наган, положил на стол, затем чистый лист бумаги и обратился к собранию крестьян с речью:

— Товарищи-крестьяне. Вот вам две дороги: одна к социализму — путь к нему через колхоз, а вот дорога к капитализму — это кто не хочет идти в колхоз. Поняли...

В жутком молчании остались собравшиеся.

— Ставлю на голосование: кто в колхоз — поднимите руки. Подняли все»^{146}.

Председатель будущего колхоза-миллионера «Алга» Мустафа Саберов в татарских сёлах Сергачского района Нижегородчины записывал колеблющихся крестьян в колхоз более «изысканным» способом — заранее договаривался с телефонистами и разыгрывал перед крестьянами свой «звонок Сталину в Кремль»:

«Товарищ Сталин, здравствуйте! Мустафа Саберов говорит... Что делаем, товарищ Сталин? Колхоз, бить, создаём. Нейдут, товарищ Сталин, никак нейдут. Что Вы сказали? Стрелять их маленько надо? Да, понял, товарищ Сталин, понял. Передам им, передам...»^{147}

Ошарашенные селяне после такого действия на запись в колхоз становились в очередь... Хитрый председатель не только создал процветающий колхоз, но и сохранил в селе действующую мечеть. Через несколько лет с богатой выручки от колхозного урожая он подарит самолёт По-2 знаменитому советскому лётчику-испытателю Валерию Чкалову, тоже уроженцу Нижегородского края. Кстати, заметим, что появившийся в 1930-е годы в СССР настоящий культ лётчиков будет во многом плодом именно ждановского «пиара». Но об этом — чуть позже.

Власть Нижегородского края не забывала и иные методы вовлечения крестьян в колхозы — здесь и кредиты, и другие меры экономической и иной поддержки. Неслучайно в том же 1930 году в крае повсеместно создаются районные газеты, предназначенные прежде всего для сельского населения и сельской молодёжи — талантливый и опытный пропагандист Жданов прекрасно понимал их значение.

Кстати, отметим и призыв Жданова на пленуме крайкома в апреле 1930 года: «...Мы должны будем исправить ошибки в отношении церквей, в отношении закрытия рынков... Целый ряд ошибок не исправлен и с неправильным раскулачиванием, с закрытием церквей, с неправильным лишением избирательных прав»^{148}. Эти настойчивые призывы не трогать сельские церкви озвучиваются Ждановым той же весной 1930 года, когда в центре Нижнего Новгорода при реконструкции города сносят старинные храмы. Здесь видны чёткая деловитость и целесообразность — на селе ещё сильны религиозные настроения, а в городе большинство населения в те годы, мягко говоря, не жалуется на церковь, всё ещё очень хорошо помня тот навязанный в зубах вчерашний официоз «казённой» религии.

Форсированная коллективизация сопровождается раскулачиванием,

конфискацией имущества и высылкой семей кулаков. Процесс этот также шёл с многочисленными «перегибами», когда в кулаки записывали и середняков, и просто личных врагов... Но если взглянуть на конкретные цифры или населённые пункты, то ситуация совсем не покажется апокалипсисом. Так, по Варнавинскому району Нижегородского края с 1929 по 1931 год было выселено 68 хозяйств, в которых проживало около 340 человек — при населении района 31 345 жителей и общем числе хозяйств 4863. То есть был раскулачен и выселен каждый сотый. Добавим, что в 1929 году среди населения этого района было 30 процентов неграмотных и 14 процентов малограмотных. В Арзамасском районе за тот же период раскулачено 451 хозяйство (около четырёх тысяч человек) при численности сельского населения в районе свыше 300 тысяч.

А вот что пишут краеведы села Курлаково Большемурашкинского района Нижегородчины: «Колхоз в Курлакове образовался в 1930 году и был назван "Красный кооператор". Сильно зажиточных хозяйств в Курлакове не было, поэтому коллективизация проходила спокойно, без раскулачивания и высылки людей... По словам очевидцев, при образовании колхозов много было неразберихи...»^[149]

Кстати, за годы управления Ждановым Нижегородским краем коллективизация не стала сплошной — в 1932 году коллективизирована всего половина крестьянских хозяйств и даже в 1936 году пятая часть крестьян в крае оставалась единоличниками. Это свидетельствует о том, что борьба с «нездоровой игрой в коллективизацию» велась руководством края не только на словах.

Конечно, период коллективизации породил великое множество человеческих трагедий, оставил немало сломанных судеб и загубленных жизней. Но необходимо признать, что такое прямое насилие коснулось лишь крайне небольшой части крестьянского населения. Да и среди «раскулаченных» отнюдь не все были невинными жертвами произвола.

Отметим, что наш герой был убеждён в абсолютной правоте, необходимости и справедливости своего дела. А волновали его прежде всего многочисленные ошибки и проблемы, неизбежные на избранном пути экономического развития. И здесь Жданов предстаёт человеком, знающим предмет, владеющим деталями и нюансами. «Вот, например, Лопатинский колхоз Арзамасского округа, — выступает он на крайкоме. — Там часть середняков-лошадников вышла и семь лошадей осталось на 325 едоков. Мы имели колхозы, в которых одна лошадь оставалась на 135 едоков... Мы должны помочь кредитом на тягловую силу, особенно тем колхозам, из которых значительное количество лошадиников вышло. Бюро

краевого комитета в этом отношении уже приняло ряд мер, правда, недостаточных по нашей бедности...»^{150}

Здесь необходимо затронуть и такую грань способностей Жданова, как умение работать с информацией — качество, необходимое всем управленцам. Как справедливо замечают В.А. Кутузов и В.И. Демидов, «существует достаточно фактов для утверждения: Жданов понимал значение в деятельности руководителя конкретной деловой информации, любил — можно и так сказать — и умел с ней работать. Это прослеживается ещё от юношеской попытки "статистических исследований" в Тверских уездах (1916 года), проходит через его бурную деятельность по упорядочению аграрных отношений в шадринских деревнях (неудачную, конечно), через плановую комиссию Тверского губисполкома и организованную — уже на новом месте — "кампанию по проведению широких крестьянских конференций" со "специальной секретной отчётом по учёту настроений в деревне"...»^{151}. Ситуацию в деревне Жданов знал не только в самых общих чертах. Немало усилий он прилагал для сбора и анализа точной информации о реальном состоянии села тех лет.

Так или иначе, главные цели коллективизации были достигнуты. С начала 1930-х годов в Нижегородском крае наблюдается рост сельскохозяйственного производства. В 1933 году распахали 90 тысяч гектаров целины, впечатляюще выросли поставки хлеба — 132 тысячи тонн в 1930 году и 700 тысяч тонн в 1933-м. Край стал претендовать на лидерство в стране по производству льна и иных технических культур, стабильно осуществлялись экспортные поставки масла, пушнины, кожсырья. Сам Жданов приводил следующую статистику: если в 1932 году «вес» одного трудодня в колхозах Нижегородского (Горьковского) края составлял 3,012 килограмма, то к 1934 году он «потянул» на 9,584 килограмма, а в передовых хозяйствах достиг 17 килограммов зерновых и бобовых...^{152}

Интересно посмотреть, как отзывались о Жданове и руководимым им крае со стороны — высшее руководство страны, центральная пресса тех лет.

В материалах съездов и конференций, пленумов ЦК какой-либо существенной критики в адрес лично Жданова не просматривается. Нижегородский край уверенно занимал место среди лидеров индустриализации и не досаждал Центру большими проблемами — ни громкими политическими процессами, ни «разборками» в местном руководстве, ни голодом или волнениями.

Однако для того времени была характерна атмосфера критического отношения к кадрам, когда выискивались малейшие ошибки и недочёты. Даже внешне благополучное положение при отсутствии ускоренного движения вперёд считалось недопустимым, а объективные ошибки сурово осуждались. Такой подход вполне сознательно навязывала центральная пресса, которая служила не только рупором, но была кнутом и пряником в руках высших руководителей страны. Сталин говорил в 1931 году: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»^{153}. И кнут хлестал по всем, нещадно ускоряя темпы этого бега.

Авторитет центральной прессы, прежде всего партийной «Правды», был очень высок. Её корреспонденты были для местного начальства страшнее прокуроров, игнорировать публикации не мог себе позволить ни один крупный руководитель.

18 сентября 1930 года в «Правде» появляется заметка с критикой «примиренчества» на заводе «Красное Сормово». Уже через три дня по данному вопросу Жданов направляет секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Молотову, ближайшему тогда соратнику Сталина, развёрнутое подробное письмо. Деловой тон этого документа сочетается с явной эмоциональностью.

Письмо начинается с изложения Ждановым ситуации в Сормове, где крайкомом недавно была проведена смена партийного руководства, так как прежде не справлялось с темпами индустриализации. «Мы можем теперь, опираясь на опыт Сормова, — пишет Жданов, — громить всякие ссылки на плохого рабочего, на объективные условия и т. п. В самом деле: до смены руководства вагонный цех завода выпускал два большегрузных вагона в день, а сейчас выпускает 8, т. е. в четыре раза больше прежнего, и при таких темпах полностью ликвидирует прорыв по вагоностроению. Паровозный цех добился выпуска одного паровоза в день при годовой программе в 100 шт. Этот цех кончает полностью программу 25 сентября и выпускает несколько паровозов в счёт программы будущего года. То же по котлам. То же по двигателям. А ещё месяц тому назад оппортунисты заявляли, что всего этого никак не выполнить...

В условиях того бешеного боя, который мы развернули на Сормове, нелепой и странной кажется заметка в "Правде" от 18 сентября под заголовком "Немедленно расследовать" и под лозунгом "Примиренцам нет места в руководстве". Смысл этой заметки заключается в том, чтобы опорочить новое руководство Сормова... Подобного рода удары по крайковому руководству и намёки на наличие в нём примиренческих

элементов делаются за последнее время в "Правде" не первый раз. Мы хотим полной ясности в этом деле и хотим, чтобы ЦК в Вашем лице знал, что кое-кто в "Правде", очевидно, не прочь припаять оппортунизм или по меньшей мере примиренчество Нижегородскому Крайкому... Мы памятуем, тов. Молотов, Ваши и ЦК прошлогодние указания, что, когда тебя критикуют и если ты считаешь себя несправедливо критикуемым, то нельзя быть Дон Кихотом Ламанчским, непротивленцем и т. п.

В данном случае в связи с последней заметкой, по нашему мнению, неслучайной, мы должны поставить Вас в известность, что считаем заметку неправильной, политически вредной...»^{154}

Далее письмо с эмоциональной лирикой о донкихотстве вновь превращается в строгий, почти бухгалтерский документ, где Жданов в целом ряде пронумерованных пунктов по-деловому излагает историю «товарища Страусова» — именно этого инструктора Нижегородского крайкома, направленного Ждановым на работу в Сормово, грозная партийная газета публично обвинила в «примиренчестве».

В конце Жданов пишет, что «эти щипки и уколы вызывают в нас ряд недоуменных вопросов. Или мы переродились в оппортунистов и примиренцев, и тогда дело не в страусовых, а в Ждановых...»^{155}.

Похоже, такие жалобы и объяснения Жданова на самом верху воспринимали благосклонно — там он был на хорошем счету. Но профилактический «кнут» не убирали. В январе 1931 года в «Правде» вновь появится статья, косвенно обвинившая Нижегородский крайком в «потакании троцкистам», и нашему герою придётся обращаться уже к секретарю ЦК Л.М. Кагановичу. Впрочем, такими методами партийная пресса подхлестывала тогда всех, а край, руководимый Ждановым, никогда не был исключением для критики.

Глава 9.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ В НИЖНЕМ

Секретарь Нижегородского крайкома стоял на хорошем счету не только как эффективный руководитель, обеспечивающий впечатляющий рост экономики. И сугубо в бытовом плане он мог считаться — и считался! — образцовым партийным руководителем и коммунистом. Несмотря на строгую партийную мораль, отнюдь не все руководители СССР отличались личным аскетизмом. Но Жданов и здесь был идеален — все эти годы руководитель огромного восьмимиллионного края жил в коммунальной квартире.

Юрий Жданов позднее вспоминал об отце: «В Нижнем Новгороде у нас были две комнаты в общем коридоре. У члена ЦК и ЦИК, первого секретаря крайкома одна комната — их с матерью спальня и его кабинет, а вторая — это была столовая и моя кровать стояла...»^{156}

Из всех начальственных излишеств в нижегородский период товарищ Жданов был замечен только в пристрастии к игре с коллегами в бильярд и городки. Так, благодаря документам Нижегородского архива нам доподлинно известно, что в ночь на 5 марта 1929 года наш герой в партийном клубе имени Лядова увлечённо и долго играл в бильярд вместе с товарищами Пахомовым и Ломинадзе. 36-летний Николай Пахомов возглавлял тогда исполнительную власть, губернский исполком, а 32-летний Виссарион Ломинадзе заведовал агитпропотделом Нижегородского губкома партии. У обоих за плечами были дореволюционное участие в подпольных социал-демократических кружках и бурные биографии в годы революции и Гражданской войны — Ломинадзе успел даже побывать главой компартии Грузии. В 1930-е годы оба партнёра Жданова по бильярду погибли насильственной смертью — участник антисталинской оппозиции Ломинадзе застрелится в 1935 году, а Пахомов будет арестован и казнён в 1938-м. Итак, 5 марта 1929 года будущий первый соратник Сталина и будущие жертвы политической борьбы до часу ночи играли в бильярд в подвале партийного клуба. Эти почти бытовые подробности сохранились только потому, что в ту ночь после ухода Жданова в клубе случилась большая пьянка, виновникам которой наш герой вскоре раздал партийные выговоры. Материалы парткомиссий, разбиравшейся по поручению Жданова с инцидентом, сохранились до наших дней^{157}.

В самом начале 90-х годов XX века на волне издания первой постсоветской мемуарной литературы в Нижнем Новгороде, только что переставшем быть Горьким, вышли воспоминания Марка Борисовича Ашкенази. Родившийся в 1887 году в Бобруйске, в «черте оседлости», Марк Борисович (Мордехай Беров) в бурной дореволюционной молодости успел поработать и резчиком камня, и журналистом в Одессе и Нижнем Новгороде. В начале 1920-х годов работал в нижегородских профсоюзах, а с 1925 года, после вступления в партию, — в центральной нижегородской газете «Нижегородская коммуна». С 1931 года он становится редактором газеты «Марийская правда», ещё через три года — ответственным редактором областной газеты «Горьковский рабочий». В разгар политических репрессий в 1938 году он будет арестован и через два года полностью оправдан Военной коллегией Верховного суда СССР.

На старости лет Ашкенази оставил весьма язвительные, но тонкие психологические наблюдения. «С А.А. Ждановым, — пишет он, — мы были довольно хорошо знакомы на протяжении двенадцати лет, хотя близкими, короткими наши отношения, конечно, назвать было нельзя... Мы жили летом рядом на даче — в Александровке, что на Мызе^[158]. Там подобралась дружная компания: Жданов, Столяр — тогда секретарь Канавинского райкома партии, Зашибаев — секретарь заводской партячейки, Муралов — председатель губисполкома.

По вечерам, по выходным здесь происходили жаркие городошные поединки. Страстный игрок, Жданов близко к сердцу принимал промахи партнёров, горячо реагировал на похвалы и насмешки, бывал по-детски счастлив, когда ему удавалось разом вышибить две-три рюши...

Жданов поигрывал на баяне, пианино и считал себя знатоком музыки. Не терпел, когда ему в чём-то возражали. В таких случаях он горячился, краснел, как будто его лично обижают... Глядя в сторону, как бы жалуясь кому-то третьему, он упрекал:

— Он любит спорить... Всегда не соглашается. Какая-то претенциозность.

...Жданов вместе со всеми от души смеется, по обыкновению хватаясь за живот. Иногда тут же мрачнеет, прикладывает руку к груди. Сердце. Становится досадно на себя, зарекаюсь больше с ним спорить, в конце концов он больной человек. Всем нам хорошо известны и его семейные неурядицы, трогает его одиночество.

...На областных конференциях, пленумах Жданов выступает самозабвенно, горячится, говорит с пафосом, порой кажется, что он не слышит, что говорит. После своей речи, вытирая обильный пот, он налетает

в кулуарах с вопросом:

— Ну как?

Подкупает его мальчишеский задор, нескрываемый интерес, с каким он ожидает ответа.

Ему платят искренностью за искренность. Осторожные замечания о некоторой нестройности, непоследовательности в отдельных местах его доклада, недостаточной аргументации некоторых выдвинутых положений он слушает с пристыженным видом, не спорит, иногда даже благодарит. Больших трудов стоило приводить в божеский вид стенограммы его выступлений. Он выражает признательность за это, конфузливо удивляясь:

— Неужели я так говорил? Уж эти стенографистки!

К его чести следует сказать, что иногда он предпочитал своё выступление не помещать в газете»^{159}.

Действительно, стенограммы устной речи нашего героя не редко грешат явной торопливостью — кажется, что на волне ораторского вдохновения Жданов старается втиснуть в единицу времени максимум смысла, порой сбиваясь или «растекаясь мыслию по древу». Здесь он похож на многих известных ораторов, чьи страстные речи воздействуют на непосредственных слушателей, но бледнеют при прочтении дословной стенограммы.

Оставил Ашкенази и воспоминания о работе первого секретаря крайкома с местной прессой:

«... Часа в два ночи звонок в редакцию:

— Как у вас насчёт льна, что идёт в завтрашнем номере?

Я занят в это время передовицей, для которой оставлено в полосе "окно", она должна венчать специальный номер газеты, я не сразу понимаю, что от меня хотят.

— Льна нет...

В телефонной трубке перекачивается возбуждённый голос Жданова:

— Я знаю без вас, что льна нет, льнозаготовки за пятидневку подвинулись позорно незначительно! В пух и прах надо разделать главного льнозаготовителя — Удмуртию (она тогда входила в наш край), особенно секретаря Удмуртии! Не гляди те, что он старый большевик! Он ведь нахально прикрывается "партийной бородой"...

Он говорит горячо, по обыкновению воспламеняясь от собственной речи, и я его не прерываю. По всей видимости, на него только что нажали из ЦК, а он нажимает на меня. Но я ничего не могу поделать: во-первых, три полосы уже "спущены" в стереотипную и отлиты, во-вторых, завтра...

Придерживая плечом трубку, продолжаю писать. Когда он кончил, я

взмолился:

— Андрей Александрович!..

— Нет, вы мне ответьте, что у вас завтра идёт о льне?

— Андрей Александрович! Позвольте вам напомнить: завтра в Горький возвращается колонна автозаводских машин из пробега Горький — Москва — КараКум... Мы же договорились, специальный номер...

Возмущению Жданова нет предела:

— В Кара-Кумах прорыва нет, а в льнозаготовках!.. Вы меня слышите?! В льнозаготовках!.. Я ничего не хочу знать!..

Чем кончился этот ночной запальчивый диалог? Номер вышел "каракумский". Со схемой пробега, снимками, статьями участников о том, как вели себя "задние мосты", "коробки скоростей".

Алён? Поднятый с постели завсельхозотделом разделал Удмуртский обком и секретаря обкома под орех. Для этой "бани" был отведён на первой полосе уголок слева строчек на пятьдесят. Стараниями выпускающего "каракумский" фасад не пострадал.

Что же Жданов? Он сиял, как жених под венцом...

Не всегда, конечно, секретари обкома и их помощники по ночам сами не спят и другим не дают. Бывают дни, когда к полуночи всё как будто встало на свои места, "увязано и утрясено". Можно позволить себе и отдохнуть. Надо "проветрить мозги". Разумеется, в подвале за бильярдом.

Большой меткостью... Жданов не отличался, но играл с азартом. После сосредоточенного хождения с кием, взятым наподобие винтовки на плечо, он примеривается, мажет, свой промах сопровождает досадливым покрякиванием и чертыханием. При удаче же добивается, чтобы все признали, какой он шар положил:

— Не хотел, шельмец, лезть, а пришлось...

Кий он держит в левой руке и вместе со всеми смеётся, когда ему советуют покончить с "левацким уклоном". (Одно время его обвиняли всерьёз в правом уклоне, якобы он поддерживал идею хуторов в Городецком районе.)»^[160].

Отметим, что автор этих воспоминаний, Марк Ашкенази был обижен на Жданова — тот не принял старого знакомого в Смольном в 1938 году и тем самым, как посчитал Ашкенази, не спас его от ареста. Мы ещё расскажем об этом, а пока снова вернёмся в Нижегородский край на рубеж 1920—1930-х годов.

Тогда на территории края располагалась 17-я Нижегородская стрелковая дивизия, наступавшая в 1920 году на Варшаву. Жданов как партийный начальник края занимался и делами расквартированных здесь

воинских частей. Участвовал он и в военных учениях. Так, в самом конце 1920-х годов 17-я дивизия по планам высшего командования РККА проводила учения, отрабатывающие «наступление стрелкового батальона на оборону противника с одновременной стрельбой из артиллерии и станковых пулемётов через голову наступающей пехоты».

На наблюдательном пункте учений вместе с Андреем Ждановым находились командующий дивизией Георгий Софронов и командир одного из полков дивизии Иван Степанович Конев, который станет Маршалом Советского Союза и одним из главных полководцев-победителей Великой Отечественной войны. Тогда в ходе учений один из снарядов разорвался в тылу наступающей пехоты, неподалёку от командного пункта, засыпав кусками земли Жданова, Софронова и Конева.

Георгий Павлович Софронов, в будущем генерал-лейтенант и руководитель обороны Одессы в 1941 году, оставил свои воспоминания о встречах с нашим героем в те годы:

«Невольно думаю о А.А. Жданове, вспоминаю нижегородский период его работы. Андрей Александрович ряд лет был секретарём губкома партии, а с 1928 года — крайкома... Близко общаясь с ним как член бюро губкома (крайкома) партии и член президиума губ(край)исполкома, я поражаюсь энергии, которой обладал он, интеллигентный, уравновешенный и зоркий человек.

Иногда по вечерам я заходил к Жданову на квартиру. Там встречал и других членов бюро крайкома. Андрей Александрович успевал за чашкой чаю переговорить с нами о многом, что его беспокоило. Беседуя с кем-либо, он вдруг обращался ко мне и спрашивал:

— А что говорят приезжающие бойцы о том, как помогают в деревнях семьям безлошадников?

Или:

— Сколько людей за последний год дивизия научила гра моте? Учили ли самих руководителей кружков политграмоты? Хватает ли в полках сочинений Ленина?

Диапазон интересов такого партийного руководителя, как Жданов, поражал широтой и актуальностью. Чувствовалось, что он хорошо знает революционное прошлое Нижнего Новгорода, партийных деятелей, писателей, учёных, по-горьковски вышедших отсюда в большой мир.

Андрей Александрович интересно рассказывал о перспективах хозяйства края, о том, как идёт строительство новых заводов, электростанций на Волге, какие государства участвуют в Нижегородской ярмарке, как трудятся кустари-умельцы.

В Семёновском районе местные жители особенно искусно выполняли изделия из дерева, а в Павловском — из металла. Павловцы делали известные в стране ножи с инкрустированными ручками, замысловатые замки и многое другое, вплоть до точных медицинских инструментов.

— А знаете, что павловские умельцы прославились тем, что лимоны в комнатах выращивают? — спросил у нас однажды Жданов. — Хочу сам своими глазами посмотреть на них. И ведь бываю в районе, а до лимона так и не дотянулся...

Так обо всём — и хорошем и наболевшем — мы беседовали на квартире у секретаря крайкома. Жил он тогда без семьи: жена работала где-то в другом городе. Обычно встреча завершалась сражением в шашки или шахматы.

И ещё деталь, запомнившаяся мне, — это манера Жданова руководить заседаниями бюро крайкома. Я не знал случая, когда бы он изменил своей привычке выслушать мнение всех присутствующих по обсуждаемому вопросу.

— А что думают на сей счёт военные? Как расценивают ука зание крайкома?

Если молчишь, Андрей Александрович иной раз добродушно заметит: — Значит, никак не расценивают. А мы-то рассчитывали на ваши соображения.

Иногда эти домогательства вдруг показывали, что сам Жданов остаётся при голосовании в меньшинстве. Но это его не обескураживало. Принималось решение большинства.

Как правило, до начала обсуждения вопросов повестки дня Жданов зачитывал нам важные сведения из протоколов Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б), делился новостями политической жизни страны»^[161].

Надо заметить, что в процитированных выше мемуарах есть неафишируемые детали ждановского быта той поры. «Жил он тогда без семьи: жена работала где-то в другом городе...» (Г.П. Софронов). «Всем нам хорошо известны и его семейные неурядицы, трогает его одиночество» (М.Б. Ашкенази).

Действительно, от тридцатилетнего Андрея Александровича жена тогда ушла к другому человеку. Жданов, без сомнения, очень любил супругу. Ещё в 1926 году они были вместе, втроём с маленьким сыном ездили отдыхать в Кисловодск — Андрей все эти годы ощущал последствия давшей осложнение на сердце скарлатины четырёхлетней давности, а у Зинаиды были проблемы с почками.

Зинаида Александровна явно была женщиной решительной и

самостоятельной, высокое начальственное положение мужа её не остановило. Мы не знаем и, видимо, уже никогда не узнаем, что послужило причиной развода, — но в 1927 году Зинаида Жданова, забрав с собой маленького сына Юрия, ушла к Григорию Никифоровичу Амосову.

Бывший рабочий Амосов в 1925—1926 годах был председателем Нижегородского горсовета, то есть фактически подчинённым Андрея Жданова. Сложно сказать, насколько это было связано с личной драмой этого «любовного треугольника», но Амосов покинул Нижний и перебрался на работу в Астрахань. Зинаида последовала за ним, так они жили несколько лет семьёй — Зинаида Жданова с сыном Юрием и Амосов со своим сыном Константином.

Этой семье за пять лет пришлось сменить ряд городов — Астрахань, Саратов, Ростов-на-Дону, Москву. После отъезда из Нижнего Григорий Амосов всю жизнь работал в сфере рыболовного хозяйства и его как специалиста в духе тех бурных лет постоянно отправляли налаживать работу на новое место, пока в первой половине 1930-х годов не перевели на работу в Москву, где он добросовестно и благополучно проработает всю оставшуюся жизнь. В начале 1950-х годов он станет одним из руководителей Министерства рыболовной промышленности, получит Сталинскую премию. Был он человеком, несомненно, хорошим, раз горячо любивший и уважавший отца Юрий Жданов и спустя многие десятилетия напишет о своём временном отчине, как об «отличном, умном и добром человеке, который воевал в империалистическую, на фронтах Гражданской войны, а затем был на хозяйственных должностях»^[162].

Зинаида Жданова, проживая с новой семьёй в Астрахани и Саратове, работала журналистом в местных газетах. Её работа в одной из саратовских районных сельских газет пришлась на самые тяжёлые годы коллективизации — тогда должность журналиста не была безответственным «творчеством» в офисе, скорее это была деятельность рядового партийного агитатора, со всеми сложностями и отнюдь не мифическими опасностями тех лет, исходившими как со стороны убеждённых врагов советской власти, так и со стороны не в меру бдительных товарищей.

После ухода любимой женщины к другому человеку ни с какими другими представительницами прекрасного пола тогда одинокий Жданов замечен не был — жил он на виду у множества людей, да и времени на личную жизнь у него в те годы просто не оставалось. Похоже, горечь расставания с любимой женщиной и маленьким сыном наш герой успешно топил в работе. Внешне он оставался всё так же деловит, доброжелателен и

жизнерадостен. Бесконечные его разъезды и совещания после рабочего дня заканчивались поздно вечером в двух комнатах уже холостяцкой квартиры посиделками с товарищами по крайкому — по сути, всё теми же совещаниями за чашкой чая. Хотя наверняка там бывало и что-то покрепче чая...

Даже в те времена, когда в бешеном темпе индустриализации и коллективизации всем руководящим работникам приходилось выкладываться по полной, не считаясь с личным временем, постоянная, почти круглосуточная работа Жданова без выходных и отпусков на протяжении ряда лет вызывала некоторое беспокойство у его товарищей — бюро Нижегородского крайкома как минимум дважды (31 мая 1931 года и 22 июня 1932 года) официально обязывало Жданова «пользоваться выходными днями» и отпусками для лечения и отдыха^{163}.

Примерно в 1933 году Зинаида Жданова из Москвы вместе с сыном возвращается к мужу. Вновь мы не можем рассказать ничего внятного о том, в чём была причина возвращения и как прошла встреча. Одно доподлинно известно: жену наш герой любил — сильно, всю жизнь. Заметим, что к тому времени в двух комнатах этого высокопоставленного государственного мужа из признаков роскоши присутствовали пианино и собранная Ждановым солидная личная библиотека.

Юрий Андреевич Жданов спустя 70 лет вспоминал, что, как и отец, имел абсолютный музыкальный слух и с ранних лет увлекался музыкой, но возможности учиться музыке в Астрахани, Саратове, Ростове или Москве не было: «Возвращение в Горький к отцу блеснуло лучом надежды — у него было пианино. Несмотря на занятость, он занялся ликвидацией моей музыкальной безграмотности. Вскоре я играл небольшие пьесы, народные песни. Потом наступила очередь "Афинских развалин" Бетховена, "Музыкального момента" Шуберта, простеньких вальсов Шопена. Под руководством отца освоил я и "Марсельезу".

Однажды произошёл вот такой случай. Отец случайно обнаружил, что я не знаю текста "Интернационала". Он так на меня посмотрел, что с тех пор я могу петь гимн трудящихся, будучи разбуженным посреди ночи.

Копируя отца, разучил я "В бананово-лимонном Сингапуре" Вертинского, "Дивлюсь я на небо", "Не брани, родимый" Глинки из "Ивана Сусанина", "Гуде витер". Любил и освоил мелодии Кавказа: "Алаверды, готовься к бою", "Не спи, казак", "Лезгинка". А потом само пошло до беспредела. Начал осваивать нотную грамоту. Разобрал вальс Грибоедова, "Лунную сонату" Бетховена...»^{164}

Обращает на себя внимание разнообразие репертуара и вкусов Жданова-старшего — среди русской и иностранной классики, среди украинских и грузинских народных песен нашлось место и откровенному декадансу, совсем недавно появившейся эмигрантской песенке «Танго Магнолия». Впрочем, тут всё будет понятнее, если вспомнить эти строки и аккорды Вертинского:

В бананово-лимонном Сингапуре, в буре,
Когда у вас на сердце тишина,
Вы, брови тёмно-синие нахмутив,
Тоскуете одна.
И нежно вспоминая
Иное небо мая,
Слова мои, и ласки, и меня,
Вы плачете, Иветта,
Что наша песня спета,
А сердце не согрето
Без любви огня...

Нетрудно догадаться, что «Иветту» Андрея звали Зинаидой. И можно попробовать представить, как товарищ Жданов в самом начале 1930-х годов в минуты одиночества садился за пианино, вспоминая свою любовь...

Другое увлечение Жданова — книги. Именно в Нижнем Новгороде Жданов стал собирать библиотеку, формирование которой продолжит уже на новом месте работы, в Москве. «Отец систематически и последовательно собирал обширную библиотеку, — вспоминает Юрий Жданов, — в которой большое место было уделено книгам по биологии, которые в предвоенное десятилетие публиковались с невиданной интенсивностью. В 1936 году Биомедгиз (был такой!) приступил к изданию многотомного собрания сочинений Ч. Дарвина. Одновременно публикуется "Философия зоологии" Ламарка, принципиально важная работа Ж. Кювье "О переворотах на поверхности земного шара" (1937 год); выходит работа Ю. Либиха "Химия в приложении к земледелию и физиологии" (1936 год). Становится доступным читателю труд основателя клеточной теории Теодора Шванна "Микроскопические исследования о соответствии в структуре и росте животных и растений" (1939 год); издаются труды Гиппократов, работы Клода Бернара (1937 год), Эрнста Геккеля, Бербанка,

Каммерера.

Буквально грохочет залп книг в области генетики: В. Иогансон "О наследовании в популяциях и чистых линиях" (1936 год), Т.Г. Морган "Экспериментальные основы генетики" (1936 год), Г. Меллер "Избранные работы по генетике" (1937 год). Н.К. Кольцов издаёт свой основополагающий труд "Организация клетки" (1936 год); под редакцией Н.И. Вавилова выходят "Теоретические основы селекции растений" (1935 год); И.И. Шмальгаузен публикует "Пути к закономерности эволюционного процесса" (1939 год); В.И. Вернадский дарит миру "Биогеохимические очерки" (1940 год).

Названные труды — лишь часть книг, сохранившаяся в домашней библиотеке отца и свидетельствующая о его интересе к биологии...»^{165}

Удивительный перечень изданий для любого, кто слышал о Жданове как о сталинском партийном функционере, специализировавшемся на «гонениях интеллигенции».

Часть вторая.

«ПОД ДУБОМ МАМВРИЙСКИМ»

Глава 10.

НОВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК

10 февраля 1934 года завершился XVII съезд ВКП(б) — в сталинской историографии он носит название «съезда победителей», на нём, фактически впервые в истории большевистской партии, уже полностью отсутствовала какая-либо открытая оппозиция Сталину. Бывшие конкуренты и оппоненты — Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие — выступили на съезде, по сути, с покаянными речами. Однако отсутствие публичной оппозиции совсем не означало прекращения внутренней борьбы за влияние и власть. Гораздо позже данный съезд назовут ещё и «съездом расстрелянных»: из 1966 его делегатов с решающим или совещательным голосом в 1937—1938 годах будут арестованы 1108 человек, а из избранного съездом состава ЦК расстреляют 98 человек из 139 членов и кандидатов в члены Центрального комитета... По итогам индустриализации и коллективизации съезд с удовлетворением констатирует, что СССР «превратился из отсталой аграрной страны в передовую индустриально-колхозную державу».

Сразу после завершения съезда для избрания руководящих органов партии намечался пленум ЦК. Перед пленумом состоялось узкое совещание членов политбюро, где неожиданно возник рабочий конфликт, самым решительным образом сказавшийся на дальнейшей судьбе нашего главного героя. Впрочем, лично Жданов, пока ещё далёкий от высоких тайн политбюро, о близких переменах и не подозревал.

Сталину в связи с дикой загруженностью потребовался дополнительный секретарь в ЦК — причём нужен был не просто функционер-исполнитель, а опытный, проверенный человек, способный работать самостоятельно. По мнению Сталина, на такую работу идеально подходил возглавлявший Ленинградскую парторганизацию Киров — помимо способностей и политической надёжности он ещё был достаточно близким другом кремлёвского вождя.

Но сам Киров решительно воспротивился немедленному отъезду из Ленинграда: он прижился и увлёкся деятельностью в Северной столице — «дайте поработать в Ленинграде ещё пару лет, чтобы вместе с ленинградскими товарищами выполнить вторую пятилетку». Кирова тут энергично поддержали Куйбышев с Орджоникидзе — они по должности были заинтересованы в бесперебойной работе и развитии тяжёлой

промышленности Ленинграда: здесь были мощнейшие в стране заводы, а их надёжное функционирование и рост производства непосредственно связывались с руководящей работой Кирова.

Сталина явно обидело такое несогласие со стороны ближайших соратников и друзей — по слухам, он ушёл с заседания «в сердцах». Понимая, что вопрос всё равно надо решать, товарищи посоветовали Кирову идти к Сталину и лично искать компромисс. Очень похоже, что такой компромисс был найден уже поздно ночью в квартире генерального секретаря, за столом и не без рюмки. «Миرونыч» сумел настоять на своём и найти приемлемое решение — он становится секретарём ЦК, по возможности помогает Сталину в работе ЦК, но при этом остаётся в Ленинграде. А для замещения и помощи Кирову, как секретарю ЦК, и для непосредственной помощи Сталину в работе Секретариата ЦК берут нового человека.

Сейчас уже невозможно установить, кто и когда первым вспомнил фамилию Жданова и предложил его кандидатуру. Факт, что 10 или 11 февраля 1934 года судьба забросила нашего героя на самый верх власти, где Жданова уже много лет хорошо знали как толкового и проверенного работника, успешного руководителя Нижегородского края.

В начале 1930-х годов край показывал наивысшие темпы экономического роста в СССР, что естественным образом повысило в партийной иерархии и значение главного краевого коммуниста. Ещё на XVI съезде партии летом 1930 года Жданова избрали одним из семи десятков членов ЦК ВКП(б). С 1930 по 1932 год зафиксировано восемь официальных рабочих встреч Жданова со Сталиным, не считая переписки, телеграмм и телефонных звонков. Только что завершившийся XVII съезд вновь переизбрал Жданова членом ЦК, он выступал на съезде в прениях по докладу Сталина.

Речь Жданова на заседании съезда 29 января 1934 года объединяла в себе и славословие уже народившегося культа личности, и доклад о реальных успехах Нижегородского края. Для наглядности лучше привести обширную, но показательную цитату:

«Только три с половиной года прошло со времени XVI съезда партии, и наша страна за это время, под руководством ленинского ЦК, под гениальным водительством величайшего вождя нашей партии и рабочего класса, величайшего человека нашей эпохи — товарища Сталина превратилась за это короткое время в классическую индустриальную страну...

По воле партии, её Центрального комитета, при непосредственной

помощи и руководстве товарища Сталина, его неусыпными заботами в нашем крае созданы заново передовые отрасли промышленности и в первую очередь крупная машиностроительная промышленность... Мы освоили в нашем крае автомобилестроение, самолётостроение, мы выпускаем до 2 тыс. штук станков, паровозы, построили крупную химическую промышленность; заново создана бумажная промышленность, которая даёт до 6 млн. пудов бумаги в год для нашей страны на лучшем в Европе предприятии — Балахнинском бумкомбинате. Всё это коренным образом изменило лицо нашего края. Товарищи, мы за 1932 и 1933 годы удвоили продукцию машиностроения в нашем крае. Но всё это — только начало. Мы имеем серьёзнейшие резервы станков и оборудования, причём оборудования, построенного на основе последнего слова техники, с индивидуальными электроприводами, с лучшими станками, которыми богаты наши машиностроительные заводы. Они могут выпустить гораздо большее количество продукции при лучшей организации труда, при ликвидации обезлички и уравниловки, наконец, при лучшей работе металлургических заводов. Товарищи металлурги, дайте нам металл, и мы удвоим выпуск машин и станков, мы удвоим выпуск продукции машиностроения в нашем крае.

...Я приведу только некоторые цифры, которые показывают, с какой энергией, с какой силой, с какой страстью наши колхозники борются за зажиточную жизнь. Ранний пар — я беру только два года для сравнения — 1932 и 1933 годы, — ранний пар в 1932 году составлял 392 тыс. га, в 1933 года — 1282 тыс. га; яблечная вспашка в 1932 году — 700 тыс. га, в 1933 году — 1746 тыс. га.

...На нас возложены во второй пятилетке и во втором году второй пятилетки величайшие и ответственнейшие задачи. Первая задача, о которой здесь уже говорили ораторы, заключается в том, чтобы дать стране хорошую легковую машину... Товарищ Сталин на нашем съезде сказал, что цифра машин в стране 100 тыс., эта цифра смехотворно мала. Это правильно, мы должны эту цифру удвоить и утроить в ближайшие же годы. Перед нами стоит задача сейчас, во-первых, реконструировать машину "Форд" — она имеет ряд конструктивных недостатков — и, во-вторых, дать стране удобный "Лимузин" — закрытую машину, и, в-третьих, сосредоточить производство необходимых деталей для автомобилестроения вокруг автомобильного завода...

Товарищи, принцип кооперирования, очень правильный вообще, нуждается в серьёзнейших практических коррективах. Нельзя допускать, чтобы гудки для наших машин давал Ленинград, нельзя допускать, чтобы

прокладку для наших легковых машин давала Одесса»^{166}.

Очень характерно для Жданова это сочетание лозунговых дифирамбов вождю с сугубо деловым содержанием — «гениальное водительство величайшего вождя» рядом с более продуктивной зяблевой вспашкой, а «величайший человек нашей эпохи» тут близко соседствует с проблемами легкового автомобиля и трудностями региональной производственной кооперации. Именно это умение Жданова удачно сочетать политическую пропаганду и деловое руководство, безусловную политическую преданность с явными организационными талантами и способствовало его выдвижению наверх сталинской иерархии.

Решение по Жданову было спонтанным. Возникли даже некоторые проблемы со статусом Нижегородской парторганизации — после перевода Жданова на работу в Москву в ней не осталось бы ни одного члена или кандидата в члены ЦК, что было неприемлемо для одной из крупнейших парторганизаций страны. Поэтому пришлось пойти на административные манёвры в рамках устава партии и уже после завершения съезда срочно организовать довыборы ещё одного кандидата в члены ЦК из нижегородских работников. Их провели при помощи опроса не успевших разъехаться делегаций. Экстренным кандидатом в члены ЦК от нижегородцев был избран один из заместителей Жданова, большевик из латышских рабочих Эдуард Прамнэк. Он же был рекомендован руководством партии и в качестве преемника Жданова на посту первого секретаря Нижегородского крайкома.

21 февраля 1934 года пленум Горьковского крайкома освободил А.А. Жданова от должности первого секретаря в связи с решением ЦК ВКП(б) отозвать его на работу в Центральный комитет. В своей прощальной речи Андрей Александрович говорил: «Я покидаю горьковскую организацию с чувством глубочайшего уважения к ней, с чувством глубочайшей любви к этой организации. Всё, что я оставляю здесь, связано с большой работой всего нашего коллектива... Я покидаю горьковскую организацию с чувством глубочайшей благодарности ещё и потому, что горьковская организация была для меня большой политической школой...»^{167}

Действительно, за 12 лет работы и жизни в Нижнем Новгороде товарищ Жданов не только сроднился с этим краем, но и приобрёл значительный опыт управления обширной территорией размером с приличное европейское государство, опыт управления массами людей и сложным экономическим хозяйством. По сути, к тридцати восьми годам это был ещё молодой и энергичный, но уже весьма умелый управленец

государственного уровня с практическим опытом работы, в том числе в условиях хаоса войны и революции, и с опытом действительно успешных экономических реформ.

В ближайшем будущем Жданов обретёт всю полноту высшей власти. Но в его биографии нижегородский период останется, пожалуй, одним из самых плодотворных и любимых. Через полтора десятка лет, сразу после смерти нашего героя, дочь Сталина Светлана Аллилуева войдёт в семью Ждановых, станет женой сына нашего героя — Юрия. Ещё спустя ряд десятилетий в воспоминаниях она напишет следующие строки о нижегородском периоде А.А. Жданова, основанные на оценках и чувствах его вдовы и сына и, несомненно, отражающие мнение покойного главы семейства: «Когда-то, в начале своей партийной деятельности, он руководил Горьковской областью, где строили первый советский автомобильный завод, — это были лучшие годы его политической карьеры»^{168}.

В Кремле на Жданова как на самого молодого и работоспособного взвалили массу текущей работы. Весной 1934 года он входил в курс дел на советском Олимпе, а с 4 июня, после официального перераспределения обязанностей в Секретариате ЦК ВКП(б), Жданов в качестве секретаря (фактически третьего, после Сталина и Кагановича) стал курировать сельскохозяйственный, планово-финансовоторговый, политико-административный отделы, отдел руководящих парторганов, Управление делами и Секретариат ЦК.

Жданов начинает работать в Кремле непосредственно с Иосифом Сталиным. Как скрупулёзно зафиксировали журналы приёма у Сталина, в 1934 году наш герой провёл в кабинете вождя 278 с половиной часов. По продолжительности рабочего общения со Сталиным Жданов уступил только Молотову и Кагановичу, и то наверняка только потому, что первые месяцы 1934 года провёл далеко от Москвы.

С этого момента можно говорить и о дружбе нашего героя со Сталиным. Конечно, вершины власти и перипетии политической борьбы накладывают свою специфику на наличные отношения «небожителей», но даже самая абсолютная власть ни у кого не отменяет потребности в дружеском общении. До 1934 года Сталина и Жданова связывали лишь уважительные деловые отношения товарищей по партии, соратников по политической борьбе и государственному строительству. Более тесное, ежедневное общение выявило общность вкусов, близость интеллектуального уровня, совпадение не только философских и политических взглядов, но и художественных и литературных пристрастий,

даже бытовых привычек.

Учившийся в Тифлисе Жданов благодаря своему абсолютному слуху знал немало грузинских мелодий. И на совместных посиделках со Сталиным они будут вместе петь русские, украинские и грузинские песни. Бывший семинарист Джугашвили наверняка помнил учебные материалы за авторством отца и деда нашего героя. Были общие воспоминания, касающиеся Гражданской войны, в первую очередь «пермской катастрофы» 1919 года. Сближал их и ещё один психологический момент — в ноябре 1932 года Сталин потерял жену. Наш герой очень хорошо знал, что такое одиночество, и искренне сочувствовал Сталину. А ведь даже скрытое сострадание всегда угадывается и ценится.

Добавим, что наш герой, как и в юности, оставался очень коммуникабельным, жизнерадостным, лёгким в общении, компанейским человеком. Никогда не нарушая принятой субординации, он тем не менее достаточно свободно чувствовал себя в компании Сталина, мог легко и к месту пошутить или добавить в разговоре меткую литературную цитату.

В отношениях Сталина и Жданова присутствуют и «конспирологические» нюансы: якобы сразу после появления нашего героя в Москве личная охрана Сталина пополнилась людьми Жданова, причём не профессиональными «чекистами», а молодыми партработниками и журналистами, прибывшими вместе с ним из Нижнего Новгорода.

Отношения генерального секретаря ВКП(б) с чекистскими кланами в 1934 году оставались достаточно сложными. Позднее в материалах следственных дел будут фигурировать — кто теперь знает: реальные или мнимые — сведения о подготовке многочисленными оппозиционерами внутри партии покушений на Сталина именно в 1934 году. Несомненно, у вождя СССР тогда были основания как для опасений за свою жизнь, так и для недоверия профессиональным чекистам. И вполне возможно, что Андрей Жданов вовремя помог ему «своими» людьми из провинции...

К психологическим, бытовым и политическим нюансам дружбы Сталина и Жданова, которая со временем дополнялась новым содержанием, мы ещё не раз вернёмся. Ведь роль в судьбе страны этих обличённых огромной властью людей сделала их жизни и личные отношения неотъемлемой частью большой истории нашей родины. История изменяла их, а они изменяли историю.

Тогда же, с весны 1934 года, 38-летний Андрей Жданов только начинал работать в Кремле, непосредственно рука об руку со Сталиным. 5 июня он впервые как один из высших руководителей партии принимает участие в торжественном приёме, устроенном в Кремле в честь спасения участников

арктической экспедиции с затонувшего во льдах ледокола «Челюскин». Именно тогда лётчики-полярники, спасшие участников экспедиции, были первыми в стране удостоены звания героев Советского Союза. Жданов вместе со Сталиным и Ворошиловым был одним из инициаторов учреждения этой высшей награды СССР — с таким ходатайством они официально обратились в ЦИК СССР 14 апреля 1934 года.

Именно с этого момента, с кремлёвского чествования учёных-полярников и спасших их лётчиков, в стране начал стремительно развиваться культ научных исследований, научного подвига, который стал цениться в СССР не меньше, чем подвиг военный или революционный. Над пропагандой этого культа в недалёком будущем Жданову ещё предстоит поработать как идеологу-практику...

Новая высокая должность давала и определённый бытовой статус. Первый секретарь крайкома, проживавший в Нижнем-Горьком в двух комнатах коммуналки, получил в Москве отдельную благоустроенную квартиру в знаменитом Доме на набережной — правительственном жилом комплексе, построенном в 1931 году и занимавшем три гектара в центре столицы. Серая 12-этажная 505-квартирная громада на Берсеневской набережной в те годы являлась одним из самых крупных жилых зданий в Европе. По замыслу, дом должен был быть красным, но стал серым из-за нехватки денег (в годы индустриализации по возможности экономили и на элите). Заселяли дом представители формировавшейся советской элиты: выдающиеся писатели и учёные, партийные и государственные деятели, служащие Коминтерна, заслуженные старые большевики и др. Для 1930-х годов отдельные квартиры в доме с лифтами, горячим водоснабжением и прочими новинками быта были просто шикарным жильём. В то же время по сравнению с дворцами и особняками дореволюционной знати оно было весьма скромным — такое мог себе позволить и средний столичный чиновник царской России.

Вся мебель в Доме на набережной, вплоть до шпингалетов и дубовой крышки от унитаза, была добротной, но казённой, с бирками инвентарных номеров. Дом негласно, но плотно охранялся и контролировался чекистами.

Появление отдельной квартиры позволило Жданову переселить к себе маму, разменявшую седьмой десяток лет. Для Екатерины Павловны, дочери профессора богословия и матери одного из первых лиц государства, эта квартира в Москве была лишь ухудшенным подобием квартиры ректора Духовной академии конца XIX века. Главным её занятием стали уроки музыки с внуком Юрой за солидным роялем, сменившим с первой кремлёвской зарплаты скромное пианино из нижегородской коммуналки.

Ещё одним приятным дополнением к кремлёвской должности для Жданова стал летний отдых 1934 года на берегу Чёрного моря. Конечно, первый секретарь Нижегородского крайкома в материальном плане вполне мог себе позволить такой отдых и раньше, но мешала дикая загруженность работой. Теперь же он имел возможность провести часть отпуска в гостях у Сталина на его кавказской даче. Впрочем, на таких вершинах власти отпуск был понятием достаточно условным — высокопоставленные «ответственные товарищи» фактически не прекращали ни связи со своими ведомствами, ни работы по наиболее важным вопросам.

В Сочи наш герой приехал в самом начале августа. Уникальные свидетельства о совместном отдыхе со Сталиным сохранил для нас тогда четырнадцатилетний Юрий Жданов.

«Отец получил отпуск летом 1934 года и взял меня с собой в Сочи, а мать уехала в Железноводск лечить больную печень, — вспоминает Юрий Андреевич. — До этого мне никогда не приходилось бывать на побережье Кавказа, отец щедро знакомил меня с его достопримечательностями. Он свозил меня в Гагры и сказал: А вот там дом Лакобы. Это была роскошная вилла в каком-то ориентальном стиле. Такие сооружения поражали ещё и потому, что отец, первый секретарь обкома и член ЦК ВКП(б), жил в двух комнатах коридорного типа...»^{169}

К лету 1934 года подросток Юра ещё явно не освоился в новой московской квартире, не отвык от скромного нижегородского жилья. Впрочем, жизненная роскошь некоторых кавказских «старых большевиков» действительно вызывала недоумение как на фоне официальной идеологии и уровня жизни народа, так и по сравнению с достаточно скромным бытом большинства руководителей страны.

«В те далёкие времена отношения людей были проще, — продолжает Юрий Жданов, — они ещё не трансформировались под воздействием бюрократически-мещанских структур и обрядов. И ничего не было особенного в том, что, когда Сталин пригласил отца к себе на дачу тот прихватил и меня: не оставлять же мальчишку одного.

Дача Сталина находилась в долине Мацесты. Это был небольшой купеческой постройки домик, в лесу, с хорошими балконами и видом на море. Тогда подобных дач на Кавказском побережье было немало...

Итак, мы едем к Сталину. Минуем ворота, подъезжаем к дому. На балконе Сталин и Киров, они живо что-то обсуждают. После встречи и знакомства Сталин, Киров и Жданов уходят куда-то в кабинет, где обсуждают проекты учебников по истории нашей Родины и новой истории. При этом я не присутствовал, но был приглашён к столу, когда они

собрались обедать: куда же меня денешь»^{170}.

Это была первая встреча нашего героя со Сталиным в такой почти домашней, неформальной обстановке. Из всех троих Жданов был самый младший и по возрасту, и по положению в партийно-государственной иерархии. Киров был старше его на десять лет, а Сталин аж на целых восемнадцать.

Вспоминает Юрий Жданов: «Естественно, соображал я тогда не слишком много, да и протекли с тех пор долгие десятилетия. Однако запомнил общую атмосферу: она была деловой и лёгкой, серьёзной и шутливой. Разговор касался тех проблем, которые они обсуждали в кабинете, но также переходил и на общие темы. Так, много говорилось о Покровском и покровщине, что для меня было тайной за семью печатями.

Но вот Сталин сказал, что в истории надо знать не схемы, а факты, и под общий хохот заявил, что для схематиков история делится на три периода: матриархат, патриархат и Секретариат.

Пошли и факты. Касаясь принятия Русью христианства, Сталин отмечал культурную роль монастырей: "Они несли людям грамотность, книгу". Переходя к другим временам, Сталин заметил, что после периода смут и неурядиц крепкую власть удалось установить Петру: "Крут он был, но народ любит, когда им хорошо управляют". Далее Сталин упомянул о том, что величие Екатерины определялось её способностью найти любовников среди сильных, талантливых людей, которые собственно и правили страной: Потёмкин, Зубов, Орлов. Он упомянул о польском короле Сигизмунде времён польской интервенции, назвав его вполне непечатную кличку.

...Разговор перепрыгивал и на более близкие времена. Киров в связи с чем-то процитировал ленинградскую прибаутку тех времён:

У Зиновьева голос,
Как в ж... волос:
Тонок, да не чист.

Сталин ухмыльнулся и отметил, что нельзя искажать реальную историю: "Вот, например, Троцкий. В своё время он немало сделал для революции и организации армии"»^{171}.

Здесь, кстати, обратим внимание, что собрались люди начитанные, но грубоватые, от крепкого словца не краснеющие. Неудивительно, поскольку все трое прошли Гражданскую войну, тюрьмы и казармы. Находившийся

рядом четырнадцатилетний мальчик в их глазах был уже взрослым парнем, чтобы приглаживать ради него грубый мужской разговор.

Мы уже знаем о домашней библиотеке Жданова. Но и у ленинградского руководителя Кирова, до революции журналиста популярной на Северном Кавказе газеты, в личной библиотеке было собрано более двадцати тысяч книг: от философии до исследований лесного хозяйства, включая целое собрание работ о Ленинграде и области. Своя огромная библиотека была и у Сталина.

По вполне понятным причинам в центре внимания Юрия Жданова оказались Сталин и Киров — отца он и так хорошо знал и видел ежедневно, а с этими вождями страны познакомился впервые. После обеда Киров предложил Юрию пойти собирать ежевику, Сталин же обратился к Жданову-отцу: «А мы пойдём к дубу Мамврийскому, там всегда встречались единомышленники».

Бывший семинарист Иосиф Сталин и сын магистра богословия Андрей Жданов, несомненно, хорошо знали значение дуба Мамврийского в православной традиции — под этим библейским деревом праотцу Аврааму явился Бог в виде трёх ангелов. И в шутке Сталина собравшаяся троица секретарей ЦК представляла причастной к сотворению нового мира, новой веры.

«Под дубом Мамврийским» обсуждали самые разные, наиболее злободневные проблемы и темы. Затронули вопрос вероятной мировой войны, который плавно перетёк в проблемы безопасности Ленинграда, прижатого фактически к враждебной финской границе. Андрей Жданов в тот момент, конечно, не мог и предполагать, что всего через четыре месяца именно ему, после гибели сидящего сейчас рядом «Мироныча», придётся возглавить Ленинград и решать проблемы военной безопасности города на Неве при невероятно сложных и трагических обстоятельствах.

Оставшуюся часть вечера Сталин рассказывал разные яркие истории из своей бурной дореволюционной биографии. Для Юры Жданова это были словно сошедшие со страниц книг и ожившие образы революционной романтики. Даже для Кирова и Жданова, имевших определённый нелегальный опыт, сибирские и подпольные одиссеи Сталина были предметом искреннего уважения. А сам Сталин явно с удовольствием «травил байки» в кругу друзей, где-то приукрашивая события, превращая их в забавные притчи. Он явно умел быть обаятельным и интересным собеседником.

Первый секретарь ЦК ВКП(б) поведал о своём быте в ссылках, о рыбной ловле и попытке побега вместе со Свердловым. Рассказал, как едва

не замёрз в тайге и как расплачивался с сибирскими ямщиками «семью аршинами водки», как переходил австрийскую границу. Вспомнил, как, живя в Кракове на квартире Ленина, страдал от пристрастия Надежды Крупской к «немецким» вегетарианским салатам, мечтал о шашлыке и потихоньку вместе с Лениным сбегал от неё съесть кусок мяса.

Закончились посиделки больших начальников у Сталина тоже не слишком характерно для образов диктаторов и небожителей. «Наступила ночь, и начался разъезд, — вспоминает Юрий Жданов. — Сергей Миронович уехал к себе в Хосту на дачу Ленсовета. Сталин вызвался проводить нас в Сочи. Разместились в чёрном паккарде с брезентовым верхом. Меня усадили рядом с шофёром, а отец и Сталин сели на заднее сиденье для разговоров. Откидные сиденья были свободны.

...Узкое шоссе петляло по склонам и балочкам. Где-то за Мацестой на шоссе показались две женские фигурки в светлых платьях на тёмном фоне горы. Они "голосовали".

— Остановите, — сказал Сталин водителю.

Мы остановились. Девушки попросили нас подвезти их до Сочи. Открыли дверцу и сели на свободные откидные места. Я сажу впереди и вдруг слышу шёпот одной из них: "Сталин".

Путь быстро закончился, и девушки простились с нами при въезде в Сочи.

Вот и весь эпизод. Думаю, он показателен для обстоятельств того времени. Мальчишеским сердцем я не ощутил ни у кого злодейских замыслов»^{172}.

Помимо мемуаров Юрия Жданова посиделки на сталинской даче близ Сочи оставили ещё два любопытных исторических документа. Речь идёт о принадлежащих авторству Сталина, Жданова и Кирова «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» и «Замечаниях о конспекте учебника новой истории». Эти краткие тезисы, созданные троицей «под дубом Мамврийским», датированы 8 августа 1934 года. Первоначально они не предназначались для широкой публикации, а были руководящими указаниями авторским коллективам — разработчикам школьных учебников по истории. Но в итоге тезисы стали ключевыми директивами, во многом определившими официальную идеологию той эпохи.

Как считал ведущий советский историк 1920-х годов Михаил Покровский: «История есть политика, опрокинутая в прошлое». Обойти эту сферу идеологии Сталин с соратниками конечно же не могли. В новом постреволюционном государстве после всех метаний и революционных экспериментов 1920-х годов настало время сформулировать

соответствующий курс истории, который будет работать на дальнейшее развитие СССР. Собственно, здесь история для Сталина и компании ничем не отличалась от иных сфер политики и жизни: и экономика, и наука, и культура — во всех их проявлениях — подчинялись тогда неумолимой логике догоняющего развития.

По этой причине вопрос школьного курса истории рассматривался тогда на самом высоком уровне. Для нашего героя этот вопрос стал одним из первых на его новом посту в Кремле. Именно Жданов в начале марта 1934 года вместе с наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым представлял на заседании политбюро отчёты о недостатках учебной программы по истории. Так что дачная работа над историческими тезисами в начале августа 1934 года была плодом достаточно длительных интеллектуальных усилий.

Как писали в тезисах Сталин, Жданов и Киров: «...речь идёт о создании учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение, а не о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всём и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности.

Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых»^{173}.

В отношении новейшей истории ключевая мысль была сформулирована так: «Основной осью учебника новой истории должна быть именно идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической. Показать, что Французская (и всякая иная) буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на него новые цепи, цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплуатации, — вот в чём должна состоять красная нить учебника новой истории».

В своей критике проектов учебников авторы подчеркнули и ещё один из важнейших аспектов революции 1917 года: «В конспекте не учтены корни Первой империалистической войны и роль царизма в этой войне как резерва для западноевропейских империалистических держав, равно как не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западноевропейского, ввиду чего значение Октябрьской революции как освободительницы России от её полуколониального положения остаётся немотивированным»^{174}.

Авторы тезисов оставили немало дельных и даже изящных замечаний по стилистике разработывавшихся учебников, например: «Мы уже не говорим о неточном стиле конспекта и об игре в "словечки" вроде того, что Лжедмитрий назван Дмитрием "Названным", или вроде "торжества старых феодалов в XVIII веке" (неизвестно, однако, куда делись и как себя вели "новые" феодалы, если они вообще существовали в это время) и т. д.»^{175}.

Весьма толковым и глубоким с высот нашего времени выглядит и такое замечание Сталина, Жданова и Кирова: «Нам кажется также неправильным, что колониальному вопросу уделено в конспекте несоразмерно мало места. В то время, как Жорж Зан-дам, Шпенглерам, Киплингам и т. д. уделено достаточно много внимания, колониальному вопросу и положению, скажем, в таком государстве, как Китай, уделено мало внимания»^{176}.

Эти тезисы во многом, даже в отдельных деталях хронологии и формулировках, преопределили советскую историческую науку и после завершения сталинской эпохи.

Данная работа Сталина, Кирова и Жданова положила начало пересмотру прежнего, во многом нигилистического отношения к русской истории. В советской исторической науке сразу после 1917 года дореволюционная апологетика сменилась столь же односторонним критиканством и разоблачительством прошлого. Одновременно вульгаризированный «марксистский» подход перегнул палку и по форме подачи истории — если до революции она сводилась прежде всего к монаршим персоналиям, то в 1920-е годы господствовал чрезмерно схематичный, «социологический» подход — вплоть до полного исчезновения личности из истории и объяснения, например, выступления декабристов колебаниями экспортных цен на зерно.

Конечно, при помощи такой обезличенной, «экономической» и сугубо разоблачительной истории невозможно было мобилизовать массы на развитие и защиту «социалистического Отечества». В рамках марксизма требовался иной подход к истории России, который и попытались сформулировать в своих тезисах товарищи Сталин, Киров и Жданов. О практическом развитии нашим героем этого нового подхода к прошлому будет рассказано в следующих главах.

Глава 11.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ

Сочинский отпуск Жданова был коротким — его ждало одно из наиболее значимых публичных мероприятий 1930-х годов. 17 августа 1934 года в Москве, в Колонном зале Дома союзов, открылось заседание Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Присутствовал весь цвет литературы — в зале разместились все известные тогда и сейчас имена, перечислять их просто нет смысла.

582 делегата представляли все жанры литературы и все регионы большой страны. Среди них около двухсот русских (как тогда ещё писали — великороссов), около ста евреев и тридцати грузин, 25 украинцев, человек по двадцать татар и белорусов, 12 узбеков. Ещё 43 национальности представляли от десяти до одного делегата. Были представлены даже китайцы, итальянцы, греки и персы. В качестве гостей съезда присутствовало немало именитых зарубежных писателей.

Почти все — мужчины, всего несколько женщин. Средний возраст участников — 36 лет, средний литературный стаж — 13 лет. Половина — коммунисты и комсомольцы. По происхождению делегатов на первом месте выходцы из крестьян — таких чуть меньше половины. Четверть из рабочих, десятая часть из интеллигенции. Из дворян и служителей культа лишь несколько человек. Почти половина присутствующих не переживёт ближайшего десятилетия — попадёт под каток репрессий или погибнет на фронтах уже близкой войны...

В центре президиума две основные фигуры съезда — патриарх русской литературы, живой классик Максим Горький и секретарь ЦК Андрей Жданов. Пополневший, с круглой, наголо бритой головой, в пиджаке поверх косоворотки.

Замысел данного мероприятия возник в сталинском политбюро ещё в 1932 году. Первоначально съезд писателей намечался на весну 1933 года, но задача объединения всех литераторов СССР оказалась непростой. Во-первых, сами деятели литературы, как и во все времена, не слишком жаловали друг друга. Во-вторых, ощущавшие себя на коне все 1920-е годы «пролетарские» писатели, объединённые в РАПП^[3], активно не желали лишаться своей политической монополии в области литературы. Однако показательная классовая борьба в литературе, по мнению партии, должна

была закончиться. Наступило время для идеологической консолидации общества, отныне творческий потенциал всех литературных сил партия собиралась использовать для мобилизации народа на выполнение задач государственного строительства.

Поэтому лето 1934 года прошло для нового секретаря ЦК в хлопотах по подготовке и проведению Съезда писателей Советского Союза. В высшем руководстве ВКП(б) новичок Жданов слыл «интеллигентом». Кто-то из льстецов (а у человека на данном уровне таковые появляются уже неизбежно) вскоре даже назовёт его «вторым Луначарским». Это, конечно, лесть, но наш герой действительно выделялся на фоне остальных членов высшего советского руководства повышенным, даже демонстративным интересом к вопросам культуры и искусства вообще и к роли творческой интеллигенции в новом обществе в частности.

Имевший по тем меркам неплохое гуманитарное образование, Жданов не только интересовался всеми новинками литературы, музыки, кинематографа тех лет, но и пытался теоретически осмыслить вопросы о роли и месте интеллигенции в социалистическом государстве. Вспомним его первые статьи на эту тему в шадринской газете «Исеть» или «Тверской правде». Сталин, уделявший немало внимания вопросам новой советской культуры, направил интересы Жданова в практическое русло.

Первый писательский съезд выстроил достаточно эффективную систему государственного и партийного управления в данной области. При этом целью был не только тоталитарный контроль над пишущей братией — прежде всего требовалось сблизить литературу и всё ещё малограмотные народные массы. В новом сталинском государстве литература (впрочем, как и всё искусство) должна была стать не утончённым развлечением для пресыщенных «элитариев», а средством воспитания и повышения культуры всего народа. Средством прикладным — для дальнейшего более эффективного развития страны.

Сталин с горечью говорил о прошлом: «Россию били за отсталость военную, за отсталость культурную...» Культурная отсталость, как причина многих неудач и поражений русской цивилизации, не случайно названа одной из первых, сразу после военной. Задачами преодоления культурной отсталости и должен был заняться новый секретарь ЦК Жданов.

В 1930—1940-е годы наш герой будет требовать от творческих личностей и напряжения, и самоограничения разнузданных талантов — ясно, что не всем «гениям» это нравилось: ведь куда проще ковыряться в собственном мутном «я», вытаскивая из него нечто на потеху щедрой буржуазной публике.

Именно отсюда — из обоснованного национальными и государственными интересами давления Жданова на творческие таланты — и берут своё начало истоки той ненависти к нему в годы горбачёвской перестройки и истоки «чёрной легенды» о Жданове как о главном гонителе творческой интеллигенции.

Первый съезд писателей не только сформировал литературную политику «социалистического реализма» на десятки лет вперёд. Он задумывался и стал эффективным пропагандистским действием для внешнего мира. Тогда интеллигенция всей планеты пристально следила за событиями в СССР, а мероприятия, подобные писательскому съезду, ранее не имели даже близких прецедентов в мировой практике. Эту сторону съезда тоже организовывал товарищ Жданов.

15 августа 1934 года под руководством Жданова состоялось собрание партгруппы оргкомитета будущего Союза писателей, посвященное решению последних нюансов в подготовке съезда. Именно Жданов определил в общих чертах персональный состав президиума, мандатной комиссии и прочих органов съезда. Стенограмма сохранила его слова: «Съезд, очевидно, открывает Алексей Максимович»^{177}.

Максим Горький и Андрей Жданов, как мы помним, были знакомы ещё с 1928 года, когда знаменитый писатель посещал свою родину и молодой руководитель края был гидом у знаменитого нижегородца. Именно при Жданове переименовали Нижний Новгород в Горький. Так что хорошие личные отношения с весьма непростым и знавшим себе цену человеком были ещё одной причиной назначения Жданова ответственным за успешное проведение Первого съезда писателей СССР.

Одной из задач Жданова было не допустить превращения съезда в демонстрацию и противостояние писательских амбиций и групп. Жданов потребовал, например, от рапповцев, чтобы литературные дискуссии на съезде не переходили, как у них повелось, в область политических обвинений. Были на съезде и формально аполитичные, по словам самого Жданова, «неисправимые скептики и иронизёры, которых так немало в писательской среде».

Набрасывая программу съезда, Жданов особо оговорил «поэтические» моменты: «Два доклада о поэзии. Этому вопросу мы отводим один день. Между прочим, драки по вопросам поэзии будет, вероятно, не мало...»^{178}

Наш герой настойчиво советовал писателям обсуждать творческие вопросы «со страстью и жаром» и не погрязнуть в вопросах организационных, вопросах склочных... По мнению Жданова, съезд даст

«чёткий анализ советской литературы во всех её отраслях», задачей же будущего союза станет воспитание многих тысяч новых писателей. По прикидкам Жданова, Союз писателей должен насчитывать 30—40 тысяч членов.

Открывая мероприятие 17 августа 1934 года, Жданов обратился к собравшимся с приветствием от ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Через три дня его речь будет опубликована в «Правде» под заголовком «Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире».

На фоне последовавших рассуждений о поэтике и романтике речь Жданова была весьма деловой и откровенной: «Наша советская литература не боится обвинений в тенденциозности. Да, советская литература тенденциозна, ибо нет и не может быть в эпоху классовой борьбы литературы не классовой, не тенденциозной, якобы аполитичной...»^{179}

По сути, это была квинтэссенция советского подхода к литературе и по форме, и по содержанию: «В нашей стране главные герои литературного произведения — это активные строители новой жизни: рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, партийцы, хозяйственники, инженеры, комсомольцы, пионеры. Наша литература насыщена энтузиазмом и героикой. Она оптимистична, так как она является литературой восходящего класса — пролетариата. Наша советская литература сильна тем, что служит новому делу — делу социалистического строительства».

В своем докладе Жданов от имени партии и правительства разъяснил суть одного из главных вопросов съезда: «...Правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма. Такой метод художественной литературы и литературной критики есть то, что мы называем метод социалистического реализма».

По озвученному Ждановым мнению ЦК партии, советская литература должна соединять «самую трезвую практическую работу с величайшей героикой и грандиозными перспективами».

Заранее опровергая возможные возражения о несовместимости литературной романтики с реализмом, тем более социалистическим, ЦК и Совнарком вещали устами Жданова: «...Романтика нового типа, романтика революционная — вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами. Это не будет утопией, ибо наше завтра готовится планомерной сознательной работой уже сегодня».

Как бы дополняя известное выражение Сталина, товарищ Жданов пояснил: «Быть инженерами человеческих душ — это значит активно бороться за культуру языка, за качество произведений. Вот почему неустанная работа над собой и над своим идейным вооружением в духе социализма является тем непременным условием, без которого советские литераторы не могут переделывать сознания своих читателей и тем самым быть инженерами человеческих душ». Надо «знать жизнь, уметь её правдиво изобразить в художественных произведениях, изобразить не схластически, не мёртво, не просто как объективную реальность, а изобразить действительность в её революционном развитии».

Не обошлось и без характерных для стиля эпохи оборотов: «Товарищ Сталин до конца вскрыл корни наших трудностей и недостатков. Они вытекают из отставания организационно-практической работы от требований политической линии партии и запросов, выдвигаемых осуществлением второй пятилетки»^{180}.

Характерны и слова о том, что «наш писатель черпает свой материал из героической эпопеи челюскинцев», что «для нашего писателя созданы все условия», что «только в нашей стране литература и писатель подняты на такую высоту», призыв к овладению «техникой дела» и т. д. И, конечно, слова о «знамени Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина», победа которого и позволила созвать этот съезд. «Не было бы этой победы, не было бы и вашего съезда», — под дружные аплодисменты заявил Жданов, завершая эту партийную директиву советским писателям.

При всём «пролетарском» энтузиазме, искренне любивший русскую классическую литературу наш герой призвал писателей при создании «социалистического реализма» не забывать и литературное наследие русского прошлого. Что же касается советской литературы 1930—1940-х годов, показателен факт — Жданова на съезде и позднее поддерживали писатели, которым не нашлось места в нынешней России, в которой история литературы той эпохи в основном представлена теми, кто сейчас воспринимается как антисоветчики. Книги и имена соратников Жданова по «литературному фронту» — например, Леонида Соболева или Петра Павленко — по сути, недоступны современным читателям.

Опять вспоминаются слова нашего героя на писательском съезде — «нет и не может быть в эпоху классовой борьбы литературы не классовой, не тенденциозной, якобы аполитичной...». Только сейчас в этой классовой борьбе у нас победил класс «эффективных собственников».

Первый Всесоюзный съезд писателей продолжался две недели. Естественно, основными его участниками и выступающими были

литераторы. Но помимо Жданова на съезде выступили ещё два известных политика тех лет — Николай Бухарин и Карл Радек. Оба представляли политические группировки, находившиеся у руля в 1920-е годы. Оба были талантливыми и плодотворными публицистами, в годы своего политического взлёта пытались активно воздействовать на литераторов Советской России.

В отличие от сухого и сугубо делового, по сути, директивного выступления Жданова бывший член ЦК Бухарин на съезде прочёл обширный доклад на тему «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» с цитатами аж из Августина Блаженного, ссылками на древнекитайские трактаты и арабских мудрецов. Бухарин активно продвигал в лучшие советские поэты Пастернака, гнобил Есенина и критиковал Маяковского, которого прочил в лучшие советские поэты Сталин.

Присутствие на писательском съезде Бухарина и Радека было отголосками на «литературном фронте» той политической борьбы, которая все годы после смерти Ленина шла в верхах СССР. Надзор за этой подковёрной вознёй тоже был одной из деликатных задач Жданова на съезде. Многие из делегатов не без внутреннего злорадства наблюдали за литературными экзерсисами падавшего с Олимпа Бухарина.

Накануне завершения съезда, в последнее летнее утро 1934 года, в кабинете заместителя заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) раздался телефонный звонок. Хозяин кабинета, 33-летний Александр Щербаков, подняв трубку, услышал странный голос: «Кто у телефона?»

— А кто спрашивает? — немного удивился уже привыкший к начальственной власти Щербаков.

— А всё-таки кто у телефона? — не унимался странный голос.

Наконец, хозяин кабинета услышал в трубке знакомый голос Кагановича, который весело сообщал кому-то, вероятно, рядом сидящему: «Не говорит и думает, какой это нахал так со мной дерзко разговаривает».

— Это ты, Щербаков? — продолжил уже в трубку Каганович.

— Я, Лазарь Моисеевич.

— Значит, узнал меня?

— Узнал.

— Ну, заходи сейчас ко мне.

В кабинете Кагановича Щербаков увидел смеющегося Жданова: «Что, разыграл я вас?» Именно новый секретарь ЦК, изменив голос, звонил своему старому знакомому. Все усмехнулись незамысловатой шутке и тут

же перешли к деловому тону. «Вот какое дело, — обратился Жданов к Щербакову, — мы вам хотим поручить работу, крайне важную и трудную, вы, вероятно, обалдеете, когда я вам скажу, что это за работа. Мы перебрали десятки людей, прежде чем остановились на вашей кандидатуре»^{181}.

В 1920-е годы Щербаков много лет проработал в Нижегородском крайкоме под руководством Жданова и теперь слушал старого знакомого, пытаясь сообразить, куда его могут отправить. Как заместитель заведомо руководящих партийных органов ЦК, он прекрасно знал, где требуется усиление кадров — Восточный Казахстан, Урал или даже Совнарком. Вступивший в ряды большевиков семнадцатилетним юношей, Щербаков был готов, не колеблясь, выполнить любой приказ партии. Но предложение стать секретарём Союза писателей показалось молодому чиновнику ЦК розыгрышем почище телефонного.

«Несколько минут соображал, что это значит, — запишет в дневнике Щербаков, — а затем разразился каскадом "против"... Сейчас же мне было предложено пойти на съезд, начать знакомиться с писательской публикой».

Щербаков дисциплинированно выполнил приказание партийного начальства и отправился в Колонный зал Дома союзов. Писатели его не вдохновили, в дневнике появилась запись: «На съезде был полчаса. Ушёл. Тошно»^{182}.

Расстроенного Щербакова тут же вызвали в кабинет другого всесильного члена политбюро, Молотова. «Я литературой занимаюсь только как читатель», — волновался в ответ на уговоры начальства Щербаков. Совместными усилиями Жданов, Молотов и Каганович «уломали» младшего товарища. Вечером Жданов повёз обречённого Щербакова на дачу к Горькому. Будущий номенклатурный секретарь Союза писателей СССР живому классику понравился — и прежде всего именно отсутствием литературных амбиций.

Вся эта история показывает, что отношения на самой вершине власти тогда были ещё далеки от заскорузлого бюрократизма, а молодые, даже самые амбициозные руководители тех лет не были беспринципными карьеристами, которым без разницы, где начальствовать.

Сохранилось рукописное письмо Жданова, направленное Сталину в тот же день, 31 августа 1934 года^{183}. Его наш герой готовил тщательно, фактически как неформальный отчёт о своей работе. Черновик письма, который Жданов стал набрасывать ещё 28 августа, тоже остался в архивах^{184}, поэтому интересно сравнить его с законченным вариантом

письма.

«На съезде писателей сейчас идут прения по докладам о драматургии, — писал Жданов в черновике. — Вечером доклад Бухарина о поэзии. Думаем съезд кончать 31-го. Народ уже начал утомляться. Настроение у делегатов очень хорошее. Съезд хвалят все вплоть до неисправимых скептиков и иронизёров, которых так немало в писательской среде.

В первые два дня, когда читались доклады по первому вопросу, за съезд были серьёзные опасения. Народ бродил по кулуарам, съезд как-то не находил себя. Зато прения и по докладу Горького, и по докладу Радека были очень оживлённые. Колонный зал ломился от публики. Подъём был такой, что сидели без перерыва по 4 часа и делегаты не ходили почти. Битком набитая аудитория, переполненные параллельные залы, яркие приветствия, особенно пионеров, колхозницы Смирновой из Московской области здорово действовали на писателей. Общее единодушное впечатление — съезд удался».

Итоговый вариант письма от 31 августа начинался так: «Дела со съездом советских писателей закончили. Вчера очень единодушно избрали список Президиума и Секретариата правления... Горький вчера перед пленумом ещё раз пытался покапризничать и навести критику на списки, не однажды с ним согласованные... Не хотел ехать на пленум, председательствовать на пленуме. По-человечески было его жалко, так как он очень устал, говорит о поездке в Крым на отдых. Пришлось нажать на него довольно круто, и пленум провели так, что старик восхищался единодушием в руководстве.

Съезд вышел хорош. Это общий отзыв всех писателей и наших, и иностранных, и те и другие в восторге от съезда.

Самые неисправимые скептики, пророчившие неудачу съезду, теперь вынуждены признать его колоссальный успех...

Больше всего шуму было вокруг доклада Бухарина, и особенно вокруг заключительного слова. В связи с тем, что поэты-коммунисты Демьян Бедный, Безыменский и др. собрались критиковать его доклад, Бухарин в панике просил вмешаться и предотвратить политические нападки. Мы ему в этом деле пришли на помощь, собрав руководящих работников съезда и давши указания о том, чтобы тов. коммунисты не допускали в критике никаких политических обобщений против Бухарина. Критика, однако, вышла довольно крепкой. В заключительном слове Бухарин расправлялся со своими противниками просто площадным образом... Формалист сказался в Бухарине и здесь. В заключительном слове он углубил формалистические ошибки, которые были сделаны в докладе... Я посылаю

Вам направленную стенограмму заключительного слова Бухарина, где подчеркнуты отдельные выпады, которые он не имел никакого права делать на съезде. Поэтому мы обязали его сделать заявление на съезде и, кроме того, предложили переработать стенограмму, что им и было сделано».

По этому поводу сохранилась записка Бухарина Жданову, сделанная на бланке «Известий» (бывший лидер оппозиции был тогда редактором этой второй газеты в СССР). В своей записке Бухарин весьма почтителен к новому секретарю ЦК: «Дорогой А. А.! Ради бога, прочти поскорее... Я выправил все резкие места. Я очень прошу тебя прочесть поскорее, чтоб обязательно дать в газету сегодня. Иначе — прямо скандал. Привет. Твой Бухарин»^[185]. По итогам этого обращения к Жданову 3 сентября 1934 года в «Правде» было напечатано заключительное слово Бухарина на съезде советских писателей «по обработанной и сокращённой автором стенограмме».

Но вернёмся к письму нашего героя Сталину от 31 августа. «Больше всего труда было с Горьким, — рассказывает старшему товарищу Жданов. — В середине съезда он ещё раз обратился с заявлением об отставке. Мне было поручено убедить его снять заявление, что я и сделал... Всё время его подзуживали, по моему глубочайшему убеждению, ко всякого рода выступлениям, вроде отставок, собственных списков руководства и т. д. Всё время он говорил о неспособности коммунистов-писателей руководить литературным движением, о неправильных отношениях к Авербаху и т. д. В конце съезда общий подъём захватил и его, сменяясь полосами упадка и скептицизма и стремлением уйти от "склочников" в литературную работу».

В письме наш герой добавил и лиричную нотку: «Дорогой тов. Сталин, извините, что Вам не писал. Съезд из меня всего душу вымотал, и всякую другую работу я забросил. Теперь, по-видимому, ясно, что дело вышло».

От литературных вопросов Жданов тут же переходит к сугубо деловому описанию проблем Наркомата торговли и Наркомата пищевой промышленности: «Мы разработали проект структуры НКТорга и НКПищепрома и предложения по составу начальников управлений. Кроме того, мы передали НКТоргу из НКСнаба Союзплодоовощ, т. е. все заготовки овощей. Что касается Наркомпищепрома, то здесь основным предметом спора были вопросы о передаче в ведение Наркомпищепрома ряда предприятий кондитерской, жировой, парфюмерной и пивоваренной промышленности, которые до сих пор находились в ведении на местах...»

Примечательно, что некоторые, расцветшие в 1990-е годы исследователи культурной политики того времени пытались даже по этому

поводу вставить советскому руководству очередную шпильку — «Жданов в письме к Сталину рассказывает о писателях и о торговле, не переводя дыхания»^{186}. Вряд ли авторы подобных сентенций сами разговаривают о литературе исключительно стоя и в смокинге, при искреннем убеждении, что булки и овощи растут на городском рынке. Союзплодоовощ, Брынзотрест и Союзвинтрест, идущие в ждановском письме сразу после Горького и прочих литераторов, отражают лишь всю сложность и напряжение того времени, когда буквально с нуля из бедной крестьянской страны во всех без исключения сферах жизни — от сельского хозяйства до литературы — форсировано создавалось развитое современное государство. Между прочим, именно Брынзотрест, то есть Союзный трест молочно-сыро-брынзоделательной промышленности, как раз в те годы впервые в нашей истории наладил массовое производство мороженого, ранее доступного лишь в дорогих ресторанах, — именно тогда большинство городских детей в нашей стране смогли впервые узнать его вкус.

В коротком постскриптуме к письму, связанном с «историческими» разговорами на даче Сталина, Жданов сообщает: «Конспекты по новой истории и истории СССР переделывают и на днях представят».

Сталин ответил Жданову короткой запиской через шесть дней: «Спасибо за письмо. Съезд в общем хорошо прошёл. Правда: 1) доклад Горького получился несколько бледный с точки зрения советской литературы; 2) Бухарин подгадил, внося элементы истерики в дискуссию (хорошо и ядовито отбрил его Д. Бедный); а ораторы почему-то не использовали известное решение ЦК о ликвидации РАППа, чтобы вскрыть ошибки последней, — но, несмотря на эти три нежелательных явления, съезд всё же получился хороший»^{187}. Во втором абзаце записки Сталин одобрил предложения Жданова по реформированию структуры наркоматов торговли и пищевой промышленности, посоветовав подчинить Наркомату внутренней торговли потребкооперацию и общественные столовые.

Таким образом, власть сочла прошедшее писательское мероприятие вполне успешным. Итогом завершившегося 1 сентября 1934 года съезда было не только организационное подчинение литературы партийной власти и формирование писательского сообщества в масштабах всей страны — Союза писателей СССР. Съезд показал внутри страны и за рубежом демократизацию Советского государства — вместо страны, расколотой Гражданской войной на непримиримые классы, представало монолитное общество, объединённое в едином порыве социалистического

строительства. Апогеем этой внешней демократизации и консолидации станет сталинская Конституция 1936 года...

Союз писателей СССР заменил собой все существовавшие до того объединения и организации писателей. Во главе союза встал Максим Горький, но непосредственное политическое руководство осуществлял «человек Жданова» — сотрудник ЦК Александр Щербаков.

В своём дневнике Щербаков упоминает разговор на даче Жданова, состоявшийся 30 октября 1934 года по поводу работы в Союзе писателей и отношениях с писателями. Щербаков приводит следующие характерные фразы нашего героя: «Буржуазной культурой надо овладеть и переработать её»; «Стремление Горького стать литературным вождём, его "мужицкая" хитрость — тоже должны быть приняты во внимание»^{188}.

Успешно завершив съезд писателей, Андрей Жданов вновь тянет огромный воз текущей работы в политбюро. Так, именно к нему 4 сентября 1934 года обращается первый заместитель прокурора СССР Андрей Януарьевич Вышинский с представлением на самоуправство наркома внутренних дел Генриха Григорьевича Ягоды в работе судов при лагерях НКВД. Через месяц, 4 октября, Жданов входит в секретную комиссию политбюро по проверке жалоб на действия органов НКВД. До ноября он разбирает ведомственную склоку прокуратуры и грозного наркомата, в итоге новое постановление политбюро несколько ограничивает полномочия «органов» в судебной сфере.

Именно Жданову в октябре того года Сталин адресует короткие записки с просьбой продлить ему отпуск: «Т-щу Жданову. Я более недельки прохворал насморком и потом гриппом. Теперь поправляюсь и стараюсь наверстать потерянное... Как Ваши дела? Привет! И. Сталин»^{189}.

Напомним, что помимо прочего Жданов в ЦК отвечал и за сельское хозяйство. Рабочие документы ЦК ВКП(б) сохранили множество свидетельств кропотливой работы нашего героя в этой отрасли. Они слишком обширны и профессионально специфичны, но несколько отрывков из них для иллюстрации этой работы Жданова стоит привести.

Так, 26 ноября 1934 года в ходе доклада на пленуме ЦК по вопросам развития животноводства Жданов неожиданно затрагивает такую тему: «Один из самых трудных и серьёзных вопросов, это вопрос о комбайне и комбайнёре. Опыт текущего года показывает, что комбайн является незаменимой машиной на самом трудном участке с/х работ — на уборке хлеба. Ведь если совхозы в этом году убрались в основном без помощи

колхозов, то в этом деле основной причиной является насыщенность совхозов комбайнами. Без этого совхозы стояли бы на мёртвом якоре. Колхозы также кровно заинтересованы в том, чтобы скорее и без потерь убраться. Вот почему мы должны сделать комбайн важнейшей машиной в сельском хозяйстве наряду с трактором, а может быть, и более важной.

...Необходимо комбайнёра сделать постоянным рабочим МТС, зачислить его в постоянные кадры, дать ему зарплату, значительно более высокую, чем в настоящее время, и дать ему вторую квалификацию с тем, чтобы он круглый год имел работу. Если он является комбайнёром, а стало быть и шофёром, то ему надо дать квалификацию либо слесаря, либо токаря, обеспечить ему достаточную зарплату и в период уборки, и в зимнее время. Нужно наградить лучших комбайнёров, чтобы создать у людей тягу к работе на комбайне...»^{190}

Кстати, уже в 1935 году в СССР появится и движение стахановцев-комбайнёров, а в Кремле пройдёт их первое всесоюзное совещание.

7 декабря 1935 года на совещании в ЦК по вопросам сельского хозяйства в нечернозёмной полосе Жданов отмечает один из принципиальных именно для этого региона моментов: «Я забыл указать, что в деле поднятия урожайности исключительное значение мы придаём, и это указываем в резолюции, использованию всех видов удобрения — использовать навоз, торфоподстилки в деле внедрения севооборота, повышения урожайности льна, повышения урожайности колосовых. Поскольку лучшим средством является клевер... вопрос о внедрении посевов клевера приобретает исключительное значение, и мы его ставим очень серьёзно»^{191}.

Это лишь два взятых практически наугад отрывка из внушительного документального наследия Жданова в качестве заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) — из всех сфер его разносторонней деятельности не самая известная, но важнейшая для жизни страны.

Работа Жданова в органах высшего руководства была связана с формальным нарушением Устава ВКП(б). Так, не будучи избран даже кандидатом в члены политбюро, Жданов стал принимать участие во всех заседаниях этого партийного органа и на равных голосовать по всем принимаемым решениям. Более того, ему, в отсутствие Сталина и Кагановича, приходится руководить текущей работой политбюро и подписывать оригиналы его постановлений. Однако в условиях 1930-х годов это формальное нарушение устава партии открытых возражений не

вызвало.

Внешнее политическое спокойствие на вершинах кремлёвской власти, сменившее шумные и открытые политические баталии конца 1920-х, рухнет в один вечер 1 декабря 1934 года. В коридоре Смольного выстрелом в затылок будет убит первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Сергей Киров.

Где-то между пятью и шестью часами вечера, ближе к шести, из кабинета Кирова в Смольном в Москву, в ЦК по «вертушке» спецсвязи звонит старый знакомый нашего героя с тверских дней 1919 года, второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Михаил Чудов. В это время у Сталина с трёх часов идёт совещание — присутствуют Молотов, Каганович, Ворошилов и Жданов. К аппарату спецсвязи подходит Каганович. Услышав сообщение об убийстве, он, опытный «царедворец», тут же прекращает разговор, лишь сказав, что сейчас сообщит Сталину и они сами свяжутся со Смольным.

Звонок Сталина следует буквально через минуту. В этот момент труп Кирова лежит рядом с телефоном на столе в его кабинете, у стола шестеро экстренно собранных ленинградских профессоров-медиков, констатировавших смерть. Сталин говорит с Чудовым, тот перечисляет медиков, среди них — грузин, хирург Юстин Джаванадзе. Сталин просит его к аппарату, они начинают говорить по-русски, потом, как это обычно бывает у соплеменников в экстренные моменты, переходят на родной грузинский... Всё это разворачивается на глазах нашего героя, Андрея Жданова, сын которого четыре месяца назад собирал с убитым ежевику. Всего три дня назад, 28 ноября, после пленума ЦК, перед отъездом Кирова в Ленинград, вся троица из-под «дуба Мамврийского» смотрела в МХАТе пьесу Булгакова «Дни Турбиных».

Гибель Кирова потрясла верхи власти, да и не только их. Несмотря на бурную и боевую историю, большевистская партия не знала подобных убийств с августа 1918 года, когда в разгар Гражданской войны в Москве и Питере прошла серия покушений на Ленина и других высших её руководителей. Вся внутривластная борьба до этого ограничивалась ссылками в провинцию, почётными синекурами или в крайнем случае высылкой из страны, как это было с Троцким.

Рано утром 2 декабря Сталин, Молотов, Ворошилов и Жданов были уже в Ленинграде. С ними большая свита — нарком НКВД Ягода, Ежов, Хрущёв, Вышинский и др. В коридорах Смольного, впереди московской делегации, демонстративно прикрывая собой Сталина, с наганом в руке шагает Генрих Ягода, нервно командуя встречным: «Лицом к стене! Руки

по швам!»

Здесь, в Смольном, Жданов присутствует при допросе Сталиным убийцы Кирова, психически неуравновешенного Николаева. В тот же день наш герой включён в комиссии по организации похорон и сбору архива с документами убитого товарища.

По спекулятивной версии, Кирова «убил» Сталин — во-первых, потому, что был монстром и всех убивал; во-вторых, потому, что Киров якобы был его потенциальным соперником. Все серьёзные, претендующие на научность исследователи того периода или биографии Кирова, даже антисталинской направленности, считают подобную легенду маловероятной и необоснованной. Убитый глава Ленинграда был ближайшим соратником Сталина, одним из тех, на кого он опирался и мог опираться как в государственном строительстве, так и во внутриполитической борьбе. Именно Киров «завоевал» для Сталина Ленинград в весьма жёсткой борьбе с многолетним главой Петросовета, «политическим тяжеловесом» 1920-х годов Зиновьевым. Киров был одним из основных «моторов» индустриализации, в которой развитая промышленность города на Неве имела важнейшее значение для страны. Все «конфликты» Сталина и Кирова носили сугубо рабочий и приятельский характер — как это и бывает в реальной жизни у живых людей. К тому же Киров был и крайне необходим Сталину в ближайшем будущем. Поэтому потрясение вождя смертью соратника совсем не выглядит наигранным.

Тем не менее обстоятельства этого убийства настолько запутанны, что позволяют любые домыслы. Непосредственный убийца был лицом психически неуравновешенным, вполне способным на индивидуальный теракт по мотивам скорее психиатрическим, чем политическим. В то же время его связи тянулись к ещё многочисленным в Ленинграде сторонникам Зиновьева и даже иностранным посольствам. Вызывает вопросы и деятельность органов НКВД — там знали о подозрительном «интересе» будущего убийцы к Кирову. Само убийство тут же породило ворох показаний, доносов и сплетен, которые ещё более запутывали ситуацию. Крайне подозрительно воспринимается гибель в автомобильной аварии охранника Кирова, вызванного на допрос к Сталину 2 декабря, — она выглядит изошрённым убийством даже в представлении совсем не страдающего паранойей человека. Так что реальные обстоятельства гибели Сергея Кирова останутся тайной, очевидно, навсегда.

До нас через третьи руки дошла реакция на смерть Кирова Андрея Жданова. Со слов его сына, уже после 1945 года в разговоре с женой, когда

речь в очередной раз зашла о смерти Кирова, на вопрос: «Что же это было?» — Жданов «резко и запальчиво» ответил: «Провокация НКВД!»^{192}

Первая версия убийства, сразу же возникшая в Кремле ещё вечером 1 декабря, была связана с недавней Гражданской войной. Тем более что все основания для этого были — в конце 1920-х годов и летом 1934 года в Ленинграде и области действовали агенты РОВС и НТС, одной из целей которых и было убийство Кирова. Информация об этом подтвердилась документами НТС уже в 90-е годы минувшего века. Летом 1934 года спецслужбы СССР о нелегалах знали, но задержать их не сумели.

Однако первые допросы убийцы дали понять, что его связи тянутся отнюдь не к белым. Вне зависимости от версий, все исследователи сходятся в одном — Сталин по полной использовал громкое политическое убийство для окончательной ликвидации многочисленных остатков зиновьевской и троцкистской оппозиции.

4 декабря 1934 года Жданов в свите вождя СССР возвращается в Москву. На следующий день он в группе высших руководителей страны во главе со Сталиным стоит в почётном карауле у гроба в Колонном зале Дома союзов. попрощаться с Кировым пришло более миллиона москвичей, из Ленинграда прибыла делегация численностью свыше тысячи человек.

Мария Сванидзе, родственница Сталина, близко знавшая вождя СССР, оставляет в личном дневнике запись о церемонии прощания: «На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мёртвого... Картина раздирает душу, зная, как они были близки, и весь зал рыдает, я слышу сквозь собственные всхлипывания всхлипывания мужчин. Также тепло заплакав, прощается Серго — его близкий соратник, потом поднимается весь бледно-меловой Молотов, смешно вскарабкивается толстенький Жданов...»^{193}

Всю неделю до 10 декабря Жданов ежедневно, иногда по несколько раз, по многу часов проводит в кремлёвском кабинете Сталина. Именно в эти дни принято решение обрушить репрессии на зиновьевцев, тогда же возникает мысль о том, что именно Жданов сможет заменить покойного Кирова.

11 декабря наш герой снова уезжает в Ленинград, уже надолго. 15 декабря 1934 года открывается объединённый пленум Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), где Жданов выступает с докладом. Формально это отчёт о прошедшем в ноябре пленуме ЦК партии, фактически — речь нового главы города и области. В докладе Жданов вполне однозначно

связывает бывших лидеров оппозиции с убийством Кирова. Как пишет очевидец, «атмосфера на пленуме была более чем напряжённой, в зале гробовое молчание — ни шёпота, ни шороха, и слышны только голоса выступающих товарищей»^{194}.

Сам же Жданов по поводу своего нового назначения на пленуме выскажется так: «Я должен заявить здесь о том, что то доверие, которое ЦК партии и Ленинградская организация мне оказали... постараюсь оправдать и приложу все силы, чтобы с вашей поддержкой хоть на некоторую часть заменить покойного товарища Кирова, ибо заменить его совсем я не могу, товарищи»^{195}.

С этого дня и на долгих десять лет наш герой, оставаясь в должности секретаря ЦК, становится первым секретарём Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), главой второго мегаполиса СССР.

Глава 12.

«СУМБУР ВМЕСТО МУЗЫКИ»

Ленинград в те годы во многом превосходил Москву как научный и промышленный центр. Не только для петербуржцев-ленинградцев, но и для иных жителей России город на Неве всё ещё сохранял столичный статус.

Выбор Жданова в качестве нового главы Ленинграда был не случайным. Среди проверенных сторонников Сталина его кандидатура идеально подходила для руководства таким городом — Жданов после десяти лет работы в Нижегородском крае обладал и значительным политическим опытом, и навыками управления крупным промышленным центром.

В начале 1930-х годов Ленинградская область охватывала практически весь Северо-Запад России, включала территории нынешних Новгородской, Псковской, Мурманской и Вологодской областей.

Примечательно, что в те годы Ленинград всё ещё рассматривался высшим руководством и в качестве потенциальной столицы. Сын нашего героя Юрий, рассказывая о встрече на сталинской даче в августе 1934 года, вспоминал и такой момент в разговоре Сталина, Жданова и Кирова за пять месяцев до гибели последнего: «В 1918 году, — говорил Сталин, — в Москву правительство переехало под давлением внешних обстоятельств. Немцы угрожали Питеру. Но переезд правительства был временной мерой. Да и какая Москва столица! Ленинград — вот столица: революционная традиция и культура. Но дело это далёкого будущего. Сейчас не до этого. Тридцать вёрст до Сестрорецка...»^{196}

Действительно, в революционной логике 1930-х годов «европейский» город с именем вождя первой социалистической революции, крупнейший научный, промышленный и культурный центр страны куда более подходил на роль столицы социализма. Но для этого надо было как минимум «советизировать» Прибалтику и Финляндию, чьи недружественные границы пролегли в опасной близости от Ленинграда, как максимум же — провести социалистические революции в Европе.

В ближайшие годы наш герой ещё немало поработает в данном направлении, но об этом — чуть позднее.

Пока же Жданов входил в курс дел города на Неве. Помимо партийных начальников и городских чиновников он лично познакомился и с

обслуживающим персоналом Смольного. Ленинградские историки В.И. Демидов и В.А. Кутузов в 1989 году расспросили А.А. Страхову, официантку Смольного в 1930-е годы. Она пришла на работу в здание бывшего Института благородных девиц в 1931 году, ещё в штат obsługi Кирова, и общалась со Ждановым почти каждый день начиная с 1934 года. В.И. Демидов и В.А. Кутузов приводят слова Страховой о её первой встрече с нашим героем: «Когда меня Андрею Александровичу представляли, спросил, как водится, как зовут. — "Аня". — "А по отчеству?" — "Да зачем? Молодая я... Анна Александровна..." — "Вот так и будем — никаких Ань"... Ой, какой хороший, какой изумительный был дядька! — вырывается у Страховой. — Никогда никаких претензий! Чуток гречневой каши, щи кислые, которые варил ему дядя Коля, — верх всякого удовольствия!..»^{197}

Дядя Коля — это Николай Щенников, персональный повар главы Ленинграда, доставшийся Жданову «по наследству» от Кирова. На этой высокой должности персональный повар был нужен не столько для разносолов, сколько для обеспечения безопасности высокого руководителя.

Надо заметить, что Жданов был очень волевым и жёстким руководителем, другие тогда и не выживали. Но вопреки распространённому в те годы «командному стилю» руководства, когда начальник с матерком гнул подчинённого в «бараний рог», Жданов проводил свою жёсткую политику совершенно иначе — вежливо, без брани, заменяя начальственный мат колкими шутками, которых его младшие коллеги боялись больше, чем любого крика. При этом, допуская и жёсткое психологическое давление, и подтрунивание по отношению к своим непосредственным подчинённым, каждый из которых сам был крупным начальником в государственной и партийной иерархии, Жданов был неизменно вежлив и предупредителен с рядовыми работниками и обслуживающим персоналом, обращаясь к ним, даже совсем молодым, всегда на «вы» и по имени-отчеству. Никакого «барства» и начальственного чванства по отношению к обычным людям Жданов не позволял ни себе, ни терпел его в других.

«Аристократические» замашки и подчёркивание неравенства вызывали у Жданова искреннее отвращение. Наш герой и люди его времени очень хорошо помнили старую, сословную, полуфеодалную Россию. Это сейчас бывшее дворянское высокомерие воспринимается как приправленная «хрустом французских булок» милая безобидная традиция. Тогда же у людей ещё очень прочно сидело в памяти, как горстка выродившихся «бар» в полном соответствии с законодательством империи

считала остальной народ низшими существами с минимумом прав. Отсюда проистекало отвращение нашего героя ко всяческому «аристократизму» и «барству» во всех его проявлениях — от быта до культурной среды. Как-то рассердившись на родственницу, которая любила твердить: «Мы — аристократы духа», Жданов в сердцах сказал: «А я — плебей!»^{198} Он искренне считал себя частью того самого *plebs'a*, «Народа» с большой буквы, в его классическом, ещё античном понимании.

Эта искренняя народность имела и другую, далёкую от гуманизма сторону. До февраля 1935 года по делам, связанным с убийством Кирова, шли аресты только среди бывших оппозиционеров внутри партии. Как докладывал в партийные органы города новый начальник Ленинградского управления НКВД Леонид Заковский, «с 1 декабря по 15 февраля 1935 года всего было арестовано по контрреволюционному троцкистско-зиновьевскому подполью — 843 человека»^{199}. С конца февраля общее ужесточение внутривластного режима затронуло уже совсем иные социальные слои. В бывшей столице Российской империи в течение марта 1935 года прошла операция НКВД по выселению «бывших», или, в терминологии тех лет, «контрреволюционного элемента» — в отдалённые районы СССР выслали свыше 11 тысяч человек, из них 67 бывших князей, 44 бывших графа, 106 бывших баронов, 208 бывших владельцев заводов, 370 некогда крупных помещиков, 383 бывших генерала и полковника царской и белой армий, 511 бывших жандармов.

10 марта 1935 года на совещании секретарей райкомов ВКП(б) пограничных районов секретари Ленинградского обкома партии Андрей Жданов и Михаил Чудов поставили новую задачу — проведение «зачистки» приграничных районов Ленинградской области и Карелии от «контрреволюционного элемента». В тот же день Жданов проинформировал об этом решении лично Сталина, обосновав его вопросами «общей безопасности» на случай военного конфликта.

15 марта 1935 года постановлением ЦИКа за успехи и заслуги в деле руководства работой Горьковского края Жданов был награждён орденом Ленина, в то время высшей наградой СССР. Это была первая, но не последняя государственная награда в биографии нашего героя.

В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Мероприятия по усилению охраны границ Ленинградской области и Карельской АССР», которые предусматривали выселение всего «неблагонадёжного элемента из пограничных районов Ленинградской области и Карельской АССР в районы Казахстана и Западной Сибири»^{200}. Данное переселение

осуществлялось в рамках общей подготовки границ государства к потенциальной мировой войне. Точно так же в 1937 года пройдёт переселение в Среднюю Азию корейцев, ранее проживавших в советском Приморье у границ тогда японской Кореи. Но «обеспечение» границ у Ленинграда было первой акцией такого рода. И не случайно с мая 1935 года Жданов стал членом военного совета Ленинградского военного округа.

Непосредственно Жданову поступали тысячи обращений и жалоб высылаемых. В отдельных случаях высылка отменялась. Так, 15 мая 1935 года по резолюции Жданова Ленинградское управление НКВД отменило высылку 76-летнего бывшего раввина Неймотина.

У нашего героя, как секретаря ЦК, оставался немалый круг обязанностей и в масштабах всей страны. 1 февраля 1935 года пленум ЦК ВКП(б), наконец, официально утвердил его кандидатом в члены политбюро. «Двойной» круг обязанностей Жданова породил специальное постановление политбюро от 20 апреля 1935 года: «Для облегчения работы Секретариата ЦК обязать т. Жданова из трёх десятидневок одну десятидневку проводить в Москве для работы в Секретариате ЦК»^{201}.

Начатая после убийства Кирова «чистка» парторганизаций Ленинграда и области продолжилась уже в масштабах страны. 13 мая 1935 года всем региональным организациям партии была разослана директива ЦК ВКП(б) о проверке партийных документов и упорядочении дела учёта, хранения и выдачи партбилетов. Формальным поводом для проведения этой акции стал тот факт, что убийца Кирова Николаев проник в здание Ленинградского горкома по партийному билету.

ЦК принимает меры, чтобы «чистка» шла не формально, не механически. Чуть более чем через месяц, 23 июня 1935 года, выходит постановление ЦК «Об ошибках Саратовского крайкома ВКП(б)». В начале июля в Саратов направили товарища Жданова. Тот факт, что его доклад, прочитанный на пленуме Саратовского крайкома ВКП(б) 5 июля 1935 года, был не только напечатан в «Правде», но и издан отдельной брошюрой буквально через неделю, свидетельствует о важности для центральной власти ждановских пояснений к партийной чистке. Кстати, покидая Саратов, Жданов оставил там «своего» человека — нового редактора местной партийной газеты В. Касперского.

Брошюра Жданова — его первая общесоюзная публикация не в газете, а отдельным изданием — называлась «Уроки политических ошибок Саратовского крайкома». Она начиналась с раздела «Грубое нарушение партийной дисциплины». Было вскрыто два «грубых нарушения», и оба были связаны с нарушением директивы ЦК от 13 мая 1935 года. Первое из

них — постановление крайкома, оставлявшее право принятия окончательного решения об исключении членов партии за крайкомом, в то время как ЦК оставлял эту прерогативу за первичной парторганизацией. Вторая ошибка была связана с самовольным сокращением сроков проверки с двух месяцев, установленных ЦК, до одного. Жданов специально обратил внимание на то, что крайком «недооценил значение директивы ЦК и значение всей этой работы, приравняв её к очередной кампании». «Двухмесячный срок был дан для того, — объяснял наш герой, — чтобы обеспечить надлежащее качество работы по проверке партийных документов, чтобы эту работу не пришлось переделывать, чтобы она была проделана тщательно»^{202}.

Была и другая, неявная причина для критики — чрезмерное усиление местных руководителей в ходе «партчисток». В лице Саратовского крайкома выносилось предупреждение всем местным руководителям, сосредоточившим в своих руках больше власти, чем это было позволено свыше.

В Ленинградской парторганизации за два отведённых директивой ЦК месяца было «вычищено» 7274 человека, о чём сообщил Жданов на собрании городского партактива. Хотя среди исключённых было немало зиновьевцев, основной целью чистки было исключение формальных, пассивных членов партии.

«Политическая активность», по Жданову, являлась важнейшим качеством коммуниста. Это требование было выдвинуто им 29 марта 1935 года, когда пленум Ленинградского горкома принял постановление «О задачах партийно-организационной и политико-воспитательной работы». В «Ленинградской правде» в преамбуле к постановлению говорилось: «Это постановление является документом первостепенной политической важности для нашей партийной организации. Оно даёт нам в руки развёрнутую программу работы Ленинградской партийной организации»^{203}. На следующий день полный текст постановления был напечатан в «Правде», а затем разъяснения к нему появились в «Спутнике агитатора», журнале ЦК ВКП(б), который три раза в месяц издавался для партийного и комсомольского актива, партийных агитаторов и пропагандистов.

Так ленинградские инициативы Жданова становились программой не только ленинградской, но и всех партийных организаций СССР. Важнейшей задачей партийно-организационной работы в опубликованном документе было названо «налаживание воспитательной работы с каждым

отдельным коммунистом» путём повышения идейного и культурного уровня, чёткого распределения обязанностей для более активной работы, сочетания помощи и строгой проверки. Рядовой коммунист, по Жданову, — это своеобразный «агент влияния» в среде беспартийных, а личный пример каждого члена партии — одно из самых эффективных средств пропаганды и рычагов для реализации нужных правительству мероприятий, будь то движение ударников или выполнение планов.

К середине 1930-х годов былая борьба за лидерство в партии сменилась не менее упорной борьбой сталинской группировки по созданию партийного аппарата и настройке его бесперебойного функционирования. Именно этим и занимался секретарь ЦК Жданов.

Партия в виде трёх миллионов сплочённых, чётко организованных, решительных и образованных, авторитетных личностей должна была стать основным инструментом превращения всё ещё малограмотной и отсталой страны в нечто совсем другое — новое, ещё невиданное общество и передовую сверхдержаву планеты. Но строить партию приходилось столь же безжалостными методами из имевшегося под рукой далеко не блестящего материала.

В начале 1936 года Отдел агитации и пропаганды ЦК провёл проверку состояния «низовой пропаганды» — пропагандистской работы на местах, в колхозах и производственных партиейках. Большой проблемой было значительное количество неграмотных не только среди населения, но и среди рядовых членов партии. При такой неграмотности в большинстве сельских районов (а страна всё ещё оставалась крестьянской), где отсутствовало даже радио, любые новости и политические установки доносились до членов партии и остального населения специальными «чтецами», которые зачитывали газеты на собраниях и сходах. Но подготовленных членов партии для этого повсеместно не хватало, многие были неспособны воспринимать и тем более разъяснять другим сложные тексты, отвлечённые философские и политические понятия.

При этом все более или менее грамотные и толковые члены партии тащили неподъёмный груз текущей хозяйственной работы — темпы индустриализации и коллективизации не снижались.

Обличители того времени не хотят понимать, что страна и народ тогда были совсем другими — даже между населением 1930-х годов и населением СССР, например, 1960—1980-х годов лежит пропасть в уровне развития и жизни, стереотипах поведения.

В этих условиях Андрей Жданов нёс свой тяжёлый груз, не оставаясь в стороне от «культурного фронта». После успешной организации Союза

советских писателей Сталин лично следит за тем, чтобы Жданов входил в состав партийных комиссий культурно-идеологического характера. Так, в текст постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 января 1935 года «О реорганизации комиссии по наблюдению за деятельностью государственных театров» вождь партии собственноручно вписывает фамилию нашего героя.

15 декабря 1935 года постановлением политбюро он, наряду со старыми руководителями большевиков, включён во Всесоюзный Пушкинский комитет по подготовке празднования столетнего юбилея со дня смерти поэта. Подготовленный Ждановым документ на государственном уровне закрепит за А.С. Пушкиным титул «великого русского поэта, создателя литературного русского языка и родоначальника русской литературы», «обогадившего человечество бессмертными произведениями художественного слова».

Отныне Андрей Александрович до самой смерти будет исполнять роль главного сталинского «надзирателя за искусством». Надзор этот сочетал в себе вполне содержательную художественную критику с жесткими административными рычагами. В жизни страны и истории искусства этот ждановский надзор особенно выпукло проявился в 1936 году, когда под удар критики почти одновременно попали два таких разных творческих деятеля, как композитор Дмитрий Шостакович и поэт Демьян Бедный.

28 января 1936 года в «Правде» появилась статья «Сумбур вместо музыки», ознаменовавшая собой начало борьбы с так называемым формализмом в искусстве. Несмотря на то что высокой критике подверглась опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», сразу стало ясно, что борьба с формализмом касается всех видов искусства. Только московские писатели собирались на заседания по вопросу о формализме семь раз.

Поводом к статье послужило посещение Сталиным, Молотовым, Ждановым и Микояном филиала Большого театра, где шла новая опера Шостаковича. Опера вождям не понравилась, и не столько по соображениям их личного вкуса (хотя и это присутствовало), но, как увидим, по вполне практическим, даже — как это ни покажется на первый взгляд странным — политическим соображениям.

Многие современники и позднейшие исследователи приписывали авторство нашумевшей статьи в «Правде» самому Жданову, которого уже воспринимали как человека, определяющего идеологическую политику в области искусства. Это не совсем так — наш герой был лишь «куратором» мероприятия. Непосредственно статью «Сумбур вместо музыки» писал его

старый знакомый по совместной организации пропаганды на Горьковском автомобильном заводе, опытный журналист и критик, постоянный автор «Правды» Давид Заславский^[4].

Текст этой статьи в центральном печатном органе правящей партии заслуживает цитирования: «На сцене пение заменено криком. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию... Это всё не от бездарности композитора, не от его неумения в музыке выразить простые и сильные чувства. Это музыка, умышленно сделанная "шиворот-навыорот", — так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью. Это музыка, которая построена по тому же принципу отрицания оперы, по какому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова...»

При этом к личности самого Шостаковича статья была вполне лояльна: «Молодой композитор вместо деловой и серьёзной критики, которая могла бы помочь ему в дальнейшей работе, выслушивает только восторженные комплименты». Основное остриё критики было направлено на «формалистические потуги» и «эстетов-формалистов».

«Правда» назвала оперу левацким сумбуром вместо естественной, человеческой музыки. «Способность хорошей музыки захватывать массы приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим потугам, претензиям создать оригинальность приёмами дешёвых оригинальничаний. Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо».

Для подкованного в политике современника вывод не нуждался в комментариях: «Композитор, видимо, не поставил перед собой задачи прислушаться к тому, чего ждёт, чего ищет в музыке советская аудитория. Он словно нарочно зашифровал свою музыку, перепутал все звучания в ней так, чтобы дошла его музыка только до потерявших здоровый вкус эстетов-формалистов. Он прошёл мимо требований советской культуры изгнать грубость и дикость из всех углов советского быта»^{204}.

Как писал «эстет-формалист» уже другой — позднесоветской — эпохи Иосиф Бродский, «взгляд, конечно, очень варварский, но верный».

В те годы всё было подчинено одной понятной цели — цели догоняющего развития. И для полуграмотной, отсталой страны, изо всех сил рвущейся вперёд, нужна была и «общая» для всех культура,

одновременно и доступная народному большинству, и в то же время поднимающая народ на новую ступень развития и интеллекта. Понятно, что многим «творцам» и всей кормящейся вокруг них околкультурной «мафии» эти мобилизационные требования не очень-то нравились.

Вот и сам Дмитрий Шостакович, сохраняя внешнюю лояльность и даже подобострастие, внутри морщился — ему вполне искренне хотелось получать государственное финансирование, а потом и сталинские премии, и спокойно восседать при этом в своей индивидуальной башне из слоновой кости, занимаясь творчеством, далеко «продвинутым» за пределы наскучившей и уже пройденной «классики», лишь изредка бросая вниз «популярщину» благодарным массам.

Борьба с формализмом лишь стартовала рецензией Заславского. Вслед за ней последовала целая серия статей и иных публикаций в центральных СМИ. Заметная часть творческой интеллигенции, подчинившись внешнему давлению, так и не приняла и не поняла этой критики — ни тогда, ни сейчас.

Жданову ещё придётся возвращаться к этому вопросу сразу после Великой Отечественной войны, вновь цитируя композиторам статью «Сумбур вместо музыки»: «Статья эта появилась по указанию ЦК и выражала мнение ЦК...»^{205}

Посвященный борьбе с формализмом 1936 год в истории советской культуры завершился ещё одним показательным мероприятием. Ещё в начале года на страницах «Правды» были опубликованы ранее предназначенные для узкого круга тезисы Сталина, Кирова и Жданова «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» и «Замечания о конспекте учебника новой истории». Но эта явная смена идеологического вектора в истории отнюдь не сразу была воспринята и оценена творцами искусства. Понадобилось жёсткое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1936 года по пьесе Демьяна Бедного «Богатыри». Андрей Жданов принял в его подготовке активное участие. «Пролетарского поэта» сурово «поправили»: его либретто к опере «Богатыри», где по сцене бегают придурковатые и анекдотичные русские и ёрничают над Крещением Руси, назвали «чуждым советскому искусству». Было отмечено, что данное произведение «огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа», «даёт антиисторическое и издевательское изображение Крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в

истории русского народа»^[206].

В середине 1930-х годов именно Андрей Жданов занимался реализацией такого подхода к русской истории. Он развил и конкретизировал на практике некоторые идеи из обсуждавшихся троицей на сталинской даче. В частности, «реабилитировал» отдельные моменты истории Русской православной церкви — её историческую роль в культурном развитии страны.

В этой новой идеологической доктрине 1930-х годов марксизм не противоречил патриотизму и национальному чувству, а, наоборот, органически с ним сочетался. Революция становилась не отрицанием, а важнейшим этапом продолжения национальной истории, мотором национального развития. Новое государство — Советский Союз — становился продолжателем не только революционных, но и лучших государственных традиций. При этом подходе первая в мире социалистическая революция естественным образом ставила русскую цивилизацию впереди всего остального мира. Не случайно в некоторых современных западных исследованиях по идеологии СССР сталинского периода эта доктрина Сталина и Жданова именуется «национал-большевизмом».

На протяжении 1930-х годов Жданов, помимо множества иных задач, продолжил и кропотливую работу с проектами учебников истории. Ещё 26 января 1936 года он был назначен председателем комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по пересмотру прежних учебников и разработке новых.

В 1937 году было рассмотрено более четырёх десятков проектов учебников истории. Любопытно взглянуть на некоторые детали из рекомендаций, направленных Ждановым авторам. Наш герой рекомендует добавить в учебник отечественной истории следующие сюжеты:

«10) вставить вопрос о Византии; 11) лучше объяснить культурную роль христианства; 12) дать о прогрессивном значении централизации государственной власти; 13) уточнить вопрос о 1612 годе и интервентах... 14) ввести Святослава "иду на вы"; 15) подробнее дать о немецких рыцарях, используя для этого хронологию Маркса о Ледовом побоище, Александре Невском и т. д.; 16) средневековые Зап. Европы не включать; 17) усилить историю отдельных народов; 18) убрать схематизм отдельных уроков; 19) исправить о Хмельницком; 20) то же и о Грузии; 21) реакционность стрелецкого мятежа...»^[207]

Именно Жданов сформулировал советское обоснование территориальной экспансии России. Присоединение таких значимых

национальных окраин, как Украина или Грузия, трактовались им так — «не абсолютное благо, но из двух зол это было наименьшее»^{208}. По мысли Жданова, данные народы в те исторические периоды под давлением могущественных и агрессивных соседей не могли существовать самостоятельно, а подчинение русской монархии было для них в религиозном и национальном плане более благоприятной альтернативой, нежели господство таких же феодальных, но более чуждых государств — Польши, Османской империи или Персии.

Из массы проектов был выбран учебник, созданный группой московских историков, как молодых марксистов, так и учёных старой дореволюционной школы, во главе с А.В. Шестаковым. Этот учебник бегло просмотрел Сталин и тщательно изучил наш герой. Примечательно, что замечания вождя заключались в основном в радикальном сокращении материалов о себе самом, их он решительно перечеркнул зелёным карандашом. А вот глава «исторической» комиссии Жданов чуть ли не к каждой странице учебника добавил лист бумаги со своими замечаниями. Одни из них состояли всего из одного-двух слов, которые требовалось вставить в текст, другие распространялись на всю страницу и, более того, представляли собой значительные фрагменты.

Примечательно, что, помимо всего прочего, Жданов лично написал для нового школьного учебника характеристику первобытно-общинного строя. Вместо нескольких малоинформативных фраз, которыми авторы учебника обрисовывали этот период, Жданов предложил развёрнутое описание основных порядков, свойственных заре человеческой истории:

«В одиночку было невозможно охотиться на крупных зверей, ловить рыбу сетями, вырубать лес для пашни. Поэтому в старину родственники не расходились, а жили все вместе и образовали род иногда в несколько сотен человек. Всё у них было общее. Орудиями пользовались сообща. На охоту и рыбную ловлю ходили вместе, землю обрабатывали общими усилиями. Добычу и урожай делили между собою. Скот был общий. Работами руководили выборные старейшины. Общие дела решались на собраниях всего рода. Род защищал своих. Если чужой убивал человека, то родственники мстили за убитого»^{209}.

Это описание не было простой лирикой — первобытно-общинный строй с его коллективизмом, общей собственностью, выборностью вождей и прямой демократией рассматривался как доказательство возможности построения коммунистического общества. Коллективистские черты, органически присущие людям прошлого, должны были возродиться на

новом витке развития, уже без негативных пережитков и на гораздо более высокой экономической базе. Так развёрнутое Ждановым определение далёкого прошлого превращалось в воспитательный и политический аргумент.

Характерным образом поправил Жданов и фразу авторов учебника «славяне — предки русского народа». Он вписал иное: «Впоследствии славяне, жившие в Восточной Европе, образовали три больших народа — русских, украинцев, белорусов»^{210} —подчеркнув тем самым генетическое единство, которое укрепляло современное Жданову политическое объединение братских народов в границах СССР.

Естественно, все «предложения» нашего героя были дисциплинированно учтены авторами-историками. Итогом кураторства Жданова стало появление новых учебников по истории для средней школы. Уже современный историк А.М. Дубровский, специально изучавший эту деятельность нашего героя, так сформулировал свои выводы, с которыми сложно не согласиться:

«Работа Жданова была действительно значительной. По сути дела Жданов был не только неофициальным редактором, чьё имя не было указано на титульном листе учебника, а одним из авторов этой книги. Он вторгался в наиболее острые в политическом отношении исторические темы, дал ряд ответственных формулировок таких идей, которые должны были обеспечивать важное воспитательное воздействие на читателя. Во фрагментах текстов, принадлежавших перу Жданова, содержались определения значения исторических событий (введения христианства, создания сильного централизованного государства и пр.), их объяснение (причины поражения крестьянских войн, Парижской коммуны), характеристики... Он аккумулировал всё то, что работало на новый курс партии в области исторического образования. Ждановские "установки" и "приказные аргументы" на долгие годы определили идейное содержание отечественной исторической науки, а на школьное преподавание истории воздействуют и до сих пор»^{211}.

Венцом же всей «исторической деятельности» Жданова стала его фраза в одном из рабочих документов, закрывшая в советской эпохе период национального нигилизма: «Собирание Руси — важнейший исторический фактор»^{212}.

Интересный случай вспоминал Юрий Андреевич Жданов: «Отцу посчастливилось сыграть важную роль в истории нашей музыки. Однажды в далёкие 30-е годы я обнаружил среди его бумаг брошюру Главреперткома,

в которой были перечислены музыкальные произведения, запрещённые к исполнению. На первой странице значилось: Опера "Жизнь за Царя". Дальше шли две забытые мной оперетты, а потом — множество романсов.

Я показал это отцу. Он ахнул. Раньше, видно, руки не доходили, а теперь он взялся за важное дело: вернуть русскому народу его жемчужину»^{213}.

Ахнул товарищ Жданов ещё и потому, что отрывки из знаменитой оперы Глинки сам когда-то исполнял на музыкальных уроках, которые давала ему мать. А теперь его старенькая мама учила в Доме на набережной, в том числе исполнению Глинки, и своего внука, его сына. Знаменитую оперу вернули к новой жизни. Бывший приятель Николая Гумилёва и Александра Блока петербургский поэт-символист, а тогда — сотрудник «Известий» Сергей Городецкий вместе с ленинградским дирижёром Самуилом Самосудом обновили либретто, сделав его «немонархическим». Попутно опере вернули её изначальное авторское название — «Иван Сусанин». Ленинградец Самосуд по протекции Жданова стал руководителем московского Большого театра, где и поставил оперу Глинки в 1939 году, за что накануне войны один из первых получил свежечреждённую Сталинскую премию. Режиссёр оперы Борис Мордвинов, правда, Сталинской премии не получил — он к тому времени получил от Особого совещания три года лагерей за интимную связь с женой маршала Кулика, которую органы НКВД не без оснований подозревали в шпионской деятельности...

Позднее Жданов рассказал сыну, что сцена появления в финале оперы Минина и Пожарского верхом на лошадях была создана по инициативе Сталина. Руководители национально-освободительной борьбы появлялись под хор «Славься»:

Славься, славься, ты Русь моя,
Славься, ты Русская наша земля.
Да будет во веки веков сильна
Любимая наша родная страна.

Воспитанный в традициях русской классики, Жданов, по словам его сына, «отстаивал эти традиции, полагая, что через них будет осуществляться постепенный рост эстетической культуры народа»^{214}.

По утрам товарищ Жданов будил жену Зинаиду, напевая мотив из песни на музыку Шостаковича к кинофильму «Встречный», вышедшему в

1932 году:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?
За Нарвскою заставою
В громах, в огнях,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

Глава 13.

«ЗА НАРВСКОЮ ЗАСТАВОЮ»

Ситуация за Нарвской заставой не была для Жданова только поэтической метафорой. Секретарь ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома занимался вплотную жизнью и хозяйством города на Неве.

Перед революцией население столицы империи превышало два миллиона человек. Годы Гражданской войны больше всего ударили по крупнейшему мегаполису России, и он уступил первенство по численности Москве. Индустриализация повлекла взрывной рост городского населения: к 1935 году, когда наш герой возглавил Ленинград, население города приблизилось к трём миллионам.

Городское хозяйство не успевало за стремительным ростом населения. Город оставался перенаселённым, с массой инфраструктурных и социальных проблем. Над Ленинградом нависали природные и политические угрозы — город жил при постоянном риске наводнения и находился в непосредственной близости от финской границы.

Новому первому секретарю Ленинградского горкома и обкома пришлось решать все эти вопросы зачастую самым кардинальным образом. Едва войдя в курс городских дел, он уже в начале августа 1935 года утверждает в ЦК и Совнарком Основные установки к Генеральному плану развития Ленинграда.

26 августа 1935 года на объединённом пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) и Ленсовета Жданов докладывает: «Нам нужно тянуть наш город на юг, восток и юго-восток. Мы должны, как говорил товарищ Сталин, совершить эту задачу в минимальный исторический срок и вывести Ленинград из затопляемых мест. Развитие города должно пойти вверх по Неве, с выходом на незатопляемые места, по следующим основным магистралям — правый и левый берег Невы, Лужское шоссе, Московское шоссе...»^[215]

В тот же день пленум принял постановление «О плане развития города Ленинграда». К ноябрю 1935 года свыше пятисот архитекторов, инженеров, энергетиков и других специалистов, объединённых в 22 подкомиссии, разработали окончательный план десятилетнего развития города.

Жданов весьма пафосно и в духе времени высказался по этому поводу:

«План развития Ленинграда — это материальное овеществление, выражение установки товарища Сталина, линии нашей партии на всестороннее удовлетворение запросов и нужд трудящихся масс, ибо самым ценным капиталом у нас, как указал товарищ Сталин, являются люди, кадры. Труд человека — основа нашего строя»^[216]. Слова в общем правильные, но в суровой реальности «всестороннее удовлетворение запросов и нужд» ограничивалось чудовищной бедностью страны и необходимостью направлять львиную долю средств на обеспечение выживания и безопасности.

Ленинград предполагалось развивать на юг по Пулковскому меридиану, вдоль Московского шоссе (ныне Московский проспект). В этом районе новым городским массивам не угрожали бы ни невские наводнения, ни обстрел дальнобойной артиллерии с финской территории в случае военных конфликтов. План развития с переносом основной застройки на незатопляемые территории позволял отказаться и от строительства дорогостоящей дамбы.

Десятилетний план также предусматривал сохранение исторического центра города, откуда предполагалось переселить в новые кварталы часть населения, плотно стиснутого в коммуналках, и вывести за черту города «пожароопасные и вредные в санитарно-гигиеническом отношении предприятия». Петергоф, Ораниенбаум и Детское (Царское) Село превращались в места отдыха горожан.

За десять лет планировалось построить девять миллионов квадратных метров нового жилья (при имевшихся на тот момент шестнадцати миллионах), территория города увеличивалась в два раза. Строительство на новых землях с относительно сухим, здоровым микроклиматом начиналось целыми кварталами в трёх южных районах — Московском, Кировском, Володарском. Больше половины территории отводилось под зелёные насаждения. Низменные, заболоченные участки переделывались в парки. Сразу создавалась необходимая инфраструктура — строились магазины, школы, детские сады.

План предполагал строительство новых мостов, новых гранитных набережных Невы и сплошное асфальтирование улиц к 1945 году.

Помимо развития городского трамвая и увеличения количества автобусов создавался совершенно новый для тех лет вид транспорта — троллейбусный. Первая троллейбусная линия в Ленинграде будет запущена в эксплуатацию в октябре 1936 года. Главной магистралью становилось Московское шоссе — 17 километров от Сенной площади до Пулкова, — задуманное в едином архитектурном стиле.

За три года по плану должно было в 1,5 раза увеличиться количество телефонных номеров. В 1935 году их было всего 73 тысячи, почти в десять раз больше, чем в Киеве, но в три раза меньше, чем в Париже. Однако тягаться с европейскими столицами было нелегко — в новом строительстве Ленинграду пришлось обходиться своими силами, ведь параллельно был принят и осуществлялся генеральный план развития Москвы, который поддерживался и финансировался центральными органами СССР. На два мегаполиса сил и средств уже не хватало.

Конец 1935 года Жданов встретил в Москве. Из дневника Марии Сванидзе мы знаем, что наш герой 26 декабря 1935 года присутствовал на вечеринке у вождя СССР в честь его дня рождения: «За ужином пели песни. Жданов прекрасно играл на гармонии, но она у него несколько раз портилась. Песни пели заздравные абхазские, украинские, старинные студенческие и просто шуточные... И. завёл граммофон и плясали русскую... мы танцевали фокстрот. Приглашали И., но он сказал, что после Надиной смерти он не танцует... За ужином он сказал, что "хозяйка требует рояль", мы поддержали. Конечно, Жданов играет и на рояле, И. любит музыку. Очень хорошо, если у него будет рояль. Настроение не падало до конца»^[217].

«И.» — это Иосиф Сталин. Заметим, что Мария Сванидзе, выступавшая тогда «хозяйкой» вечера, была профессиональной оперной певицей, поэтому её оценка музыкальных способностей Жданова заслуживает внимания.

Естественно, что, работая в Ленинграде, наш герой стал значительно реже встречаться со Сталиным — согласно журналу посещений, в его кремлёвском кабинете Жданов проводит в пять раз меньше времени, чем в предыдущем, 1934 году. Но их личные отношения не стали менее приятельскими — Жданов свой человек в ближнем кругу неформального общения вождя.

Несомненно, они обсуждают как общие моменты, так и детали текущей ситуации, включая планы развития города на Неве. Так, в начале 1936 года возникает идея создания административного центра обновлённого Ленинграда — Дома Советов. Официальное решение о постройке этого огромного дворца принимается 13 марта 1936 года.

В огромном здании планируют разместить все власти Ленинграда и области: обком и горком ВКП(б), руководство комсомола, Ленсовет и Леноблисполком, комиссии партийного и советского контроля, главные органы экономики — Ленплан и Облплан. Дом Советов должен расположиться в географическом центре нового Ленинграда, на новом

Московском проспекте.

Закрытый конкурс на проект Дома Советов среди десяти лучших архитекторов Ленинграда объявили в июле 1936 года. Первое место занял архитектор с уже «неполиткорректной» фамилией Троцкий. Ной Абрамович был известным и признанным в мире ленинградским архитектором-конструктивистом, автором многих зданий, памятников и архитектурных комплексов в разных городах страны. Как раз в 1936-м ему исполнилось 40 лет. К своему юбилею Ной Троцкий был избран почётным членом-корреспондентом Королевского института британских инженеров.

Так, изящной шуткой истории Троцкому удалось создать один из самых впечатляющих памятников монументальной архитектуры эпохи Сталина. Архитектор Троцкий скончается в разгар строительства в 1940 году, в один год с политиком Троцким.

Строительство Дома Советов велось Ленинградской строительной конторой НКВД. Комплекс создавался в духе так называемого сталинского ампира. Однако сразу же сказалась нехватка средств — Ленинград, в отличие от Москвы, строился своими силами, пришлось жёстко экономить и упрощать амбициозный проект.

Ленинградский Дом Советов стал крупнейшим в то время общественным зданием в стране. В комплексе располагались большой зал собраний на три тысячи человек и пять залов для заседаний поменьше, 579 рабочих комнат. Перед дворцом новой власти предполагалась площадь для парадов с гранитными трибунами на восемь тысяч мест. По бокам от них должны были возвышаться Дом Красной армии и флота, Дворец молодёжи и театр. Дом Советов с примыкающим архитектурным ансамблем и площадью должен был располагаться на пространстве, почти в два раза превышающем размеры Дворцовой площади императорского Санкт-Петербурга.

Разобравшись с проектами главного здания нового Ленинграда, товарищ Жданов в сентябре 1936 года отправился в отпуск на юг, в Сочи. Часть времени он уже привычно провёл в гостях на даче Сталина. В один из сентябрьских вечеров дачу посетила троица самых тогда прославленных в СССР лётчиков. Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков совсем недавно, в июле 1936 года, совершили рекордный беспосадочный перелёт из Москвы к устью Амура. Теперь они планировали новый сталинский маршрут — из Москвы через Северный полюс в США. Вполне светский вечер — лётчики приехали на сталинскую дачу с жёнами — прошёл в разговорах на авиационную тему. Но как позже рассказывал своим товарищам-лётчикам сам Чкалов, авиаторов и их жён поразили не

весьма обширные познания вождя СССР и его ближайшего соратника в данной сфере, а их неожиданные увлечения. Прервав разговоры об авиации, Сталин с энтузиазмом показывал гостям свой сад, во всех тонкостях рассказывая о выращенных им лимонах, эвкалиптах и розах.

Удивил лётчиков и Жданов — дальние авиаперелёты, особенно северные, были тесно связаны с прогнозами погоды, метеорологией, и в ходе обсуждений прошлых и будущих полётов наш герой блеснул неожиданными для собеседников познаниями в этой специфической области. Удивлённым лётчикам Жданов пояснил, что с юности увлекается именно метеорологией. Валерий Чкалов вскоре расскажет о столь необычном дачном вечере своему другу, тоже прославленному лётчику, шестому Герою Советского Союза Михаилу Водопьянову, который и опишет подробности того дачного вечера^{218}.

Однако далеко не все беседы «под дубом Мамврийским» были увлекательными и приятными. 25 сентября 1936 года с той самой дачи за подписью Сталина и Жданова в политбюро была отправлена печально известная телеграмма: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД»^{219}.

Уже на следующий день Лазарь Каганович оформил требования Сталина и Жданова в качестве решения политбюро: Генрих Ягода был снят, а Николай Ежов назначен новым наркомом внутренних дел СССР. Одновременно было принято постановление политбюро о снятии бывшего главы правительства Рыкова с поста наркома связи СССР и назначении на его место Ягоды. Все трое фигурантов постановлений в ближайшие три года будут расстреляны. Как и тысячи других высокопоставленных партийных чиновников. Именно с этой телеграммы Сталина и Жданова принято вести отсчёт «большой чистки» 1937 года.

Существуют разные оценки роли и позиции нашего героя в период Большого террора. Накануне своего полного краха выродившаяся компартия стараниями «архитектора перестройки» А.Н. Яковлева приняла даже специальное постановление ЦК КПСС по Жданову: «Установлено, что А.А. Жданов был одним из организаторов массовых репрессий 30—40-х годов в отношении ни в чём не повинных советских граждан. Он несёт ответственность за допущенные в тот период преступные действия, нарушения социалистической законности»^{220}.

Интересно, что в то же самое время, даже чуть раньше, в западной печати появились противоположные оценки. Профессор Калифорнийского университета Дж. А. Гетти в своей работе 1985 года «The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938» (New York, 1985) и более поздних исследованиях 1990-х годов одним из первых отошёл от привычной оценки репрессий 1930-х годов как сугубо сталинского террора, направленного на абсолютно невинных жертв в целях исключительно укрепления личной диктатуры. Действительные процессы были намного более сложными и неоднозначными. Гетти обратил внимание на социальные факторы «политики террора» — неспособность власти контролировать свой собственный аппарат, противостояние центральных лидеров и многочисленного советского чиновничества, попытки центральной власти использовать народную неприязнь к чиновникам низшего и среднего звена и т. п.

При этом политика Центра также не была единой и монолитной. Именно Жданов, по мнению Гетти, пытался провести реформы в партии для того, чтобы искоренить болезни низового аппарата сравнительно мирными, не террористическими средствами. Противником Жданова в этих начинаниях, считает Гетти, был Ежов, который предпочитал репрессивные меры. Сталин, в конце концов, принял сторону Ежова.

Представляется, что и мнение Гетти страдает некоторым упрощением, но оно куда ближе к реальности, чем типовое представление о репрессиях как о коварном замысле Сталина и компании. Природа социальных явлений, именуемых ныне шаблонно «массовые репрессии», сложна и неоднозначна. Тут переплелись самые разные причины и поводы: борьба за власть в верхах правящей партии и борьба за тёплые места среди чиновничества, попытки сталинского руководства в условиях тотального дефицита квалифицированных кадров любыми мерами и экстренно построить эффективно действующую систему, реальные поиски антисталинской оппозиции, борьба с коррупцией и искренняя шпиономания в условиях надвигающейся мировой войны, личные амбиции тысяч людей, общее ожесточение нравов в обществе и многое-многое другое.

Полноценный и всесторонний анализ этого явления в исторической науке, увы, отсутствует. Освещение вопроса репрессий в наши дни — яркий пример «политики, опрокинутой в прошлое».

Что же касается деятельности товарища Жданова в период «большой чистки», отметим, что наш герой явно не проявлял склонности к поиску всяческих «врагов», особенно в ближнем окружении, в подозрительности и

злопамятности замечен не был. Его нижегородский период обошёлся без каких-либо громких разоблачений и процессов. Более того, члены сформированной им команды, оставшиеся после него у власти в Горьковском крае, в 1937 году обвинялись новым первым секретарём Юлием Кагановичем (братом Лазаря Кагановича) и в том, будто они «протаскивали теорию, что наша область не засорена врагами...»^{221}.

В начале 1990-х годов управление ФСК по Санкт-Петербургу и области на запрос петербургских историков В.А. Кутузова и В.И. Демидова дало следующий ответ: «Каких-либо сведений о личных инициативах А.А. Жданова в политических преследованиях конкретных граждан, незаконных санкциях, его вмешательствах в оперативно-следственную, надзорную и судебную деятельность в архиве Управления не выявлено. В состав внесудебных органов на территории Ленинградской области в 1934—1944 годах А.А. Жданов не входил»^{222}.

Жданову действительно удалось уклониться — и, похоже, сознательно — от почти обязательного для первого секретаря участия в Особой тройке, существовавшем в 1937—1938 годах на уровне областей внесудебном репрессивном органе. В состав Ленинградской тройки вместо первого секретаря Жданова входили вторые секретари обкома — сначала Пётр Смородин, потом Алексей Кузнецов. У нашего героя был удобный повод уклониться от участия в этом трибунале — по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1937 года Жданов должен был работать в Москве не десять дней в месяц, как раньше, а один месяц из двух. Помимо секретаря комитета партии в тройку по должности входили начальник или замначальника местного управления НКВД и областной прокурор.

Показательный факт: все участники Ленинградской тройки — партсекретари Пётр Смородин и Алексей Кузнецов, руководители областного УНКВД Леонид Заковский (Генрих Штубис), Владимир Гарин (Иван Жебенёв), Михаил Литвин и ленинградский прокурор, «старый большевик» Борис Позерн (он же Степан Злобин) — будут расстреляны в разные годы или, как байкальский рыбак Литвин и сын священника Жебенёв, сами застрелятся, чтобы избежать ареста.

До конца жизни Андрей Александрович Жданов весьма осторожно и, скажем так, аккуратно относился к органам. Сохранились воспоминания, как во второй половине 1930-х годов всеильный член ЦК, первый секретарь горкома и обкома терпеливо дожидался в правительственной ложе ленинградского театра начальника областного управления НКВД Заковского — тот имел привычку опаздывать и без него спектакль не

начинался...

Ряд исследователей считают, что знаменитая телеграмма Сталина и Жданова о смещении Ягоды и назначении Ежова была результатом именно общения Жданова с Заковским — последний входил в группировку чекистов, конкурирующую с Ягодой, и убедил нашего героя в необходимости смены наркома внутренних дел. Жданов довёл это мнение до Сталина.

Именно на период деятельности Заковского и Литвина приходится пик политических репрессий 1930-х годов в Ленинграде. В документах спецкомиссии Политбюро ЦК КПСС конца 1980-х годов, когда в разгар перестройки шло разоблачение сталинских репрессий, было указано общее количество репрессированных в Ленинграде в 1935—1940 годах — 68 088 человек. До сих пор эта цифра и этот источник остаются наиболее авторитетными и стыкуются с количественными оценками репрессий в целом. Озвученные же в 1990-е годы цифры репрессированных в сотни тысяч по Ленинградской области и десятки миллионов по стране остаются спекуляциями, ничего общего с действительностью не имеющими.

Реальные цифры репрессий и без того впечатляющи: почти шесть с половиной тысяч арестованных только за два месяца, с 1 июня по 1 августа 1938 года, «участников антисоветских, националистических, повстанческих, диверсионных и шпионских формирований, 68 тысяч репрессированных в Ленинграде за пять лет. Но большинство трёхмиллионного населения города репрессии не задевали. Террор был направлен в основном на заметную верхушку общества, в народе чувствовалось даже некоторое удовлетворение от преследований «начальников».

Тогда для подавляющего большинства граждан СССР 1937 год был не пиком сталинских репрессий, а годом столетия со дня смерти Пушкина. Год, когда страна буквально погрузилась в самый настоящий культ поэта, во многом — стараниями главы Ленинграда, влюблённого в русскую классическую культуру.

9 февраля 1937 года в Ленинграде на стрелке Васильевского острова, на площади, получившей название Пушкинская, состоялась закладка памятника поэту. В объявленном конкурсе победит Иван Шадр — известнейший советский скульптор, уроженец Шадринска. Хотя в таланте создателя потрясающих по выразительности скульптур «Булыжник — оружие пролетариата» или знаменитой «Девушки с веслом» сомневаться не приходится, вероятно, тут не обошлось без участия товарища Жданова, питавшего тёплые чувства к городу своей революционной молодости.

10 февраля 1937 года уже в Москве, в Большом театре, состоялось торжественное заседание, посвященное столетию со дня смерти Пушкина. В центре президиума под огромным изображением поэта располагались Ворошилов и Жданов, в правительственной ложе — вся остальная верхушка СССР во главе со Сталиным. Пожалуй, для тех лет — беспрецедентный случай такого внимания правящих верхов страны к событию в истории культуры.

На протяжении пресловутого 1937 года граждан СССР и жителей Ленинграда волновали и другие, более приземлённые вопросы. В силу самой человеческой природы жилищный вопрос для сотен тысяч ленинградцев был тогда уж точно более значимым и волнующим, чем судьбы арестованных в Крестах или Большом доме управления НКВД на Литейном проспекте. Кстати, это монументальное здание в стиле конструктивизма, как и Дом Советов, тоже проектировал Ной Троицкий. Именно в 1937 году товарищ Жданов, лично контролировавший ход строительных работ в Ленинграде, несмотря на многочисленные возражения этого известного архитектора, внёс поправки в генеральный план развития города — теперь все средства направлялись в первую очередь на строительство жилых зданий. Амбициозному Дому Советов пришлось подождать. Так, 1937 год стал для Ленинграда и годом репрессий, и годом Пушкина, и годом массового жилищного строительства.

В 1935—1940 годах в Ленинграде было построено 220 новых школ — это одно из самых значительных достижений в школьном строительстве за всю историю нашей страны. Количество школ в городе увеличилось почти в два раза. Каждая построенная школа являлась крупным учебным комплексом на сотни учеников.

В два раза за 1935—1940 годы увеличилось и количество яслей, активно создавались всевозможные детские учреждения. Когда в 1936 году рассматривался вопрос о размещении детских учреждений в Аничковом дворце, среди музейных работников возникли возражения. Жданов, выступая на одном из заседаний Ленгорсовета, отреагировал весьма жёстко: «Это же надо ещё посмотреть: для кого они защищают! Мы будем их по-другому использовать в целях нашего социалистического строительства!»^{223} Намёк на антисоветские настроения старой интеллигенции не был столь уж беспочвенным. Экспонаты из Аничкова дворца передали в другие музеи города, и с февраля 1937 года в этом старейшем из зданий на Невском проспекте разместился Дворец пионеров. Стоит отметить, что в наше время кое-кто из записной питерской интеллигенции припомнил это решение как образец злых деяний товарища

Жданова...

Наращение волны политических преследований 1930-х годов совпало — и не случайно! — с масштабной государственной реформой, разработкой и принятием новой конституции, которая меняла не только структуру органов власти, но и сам характер постреволюционного государства. Наш герой изначально участвовал в подготовке этой реформы — с февраля 1935 года он вошёл в состав конституционной комиссии, где возглавил подкомиссию народного образования — сказались не только его работа над учебниками истории, но и курирование в ЦК общих вопросов образования. Именно Жданов завершил затянувшийся с революционных лет период разнообразных и не всегда продуманных экспериментов в школьной педагогике.

Но деятельность нашего героя по подготовке новой конституции не ограничивалась вопросами образования. Он стал одним из главных пропагандистов этого сталинского проекта, который пришлось с трудом и скрипом проталкивать через партийный аппарат. Сформировавшаяся к 1930-м годам после разгрома всех оппозиций правящая бюрократия, внешне лояльная Сталину и его курсу, де-факто обладала всей полнотой власти в регионах и на местах. Сложившаяся к тому времени система выборов в Советы и парторганизации разных уровней была многоступенчатой, с многочисленными ограничениями в праве голоса и изъянами, вроде голосования списком, открытого голосования или кооптации. На практике бюрократия хорошо освоила эту систему, умелыми манипуляциями сводя её к ритуальным формальностям. Новая конституция впервые в истории страны вводила всеобщее прямое и тайное голосование.

Для высшего руководства СССР такая передовая по форме демократия ничем не грозила — при всех сложностях ситуации внутри страны набравший силу «культ личности» позволял лично Сталину и ближайшему кругу не опасаться исходов широкого народного голосования. Но всеобщие и прямые выборы на местах становились мощным средством давления на региональную и местную бюрократию.

Сталинская конституция стала одним из средств создания более эффективного государства. Ликвидируя любые классовые ограничения, она завершала и период раскола общества.

Заметим, что на единство общества работали и «культурные» мероприятия тех лет — не случайно конституционная реформа 1936 года по времени совпадает с кампанией против формализма в искусстве. Новая конституция отменяла раскол общества на субъекты и объекты «диктатуры пролетариата», а новая политика в области искусства боролась с

раздвоением культуры на «элитарную» и «массовую». Наш герой принимает непосредственное участие в ключевых событиях этого процесса.

В ноябре—декабре 1936 года проходит VIII Чрезвычайный съезд Советов, который утверждает новую Конституцию СССР. Андрей Жданов выступает на съезде как один из основных докладчиков по вопросам нового Основного закона. Главная мысль была подана в обрамлении привычной риторики о «марксизме», «врагах народа» и «диктатуре пролетариата».

«Товарищ Сталин, — ссылается на высший авторитет Жданов, — совершенно правильно указал на то, что всеобщее избирательное право означает усиление всей нашей работы по агитации и организации масс, ибо если мы не хотим, чтобы в Советы прошли враги народа, если мы не хотим, чтобы в Советы прошли люди негодные, мы, диктатура пролетариата, трудящиеся массы нашей страны, имеем в руках все необходимые рычаги агитации и организации, чтобы предотвратить возможность появления в Советах врагов Конституции не административными мерами, а на основе агитации и организации масс. Это — свидетельство укрепления диктатуры пролетариата в нашей стране, которая имеет теперь возможность осуществить государственное руководство обществом мерами более гибкими, а следовательно, более сильными»^{224}.

Как руководитель Ленинграда, товарищ Жданов не обошёл в выступлении и проблемы «своего» региона. Тем более что накануне съезда, 29 и 30 октября 1936 года, произошёл очередной конфликт на советско-финской границе — финская артиллерия обстреляла советскую территорию. Финляндия в те годы отнюдь не была мирным маленьким государством —она вполне сознательно и целенаправленно проводила антисоветскую политику, рассчитывая как на экономическую и внутривнутриполитическую слабость СССР тех лет, так и на поддержку ведущих держав мира.

На съезде товарищ Жданов оценивал сложившуюся ситуацию в духе привычной советской риторики: «Под влиянием больших авантюристов разжигаются чувства вражды к СССР и делаются приготовления для того, чтобы предоставить территорию своих стран для агрессивных действий со стороны фашистских держав... Если фашизм осмелится искать военного счастья на северо-западных границах Советского Союза, то мы, поставив на службу обороны всю технику, которой располагает промышленность Ленинграда, нанесём ему под руководством железного полководца армии Страны Советов тов. Ворошилова такой удар, чтобы враг уже никогда не

захотел Ленинграда»^{225}.

Такое жёсткое предупреждение было воспринято в Финляндии и Эстонии как неприкрытое давление.

Через два месяца после принявшего новую конституцию съезда Советов, в феврале—марте 1937 года, проходит пленум ЦК ВКП(б), который ассоциируется в истории с одним из пиков репрессий. На пленуме первые секретари обкомов истерично клеймят «врагов народа», «двурушников», троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев... На этом фоне доклад первого секретаря Ленинградского горкома и обкома выглядит диссонансом: Жданов указывает коллегам, увлекшимся обличением «врагов народа», на важность предстоящих выборов в Верховный Совет.

«Нам предстоит, очевидно, осенью или зимой этого года, — говорит Жданов, — перевыборы в Верховный Совет СССР и в Советы депутатов трудящихся сверху донизу по новой избирательной системе. Введение новой Конституции отбрасывает всякие ограничения, существовавшие до сих пор для так называемых лишенцев... Голосование будет тайным и по отдельным кандидатам, выдвигаемым по избирательным округам. Новая избирательная система... даст мощный толчок к улучшению работы советских органов, ликвидации бюрократических органов, ликвидации бюрократических недостатков и извращений в работе наших советских организаций. А эти недостатки, как вы знаете, очень существенны...»

Жданов изложил основные, с точки зрения высших лидеров СССР, недостатки: «...за последние 2—3 года выборы областных, краевых комитетов и ЦК нацкомпартий проводились лишь в тех организациях, которые образованы заново в связи с формированием областей», вместо выборов, даже по старой, многоступенчатой системе, давно уже утвердилась кооптация, представляющая собой «нарушение законных прав членов партии».

«Наши партийные органы должны быть готовы к избирательной борьбе...»^{226} — подчеркнул Жданов.

Увы, в существовавшей в 1930-е годы реальности партийные руководители, да и общество в целом, оказались «готовы к избирательной борьбе» в привычной им форме разоблачения и уничтожения врагов. Партийная бюрократия на местах имела все основания опасаться новой избирательной системы — всеобщее прямое тайное голосование вполне могло «прокатить» начальников на выборах в Советы. Само собой, проигравших выборы партработников пришлось бы освобождать и от партийных должностей, «как утративших связь с массами». В тех условиях

для очень многих это означало крах и карьеры, и всей жизни.

Выборы в Верховный Совет СССР первого созыва пройдут 12 декабря 1937 года. Поэтому весь год региональная партбюрократия будет готовиться к ним по-своему — путём зачистки всех возможных конкурентов. В условиях всеобщего ожесточения нравов, шпиномании, борьбы с реальной и мнимой оппозицией это вылилось в вакханалию политического террора, массовые доносы и аресты.

Местный террор усугублялся и действиями высшего руководства — Сталин стремился убрать ненадёжных или некомпетентных региональных партийных руководителей. Но и высшее руководство, раздираемое изнутри политическими и личными интересами, не было единым. На всё накладывались неизбежные ведомственные склоки и противоборство чиновничьих группировок в партии, органах НКВД, армии и промышленности.

Не забудем и реально существовавшую оппозицию, неприятие нового политического курса, проводимого группировкой Сталина. Серьёзные внутривластные перемены совпали и с достаточно радикальной сменой внешнеполитического курса. Ожидание мировой революции, имевшее место в 1920-е годы, окончательно сменилось пониманием, что существование страны в капиталистическом окружении затягивается на длительный период. Вместе с ощущением приближающейся мировой войны всё это предопределило переход от открытой конфронтации с капиталистическим миром к поиску международного признания и заключению возможных альянсов с некоторыми капиталистическими державами. Заметим, что все эти перемены не могли вызвать одобрения убеждённых сторонников «мировой революции». Такая оппозиция сталинскому курсу не была единой и организованной, но главное, что она была реальной, а не существовала только в пропагандистских материалах о разоблачении очередных «врагов народа».

Сложные и разнообразные противоречия запутывались в один чудовищный узел, разрубали который с большой кровью. Именно поэтому 1937—1938 годы стали всплеском террора прежде всего внутри правящей партии.

Призывая партию в начале 1937 года к «избирательной борьбе», товарищ Жданов явно не предполагал, чем она обернётся уже в ближайшие месяцы. До конца года эмиссары Центра — Каганович, Ежов, Микоян, Маленков и другие — для «проверки деятельности местных парторганизаций, УНКВД и других государственных органов» метались почти по всей стране, от Белоруссии до Таджикистана, от Армении до

Приморья, снимая старых чиновников и назначая новых. В условиях эскалации террора это был способ прямого управления страной, лихорадочная попытка очистить и наладить региональный аппарат. Учитывая приближавшиеся выборы по новой конституции, спешка диктовалась и опасениями, что в силу бюрократических тенденций партийный аппарат не готов к выборам. Учитывая недовольство значительной части граждан деятельностью бюрократии и трудностями индустриализации и коллективизации, выборами могли воспользоваться антисоветские или оппозиционные элементы.

На протяжении 1937 года в такие командировки выезжает и секретарь ЦК Жданов. На его совести «чистка» Оренбургской и Башкирской партийных организаций.

В конце сентября он приезжает в Оренбург. Сохранились тезисы и наброски мыслей Жданова в его записных книжках, составленные при подготовке к пленуму Оренбургского обкома. В них он квалифицирует ситуацию крайне показательной фразой: «Социальная база — бунт чиновников против партии»^{227}. Похоже, именно так, вполне искренне и не без оснований им воспринималась вся ситуация середины 1930-х годов. Публично признавая лидерство Сталина, укоренившаяся партийная бюрократия не спешила расставаться с уже привычным самовластием на местах.

Проблему пытались разрешить не только физическим устранением «переродившихся» бюрократов. В той же записной книжке Жданова, в черновых конспектах для Оренбургского пленума под заголовком «Оргвыводы. Общие уроки» есть следующая откровенная фраза: «О личных авторитетах. Поскольку партия поддерживает. Если партия откажет от поддержки, мокрого места не останется». После этих слов в скобках и жирным шрифтом Андрей Александрович сделал для себя пометку: «Припугнуть как следует»^{228}.

Судя по конспекту, большое внимание Жданов уделил и смежной теме, которую он назвал «О моральной чистоте и моральном разложении». В записях в нескольких местах встречаются фразы «барский характер», «о личном и общественном поведении», слово «быт». В материалах, собранных для Жданова под грифом «Не подлежит разглашению», содержится отчёт ревизионной комиссии о результатах проверки в Оренбургской области за 1936-й и первую половину 1937 года, в результате которой было выявлено, что общий ущерб, причинённый членами облисполкома, «определяется минимальною суммою 387 000 рублей».

Отдельно подчёркивалось то, что эти лица и не думали скрывать своих материальных возможностей, устраивали шумные пьянки, раздавали деньги в качестве «чаевых» незнакомым людям, «как богатый дядюшка». «Барский характер» и «богатый дядюшка» — это определения Жданова, человека в быту скромного, которого такие уже распространённые симптомы партийных начальников искренне возмущали.

В материалах Жданова по Оренбургской области изложены и такие факты: председатель Оренбургского исполкома Васильев за счёт средств облздравотдела закупил в Азово-Черно-морском крае вина в бочках на сумму 49 тысяч рублей, затем вино разливалось в бутылки с этикеткой «Вино аптекоуправления» и реализовывалось через аптеки области. Эта «предпринимательская» деятельность чиновников приносила им неплохие дивиденды.

47-летний председатель Оренбургского облисполкома Константин Ефимович Васильев родился в крестьянской семье в Тверской губернии, воевал в Первую мировую, заслужил Георгиевский крест, перенёс две контузии и отравление газами. В Гражданскую войну он — командир продотряда, губернский комиссар продовольствия, затем работал в различных советских учреждениях. В 1937 году его карьера закончилась.

3-й пленум Оренбургского обкома ВКП(б) проходил с 29 сентября по 1 октября 1937 года под фактическим председательством секретаря ЦК Жданова. Недавно назначенный начальником Управления НКВД по Оренбургской области Александр Успенский прочёл доклад «О подрывной работе врагов народа в Оренбургской организации».

По итогам пленума все члены бюро обкома были объявлены «матёрыми бандитами, врагами народа». Исключением стал только Александр Фёдорович Горкин, первый секретарь обкома. Именно он был инициатором дела Васильева. Примечательно, что сорокалетний Горкин тоже был уроженцем Тверской губернии, тоже из крестьян. Учился в тверской гимназии и был знаком со Ждановым по местной нелегальной организации РСДРП. Александр Горкин проживёт очень долгую жизнь — 90 лет. Начиная с 1938 года он два десятилетия проработает секретарём президиума Верховного Совета СССР, а в 1957—1972 годах будет главным судьёй страны — председателем Верховного суда СССР.

Васильев и Горкин были хорошо знакомы ещё с 1920-х годов. В ходе следствия «переродившегося» Васильева обвинят в связях с группой Бухарина и Рыкова и в конце 1938 года расстреляют.

На пленуме в Оренбурге под руководством двух бывших тверских социал-демократов Жданова и Горкина из 65 членов Оренбургского обкома

31 будет объявлен «врагом народа», из 55 секретарей «врагами народа» станут 28. Председатель Оренбургского горсовета В.И. Степанов, не дожидаясь ареста, застрелится. Всего по итогам командировки Жданова в Оренбурге будут арестованы и подвергнутся различным видам репрессий 232 человека. Из Оренбурга он сразу же отправится в столицу Башкирской АССР, где был также намечен пленум обкома партии.

Разгром Башкирской парторганизации подготовила Мария Сахьянова, работник Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б). Летом 1937 года она занималась проверкой местной организации и представила большую докладную записку о том, что «руководство почти всех республиканских, советских, хозяйственных органов Башкирии засорено социально чуждыми и враждебными элементами, новые растущие работники не выдвигаются, в росте кадров застой»^[229].

Вскоре после этого в центральной прессе, в нескольких сентябрьских номерах «Правды» и «Известий», вышла серия статей под названиями, не требующими комментариев: «Кучка буржуазных националистов», «Башкирские буржуазные националисты и их покровители», «Буржуазные националисты из Башкирского Наркомпроса». Публикации о положении в республике завершила 24 сентября 1937 года газета «Правда» статьёй «Политические банкроты».

Через неделю на городской вокзал Уфы прибыл поезд со спецвагоном нашего героя. Рабочие материалы для секретаря ЦК Жданова готовила Мария Михайловна Сахьянова — вот только отца её в действительности звали Шаруу, сын Пасаба из рода Хогоя — она была буряткой из бедняцкой семьи, чей род, однако, восходил к бурятским шаманам и князькам-тайшам времён Чингисидов. Когда-то её предки разили стрелами врагов Чингисхана, теперь Мария Михайловна так же безжалостно разоблачала реальных и мнимых врагов Сталина.

Однако при более пристальном знакомстве Мария Сахьянова не кажется бездушным винтиком эпохи репрессий. Одна из первых большевиков в Забайкалье, она ещё в апреле 1917 года встречалась с Лениным, слушала его тезисы о социалистической революции. Как позднее шутили, Сахьянова «была первой буряткой, увидевшей Ленина». И шутка эта, похоже, является абсолютной исторической правдой. В декабре 1917 года, когда наш герой в Шадринске утихомиривал «пьяную революцию», Мария Сахьянова в составе дружины красногвардейцев сражалась в Иркутске с юнкерами. В 1920-е годы она была знакома со всеми лидерами большевиков и искренне приняла сторону Сталина. В дни, когда она разоблачала «врагов народа», её дядя, бывший председатель колхоза в

Бурятии, скрывался от ареста в Саянских горах. Он будет так прятаться до самой смерти Сталина. Ровесница Жданова, Мария Сахьянова проживёт очень долгую жизнь и умрёт в 1981 году.

Главными жертвами намеченного на октябрь 1937 года пленума в Уфе стали Яков Быкин и Ахмет Исанчурин, первый и второй секретари Башкирского обкома партии.

Родившийся в Витебской губернии в еврейской семье, 49-летний Яков Борисович Быкин до революции состоял в Бунде, еврейской социалистической партии, в 1912—1918 годах жил в эмиграции в Швейцарии, там познакомился с Лениным. После возвращения в Советскую Россию работал на различных партийных должностях. Возглавил Башкирский обком ещё в 1929 году.

Местный уроженец сорокалетний Ахмет Ресмухаметович Исанчурин в годы Гражданской войны служил в Красной армии: агент по развёрстке и отгрузке хлеба, политрук, военком полка по хозяйству. В 1920-е годы учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина в Москве. В 1929 году стал наркомом просвещения Башкирии. Вторым секретарём Башкирского обкома ВКП(б) работал с 1931 года.

Совсем недавно, на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), 25 февраля 1937 года Яков Быкин с жаром обвинял Бухарина и Рыкова в «двурушничестве», причастности к убийству Кирова и покушении на убийство Сталина: «Рыков, Бухарин и вместе с ними Томский являются злейшими врагами нашей партии и рабочего класса... Вредителей, которые выступали, организовывали врагов против партии, которые хотят вернуть капитализм в Советский Союз, которые организовывали убийц для того, чтобы убить членов Политбюро и т. Сталина — этих людей надо уничтожить»^[230].

Теперь настала очередь и самого Быкина. Живые воспоминания о ходе и атмосфере октябрьского пленума в Уфе оставил человек, сидевший в зале рядом со Ждановым — Касым Азнабаев, редактор газеты «Башкортостан». Тогда он вёл стенограмму пленума.

«Вот и я, как член Башкирского обкома ВКП(б), — вспоминал спустя десятилетия Азнабаев, — получил извещение, что 3 октября 1937 года в 10 часов утра состоится пленум, который рассмотрит состояние дел в Башкирской парторганизации. Из дома вышел в 9 часов — жил тогда на улице Карла Маркса, 20. Иду не спеша, сворачиваю на улицу Пушкина. Там полно сотрудников НКВД. Тут подбегает одна актриса, хватается за руку: "Кто приехал? Говорят, Сталин". Я отмахнулся: "Не знаю". Решил, что это провокация. Вошёл в здание обкома — везде работники НКВД.

Вчитываются, сверяют... Потом объявляют, что пленум будет завтра. Прошёл уже слух: приехал Жданов и со своей канцелярией живёт в спецвагоне на вокзале.

Ночью арестовали всё бюро обкома и многих членов обкома, секретарей райкомов партии.

4 октября. Утро. На улице ещё больше сотрудников НКВД. Вхожу в зал, и меня охватывает странное чувство: из более чем семидесяти членов обкома насчитываю двенадцать... Но зал, на удивление, полон, лица все незнакомые.

Открывается дверь, и в зал входят секретарь ЦК ВКП(б) Жданов, Медведев — новый руководитель НКВД республики, Заликин — будущий первый секретарь обкома партии. Жданов предлагает открыть пленум. Быкин из зала бросает реплику, что пленумом это назвать нельзя, поскольку нет членов бюро и многих членов обкома. Жданов настроен агрессивно. Он игнорирует замечание Быкина. Сам назначает президиум и сам открывает пленум. Заметьте: с Быкина никто ещё не слагал обязанностей первого секретаря Башкирского обкома ВКП(б). Стенографистов нет. Протокол пленума ведём мы — редакторы республиканских партийных газет...»^{231}

Открывая пленум, Жданов так объясняет его цель: «Главный вопрос проверки пригодности руководства — как большевик способен и на деле борется за разгром троцкистско-бухаринского блока, ликвидирует шпионаж и диверсию... ЦК постановил снять Быкина и Исанчурина с поста секретарей обкома партии, а пленуму обсудить, потребовать ответа, с пристрастием допросить, почему долго орудовали враги. Пленум должен выявить роль каждого из членов пленума, разоблачить, кто может быть членом пленума обкома. Потребовать от Быкина и Исанчурина правду, а не ссылки на "политическую беспечность". Если кто были подкуплены, завербованы из рядовых коммунистов, нужно рассказать — это облегчит дело»^{232}.

Стенографировавший эти слова нашего героя Касым Азнабаев вспоминает: «Жданов даёт слово Быкину, но через 10 минут прерывает его: "Вы лучше расскажите о своей вредительской деятельности..."»

Затем Жданов прочитал протокол допроса ранее арестованных — заведующего отделом промышленности Марнянского и заместителя председателя Госплана Дубенского: в Башкирской парторганизации якобы существовали две контрреволюционные организации — троцкистско-бухаринская под руководством Быкина и буржуазно-националистическая,

которую возглавлял Исанчурин. Быкин с Исанчуриным создали-де политический блок.

Быкин ответил резко: "Это ложь! Клевета! Пусть те, кто бросили мне такое обвинение, скажут прямо в глаза. Здесь!"

"Вы сами рассказываете и ведите себя пристойно, не то вас выведут из зала", — ответил Жданов.

"Членом партии я стал раньше вас, товарищ Жданов. В 1912-м".

"Знаю, какой вы деятельностью занимались — шпионили", — почти выкрикнул Жданов.

Вот так начал работу пленум обкома партии»^{233}.

Помимо всего прочего, Быкина обвинили, что он вместе с женой создал в республике свою группировку приближённых из старых коллег и знакомых. Там же на пленуме всё это назвали термином, хорошо знакомым современному читателю, — «семья». Несомненно, показательное разоблачение много лет стоявшей у руля республики «семьи» было встречено значительной частью народа не без злорадства и удовлетворения.

В рабочих записях самого Жданова местная партийная элита была охарактеризована следующим образом: «С политической точки зрения — это фашисты, шпионы. С социальной стороны — паршивые, развращённые чиновники»^{234}.

Вечером того же 5 октября 1937 года уже бывший первый секретарь обкома Быкин пишет письмо Сталину, начинающееся словами: «Меня тов. Жданов объявил врагом народа...» Письмо Быкину не поможет.

Продолжим воспоминания Азнабаева: «Конец второго дня. Встаёт из зала некто Галеев, инспектор рабоче-крестьянской инспекции Кировского района, и говорит: "Товарищ Жданов! А вы знаете, кто сидит рядом с вами? Азнабаев — он же близкий друг врагов. Он дал положительную характеристику шпиону, националисту Мухтару Баимову, который с августа сидит в тюрьме", — и протягивает Жданову листок. Тот прочитал и грозно посмотрел на меня.

Надо сказать, до этого Жданов довольно благожелательно обходился со мной: он часто курил, когда папиросы кончались, "стрелял" у меня... В общем, оказывал знаки внимания: посмотрит отечески, ну, дескать, давай трудись. Даже во время перекура сказал, вот, мол, нужно выдвигать молодых, таких, как ты. А тут стал грозным. От ведения протокола отстранил и велел пересесть в зал...»^{235}

Мухтар Баимов, бывший руководитель Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры, знаток арабского и

тюркских языков, действительно ранее ездил в Турцию и после ареста обвинялся в «пантюркистских» и националистических настроениях и связях с укрывшимся в Стамбуле лидером башкирских националистов Ахметзаки Валидовым. После всех перипетий недавней Гражданской войны, когда лидеры башкирских исламистов и националистов лавировали между большевиками и Колчаком, такие подозрения не выглядели фантастикой.

«На третий день пленума Быкин и Исанчурин, ходившие до сих пор в костюмах, пришли в обком в хлопчатобумажных гимнастёрках и в кирзовых сапогах. Быкин и Исанчурин выведены из состава бюро обкома, исключены из партии, как "двурушники и предатели партии и народа".

Исанчурин сдал свой билет молча, а Быкин просил Жданова передать Сталину: виновным себя не признаёт, всегда был и остаётся честным коммунистом. Но Жданов отворачивается, морщится, слушать не желает. А когда их увели из зала, Жданов сказал короткую речь: вот, мол, теперь можно вздохнуть с облегчением, хотя это лишь начало. Как он выразился, "пока сняли лишь головку". Произнёс ещё одну фразу, поразившую меня: "Столбы подрублены, заборы повалятся сами..."»^[236], — завершает воспоминания о том пленуме Касым Азнабаев.

«Столбы подрублены, заборы повалятся сами...» — эти брошенные Ждановым слова запомнились тогда многим. Через три месяца 33-летний Касым Кутлубердич Азнабаев, в годы Гражданской войны комсомолец в частях особого назначения, потом переводчик работ Ленина и Сталина на башкирский язык, будет арестован. После почти трёх лет следствия Особое совещание НКВД СССР приговорит его к пяти годам заключения «за контрреволюционную националистическую деятельность».

По итогам пленума в Уфе, кроме секретарей Быкина и Исанчурина, будут сняты с постов и исключены из партии ещё шесть руководителей обкома и республики. Прокурор Башкирской АССР, ровесник Жданова, бывший уральский рабочий Хазов, не дожидаясь ареста, застрелится.

Обратим внимание, что в командировках сам товарищ Жданов никого не арестовывал, не допрашивал и не приговаривал, даже не «разоблачал». Он лишь решал партийную судьбу своих жертв, карая их исключением из партии и отставкой с партийных постов, — всю подготовительную работу и репрессивные формальности за Жданова делали другие люди и органы.

Глава 14.

«КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ ВКП(б)»

Разоблачённые в Уфе или Оренбурге «враги народа» были для нашего героя чужими, малознакомыми людьми — безликими чиновниками, бунтующими против партии. Куда показательнее его отношение к тем попавшим под молот репрессий, кого он знал лично, зачастую много лет.

В 1937 году был арестован Михаил Чудов, второй секретарь Ленинградского обкома при Кирове и при Жданове. Наш герой был знаком с арестованным ещё со времён работы в Тверском губкоме в годы Гражданской войны. Чудов был дружен не только с убитым Кировым, но и с семьёй Бухарина, что, вероятно, и предопределило его судьбу.

Однако Жданову представили на Чудова компромат совсем другого рода. Позднее сын, Юрий Андреевич Жданов, вспоминал: «На определённом этапе, когда начала раскручиваться эта пружина репрессий, Андрей Александрович верил материалам. Вот так было с Чудовым, когда Чудова арестовали... Он разводил руками. Он знал Чудова по Твери. И когда приносят материал, что Чудов был завербован царской охранкой... он обомлел. Проверить этого он не мог... Ведь аналогии были — Малиновский... И определённое время он относился к этим материалам с доверием. Но! До определённого времени! А потом... он пришёл к Сталину — этого никто не знает, и сказал: "В стране творится провокация. Уничтожают кадры. Партийных работников, советских... учёных, военных". Это я знаю, и знаю не от него. Мы с ним на такие темы не говорили. Он со мной не делился, потому что я молод был. Он делился с матерью — от неё я знаю»^[237].

Желание сына представить своего отца в лучшем свете понятно. Но отнесёмся к его словам с вниманием, так как они частично подтверждаются и другими источниками. В методах следствия Ленинградского УНКВД тех лет действительно упоминается один из любимых приёмов Заковского — угроза подследственному с дореволюционным партийным стажем представить его как агента царской охраны. Леонид Заковский тогда активно рвался к высшей власти в органах внутренних дел — принял активное участие в смещении Ягоды и, вполне вероятно, видел себя преемником Ежова на посту наркома НКВД. Ленинградские процессы с участием заметных фигур в руководстве партии стали для него одним из

способов пробить себе путь наверх, а материалы о дореволюционном сотрудничестве с «охранкой» были тогда в глазах большевиков одним из самых убойных компроматов.

Другой кировский выдвиженец, Александр Угаров, несколько дольше продержался при Жданове, занимая в 1934— 1938 годах пост второго секретаря Ленинградского горкома. В начале 1938 года Угарова, не без протекции Жданова, переведут из Ленинграда с повышением, на должность первого секретаря Московского горкома и обкома партии, а осенью того же года арестуют. В протоколе допроса Александра Ивановича Угарова от 4 ноября 1938 года зафиксированы следующие показания:

«После первых же дней приезда Жданова в Ленинград Чудов и Кадацкий повели сначала глухую, а затем и открытую борьбу как бы против Жданова... В начале 1935 года после одного из заседаний бюро в своём кабинете Кадацкий завёл со мной следующий разговор: "Ну вот, приехал Жданов. Сегодня вышибут Чудова, завтра — Кадацкого и Струппе, затем и тебя". По адресу ЦК Кадацкий сказал следующее: "Вот каково отношение ЦК и Сталина к нам. Ленинградским кадрам не доверяют. Жданова послали на спасение Ленинграда"...»^[238]

Дальнейшие показания о террористических приготовлениях, скорее всего, плоды работы следователей, оформлявших в таком духе все дела подобного рода. Но такой разговор партийных руководителей не представляется фантастикой, особенно в глазах Жданова или Сталина.

В наше куда более «травоядное» время за подобные разговоры и настроения высокопоставленных чиновников увольняют как «утративших доверие». Тогда нравы были куда жёстче. Но главное, люди тех лет на собственном опыте хорошо знали, к чему приводит подобная невинная болтовня. В недалёком прошлом подобные разговоры думских либералов и царских генералов привели к краху трёхсотлетнюю династию, ввергнув в кровавый хаос большую империю...

1937-й от 1917-го отделяли всего два десятилетия. В отличие от царских генералов и министров советские, помимо того что имели большой опыт интриг, лично участвовали в вооружённой внутренней борьбе. Вот почему основанные на «кухонных» разговорах показания о готовящихся заговорах, покушениях и переворотах не казались современникам фантастикой или злым вымыслом.

Из того же протокола допроса Угарова от 4 ноября 1938 года: «... После одного из заседаний бюро обкома Кадацкий попросил меня зайти к нему. В его кабинете после небольшого разговора по текущим хозяйственным делам он перешёл к главной цели беседы со мной. "Видишь

ли, — сказал мне Кадацкий, — мы с тобой часто брюзжим, скулим, выражаем недовольство политикой партии, а какой из этого прок? Всё равно всё останется по-старому. А ЦК гнёт свою линию, и чем дальше, тем круче... Нельзя сидеть сложа руки. Надо добиваться изменения курса партийной политики. Иначе индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства заведут чёрт знает куда"...»^{239}

Вот такая негласная оппозиция курсу Сталина, сменившая открытую оппозицию Троцкого, Зиновьева или Бухарина, и была окончательно уничтожена в 1936—1939 годах. Впрочем, как упоминалось выше, это лишь одна составляющая сложного и противоречивого процесса политических репрессий 1930-х годов.

По мере нарастания террора всё более расширялся круг арестованных, в тюрьмы стали попадать и хорошо знакомые Жданову люди, в честности и непричастности которых он не мог сомневаться. Так, весной 1938 года был арестован и летом расстрелян Эдуард Карлович Прамнэк, с которым Жданов десять лет вместе проработал в Нижегородском крае. Пять лет, с 1929 по 1934 год, латыш Прамнэк был заместителем Жданова, вторым секретарём Нижкрайкома.

Той же весной 1938 года был арестован Абрам Яковлевич Столяр, при Жданове — секретарь Нижегородского крайкома. Один из его сокамерников по Бутырской тюрьме спустя почти полвека оставил в мемуарах рассказ Абрама Столяра о встрече со Ждановым в Наркомате НКВД на Лубянке: «Привезли в Наркомат, повели сразу в душ, постригли, побрили и, представьте себе, с одеколоном, хорошо покормили, а на следующий день часов так в двенадцать повели наверх; заводят в большой кабинет, а там за столом сидит Жданов, и тут же присутствуют руководящие работники Наркомата. И все в упор смотрят на меня... Жданов тоже посмотрел на меня и говорит: "Послушайте, Столяр, я с личного вedomо товарища Сталина приехал сам убедиться в подлинности ваших показаний. Случай чрезвычайной важности. Я многих людей, на которых вы дали показания, знал лично продолжительный период времени. Отвечайте: вас никто не принуждал давать показания?.."»^{240}.

Вернувшись из внутренней тюрьмы на Лубянке в камеру № 54 Бутырской тюрьмы, Абрам Столяр признался сокамерникам, что подтвердил Жданову правдивость своих показаний — испугался повторения следствия, к тому же накануне дал слово начальнику следственного отдела, который присутствовал при разговоре со Ждановым, что не откажется от ранее выбитых признаний — «честное слово

коммуниста»... Этот рассказ человека, расстрелянного 27 июля 1938 года, дошёл до нас через третьи руки, но история о встрече со Ждановым на Лубянке вызывает доверие, автор опубликованных в 1980-е годы в Израиле мемуаров указал при этом многие детали биографии Столяра, которые тогда не могли быть ему известны из других источников.

В мемуарах Юрия Андреевича Жданова приводится ещё один показательный момент. Когда в те же годы был арестован Григорий Амосов, жена нашего героя Зинаида, прожившая ряд лет с арестованным, заявила мужу: «Ели он враг народа, то и я враг народа»^{241}. Андрей Жданов, вероятно, совсем не испытывал тёплых чувств к человеку, некогда уводившему его любимую женщину, но не мог не согласиться с Зинаидой. Амосов был оправдан судом, что в те годы тоже не было редкостью — помимо массовых арестов было и немало оправдательных решений. Одним из свидетелей в защиту обвиняемого на суде Амосова выступала сестра жены нашего героя Мария.

Ещё раз вернёмся к мемуарам Юрия Жданова: «В тяжёлые годы массовых репрессий многие ученики нашей школы потеряли своих родителей. Ребята были комсомольцами, и по традиции их надо было осуждать за "потерю бдительности". Но атмосфера в школе была иная. Мы не только не осуждали, но и крепили дружбу с теми, кто оказался в беде. На долгие годы мы сохранили добрые отношения с Таней Смилга, Соней Радек...»^{242} Упомянутые девочки, одноклассницы сына нашего героя, это дочери Ивара Смилги и Карла Радека, близких товарищей и активных сторонников Троцкого.

Вспоминает хорошо знавшая семью и дом Ждановых Светлана Аллилуева: «Друзья Юрия из школы и из университета приходили сюда, не думая о "высоком положении" хозяина дома. Здесь помогли многим, чьи родители пострадали в 1937—38 годах: дружба из-за этого не прекращалась»^{243}.

Так или иначе, но уже в январе 1938 года товарищ Жданов высказался на политбюро за свёртывание репрессивной деятельности НКВД. Вероятно, отголоски этого выступления, дошедшие до Юрия Жданова по позднейшим воспоминаниям матери, и стали основой для его рассказа о том, как отец убеждал Сталина в «провокационности» репрессий. Думается, Андрей Жданов не сомневался в обоснованности уничтожения «бунтующих против партии чиновников», но, как опытный политик и хозяйственник, не мог не видеть, что маховик террора стал слишком неразборчив, уничтожая преданных партийцев и ценных специалистов.

Целый ряд отечественных и зарубежных историков предполагают, что в 1938 году в политбюро сложился направленный против Ежова блок «умеренных» — состав его указывается разный, но все неизменно включают Жданова. Да и сами коллеги по политбюро, согласно высказываниям Молотова и иным мемуарам, считали нашего героя «мягкотелым» — за отсутствие «инициативности» в разоблачении и репрессиях.

В 1936—1938 годах НКВД представил на утверждение политбюро многочисленные списки наиболее видных партийных, военных и хозяйственных чиновников, дела которых подлежали рассмотрению Военной коллегией Верховного суда СССР или Особого совещания НКВД. Списки распределяли обречённых по категориям приговоров — от расстрела до ссылки — и должны были визироваться членами политбюро. Как и с деятельностью судебной тройки, Жданов попытался уклониться от этой обязанности. Среди высших руководителей его подпись стоит на наименьшем количестве из 383 списков. Сталиным подписано 362, Молотовым — 373, Ворошиловым — 195, Кагановичем — 191, Ждановым — 177. Аналогичные списки составлялись и в регионах на чиновников местного масштаба. В Ленинграде за вторую половину 1930-х годов по таким спискам, подписанным лично Ждановым, репрессировано 879 человек.

Несмотря на проявленную мягкотелость, именно в годы террора происходит дальнейшее расширение полномочий и функций нашего героя в высших органах власти. С мая 1937 года он каждый второй месяц проводит в Москве, принимает более активное участие в работе оргбюро и политбюро, заметно чаще, чем в период 1935—1936 годов, посещает кабинет Сталина. Судя по протоколам, в отсутствие «хозяина» Жданов в этот период фактически замещал его в политбюро. Во всяком случае, на многих решениях этого органа, принятых без Сталина, первой стоит подпись Жданова.

Именно в эти годы из сверхнапряжённого экономического строительства и хаоса репрессий окончательно складывается та политическая система, имя которой — «сталинизм». Как и любой сложной политической системе, сталинизму требовался не только материальный базис или силовые рычаги, но и своя духовная основа. Требовался свой понятийный кодекс, свод идейных установок и исторических трактовок, отражавший именно «сталинский», официальный взгляд на историю и текущее положение партии, государства и революции. Таким классическим памятником и одновременно учебником сталинизма стал знаменитый

«Краткий курс истории ВКП(б)». И роль нашего героя в его создании трудно переоценить.

Мысль о необходимости официального учебника по истории партии появилась в самом начале 1930-х. Имевшиеся к тому времени учебники и работы по истории ВКП(б) не удовлетворяли вождя СССР, к тому же многие из них несли следы идей уже разгромленной оппозиции — от троцкистов до бухаринцев.

В октябре 1935 года Отдел партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Учёный комитет ЦИКа СССР провели совещание преподавателей Института красной профессуры, на котором обсуждался вопрос о преподавании истории партии. Участники совещания высказались за скорейшее создание нового учебника по истории большевизма. Это пожелание одобрил ЦК, и была образована комиссия, которую по предложению Сталина возглавил Жданов.

К лету 1938 года под руководством Жданова кой комиссии было подготовлено несколько учебников. Последний вариант в августе того же года редактировал лично Сталин. Емельян Ярославский позднее вспоминал: «Каждый день, приблизительно в 5—6 часов вечера, в кабинете у товарища Сталина собиралась редакционная комиссия, состоявшая из В.М. Молотова, А.А. Жданова, П.Н. Поспелова, Е.М. Ярославского, А.Н. Поскрёбышева. Каждая строка подвергалась обсуждению. Товарищ Сталин очень внимательно относился ко всякого рода поправкам, вплоть до запятой, обсуждали их»^{244}.

С высоты нашего времени «Краткий курс» можно оценить как весьма успешный информационно-идеологический проект, эффективно сработавший на свою целевую аудиторию. Само произведение представляет собой компактное и весьма логичное изложение основных теоретических идей и исторических трактовок большевизма в сталинском понимании и исполнении — изложение доступное и убедительное для людей тех лет. При этом по форме «Краткий курс» — это не что-то сухое и заумное, а совсем наоборот, не лишённый простонародного юмора хлёсткий политический памфлет с перлами вроде: «Зиновьев и Каменев высунулись было одно время с заявлением... но потом оказались вынужденными спрятаться в кустах»^{245}.

Петербургский писатель и историк Виктор Демидов приводит состоявшийся в конце 1980-х годов разговор с бывшим работником Ленинградского обкома при Жданове: «Андрей Александрович *лично*, — как о чём-то величайшем и вечном поведал мне со священным трепетом

один из ветеранов, — *лично* внёс в учебник "Краткий курс истории ВКП(б)" 1002 поправки. Два месяца сидел — 1002 поправки!»^{246}

Сколько бы ни внёс поправок наш герой собственноручно, несомненно одно — роль Жданова как главы комиссии по подготовке учебника была высока. Ещё значительнее она сказалась в дальнейшей судьбе этого произведения. Священный трепет ветерана при словах о «Кратком курсе» совсем не случаен: Жданову удалось навязать всему обществу и прежде всего партии восприятие этой книги как откровения свыше. В те годы «Краткий курс» было принято называть «энциклопедией сталинизма», но куда ближе к смыслу будет другое определение — «библия сталинизма». Отсюда и это восприятие «Краткого курса истории ВКП(б)» — как своего рода «святого писания», и трепетное отношение к одному из основных соавторов, к самому факту его участия в создании такой «библии». Преподававшие библейскую историю отец и дед нашего героя не могли и предположить, что их отпрыск станет «апостолом» и соавтором «священного писания» новейшего времени...

Для самого Жданова рождавшаяся «библия сталинизма» была долгожданным инструментом для повышения качества подготовки партийных кадров. Он явно одним из первых понял опасности, грозившие в ближайшем будущем единственной правящей партии, — растущий в её рядах конформизм и самоуспокоение. Когда в том же 1938 году был подготовлен проект постановления «О дальнейшем росте партии и мероприятиях по улучшению политического просвещения членов и кандидатов ВКП(б)», Жданов, редактировавший этот документ, написал для себя в записной книжке: «Следовало бы назвать "О мерах по ограничению дальнейшего приёма в партию и улучшению политического просвещения" ...»^{247}

22 августа 1938 года на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) — именно оно решало все кадровые вопросы партии — Жданов, анализируя итоги выборов руководящих работников, говорил о том, что «не всё ещё сделано для обеспечения надёжными кадрами наши руководящие парторганы». Поднимая вопрос об идейно-политическом образовании членов партии, Жданов не удержался и приоткрыл номенклатуре ЦК ближайшее будущее: «Сталин редактирует учебник по истории партии. Вокруг этой книги должны воспитаться целые поколения новых молодых большевиков... Я должен сказать вам, товарищи, что когда я читал этот учебник, я испытывал величайший восторг и наслаждение»^{248}.

Эти «величайший восторг и наслаждение» не были ни конформизмом,

ни обязательной данью «культу личности» — здесь наш герой абсолютно искренне выражал свои чувства. Сразу после этой лирики Андрей Александрович перешёл к практике и говорил о необходимости развернуть пропагандистскую работу на основе «Краткого курса», как только будут опубликованы его первые главы. Он считал необходимым проверить уровень политических знаний у всех членов партии: «Я не говорю, что надо за букварь засадить, но нужно записать в решении, что партия будет проверять всех коммунистов»^{249}. Фактически Жданов предлагал ввести квалификационный экзамен на наличие базовых политических знаний для каждого большевика.

Появление на свет «Краткого курса истории ВКП(б)» в сентябре 1938 года ознаменовалось публикацией его текста в «Правде». Уже в конце сентября — начале октября в Кремле состоялось совещание пропагандистов и руководящих идеологических работников Москвы и Ленинграда по вопросу об организации изучения истории ВКП(б). В нём приняли участие члены политбюро и секретари ЦК во главе со Сталиным. Но вёл совещание и открыл его вступительной речью Жданов.

Задача совещания заключалась в том, чтобы, провозгласив выдающееся значение «Краткого курса», направить усилия идеологического аппарата партии на его массированную пропаганду, на усвоение его широкими партийными и народными массами. Перед собравшимися Сталин и Жданов выступали этаким дуэтом. «Задача связана с тем, — говорил Жданов, открывая совещание, — чтобы овладели большевизмом не только кадры пропагандистов, но и кадры советские, кадры хозяйственные, кооперативные, учащаяся молодёжь». «Служащие», — добавил Сталин. «Люди, — продолжил Жданов, — которые имеют непосредственное отношение к управлению государством, ибо нельзя управлять таким государством, как наше, не будучи в курсе дела, не будучи подкованным в отношении теоретических знаний»^{250}.

Кстати, в самом тексте «Краткого курса» упоминается и наш главный герой: «На Урале, в Шадринске, среди военных вёл работу т. Жданов». Эти несколько слов относятся к абзацу, посвященному подготовке большевиками вооружённого восстания осенью 1917 года. В предшествующем предложении разом упомянуты «товарищи Ворошилов, Молотов, Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Каганович, Куйбышев, Фрунзе, Ярославский и другие...». Второй раз фамилия Жданова упоминается в абзаце, посвященном политработникам Красной армии. Таким образом, наш герой был официально зафиксирован в истории партии

и страны на самом высоком уровне. Эти персональные упоминания в новом «священном писании» были не столько данью тщеславию или поощрением преданных соратников вождя, сколько одним из механизмов управления тех лет — для эффективной работы сталинским «наместникам» требовался непрерываемый авторитет в партии и массах.

Но поразительно, что наряду с фамилией Жданова упомянут и затерянный на Урале городок Шадринск — вряд ли кто-то из авторов «Краткого курса», кроме персонально нашего героя, помнил это скромное географическое название.

Вышедший в 1938 году «Краткий курс» почти на два десятка лет становится ключевой идеологической работой, определяет исторические и политические воззрения коммунистов не только нашей страны, но и всей планеты — от Китая до Западной Европы. За первый год только в СССР было распространено 15 миллионов экземпляров и начаты работы по переводу на четыре десятка языков. Выступая в марте 1939 года на XVIII съезде ВКП(б), Жданов заметит: «Надо прямо сказать, что за время существования марксизма это первая марксистская книга, получившая столь широкое распространение»^[251]. За неполных два десятилетия «Краткий курс истории ВКП(б)» будет издаваться более трёхсот раз тиражом свыше сорока двух миллионов экземпляров на шестидесяти семи языках мира.

Примечательно, что в одном из первых тиражей учебника в перечне редакторов Сталин на первое место поставил фамилию Жданова. Помимо важной роли, которую он сыграл в создании «Краткого курса», Жданов становится автором новой системы идеологической подготовки коммунистов, сформированной на протяжении 1938—1940 годов.

Базовые политические знания члены партии и советские работники получали через систему партийного просвещения, позволявшую учиться без отрыва от основной работы. До 1938 года эта система была довольно путаной и затратной, со множеством неупорядоченных кружков без единых учебников и штатов преподавателей. Такую учёбу было тяжело контролировать. Трудно было и следить за качеством и содержанием преподавания. Новая система партийной подготовки должна была стать не только более «сталинской», более стройной и контролируемой, но и менее затратной.

С выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» ставился акцент на индивидуальное изучение данного учебника коммунистами. Анализируя прежнюю ситуацию, Жданов на совещании комиссии ЦК по вопросу о партийной пропаганде в связи с выпуском «Краткого курса» говорил:

«Количество кружков должно быть меньше. Что касается качественной стороны дела, то, видимо, будет таким образом: к примеру, на каком-нибудь заводе вместо десяти кружков останется два или будет создан один новый...»^{252}

Жданов раскритиковал и царившую прежде механическую зубрёжку марксистских цитат: «Овладеть марксистско-ленинской теорией вовсе не значит заучить все её формулы и выводы и цепляться за каждую букву этих формул и выводов.

Чтобы овладеть марксистско-ленинской теорией, нужно различать между её буквой и сущностью»^{253}.

На заседаниях комиссии по партийной пропаганде её председатель Жданов обратил внимание на роль и значение интеллигенции. По его мнению, в стране и партии ощущалась заброшенность работы среди служащих, учителей, учащихся и т. п. из-за общего пренебрежения интеллигенцией. Жданов требовал это исправить: «Ни одно государство не могло и не может обойтись без интеллигенции, тем более без неё не может обойтись социалистическое государство рабочих и крестьян. Нашу интеллигенцию, выросшую за годы советской власти, составляют кадры государственного аппарата, при помощи которых рабочие ведут свою внутреннюю и внешнюю политику. Вчерашние рабочие и крестьяне, их сыновья, выдвинутые на командные посты. Они занимаются государственным управлением всеми отраслями хозяйства и культуры, в том числе сельским хозяйством. Каждый государственный работник должен помогать в ведении внутренней и внешней политики государства»^{254}.

Обратим внимание: как бывший студент сельскохозяйственной академии и несостоявшийся агроном Жданов акцентировал внимание на том, что советская интеллигенция теперь управляет «в том числе сельским хозяйством».

Для себя в конце 1938 года на страницах записной книжки Жданов вывел следующую формулу успеха Советской страны: «Подъём партийно-политической работы + овладение большевизмом + партийная работа = высокий уровень развития промышленной, экономической и культурной областей»^{255}. Для той страны, с её всё ещё низким исходным уровнем и догоняющим развитием эта формула была вполне рациональна.

Лично для Жданова его вклад в создание и продвижение «Краткого курса», оценённый Сталиным, обернулся дальнейшим расширением полномочий и ростом влияния. В соответствии с новым постановлением о

распределении обязанностей между секретарями ЦК ВКП(б), принятым политбюро 27 ноября 1938 года, на Жданова возложили дополнительные функции — «наблюдение и контроль за работой органов комсомола», а также «наблюдение и контроль за органами печати и дача редакторам необходимых указаний»^{256}. Фактически наш герой становился ещё и высшим куратором молодёжных организаций и всех СМИ страны.

Для народных масс тех лет появление «Краткого курса» совпало и с прекращением хаоса репрессий, и с заметным улучшением уровня жизни. Были преодолены наибольшие трудности индустриализации и коллективизации. По сути, новое «сталинское» государство в основном было построено, что и оформил XVIII съезд партии, прошедший в марте 1939 года.

Именно по итогам этого съезда Жданов после четырёх лет пребывания кандидатом в члены политбюро, наконец, де-юре стал полноправным его членом. На съезде он выступал докладчиком по изменениям в Уставе ВКП(б).

Именно Жданов фактически объявил партии и стране о завершении периода Большого террора: «Отрицательные стороны массовых чисток заключаются в том, что кампанейский характер массовых чисток влечёт за собой много ошибок... враждебные элементы, пробившиеся в партию, использовали чистки для травли и избиения честных работников»^{257}.

Наш герой был одним из немногих, кто мог себе позволить в своём выступлении даже специфический юмор. Так, в качестве негативного примера им был приведён некий Алексеев из Красноярского края, «член партии с 1925 года, заведующий Ирбейским районным партийным кабинетом», составлявший списки коммунистов с пометками: «большой враг», «малый враг», «вражок», «вражонок». Жданов сравнил не в меру бдительного клеветника с гоголевским Собакевичем, процитировав обращение того к Чичикову: «Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья». Зал при этих словах смеялся...

Наш герой подчеркнул: «Очевидно, праправнуки Собакевича дожили и до наших времён, кое-где даже пробрались в партию. Надо взять метлу покрепче и вымести из нашего партийного дома подобный мусор!» Здесь зал отвечал аплодисментами.

«Довольно широко у нас, — говорил Жданов, — укоренилась теория своеобразного "биологического" подхода к людям, к членам партии, когда о

коммунисте судят не по его делам, а по делам его родственников, близких и дальних, когда недостаточная идеологическая выдержанность и социальная направленность какой-нибудь прабабушки может испортить карьеру потомков на целый ряд поколений».

Тут стенограмма снова зафиксировала одобрителный смех делегатов, а Жданов продолжил: «Подобный подход ничего общего с марксизмом не имеет. Мы должны исходить из того положения, которое неоднократно развивалось и подчёркивалось товарищем Сталиным, что сын за отца не ответчик, что нужно судить о члене партии по его делам...»^{258}

Зал ответил шумными аплодисментами — присутствовавшие делегаты с одобрением и явно не без облегчения внимали такому выступлению одного из лидеров партии.

Изменения в Уставе ВКП(б) готовились непосредственно Ждановым. Новый устав должен был обеспечить наполнение партии свежими, молодыми и активными кадрами — политика репрессий, помимо всего прочего, сработала стремительным «социальным лифтом» для перспективной молодёжи. Согласно изменённому уставу, в партийной и государственной жизни устранялась практика препон и исключений, как формулировал наш герой, «по биологическому признаку». Новый устав отменял «чрезмерные рогатки», то есть ограничения, особые условия при приёме в партию интеллигенции и крестьян. Как подчеркнул в выступлении сам Жданов, «классовые грани между трудящимися СССР стираются, падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией»^{259}. Поэтому, доказывал Жданов, прежние ограничения в новых условиях стали ненужными и лишь приводят к «практическим несуразностям»: так стахановцы или выдвинувшиеся на руководящие посты рабочие, получившие образование, попадали в интеллигенцию — последнюю, четвёртую категорию при приёме в партию, для которой ранее был установлен более сложный порядок приёма в ВКП(б). На съезде, утвердившем изменения в уставе, эти «рогатки» были сняты и для всех без исключения установили единые условия приёма в правящую партию. Здесь новый устав, как и новая сталинская конституция, работал на завершение прежнего постреволюционного раскола и формирование новой единой общности.

Глава 15.

ВЫДВИЖЕНЦЫ, «КАДРЫ НА ЭКСПОРТ»

Показательно, что на XVIII съезде половина высших руководителей правящей партии была моложе тридцати пяти лет и лишь менее 20 процентов делегатов перевалили сорокалетний рубеж. Большевики тогда были молодыми в прямом и переносном смысле этого слова. Среди результатов того, что мы сейчас именуем «репрессиями» и «1937 годом», Жданов отметил и следующее: «Если несколько лет тому назад боялись выдвигать на руководящую партийную работу людей образованных и молодёжь, руководители прямо душили молодые кадры, не давая им подниматься вверх, то самой крупной победой партии является то, что партии удалось, избавившись от вредителей, очистить дорогу для выдвижения выросших за последний период кадров и поставить их на руководящую работу»^{260}.

Здесь Жданов не ошибся: именно эти «выросшие» к концу 1930-х молодые кадры, выдвинувшиеся не только благодаря личным способностям, но и за счёт стремительно ускоренного репрессиями «социального лифта» обеспечили выживание и победу в Великой Отечественной войне, а затем восстановление нашей страны и её превращение в мировую сверхдержаву. Обильная кровь на руках Жданова и прочих «руководящих товарищей» среди прочего повлекла и этот немаловажный для нас результат.

Созданная именно в 1936—1939 годах ленинградская команда Жданова во время войны вынесет на своих плечах все 872 дня блокады, а многие выходцы из неё будут работать на самых ключевых постах военной экономики СССР. Город на Неве был тогда «кузницей кадров» для всей страны. Не случайно ещё в 1935 году наш герой весьма амбициозно заявил на пленуме Ленинградского горкома ВКП(б): «Мы, ленинградцы, должны давать партийные кадры на экспорт»^{261}.

Жданов пополнит ленинградские кадры — «людей Кирова» — своими старыми знакомыми по работе в Нижегородском крае. Так, работавший с ним в Нижнем и в Союзе писателей Александр Щербаков в 1936 году сменит на посту второго секретаря Ленинградского обкома арестованного Михаила Чудова. Уже в 1937—1938 годах этот «человек Жданова» будет возглавлять ряд обезглавленных репрессиями обкомов в Сибири и на

Украине. Ходили даже слухи, что он — родственник жены Жданова. В годы войны Щербаков возглавит Московскую партийную организацию и Главное политическое управление Красной армии.

Но основные кадры Жданова, сменявшие старую репрессируемую верхушку, будут подготовлены им из ленинградской молодёжи. Так, Николай Вознесенский, стоявший в 1935—1937 годах во главе Ленинградской городской плановой комиссии и работавший заместителем председателя горисполкома, уже в 1937 году был выдвинут на работу в Госплан СССР. С 1938 года он возглавил этот ключевой для советской экономики орган — после Великой Отечественной войны зарубежные СМИ не случайно будут называть его «экономическим диктатором России». Как и Жданов, Вознесенский по отцовской линии был внуком сельского священника.

По свидетельству Анастаса Микояна, когда в декабре 1937 года Сталин искал замену арестованному Валерию Межлауку на посту председателя Госплана, именно Жданов предложил кандидатуру Вознесенского. «Жданов его хвалил»^[262], — вспоминал Микоян.

Сестра Вознесенского Мария, работавшая преподавателем в Ленинградском коммунистическом университете^[5], была арестована в 1937 году как «участница троцкистско-зиновьевской организации, которая знала о троцкистах, не разоблачала их и назначала на преподавательскую работу заведомо чуждых элементов»^[263]. На следствии Вознесенская себя ни в чём виновной не признала, тем не менее вместе с маленькими сыновьями и мужем была отправлена в ссылку в Красноярский край. Николай Вознесенский обратился за помощью к Жданову — ссылка была отменена и дело прекращено. Мария Вознесенская была восстановлена в партии и на преподавательской работе в Ленинграде.

В том же 1937 году ещё мало кому известный сын рабочего из Санкт-Петербурга, бывший пятнадцатилетний красноармеец и кооператор эпохи нэпа, выпускник текстильного института Алексей Косыгин утверждён Ждановым на пост директора ткацкой фабрики «Октябрьская» (одна из старейших мануфактур Петербурга, до революции принадлежавшая иностранному концерну). Уже через год Жданов назначает толкового 33-летнего специалиста заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б), а затем главой Ленинградского горисполкома. Ещё через год, в 1939 году, на XVIII съезде ВКП(б) Косыгин по предложению Жданова избирается в ЦК, становится наркомом и возглавляет всю текстильную промышленность страны. В 1940 году

Алексей Николаевич Косыгин назначается заместителем председателя правительства (Совнаркома) СССР.

В результате столь стремительной карьеры на этом посту, а затем и во главе правительства мировой державы СССР Косыгин проработает 40 лет, до 1980 года. Многие экономические и научные достижения нашей страны во второй половине XX века будут связаны с его именем. Равно как за 40 лет управления второй экономикой мира с личностью Косыгина не будет связана ни одна коррупционная история, которая могла бы позволить усомниться в его личной бескорыстности.

Из сформированной Ждановым команды управленцев одни быстро уходили в Центр на повышение, другие надолго «задерживались» с ним в Ленинграде. Из последних стоит выделить, пожалуй, ближайшую к Жданову ленинградскую «троицу» — Алексея Кузнецова, Петра Попкова и Якова Капустина.

Все трое, когда они были замечены нашим героем, были чуть старше тридцати. Все трое имели рабоче-крестьянское происхождение и начали свой трудовой путь с ранней юности чернорабочими, совмещая пролетарский труд с общественно-политической активностью и «жадной» учёбой.

Алексей Александрович Кузнецов родился в 1905 году в городке Боровичи в двух сотнях вёрст от Новгорода третьим, самым младшим ребёнком в семье рабочего лесопильной фабрики. Здесь после церковно-приходской школы и городского училища в 15 лет он и начал свою трудовую биографию сортировщиком бракованных брёвен. Без революции, вероятно, он так бы и остался среди брёвен и досок, но начало 1920-х годов уже давало рабочему пареньку возможность иной биографии. Лучший ученик городского училища, напористый и активный, в начале 1920-х годов он создаёт на фабрике первую комсомольскую ячейку. Как члена уездного комитета РКСМ, комсомол посылает его в одно из сёл уезда работать «избачом» — руководителем избы-читальни (они, эти «избы», были тогда первыми культурными центрами на селе, создававшимися большевиками ещё до коллективизации). В конце 1920-х годов Алексей Кузнецов работает в уездных комитетах комсомола на Новгородчине. Здесь он прошёл все перипетии внутривнутриполитической борьбы тех лет: в 1925 году активно «разоблачал подрывную работу кулачества» в Боровичском уезде, будучи секретарём Маловишерского укома, «выявил и разгромил окопавшихся в уезде зиновьевских молодчиков», в 1929 году боролся с «сомнительной публикой» в Лужском окружкоме ВКП(б)... Не стоит думать, что вся эта борьба с кулачеством и сторонниками некогда могущественного Зиновьева

была сплошным очковтирательством или приятной синекурой.

Активный и непримиримый молодой комсомолец был замечен в окружении Кирова и в 1932 году выдвинут на партийную работу в Ленинграде. На момент появления в городе Жданова Кузнецов — первый секретарь Дзержинского райкома, а к 1937 году становится заведующим организационно-партийным отделом Ленинградского обкома. В сентябре 1937 года, когда первый секретарь Жданов выезжает с карающей миссией в Оренбург и Башкирию, на роль его зама по Ленинграду, вторым секретарём обкома назначается 32-летний Алексей Кузнецов. На этот пост прочили секретаря горкома Угарова, но его судьба, как мы уже знаем, сложилась иначе...

Кузнецов будет в Ленинграде главным помощником Жданова по партии и политической работе. В разгар репрессий наш герой именно его делегирует в Особую тройку и переложит на хваткого и неколеблящегося Кузнецова основные функции в этой страшной области. Работники Ленинградского управления НКВД вспоминали: «У нас в УНКВД мы его (Жданова. — А. В.) и не видели. Кузнецов бывал часто...»^[264] Жданову даже придётся иногда сдерживать излишнее рвение своего молодого зама.

В самом конце сентября 1937 года начальник Ленинградского УНКВД Заковский подал в обком предложение об исключении из партии арестованного работника Комиссии партийного контроля по Ленобласти Михаила Богданова. Самого арестанта уже избивали в Большом доме на Литейном проспекте, в кабинете заместителя начальника ОблУНКВД.

Только что ставший вторым секретарём Кузнецов быстро подготовил не вызывающий сомнений проект решения об исключении: «Богданов М. В...восстанавливал в партии заведомо троцкистско-бухаринские к/р элементы, способствуя сохранению агентов фашизма в рядах парторганизации...»^[265] Документ подали на утверждение первому секретарю. Жданов этот текст Кузнецова не подписал и, как он любил выражаться, «подрессорил» — поменял убийственные строки своего зама на куда более мягкие выводы с предложением не исключать арестованного из партии, а лишь вывести из обкома и горкома, «сделав ему последнее предупреждение». Свободу Богданову это не вернуло, но от смертного приговора спасло.

Однако не стоит думать, что Жданов был так уж либерален с исключениями из партии, если, по его мнению, это было нужно, а не навязывалось со стороны неподконтрольными и ретивыми «чекистами». Ещё с нижегородских времён наш герой без колебаний убирал из партии

нерадивых, недостойных или неверных лиц. С 1935 по 1941 год, несмотря на рост городского населения и общий рост количества членов ВКП(б) по стране, численность ленинградской городской и областной организации осталась практически неизменной — чуть менее двухсот тысяч человек. За четыре первых года ждановского руководства Ленинградской парторганизацией из её рядов были исключены по разным причинам 128 350 человек. Но вопреки распространённым мифам, для большинства исключённых отставка из рядов правящей партии осталась единственной репрессией.

Партия являлась основным стержнем всего государственного и экономического аппарата эпохи Сталина. Но помимо профессиональных партработников, таких как Алексей Кузнецов, для руководства городским хозяйством требовались и иные люди.

Пётр Сергеевич Попков родился в 1903 году в селе под Владимиром. Отец его был столяром, кроме Петра в семье было ещё трое братьев и три сестры. Поэтому с девяти лет после двух классов церковно-приходской школы мальчика отдали в батраки. До двенадцати лет он пас чужой скот. В 1915 году отец отвёз его во Владимир, устроив учеником в частную пекарню. Через несколько лет подросток, как и отец, стал столяром. До 1925 года Пётр работал в столярных мастерских Владимира. Работу совмещал с учёбой в вечерней школе для малограмотных. Вступил в комсомол, а в 1925 году в партию. Хотел пойти учиться по партийной путёвке в вуз, но из-за болезни отца вынужден был вернуться к столярной работе, чтобы содержать семью. Только в конце 1920-х годов столяр Пётр Попков поступает на рабфак при Педагогическом университете Ленинграда. Рабочие факультеты в 1920—1930-е годы осуществляли подготовку для учёбы в вузах пролетарской молодёжи, не получившей среднего образования.

В 1931 году Попков поступает в Ленинградский институт инженеров коммунального строительства. Высшее образование он завершает в 1937 году и после окончания института остаётся работать в нём секретарём парткома и заведующим научно-исследовательским сектором. Так полунищий мальчик-батрак, подросток-пекарь и юный столяр вырос в авторитетного члена первичной организации ВКП(б), стал уважаемым инженером, человеком с высшим образованием, что было всё ещё большой редкостью в полуграмотной стране.

В ноябре 1937 года, учитывая массу открытых вакансий в связи с репрессиями, активный член ВКП(б) с безупречной пролетарской биографией и технически грамотный Попков становится председателем

Ленинского районного совета депутатов трудящихся города Ленинграда.

Райсовет тогда решает все вопросы местного значения — от культурного строительства до насущных проблем коммунального хозяйства и быта. И инженер коммунальных систем оказывается на своём месте — Попков лично руководит строительством в районе и всё контролирует. Например, он сам назначает и ежедневно (!) проверяет всех управдомов на своей территории. По итогам первого года его работы все многочисленные и жёсткие тогда проверки в новом районе не находят растрат и хищений.

Жданов быстро замечает перспективного хозяйственника. Ленинградскому лидеру явно импонирует молодой и толковый практик с блестящими для тех лет характеристиками. И сам Попков в этот период на рабочих совещаниях с теми же управдомами постоянно упоминает о своих контактах с большим начальством: «Не случайно товарищ Жданов звонит к нам и требует каждую десятидневку сводку...»^[266] Под патронажем Жданова карьера Попкова развивается стремительно: в 1938 году он становится заместителем председателя, а в 1939-м — председателем Ленинградского горсовета.

Ещё один ключевой представитель ленинградской команды Жданова — Яков Капустин. Яков Фёдорович родился в 1904 году в крестьянской семье Весьегонского уезда Тверской губернии. С девятнадцати лет — чернорабочий на Волховстрое, строящейся по личному указанию Ленина в 1918—1926 годах первой крупной гидроэлектростанции в России. Затем Капустин работает помощником слесаря и клепальщиком на знаменитом Путиловском заводе в Ленинграде. В 1926—1928 годах, находясь на срочной службе в РККА, вступает в партию большевиков. После армии возвращается на Путиловский, после убийства Кирова — Кировский, завод. В начале 1930-х пролетарий Капустин идёт учиться в Индустриальный институт^[6]. К середине 1930-х годов это крупнейший в стране технический вуз, в котором под руководством почти тысячи профессоров и преподавателей обучается свыше десяти тысяч студентов и аспирантов. С 1935 года Индустриальный институт возглавляет человек из команды Жданова, бывший руководитель Нижегородского краевого отдела народного образования Пётр Тюркин.

В том же 1935 году аспирант крупнейшего в стране технического вуза Яков Капустин по направлению Кировского завода отправляется на стажировку в Англию, где изучает производство турбин. В 1936 году он становится помощником начальника цеха Кировского завода. Начальником цеха был Исаак Зальцман, будущий основной танкостроитель в сталинском

СССР, которого тоже относят к «людям Жданова». Позже западные исследователи и журналисты назовут Зальцмана «королём танков». В 1937 году между Зальцманом и Капустиным возникает типичный для того времени жёсткий производственный конфликт, который едва не кончился исключением последнего из партии. Но за выросшего на заводе «путиловца» Капустина вступились рабочие:

«Мы считаем его лучшим другом, начальником, который при своей работе никогда не повышал на нас голоса, обходился с нами, как с равными себе, всегда приветствовал нас рукопожатием. На все непонятные для нас вопросы с большим желанием давал ответы, разъяснял, показывал, учил... Он пользуется всеобщей симпатией всех рабочих нашего участка. Мы под его руководством стали политически грамотными людьми. Читка газет происходила каждый обеденный перерыв, и очень часто лектором и нашим консультантом являлся Яков Фёдорович. Он сумел подойти к рабочему с любовью, на которую мы отвечали взаимностью... Это производство молодое, плохо освоенное нами — возможно, большой процент брака шёл за счёт нашей невнимательности...»^{267}

Обратим внимание на эту коллективную «читку газет» — даже среди рабочих такого сложного производства в те годы оставалось ещё много малограмотных людей, не способных самостоятельно воспринимать газетный текст. Это наглядно иллюстрирует те сложности, с которыми пришлось столкнуться лидерам ВКП(б) при модернизации страны.

Заступничество рабочих подействовало: Капустин не только остался на заводе и в партии, но в 1938 году уже возглавил парторганизацию этого гиганта ленинградской индустрии. Без Жданова, заметившего авторитетного и грамотного специалиста, такое назначение было бы невозможно. Ещё через год, в 1939 году, инженер Яков Капустин становится секретарём Кировского райкома партии, а в 1940 году — вторым секретарём Ленинградского горкома ВКП(б).

В отличие от нижегородских времён наш герой, осенённый высшей кремлёвской властью, уже не является первым среди равных. От замов и помощников Жданова отделяли куда большие полномочия и непререкаемый авторитет. Совместные бильярд и городки ушли в прошлое. Приятельское общение — только на застольях ближнего круга Сталина.

Ленинградский «наместник» стал для окружающих почти недоступен. В 1938 году его бывший коллега по Нижнему Новгороду журналист Марк Ашкенази, чувствуя в разгар репрессий сгущающиеся над головой тучи, решил уехать в Ленинград и обратиться за помощью к Жданову:

«На мой телефонный звонок в Смольный отвечал помощник Жданова:

— Кто спрашивает? Земляк из Горького? Тут земляков много ходит. Его нет. Позвоните завтра.

Я не мог допустить мысль, что Жданов меня не хочет видеть. Как-никак двенадцать лет!.. Чтобы уяснить своё положение, на следующий день я попросил доложить обо мне Андрею Александровичу, мол, прошу назначить время приёма. Ответ получил тут же:

— Я доложил. Напишите через экспедицию...

По пути в бюро пропусков в Смольный на маленьком выступе стоял очень поворотливый человек в португее. Он предупреждал обращающихся к нему:

— Не подходите. Бюро — направо, экспедиция — налево... Он знал, кто, куда и откуда идёт. Бдительность была на высоте, ничего не скажешь. За жизнь Жданова можно было не беспокоиться.

После трёхдневных хождений я вернулся восвояси»^[268].

Ситуация доступности высокого начальства для простых людей к концу 1930-х по сравнению с началом десятилетия радикально изменилась — до убийства Кирова в Смольный просто по партбилету мог зайти любой член ВКП(б), теперь же он там мог появиться только по согласованию и через бюро пропусков. Но обиженный отказом в приёме Ашкенази несправедлив — вряд ли и в наше время, да и в любое другое, возможно так просто, за три дня добиться приёма у второго человека в стране. Жданов был всегда по горло завален делами, тысячами обращений и прошений. Согласно тщательным подсчётам его канцелярии, в 1936 году он получал в среднем 130 писем в день, ещё 45 писем в день приходило в Ленсовет. В последующие годы обращений не стало меньше. К тому же в момент появления Ашкенази в Ленинграде наш герой мог просто отсутствовать в городе — как помним, по решению политбюро каждый второй месяц он проводил в Москве. Однако помощь Жданова некоторым старым знакомым в те годы нам известна — вспомним того же эсера-литературоведа Здобнова из Шадринска. Да и сам Ашкенази после ареста в 1938 году через полтора года следствия был полностью оправдан судом.

Уже в конце XX века арестованный в 1937 году сын польского коммуниста-эмигранта Владимир Рачинский вспоминал о событиях после освобождения в 1939 году:

«...Работы нигде подходящей не нашёл. Решил добиваться восстановления в Ленинградском университете. Написал письмо-жалобу секретарю Ленинградского горкома КПСС А.А. Жданову. Описал свою тяжёлую историю, написал, что, несмотря на трагедию нашей семьи, я по-прежнему верю в идеалы коммунизма, что ещё очень молод, имею

способности и очень хочу учиться. Просил помочь мне восстановиться в студенты университета.

К моему удивлению, через несколько дней мне из Ленинградского горкома пришла открытка, в которой сообщалось, что моё письмо А.А. Жданову получено и что меня просят зайти на приём в Смольный. Конечно, надо сразу ехать. Приехал в Ленинград утром и сразу пошёл на приём в Смольный. Приняла меня инспектор горкома партии. Стала подробно расспрашивать, какая была обстановка, когда я находился под следствием... Я, не стесняясь, сказал, что меня били, но я не подписал ложного протокола, который меня заставляли подписать. Завотделом сказал, что мое письмо читал А.А. Жданов и дал указание оказать мне внимание и помощь в восстановлении в студенты университета»^{269}.

Подобное «ручное управление» и лихорадочное исправление высшими инстанциями многочисленных «перегибов на местах» вообще характерны именно для того времени.

Удивительно, но, даже став «небожителем», ежедневно распоряжающимся судьбами многих людей, Жданов и под бременем власти сохранил свойственные ему привлекательные черты характера и прежде всего умение располагать к себе людей. При сохранении дистанции «начальник — подчинённый», все очевидцы отмечают неизменную вежливость и доброжелательность Жданова в общении с рядовыми работниками, дружные и даже душевные отношения в руководящей ленинградской команде.

Так, Анастас Микоян в своих мемуарах пишет о Жданове и его ленинградских заместителях: «Они искренне хорошо относились друг к другу, любили друг друга, как настоящие друзья»^{270}. В.И. Демидов и В.А. Кутузов в сборнике «Ленинградское дело», опираясь на воспоминания сотрудников аппарата Ленинградского горкома, утверждают, что Алексей Кузнецов был по-настоящему предан своему патрону, он буквально «не выходил из кабинета Жданова». То же можно сказать и о других лидерах команды — Попкове, Капустине и прочих. Даже в личном общении за глаза никто из них не говорил просто «Жданов» — исключительно «Андрей Александрович» или «товарищ Жданов»^{271}.

Он всех «поздравлял с праздниками, днями рождения, оказывал нежданно-негаданно помощь в затруднительных ситуациях — но обращаться к нему по собственной инициативе — строжайшее табу...»^{272} — так вспоминали о нём работники аппарата Смольного.

Со своими непосредственными подчинёнными, которые сами являлись

большими начальниками, он бывал подчас резким, но никогда не скатывался к разнузданному «барскому гневу».

Подчинённые особенно боялись его острых и злых шуток, умения «подцепить». Больше других переживал и старался «не подставиться» Яков Капустин, чьё самолюбие было особенно чувствительным к вежливым, но весьма язвительным замечаниям «Андрея Александровича», высказываемым им по малейшему поводу. Никита Хрущёв так писал об этом: «Жданов был умным человеком. У него было некоторое ехидство с хитринкой. Он мог тонко подметить твой промах, подпустить иронию...»^{273}

Частой мишенью острот Жданова становился председатель Ленгорсовета Пётр Попков. Будучи отличным завхозом, он страдал явным косноязычием, особенно при попытках произнесения политических речей. И Жданов при всей своей симпатии постоянно характеризовал неудачные опусы своего протеже фразой — «типичное не то». Работники аппарата так за глаза и прозвали Попкова, которого к тому же отличала глубокая и искренняя почтительность перед «Андреем Александровичем», что также служило поводом к шуткам.

Из начальства же иммунитетом к ждановскому юмору обладал, пожалуй, только Алексей Кузнецов. Его сильная личность не располагала к шуткам, да и сам Жданов, хорошо понимая законы управления людьми, никогда не отчитывал и не шутил над ним в присутствии коллег более низкого ранга. При этом Кузнецов откровенно подражал патрону, перенимая его приёмы работы. Отчасти это относилось ко всей верхушке ленинградской команды. Так, Жданов, готовясь к выступлениям — свои речи он всегда готовил сам, — раскладывал листы с черновиками по всему кабинету, расхаживая между ними. В итоге этот метод переняли многие ответственные работники Смольного.

Можно говорить даже о культе личности Жданова, сложившемся в его команде. Уже в 1980-е годы в беседе с историками один из работников обкома при Жданове, Всеволод Ильич Чернецов, с жаром отзывался о своём бывшем начальнике: «Самый образованный в партии! Второй Луначарский!.. Да не спорьте вы, раз не знаете! А я знаю — второй Луначарский!»^{274}

Такому имиджу способствовали обширная эрудиция, отличная память, способности хорошего рассказчика и откровенный, подчёркнутый интерес к новому в культуре и искусстве. Среди всех высших политических лидеров СССР Жданов был единственным, кто регулярно и чаще всех

посещал художественные выставки, Третьяковскую галерею, Эрмитаж...

Известна история, когда он советовал молодому композитору Соловьёву-Седому: «Василий Павлович, а не лучше ли взять этот аккорд несколько иначе?..» Начинаящий композитор конечно же почтительно соглашался. Впечатление на далёких от музыки очевидцев было самое сильное.

Считается, что к концу 1930-х годов в СССР установился «культ личности» Сталина. Это всё же упрощение — «культ личности» кремлёвского вождя вмещал в себя целый ряд «малых культов» его ближайших соратников, закономерно включая и «малый культ личности» нашего героя. Как пелось в «Ленинградском выборном марше», написанном в 1938 году:

От полюса до Дагестана
Родные для нас имена:
Калинин, Литвинов и Жданов —
Их знает и любит страна.

Даже Лев Троцкий из далёкой мексиканской эмиграции обиженно заметил: «...Ещё десять лет назад никто решительно в партии не знал самого имени Жданова... Это новый человек без традиций сталинской школы, т. е. из категории административных ловкачей. Его речи, как и статьи, носят черты банальности и хитрости... Если Сталин создан аппаратом, то Жданов создан Сталиным»^{275}.

Не стоит сводить коллективный «культ личности» эпохи Сталина к тщеславию кремлёвских вождей. В условиях всё ещё полуграмотной, по сути, крестьянской страны он создавался не только сверху, но и рождался самим обществом снизу. Одновременно этот «культ личности» служил весьма важным и действенным средством управления существовавшим тогда патриархальным социумом.

Добавим, что в те годы пели осанну не только Сталину и его ближайшим соратникам. Достигло апогея прославление полярников, лётчиков, стахановцев, сияли имена Чкалова, Папанина, Стаханова...

Глава 16.

ИМЕННОЙ ТАНК «АНДРЕЙ ЖДАНОВ»

Вторая половина 1930-х годов поставила перед нашим героем ещё одну, новую для него задачу. Ленинград был не просто вторым мегаполисом СССР. Здесь, во-первых, работал один из важнейших центров военной промышленности. Во-вторых, в Кронштадте была крупнейшая в стране военно-морская база самого сильного в СССР флота — Краснознамённого Балтийского. В-третьих, по результатам распада Российской империи город на Неве оказался nepозволительно близко к границам Финляндии и Эстонии. Всё это неизбежно ставило первого руководителя Ленинграда в центр всех военно-политических проблем СССР.

Ленинградская военная промышленность в 1930-е годы выросла более чем в три раза и давала почти треть всего военного производства СССР. Город играл ключевую роль в производстве брони, военных кораблей, тяжёлых танков, артиллерии, боевых самолётов, средств связи. Обеспечение роста и бесперебойной деятельности этих предприятий являлось одной из главных забот первого секретаря Ленинградского горкома и обкома.

Ленинградский военный округ (ЛВО) был одним из крупнейших и стратегически важных в стране, охватывал территорию всего Северо-Запада России — от Пскова до Мурманска, от Финского залива до вологодских лесов. Вскоре после нового назначения, ещё в 1935 году, Жданов становится и членом военного совета ЛВО. В сентябре того же года он наблюдает за большими военными манёврами округа. В отличие от проходивших в то же время «парадных» манёвров Киевского военного округа с участием иностранных военных наблюдателей манёвры ЛВО проводились без чужих глаз и предварительных репетиций. В итоге была вскрыта масса недостатков в организации и хозяйстве растущей армии — танки «выходят из боя» по техническим причинам, грузовики вязнут в неразведанных дорогах, нарушается управление и т. п.

Однако пока главное внимание Жданову приходилось уделять не армейским частям, а ленинградской военной промышленности. Её форсированное развитие, стремительный рост сложности техники неизбежно порождали организационные, ведомственные и личные конфликты — в суровых условиях 1930-х годов порой весьма острые и драматичные.

Уже летом 1935 года Жданову пришлось разбираться с докладной запиской начальника управления НКВД по Ленинградской области «О состоянии производства танков на Кировском заводе». В течение года Кировский завод должен был выпустить 30 новейших танков Т-28, но к лету сумел произвести лишь две машины. Танк разрабатывался ленинградскими конструкторами. Серийное производство этих трёхбашенных гигантов было начато на Кировском заводе только в предыдущем году. Поэтому производство сталкивалось со значительными организационными и техническими трудностями. Например, Ижорский завод не справлялся с поставками бронированных корпусов для Т-28, в течение 1935 года брак по броневому листу достигал 48 процентов.

По итогам ждановского разбирательства провели капитальную модернизацию ряда цехов и закупили за границей необходимые станки. Сборочные цеха были освобождены от параллельных заказов на многотонные прессы и краны, полностью переведены исключительно на работу с танками. Серийное производство Т-28 было отлажено к началу 1936 года.

С производством брони на Ижорском заводе пришлось разбираться отдельно. В 1933 году, когда началось массовое производство танков в СССР, на старейшем в городе, основанном ещё Петром I предприятии создали Центральную научно-исследовательскую броневую лабораторию. Её возглавил молодой инженер, в начале 1920-х годов беспризорник, а потом выпускник рабфака и Ленинградского горного института, 28-летний Андрей Завьялов. Лаборатория проделала внушительную исследовательскую работу по улучшению качества брони, разработке новых сортов и способов её производства. Однако новые технологии Завьялова не встретили понимания у руководства завода, которое на фоне роста заданий боялось ломать уже отлаженное производство. Возник конфликт.

Показательно, что в развернувшейся дискуссии партийный комитет завода поддержал молодого специалиста. Тем не менее руководство завода не желало рисковать и отвергло все перспективные начинания. Более того — начальник лаборатории Завьялов и его заместитель были уволены с завода. Тогда Завьялов обратился в Ленинградский обком партии к Жданову.

Жданов начал детальное разбирательство. В мае 1936 года Завьялов в сопровождении работников НКВД был отправлен в Москву на заседание СТО — Совета труда и обороны — центрального органа СССР, ведавшего военным производством и экономическими вопросами обороны. По итогам

заседания политбюро поручило Жданову выехать на Ижорский завод и лично разобраться в сущности «броневой» проблемы. Для изучения обстоятельств дела Ждановым была образована комиссия специалистов, которая, исследовав все детали и технические вопросы конфликта, сочла необходимым снять с работы всё руководство завода и восстановить в должности уволенного инженера Завьялова.

16 июня 1936 года Жданов провёл закрытое совещание с начальниками политотделов сорока четырёх соединений Л.В.О. Помимо всего прочего, обсуждалась и ситуация с производством и качеством военной продукции Ленинграда. Начальник политотдела 6-й танковой бригады заявил: «Танки Т-28 1934 года выпуска, сделанные на Кировском заводе, полностью боееспособными признать нельзя, но машины 1936 года выпуска показали на испытаниях прекрасные качества»^{276}.

6-я танковая бригада была одной из четырёх тяжёлых танковых бригад, созданных в декабре 1935 года в разных регионах СССР. Бригады оснащались ленинградскими танками Т-28 и считались стратегическим средством, входили в состав резерва Главного командования. 6-я танковая базировалась в Слуцке (бывшем Павловске), на окраине Ленинграда. Через три года бригада станет одним из ключевых участников прорыва линии Маннергейма. В следующем, 1937 году в состав бригады войдёт один именной танк Т-28 «Андрей Жданов» — на его левом борту и лобовой броне приварят металлические буквы с именем нашего героя^[7]. Танк «Андрей Жданов» будет регулярно участвовать в парадах на Красной площади в Москве, в 1940 году — успешно сражаться на Карельском перешейке и погибнет уже в ходе Великой Отечественной войны...

16 июня 1936 года, отвечая на вопросы военных о качестве боевых машин, Жданов счёл необходимым специально остановиться на недавних событиях вокруг Ижорского завода: «Не так давно Комиссия Обороны разгромила руководство Ижорского завода за качество брони. Руководство было снято. Они не работали над качеством брони и отстали. Ижорский завод является ведущим по броне на протяжении 6—8 лет. Это вопрос самой большой политики для нас. Мы ни перед чем не остановимся и будем поступать как на Ижорском заводе»^{277}.

23 декабря 1936 года в Смольном под руководством Жданова прошло закрытое совещание всех руководителей военных заводов и директоров гражданских предприятий Ленинграда, выполняющих крупные военные заказы. Особой критике Жданова подверглось теперь руководство Кировского завода — за медленный темп работ над проектами новых

танков с противоснарядным бронированием.

Через несколько месяцев, в 1937 году, восстановленный Ждановым в правах начальник броневой лаборатории 32-летний Завьялов назначается одновременно главным металлургом и заместителем главного инженера Ижорского завода. Жданов поставит его в известность, что руководство СССР возлагает на главного металлурга персональную ответственность за производство и качество брони. Со своими задачами Завьялов справится. Накануне Второй мировой войны именно он разработает лучшие сорта брони и новые технологии изготовления сварных корпусов и башен танков, которые позволят значительно повысить объёмы танкового производства.

История с уволенным и восстановленным металлургом не была единичной. Жданов умел находить и подбирать толковых специалистов самого разного профиля. Так, в Вятке, которая в 1920-е годы входила в Нижегородский край, заведующим агитационно-пропагандистским отделом работал бывший политкомиссар Гражданской войны тридцатилетний Михаил Кошкин. По предложению Жданова его направили на учёбу в Ленинградский политехнический институт на кафедру «автомобили и тракторы» — Нижегородской промышленности требовались свои специалисты, проверенные большевики с высшим техническим образованием^{278}. Окончание Кошкиным вуза совпало с началом ленинградского этапа биографии Жданова, и бывший партчиновник из Вятки остался на работе в танковом конструкторском бюро Кировского завода.

Через несколько лет Михаил Ильич Кошкин станет создателем самого известного в мире танка, лучшего танка Великой Отечественной войны — знаменитого Т-34.

В апреле 1937 года политбюро упраздняет Совет труда и обороны, взамен при Совнаркоме СССР образован Комитет обороны. В его состав включён и секретарь ЦК Андрей Жданов. Так наш герой официально входит в высший военно-экономический орган страны.

Ещё одним ярким примером уникальности многих выдвиженцев Жданова станет судьба Дмитрия Устинова, будущего Маршала Советского Союза, министра обороны СССР, бессменного главы всего военно-промышленного комплекса нашей страны на протяжении сорока лет. В 1937 году Устинов работал инженером в конструкторском бюро завода «Большевик». Завод «Большевик», бывший Обуховский завод, один из крупнейших и старейших в городе на Неве, наряду с Путиловским — важнейший центр металлургии и машиностроения.

В конце 1920-х Дмитрий Устинов работал слесарем на Балахнинском

бумажном комбинате, который строился в Горьковском крае под руководством Жданова. В начале 1930-х годов молодой комсомолец по распоряжению партии направлен в Ленинград на учёбу в Военно-механический институт — ныне знаменитый Технический университет «Военмех», носящий имя Устинова.

«Всё произошло быстро и для меня неожиданно, — вспоминал один из мартовских дней 1938 года Дмитрий Устинов. — Однажды вечером мне сообщили, что, поскольку главный конструктор завода болен, мне, как его заместителю, придётся докладывать завтра А.А. Жданову о работе конструкторского бюро. Времени на подготовку было очень мало. О составлении письменного доклада не могло быть и речи. Только продумал его содержание и набросал план.

В назначенное время прибыл в Смольный. Андрей Александрович вначале расспросил, давно ли я в партии, получаю ли моральное удовлетворение от новой работы, как идут дела на заводе, как живу и не тесно ли в одной комнате с семьёй в четыре человека. Беседа приняла непринуждённый характер. Я доложил о работе конструкторского бюро, об узких местах, трудностях, высказал свои соображения о том, что желательно сделать в ближайшее время и в перспективе. По-видимому, мой доклад и ответы на заданные им вопросы удовлетворили А.А. Жданова. Заканчивая разговор, он спросил, как мне удалось за короткое время изучить производство. Я ответил, что тесные связи с заводом у меня установились задолго до перехода туда, а работа в конструкторском бюро, ежедневное посещение основных цехов и активное участие в жизни заводской парторганизации позволили быстро вникнуть и в общее состояние дел, и в проблемы дальнейшего развития предприятия»^{279}.

Вскоре последовала ещё одна встреча со Ждановым, после чего тридцатилетнего инженера отправили в Москву на «смотрины» в ЦК партии. Там ему и предложили возглавить завод «Большевик».

«Возвратившись из Москвы, — вспоминал Устинов, — я прямо с вокзала поехал на завод. Поднялся на второй этаж заводоуправления. Зашёл в кабинет директора, сел за стол и задумался о том, как и с чего начать работу в новой должности.

Мои раздумья прервал телефонный звонок.

— Товарищ Устинов? — спросила телефонистка. — С вами будет говорить товарищ Жданов.

Тотчас в трубке раздался знакомый голос:

— Здравствуйте, товарищ Устинов.

— Здравствуйте, Андрей Александрович.

— Давно ли возвратились? Всё в порядке? Хорошо. Входите в курс дела. А завтра прямо с утра прошу ко мне. И секретаря парткома с собой пригласите. Договорились? Ну, до встречи.

В трубке раздались короткие гудки, а я всё продолжал держать её возле уха...»^{280}

Следующим утром новый директор вместе с секретарём заводского парткома Василием Рябиковым прибыл в Смольный на приём к Жданову.

«Андрей Александрович, — рассказывает Устинов, — поднялся нам навстречу, крепко пожал руки, поздравил меня с назначением.

— Ну вот, — сказал он с удовлетворением, — теперь у вас упряжка получится сильная. Должна получиться! Ведь вы с Рябиковым, если не ошибаюсь, знакомы давненько и далеко не шапочно. Знаний вам не занимать. Порох тоже, мне кажется, есть в достатке. Верно? Ну а опыт — дело наживное.

Всё это Жданов говорил, пока мы шли от середины просторного кабинета, где он нас встретил, к столу, пока усаживались на стулья, говорил приветливо и просто. И я почувствовал, как схлынуло напряжение, в мыслях появилась спокойная, созвучная ждановскому тону ясность.

— А завод ваш пока работает плохо, — продолжал он. — Вы знаете не хуже меня, что уже несколько лет не выполняется государственный план. И это при тех богатых технических возможностях, которыми завод располагает. Вы задумывались, почему так происходит? Ведь и люди у вас прекрасные, и работать по-настоящему умеют. Но на заводе нет должного порядка, дисциплины, ответственности за порученное дело. Люди устали от штурмовщины и безалаберности. Вы замечали, как утомляет людей отсутствие дисциплины? Неорганизованность ставит в положение отстающих даже хороших работников. Значит, что для вас сейчас самое важное, самое главное? Дисциплина. Наша, большевистская, сознательная дисциплина, дисциплина действия, инициативы, активности... Надо помнить, что и технология, и ремонт оборудования, и чертёжное хозяйство — всё это вопросы и политические, вопросы работы с людьми»^{281}.

При всей приглаженности воспоминаний Устинова, в этих отрывках хорошо чувствуется стиль работы и общения Жданова. «Вопросы работы с людьми», подбора и расстановки кадров, которые решают всё, были главными для нашего героя. Правда, далеко не для всех такая работа с ними в те годы кончалась благополучно... Но Устинов и Рябиков, тоже молодой инженер и новичок на посту секретаря парткома, испытание ответственным назначением выдержали — оба на долгие десятилетия

обрели блестящую карьеру в советском военно-промышленном комплексе. В годы Великой Отечественной войны Дмитрий Устинов станет наркомом вооружений СССР — и это тоже можно рассматривать как блестящий успех нашего героя в работе с людьми.

Как руководитель Ленинграда с его крупнейшей в стране военно-морской базой и судостроительной промышленностью, Жданов вынужден был вникать и в новые для него вопросы морского флота. Напомним, что в середине 1930-х годов Ленинградская область включает и Кольский полуостров с Мурманском, так что в сферу интересов нашего героя попадает не только Балтийский флот, но и недавно созданная Северная флотилия.

Впервые с вопросами военного судостроения Жданов познакомился ещё в Нижегородском крае — в 1930 году завод «Красное Сормово» начал строительство первых советских подводных лодок. Тогда это был один из начальных шагов на пути возрождения отечественных морских сил, пребывавших после Гражданской войны в весьма плачевном состоянии. К середине 1930-х годов результаты индустриализации уже позволяли строить планы возрождения большого флота. Именно в это время наш герой, в силу стечения указанных выше обстоятельств, становится в ЦК партии главным куратором вопросов судостроения и всей военно-морской политики.

30 декабря 1937 года из Наркомата обороны выделяется и создаётся самостоятельный Народный комиссариат Военно-морского флота СССР. В марте 1938 года образован Главный военный совет ВМФ, куда вошли командующие флотами Лев Галлер, Иван Исаков, Николай Кузнецов, Гордей Левченко и другие флотоводцы. Единственным «гражданским» среди этих будущих адмиралов был секретарь ЦК Андрей Жданов.

В Наркомате ВМФ, как и в иных сферах государственного строительства, для выполнения насущных задач Ждановым будет применяться всё тот же приём — решительное выдвижение наверх молодых, перспективных специалистов. Их, уже получивших необходимые технические знания, но ещё не имеющих нужного политического и жизненного опыта, бросали на решение сложнейших проблем. Те, кто справлялся, обретали стремительную и блестящую карьеру, неудачников ждал столь же быстрый крах... Именно так молодой советский флот получил и самого молодого наркома.

В декабре 1938 года в Москве прошло заседание Главного военного совета ВМФ с участием командующих всех флотов. На заседании совета Жданов впервые озвучил перед флотоводцами решение партии и

правительства о создании большого морского и океанского флота. 19 декабря 1938 года заключительное заседание совета прошло в Андреевском зале Большого Кремлёвского дворца. Помимо флотского начальства и Жданова на нём присутствовали Сталин, Молотов и Ворошилов. На следующий день, 20 декабря в Грановитой палате Кремля состоялся торжественный правительственный приём в честь военных моряков.

У флота к тому времени фактически не было руководителя — новый нарком, бывший чекист Фриновский оказался явно не на своём месте, текущие дела наркомата вёл его первый заместитель Пётр Смирнов, недоучившийся студент Петербургского политеха, в октябре 1917-го ставший комиссаром сводного отряда балтийских моряков. Он подписывал свои распоряжения псевдонимом революционных лет — Смирнов-Светловский — и почти открыто претендовал на первый пост в ВМФ.

Но среди командующих флотами высшему руководству СССР приглянулся самый молодой — 34-летний флагман 1-го ранга Николай Герасимович Кузнецов. Сын архангельского крестьянина, он пятнадцатилетним подростком в конце Гражданской войны попал на флот. В 1920-е годы с отличием окончил Военно-морское училище в Петрограде. В начале 1930-х Кузнецов успешно командовал крейсером на Чёрном море, а в 1936—1937 годах участвовал в боевых действиях испанской гражданской войны в качестве главного военно-морского советника республиканского правительства. С января 1938 года Кузнецов командовал Тихоокеанским флотом, отличившись стремлением противодействовать развернувшемуся на флоте репрессиям — по этому поводу он обращался даже в ЦК партии.

Уже в конце февраля 1939 года командующий Тихоокеанским флотом снова прибыл в Москву, на этот раз как участник XVIII съезда ВКП(б). Здесь Кузнецов, весьма неожиданно для себя, был избран в состав ЦК.

Кузнецов вспоминал: «Меня вызвали на экстренное заседание Главного военного совета ВМФ. Повестку дня не сообщили.

Заседание открыл П.И. Смирнов-Светловский и сразу же предоставил слово А.А. Жданову.

— Предлагаю обсудить, соответствует ли своей должности первый заместитель наркома Смирнов-Светловский, — объявил неожиданно Жданов.

Смирнов, сидевший на председательском месте, помрачнел и опустил голову. Прений не получилось. Опять слово взял А.А. Жданов:

— В Центральном Комитете есть мнение, что руководство наркоматом следует обновить. Предлагается вместо Смирнова-Светловского первым

заместителем наркома назначить товарища Кузнецова.

Жданов посмотрел в мою сторону. Повернулись ко мне и другие члены Совета. Несколько голосов не очень уверенно поддержали предложение.

В тот же день мне был вручён красный пакет с постановлением о назначении на новую должность»^[282].

Через два дня, 26 марта 1939 года, так и не успевший сдать дела Кузнецову, бывший первый замнаркома ВМФ Смирнов-Светловский был арестован. Его обвинят в провалах подготовки флота и через год расстреляют.

Новый замнаркома пребывал в понятной растерянности. «Итак, я стал первым заместителем народного комиссара Военно-морского флота, — вспоминал он позднее, — а самого наркома всё ещё не было. Говорили, будто Фриновский отдыхает на даче. Между тем в кабинете на огромном столе лежала гора бумаг, требовавших решения. Я поехал к А.А. Жданову посоветоваться, как быть.

— Решайте сами, а по наиболее крупным или сомнительным вопросам звоните мне, — сказал он. — Поможем».

Темпы работ были стремительны, и долго сидеть в кабинете молодому начальнику не дали. Ещё через два дня, как вспоминает Кузнецов, «Жданов сообщил, что ему и мне предложено срочно выехать во Владивосток и Хабаровск для подготовки некоторых вопросов. Я принялся было объяснять, что в Москве скопилась куча нерешённых дел, но он прервал меня:

— Бумаги могут подождать. Советую вам и не заикаться о них у товарища Сталина».

В последний день марта 1939 года на Дальний Восток отправилась представительная делегация — этот регион, граничащий с Японией, первоклассной военной державой тех лет, вызывал у руководства СССР обоснованную тревогу. Локальные военные конфликты в районах Хасана и Халхин-Гола 1938—1939 годов кажутся незначительными лишь на фоне размаха сражений Второй мировой — в действительности же они были вполне серьёзной, хотя и необъявленной, советско-японской войной. Не случайно в 1938 году все армейские части в Забайкалье и на Дальнем Востоке были объединены в Дальневосточный фронт.

Поезд из Москвы во Владивосток шёл тогда ровно девять суток. Вместе со Ждановым и Кузнецовым ехали командующий Дальневосточным фронтом комбриг Григорий Штерн и секретарь Приморского крайкома ВКП(б) Николай Пегов. Во всей этой высокопоставленной компании больших руководителей только Жданов

недавно перевалил сорокалетний рубеж. Он же был самым старшим не только по возрасту. Кузнецов вспоминал: «В пути мы часто собирались вместе, говорили о делах, а то и шутили, вспоминали дни, проведённые в Москве. Особенно много мне приходилось беседовать со Ждановым. Андрей Александрович живо интересовался людьми нашего флота, руководителями наркомата. Это было естественно: ведь в ЦК флотскими делами занимался он.

Столь же охотно он отвечал на все мои вопросы, подробно рассказывал о внешней политике нашего государства, причём многое я услышал от него впервые. В ту пору начинался новый этап международных отношений. Гитлер спешил со своими агрессивными планами.

Словом, тучи на европейском политическом горизонте быстро сгущались.

— Неужели это может перерасти в большую войну? — спрашивали мы Жданова.

— Совместными усилиями миролюбивых стран мы должны предупредить такой роковой оборот событий, — отвечал Андрей Александрович.

К этой теме возвращались не раз... Большая судостроительная программа требовала длительного времени. Успеет? Этот вопрос сильно беспокоил меня, и я спросил Жданова:

— Как будет с нашей программой, если события начнут быстро принимать опасный оборот?

— Программа будет выполняться, — ответил он.

Не знаю, был ли он действительно убеждён в этом или сказал так, чтобы не вселять сомнений в нового работника наркомата».

Во Владивосток прибыли 8 апреля 1939 года. Жданов выступил с речью на собрании местного партийного актива — государственные руководители столь высокого ранга не часто попадали на противоположный край России. Он посетил предприятия города, строящиеся корабли, армейские и флотские части.

10 апреля Жданов на эскадренном миноносце «Войков» участвовал в учебном походе. В 1936 году этот эсминец Краснознамённого Балтийского флота убыл из Ленинграда во Владивосток — за три месяца он по Беломорско-Балтийскому каналу и сложнейшему Северному морскому пути прибыл на Дальний Восток для усиления Тихоокеанского флота. Это сейчас Беломорканал, одно из крупнейших и самых сложных гидросооружений с важным экономическим и стратегическим значением, ассоциируется исключительно со строившими его заключёнными. При

этом никто не помнит, что по количеству жертв Беломор вполне равен каналу Панамскому. Забыты подвиг и значение Северного морского пути. Между тем в конце 1930-х годов наш герой был прямо причастен к созданию самого настоящего культа «полярников» — многомесячную ледовую одиссею экспедиции Ивана Папанина в 1937—1938 годах благодаря Жданову с замиранием сердца переживала вся наша страна. С 1939 года Папанин и участники его экспедиции работали в Ленинграде руководителями Главсевморпути и Арктического института. Радист папанинской экспедиции Эрнст Кренкель вспоминал, как на правительственном приёме в Кремле в честь возвращения папанинцев с Ледовитого океана, Жданов, выпив с ним и Будённым немало рюмок, рассказывал о своём юношеском увлечении метеорологией...

Но вернёмся к дальневосточной командировке секретаря ЦК. На эсминце «Войков» Жданов вместе с командующим Тихоокеанским флотом Иваном Юмашевым из Владивостока прошли сотню морских миль к югу, войдя в залив Находка. С развитием океанского флота Владивосток предполагалось сделать закрытой военно-морской базой, а торговый порт перенести к югу — в ходе дальневосточной инспекции наш герой должен был решить и этот вопрос.

Жданов лично на миноносце осмотрел залив Находка и, по свидетельству очевидцев, высказался: «На этом месте будет прекрасный город-порт». Действие вполне в духе Петра I. Строительство начнут на месте деревеньки Американка, безнаказанно расстрелянной в 1919 году орудиями британского крейсера «Кент». Базу и город будут строить зэки ГУЛАГа.

Прощаясь с моряками эсминца «Войков», Жданов оставил собственноручную запись в книге почётных посетителей корабля: «Желаю личному составу эсминца здоровья и отличных успехов в боевой и политической подготовке, с тем чтобы в первых рядах РК ВМФ нести боевую вахту в дальневосточных водах и быть готовыми в любой момент нанести смертельный удар противнику, осмелившемуся поднять грязную лапу на священные границы Советского Союза. Крепко жму ваши руки. Андрей Жданов»^{283}.

Как мы помним, в общении с «народом» Жданов был подчёркнуто прост и доступен, без начальственной строгости. На эсминце он запросто общался с краснофлотцами и, по воспоминаниям Николая Кузнецова, особенно отметил корабельного военкома, 26-летнего Михаила Захарова: «Хороший комиссар на этом корабле». Через 30 лет Захаров станет адмиралом флота.

Кузнецов в мемуарах опишет ещё одну, более чем красноречивую мизансцену с участием Жданова, разыгравшуюся в те же дни:

«Мы сидели в бывшем моём кабинете. Его хозяином стал уже И.С. Юмашев, принявший командование Тихоокеанским флотом после моего назначения в наркомат. Адъютант доложил:

— К вам просится на приём капитан первого ранга Кузнецов.

— Какой Кузнецов? Подводник? — с изумлением спросил я.

— Он самый.

Меня это так заинтересовало, что я прервал разговор и, даже не спросив разрешения А.А. Жданова, сказал:

— Немедленно пустите!

Константин Матвеевич тут же вошёл в кабинет. За год он сильно изменился, выглядел бледным, осунувшимся. Но я ведь знал, откуда он.

— Разрешите доложить, освобождённый и реабилитированный капитан первого ранга Кузнецов явился, — отрапортовал он.

Андрей Александрович с недоумением посмотрел на него, потом на меня. "К чему такая спешка?" — прочитал я в его глазах.

— Вы подписывали показание, что являетесь врагом народа? — спросил я Кузнецова.

— Да, там подпишешь. — Кузнецов показал свой рот, в котором почти не осталось зубов.

— Вот что творится, — обратился я к Жданову. В моей памяти разом ожило всё, связанное с этим делом.

— Да, действительно, обнаружилось много безобразий, — сухо отозвался Жданов и не стал продолжать этот разговор».

После Находки наш герой планировал посетить и Комсомольск-на-Амуре, где в начале 1930-х годов на месте нанайского стойбища начали строить авиационный и судостроительный заводы. Но Сталин неожиданно срочно вызвал секретаря ЦК в Москву. Как вспоминал Кузнецов, «пришлось вызвать людей из Комсомольска в Хабаровск, чтобы там буквально на ходу, в поезде, встретиться с ними.

Возвращались мы с Андреем Александровичем вдвоём. Времени для бесед было больше, чем по дороге во Владивосток. Говорили об Испании и наших товарищах, побывавших там в качестве волонтеров. Жданов расспрашивал о К.А. Мерецкове, Я.В. Смушкевиче, Н.Н. Воронове, Д.Г. Павлове, П.В. Рычагове, И.И. Проскурове и других. Многие из них уже вернулись и занимали ответственные посты. Он интересовался, кого из руководящих работников наркомата я знаю хорошо. Положение там было всё ещё неясно: Фриновского освободили, но на его место пока никого не

назначили.

Прежде всего я рассказал о Льве Михайловиче Галлере, которого хорошо знал как человека с огромным опытом, пользующегося среди моряков большим авторитетом, честного и неутомимого работника. Мне было приятно, что Жданов согласился с этой характеристикой...

Несколько раз Андрей Александрович принимался расспрашивать меня об И.С. Исакове, которого он должен был знать лучше меня: они ведь были знакомы ещё по Балтике...

— Почему вы предложили именно Юмашева? — поинтересовался Жданов...

— На Тихом океане командующему предоставлена большая самостоятельность. Там нужен человек с опытом. У Юмашева такой опыт есть, а все остальные командующие — ещё новички, — пояснил я свою мысль...

Говорили мы и о Г.И. Левченко, и о В.Ф. Трибуце. Последнего хорошо знали оба. Жданов — как начальника штаба Балтийского флота, я же с Трибуцем сидел на одной скамье в училище и академии. Когда Левченко перевели на работу в Москву, Трибуцу предстояло занять его место, то есть стать командующим Балтийским флотом. О многих руководителях флота говорили мы тогда.

— Вот уж никогда не думал, что врагом народа окажется Викторов, — сказал Андрей Александрович.

В его голосе я не слышал сомнения, только удивление. Викторова — бывшего комфлота на Балтике и Тихом океане, а затем начальника Морских сил — я знал мало. Всплывали в разговоре и другие фамилии — В.М. Орлова, И.К. Кожанова, Э.С. Панцержанского, Р.А. Муклевича... О них говорили как о людях, безвозвратно ушедших. Причины не обсуждались».

Как видим, Жданов с Кузнецовым обсуждает как живых, так и уже мёртвых. Некоторым, кто на момент разговора был ещё жив, предстоит очень скоро умереть — они, будучи выдвинуты наверх, не справились с непосильными задачами. В отрывке из мемуаров Кузнецова, который мы процитировали, упомянуты 17 человек, из них пять расстреляны на момент разговора, пять будут расстреляны в ближайшие несколько лет, один умрёт в заключении, двое будут под следствием и удачно избегут самого страшного. Лишь четверых не затронут репрессии...

Более чем неделю, проведённую в поезде, они говорили о многом. Через три десятилетия Кузнецов вспоминал:

«— А вы, Андрей Александрович, не думаете принять участие в учениях и походах кораблей? — спросил я.

Флотские дела во многом зависели от Жданова, и мне хотелось, чтобы он знал их по возможности лучше.

— С большим удовольствием, — живо отозвался он. — Охотно поеду. Вот только вырваться бывает не всегда легко...

О себе Жданов говорил мало, хотя был интересным рассказчиком. Во время выступлений на собраниях и митингах он обычно зажигался, речи его отличались страстностью, горячностью, большим темпераментом.

Когда мы проехали Каму и Пермь, Жданов заметил, что воевал в тех краях, потом несколько лет работал секретарём крайкома в Горьком.

— Вообще я больше речник, чем моряк, но корабли люблю, — признался как-то Андрей Александрович.

Назвав себя «речником», Жданов не шутил и не лукавил — как показывают сохранившиеся рабочие документы, за долгие годы руководства огромным Нижегородским краем он на профессиональном уровне изучил судоходство Волги и Камы.

В столицу СССР секретарь ЦК и первый заместитель наркома ВМФ вернулись в 20-х числах апреля. 27 апреля 1939 года в Кремле состоялось совещание, о котором Кузнецов позднее вспоминал: «Разговор шёл о результатах поездки на Дальний Восток. Присутствовали все члены Политбюро. Жданов рассказывал о своих впечатлениях от Находки:

— Это действительно находка для нас.

Тут же было принято решение о создании там нового торгового порта.

Жданов рассказал о делах Приморского края, о Тихоокеанском флоте. Когда я уже собирался уходить, Сталин обратился к присутствующим:

— Так что, может быть, решим морской вопрос? Все согласились с ним.

Хотелось спросить, что это за морской вопрос, но показалось неудобным.

Из Кремля заехал домой. Когда вернулся на службу, на столе обнаружил красный пакет с Указом Президиума Верховного Совета СССР о моём назначении Народным комиссаром Военно-Морского Флота СССР».

Вот так Сталин и Жданов «решили морской вопрос», назначив высшим руководителем флота 34-летнего моряка. Оглядываясь на историю, признаем, что в этом выборе они не ошиблись. Нельзя сказать, что Кузнецов воспринял своё назначение спокойно: «Быстрый подъём опасен не только для водолазов». Четыре его предшественника были расстреляны на этом посту. И новый нарком начал работать с нечеловеческим усердием.

Трудился он под непосредственным кураторством Жданова, оставил немало воспоминаний о специфике труда в верхних эшелонах: «В

московских учреждениях тогда было принято работать допоздна. Приём у наркома в два часа ночи считался обычным делом... Сидишь, бывало, в приёмной и с трудом пересиливаешь дремоту... Но нет худа без добра! В такое время особенно удобно говорить по телефону: в Москве спят, линия не занята, а во Владивостоке люди на местах». Отметил Кузнецов и такую особенность (опытный капитан царских времён Лев Галлер назвал её «медовым месяцем») — первое время молодому назначенцу на ответственный пост в сталинской системе власти давался фактически «конт-бланш» на принятие решений и доступ к высшему руководству, дальнейшее зависело от результатов его труда.

Помимо практических мер по повышению боеспособности флота, не забыли и моральную составляющую — 22 июня 1939 года Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли постановление о ежегодном праздновании Дня Военно-морского флота в каждое последнее воскресенье июля — дата устанавливалась от первой победы русского флота Петра I в сражении у мыса Гангут. Полуостров Гангут (Ханко) расположен совсем недалеко от Ленинграда, и нашему флоту буквально через несколько месяцев вновь придётся сражаться именно здесь...

На конец июля были запланированы и первые большие манёвры КБФ — Краснознамённого Балтийского флота. «В конце июля, — вспоминает Кузнецов, — вместе с А.А. Ждановым выбрались на Балтику, где проходило большое учение.

Два дня мы пробыли в Ленинграде. А.А. Жданов показывал места нового жилищного строительства на Охте и Международном проспекте.

— Обсуждали возможность строительства города по берегам Финского залива. Места там хорошие, но слишком близко от границы, — сказал Жданов...»

Осматривая город вместе с наркомом флота, наш герой принял решение о создании в центре Ленинграда в здании Биржи на стрелке Васильевского острова объединённого Военно-морского музея.

«Из Ленинграда мы выехали в Кронштадт, — вспоминал Кузнецов. — Едва поднялись на борт линкора, как эскадра снялась с якоря. Корабли по узкому фарватеру вытянулись на морские просторы. Впрочем, о просторе можно было говорить тогда очень условно: залив у Кронштадта совсем не широк, и оба берега хорошо видны с борта корабля. Не успели мы пройти несколько десятков миль, как оказались среди чужих островов. Эскадра шла мимо Сескара, Лавенсари, Готланда под недружелюбными взглядами направленных на нас дальномеров...»

Жданов вместе с наркомом флота, командующим КБФ и другим

флотским начальством находился на борту линкора «Октябрьская революция», до революции — «Гангут». В море вышла вся недавно сформированная боевая эскадра Балтфлота — старые линкоры «Марат» и «Октябрьская революция», первый крейсер советской постройки «Киров», эсминцы, включая новейшие, подводные лодки, вспомогательные суда.

У выхода из Финского залива, на траверзе Таллина и Хельсинки офицеры, служившие ещё во времена царского флота, показывали Жданову расположение минно-артиллерийской позиции, надёжно прикрывавшей Петроград в годы Первой мировой войны. Для создания подобной защиты Ленинграду необходим был контроль над побережьем Финляндии и Эстонии. Член политбюро товарищ Жданов хорошо знал о ближайших политических планах сталинского руководства по поводу этих земель...

Учения продолжались трое суток. Флот вышел в центральную Балтику, обогнул шведский остров Готланд. Корабли проводили артиллерийские стрельбы, отрабатывали иные задачи. «Учение такого масштаба в предвоенный период проводилось на Балтике впервые и было насыщено решением огневых и тактических задач»^[284], — сообщает официальная история Балтфлота. Как это ни покажется странным, но Жданов с тех пор остаётся единственным государственным руководителем столь высокого ранга, кто лично принимал участие в военно-морских манёврах такого масштаба и продолжительности.

На борту линкора «Октябрьская революция» вместе со Ждановым и командованием флота находился и корреспондент газеты «Правда» Николай Михайловский. Он оставил воспоминания о тех днях:

«Старые моряки и по сию пору вспоминают поход балтийской эскадры летом 1939 года с участием члена Главного военного совета Военно-морского флота СССР А.А. Жданова и наркома Военно-морского флота адмирала Н.Г. Кузнецова. Это был не только экзамен для моряков, но и своеобразная демонстрация боевой мощи нашего растущего флота...

Поход продолжался трое суток. Вернулись в Кронштадт утром. На Большом рейде состоялся митинг. Выступил Андрей Александрович Жданов. Я его речь записал почти слово в слово, а потом сфотографировал его в кругу краснофлотцев»^[285].

Чтобы завизировать подготовленный материал, молодого корреспондента направили тогда в Смольный к личному секретарю нашего героя — Александру Кузнецову^[8]. «Взяв мои листки, — вспоминает Михайловский, — Александр Николаевич скрылся за дубовой дверью. Вернулся он не скоро. Показал на несколько мелких поправок и заключил:

— Остальное в порядке. Можете печатать.

Так, 20 июля 1939 года обширная корреспонденция о походе Балтийской эскадры появилась на первой полосе "Правды" вместе со сделанной мною фотографией на четыре колонки, изображающей А.А. Жданова среди моряков линкора "Октябрьская революция"»^{286}.

Июльские учения Балтфлота закончились практическими выводами. Уже 5 августа 1939 года нарком ВМФ Кузнецов представил Жданову расчёты по выполнению «10-летнего плана строительства РК ВМФ». Кузнецов и Жданов разбили план на два этапа — текущий пятилетний план судостроения на 1938—1942 годы и перспективную пятилетнюю программу на 1943—1947 годы. К концу 1940-х годов СССР должен был получить серьёзный океанский флот с линкорами и тяжёлыми крейсерами собственной постройки.

«Большой флот» во все времена и у всех народов был тесно связан с большой политикой. После состоявшихся в 1937 году выборов, 17 января 1938 года, Жданов был избран председателем Комиссии по иностранным делам при Верховном Совете СССР. Примечательно, что предложение избрать его на этот пост официально внёс другой такой же депутат — Лаврентий Берия, ещё один сталинский фаворит 1930-х годов. На этой должности Жданов должен был дополнить официальную политику Наркомата иностранных дел. С одной стороны, «комитет Жданова» не был связан жёстким дипломатическим протоколом и мог позволить себе нечто большее, чем официальные дипломаты. При этом наш герой уже был слишком сильной и известной фигурой в высшем руководстве СССР, чтобы иностранные государства и их представители могли игнорировать его неофициальные шаги и заявления на этом сугубо «парламентском» посту.

Работу Комиссии по иностранным делам Верховного Совета СССР Жданов начал весьма решительно. На первом её заседании, состоявшемся в августе 1938 года, он наметил в качестве приоритета изучение всех существующих договоров с соседними странами с целью обнаружения выгодных или, напротив, дискриминационных для СССР положений. Жданов настаивал на необходимости обращаться к местным источникам в поисках информации о пограничных инцидентах. В качестве объектов изучения были выбраны на востоке Иран и Афганистан, на западе — страны Прибалтики, Польша и Румыния. По итогам индустриализации СССР уже не был слабой страной и мог позволить себе надавить на ближайших соседей в собственных интересах. «Парламентская» комиссия Жданова стала трибуной, с которой озвучивались те новые послания СССР миру, которые не могла сразу выдвинуть официальная дипломатия.

15 июля 1938 года Жданов получил ещё одну представительскую должность — он был избран председателем Верховного Совета РСФСР. Его заместителями на этом посту стали глава правительства советского Татарстана Амин Тынчеров и симпатичная блондинка из ждановского Ленинграда ткачиха Прасковья Макарова, возглавлявшая профессиональный союз рабочих хлопчатобумажной промышленности Московской и Ленинградской областей. Молодая женщина в «парламенте», конечно, играла и сугубо представительскую роль — в 1938 году женщин-парламентариев в мире можно было сосчитать по пальцам, а тут большевики показали миру первую на планете женщину, занявшую пост «вице-спикера»...

Специфика революционного происхождения и официальной идеологии привела к тому, что у нашей страны тогда был ещё один весьма нетрадиционный «внешнеполитический» орган — Коминтерн. Уже летом 1935 года на 7-м Конгрессе Коммунистического интернационала Жданов по предложению Сталина был официально избран представителем ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна. Генеральным секретарём Исполкома Коминтерна выдвинули Георгия Димитрова. Дневники Георгия Димитрова сохраняют упоминания о его многочисленных встречах со Ждановым в 1939—1941 годах, когда ими совместно со Сталиным выработывалась политика Коминтерна и решалась судьба этой организации накануне и в начале мировой войны.

В тот напряжённый период сталинское руководство рассматривало сложнейшую и судьбоносную дилемму — как из списка старых врагов выбрать союзников в будущей мировой войне. Что таковая более чем вероятна, тогда уже мало кто сомневался. Не станем углубляться в перипетии переговоров с англо-французской коалицией и за кулисы знаменитого пакта Молотова—Риббентропа, отметим лишь следы деятельности нашего героя на этой ниве. Накануне мировой войны Андрей Жданов принимает самое деятельное участие в обсуждении членами политбюро отношений с Англией, Францией и Германией. Ему же Сталин зачастую поручает соответствующие выступления в советской печати — как глава «парламентской» комиссии иностранных дел, Жданов мог дать неформальные, но вполне авторитетные сигналы для западных руководящих элит.

Особенно ярко это проявилось в июне 1939 года, когда в Кремле стало понятно, что трёхсторонние советско-франко-британские переговоры о заключении договора взаимопомощи фактически саботированы западной стороной. После срыва этой единственной возможности предотвратить

начало большой войны советское руководство решительно меняет вектор усилий. И 29 июня 1939 года в «Правде» появляется статья Жданова под говорящим названием «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР».

Констатируя, что переговоры с французами и англичанами зашли в тупик, автор в самом начале пишет: «Я позволю себе высказать по этому поводу моё личное мнение, хотя мои друзья и не согласны с ним»^{287}. Статья — сплошной и прозрачный намёк всем великим державам Европы — Англии, Франции и Германии. «Друзья» Жданова тут для каждого более чем прозрачны — Сталин и Молотов. «Они, — пишет об этих «друзьях» Жданов, — продолжают считать, что английское и французское правительства, начиная переговоры с СССР о пакте взаимопомощи, имели серьёзные намерения создать мощный барьер против агрессии в Европе. Я думаю и попытаюсь доказать фактами, что английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР, то есть такого договора, на который только и может пойти уважающее себя государство, и что именно это обстоятельство является причиной застойного состояния, в которое попали переговоры».

Далее в «личном мнении» Жданова следует весьма лаконичный и логичный для читателя перечень претензий к партнёрам по переговорам, прежде всего к Англии. «Мне кажется, — завершает свою статью Андрей Жданов, — что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре, для того чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами. Ближайшие дни должны показать, так это или не так».

Подписана статья тоже показательно: «Депутат Верховного Совета СССР А. Жданов».

В форме изложения «личного» мнения «парламентария» Жданова руководители СССР сумели веско и доходчиво высказать всё то, что невозможно было сделать официальными дипломатическими путями. Фактически это был ультиматум Англии и Франции: либо они идут на уступки интересам СССР, либо Союз будет искать средства обеспечения своей безопасности на других путях — а это уже был более чем понятный намёк для Германии.

Посол Германии в СССР Шуленбург тут же сигнализирует в Берлин о самом серьёзном значении данной публикации — поясняя Адольфу Гитлеру, что Жданов — «доверенное лицо Сталина», а «статья написана по

приказу сверху»^{288}. С этого момента и отсчитывается начало недолгого советско-германского сближения.

В записной книжке Жданова за 1939 год присутствуют отдельные обрывочные фразы, хорошо отражающие уже не газетный, а по-настоящему личный взгляд нашего героя на хищный мир внешней политики:

«Тигры и их хозяева.

Хозяева тигров нацелили на Восток.

Сифилизованная Европа.

Повернуть тигров в сторону Англии.

Англия — профессиональный враг мира и коллективной безопасности.

Не жалеет средств для дискредитации Советского Союза.

Отвести войну на Восток — спасти шкуры.

Возможно ли сговориться с Германией?»^{289}

Вероятнее всего, это заметки, которые наш герой делал во время бесед со Сталиным. Для человека, знакомого с политическими раскладами накануне Второй мировой войны, даже такие отрывочные строки говорят об очень многом.

Историк Александр Некрич пишет: «Просматривая архивный фонд А.А. Жданова, я обратил внимание на довольно обширное письмо некоего Золотова В. П., члена ВКП(б) с 1928 года, жителя Москвы. Письмо заинтересовало меня прежде всего тем, что Жданов хранил его среди своих наиболее важных бумаг. Хотя дата на письме отсутствует, но по ряду признаков оно безусловно написано в 1939 году, когда вырисовывалась возможность соглашений с обеими группировками — англо-французской и германской. Золотое исходит из того, что главный враг Советского Союза — это Англия. По его мнению, основная задача советской внешней политики заключается в том, чтобы способствовать развязыванию войны между Германией и Англией. "Англию надо бить, — пишет Золотое, — но бить английским методом, т. е. чужими руками"... Эти слова подчеркнуты Ждановым фиолетовыми чернилами»^{290}.

Конечно, можно осуждать нашего героя и его «друзей» за циничное желание столкнуть лбами конкурентов и загрести жар чужими руками. Но для этого надо забыть, что такой здоровый цинизм присущ ответственной власти всех времён и народов. Тут сталинская команда совсем не исключение среди лидеров великих держав XX века. Если же рассматривать историю с точки зрения интересов нашей страны, то можно только приветствовать попытку советского руководства дать мощнейшим и

враждебным силам планеты истощить себя во взаимной борьбе и лишь потом, выражаясь словами из архива товарища Жданова, «бросить на весы истории меч Красной Армии»^{291}.

Глава 17.

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА

Жданов стал и одним из основных разработчиков принятого 1 сентября 1939 года Закона СССР «О всеобщей воинской повинности»^{292}. Но большую часть его времени накануне мировой войны заняли многочисленные инспекции северо-западных границ России. В этих поездках Жданова и нового командующего Ленинградским военным округом Кирилла Мерецкова сопровождал начальник инженерных войск ЛВО полковник Аркадий Хренов. Позднее он так описал те дни 1939 года:

«Первый секретарь Ленинградского обкома партии А.А. Жданов, входивший в состав Военного совета, выразил желание лично ознакомиться с состоянием оборонительных мероприятий в округе. Вскоре он вместе с Мерецковым побывал на Кандалакшском и петрозаводском направлениях, а позже обследовал Онежско-Ладожский и Карельский перешейки, осмотрел полосу от Финского залива до Чудского озера и псковско-островское направление.

В результате этих поездок Военный совет выработал предложение заняться с наступлением лета строительством мостов, дорог и аэродромов на мурманском, Кандалакшском, ухтинском и медвежьегорском направлениях, а на полуострове Рыбачьем, в районе Западной Лицы, на кингисеппском, псковско-островском направлениях широко развернуть строительство укрепрайонов и заграждений. Разумеется, в округе и раньше видели эти слабые места, но дело упиралось в силы и средства. Теперь же, в тридцать девятом, когда обстановка на западе стала предельно накалённой, командование округа сочло возможным обратиться в Москву за дополнительными материальными средствами и субсидиями. Соответствующая заявка за подписью Мерецкова и Жданова была направлена ЦК ВКП(б) и правительству. Она была удовлетворена.

Я с головой ушёл в дела, связанные с инженерной подготовкой территории округа. К.А. Мерецков и А.А. Жданов тоже занимались этими вопросами, часто выезжали на строительство оборонительных сооружений»^{293}.

В конце августа полковник Хренов докладывал К.А. Мерецкову в присутствии А.А. Жданова о том, что ему необходимо предпринять поездку на север, посмотреть, как идёт прокладка колонного пути от Кандалакши к

госгранице.

«— А почему бы и нам, Кирилл Афанасьевич, не составить компанию полковнику? — спросил Жданов... И вот уже штабной вагон повёз весьма представительную группу руководящего состава округа на север. Там мы и встретили 1 сентября — день нападения Германии на Польшу. Через два дня Англия и Франция объявили Германии войну. Но в сознании тогда не укладывалось, что это и есть начало Второй мировой войны. А.А. Жданова срочно вызвали в Ленинград...»^{294}

Автор воспоминаний Аркадий Фёдорович Хренов не был для Жданова чужим человеком — в 1918 году, будучи добровольцем Красной армии, он окончил инструкторские курсы при окружном военкомате в Перми, где тогда преподавал молодой большевик Жданов. И вот через 20 лет судьба свела их на фронте новой войны. Через шесть долгих лет полковник Хренов закончит Вторую мировую уже генерал-полковником в дальневосточной Маньчжурии...

В Ленинграде наш герой не задержался, а сразу выехал в Москву к Сталину. Начавшаяся мировая война дала формально нейтральному СССР благоприятные возможности для решения собственных геополитических задач.

6 сентября 1939 года Политбюро ЦК ВКП(б) предложило наркоматам внутренних и иностранных дел срочно систематизировать сведения о Польше и представить эти аналитические записки Жданову^{295}. Военный крах второй Речи Посполитой поставил вопрос о присоединении к нашей стране Галиции и западнобелорусских территорий.

14 сентября 1939 года в «Правде» появилась передовица «О внутренних причинах военного поражения Польши». Текст писал Жданов на основании аналитических материалов НКВД и НКВД, в редактировании принял участие Сталин^{296}. Фактически это был манифест, неявно обосновывавший необходимость СССР вмешаться в судьбу бывших польских территорий:

«Трудно объяснить такое быстрое поражение Польши одним лишь превосходством военной техники и военной организации Германии и отсутствием эффективной помощи Польше со стороны Англии и Франции...

В чём же причины такого положения, которые привели Польшу на край банкротства? Они коренятся в первую очередь во внутренних слабостях и противоречиях Польского государства.

...Для того чтобы наглядно представить удельный вес украинского и

белорусского населения в Польше, следует указать, что эта сумма превышает население таких государств, как Финляндия, Эстония, Латвия и Литва, вместе взятых.

Казалось бы, что правящие круги Польши должны были наладить с такими крупными национальными меньшинствами нормальные отношения, обеспечить за ними национальные права, дать им хотя бы административную, если не политическую автономию... Однако польские правящие круги оказались неспособными понять это элементарное условие существования и жизнеспособности многонационального государства... Правящие круги Польши, кичащиеся своим якобы свободолюбием, сделали всё, чтобы превратить Западную Украину и Западную Белоруссию в бесправную колонию, отданную польским панам на разграбление...

Многонациональное государство, не скреплённое узами дружбы и равенства населяющих его народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы.

В этом корень слабости Польского государства и внутренняя причина его военного поражения».

Уже 20 сентября 1939 года советские войска входили в Вильно (Вильнюс), Гродно, Владимир-Волынский, Львов. Андрей Жданов в этот день находился недалеко от Москвы — он как член государственной «танковой комиссии» присутствовал на полигоне в Кубинке при испытаниях новой техники. На командной вышке вместе с ним стояли нарком обороны Ворошилов, начальник Автобронетанкового управления комкор Павлов, зампреда правительства СССР «ленинградец» Вознесенский и знаменитые в скором будущем конструкторы танков Жозеф Котин и Михаил Кошкин. Испытывались новые образцы танковой техники, в том числе прототип Т-34. Первые советские тяжёлые танки с противоснарядным бронированием представили ленинградские заводы. Среди них госкомиссия особо выделила машину Кировского завода — танк КВ с самой толстой тогда бронёй в мире. Уже в конце 1939 года он впервые, причём под личным наблюдением Жданова, примет участие в настоящих боевых действиях.

Исторические события развивались в ту осень стремительно. 26 сентября имя Жданова весомо прозвучало в Таллине. Правители Эстонии — президент, министр обороны, министр иностранных дел и члены Госсовета обсуждали нелёгкую судьбу своего лимитрофного государства. С началом мировой войны СССР начал активно давить на официальный Таллин, требуя права создать на его территории базы флота и авиации.

Антс Пийп, один из отцов-основателей самостийной Эстонии, обречённо высказал общее настроение эстонской элиты: «Это всё-таки ультиматум... Роль Жданова во внешней политике России велика, и когда он этот вопрос затронул, то мне сразу стало ясно, что нам придётся его решать. Надежды на помощь со стороны нет... Заключение германо-советского договора усилило не Гитлера, а Сталина»^[297].

Эстонские правители не знали, что в тот же день, в 300 километрах восточнее, упомянутый ими Жданов уже решал их судьбу. 26 сентября 1939 года командир учебного корабля «Свирь» капитан 2-го ранга Григорий Арсеньев получил приказание срочно прибыть в Смольный. За массивной дубовой дверью в кабинете первого секретаря Ленинградского обкома капитана ждали сам Жданов и нарком ВМФ Кузнецов. Арсеньеву поставили задачу: принять под своё командование старый пароход «Металлист» и привести его в Нарвский залив.

Пароход предстояло потопить в советских территориальных водах, объявив, что судно было торпедировано неизвестной подводной лодкой. Из таллинского порта как раз несколько дней назад бежала интернированная эстонцами польская подводная лодка, и СССР попенял властям Эстонии за неспособность поддерживать нейтралитет в соответствии с нормами международного права.

Об этой беседе в кабинете Жданова сообщил в 1964 году бывший офицер финской разведки Юкки Мяккела в книге «Финская разведывательная служба в войне», ссылаясь на допрос капитана Арсеньева, попавшего в плен к финнам осенью 1941 года. Это единственное свидетельство данного события, причём из крайне ангажированного источника. Наш герой вообще является для финской стороны едва ли не самым главным «злодеем» и виновником всего и вся (о чём ещё будет рассказано). Тем не менее версия с провокацией не является совсем уж фантастической и имеет право на существование. Жданов в интересах своего государства был готов действовать любыми методами, тем более в условиях мировой войны — это, при здравом размышлении, скорее делало ему честь как рациональному и безжалостному политику. Но топил ли он старый угольщик в водах Финского залива, мы уже никогда не узнаем...

Так или иначе, утонувший 27 сентября 1939 года — в нужное время и в нужном месте — пароход «Металлист» сыграл свою роль. После этого у эстонских властей не выдержали нервы, и договор о военных базах был подписан уже на следующий день.

11 октября 1939 года в Таллин пришли первые советские корабли, а

вскоре на таллинском рейде появилась целая эскадра во главе с линкором «Октябрьская революция», на котором недавно наблюдал учения флота Жданов. 18 октября 1939 года начался ввод в Эстонию частей 65-го особого стрелкового корпуса. Советские части расположились на островах Сааремаа и Хийумаа и в Палдиски, основанном ещё Петром I военном порту на месте шведской крепости Рогервик. Балтийский флот на период реконструкции базы в Палдиски получил право базироваться в Таллине.

Стратегическое значение баз в Эстонии заключалось в том, что они с юга замыкали Финский залив. До осени 1939 года доступ в залив, морские ворота Ленинграда и всего Северо-Запада России, надежно контролировался Финляндией и Эстонией. В Кремле не имели оснований сомневаться, что в случае большой войны они выступят на стороне противников СССР

В случае глобального конфликта любая серьёзная военная сила Европы — от англо-французской коалиции до Германии — получала удобную возможность с территории Прибалтики и Финляндии нанести удар по Ленинграду с моря, воздуха и суши. При сохранявшейся конфигурации границ 1939 года это, по сути, означало потерю не только флота, но и всей ленинградской промышленности, даже если бы чудом удалось отстоять сам город. Напомним, что тогда Ленинград давал треть всей военной продукции страны, и такие потери угрожали бы самому существованию СССР.

Вопрос с Эстонией в первом приближении решился к октябрю 1939 года. На очереди была Финляндия, задача более сложная. В годы «мирного сосуществования» до 1939 года финская правящая элита разрывалась между откровенным страхом перед огромным восточным соседом и едва замаскированными претензиями на Карелию. В мирное время все подобные «претензии» оставались лишь вольными геополитическими фантазиями, и финские власти ограничивались помощью западным разведкам и антисоветским организациям в их деятельности против Советского Союза. Всё легко могло измениться в ходе большой войны, окажись Финляндия в коалиции с крупной военной силой, направленной против СССР.

Ещё в 1936 году Жданов заявлял, что в случае серьёзного военного конфликта в Европе для безопасности Ленинграда необходимо будет оккупировать часть финской территории на Карельском перешейке, откуда мог вестись обстрел города на Неве из тяжёлых орудий^{298}. С финской территории на Карельском перешейке. Сеть военных аэродромов Финляндии близ границ СССР была способна принять в десять раз больше

самолётов, чем насчитывали все финские ВВС, что вызывало понятные вопросы в Генштабе РККА. Принадлежащие финнам острова в Финском заливе в случае необходимости легко и надёжно блокировали Кронштадт и советский Балтийский флот. С территории Финляндии было не сложно перерезать железную дорогу, соединявшую Ленинград и Мурманск, что в случае большой войны ставило на грань катастрофы весь Русский Север. Систему финских аэродромов создавали немецкие специалисты, береговую оборону Финляндии планировала комиссия английских военных экспертов, укрепления на линии Маннергейма строили французы и бельгийцы, крупнейшие знатоки фортификации в Европе тех лет.

Ещё в 1938 году властям Финляндии предложили оборонительный договор, исключавший возможность использования финской территории третьими странами для действий против СССР. Многомесячные переговоры в Хельсинки завершились отказом финской стороны. Весной 1939 года СССР предложил Финляндии сдать в аренду ряд островов в заливе. Затем был предложен обмен территориями — за участки Карельского перешейка, несколько островов в Финском заливе и Баренцевом море финской стороне предлагалась вдвое большая территория в советской Карелии. Финские власти отвергли все предложения — Англия с Францией обещали им помощь, одновременно финский генералитет всё плотнее общался с германским Генштабом.

С августа 1939 года и СССР, и Финляндия начали подготовку к войне. На Карельском перешейке прошли масштабные учения финских войск, а с 10 октября в Финляндии началась всеобщая мобилизация. К вооружённому столкновению готовился и Ленинградский военный округ. Параллельно, в октябре—ноябре, шли напряжённые дипломатические переговоры с финской делегацией в Москве.

Андрей Жданов, будучи в центре событий, непосредственно в этих переговорах не участвовал. Основная работа нашего героя проходила далеко от Москвы — в лесах Карелии и на заводах Ленинграда.

Будущий Главный маршал артиллерии Николай Воронов, тогда комкор и начальник артиллерии РККА, в ноябре 1939 года в составе комиссии от Наркомата обороны инспектировал готовность войск Ленинградского военного округа. «Приграничные районы произвели большое впечатление своими "особыми условиями", — вспоминал он позднее. — Здесь были могучие леса, плохие пути сообщения, множество озёр... Использовать здесь танки и другую мощную технику было на редкость трудно. В 18-й стрелковой дивизии, выдвинутой на оборонительный рубеж к границе, мы встретились с командующим войсками Ленинградского округа К.А.

Мерецковым и секретарём Ленинградского обкома партии А.А. Ждановым, которые тоже объезжали войска, проверяя их боевую готовность»^{299}.

Поводом к войне стал случившийся 26 ноября 1939 года так называемый Майнильский инцидент — обстрел с финской стороны группы советских пограничников у деревушки Майнила, в 40 километрах от центра Ленинграда. Через четыре дня СССР объявил Финляндии войну. Как и все ключевые события историй подобного рода, инцидент оброс множеством версий и домыслов. Официальная советская трактовка с момента выстрелов по 1991 год всегда было чёткой — стреляли финны. Финская официальная версия 1939 года столь же однозначна — никаких выстрелов с их стороны не было. Впрочем, современная финская версия звучит уже несколько иначе — не просто отрицание даже вероятности своей вины, но прямое обвинение советской стороны в провокации.

С начала 1990-х годов в порывах саморазоблачения и российская сторона не перестаёт каяться якобы за содеянную провокацию. Однако никаких фактических доказательств советского следа в Майнильском инциденте нет. Дошло до комических моментов, когда в подтверждение доказательств попытались использовать хранящиеся в архиве записные книжки Жданова. В 1995 году появилась публикация с говорящим названием «Выстрелы были», подписанная именем финского историка Охто Манинена. На основании отдельных слов на одной из страниц записной книжки Жданова периода советско-финляндской войны были сделаны далекоидущие выводы. Они были настолько вольными, что сам автор счёл необходимым сделать оговорку: «Они не прошли бы в суде в качестве доказательства...»^{300}

Судите сами: в неразборчивой карандашной записи полустёртое слово «рация» было прочитано как «расстрел». В действительности эти отрывочные фразы из записей Жданова являются планом не Майнильской, а совсем другой, широко известной провокации.

Вот как эти рукописные записи нашего героя на трёх листках можно отобразить в печатном тексте:

«1) Батальон войск НКВД 2) Рация 3) Митинги 4) Люди 5) Листовки
30.000

6) Речь Молотова, в [которой] перечисляет с 6-7...

В радиопередаче обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии

По какому основанию говорить

Финский корпус мотоциклы

Кавалерия Ж/д вагон Линия связи каждого вида Также типография
Город

Действия корпуса Обмундирование

Когда появится Анттила...»^{301}

С учётом реальных событий конца ноября и начала декабря 1939 года без всякой конспирологии и натяжек понятно, что речь идёт о советской политической провокации с так называемым народным правительством Финляндии Отто Куусинена. Впрочем, сам термин «провокация» тут применяется исключительно в техническом смысле, без какого-либо негативного оттенка — подобные приёмы с марионеточными правительствами для пропаганды и прикрытия собственных действий широко используются и в наши дни самыми цивилизованными и демократическими странами...

По официальной советской версии тех дней, через сутки после объявления войны, 1 декабря 1939 года, в финском пограничном городке Териоки «по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — Народное правительство Финляндской демократической республики во главе с Отто Куусиненом». Именно так написала газета «Правда». Но в суровой реальности всё обстояло несколько иначе — строго в соответствии с намеченным товарищем Ждановым рукописным планом.

Ещё 29 ноября 1939 года, за сутки до объявления войны, приказом начальника Особого отдела ЛВО моторизованному батальону войск НКВД ставилась задача занять город Териоки, «немедленно выбрать два лучших здания, освободить и привести в порядок для размещения народного Финляндского правительства», обеспечить доставку в город и охрану членов «народного правительства»^{302}. Как видим, всё — в соответствии с коротким пунктом 1 в приведённых выше записях Жданова. В той версии, где под пунктом 2 прочитали «расстрел», пункт 1 с «батальоном войск НКВД» порождает страшные фантазии на тему чекистов, подкладывающих к границе трупы переодетых в форму РККА заключённых ГУЛАГа...

«Рация» под пунктом 2 означала следующее: источники всех первых сообщений о новом финском правительстве советскими СМИ и официальными лицами определялись именно как радиоперехват. По замыслу Жданова, для внешнего мира новое просоветское правительство Финляндии должно возникнуть абсолютно независимо от СССР. Затем оно якобы по рации обращалось к властям СССР с просьбой о признании, помощи и заключении двустороннего соглашения. Трюк с рацией и

радиоперехватом из Териоки был придуман именно Ждановым, о чём свидетельствует целый ряд документов из его архива. В черновом варианте декларации об образовании народного правительства рукой Жданова дописаны две пометки, уточняющие принципиальную суть фабрикуемого документа — «радиоперехват» и «перевод с финского»^[303].

Уже 2 декабря 1939 года было объявлено, что Москвой подписан договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой. Проект этого договора заранее был составлен Молотовым и Ждановым — по нему просоветская Финляндия объединялась с социалистической Карелией, а СССР получал базы на финском побережье. Любопытно, что первоначально с советской стороны договор должен был подписать именно Жданов, но потом в Кремле решили использовать Молотова — официальный дипломат показался удобнее, чем уже казавшийся одиозным на внешнеполитической арене Жданов.

Вместо подписания договоров нашему герою пришлось заниматься черновой работой по обеспечению деятельности териокского правительства. Ленинградский обком провёл персональный отбор коммунистов, владеющих финским языком. Особо уделялось внимание пропаганде — организации радиопередач и выпуску листовок для населения и солдат Финляндии. Всё в соответствии с рукописным планом Финской кампании из записной книжки нашего героя: «3) Митинги... 4) Люди... 5) Листовки...» Тексты ряда первых листовок Жданов написал лично. Увы, опыта пропагандистской работы по противнику на Урале 1918—1919 годов оказалось недостаточно и агитация не достигла ожидавшегося результата.

В дополнение к «Финляндской демократической республике» по плану Жданова создавался и Финский корпус, в дальнейшем — Финляндская народная армия. Упомянутый в плане Жданова Анттила — это командир 106-й стрелковой дивизии ЛВО Аксель Анттила, финский большевик, командир времён гражданской войны в Финляндии и Карелии 1918—1922 годов, приговорённый на родине финскими белыми к смертной казни. В декабре 1939 года Аксель Анттила станет командующим 1-м корпусом Финляндской народной армии и министром обороны Финляндской Демократической Республики.

Ждановский план не требовал какой-либо отдельной провокации со стрельбой на границе. А Майнильский инцидент с равной вероятностью мог быть как советской спецоперацией по обеспечению повода к войне, так и целенаправленной или невольной провокацией финской стороны.

Возможно, произошло и непреднамеренное происшествие — результат большой концентрации у границы отобилизованных войск. Достаточно вспомнить аналогичные обстрелы нашей территории на советско-японской или советско-германской границе тех лет. Хотя в ходе переписки по инциденту финские дипломаты категорически отрицали наличие у границы их артиллерии, начало боевых действий показало, что финские орудия там присутствовали. Подобные обстрелы с территории Финляндии случались не раз на протяжении 1920—1930-х годов. Часть финских историков признаёт, что роковые выстрелы в ноябре 1939-го прозвучали с их стороны...

Боевые действия советской стороны в той войне принято считать неудачными. Такой вывод делается в основном на основании формального сравнения сторон и с учётом итогов войны, по которым «большой» Советский Союз не завоевал «маленькую» Финляндию. Однако по целому ряду причин СССР начинал боевые действия далеко не самыми боеспособными силами. И в полном смысле неудачными боевые действия были только в течение первого месяца, когда вместо ожидаемого «освободительного похода» началась настоящая война в весьма неблагоприятных для наступления условиях.

После первого, неудачного месяца для советской стороны последовал месяц подготовки и перегруппировки сил, после чего началось полуторамесячное наступление, эффективное и удачное. Прорыв линии Маннергейма в феврале 1940 года по праву может считаться одной из славных страниц в русской военной истории. Если отбросить различные спекуляции, то соотношение безвозвратных потерь сторон окажется один к двум в пользу финской стороны — неизбежное и не самое контрастное в военной практике при прорыве хорошо подготовленной обороны. К марту 1940 года, на исходе Выборгской операции, финская армия практически исчерпала возможности для сопротивления. Отказ от марша на Хельсинки и полной оккупации Финляндии был продиктован не военными, а политическими причинами — учитывая позицию Франции и Англии и предпринятые ими шаги, Сталин не без оснований опасался перетекания локального советско-финляндского конфликта в мировую войну западной коалиции против СССР.

Жданов не руководил войсками, но держал в руках все нити событий. С началом боевых действий и до конца войны он переместился в отдельный кабинет в штабе Ленинградского военного округа. Когда провалился первый наскок на линию Маннергейма, Жданову пришлось возглавить Военный совет созданного в начале января 1940 года Северо-

Западного фронта. Непосредственно боевыми действиями командовали последовательно командарм 2-го ранга Кирилл Мерецков и командарм 1-го ранга, будущий маршал Семён Тимошенко. Но всё тыловое обеспечение фронта держал в своих руках Жданов. Буквально за месяц был проведён огромный объём работ по строительству новых путей сообщения и организации бесперебойного снабжения армии всем необходимым. Здесь фронт опирался на хорошо знакомый Жданову, во многом созданный под его руководством мощный потенциал ленинградской науки и промышленности.

В первые дни войны, ещё преодолевая «предполье» линии Маннергейма, советские войска столкнулись с минной опасностью — отступавший враг широко использовал противопехотные минные поля, закладки фугасов в оставленных зданиях, мины-ловушки и т. п. Никаких технических средств для борьбы с этой опасностью армия не имела — их тогда не было ни у одной армии мира. Но индукционный принцип поиска металлов был уже известен, а первые опыты по созданию ручных металлоискателей проводились с начала 1930-х годов. Командарм Мерецков и начальник артиллерии Воронов через три десятилетия в своих мемуарах оставили нам описание того, как Жданов решал данный вопрос.

В один из первых дней войны в кабинет Жданова пригласили ленинградских инженеров, в том числе группу профессоров и преподавателей из Высшей электротехнической школы комсостава РККА — расположенного в Ленинграде центрального НИИ и вуза по электротехнике и электронике тех лет.

«...Рассказали им о сложившемся положении, — вспоминал Мерецков. — Нужны миноискатели. Товарищи подумали, заметили, что сделать их можно, и поинтересовались сроком. Жданов ответил:

— Сутки?

— То есть как вас понимать? Это же немыслимо! — удивились инженеры.

— Немыслимо, но нужно. Войска испытывают большие трудности. Сейчас от вашего изобретения зависит успех военных действий.

Взволнованные, хотя и несколько озадаченные инженеры и преподаватели разошлись по лабораториям. Уже на следующий день первый образец миноискателя был готов...»^{304}

Демонстрация созданного прибора проводилась тут же, в кабинете Жданова. Будущий Главный маршал артиллерии Воронов вспоминал, как это было: «В первые дни войны А.А. Жданов принял в Смольном двух ленинградских инженеров, создавших новый миноискатель. Этот прибор

быстро определял местонахождение даже очень мелких металлических предметов: маленькие гвозди, спрятанные в разных местах под толстым ковром кабинета, обнаруживались сразу, и в наушниках раздавались резкие звуки. На меня это импровизированное испытание произвело сильное впечатление.

Тотчас же была заказана первая серия миноискателей, которые быстро поступили на вооружение. Хотя они были довольно примитивны, но принесли много пользы»^{305}.

Заказ на выпуск миноискателей получил трубный цех Ленинградского завода по обработке цветных металлов. Существующие нормативы на выполнение такого заказа отводили не меньше 10—12 дней. Коллектив цеха управился за одну ночь. Уже через трое суток миноискатели стали поступать в наступающие части.

Вскоре после решения вопроса с минной опасностью, 17 декабря 1939 года, Андрей Жданов на фронте между озером Суммаярви и незамерзающим болотом Сунасуо наблюдал первую атаку советских тяжёлых танков — экспериментальные толстобронные машины СМК, Т-100 и КВ атаковали финский дот «Великан». Вместе со Ждановым за этой атакой наблюдали маршал Тимошенко, командарм Мерецков и комкор Дмитрий Павлов, тогда начальник автобронетанкового управления РККА. Финская противотанковая артиллерия оказалась бессильной против новых машин. По итогам этого боевого испытания уже в январе 1940 года на Ленинградском заводе им.Кирова начнётся производство танков КВ, а заводские руководители и конструкторы танка — Котин, Фёдоров, Ланцберг — станут завсегдаемыми кабинета Жданова в Смольном. Здесь в итоге будут решаться все вопросы вокруг новейшего танка: от установки невиданной ранее в танкостроении 152-миллиметровой гаубицы, необходимой для крушения финских укреплений, до непростых отношений со смежниками.

Вскоре после начала боевых действий к Жданову обратился академик Абрам Фёдорович Иоффе, тогда директор Ленинградского физико-технического института. ЛФТИ и «закрытые ленинградский НИИ-9 вели экспериментальные работы по созданию первых радиолокационных станций. Наш герой и ранее был неплохо знаком с работами и коллективом НИИ-9, академик же рассказал ему о первой РЛС «Редут», уже испытываемой в Севастополе. В итоге по указаниям Жданова севернее Ленинграда в Токсове начали строительство первой стационарной РЛС, а экспериментальный «Редут» самолётами доставили из Севастополя на

Карельский перешеек^{306}.

С началом войны вопросы всяческого снаряжения и снабжения действующей армии пришлось решать буквально на ходу. Так, в начале 1940 года к Жданову попал на приём молодой командир, бывший военный лётчик, недавно ставший начальником Особого отдела 23-го стрелкового корпуса. Корпус только что перебросили на Карельский перешеек из Бреста — условия совершенно новые, часть снаряжения осталась в прежнем районе дислокации. И молодой начальник Особого отдела решительно явился прямо к главному в регионе представителю высшей власти с требованием или, как позднее обтекаемо выразились биографы, — «с просьбой принять оперативные меры по обеспечению разведчиков штаба корпуса всем необходимым для выполнения боевых заданий в тылу противника»^{307}. Жданов распорядился помочь настырному командиру найти в Ленинграде необходимые лыжи и прочее снаряжение. Тридцатилетнего «особиста» звали Пётр Ива-шутин, и наш герой, конечно, не мог предполагать, что этот молодой капитан войдёт в историю как «военный разведчик № 1», «Пётр Великий военной разведки» — через четверть века после этой встречи Пётр Иванович на 20 лет возглавит ГРУ, сделав управление сильнейшей разведкой мира...

Незнакомая с технологиями прорыва долговременных укреплений, почти без опыта современной войны армия уперлась в линию Маннергейма. Но за январь 1940 года случилось буквально чудо. В ходе изнурительных позиционных боёв и диких морозов армия избавлялась от привычек и стереотипов мирного времени. Сменили тактику, поменяли обмундирование. Вместо кирзовых сапог — валенки. Вместо шинелей — овчинные полушубки. Суконный шлем-будёновку, не спасавший от сорокаградусного мороза, заменили шапкой-ушанкой. А ведь этой «одежды» в штатном обмундировании Красной армии до 1940 года просто не было. Всё это пригодилось зимой 1941-го...

В начале февраля 1940 года на заседании военного совета фронта Жданов сообщил новому командующему Тимошенко, что промышленные предприятия Ленинграда изготовили почти 70 тысяч комплектов специального обмундирования для лыжников. Направлены на фронт из резерва врачи-хирурги, средний и младший медицинский персонал, создана опытная партия полевых автохлебозаводов и т. д. и т. п. Фронт, замерзавший в снегах Карелии, получил специально разработанные блиндажные печки, изготовленные на ленинградских заводах. Поменяли даже рацион бойцов. В Ленинграде организовали производство

полуфабрикатов быстрого приготовления, специально для зимних условий. Тогда же ввели и знаменитые «100 наркомовских грамм». В тылу спешно прокладывались дополнительные железные и шоссейные дороги, строили точные копии финских укрепрайонов, где проводили учения войск.

Из студентов ленинградских вузов формировали лыжные батальоны добровольцев. В один из них — 100-й отдельный лыжный батальон — в январе 1940 года добровольцем вступил родной племянник нашего героя, сын его старшей сестры Татьяны 22-летний Антон Жданов — студент-комсомолец четвёртого курса Ленинградского военно-механического института. В батальоне он стал комсоргом взвода и первым номером ручного пулемёта. Ушёл добровольцем на фронт и второй племянник Андрея Александровича — Евгений Жданов, выпускник Академии моторизации и механизации.

Хорошо вооружённые новейшими автоматическими винтовками СВТ и пистолетами-пулемётами, благодаря городским властям Ленинграда отлично экипированные зимней одеждой и походным снаряжением, лыжные батальоны студентов-добровольцев в конце войны выполняли роль ударных и штурмовых спецподразделений...

Журналист «Правды» Александр Магид, работавший с Андреем Ждановым ещё в Нижегородском крае, в дни войны возглавил редакцию газеты «Боевая красноармейская» — она издавалась для бойцов 7-й армии, сражавшейся на Карельском перешейке. Позднее Магид вспоминал, как Жданов в начале войны собрал редакторов всех армейских газет и посоветовал: «Надо как-то развеселить красноармейцев. Подумайте как. Не плохо бы дать в газете раёшник...» «Раёшник» — ныне забытый термин прошлого, со времён ярмарочных балаганов обозначавший шутки и прибаутки. Так в газете Ленинградского военного округа «На страже родины» появился юмористический раздел «Прямой наводкой», для которого военный корреспондент тридцатилетний поэт Александр Твардовский придумал «автора» — простого солдата-балагура с народными байками. Уже в годы Великой Отечественной войны придуманный на финской войне солдат превратится в героя знаменитой поэмы «Василий Тёркин»:

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал—
За рекой Сестрою.

4 февраля 1940 года на Карельском перешейке, за рекой Сестрою, бойцы 7-й армии из 100-й стрелковой дивизии, той самой, что в Великую Отечественную станет первой гвардейской, уничтожили первый железобетонный финский дот. В ходе боевых действий выяснилось, что советским гаубицам требуется более эффективный бетонобойный снаряд. Эту задачу Жданов поручил Обухове кому заводу «Большевик» и его тридцатилетнему директору Дмитрию Устинову.

«Ленинград превратился, по существу, в прифронтовой город, — вспоминал через десятилетия уже маршал и министр Устинов. — Была введена строжайшая светомаскировка, усилена противовоздушная оборона объектов. Работу ленинградцев по оказанию помощи фронту возглавили обком и горком партии. Всеми связанными с этой работой вопросами непосредственно занимался А.А. Жданов.

Однажды уже в довольно позднее время меня разыскали в одном из цехов завода и передали просьбу А.А. Жданова приехать к нему в штаб Ленинградского военного округа. Впоследствии я узнал, что там же Андрей Александрович встречался с директорами Кировского завода, завода имени Ворошилова и других предприятий, а тогда, помню, удивился: почему вдруг в штаб?

Недоумение моё рассеялось сразу же, как только я вошёл в кабинет, где расположился А.А. Жданов. На стене висела большая карта с подробной обстановкой, другая, поменьше, лежала на длинном столе, делившем кабинет пополам. Здесь, в штабе, можно было в самый короткий срок получить информацию и отразить на карте малейшие изменения в положении на фронте, сюда стекались донесения, отсюда осуществлялась связь с войсками...

Поздоровавшись, Андрей Александрович пригласил меня к карте:

— На Карельском перешейке наши войска при поддержке авиации и флота продвинулись примерно на 65 километров и вышли к линии Маннергейма, — сказал он. — Но прорвать её с ходу нам не удалось. В частности, встретились непредвиденные трудности с разрушением укреплений. Я думаю, вам, Дмитрий Фёдорович, следовало бы в ближайшее время поехать на фронт. Надо на месте посмотреть и посоветоваться с военными товарищами, чем бы завод мог помочь в этом деле. Возьмите с собой двух-трёх инженеров. Только оденьтесь потеплее...»^{308}

В ходе войны даже гражданские предприятия Ленинграда были привлечены к производству военной продукции. Так, кооперативные артели «Примус» и «Металлист-кооператор» выпустили 164 300 штук ручных

фанат, а артели «Красный рабочий» и «Машиностроитель» 12 150 штук снарядных стаканов. Для быстрого наращивания самой нужной фронту продукции к производству подключались такие, казалось бы, сугубо мирные предприятия, как Кушелевская фабрика музыкальных инструментов, наладившая изготовление деталей к ручным гранатам РГ-33, или артель «Металлоигрушка», изготавливавшая рукоятки ручных фанат.

С началом войны сам Ленинград столкнулся с рядом серьезных проблем, требующих немедленного разрешения. Город в силу своего географического расположения больше других мегаполисов СССР зависел от подвоза топлива и продовольствия из других регионов страны. Пик военных перевозок совпал с началом холодной зимы и максимумом потребности в топливе. Приоритет, конечно, предоставили военным перевозкам, что вызвало топливный кризис в городе. Городские электростанции тех лет также работали на привозном топливе, что обостряло энергетический кризис. Вдобавок к этим трудностям холодная зима с морозами до — 40 градусов привела к резкому снижению уровня воды в Волхове и Свири, что вызвало снижение выработки гидроэлектростанциями энергии, подаваемой в Ленинград. Руководство города вынуждено было в январе 1940 года пойти на введение ограничений в расходовании электроэнергии и топлива в промышленности и коммунальном хозяйстве Ленинграда.

Личные воспоминания о практической деятельности нашего героя по обеспечению тыла действующей армии оставил Давид Наумович Верховский, в 1939 году работавший заместителем начальника отдела здравоохранения Ленинградского горисполкома. С началом войны сорокалетний Верховский работал помощником начальника фронтового эвакуационного пункта раненых в Ленинграде. 14 декабря 1939 года в три часа ночи его вызвали на заседание бюро обкома и горкома. Обратим внимание на круглосуточную работу органов власти. В повестку заседания включили вопрос о неудовлетворительном состоянии медицинской службы 7-й армии. Начало заседания задерживалось — ждали возвращения с фронта Жданова.

«В 5 часов утра, — вспоминает Давид Верховский, — приехал Андрей Александрович, и нас тотчас пригласили в зал заседаний... Все выступавшие в прениях, как и сам докладчик, признавали неудовлетворительным состояние медико-санитарной службы... В заключение выступил А.А. Жданов. Он согласился с этой оценкой и поставил вопрос о назначении нового человека на эту должность. Присутствовавшие на этом заседании тт. Кузнецов, Штыков дали

положительную оценку моей предыдущей работы и предложили мою фамилию. Внимательно выслушав всё то, что было сказано про меня, тов. Жданов обратился ко мне с вопросом: "справлюсь ли я с порученным участком?" Дав согласие о назначении меня на эту должность, А.А. Жданов категорически потребовал к исходу этих суток прибыть на место и незамедлительно приступить к исполнению служебных обязанностей.

Поздно вечером того же дня я добрался до штаба армии... Ввиду большой занятости ни командующий армией, ни его начальник штаба не смогли меня принять. Тогда я решил доложить непосредственно т. Жданову, который уже вернулся сюда из Ленинграда. А.А. Жданов, занимавший пост первого члена Военного совета армии, выслушал мой рапорт о прибытии и, прочитав предписание, сам проводил до начальника штаба армии и попросил ввести меня в курс дела. Расставаясь, А.А. Жданов приказал мне немедленно приступить к приёму дел и через двое суток закончить...

С этих пор мои встречи с Андреем Александровичем Ждановым проходили почти ежедневно в занимаемом им домике дачного типа, находившемся на командном пункте штаба армии в 10—12 км от передовой линии.

Каждый день в 20 часов я отправлял ему доклад о санитарных потерях армии за истёкшие сутки. Проанализировав его содержание, он около 24 часов приглашал меня для того, чтобы выслушать ответ на возникшие вопросы. Эти беседы, носившие простой неофициальный характер, очень часто затягивались до 2-х часов ночи.

Андрей Александрович приглашал меня в свой очень просто и скромно обставленный кабинет. Посредине кабинета стоял Т-образный, чисто убранный стол. На столе всегда лежали стопки книг. Наши беседы протекали с глазу на глаз. Андрей Александрович в своём обычном сером френче приветливо встречал меня, усаживал в кресло и начинал беседу по интересующим его вопросам. А когда я при ответе на них пытался вставать, он с силой усаживал меня на прежнее место, а сам продолжал ходить по кабинету и время от времени задавал новые вопросы... Иногда он задавал такие вопросы, которые на первый взгляд, казалось, не имели никакого отношения к теме разговора, но в дальнейшем выяснялось, что без них вообще нельзя было охватить всего существа той или иной поднимаемой им проблемы. Изредка он вынимал из кармана тоненькую записную книжечку, что-то записывал в неё и вновь убирал обратно...

Исходя из материалов санитарного анализа, он мог давать указания о придании того или иного профиля развёртываемым госпиталям. И,

наконец, по ним он проверял сводки строевых частей о потерях, работу войсковых штабов и инженерной службы. Одним словом, это была система глубоко продуманного контроля. И нередко факты, почерпнутые из анализа санитарных потерь армии, служили основанием для вскрытия ряда неполадок и проведения необходимых мероприятий для их устранения»^{309}.

Верховский приводит конкретный пример: «Быт бойца повседневно находился в центре внимания т. Жданова. Он повседневно заботился о питании, об обмундировании, о банном деле наших войск. Он сразу же глубоко расследовал причины возникновения цинги в одной из частей, прибывших с юга. Когда я ему доложил, что заболевание возникло в результате того, что запас овощей этой частью был оставлен на зимних квартирах, и что интенданты привезли неполужённые котлы, он, кроме наказания нерадивых, принял самые срочные меры для устранения этой ненормальности»^{310}.

Когда в продовольственное снабжение действующих войск включили ежедневные 100 граммов водки, Жданов обратился к ленинградским медикам и учёным с вопросом о возможности добавления в «наркомовские» граммы витаминов. Узнав, что для такой разработки потребуются месяцы, он распорядился доставить витамины из аптек Ленинграда и закладывать их в походные кухни во время приготовления пищи. По решению Жданова изменили и систему снабжения продовольствием раненых — вопрос изъяли из ведения интендантов и передали начальникам медицинских служб.

«Анализируя материал санитарных потерь, — вспоминал Верховский, — А.А. Жданов обратил внимание на случаи обморожения бойцов. Это было тем более непонятно, что в этот период наступательных операций не велось. Он приказал мне разобраться в причинах этого вида потерь. Вскоре я доложил Андрею Александровичу результаты расследования. После этого он немедленно дал указание начальнику инженерной службы армии оборудовать сушилки, а командованию — сократить срок нахождения бойцов в карауле.

...Начались бои за прорыв линии Маннергейма. Под особый контроль взял т. Жданов организацию выноса раненых с поля боя и доставку их в медицинские учреждения. Он предложил мне выяснить, почему на поле боя остаётся много убитых. Проведённым вскрытием трупов выяснилось, что часть из них умерли от большой потери крови. А.А. Жданов решительно поддержал моё предложение о том, чтобы дивизионные

медицинские учреждения подвинуть ближе к линии фронта. И если раньше квалифицированную медицинскую помощь могли оказать на расстоянии 20 км от фронта, причём, чтобы добраться до места, нужно было преодолеть многочисленные пробки, потратив 3—6 часов, то теперь такая помощь стала оказываться в 3—4 км от передовой»^{311}.

По итогам боевых действий против Финляндии Давид Верховский возглавит санитарную службу Ленинградского военного округа. В августе 1940 года по предложению Жданова, оставаясь в кадрах РККА, он станет заместителем наркома здравоохранения РСФСР. С началом Великой Отечественной войны Верховский возглавит Военно-санитарное управление Ленинградского фронта, накануне победы станет генерал-майором медицинской службы.

Рассказы Верховского о деятельном участии Жданова в организации медицинского обеспечения воюющей армии подтверждает и Ефим Смирнов, профессор Ленинградской военно-медицинской академии, с 1939 по 1947 год возглавлявший все медицинские службы Советской армии. Уже на исходе XX века генерал-полковник медицинской службы Ефим Иванович Смирнов так вспоминал конец 1939 года:

«К концу декабря госпиталь № 1170 в сортировочных отделениях принимал одновременно 1300 человек. Раненые и больные в этих отделениях лежали на носилках, а не на кроватях... Во время моего пребывания в Ленинграде, в частности, в этом госпитале, мне позвонил А.А. Жданов.

— Чем, по вашему мнению, — спросил он, — объясняется возникающая периодами неудовлетворительная организация приёма раненых, их сортировки, а, следовательно, и оказания им неотложной квалифицированной помощи?

— Не справляется с потоком раненых сортировочный госпиталь, Андрей Александрович, — объяснил я. — Он один. Срочно нужен второй, который бы принимал поезда, приходящие с фронта...

— Что вы конкретно предлагаете, товарищ Смирнов?

— Организовать ещё один сортировочный госпиталь на базе больницы имени Мечникова.

— Проблема будет снята?

— Безусловно.

— Тогда действуйте... Соответствующие указания будут даны»^{312}.

Под контролем Жданова находилось и политическое обеспечение войны. 13 декабря 1939 года был готов текст «Военной присяги Народной

армии Финляндии», составленный Ждановым и Львом Мехлисом. Начальник Главного политического управления РККА армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис докладывал в те дни в Москву Сталину, что он «посоветовался со Ждановым» и тот «согласен, что к нашей присяге (то есть присяге Красной армии. — А. В.) приводить не следует». Мехлис был крайне принципиальным и очень сложным человеком, с которым мало кто мог сработаться без конфликтов и проблем. Но, похоже, наш герой умел ладить и с такими тяжёлыми людьми.

В конце декабря 1939 года Жданов совместно со своим личным секретарём Александром Кузнецовым занимался проектом инструкции о работе с местным населением на занятой Красной армией финской территории. «С чего начать политическую и организационную работу коммунистов в районах, освобождённых от власти белых...» — так начинался текст инструкции. Слово «коммунистов» Жданов, подумав, зачеркнул: по инструкции руководящая роль компартии не должна выпячиваться.

«Если белым удалось внушить части трудового народа такое предубеждение, что виновниками его страданий являются коммунисты или Советский Союз и Красная Армия, то надо немедленно принять особые, энергичные меры (развернуть работу пропагандистов, распространять особые листовки, составленные с учётом условий данной местности и т. д.) для того, чтобы как устными, так и печатными средствами пропаганды убедительно показать лживость демагогии белых». Как определяла ждановская инструкция, «нельзя забывать, что широкие массы трудового населения будут создавать своё мнение о новой правительственной власти на основе того, как её представители и вообще коммунисты с самого начала наделе заботятся об интересах трудового народа».

Документ подробно показывал механизмы первичной организации новой власти в будущей Финляндской Демократической Республике: «Сперва надо установить связь с местными коммунистическими и лучшими сочувствующими рабочими и, если окажется возможным, создать местный комитет коммунистической партии или же инициативную группу для его создания. Необходимо также найти несколько левых социалистов членов рабочего общества и, посоветовавшись с ними, созвать собрание рабочего общества. На этом собрании следует осветить создавшееся положение и разъяснить позицию Народного правительства, призвать очистить рабочее общество, особенно его руководящие органы, от агентов белого режима...

Если в данной местности имеется организация партии мелких

крестьян или иная организация трудящихся, боровшихся против политики белого правительства, следует привлечь и её представителей к числу инициаторов создания Народного фронта»^{313}.

Народный фронт должен был стать объединением всех общественных и политических сил, на которые могло в дальнейшем опираться новое просоветское правительство Финляндии. На первом же этапе войны он должен был явиться основой легитимности и источником кадров для новых органов власти на занятой нашими войсками территории.

В 1940 году данный документ не воплотился в жизнь — Красная армия просто не дошла до сколько-нибудь населённых территорий Финляндии. Но уже в 1944—1945 годах созданные Ждановым наработки пригодятся при создании просоветских органов власти на освобождённых территориях Европы.

Жданов лично подготовил ряд обращений к солдатам финской армии от имени «Народного правительства Финляндской Демократической Республики». В одном из них, от 1 февраля 1940 года, он едва не раскрыл истинные цели войны: «...Советский Союз не хочет ничего большего, чем такого правительства в Финляндии, которое не строило бы козни совместно с империалистическими державами, угрожая безопасности Ленинграда»^{314}. Тут Жданов сам себя поправил, вычеркнув данный пассаж из текста — нигде и ни при каких обстоятельствах не должно прозвучать, что в ходе войны СССР пытается как-то поменять правительство Финляндии. Официально Советский Союз лишь защищался от агрессии белофиннов и оказывал помощь народному правительству Финляндии.

Война закончилась без смены политического режима в Хельсинки, и программе-максимум — «советизации» Финляндии — команда Сталина предпочла программу-минимум в виде уступок требованиям СССР по обеспечению безопасности Ленинграда и Северо-Запада России.

В течение 7—12 марта 1940 года в Москве шли переговоры о мире между СССР и Финляндией. Одним из трёх советских представителей, проводивших переговоры, был Андрей Жданов. Он же стал одним из трёх подписантов мирного московского договора с советской стороны, вместе с наркомом иностранных дел Молотовым и представителем Генштаба РККА Василевским. По мирному договору от 12 марта боевые действия прекращались в полдень 13-го числа.

Граница была отодвинута от Ленинграда на 150 километров. СССР достался весь Карельский перешеек, включая город Выборг и

одноимённый залив. Ладога стала нашим внутренним озером. Отодвинули границу и на севере, в Лапландии, обезопасив единственную железную дорогу на Мурманск. Финны обязались предоставить в аренду для базы Балтийского флота полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него — с учётом новых баз в Эстонии Финский залив фактически превращался во внутреннее море нашей страны.

За две недели до подписания мирного договора погиб племянник нашего героя — Антон Жданов. Добровольческий 100-й отдельный лыжный батальон, в котором он служил пулемётчиком, понёс тяжёлые потери в конце февраля 1940 года во время ожесточённых боёв за острова в Выборгском заливе. Наши войска форсировали залив, чтобы обойти финские укрепления с тыла. Танки здесь пройти не могли, и путь войскам по льду залива, под огнём финских береговых батарей, прокладывали хорошо вооружённые и экипированные Ленинградом лыжные батальоны добровольцев.

Единственным фактом покровительства могущественного Жданова родственнику можно считать награждение орденом Ленина посмертно. Но, вероятно, и это не было протекцией — за те жестокие бои на островах, где прошло острие наступления, очень многие участники, живые и мёртвые, получили высокие награды. Финские острова Питкя-Саари и Ласи-Саари, где погиб в бою племянник нашего героя, стали русскими островами Долгунец и Стекланный. Теперь эти живописные места можно увидеть в снимавшейся здесь популярной кинокомедии «Особенности национальной рыбалки»...

Часть третья.

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ НАМЕСТНИК
СТАЛИНА**

Глава 18.

АГИТПРОП

В конце 1930-х годов товарищ Жданов был занят таким разнообразием государственных дел и задач, что выдержать связное хронологическое повествование о них просто невозможно — поэтому вернёмся из весны 1940-го в март 1939-го, когда завершился XVIII съезд ВКП(б). Съезд ознаменовал создание нового, сталинского, государства в рамках большевистского революционного проекта. В отчётном докладе Сталин, опираясь на действительно впечатляющие результаты экономического роста за предыдущее десятилетие, объявил об «утверждении социалистического строя» в стране. После того как с построением социализма враждебные классы и классовая борьба ушли в прошлое, одной из главных задач правящей партии на новом этапе становилось «укрепление морально-политического единства нашего советского общества».

По существу, такая риторика означала, что раздираемую внутренними противоречиями отсталую страну сменяло вполне развитое государство, опирающееся на лояльное большинство граждан. Завершилась и политическая борьба — открытая и подковёрная — внутри правящей партии, остановился Большой террор.

Сталин поставил такие задачи, как «улучшение работы с кадрами» и «укрепление морально-политического единства». Жданов в своём выступлении на съезде конкретизировал их таким образом: «Основными отделами теперь будут Управление кадров и Управление пропаганды и агитации ЦК и соответственные отделы на местах»^{315}.

По итогам съезда почти все специализированные отделы ЦК были объединены в два главных управления: Управление пропаганды и агитации (УПА), возглавленное секретарём ЦК Ждановым, и Управление кадров во главе с другим секретарём, 37-летним Георгием Маленковым.

Формально Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), тот самый агитпроп, создаётся 31 марта 1939 года на базе прежнего Отдела пропаганды и агитации (устной и печатной) ЦК. Но только 3 августа политбюро приняло постановление о структуре и руководящих работниках нового управления. На него возложили руководство всей пропагандой и агитацией в стране и теоретическую подготовку всех партийных и

государственных служащих. В составе образовали пять отделов: партийной пропаганды, марксистско-ленинской подготовки партийных кадров, печати, агитации и культурно-просветительских учреждений. В штате УПА насчитывалось 115 человек. В дальнейшем его структура будет усложняться, а численность сотрудников значительно возрастёт.

Новая структура стала важным этапом на пути концентрации в руках Жданова всех нитей идеологического руководства — от политической теории и средств массовой информации до культуры, искусства и науки.

Став ещё в 1934 году после успешного завершения съезда советских писателей одним из главных проводников сталинской политики в области культуры, Жданов «съел» своего последнего конкурента в бюрократическом руководстве музами в начале 1938 года. Старый марксистский философ Платон Михайлович Керженцев занимал в 1936—1938 годах пост председателя Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР и крепко держал в своих руках кураторство театров и кинематографа. Но его карьера не выдержала встряски всеобщих выборов по новой сталинской конституции. На 1-й сессии Верховного Совета СССР в январе 1938 года Жданов жёстко раскритиковал работу Комитета по делам искусств и высмеял его председателя. Острый на язык, он назвал его председателя «коммивояжёром», обыграв слабость Керженцева — старый марксист до революции провёл много лет в эмиграции и так полюбил вояжи в Европу, что не смог отказаться от них и в 1930-е годы. По конституции, Совет народных комиссаров был подотчётен Верховному Совету, и раскритикованному председателю комитета при Совнаркоме пришлось оставить свой пост. В утешение интеллектуал Керженцев получил должность главного редактора Малой советской энциклопедии.

Успешная работа над «Кратким курсом истории ВКП(б)» к осени 1938 года делает Жданова руководящим авторитетом в теоретических и практических вопросах господствующей идеологии — в этой сфере другие сталинские соратники ближнего круга не были ему соперниками. С конца 1938 года Жданов в политбюро становится ответственным «за органы печати и дачу указаний редакторам» — курирует все средства массовой информации СССР.

Отныне Жданов — первый заместитель Сталина по идеологии, пропаганде, науке и культуре. Его текущую работу во главе УПА хорошо иллюстрируют разбирательства с ленинградскими биологами и литературными журналами летом — осенью 1939 года.

В июне 1939 года группа ленинградских биологов направила письмо Жданову, в котором просила его разрешить проведение новой дискуссии

между сторонниками и противниками академика Лысенко. Фамилия этого напористого сына украинского крестьянина, «босоногого профессора», как писала о нём в 1920-е годы газета «Правда», в последние десятилетия стала одиозной не менее, чем фамилия нашего героя. Не будем вдаваться в научные тонкости былых споров «чистых генетиков» и представителей «школы Лысенко», отметим лишь, что Трофим Денисович, будучи человеком властным и амбициозным, отнюдь не был, как это представляется в антисоветских мифах, ни циничным шарлатаном, ни ужасным монстром и губителем биологической науки.

Особенностью «школы Лысенко» была его практическая работа в крайне жёстких условиях тех лет — голодная и бедная страна требовала реального результата «здесь и сейчас», причём недорогими и простыми методами. Лысенко дал именно такие рецепты для сельского хозяйства 1930-х годов — за это его и ценила столь высоко сталинская власть. Но эти «сельские» лысенковские методы естественным образом вступали в противоречие с фундаментальной наукой, не ориентированной на быстрый практический результат.

Жданову не раз придётся столкнуться с Трофимом Лысенко. Вопреки стереотипам, наш герой — «гонитель интеллигенции» — в отношении этой самой интеллигенции, по меньшей мере её научной части, проявлял как руководитель компетентность и взвешенность. Жданов был далёк от тонкостей науки, но вспомним, что он не только был внуком первого русского критика Дарвина. В его биографии были и сельскохозяйственная академия в Москве, и профессиональная работа по решению проблем сельского хозяйства Нижегородского края, и любительское увлечение биологией, а естественно-научные книги составляли заметную часть его личной библиотеки. Сын нашего героя Юрий в конце 1930-х годов, будучи студентом химического факультета МГУ, специализировался на органической химии, тесно связанной с биологией. Позднее Юрий Андреевич, среди прочего, поделится одним интересным воспоминанием: «Отношение А.А. Жданова к Лысенко было более чем скептическое. Надо сказать, после мимолётных встреч с ним он говорил о низкой внутренней культуре Лысенко, об отсутствии в нём интеллигентности...»^{316}

Итак, 28 июня 1939 года наш герой внимательно прочитал письмо ленинградских биологов. Значительная часть противников Лысенко из «старой» научной школы базировалась на исследованиях Всесоюзного института растениеводства^[9], возглавляемого ещё неарестованным Николаем Вавиловым. Ленинградские учёные писали Жданову не только

как начальнику соответствующего управления ЦК, но и как главе города на Неве.

В письме Жданов подчеркнул отдельные фразы и целые абзацы карандашом, сделал ряд отметок на полях — они показывают, какие аргументы авторов привлекли его особое внимание. Одним из главных были практикуемые сторонниками Лысенко «административные методы» научного соперничества. Жданов также подчеркнул пророчески звучащую для наших дней фразу о том, что «генетика даёт действительные возможности переделки наследственной основы организмов, буквально по заказу»^[317].

Не будучи научным специалистом, Жданов тем не менее быстро ухватил суть заумных теорий и споров в этой среде. Он подготовил резолюцию, которую вместе с оригиналом письма направил по кругу «на голосование» двум остальным секретарям ЦК — Маленкову и Андрееву. Все согласились с проектом Жданова. Уже на следующий день Центральный комитет поручил редакции журнала «Под знаменем марксизма» провести совещание по существу поднятых в письме ленинградских профессоров проблем и выработанные предложения внести в ЦК.

Здесь показателен механизм работы партийного руководства с подобными вопросами — журнал «Под знаменем марксизма» в 1920—1940-е годы являлся центральным философским изданием СССР, освещавшим вопросы фундаментального научного развития страны во всех сферах. И редакторы журнала, члены его редколлегии, зачастую выступали экспертами и арбитрами в принципиальных научных спорах. Постановление ЦК вместе с копиями письма учёных было послано Марку Митину, члену ЦК, главному редактору журнала «Под знаменем марксизма» и директору Института Маркса — Энгельса — Ленина, старому товарищу Жданова Петру Поспелову, также члену ЦК, главному редактору «Правды» и заместителю Жданова на посту начальника Управления пропаганды и агитации. В итоге административные методы Лысенко были подвергнуты жёсткой критике.

В начале ноября 1939 года Жданов вновь получает письмо от группы работников Всесоюзного института растениеводства. На этот раз ленинградские учёные жаловались на решение Лысенко, который, как президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, не включил своих научных соперников в новый список членов учёного совета Института растениеводства. Жданов поддержал этот протест ленинградских профессоров против самоуправства Лысенко, заявив, что он

«всячески не советует разрешать научные споры административным путём»^{318}. В декабре 1939 года, когда мысли и действия нашего героя уже были заняты исключительно тем, как войти в Финляндию через линию Маннергейма, научные противники Лысенко вошли в учёный совет Института растениеводства.

Естественно, Управление пропаганды и агитации ЦК занималось не только и не столько наукой. 19 августа 1939 года заместитель начальника управления Пётр Поспелов направил Жданову докладную записку: «Просмотр ряда литературно-художественных журналов за 1939 год показывает, что руководство журналами поставлено неудовлетворительно... журналы явно отстают от жизни... в течение шести месяцев не дали ни одного более-менее крупного художественного произведения, изображающего современную действительность Советской страны».

Бывший товарищ Жданова по кружку тверских социал-демократических подпольщиков и Московской сельхозакадемии обвинил центральные литературные журналы «Красная новь», «Октябрь», «Звезда» и другие в том, что на их страницах «почти отсутствует освещение вопросов коммунистического воспитания, коммунистической морали, борьбы против пережитков капитализма в сознании людей, вопросы советского патриотизма, не освещаются в публицистических статьях такие проблемы, как задачи догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении, и другие проблемы, выдвинутые в исторических решениях XVIII съезда ВКП(б)». Впрочем, этот кондовый политический вывод подкреплялся вполне практическими указаниями на реальные недостатки в работе и содержании «толстых» журналов. Причиной таких идеологических провалов Поспелов назвал то, что «фактически многими журналами руководят беспартийные сотрудники, зачастую политически непроверенные», а «пребывание в составе редакционной коллегии рассматривается писателями как некая почётная, но необязывающая работать должность»^{319}.

Уже на следующий день, 20 августа 1939 года, состоялось заседание ответственного за кадровые вопросы Оргбюро ЦК ВКП(б). На заседании, помимо Жданова и Поспелова, выступили Маленков и ещё один старый ждановский товарищ, бывший номенклатурный секретарь Союза писателей Щербаков. От имени самих писателей и редакторов выступали Александр Фадеев и Фёдор Панфёров — оба не только маститые советские писатели, но и редакторы литературных журналов, соответственно, «Красная новь» и

«Октябрь».

Оргбюро приняло постановление: «В целях устранения безответственности в редакциях литературно-художественных журналов, считать необходимым, чтобы во главе редакции журнала стоял ответственный секретарь, который должен отвечать за идейно-политическое содержание журнала, за организацию авторского коллектива, работу с авторами и т. д. Ответственный секретарь должен возглавлять редакционную коллегию журнала, руководить её работой»^{320}.

Управление пропаганды и агитации совместно с Управлением кадров Маленкова были должны в десятидневный срок представить на утверждение ЦК кандидатуры ответственных секретарей всех центральных литературно-художественных журналов, а в дальнейшем вести работу по подбору и составу их редколлегий. Постановление также обязывало «отдел печати Управления пропаганды и агитации ЦК проследить за выполнением настоящего постановления и установить систематический контроль за работой литературно-художественных журналов». Таким образом, устанавливался систематический надзор товарища Жданова и его агитпропа над литературно-художественной периодикой.

Но не стоит думать, что вся политика сталинской власти в области культуры ограничивалась только таким надзором и контролем. Скорее это была оборотная сторона титанических усилий той же власти по культурному развитию страны. Цифры здесь впечатляют своей грандиозностью не меньше, чем в индустриальной сфере — с 1923 по 1939 год грамоту освоили 90 миллионов человек! Если к 1917 году по самым оптимистическим оценкам в Российской империи умела читать лишь половина всего населения, то к 1939 году грамотными стали уже каждые девять человек из десяти. Только за пять лет, с 1934 по 1939 год, общий тираж газет СССР вырос в полтора раза. Исследователи отмечают, что даже навязчивая пропаганда сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» помимо унификации политического сознания породила и заметный всплеск интереса людей к общественно-политическим наукам^{321}. И подобный впечатляющий рост отмечается во всех сферах культуры — от книгоиздания до театра и кино. Это была самая настоящая культурная революция — в прямом смысле этого слова. И как всякая революция она не могла обойтись без насилия, насилия в духовной сфере. Товарищ Жданов и был одним из проводников такого насилия.

10 февраля 1940 года, когда начался успешный штурм линии Маннергейма, в ЦК на имя Сталина, Молотова, Жданова, Андреева и

Маленкова поступила докладная записка секретарей Союза советских писателей Валерия Кирпотина — бывшего секретаря Максима Горького, и Александра Фадеева под суровым заголовком: «Об антипартийной группировке в советской критике»:

«Условия работы советской критики нельзя считать вполне нормальными. Несколько лиц, организованных как группа, оказались в исключительно привилегированном положении в области критики. В их руках всецело находятся "Литературный критик", единственный литературоведческий и специально критический журнал на русском языке в СССР, "Литературное обозрение", единственный библиографический литературный журнал. Группу поддерживает газета "Советское искусство". Группе покровительствует работник литературного отдела "Правды"... что отражается на подборе лиц, приглашаемых для сотрудничества... и что используется группой для муссирования слухов об оказываемой им будто бы партийной поддержке»^{322}.

Примечательно, что среди лидеров этой тёплой группы неплохо устроившихся литкритиков особо был отмечен Георгий Лукач, венгерский эмигрант-коммунист, сын принявшего лютеранство еврейского банкира. Литературный критик был широко известен в то время и как европейский философ Дьердь Лукач, основоположник «западного» марксизма, используемого для критики сталинизма «слева».

Помимо конкретного обвинения группы литкритиков из центральных изданий в создании «литературной мафии», проталкивавшей своих и зажимавшей чужих, Фадеев и Кирпотин оснастили свой анализ обвинениями в духе дискуссий того времени: «отказ от теории классовой борьбы при оценке литературных явлений», «стремление оторвать советскую литературу от политики»... Они подкрепили эти ярлыки весьма наглядными примерами, которые, будучи спорными, отнюдь не являются надуманными. В частности, одного из таких литкритиков обвинили в том, что он «...совершенно обходит классовую борьбу в России начала XX века и даёт чисто психологический анализ творчества поэта-декадента, по формуле "всё понять — всё простить"».

Аналитическая записка, несомненно, должна была встретить полное понимание нашего героя, совпадая с его литературными вкусами и политическими убеждениями. Всё литературное и прочее «декадентство» товарищ Жданов откровенно и открыто не любил. В конце года, 26 ноября 1940 года, на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) он сделает доклад о том, что «литературная критика и библиография, являющиеся серьезным орудием пропаганды и коммунистического воспитания, находятся в крайне

запущенном состоянии»^{323}. Чтобы парализовать такие «мафии» критиков и исключить саму возможность их появления, не допустить сведения деятельности литературных рецензентов «к критике ради критики» растущей советской литературы, было принято весьма радикальное решение. Отныне критики должны были работать вместе с писателями в соответствующих секциях Союза писателей — прозы, поэзии и драматургии. «Созданная искусственно» секция литкритиков ликвидировалась. Издание специализированного журнала «Литературный критик» решено было прекратить, вместо этого создавались постоянные отделы критики и библиографии в редакциях литературно-художественных журналов и всех центральных газет. Этим отделам рекомендовалось сосредоточить усилия на библиографии, публикации рекомендательных списков литературы по тем или иным наукам, обзоров книжных новинок и т. п. Таким образом, вместо интеллектуальных упражнений для узкого круга «эстетов» отделы критики всех СМИ включались в деятельность по повышению общего культурного уровня массового читателя.

Вспомним, что старый шадринский друг нашего героя и его политический противник, бывший эсер Николай Здобнов в 1930-е годы стал одним из крупнейших специалистов-библиографов. Тогда в стране только появились механические вычислительные машины, и именно Здобнов первым предложил создать на их основе единый справочно-библиографический аппарат по всей книжной продукции СССР...

Андрею Александровичу представлялись и другие поводы лягнуть нелюбимые им явления культуры. 25 сентября 1940 года управляющий делами ЦК ВКП(б) товарищ Крупин представил на имя Жданова докладную записку «О сборнике стихов Анны Ахматовой». Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», находившегося в ведении Союза писателей, в мае 1940 года выпустило солидный сборник стихов поэтессы. Как позднее вспоминал будущий доктор искусствоведения, а тогда референт литературной секции Комитета по сталинским премиям Виталий Виленкин, сборник Ахматовой «стал событием для старой интеллигенции и совершенно ошеломил студенческую и литературную молодёжь»^{324}. Скажем мягко, Виленкин, приятель Ахматовой и личный секретарь Немировича-Данченко, один из создателей Школы-студии МХАТ, под «студенческой и литературной молодёжью» подразумевал только свой круг общения — людей, близких к искусству и чуждых всему иному. Их мнение, как и позиция «старой интеллигенции», несомненно, заслуживает уважения и внимания. Но в наши дни — не побоимся этого

слова — тоталитарно господствует взгляд на историю культуры именно этого среза общества. Настолько тоталитарно, что создаётся впечатление полного отсутствия в социуме тех лет совсем иных вкусов и мнений. Точнее, по господствующей версии, иные взгляды присутствуют только у партийных чиновников, которые гнобят творцов не иначе как по врождённой черноте своей души.

Но реальность несколько сложнее этой версии. Тот же Дмитрий Васильевич Крупин отнюдь не родился бюрократом правящей партии. Ровесник Жданова, в юности он был народным учителем в Вятской губернии. Мировая война сделала его прапорщиком, а огонь Гражданской войны — комиссаром стрелковой бригады. Энергия социального взрыва превратила в партийного босса обычного школьного учителя.

Значительная часть провинциальной русской интеллигенции начала XX века, к которой принадлежали и Жданов, и Крупин, и великое множество иных партийных и беспартийных людей, имела вкусы, радикально отличавшиеся от навязываемого нам ныне стандарта Серебряного века. Тот же «старательно забытый» крестьянский поэт Спиридон Дрожжин был им несравненно ближе и ценнее всяческих символистов и акмеистов с имажинистами.

После революции эта искренняя неприязнь к столичной «салонности» с её «аристократическими» замашками, особенно остро воспринимавшимися разночинной интеллигенцией полуфеодальной империи, трансформировалась в решительное неприятие тех, кто был чужд будням строительства нового общества. Ведь это новое общество строилось во многом потом и кровью той самой провинциальной интеллигенции, некогда ушедшей «в социализм». Накануне великой войны сюда примешивался ещё один немаловажный момент — осознание того, что в период тяжёлых испытаний уж точно не нужны будут рефлексирующие неврастеники и сторонние созерцатели. Нужны будут люди, способные своё творчество сделать средством достижения победы, мобилизовать во имя высокой цели человеческие характеры и чувства.

Докладная записка Крупина Жданову по форме — пусть и спорная, но самая настоящая литературная рецензия с обильным цитированием стихотворений Ахматовой: «Переиздаётся то, что было написано ею, главным образом, до революции. Есть десяток стихов (а в сборнике их больше двухсот), помеченных 1921 — 1940 годами, но это также старые "напевы"».

Стихотворений с революционной и советской тематикой, о людях социализма в сборнике нет. Всё это прошло мимо Ахматовой и "не

заслужило" её внимания.

Издатели не разобрались в стихах Ахматовой, которая сама в 1940 году дала такое замечание о своих стихах:

"...В стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда..."

Два источника рождают стихотворный сор Ахматовой и им посвящена её "поэзия": бог и "свободная" любовь, а "художественные" образы для этого заимствуются из церковной литературы»^[325].

С церковной-то литературой товарищ Жданов был знаком не понаслышке... Разгромная «рецензия» Крупина писалась явно в спешке, и, похоже, чиновный автор перепечатывал отрывки из Ахматовой по памяти, так как допустил в цитировании мелкие ошибки. От рецензии докладная записка управделами ЦК отличалась лишь последней безапелляционно-начальственной фразой: «Необходимо изъять из распространения стихотворения Ахматовой».

Ситуация вокруг Ахматовой усугублялась тем, что она была ленинградской поэтессой и, помимо Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», её стихи в том же году активно публиковали литературные журналы города на Неве — «Ленинград», «Звезда», «Литературный современник». И товарищ Жданов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома, особенно остро воспринял это, с его точки зрения, форменное безобразие, написав на первом листе рецензии-докладной раздражённую резолюцию: «Просто позор... Как этот Ахматовский "блуд с молитвой во славу Божию" мог появиться в свет? Кто его продвинул?»^[326]

Современные ценители и исследователи творчества и судьбы поэтессы не сомневаются, что не раз потом звучавшая в разных вариациях фраза товарища Жданова про ахматовский «блуд с молитвой на устах» является плагиатом из статей 1920-х годов крупнейшего ленинградского литературоведа Бориса Эйхенбаума^[10]. Однако высказывание о «блуде» секретаря ЦК может быть куда более личным.

Никто из исследователей ранее не обратил внимания, что у Жданова и Ахматовой давно, едва ли не с начала века, были общие знакомые. Волей судьбы одна из лучших художниц Серебряного века О.Л. Делла-Вос-

Кардовская была другом семьи и столичной поэтессы Ахматовой, и провинциального интеллигента Ивана Жданова, родного дяди нашего героя. В Переславле-Залесском большой дом четы художников Кардовских соседствовал с домом учителя Жданова, а в Царском Селе, петербургском дачном пригороде, Кардовским принадлежала половина дома, хозяевами второй половины которого была семья тверских дворян Гумилёвых. В 1909 году Кардовская напишет портрет Николая Гумилёва, в 1914 году — портрет Анны Ахматовой, в 1923 году — портрет Ивана Жданова. При всей женской дружбе с Ахматовой, Кардовская явно сочувствовала семейной драме Николая Степановича. И, судя подошедшим до нас мемуарам о семействе Кардовских^[11], более чем вероятно, что именно Ольга Людвиговна стала источником слухов, впрочем, вполне небеспочвенных, о весьма вольной личной жизни Анны Андреевны... Для круга общения провинциальных интеллигентов в переславской усадьбе Кардовских такие «римские» нравы петербургской богемы были весьма шокирующими. Теперь вспомним: Андрей Жданов и до революции, и в 1920—1930-е годы не раз гостил в семье дяди в Переславле. И он сам, и его интеллигентные родственники уж точно любили поболтать «о вечном», о литературе. Так что такие соседские сплетни о «блуде» знаменитой поэтессы Ахматовой Андрей Жданов вполне мог получить практически из первых рук...

Всё семейство Ждановых, с их священническими корнями и «народническим» мировоззрением, отличалось весьма строгими взглядами на мораль в отношениях полов. А наш герой к тому же всю жизнь любил одну-единственную женщину, свою жену. Так что Жданов вполне искренне презирал «блудницу» Ахматову, и отношение к ней как к человеку полностью совпадало со столь же презрительным мнением о её творчестве.

В сентябре 1940 года Жданов оставляет пост начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) — накануне войны он всё глубже погружается в сложнейшие вопросы подготовки армии и военной промышленности. Все «литературные» и прочие «культурные» вопросы были лишь малой частью занимавших его проблем.

Отладив за полтора года функционирование «идеологического монстра», агитпропа, Жданов передал его 32-летнему Георгию Александрову, бывшему тамбовскому беспризорнику, благодаря советской власти и комсомолу закончившему в начале 1930-х Московский институт истории и философии^[12]. Он был штатным философом и редактором Отдела пропаганды ЦК, только что защитившим диссертацию об Аристотеле. Однако, оставив пост начальника агитпропа, Жданов лишь

расширил свои функции и своё влияние в государственном аппарате — политбюро поручило ему «наблюдать» за деятельностью Управления пропаганды и агитации. А человек из его команды, Пётр Поспелов, в те же дни стал главным редактором газеты «Правда».

Выполняя указания Жданова, новый начальник Управления пропаганды и агитации Александров подготовил для заседания Секретариата ЦК ВКП(б) проект постановления «Об издании сборника стихов Ахматовой» из двух пунктов. В первом «за беспечность и легкомысленное отношение к своим обязанностям» объявлялся выговор директору издательства «Советский писатель» и директору его Ленинградского отделения, а также политредактору Главлита^[13]. Вторым пунктом предлагалось «внести в ЦК ВКП(б) предложения об усилении политического контроля за выпускаемой в стране литературой». В таком виде постановление было представлено секретарям ЦК Жданову и Андрееву. Резолюция первого гласила: «За. Жданов». Но председатель Комиссии партийного контроля прореагировал жёстче: «По-моему, это решение недостаточно. Андреев». Вероятно, этот ныне абсолютно забытый человек с примечательно безликим именем Андрей Андреевич Андреев вспомнил, что дочь петербургского чиновника Аня Горенко писала богемные стихи как раз в то время, когда он, сын нищего смоленского крестьянина, работал посудомойкой в московском трактире.

В итоге в УПА дополнили проект постановления: «Отметить, что работники издательства... политредактор Главлита... допустили грубую ошибку, издав сборник идеологически вредных, религиозно-мистических стихов Ахматовой»^{327}. Андреев вписал карандашом ещё один, очень короткий последний пункт: «Книгу стихов Ахматовой изъять». В 1914 году, когда у «царскосельской весёлой грешницы» вышла первая большая книга стихов о салонных томлениях изысканной барышни, подросток Андрей Андреев вкалывал на петербургской обувной фабрике «Скороход».

«Перо задело о верх экипажа. Я поглядела в глаза его. Томилось сердце, не зная даже...»^{328} — не зная, даже не задумываясь о тех миллионах полуголодных, остававшихся за бортом того экипажа. Позже Жданов совершенно справедливо в глазах большинства людей своего поколения назовёт эти стихи Ахматовой «поэзией десяти тысяч верхних старой дворянской России».

Впрочем, не стоит думать, что тут была какая-то вражда к стихам и поэтам или повышенное внимание конкретно к Ахматовой — данному постановлению оргбюро от 29 октября 1940 года предшествует

постановление политбюро о проведении вечера, посвященного памяти Адама Мицкевича. Сама поэтесса отнюдь не была «запрещена» — в следующем году журнал «Ленинград» опубликует цикл её стихотворений. Изъять же в ноябре вышедший весной сборник Ахматовой просто не успели, так как его быстро раскупили обитатели столиц, Москвы и Ленинграда. Видимо, ещё и поэтому сообразительный товарищ Жданов не спешил включать пункт об «изъятии» в проект постановления.

Отметим, что ни до, ни после Сталина власть в России не уделяла такого пристального и постоянного внимания вопросам литературы и культуры вообще. Этому есть очень простое и чёткое объяснение. Не зря сам Сталин с горечью говорил, что в прошлом Россию «били за отсталость, за отсталость военную, за отсталость культурную». Культурная отсталость как причина неудач и поражений русской цивилизации не зря названа одной из первых. Стихи и фильмы тут по важности не уступали линкорам и танкам. Над преодолением этой культурной отсталости и бился «идеолог-практик» Жданов. Преодоление требовало от творческих личностей и напряжения, и самоограничения разнузданных талантов — ясно, что не всем творцам это нравилось. Но, вероятно, для развития страны и народа слезинками нервных поэтов и сексуально-раскрепощённых поэтесс можно пожертвовать? По крайней мере наш герой отвечал на этот вопрос утвердительно...

Сам Жданов своё мнение о литературе формулировал так: «Литература призвана не только к тому, чтобы идти на уровне требований народа, но более того, — она обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперёд»^{329}.

Глава 19.

«ЗАКОН ЖИЗНИ»

В XX веке наряду с печатным словом «важнейшим из искусств» стало кино. И здесь Жданов тоже не остался в стороне. На XVIII съезде ВКП(б) 18 марта 1939 года в своём докладе он специально затронул вопросы кинематографа, необходимость его широкого использования для пропагандистской работы партии.

Между тем, при всех успехах советского киноискусства, само кинопроизводство оставляло желать лучшего. Летом 1940 года группа ведущих режиссёров — Александров, Трауберг, Ромм, Каплер, Эрмлер, Васильев — обратилась с письмом к Сталину: «Отношения между руководством и художниками советского кино достигли пределов невозможного. Руководство кинематографии не понимает, что за 22 года партия вырастила в советском кино кадры подлинных партийных и непартийных большевиков-художников. Вместо того чтобы во всей своей деятельности опираться на эти кадры, оно, руководство, отбрасывает их от себя, рассматривая художников кино как шайку мелкобуржуазных бездельников, как рвачей, как богему. В результате творческие работники перестали уважать своё руководство и доверять ему. Они считают руководство беспомощным, невежественным и зазнайским...»^{330} Сталин поручил разобраться с этим криком души наиболее маститых режиссёров страны Жданову, а также уже упоминавшемуся секретарю ЦК Андрею Андрееву и секретарю столичного горкома партии Александру Щербакову.

22 августа 1940 года политбюро приняло постановление о создании комиссии по предварительному просмотру и выпуску на экраны новых фильмов. Два дня спустя в состав этой комиссии по личной инициативе Сталина был включён Андрей Жданов. С лета 1934 года наш герой в составе ближнего круга вождя периодически участвовал в вечерних и ночных просмотрах фильмов в небольшом кинозале, возле старого Кремлёвского дворца. Когда в ноябре 1934 года Сталин впервые собирался смотреть только что вышедший фильм «Чапаев», он задержал начало показа, вызвав на просмотр новинки Андрея Жданова^{331}. Эти «частные» просмотры фактически определяли судьбу советского кинематографа.

Ситуация в руководстве сферой киноискусства была тогда непростой. Возглавлявший почти десятилетие советский кинематограф Борис

Шумяцкий, член партии с 1903 года, близкий к антисталинской оппозиции, был арестован и расстрелян летом 1938 года. Желчный киномонд воспринял это известие не без удовлетворения. Режиссёр Михаил Ромм позднее вспоминал: «Ну, правда, когда Шумяцкого арестовали, было в Москве большое торжество. Очень его не любили, многие не любили. В "Метрополе" Барнет пьяный напился. Все ходили весёлые...»^[332] Режиссёр Борис Барнет отнюдь не был антисоветчиком, наоборот — профессиональный боксёр, он в начале Гражданской войны добровольцем ушёл в Красную армию, а в 1933 году его фильм «Окраина» стал не только одной из первых звуковых картин, но и заметной вехой советского кинематографа. Уже после Великой Отечественной войны Барнет снимет культовый «Подвиг разведчика» с Павлом Кадочниковым задолго до «бондианы», создавшей образ секретного агента-супермена.

Расстрелянного Шумяцкого сменил старший майор государственной безопасности (комдив, генерал — в армейской иерархии тех лет) Семён Дукельский. Кадровый чекист с 1919 года, он имел несчастье — или счастье — в 1937 году попасть в тяжёлую автокатастрофу, что позволило ему пережить самый опасный период. Получившего инвалидность чекиста поставили «на кино», где он отличился попыткой ввести казарменную дисциплину. Тот же режиссёр Ромм вспоминал, как был вызван для знакомства к новому председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР на два часа. Явившись в назначенное время к начальству, Ромм услышал от «генерала» Дукельского сухое объяснение, что сейчас 14 часов, а не два часа. Творческие работники ещё не привыкли к ночному функционированию центральных органов власти тех лет. Кинематограф пребывал в шоке от нового начальника. Но и чекист Дукельский не смог долго выносить деятелей кино — через год был освобождён от занимаемой должности «согласно его просьбе».

Следующим председателем Комитета по делам кинематографии стал Иван Большаков, бывший рабочий Тульского оружейного завода, получивший в 1920-е годы высшее экономическое образование и до того работавший управделами Совнаркома. Способный управленец Большаков продержится на этом посту 15 лет, до конца эры Сталина.

Иван Григорьевич Большаков хорошо сработается и со Ждановым. Они сумеют отладить кинопроцесс тех лет — сложное производство на стыке политики, бюрократии и творчества. Для многих деятелей киноискусства Жданов станет проводником и своеобразным «переводчиком» вкусов, мнений и настроений Сталина. Режиссёр Сергей Юткевич, создатель знаковых в 1930—1950-е годы фильмов (любимый

Ждановым «Встречный», «Человек с ружьём», «Пржевальский», «Скандербег» и др.), вспоминал показательный эпизод, когда к нему с перечнем замечаний обратился заместитель Большакова:

«— Картина очень не понравилась товарищу Сталину.

— Значит, это запись его замечаний?

— Нет, он ничего не сказал. Но товарищ Большаков, который, как обычно, сидел сзади у микшера, фиксировал неодобрительные хмыканья товарища Сталина. Затем с отметками этих реакций он поехал к товарищу Жданову, они вместе их расшифровали и составили прочитанное вами заключение»^{333}.

Наш герой, пожалуй, лучше всех в стране понимал «хмыканья товарища Сталина». Последним мирным летом 1940 года на рабочем столе Андрея Александровича Жданова одновременно лежали «Проект дополнительного плана производства 26 художественных картин на 1940/41 годы», представленный председателем Комитета по делам кинематографии Большаковым, и «План строительства кораблей ВМФ на 1940—1942 годы» от наркома Военно-морского флота Кузнецова. В деле развития страны кинокартины не уступали по значению крейсерам.

Методы и цели работы сталинской власти с кинематографом и культурой вообще наглядно показывает история с художественным фильмом «Закон жизни». Советская аннотация к картине — в духе времени: «О нравственном противостоянии секретаря обкома комсомола Огнерубова и комсорга медицинского института Паромова». Но фильм — не красный лубок и не грубая агитка, а весьма тонкая и смелая для тех лет психологическая драма, в которой остро поставлены моральные аспекты взаимоотношений мужчины и женщины. Лента сделана для тех лет профессионально и качественно. Какую реакцию вызовет в таком случае у штатных критиков советского времени, особенно сталинского периода, факт запрета фильма? Партийные бонзы, скажут они, в очередной раз зажали творцов культуры, которым тесно в узких идеологических рамках. Но при более пристальном рассмотрении причин и поводов запрета картины её история представляется по-другому.

Фильм вышел на экраны в августе 1940 года, и уже через несколько дней «Правда» опубликовала редакционную статью «Фальшивый фильм» с разгромной критикой картины. Статья была написана сотрудником УПА Кружковым и отредактирована лично Ждановым. Кстати, сам автор — Владимир Семёнович Кружков (1905—1991), 35-летний «красный» философ, специалист по творческому наследию Писарева и Добролюбова — через три месяца будет в составе делегации Молотова участвовать в

сложнейших переговорах в Берлине. В середине 1950-х годов карьера сохранившего верность сталинизму чиновника Кружкова пойдёт под откос.

Любая редакционная статья «Правды» тогда была истиной в последней инстанции. Автор «Фальшивого фильма» обвинил создателей картины режиссёров Столпера и Иванова и сценариста Авдеенко в том, что они нарисовали привлекательный образ отрицательного героя (тот самый «секретарь обкома комсомола Огнерубов») и вообще пытаются возродить «арцыбашевщину». Для читающей публики тех лет последний термин был более чем понятен — популярный в начале века писатель Арцыбашев для многих был «Ахматовой в прозе», также склонным к эротическим переживаниям и неясным томлениям. Брутальные герои Михаила Арцыбашева — «революционеры ницшеанско-дионисийского толка», исповедующие «здоровую животность» среди декадентских «судорог и самоубийств», действительно недалеко от профессионально соблазняющего девиц жизнерадостного секретаря обкома комсомола Огнерубова. А уж страдающие от рефлексии формально положительные персонажи и беременеющие от несчастной любви к обаятельным подлецам девицы одинаковы что у декадента Арцыбашева, что у члена ВКП(б) сценариста Авдеенко.

Картину экстренно сняли с проката, и в больших городах СССР сотрудникам НКВД пришлось на мотоциклах объезжать кинотеатры и опечатывать коробки с киноплёнками. Но Жданов и сам Сталин не ограничились только этим. 9 сентября 1940 года в Кремле состоялось расширенное заседание Оргбюро ЦК, которое продолжалось с пяти часов вечера до полуночи. Присутствовали Сталин, Жданов, остальные секретари ЦК, руководители Управления пропаганды и агитации ЦК, ряд наиболее авторитетных писателей (Фадеев, Асеев, Катаев и др.) и вызванный правительственной телеграммой сам «виновник» — сценарист фильма Авдеенко.

Наш герой открывал и вёл заседание, но солировал, естественно, Сталин. К некоторому недоумению присутствующих, он, как простой смертный, обращался к председательствующему Жданову:

— Я ещё хочу сказать. Можно?

— Пожалуйста, товарищ Сталин, — «соглашался» распорядитель вечера Жданов.

Периодически приятели из-под «дуба Мамврийского» вещали почти дуэтом. Сталин откровенно горячился, он явно был задет фильмом и пытался донести присутствующим своё понимание случившегося. Показательно — не просто навязать своё мнение силой, что мог уже легко,

нет — именно хотел, прямо-таки жаждал убедить собравшихся в верности своего понимания: «Я бы предпочёл, чтобы нам давали врагов не как извергов... У самого последнего подлеца есть человеческие черты, он кого-то любит, кого-то уважает, ради кого-то хочет жертвовать... Дело вовсе не в том, что Авдеенко изображает врагов прилично, а дело в том, что нашего брата он в тени оставляет... Победителей, которые разбили врагов, повели страну за собой, он оставляет в стороне, красок у него не хватает... Почему не хватает красок на то, чтобы показать хороших людей?»^{334}

Если кратко сформулировать всё, что хотел втолковать собравшимся оставивший иные заботы всесильный вождь СССР, получится следующее. Отрицательный персонаж, то есть, по сути, враг нового общества, изображён автором более красочно, более выпукло, живо, чем почти картонный персонаж положительный. Это и было главной претензией «советской власти» в лице Сталина и Жданова к фильму. Что ж, остаётся лишь признать очевидное: товарищи-диктаторы весьма точно отметили распространённую черту творцов и художников, когда они, заигравшись «правдой жизни», нередко увлекаются тщательной лепкой отрицательных образов и персонажей, чья необычность им, как творцам и людям, интереснее, чем скучная банальность положительных героев. Действительно, на последних часто «красок не хватает». С такой эстетической позицией можно спорить, но трудно отрицать, что поднятая проблема актуальна и ныне.

Вот именно это и пытался, по-кавказски горячась и по-русски увлекаясь, донести и доказать Иосиф Джугашвили. «Какой у него язык, — восклицал он об авторе сценария, — страшно делается... Это наша доверчивость и наша простота, вот на чём он выехал, посмотрите, какого Дон Жуана он рисует для социалистической страны, проповедует трактирную любовь, ультра-натуральную любовь. "Я вас люблю, а ну, ложитесь". Это называется поэзия. Погибла бы тогда литература, если бы так писали люди...»^{335}

32-летний Александр Остапович Авдеенко был фигурой по-своему примечательной. Сын донецкого шахтёра, в годы Гражданской войны он стал беспризорником. Кстати, читатель, заметьте, как часто в нашем рассказе мелькают судьбы беспризорников, которых, как это ни банально звучит, именно советская власть в 1920—1930-х годах вывела в люди. С конца 1920-х годов Авдеенко водил паровозы на стройке Магнитогорского металлургического комбината. В 1930-х годах в культурной политике был актуален так называемый «призыв ударников в литературу»,

проводившийся под эгидой Максима Горького. Старались найти и всячески продвинуть «рабочих-ударников», способных литературно описать трудовые подвиги и будни пролетариата. Громче всех тогда прозвучала действительно интересная автобиографическая повесть машиниста Авдеенко о скитаниях мальчика-сироты Саньки Го-лоты и его спасении в комсомольском труде на Магнитке. Дебютное литературное произведение Авдеенко так и называлось — «Я люблю».

Молодой машинист тут же стал признанным и популярным писателем, идеальным «выдвиженцем из рабочих» — был принят в Союз писателей, стал спецкором «Правды». На него обрушились слава и материальное благополучие, и тут Авдеенко не выдержал этого бремени популярности и взлёта. Сначала он, вероятно вполне искренне, впал в безудержное восхваление вождя: «Я пишу книги. Я — писатель, я мечтаю создать незабываемое произведение, — всё благодаря тебе, великий воспитатель Сталин... Когда моя любимая девушка родит мне ребёнка, первое слово, которому я его научу, будет — Сталин»^{336}. Потом увлёкся материальной стороной популярности, элитной, по тем временам — отдельная квартира в Москве, поездки за границу, собственная машина.

Отсюда и выросла эта неприкрытая досада Сталина, прямо душевная обида — из этого архитипического события, когда пролетарский Пигмалион показательно изваял свою пролетарскую Галатею, но иконописный, почти мифический образ, готовый вот-вот из сказки родиться былью, вдруг сорвался в презренную и вредную пролетарскому делу «арцибашевщину». Обида была почти отцовской — Сталин настолько разошёлся в критике молодого писателя Авдеенко, перейдя в откровенную ругань («мелкая рыбёшка», «бездарь», «ничтожество»), что большинство присутствующих исполнились уверенности в скором печальном конце высоко взлетевшего машиниста. Но, как даже с некоторой досадой писал учебник истории начала 1990-х годов, «репрессирован он не был»^{337}. Когда присутствовавший на заседании Оргбюро ЦК Александр Фадеев в тон разгорячившемуся вождю заявил, что Союз писателей надо очистить от таких, как Авдеенко, и «вообще надо провести генеральную чистку Союза писателей», Сталин оборвал его: «Ишь какой! Слон в посудной лавке. Ишь как разошёлся! Чистка Союза писателей ему понадобилась!»^{338}

Взрывной культурный рост неизбежно порождал большой дефицит качественных «культурных работников». Отсюда — эти попытки создать такие кадры ускоренным, «промышленным» способом. Отсюда — и искренняя досада, когда в этом «производстве» возникали проколы. Но

отсюда — и этот отказ от всяких целенаправленных «чисток» в этой сфере (Сталин — секретарю Союза писателей Д.А. Поликарпову: «Других писателей у меня для вас нет»). Отсюда — и возражение против предложений маститых литераторов остановить практику ускоренного выдвижения молодых кадров: «Много говорили здесь о том, что не надо потакать молодым начинающим писателям, не надо их рано выдвигать вперёд, потому что от этого голова кружится у людей и они портятся. Это, конечно, верно, но нельзя советовать какую-то цеховщину в профессиональной литературе. Так смотрели: и ученик может быть способный, но здесь положен срок. Подмастерье может быть на три головы выше мастера, но раз положен срок, то он должен его отработать. Потом ему дадут пощёчину и посвящают в мастера. Вы что же, дорогие товарищи, такую философию проповедуете?»^{339}

Когда в перерыве долгого заседания 9 сентября всех присутствующих пригласили на чай, возмущённый тоном критики Авдеенко бросился к Жданову: «Я не ожидал, что так будут говорить со мной в Центральном комитете!» Наш герой в ответ изобразил гневное недоумение: «Вы разве считаете, что творчество не под контролем партии?.. Наверно, вы так считаете, что каждый сам себе хозяин, как хочу, так и делаю, не ваше дело, не лезьте в эту область?»^{340}

Примечательно, но в этой откровенно воспитательной проработке помимо «арцибашевщины» Авдеенко вменили и то, что через несколько лет назовут «низкопоклонством перед Западом». Причиной для таких критических замечаний послужила статья Авдеенко, где он описывал Северную Буковину и город Черновцы, только что, в июле 1940 года, присоединённые к СССР. Начал Жданов: «Вы описываете, что там прекрасные улицы, прекрасные здания... Затем вы описываете черновицкий театр... У вас создалось такое впечатление, что этот театр не уступает нашим театрам...» Сталин: «А город всего-навсего два вершка». Жданов: «Подумаешь, какой-то мировой центр!» Сталин: «Знаем, узкие улицы, контраст создать хотят, но плохо получается...» Жданов: «В чём тут дело?» Сталин: «Тянет туда, к старым Черновицам». Жданов: «Так ли это?» Сталин: «Красок хватает на старые Черновицы, а на наши — у него краски иссякают...»^{341}

Вопрос о низкопоклонстве не был праздным, но тут товарищи Жданов и Сталин уже откровенно утрировали и придирались.

В полночь Сталин амнистировал подсудимого: «Может быть, я и ошибаюсь в отношении товарища Авдеенко. В душу человека не

влезешь»^[342]. Тем не менее членства в Союзе писателей Авдеенко лишился. Исключили его и из партии — «за бытовое разложение». Он вернулся к работе на шахте, в июне 1941 года пошёл в действующую армию, воевал командиром миномётного взвода на Ленинградском фронте. В газету «Красная звезда» от Авдеенко поступило несколько статей и большой очерк «Искушение кровью» — о бывшем командире, который попал в штрафной батальон и там совершил подвиг. Очерк штрафного писателя из редакции передали Сталину, и тот оценил его: «Можете печатать. Авдеенко искупил свою вину». В 1943 году его снова приняли в Союз писателей и восстановили в партии. Александр Остапович прожил долгую и честную жизнь, написал почти полсотни не блестящих, но крепких повестей и романов, умер в 1996 году. Он так до конца и не понял или не захотел понять, за что его ругали Сталин и Жданов 9 сентября 1940 года. Оставил он и воспоминания «Наказание без преступления», где рассказывает о том вечере. Название и год издания (1991) характерны.

История с появлением на экранах фильма «Закон жизни» стала причиной создания в конце августа 1940 года комиссии политбюро по просмотру и выпуску фильмов. До этого все фильмы отсматривали только чиновники из Комитета по делам кинематографии. Отныне систематический контроль был поднят на самый высший уровень и замкнут в итоге на Жданове, который не только хорошо умел расшифровывать «хмыканья товарища Сталина», но был достаточно интеллигентен, чтобы оценить все тонкости кинотворчества, и достаточно дипломатичен, чтобы гнуть линию власти в области искусства без фельдфебельских ухваток чекиста Дукельского.

Всё же нынешние стенания с придыханиями о проводившейся политике в области советского кино просто вырваны из исторического контекста. Надо вспомнить не только предвоенную обстановку и форсированное развитие нашей страны, но и нравы того мира вообще — например, царивший в Голливуде 1930—1950-х годов цензурный кодекс Хейса. По этому документу фильм, подобный картине Авдеенко — Иванова — Столпера, только за остроту и вольность поднятых тем прямоком попадал в категорию подрывающих нравственные устои и запрещался продюсерами к показу.

Товарищ Жданов к осени 1940 года и получился таким своеобразным «генеральным продюсером» всего советского «Голливуда».

8 октября 1940 года Жданов выступил на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) с докладом «Об улучшении производства художественных фильмов», в котором заявил, что главная причина неудовлетворительного

положения дел в кинематографе — это «отсутствие настоящего идеологического контроля в самой кинематографии, контроля за идеологическим направлением картин»^[343].

Но большую часть «продюсерской» деятельности товарища Жданова составляло индивидуальное взаимодействие с кинотворцами. Так, 23 сентября 1940 года он принял в своём кремлёвском кабинете Григория Козинцева и Леонида Трауберга — уже знаменитый в то время дуэт ленинградских режиссёров, в 1920-е годы отдавших дань культурным экспериментам, а к концу 1930-х прославившихся кинотрилогией о рабочем-большевике Максиме. Козинцев и Трауберг планировали снимать фильм о Карле Марксе, сценарий которого и стал предметом обсуждения в кабинете Жданова. Фильм, и без того затрагивающий слишком щекотливые темы, накануне возможной войны с Германией, по мнению Сталина и Жданова, стал «преждевременным». О преждевременности такого проекта Жданов в присутствии Сталина объявил на банкете в Кремле 17 мая 1941 года, состоящем в связи с завершением большого совещания деятелей киноискусства. Не без совета Жданова режиссёрский дуэт Козинцева и Трауберга в мае 1941 года сразу же начал работу над другим биографическим фильмом — о выдающемся русском хирурге Пирогове, чья деятельность была тесно связана и с городом на Неве, и с русской армией. Накануне войны такая тема была явно актуальнее картины о германских социалистах.

В 1940—1941 годах «продюсер» Жданов выполнил целый ряд деликатных задач по «переключению» талантливых творцов с одной темы на другую. Так, 31 декабря 1940 года знаменитый уже Сергей Эйзенштейн и ещё малоизвестный сценарист Лев Шейнин обратились с личным письмом к Сталину, испрашивая разрешения снять фильм «Престиж империи» о пресловутом деле Бейлиса 1912—1913 годов. Показательна формулировка просьбы советских евреев Эйзенштейна и Шейнина: «Тема увлекает нас не с точки зрения еврейской проблемы, отсутствующей в нашей стране, а как тема о великом русском народе, которому всегда был чужд антисемитизм»^[344].

Лев Шейнин к тому времени был действительно малоизвестным сценаристом, но хорошо известным Жданову следователем по особо важным делам Прокуратуры СССР. Именно он вёл дознание по убийству Кирова, после которого возглавил Следственный отдел Прокуратуры СССР. С обращением знаменитого режиссёра и высокопоставленного следователя Сталин поручил разобраться нашему герою, начертав на письме

резолюцию: «т. Жданову на распоряжение»^{345}. 11 января 1941 года Жданов уговорил Эйзенштейна оставить эту тему ради совсем другой. Так начиналось рождение ещё одного киношедевра тех лет, фильма «Иван Грозный».

В феврале 1941 года Жданов занимался непростым вопросом перевода нескольких сотен высококвалифицированных специалистов из киностудий, предприятий и лабораторий, занятых кинопроизводством, на предприятия оборонного профиля. Советский кинематограф и так не был избалован материально-техническим изобилием, однако нараставшая угроза войны не оставляла выбора. Только для авиационных заводов Комитет по делам кинематографии обязали выделить 189 рабочих-химиков высших квалификационных разрядов.

В конце февраля — начале марта Жданову пришлось решать вопрос и совсем иного свойства — заниматься подбором актёра на роль Кирова в одноимённом фильме. Председатель Комитета по кинематографии Большаков писал Жданову: «Киностудия уже в течение двух месяцев не может приступить к съёмкам фильма "Киров". От актёра требуется помимо высокого мастерства портретное сходство с товарищем Кировым». На ответственную роль пробовали 20 артистов, отобрали в итоге троих, но оказалось, что их нельзя снимать. «Товарищ Боголюбов, — пишет Жданову Большаков, — в настоящее время снимается в роли товарища Ворошилова и поэтому не может быть использован в картине "Киров". Товарищ Белокуров только что закончил съёмки в картине, где он играет роль Чкалова. Таким образом, остаётся товарищ Грибов, но Немирович-Данченко запретил товарищу Грибову сниматься в картине "Киров", мотивируя тем, что участие в киносъёмках деqualифицирует его актёрское мастерство...» Знаменитый основатель МХАТа действительно придерживался популярного у старых режиссёров мнения, что кино портит театральных актёров. Вопреки желаниям Немировича-Данченко, секретарь ЦК Жданов первоначально поддержал кандидатуру Алексея Грибова, популярного в 1930-е годы исполнителя ролей в пьесах Чехова и Горького на сцене МХАТа. Но вскоре Жданов засомневался в выборе и 11 марта 1941 года направил записку Большакову: «Я просмотрел пробные снимки Грибова в роли Кирова. Нахожу, что Грибов настолько не похож на Кирова, что теряется впечатление. Как быть? Жданов»^{346}. До лета 1941 года актёра на роль Кирова так и не успели подобрать, а начавшаяся война сделала эту проблему неактуальной.

3 марта 1941 года на заседании Оргбюро ЦК подвели итоги работы

учреждённой политбюро в августе прошлого года комиссии по просмотру фильмов. Выступил Жданов: «Мы тут страдаем за каждую картину, болеем, обсуждаем каждую картину, как поправить то, что является непоправимым... [Режиссеры] очень оторваны от нашей жизни, от народа... Я считаю, что нужно созвать в Центральном комитете работников кино... нужно выяснить, как ведётся среди них политвоспитание, кто их там воспитывает, кто их направляет»^{347}.

Предложенное Ждановым «Совещание по вопросам художественного кинематографа» состоялось 14—15 мая 1941 года. На него пригласили более полусотни ведущих мастеров кино и 27 работников пропаганды и печати. Фактически это было собрание кинематографической элиты тех лет. Председательствовал на заседании Андрей Александрович. Во вступительном слове он сразу указал на то место, которое занимал кинематограф в СССР, подчеркнув его идеологическую значимость: «Каждый фильм в нашей стране представляет общественное и политическое событие»^{348}. В духе времени выступление Жданова было наполнено разного рода критикой и завершилось тезисом о необходимости уменьшения количества выпускаемых фильмов ради повышения их качества.

Помимо Жданова на совещании выступили председатель Комитета по делам кинематографии Большаков, начальник Управления пропаганды и агитации Александров и его заместитель, директор Института философии Академии наук Павел Юдин. От режиссёров и деятелей искусства выступали те, чьи имена и ныне не нуждаются в представлении — Александр Довженко, Михаил Ромм, Сергей Михалков, Иван Пырьев, Алексей Каплер, Сергей Герасимов.

Не стоит думать, что собравшиеся — как режиссёры, так и чиновники — подпевали всесильному товарищу Жданову и единодушно соглашались с начальственным мнением. Режиссёр Григорий Александров доказывал, что все основные проблемы советского кино происходят от боязни правды жизни и множества перестраховочных инстанций, находящихся между зрителями и кинематографом. Довженко резко критиковал руководство отрасли и выдвинул предложение децентрализовать управление кинопроцессом, расширив права киностудий союзных республик. С большой программной речью выступил Большаков, который отметил застой в пополнении режиссёрских кадров и оспорил тезис Жданова об ограничении роста кинопроизводства. Он также предложил программу реформирования киноотрасли и даже некоторую «либерализацию»

управления.

Режиссёр Александров, среди прочего, пожаловался Жданову, что типичный чиновник от кинематографа, перестраховываясь и запрещая какие-либо неудобные моменты в фильмах, многозначительно говорит, что это не его мнение. «Наверно, это мнение т. Сталина, т. Жданова, и я вырезаю, но я уверен, что это не Ваше мнение, а его мнение, но для лёгкости он проводит на меня такую атаку»^{349}.

Жданов уступил в некоторых вопросах. Например, пообещал увеличить финансирование кинопроизводства, чем сорвал аплодисменты присутствующих. Разрешил также напористому Александрову выводить в комедиях отрицательные типажи чиновников, тут же обратившись к председателю Комитета по делам кинематографии: «Почему вы, т. Большаков, не даёте ему подцепить директора, дайте ему свободу в этом деле». Однако по принципиальным вопросам Жданов остался непреклонен, дав понять, что партийный контроль не ослабеет: «С точки зрения идейно-творческой нет ничего зазорного, если тебя поправят. Откуда появилось это недотрожество?..»^{350} Он даже привёл в пример Пушкина, который выносил свои новые произведения на суд друзей — несомненно, все присутствующие тут же вспомнили произнесённое: что среди таких друзей-цензоров числился и русский царь...

Понимая всю пагубность мелочного чиновничьего контроля в творческом процессе, Жданов призвал собравшихся не путать его с главным: «Вы не мешайте вопрос опеки с большим идейным руководством. Можно возражать или протестовать против мелочей, но можно ли в одну кучу сваливать то, что мы называем идейным руководством?»

Показательны некоторые ответы товарища Жданова. Так, он следующим образом объяснил запрет художественного фильма Сталинабадской (Душанбинской) киностудии «На дальней заставе»: «Этот фильм не попал в прокат потому, что в нём совершенно неверно и извращённо распределены светотени между нашими людьми-пограничниками, ведущими борьбу с перебежчиками, шпионами, в частности с английскими шпионами, и с этой фигурой врага — английского шпиона. Наши пограничники-красноармейцы показаны как последние вахлаки, как последние простаки, которых и надуть не грех. Шпион показан сильным человеком, наделённым сильными и волевыми достоинствами и качествами»^{351}.

На этом самом большом совещании Жданов весьма откровенно сформулировал цели внутренней и внешней политики СССР, достижению

которых должен был способствовать кинематограф как мощнейшее средство пропаганды и убеждения. В области внутренней политики это было всё ещё догоняющее развитие. «Сталин учит, — говорил Жданов, — что для того, чтобы прийти к новому общественному строю, нужен определённый уровень культуры... Решение основной экономической задачи — догнать и перегнать передовые страны Европы и Америку — упирается в значительной мере в нашу некультурность, невежество, грязь...»

Но ещё более интересен отрывок из стенограммы выступления Жданова, где наш герой обратил внимание ведущих советских кинематографистов на темы, которые партия большевиков считала актуальными в последние предвоенные дни: «Вы нашу линию представляете в отношении международной политики — линию независимости, самостоятельности и, вместе с тем, линию расширения фронта социализма, всегда и повсюду, тогда, когда обстоятельства нам позволяют. Вспомните прошлый и позапрошлый годы — Прибалтика, Западная Украина, Молдавия, Северная Буковина и т. д. Вы отчётливо понимаете, что если обстоятельства нам позволят, то мы и дальше будем расширять фронт социализма... Мы должны воспитывать наш народ в духе активного, боевого, военного наступления, и это одна из задач кино и его работников, и это есть обязанность наших киноработников и наших советских граждан, понимающих проблему нашего развития, понимающих, что столкновение между нами и буржуазным миром будет, и мы обязаны кончить его в пользу социализма»^{352}.

Глава 20.

«СОЛНЕЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Завершение советско-финляндской войны не освободило Жданова от военных и политических забот. 26 февраля 1940 года, за два дня до того, как в Москве были выработаны окончательные условия мирного договора с Финляндией, Исполком Ленинградского областного совета подготовил и направил в адрес Жданова проект указа Верховного Совета СССР по включению Карельского перешейка в состав Ленинградской области. Через месяц, 24 марта 1940 года, на заседании политбюро «в связи с отходом к СССР по мирному договору с Финляндией новых территорий» было принято решение о преобразовании Карельской АССР в новую союзную республику — Карело-Финскую ССР. Для подготовки практических предложений по этому вопросу и определения границ между Карело-Финской ССР и РСФСР была создана комиссия под председательством Жданова^{353}.

Несколькими днями ранее, в конце марта, на собрании городского партийного актива Ленинграда товарищ Жданов выступил с двухчасовым докладом «О военно-политических итогах войны с Финляндией». Участник того собрания парторг завода «Электросила» В.Е. Скоробогатько вспоминал: «Мы привыкли видеть Жданова всегда улыбающегося, но в тот день он не улыбнулся ни разу. Возвращались на завод мы в подавленном состоянии. После доклада мы ещё более утвердились в мысли, что страна, и в особенности её Вооружённые силы, к большой войне не готовы. На душе было очень скверно»^{354}.

В апреле 1940 года Жданов принимает участие в трёхдневном совещании начальствующего состава РККА. Итоги и промахи завершившихся боёв обсуждали в Кремле свыше двухсот высших военных руководителей, командармов, комдивов и полковников, непосредственных участников «зимней войны». Для нашего героя это не было первым мероприятием подобного рода — ещё в ноябре 1938 года он участвовал в аналогичном совещании Главного военного совета по итогам боёв с японцами у озера Хасан.

Но материалы апрельского совещания впервые касаются и военной деятельности самого Жданова — причём не только по тыловому обеспечению. Они содержат и факты его непосредственного влияния на

тактику действующей армии. Комбриг Оборин, начальник артиллерии 19-го корпуса, действовавшего на Карельском перешейке и при штурме Выборга, привёл на совещании следующий пример. В связи с отсутствием у противника бронетехники, многочисленная противотанковая артиллерия советских войск на начальном этапе войны практически не использовалась. По свидетельству Оборина, именно Жданов настоял на использовании лёгких противотанковых пушек как орудий непосредственного сопровождения пехоты в атаках: «Я помню, как тов. Жданов позвонил мне в штаб по этому вопросу. Мне пришлось самому выезжать, я выезжал и установил, что была большая недооценка противотанковой артиллерии»^{355}.

Все участники совещания отметили многочисленные недостатки в подготовке и действиях вооружённых сил. Прошедшие бои в локальных конфликтах от Монголии до Финляндии, резкое увеличение и переоснащение армии в конце 1930-х годов вскрыли массу проблем, недоработок и всяческих «болезней роста», свойственных такому форсированному развитию. Вожди СССР приняли решение сменить руководство Наркомата обороны. Место Климента Ворошилова, возглавлявшего военное ведомство с 1925 года, занял Семён Тимошенко, успешно командовавший войсками в советско-финляндской войне. Новым заместителем наркома и начальником Генерального штаба стал Кирилл Мерецков, бывший командующий Ленинградским военным округом. Как видим, вооружённые силы страны переходили под начало людей, хорошо знакомых нашему герою.

Сам Жданов возглавил специальную комиссию, созданную для проверки Наркомата обороны в процессе смены руководства. В комиссию также вошли секретарь ЦК Георгий Маленков и заместитель председателя Совнаркома Николай Вознесенский. Если первый являлся давним недоброжелателем нашего героя и был включён в комиссию Сталиным явно для противовеса, то второй происходил из ленинградской команды Жданова. Комиссия совместно с Ворошиловым, Тимошенко и руководителями всех центральных управлений Наркомата обороны подготовила уникальный документ — акт приёма-передачи наркомата с указанием основных проблем военного ведомства и путей их решения. Фактически это был аналитический обзор, определявший основные задачи военного руководства СССР на ближайшие годы. Он затрагивал все аспекты военного строительства: организацию и структуру управления, оперативную и боевую подготовку войск, мобилизационные мероприятия, укомплектование и кадры, разработку новых уставов и новых образцов

вооружений, анализ состояния родов войск и т. д., вплоть до ситуации с издательствами военной литературы.

Многие затронутые проблемы основывались на личном опыте Жданова в ходе прошедшей войны. Например, отмечалось: «Наркомат Обороны и промышленность не были подготовлены для изготовления сухарей и концентратов. Упродснаб и Генштаб недооценили этих продуктов на случай войны... Вопросы обеспечения тёплыми вещами (ушанки, перчатки, валенки) не были проработаны и не ставились своевременно Наркоматом Обороны».

Похоже, именно Жданов сформулировал хорошо известные ему проблемы «комиссарского» состава армии: «Кадры руководящего политсостава армии от начальника Политотдела и выше преимущественно пожилых возрастов — от 36 до 45 лет. Их имеется в армии 63 проц....Большая часть политсостава армии (73 проц.) не имеет военной подготовки... Политуправление не уделяло достаточного внимания работе среди войск и населения противника». Обратим внимание, что к пожилым отнесены люди вполне среднего возраста даже по тем временам — вероятно, это связано со ставкой на молодёжь самого динамичного и работоспособного возраста, 20—30 лет. При этом в документе отмечено и понимание проблем, вызванных резким омоложением кадров при взрывном количественном росте армии.

Акт приёма-передачи Наркомата обороны Ворошилов, Тимошенко и Жданов подписали 7 мая 1940 года. Но для нашего героя работа с военным ведомством на этом не прекратится.

24 июля 1940 года ЦК ВКП(б) и Совет народных комиссаров Союза ССР утверждают новый состав Главного военного совета — центрального органа при Наркомате обороны, определяющего основные вопросы военного строительства. В перечне членов совета, явно не случайно, фамилия Жданова указана второй, сразу после наркома Тимошенко.

В конце июня 1940 года Жданову пришлось отвлечься от армейских дел и впервые в жизни покинуть пределы СССР. Но именно в результате «зарубежной командировки» нашего героя иностранное государство, которое он осчастливил своим визитом, стало частью Советского Союза.

К середине июня 1940 года сильнейшие мировые державы того времени — Англия и Франция — потерпели неожиданное и сокрушительное военное поражение. Пользуясь столь резкими переменами на Западе, руководство СССР решило окончательно завершить свою прибалтийскую эпопею, начатую осенью предыдущего года, когда с подписанием «договоров о взаимопомощи» наши войска создали свои базы

на территориях Литвы, Латвии и Эстонии. Новые геополитические реалии сводили на нет значение прежних покровителей балтийских лимитрофных государств и сделали неизбежным рост влияния в Прибалтике гитлеровской Германии. Руководство СССР, ранее избегавшее резкого вмешательства во внутреннюю политику прибалтийских соседей, обвинило власти Литвы, Латвии и Эстонии в неспособности обеспечить соблюдение «договоров о взаимопомощи» и, по существу, выдвинуло ультиматум о смене правительств во всех трёх бывших провинциях Российской империи.

При этом реалии Литвы, Латвии и Эстонии были далеки от образа маленьких демократий. В Литве после военного переворота 1926 года пятнадцатый год существовала диктатура президента Антанаса Сметоны. В Латвии с 1934 года после такого же военного переворота правил самопровозглашённый президент Карл Ульманис. В Эстонии ситуация была аналогичной — в 1934 году военный переворот привёл к власти Константина Пятса. Поэтому ультиматум Советского Союза по форме был самым настоящим призывом к установлению демократии — от карликовых прибалтийских диктатур потребовали проведения свободных демократических выборов.

В час ночи 16 июня 1940 года нарком иностранных дел Вячеслав Молотов вызвал эстонского посланника Августа Рея и зачитал ему ультиматум. Когда Рей поинтересовался, «с кем президент Эстонской республики будет сноситься по вопросу формирования нового правительства», Молотов ответил, что «для переговоров с президентом в Таллин будет командирован тов. Жданов»^{356}. Наш герой для такой командировки был выбран не случайно — он плотно занимался советско-эстонскими отношениями ещё осенью 1939 года, и кому как не ему, главе Ленинграда, предстояло завершить установление полного советского контроля над южным берегом Финского залива.

О предстоящем судьбоносном визите одного из первых лиц великого восточного соседа в Эстонии узнали практически сразу. Как докладывал в Москву советский посол (полпред) Никитин: «...Для эстонцев не был секретом предстоящий приезд в Таллин тов. Жданова. Это обстоятельство важно учесть ввиду того, что уже начиная с 17 июня в полпредство стали звонить отдельные лица, выясняя вопрос о характере будущего правительства, о существе его новой ориентации, о его программе и т. д. Некоторые даже предлагали услуги...»^{357}

По свидетельству английских журналистов, Жданов прибыл в Таллин 19 июня 1940 года «на бронепоезде и с вокзала в бронированном

автомобиле в сопровождении двух танков направился в президентский дворец»^[358]. Танковый кортеж Жданова на улочках бывшего Ревеля оставим на совести «британских учёных», но советские войска к тому времени уже контролировали всю Эстонию. Части Ленинградского военного округа, в том числе танковые, вошли в Таллин ещё утром 17 июня, одновременно на рейде появились корабли Балтийского флота. Советский гарнизон, расположившись в ключевых районах, внешне не вмешивался в текущую жизнь страны. Эстония фактически раскололась на две части — одни приветствовали советские войска, другие были враждебны по отношению к СССР, но уже бессильны.

Носивший титул президента Эстонии Константин Пяте происходил из православной русско-эстонской семьи. В 1916 году он, как и Жданов, стал прапорщиком военного времени, после революции активно участвовал в Гражданской войне на территории бывшей Эстляндской губернии. В 1920-е годы Пяте возглавил самую крупную группировку эстонских «олигархов», контролировавших политику и экономику самостоятельной республики. В 1934 году, будучи премьер-министром Эстонии, он, опираясь на военных, ввёл чрезвычайное положение, запретил все политические партии и независимую прессу. Также были запрещены демонстрации и забастовки. Через четыре года открытой диктатуры Пяте организовал избрание самого себя президентом.

Даже в июне 1940 года диктатор всё ещё надеялся сохранить свою формальную власть, соглашаясь на любые уступки советской стороне. Встреча двух бывших прапорщиков царской армии проходила на окраине эстонской столицы в президентском дворце Кадриорг, что когда-то возвёл Пётр I для императрицы Екатерины. Теперь здесь президент Пяте доказывал уполномоченному ЦК ВКП(б) Жданову свою преданность советско-эстонскому договору от 28 сентября 1939 года и предлагал свои варианты нового правительства. Жданов, в свою очередь, попрекал эстонского диктатора тем, что он всячески затягивал согласования по предоставлению баз советским войскам и интриговал по поводу Балтийской антанты — враждебного СССР военного союза трёх прибалтийских государств. От обсуждения конкретных кандидатур в состав нового эстонского правительства Жданов уклонился, как он сам в тот же вечер телеграфировал шифром в Москву, «под предлогом необходимости изучить обстановку». Свой шифрованный доклад Сталину о встрече с Пятсом Жданов в тот вечер завершил так: «Под видом "помощи" нашим войскам в стране до первого июля Лайдонер (командующий эстонской армией у Пятса, бывший подполковник царской армии. — А. В.) запретил

все собрания, на этом основании сегодня разгоняются рабочие митинги в Таллине и арестовываются ораторы, выступающие с приветствиями Красной Армии. Не следует ли вмешаться в это дело или оставить до нового правительства? Высылаю завтра свои соображения о составе нового правительства»^{359}.

Формированием нового правительства Эстонии Жданов занимался двое суток, 19 и 20 июня. Прежние чиновники и бизнесмены из окружения Пятса на эту роль, естественно, не годились. Местные коммунисты после подавления красного восстания 1924 года, последовавших за ним массовых для Эстонии расстрелов и долгих лет подполья были крайне немногочисленны. В то же время слишком радикальные эстонские большевики не годились для переходного правительства. Жданову даже пришлось настойчиво попросить их не спешить и снять призывы к немедленной советизации. Для нового правительства требовались люди, известные в Эстонии, симпатизирующие социализму и СССР, но не пугающие местную интеллигенцию и буржуазию.

Как происходил ждановский набор в эстонское правительство, наглядно демонстрирует пример Ниголя Андресена. Бывший школьный учитель был лидером молодёжной организации умеренных социалистов и даже избирался в эстонский парламент. После военного переворота Пятса интеллигент Андресен, отойдя от опасной политики, переводил на эстонский язык «Капитал» Маркса и роман Горького «Мать». Вечером 20 июня 1940 года по приглашению Жданова на автомашине одного из советских дипломатов Ниголь Андресен приехал в посольство СССР. Его кандидатура была более чем уместна в новом правительстве — достаточно известный в стране человек, авторитетный в среде интеллигенции умеренный оппозиционер с искренними симпатиями к социализму.

Первый разговор со Ждановым будущий министр Андресен позднее вспоминал так: «...Наши переговоры продолжались около двух часов. Жданов сказал, что в Эстонии необходимо создать новое, по-настоящему демократическое правительство, а затем начал расспрашивать меня о способностях и деятельности отдельных людей. Он спросил моё мнение о Й. Варэесе как о премьер-министре. Я ответил, что очень доверяю Й. Варесу, однако мне известно, что ему чужда всякая административная деятельность, и боюсь, что у него могут возникнуть затруднения. Профессора Нуута я лично не знал, но будучи наслышан о нём, дал ему позитивную оценку.

"Кто больше известен в народе, Нуут или Семпер?" — прозвучал вопрос. "По моему мнению, Семпер", — ответил я без колебаний.

Насколько я знаком с профессором Круусом? Я ответил, что мало встречался с ним лично, охарактеризовал его как историка, сказал о его антипятсовских выступлениях. Всё это Жданову было известно. Мог бы я порекомендовать Крууса в члены правительства? Я побоялся это делать и сказал об этом, я не был близко знаком с Круусом. Так мы обсудили ещё многих, среди них был ряд военных, о которых я ничего сказать не мог: у меня вообще не было знакомых военных, особенно среди высшего командного состава. Далее меня попросили охарактеризовать И. Нихтига (которого я немного знал и сыну которого той весной давал уроки). Я ответил, что он аполитичный делец...»^{360}

Как видим, Жданов весьма деловито и в высоком темпе проводил собеседования с потенциальными членами правительства, попутно уточняя характеристики и авторитетность иных перспективных кандидатов. Так, профессор Нуут «уступил» пост министра просвещения историку Йоханнесу Семперу, раз последнего рекомендовали как более известного в народе.

В конце разговора Жданов неожиданно спросил Андресена, какое министерство он сам мог бы возглавить. «Я об этом не думал», — ответил филолог. «Пора было бы подумать», — не без юмора заметил Жданов и предложил собеседнику Министерство иностранных дел. Бывший депутат откровенно растерялся: «Это же самая незнакомая для меня область, если я с чем и попаду впросак, то в первую очередь с этим министерством». — «Не беда, — утешил Жданов, — газеты читаете, во внешней политике ориентируетесь, а это главное...»

Те двое суток, 19—20 июня 1940 года, Жданов в основном и провёл в таких переговорах и встречах с эстонскими оппозиционерами. Главой нового эстонского правительства неожиданно для многих стал известный в стране поэт-символист пятидесятилетний Йоханнес Варес, писавший под псевдонимом Барбарус (Варвар). Упомянутый выше новый министр просвещения Семпер тоже был известным в стране поэтом-футуристом. Был не чужд поэзии и новый глава МИДа Ниголь Андресен. Все они входили в литературную группу «Сиуру» — своеобразное эхо петербургского Серебряного века в Ревеле (Таллине). Поэт Варес был ещё и военным врачом, широко известным героем гражданской войны в Эстонии — причём на «белой» стороне будущего диктатора Пятса. Примечательно, что он отказался получать заслуженную им в гражданской войне высшую награду самостоятельной Эстонии «Крест свободы». В 1920—1930-е годы он не раз выражал симпатии к социализму, что многие тогда посчитали эпатажной позой поэта. Одним словом, это была широко

известная в народе и весьма авторитетная, особенно в кругах интеллигенции, фигура. То, что, по словам министра и филолога Андресена, «ему чужда всякая административная деятельность», в той ситуации в глазах Жданова было скорее достоинством, чем недостатком нового премьер-министра.

В отличие от буржуазной верхушки Пятса большинство эстонцев имели массу поводов для недовольства текущим положением: крестьяне страдали от малоземелья и долгов, рабочие надеялись в союзе с «пролетарским» СССР спастись от вызванного мировой войной экономического кризиса, интеллигенция во многом симпатизировала левым идеям и видела в СССР защиту от унылой диктатуры Пятса и влияния гитлеровского нацизма. Эстония и так была бедной и отсталой страной, а начавшаяся Вторая мировая война ещё более ухудшила положение её небольшой экономики. Была введена карточная система на многие импортные продукты, необходимые в повседневной жизни, такие как, например, сахар. Для безработных и нищих власти организовали трудовые лагеря с тюремным режимом и телесными наказаниями розгами. На этом фоне Советский Союз, с его явными успехами в экономическом и культурном строительстве, с обаятельной идеологией и пропагандой, многим казался привлекательным.

Безусловно, последовавшие 21 июня 1940 года массовые выступления в Таллине и ряде других городов Эстонии были организованы при поддержке СССР. Но столь же бесспорно, что масса эстонцев вышла на улицы добровольно и с самыми искренними намерениями, выдвигая актуальные и понятные большинству лозунги и требования. В историю Эстонии данные события вошли как «солнечная революция» — по капризу природы только этот день, 21 июня, был солнечным в течение всей пасмурной недели. В десять утра на площади Вабадузе в центре Таллина, откликнувшись на призыв профсоюзов и демократической оппозиции, собрались тысячи людей.

Формально все массовые собрания в Эстонии были запрещены, но в Таллине уже располагались дополнительные советские войска и в их присутствии «силовики» Пятса не решались разгонять демонстрации с лозунгами в поддержку политики СССР. Демонстранты требовали отставки действующего правительства, освобождения политзаключённых и повышения уровня жизни, пели эстонские и популярные советские песни. После митинга собравшиеся двинулись к президентскому дворцу.

Один из эстонских чиновников свергаемого правительства оставил колоритную зарисовку того дня: в углу Белого зала «таллинского кремля»

сидел и плакал министр иностранных дел Антс Пийп (тот самый, что поминал имя Жданова на совещании эстонской элиты в этом же зале 26 сентября 1939 года), другой министр, курировавший СМИ в пятсовской республике, Антс Ойдермаа был энергичнее и, глядя из окон замка на демонстрацию, без конца повторял подчинённым: «Ребята, дело в жопе! Это конец!»^{361}

Демонстранты водрузили красные флаги над средневековым замком Тоомпеа, где располагались правительственные учреждения, над зданием Министерства внутренних дел. Потом они двинулись к центральной тюрьме. Здесь их молча сопровождали трое советских командиров — в их присутствии эстонские полицейские не решились оказать сопротивление, и в захваченной тюрьме демонстранты освободили 27 политических заключённых.

Другая группа демонстрантов направилась к таллинскому арсеналу. Проходя по улице Пикк мимо здания советского полпредства, они приветствовали вышедшего на балкон товарища Жданова. Арсенал был окружён и поставлен под охрану рабочих из только что сформированных местными коммунистами и социалистами рабочих дружин.

Вечером, когда завершились демонстрации, Жданов нанёс короткий визит в президентский дворец. Его встреча с Пятсом заняла всего восемь минут. Нервы уже бывшего диктатора Эстонии не выдержали. И поздним вечером 21 июня он без оговорок принял предложенный Ждановым список членов нового правительства.

Формально всё происходило в строгом соответствии с нормами международного права и действовавшего тогда законодательства Эстонии — президент под давлением общественного мнения распустил прежнее правительство и сформировал новое. 26 июня полпредство СССР в Эстонии докладывало Москве: «Население одобрительно отзывается о качествах и популярности членов нового правительства, за исключением командующего армией Ионсона, о котором говорят как о человеке, не находившемся в течение последних 15 лет в трезвом состоянии...»^{362} Думается, эта особенность Густава Ионсона, нового главкома пятнадцатитысячной эстонской армии, волновала Жданова в последнюю очередь.

События развивались стремительно. Через две недели, 5 июля 1940 года, под давлением Жданова президент Пяте назначил выборы нового состава Государственной думы. На следующий день Жданов и советский полпред Кузьма Никитин подписали с новым правительством Эстонии

соглашение о предоставлении СССР в аренду инфраструктуры таллинского порта, всех береговых укреплений и батарей. Теперь, с учётом советской базы на финском полуострове Ханко, вход в Финский залив надёжно контролировался Советским Союзом.

Подготовка к назначенным на 14 июля выборам нового парламента Эстонии также шла под опекой Жданова. Один из чиновников в правительстве поэта Вареса позднее вспоминал: «Премьер-министр г-н Варес вновь вручил мне небольшой список, написанный по-русски красными чернилами. Это был тот же список, который я видел у министра внутренних дел. Я спросил, кто его написал. Он был написан тем же человеком (в том же стиле), что и тот, который я несколько дней назад видел у министра внутренних дел. "Жданов, конечно", — ответил г-н Варес»^[363]. Эта записка Жданова содержала продуманные способы юридических и организационных манипуляций, которые позволяли отсечь от участия в экстренных выборах противников советского курса. Жданов и его советники использовали нормы действующего в стране закона о выборах, который готовил под себя президент Пяте, чтобы гарантированно избирать ручной парламент. Теперь эти механизмы «управляемой демократии» работали против прежних хозяев Эстонии.

За те девять дней, что отводились для подготовки к выборам, сторонники советского курса из профсоюзов, крестьянских и иных общественных организаций сформировали Союз трудового народа Эстонии, который и выдвинул своих кандидатов во всех избирательных округах страны. Фактически эти мероприятия проводились по рецептам той инструкции о «Трудовом народном фронте», которую Жданов готовил для Финляндии в декабре 1939 года. Тогда инструкция не реализовалась, но пригодилась через полгода на другом, южном побережье Финского залива.

Голосование прошло 14 и 15 июля 1940 года. Из кандидатов, не вошедших в Союз трудового народа Эстонии, успели и смогли выдвинуться только несколько человек. При этом само голосование было самым демократичным за всю историю Эстонии: в выборах приняли участие свыше 80 процентов жителей, заметно больше, чем когда-либо ранее (на треть больше, чем в 1938 году, когда диктатор Пяте организовывал выборы в свой парламент). 92,9 процента от числа голосовавших высказались за просоветский Союз трудового народа Эстонии.

Через два года, уже после оккупации республики германскими войсками, эстонские коллаборационисты в захваченных архивах тщательно исследуют документы по выборам июля 1940 года и вынуждены будут признать, что подавляющее большинство эстонцев действительно

проголосовало за советский путь. Обнаружится лишь незначительное количество испорченных бюллетеней, в частности на одном будет надпись: «Жданов со своей бандой, вон из Таллина и со свободной земли Эстонии!»^{364}.

Однако «банда» у товарища Жданова была одной из самых сильных в том мире, чтобы реагировать на подобные фиги в кармане и терять драгоценное время в политической игре. Ровно через неделю после выборов, 21 июля 1940 года, первая сессия нового эстонского парламента приняла решение об установлении в стране советской власти и образовании Эстонской Советской Социалистической Республики. На следующий день была принята декларация о вступлении Эстонии в состав СССР и сделано официальное эстонское обращение с соответствующей просьбой к Верховному Совету СССР. В тот же день президент Пяте подаёт прошение об отставке, и его полномочия — в строгом соответствии с эстонской Конституцией 1938 года — переходят к новому премьер-министру Ивану Варесу, который уже написал заявление о вступлении в компартию. 30 июля бывший главный олигарх Эстонии, диктатор и президент Пяте уезжает, но не к банковским счетам в Швецию, а в противоположном, восточном направлении — в Башкирию. Внешне — почти добровольно...

6 августа 1940 года Верховный Совет СССР издаёт постановление о принятии в состав союзного государства Эстонской ССР

В ходе этого исторического процесса Жданов был щепетилён в формулировках. Выдвинутый им министром Ниголь Андресен вспоминал: «...Я был у Жданова и, покончив с неотложными делами, сказал ему, что мне необходима долгосрочная ориентация, например, в течение какого времени мы должны подготовить вхождение Эстонии в Советский Союз. Жданов поправил меня, не столько в языке, сколько по существу, вместо "вхождение" сказав "присоединение", и тем самым сделал ударение на методах этого присоединения»^{365}. Действительно, с юридической точки зрения Эстония, как и другие прибалтийские республики, добровольно присоединилась к СССР с соблюдением необходимых демократических процедур. Современные претензии к тому, что эта демократичность была сугубо формальна и лишь прикрывала советское давление, вырваны из исторического контекста — достаточно вспомнить мир 1940 года, состоявший в основном из колониальных держав и провинциальных диктатур разной степени фашизации...

Глава 21.

«ГИТЛЕРУ НЕЛЬЗЯ ВЕРИТЬ НИ В ЧЁМ»

На протяжении всех лет работы между Кремлём и Смольным Андрей Жданов оставался близким приятелем советского вождя. Сталин в своём стиле даже интересовался жизнью его семьи. Вспоминает Юрий Жданов: «Где-то летом 1940 года на отцовской даче в Волынском под Москвой я играл в волейбол. Смотрю, бежит запыхавшийся чекист и срочно приглашает в дежурку к телефону: "Вас товарищ Сталин". Бросаюсь к трубке и слышу: "Говорят, вы много занимаетесь общественной работой. Политика — грязное дело. Нам химики нужны". Ни "здравствуйте", ни "прощайте". Было над чем задуматься...»^[366]

Сталин явно благоволил сыну нашего героя — мальчик, с которым он познакомился ещё летом 1934 года на даче в Сочи, теперь был двадцатилетним студентом химфака МГУ, спортсменом, комсомольцем и отличником, не замеченным в каких-либо шалостях «золотой молодёжи». Сам же Андрей Жданов теперь был далёк от скромности прежнего быта. Когда-то первый секретарь Нижегородского крайкома жил в коммунальной квартире и на лето снимал дачу в пригороде. Через десятилетие член политбюро, секретарь ЦК и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома жил в плотном окружении охраны, переселившись из Дома на набережной в Кремль, в старое здание Оружейной палаты, где тогда размещались жилые квартиры всех членов политбюро. Даже его государственная дача теперь находилась в Волынском, рядом с «ближней дачей» Сталина.

На первом этаже сталинской дачи, в столовой, служившей и залом собраний для ближнего круга высших руководителей СССР, стоял небольшой рояль красного дерева. Этот инструмент ведущей музыкальной фирмы мира «Steinway & Sons» появился у вождя СССР именно благодаря Жданову. Об этом рассказывает в воспоминаниях Артём Сергеев, сын близкого друга Сталина старого большевика Ф.А. Сергеева, воспитывавшийся в семье Сталина и часто бывавший на «ближней даче». Он же рассказал, что у Сталина была большая коллекция пластинок Александра Вертинского, которого ценил и наш герой. Под аккомпанемент Жданова собравшиеся члены политбюро и ЦК порой пели романсы популярного певца-эмигранта.

Второй секретарь Московского городского комитета ВКП(б) Георгий Попов позднее вспоминал об одном из типичных вечеров на сталинской даче: «Сталин любил русские народные песни. Он подошёл к радиоле и начал проигрывать песни в исполнении Лидии Руслановой. После этого А. Жданов сел за рояль и начал исполнять классику. Наигравшись за роялем, он взял в руки гармошку и выдал русскую. Кто-то ударился в пляс...»^{367}

Из всего ближнего круга Жданов был едва ли не единственным, кто после сталинских посиделок, подвыпив, мог заночевать на даче вождя. Наш герой, вероятно, побаивался возвращаться домой под хмельком — его жена Зинаида была женщиной с сильным характером и, судя по всему, лидером во внутрисемейных отношениях, а Жданову с его больным сердцем пить было нельзя.

Сталин всегда спал в своей комнате на первом этаже, а Жданов в таком случае располагался в гостевой комнате на втором. Позднее здесь будут останавливаться наиболее важные дипломатические гости Сталина: в 1944 году — Черчилль, в 1950-м — Мао Цзэдун.

Все участники того ближнего круга, кто оставил воспоминания, не без некоторой ревности отмечают особо приятельские отношения Сталина и Жданова. Анастас Микоян через многие десятилетия напишет: «Что касается Жданова, то Сталин особенно перед войной стал к нему хорошо относиться... Сталин питал какую-то слабость к Жданову, не спаивал его, поскольку знал, что тот склонен к алкоголизму, жена и сын удерживают его часто»^{368}.

Злой на язык Никита Хрущёв так вспоминает вечеринки на сталинской даче: «Когда Жданов стал вращаться в среде Политбюро, было видно, что Сталин к нему относится очень внимательно... Действительно, когда мы бывали у Сталина (в это время Сталин уже стал пить и спаивать других, Жданов же страдал такой слабостью), то, бывало, он брэнчит на рояле и поёт, а Сталин ему подпевает. Эти песенки можно было петь только у Сталина, потому что нигде в другом месте повторить их было нельзя. Их могли лишь крючники в кабаках петь, а больше никто»^{369}.

В 1975 году пенсионер Молотов выскажется кратко: «Сталин Жданова больше всех ценил. Просто великолепно к Жданову относился»^{370}. Что же касается упомянутых Хрущёвым матерных частушек («крючниками» именовали в начале прошлого века артели грузчиков, понятно, какой репертуар они исполняли «в кабаках»), то интересно такое высказывание Молотова: «Ленин матом не ругался. Ворошилов — матерщинник. И Сталин — не прочь был... Жданов мог иногда так, под весёлую руку. От

души. Душу отвести умеют люди именно таким образом. Но это так, незло»^{371}.

В конце июля 1940 года Жданов становится членом Главного военного совета при Наркомате обороны СССР. В январе 1941 года высшее военное командование СССР проведёт большие командно-штабные игры, которые и поныне привлекают внимание военных историков. Целью этих штабных учений будет проверка основных положений плана стратегического развёртывания и действий войск в начальный период войны. «Играть» будут те, кому придётся управлять войсками в июне 1941-го: Тимошенко, Шапошников, Мерецков, Жуков, Ватутин, Павлов и др. Но среди тех, кто будет анализировать результаты штабных учений в кабинете Сталина, будет присутствовать и Андрей Жданов. По итогам этих событий у Генерального штаба РККА в феврале 1941 года появится новый начальник — Георгий Жуков.

10 апреля 1941 года Сталин собственноручно напишет решение политбюро: «Приказы Наркомата обороны, имеющие сколько-нибудь серьёзное значение, издавать за подписями наркома, члена Главвоенсовета т. Жданова или т. Маленкова и начальника Генштаба»^{372}.

Константин Симонов в воспоминаниях приведёт такие слова начальника Генштаба Жукова о Жданове: «Единственный из ближайшего окружения Сталина, кто на моей памяти и в моём присутствии высказывал иную точку зрения о возможности нападения немцев, был Жданов. Он неизменно говорил о немцах очень резко и утверждал, что Гитлеру нельзя верить ни в чём»^{373}.

В этом плане интересны воспоминания наркома ВМФ Николая Кузнецова: «Из последующих косвенных разговоров со Ждановым я мог вынести заключение, что договор (с Гитлером. — А. В.) ещё будет действовать долго, но не потому, что в него кто-то чрезмерно верит, а потому, что "война на Западе затягивается" и наши противники будут длительное время связаны борьбой, а нам предоставляется возможность заниматься своим мирным трудом и готовиться к войне»^{374}.

Юрий Жданов отмечает следующее: «Со слов отца помню точно мысль Маркса, которую после заключения пакта специально приводили на закрытом совещании руководящих идеологических работников в ЦК ВКП(б): "В политике ради известной цели можно заключить союз даже с чёртом, — нужно только быть уверенным, что ты проведёшь чёрта, а не чёрт тебя". Эта мысль мне запомнилась с 1939 года, и лишь много позже я наткнулся на неё, читая Маркса»^{375}.

За фасадом дипломатических улыбок иллюзий относительно Гитлера в окружении Сталина никто не питал. Юрий Жданов вспоминает, как отец рассказал ему грубоватую прибаутку, ходившую тогда в политбюро по поводу министра иностранных дел Германии, зачастую щеголявшего в мундире и внушительной фуражке группенфюрера СС: «Удивляется вся Европа, какая у Риббентропа широкая... шляпа».

Жданов всё же сомневался в возможности провести берлинского чёрта. Но соблазн достигнуть в большой политике своей цели, пока другие конфликтуют и выясняют отношения, был слишком велик. В ноябре 1940 года, выступая на закрытом заседании объединённого пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), он так выскажет свои соображения на этот счёт: «...Тов. Сталин всячески рекомендует, чтобы мы тайники, связанные с механикой международной политики, знали, изучали, чтобы в этом отношении, как говорит тов. Сталин, не были вахлаками... Роль медведя заключается в том, что, пока дровосек дрова ломает, мы ходим по лесу и требуем попённую плату...»^{376} Медведем в этом выступлении Жданова был СССР, который, пока «дровосек» Гитлер «ломал дрова» в европейском «лесу», собирал свою «попённую плату» в виде новых западных территорий. Избранная аудитория, высшие руководители второй столицы страны, встретили ждановское объяснение циничных законов большой политики с воодушевлением — как зафиксировала стенограмма: «Весёлое оживление в зале, бурные аплодисменты, смех».

Далее в выступлении Жданов конкретизировал эту мысль: «Политика социалистического государства заключается в том, чтобы использовать противоречия между империалистами, в данном случае военные противоречия, для того, чтобы в любое время расширить, когда представляется эта возможность, позиции социализма... Из этой практики мы исходили за истёкший год, она дала, как вы знаете, расширение социалистических территорий Советского Союза. Такова будет наша политика и впредь, и тут вам всем ясно, по какой линии должно идти дело (смех)».

Жданов весьма откровенно пояснил особенности политики СССР на фоне европейской войны: «У нас нейтралитет своеобразный — мы, не воюя, получаем кое-какие территории (смех). Для того чтобы этот нейтралитет поддержать, нужна сила... Мы должны быть настолько сильны, чтобы эти позиции социализма отстоять и дипломатическим, и военным путём».

В обнародованной стенограмме выступления Жданова все эти слишком откровенные высказывания тогда были изъяты. Теперь же их

любят цитировать всяческие «разоблачители» советской агрессивности, в своём морализаторстве старательно забывая, что подобный политический цинизм является законом в большой политике всех времён и народов.

Но по мере того как Гитлер «переваривал» победу над Францией, вероятность его нападения на СССР увеличивалась. Жданов, на близком ему опыте войны с Финляндией, неплохо понимал, что Вооружённые силы СССР, при всех своих успехах, далеки от того всепобеждающего идеала, который рисовала советская пропаганда. В 1930-е годы вместе с ростом технического оснащения и численности РККА нужно было создать у армии и общества уверенность в своих силах — отсюда и шла эта зачастую слишком оптимистичная военная пропаганда гарантированных побед «малой кровью на чужой территории». Но с приближением реальной большой войны, со всеми её неизбежными ужасами и трудностями, шапкозакидательские настроения становились вредными. И Жданов попытался скорректировать тон военной пропаганды.

Специалист Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Григорий Шумейко вспоминал, как незадолго до войны Жданов на одном из заседаний Секретариата ЦК поручил агитпропу подготовить аналитическую записку о перестройке военной пропаганды «на разъяснение условий оборонительной борьбы в случае нападения». Подготовку такой записки поручили именно Шумейко, который позднее писал: «Рекомендации по её основному содержанию, высказанные в предварительном порядке Ждановым, были именно такими — готовить морально население к худшему... Возможно, что Жданов, лично переживший по-особому события "той войны незначительной", как сказал поэт, имел свой особый взгляд и на характер надвигавшейся большой войны»^[377].

Здесь Шумейко процитировал строку из стихотворения Твардовского о финской войне. Слишком радикальное решение Жданова о перестройке советской военной пропаганды тогда испугало нового начальника УПА Александра, и он, перестраховываясь, попросил Шумейко составить запрошенный Ждановым анализ не в форме официального документа, а в виде личного доклада в ЦК. Жданов одобрил записку Шумейко и представил её в ЦК. Случилось это за несколько недель до войны.

Впрочем, некоторые шаги по перестройке пропаганды Жданов сделать успел. Так, в конце апреля 1941 года на заседании ЦК он резко раскритиковал центральную военную газету «Красная звезда» и вообще Главное управление политпропаганды РККА за неумеренное восхваление высшего военного руководства. 19 мая 1941 года состоялась премьера

художественного фильма «Фронтовые подруги», созданного на «Ленфильме» режиссёром Виктором Эйсымонтом по сценарию Сергея Михалкова и Михаила Розенберга. Фильм рассказывал о девушках, добровольно отправившихся на финский фронт санитарками. Соблюдая стиль советского кино тех лет, с военной романтикой, подвигами и верой в победу, он тем не менее отличался от шапкозакидательского настроения других картин — впервые в предвоенном кинематографе СССР война была показана ещё и как страшное испытание, большая кровь и трагедия. К тому же фильм отличался весьма реалистичными для тех лет съёмками боевых действий. Накануне войны он буквально потряс зрителя.

Уже в июне 1941 года Жданов, официально курировавший весь советский кинематограф, наоборот, запретил к показу кинокартину «Сердца четырёх». Премьера этой удачной для тех лет комедии состоится только в победном 1945 году. Но в июне 1941 года, накануне неизбежных испытаний, наш герой сочтёт невозможным показать командира Красной армии главным героем легкомысленного водевиля.

Участие Жданова в подготовке страны к Великой Отечественной войне не ограничивалось только пропагандой или общим руководством. В современной публицистике он широко, даже скандально известен как идеолог сталинизма и «гонитель интеллигенции». При этом абсолютно забыт, не изучен и не систематизирован тот этап его биографии, который тесно связан с военной промышленностью и военной наукой СССР накануне 22 июня 1941 года. Между тем имя Жданова упоминается практически во всех мемуарах крупнейших конструкторов советского оружия в предвоенные годы.

Народный комиссар вооружения СССР Борис Львович Ванников описал в мемуарах одно из совещаний в кабинете Сталина, прошедшее за несколько месяцев до начала войны, связанное со спорами по поводу производства пушки крупного калибра:

«Вскоре меня вызвал И.В. Сталин... Он очень внимательно выслушал мои доводы. В это время в кабинет вошёл А.А. Жданов, и Сталин, обращаясь к нему, сказал:

— Ванников не хочет делать 107-миллиметровые пушки для... танков. А эти пушки очень хорошие, я с ними воевал в Гражданскую войну.

— Ванников всегда всему сопротивляется, это стиль его работы, — ответил Жданов.

Сталин, вероятно, не хотел действовать в этом вопросе поспешно.

— У Ванникова, — сказал он, — имеются серьёзные мотивы, их надо обсудить. — И, по-прежнему обращаясь к Жданову, добавил: — Ты у нас

главный артиллерист, поручим тебе возглавить комиссию с участием товарищей Кулика, Ванникова, Горемыкина (тогда — нарком боеприпасов) и ещё кого найдёшь нужным. И разберитесь с этим вопросом...»^{378}

Один из руководителей советской военной экономики в 1941—1945 годах, а затем и советского атомного проекта, Борис Львович Ванников писал свои мемуары на излёте жизни, не надеясь на публикацию. В отношении неформальных рангов и лидерства в своей области бывший сталинский нарком был весьма щепетилён, а к Жданову и при его жизни относился без особой комплиментарности — в том споре о пушке Жданов был не на его стороне. Поэтому приведённые Ванниковым слова Сталина о Жданове — «Ты у нас главный артиллерист...» — сомнений не вызывают, они отражают неформальную иерархию и разделение труда в сталинском политбюро накануне мировой войны.

Вспоминая совещания военных, производственников и конструкторов под председательством Жданова, Б.Л. Ванников отмечает, что тот вёл их весьма жёстко. Кстати, и сам Ванников, и его оппонент в споре о крупнокалиберных орудиях — начальник Главного артиллерийского управления армии, маршал Григорий Кулик — были людьми очень жёсткими, чрезвычайно властными и конфликтными. Наш же герой всегда был скорее мягок и дипломатичен, но, как видим, ради дела умел с волками выть по-волчьи...

Иначе вспоминает работу со Ждановым знаменитый конструктор пушек Василий Грабин:

«После совещания, пригласив меня в кабинет, Кулик поинтересовался состоянием рабочих чертежей по ЗИС-2... Пока мы обсуждали состояние дел по ЗИС-2 и другим орудиям, раздался телефонный звонок. Маршал взял трубку.

— Кулик слушает. — После паузы: — Здравствуйте, Андрей Александрович. — И начал пересказывать итоги совещания по ЗИС-2.

Как я догадался, собеседником Кулика был секретарь ЦК Жданов. Узнав, что я сейчас в кабинете у Кулика, Жданов попросил маршала передать мне телефонную трубку.

Поздоровавшись, он спросил:

— Не могли бы вы сегодня зайти ко мне?

— Могу, — ответил я. — Жду!..

Жданов встретил меня приветливо.

— ЦК интересуется вашей противотанковой пушкой, — сказал он. — Правда, меня обо всём информируют, но я хочу послушать вас. Пожалуйста, расскажите о делах поподробнее.

Когда я закончил, Жданов спросил:

— Вы твёрдо уверены, что кучность с новой нарезкой будет хорошая?

Я ответил утвердительно и пояснил почему.

— Не рискованно ли запускать пушку в валовое производство, не проверив кучность с новым стволом?

— Нет, товарищ Жданов.

— Когда будет подана новая труба для испытаний и как долго её будут испытывать?

— Трубу подадут буквально на днях, — ответил я. — Испытания тоже не займут много времени.

— Отсутствие трубы не задержит подготовку производства? Я объяснил, что чертежи трубы у нас имеются, потребуется изменить только нарезку. На подготовке и организации производства это не отразится.

— Значит, вы уверены, что кучность будет высокая? — повторил Жданов.

— Да. Уверен.

— Это было бы замечательно. Такой мощной противотанковой пушки ни одна страна не имеет. Ваша пушка очень понадобится, и хорошо, что вопрос решается вовремя. Вашей пушкой интересуется товарищ Сталин, — добавил Жданов.

Набрав номер "кремлевки", он сказал:

— Товарищ Грабин у меня, мы с ним говорим о новой противотанковой пушке.

И Жданов передал трубку мне.

— Мне рассказывали, что вы хорошую противотанковую пушку создали, это верно? — услышал я голос Сталина...»^[379]

Завершив деловую часть разговора, как вспоминает Грабин, Жданов тепло попрощался с ним и просил передать благодарность рабочим и конструкторам.

В мемуарах Грабина стиль работы Жданова заметно отличается от описанного Ванниковым. Вероятно, Андрей Александрович умело пользовался индивидуальным подходом: мог властно прессовать жёстких людей и быть мягким и обходительным с теми, кто предпочитал иной характер работы.

У Грабина также было немало профессиональных споров со Ждановым, например, по поводу специальной 76-миллиметровой полуавтоматической пушки для вооружения подводных лодок и военных транспортов. Грабин вспоминал: «Жданов настаивал на том, что создавать специальные пушки не следует, нужно изыскать другие возможности.

Позиция его была вполне понятна. Новая пушка — дело дорогое, связанное с огромными капитальными затратами. Нужно оборудование, специальные сплавы и многое другое. Тем не менее я продолжал отстаивать свою точку зрения...»^{380}

Грабин рассказал о ещё одном случае со Ждановым, когда Сталин поручил ему «лично, никому не передоверяя, в кратчайший срок подготовить проект решения по перевооружению тяжёлого танка...».

«На совещании у Жданова, — вспоминает Грабин, — Федоренко представлял заказчика танков, Котин, Зальцман и Казаков — создателей танков, я — артиллеристов. В задачу нашей "пятёрки" входила выработка основных характеристик танка и пушки и подготовка проекта постановления ЦК и СНК»^{381}.

Комбриг Яков Федоренко был тогда начальником Автобронетанкового управления армии. Жозеф Котин — конструктор созданного в Ленинграде тяжёлого танка К.В. Исаак Зальцман — с 1938 года директор Кировского завода в Ленинграде, будущий главный организатор массового производства в СССР танков. Николай Казаков — с 1938 года директор Ижорского завода, в годы войны он станет наркомом тяжёлого машиностроения СССР.

В военной истории заслуги Котина, Зальцмана, Казакова, Федоренко и Грабина хорошо известны и бесспорны. Наш же герой такого признания лишён. А ведь заметим, что Котин, Зальцман и Казаков — ленинградцы, «люди Жданова», именно им замеченные и выдвинутые на ответственные посты. Да и Грабин не чужой Жданову человек — свою конструкторскую работу он начал на артиллерийском заводе № 92 в Горьком в 1933 году, ещё при Жданове.

Но вернёмся к мемуарам Грабина:

«Открывая первое заседание, Жданов предупредил:

— Партия и правительство придадут большое значение перевооружению тяжёлого танка, прошу вас подойти со всей серьёзностью к разработке тактико-технических требований и к определению сроков создания танка и пушки. Сроки должны быть минимальными. Фашистская Германия разгуливает на Западе. Не исключено, что в ближайшее время она нападёт на нас. Нам стало известно, что немцы работают над созданием толстобронных танков с мощным вооружением. Наши тяжёлые танки слабо вооружены.

Закончив сообщение, Жданов предложил нам приступать к работе.

— Проект решения нужно подготовить как можно быстрее, — сказал

он. — Поэтому работать придётся допоздна, не выходя из ЦК. Питаться будете здесь же, обеспечим. Для вашей работы отведено помещение. Я в любое время в вашем распоряжении...»^{382}

Ленинградские производители танков и начальник Автобронетанкового управления, ссылаясь на технические и производственные причины, сопротивлялись предложениям вооружить тяжёлый танк 107-миллиметровой пушкой. Грабин пишет: «Слово за слово: от частных перешли к общим задачам танка. Их позиция была прежней: главное — броня и манёвр. Особой остроты спор достиг, когда я заявил: "Танк — повозка для пушки". Это вызвало бурю негодования. Мои коллеги пошли к Жданову и доложили ему о моих взглядах на роль танка. Выслушав их, Жданов сказал:

— Грабин прав.

Такой оценки мои оппоненты не ждали...»^{383}

Максима «танк — повозка для пушки» после Великой Отечественной до наших дней общепризнанной в военной теории и практике всех стран. Заметим, что весной 1941-го она ещё не была очевидной. Но «чиновник» Жданов стремительно и чётко ориентируется в этом вопросе.

Совместная работа в кабинете ЦК продолжалась. Грабин несколько раз упоминает: «Пришлось снова обратиться к Жданову... И этот вопрос пришлось решать у Жданова...»

Второй день совещания под руководством Жданова оказался не легче. «Кое-как, со спорами и без взаимного понимания, — пишет Грабин, — согласовали почти все вопросы, кроме главного — о сроках...

Снова пошли к Жданову, проинформировали его о наших разногласиях. Жданов обратился к Котину:

— Когда будет танк?

— Как только Грабин даст пушку, танк будет готов, — ответил Котин.

Жданов спросил у меня:

— Товарищ Грабин, когда вы сможете дать пушку?

— Через сорок пять дней, — ответил я.

Раздался дружный хохот. До слёз смеялись и мои коллеги, и Жданов. Только мне было не до смеха в весьма жизнерадостной атмосфере кабинета секретаря ЦК.

Когда наконец смех утих, Жданов сказал:

— Товарищ Грабин, мы собрались здесь, чтобы серьёзно решать вопрос, а вы шутите.

— Нет, не шучу, — возразил я. — Срок, который я назвал, обоснован и

вполне серьёзен.

— Вы продолжаете шутить, — заметил Жданов. — Пойдите и посоветуйтесь ещё раз.

Справедливость требует отметить, что сцена эта продолжалась гораздо дольше, чем в моём пересказе. За три эти слова: "Сорок пять дней" — я выслушал много шуток в свой адрес.

Пошла наша "пятёрка" советоваться. Танкисты уже без смеха советовали мне увеличить названный срок в несколько раз. Я стоял на своём. Ясно стало, что соглашения нам не достигнуть. С тем и пришли к Жданову. Первые его слова были:

— Ну как, товарищ Грабин, продумали срок? — Да.

— Наверное, не сорок пять дней?

— Сорок пять дней, товарищ Жданов.

— И всё-таки вы несерьёзны. Я думаю, что срок следует значительно увеличить.

Я не выдержал:

— Товарищ Жданов, почему короткий срок вызывает гомерический хохот и считается несерьёзным, в то время как длинный срок находит поддержку и одобрение?

— Мы не знаем ни одного случая, чтобы новую танковую пушку создавали не только за сорок пять, но и за девяносто дней, — сказал Жданов.

...В тот же день я выехал на завод, не дожидаясь подписания решения. На прощание Жданов сказал:

— Если не сумеете уложиться в сорок пять дней, позвоните мне. Я доложу Сталину, и срок удлиним.

Я поблагодарил Жданова»^{384}.

Отметим далёкую от гнетущей атмосферу в кремлёвском кабинете Жданова. И его вполне профессиональную ориентацию в вопросах сроков производства. И благожелательное, даже заботливое отношение к талантливому конструктору, который берёт на себя ранее невиданные обязательства.

Из 140 тысяч полевых орудий, которыми воевали наши солдаты во время Великой Отечественной войны, более 90 тысяч были сделаны на заводе, которым руководил Василий Грабин, ещё 30 тысяч были изготовлены по проектам Грабина на других заводах страны. Поэтому высокая оценка деятельности Жданова в области артиллерийского производства, данная посмертно и спустя много десятилетий «гением советской артиллерии», заслуживает самого пристального внимания.

Практически в то же время, двумя месяцами ранее, Жданову пришлось разбираться и с вопросами производства самолётов-штурмовиков Сергея Ильюшина. Крупнейший советский авиаконструктор Александр Яковлев, по чьим проектам было произведено рекордное в мире количество самолётов — 70 тысяч, пишет следующее:

«...Мне припомнился один эпизод, происшедший незадолго до войны, в феврале 1941 года.

По срочному вызову нарком и я поехали к Сталину. В его кабинете находились Маленков, Жданов и директор ленинградского Кировского завода Зальцман. Сталин был возбуждён и нервно расхаживал по кабинету. Как выяснилось, нас вызвали по поводу производства штурмовиков Ильюшина. Завод, выпускавший Ил-2, сорвал сроки сдачи машин.

Илы производились тогда в условиях довольно сложной кооперации. Бронированные корпуса штурмовика поставлял один завод, а ему, в свою очередь, раскроенные броневые плиты заготовлял другой. Не добившись накануне толкового ответа о причинах задержки выпуска штурмовиков, Сталин позвонил в Ленинград Жданову и поручил ему разобраться в этом деле. Жданов вызвал руководителей завода и дал им серьёзную трёпку за несвоевременную подачу корпусов штурмовика, но виновные ссылались на задержку в получении раскроя бронированных листов с Кировского завода. Пришлось вызвать и Зальцмана. Последний, чтобы оправдаться в глазах Жданова, привёз ему одну из синек серийных чертежей корпуса Ил-2, полученных с авиазавода. Синька уже побывала в цехах, на верстаках, и была испещрена многочисленными технологическими пометками. Зальцман разложил на столе у Жданова этот чертёж и заявил, что низкое качество чертежей является причиной большого брака и срыва выполнения задания по броне. Жданов сообщил об этом Сталину. В результате состоялось обсуждение вопроса об Илах, на которое вызвали нас, Жданова и Зальцмана.

Когда Зальцман стал потрясать перед Сталиным якобы негодным чертежом, я сразу понял, в чём дело. Чертёж действительно был рабочим цеховым документом — рваный, в масляных пятнах, а многочисленные технологические пометки можно было принять за исправление ошибок. Зальцман изобразил дело таким образом, будто бы все чертежи штурмовика находятся в таком состоянии. Сталин расвирепел:

— Мне давно говорили, что Ильюшин неряха. Какой это чертёж? Безобразие. Я ему покажу.

Я вступился за Ильюшина, постарался объяснить, в чём дело, но Сталин ничего не хотел слушать. Он соединился по телефону с

Ильюшиным и заявил дословно следующее:

— Вы неряха. Я привлеку вас к ответственности. Ильюшин что-то пытался объяснить по телефону, но Сталин не стал с ним разговаривать.

— Я занят, мне некогда. Передаю трубку Жданову, объясняйтесь с ним.

И опять:

— Я привлеку вас к ответственности.

В тот же вечер расстроенный Сергей Владимирович поехал в Ленинград и утром, прямо с поезда, отправился на Кировский завод. Там с цеховыми работниками он детально во всём разобрался и о нечестном поступке Зальцмана доложил Жданову, от которого Зальцману крепко попало»^{385}.

Заметим, что, докопавшись до сути, наш герой отнюдь не выгораживает «своего» человека Зальцмана. Таких примеров воспоминаний инженеров и конструкторов о совместной работе со Ждановым можно привести множество. Написаны они в годы, когда Жданова давно не было на свете, и никто не был обязан вспоминать его, ни тем более вспоминать положительно. Но из всех мемуаров людей науки и дела Жданов предстаёт весьма толковым управленцем, менеджером, который по-деловому и квалифицированно организует и координирует работу технических специалистов. Нет нужды пояснять, насколько такая «менеджерская» функция необходима в любом сложном производстве — её значение для достижения требуемого результата вряд ли меньше, чем у сугубо технических работ. Так что, основываясь на мемуарах создателей советского оружия, отметим и эту заслугу товарища Жданова — именно он, продираясь через все сложности совсем молодой, ещё неопытной советской промышленности, координировал работы по созданию множества новых образцов нашего оружия непосредственно перед Великой Отечественной войной.

В апреле 1941 года на заседании военного совета флота рассматривался вопрос о средствах борьбы с новыми магнитными минами. Исследовательские работы по «размагничиванию» кораблей вёл Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ), где над этой темой трудились молодые учёные — Анатолий Александров и будущий «отец» советской атомной бомбы Игорь Курчатов. С докладом об итогах исследований Александрова пригласили на военный совет флота. Примечательно, что докладывавший тогда члену политбюро и всем советским адмиралам ленинградский учёный Анатолий Александров в годы Гражданской войны добровольцем воевал против большевиков в

армиях Деникина и Врангеля. После разгрома и бегства белых в 1920 году он остался в Крыму, где вопреки мифам о повальных расстрелах был вскоре освобождён. Работая в период нэпа школьным учителем, увлёкся научной физикой, что и привело его в Ленинградский физтех. Много позже, уже в 1978 году, академик Александров оставил магнитофонную запись своих воспоминаний, опубликованную уже в наше время:

«В апреле 1941 года я был вызван на обсуждение вопроса о размагничивании на Военный совет флота. Председательствовал адмирал Кузнецов, были Галлер и Исаков, все командующие флотами и флотилиями, присутствовал Жданов. После доклада о системе ЛФТИ Главнокомандующий флотом Кузнецов начал высказывать сомнения: требуется много кабеля, работа потребует отрыва кораблей от службы и т. д. Но тут выступил Жданов, он сказал Комфлота очень резко: "Так сейчас-то мы можем кабель получить от тех же немцев, а если мы сейчас, срочно, не оборудуем корабли этим вооружением, так будут огромные потери! Нужно немедленно, как можно быстрее оборудовать корабли этой системой!" ...Было принято решение о немедленном оборудовании всех кораблей системами ЛФТИ, определены организации-исполнители, обязали ЛФТИ выпустить и магнитометры. Одновременно их начала выпускать и промышленность...»^{386}

Вскоре после описанного совещания со Ждановым, уже к июлю 1941 года, Александров и Курчатов обеспечат «размагничивание» всех судов Балтфлота и затем отправятся проводить аналогичные работы в Севастополь. С сентября 1942 года, когда Курчатов возглавит исследования по «атомному проекту», Александров будет его заместителем, а в начале 1950-х годов этот бывший деникинский доброволец станет создателем первых атомных подводных лодок в нашей стране.

Тем ценнее свидетельство такого очевидца — обратим внимание, как Жданов не только сразу понимает значение сложного технического проекта, ещё не вполне ясного даже для многих флотских руководителей, но и практически на ходу прикидывает, где взять ресурсы и оборудование для его реализации. Необходимый кабель был продуктом для тех времён достаточно сложным и дефицитным, а требовалось его на эти цели до тысячи километров! Ленинградский завод «Севкабель» не успевал справляться с таким заказом. Но весной 1941 года ещё можно было попытаться успеть, купив недостающее у «тех же» немцев, от мин которых и готовили размагничивание кораблей...

В первой половине 1941 года выпуск военной продукции вырос по сравнению с 1937 годом в четыре раза. Появилось множество образцов

новой военной техники всех видов. И Андрей Жданов к этому прямо причастен. За такие заслуги положено ставить памятники — Жданову здесь не досталось и памяти. В последние десятилетия публицисты и историки с восклицаниями и придыханиями всячески исследовали и разглядывали несколько абзацев, мимоходом брошенных нашим героем по поводу творчества одной из поэтесс. На этом фоне действительно значительная деятельность Жданова, повлиявшая на судьбы сотен миллионов в самый роковой момент нашей истории, и ныне остаётся абсолютно неизвестной.

Глава 22.

«ВРАГ У ВОРОТ»

Советское руководство ожидало возможного начала войны в мае. В минувшем 1940 году Гитлер атаковал Францию именно в этом месяце, в начале тёплого и сухого сезона, благоприятного для наступательных операций. В мае—июне 1941 года СССР находился в сложном положении — возможное германское нападение ожидали, но надеялись и старались избежать его в текущем году, поэтому не начинали всеобщую мобилизацию, чтобы не провоцировать Гитлера, хотя это и давало фору отмобилизованным силам противника. Рассуждали примерно так: если Гитлер не атакует в первые месяцы благоприятного сезона, то войны в 1941 году удастся избежать — невозможно начинать масштабные военные действия в Восточной Европе незадолго до осени, и значит, страна получит ещё один мирный год, за который удастся завершить начатое перевооружение армии новыми образцами техники и оружия.

Советское руководство пыталось пройти по лезвию бритвы, выгодно остаться в стороне от мировой войны, не дав себя преждевременно втянуть в бойню. Георгий Димитров, генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, приводит в своём дневнике высказывание Жданова весной 1941 года после оккупации гитлеровцами Югославии: «Балканские события не меняют общей установки, занятой нами в отношении империалистической войны и обеих воюющих капиталистических группировок. Германскую экспансию на Балканах мы не одобряем. Но это не означает, что мы отходим от пакта с Германией и поворачиваем в сторону Англии. Те наши люди, которые так думают, недооценивают самостоятельной роли и мощи Советского Союза. Им кажется, что надо ориентироваться либо на одну, либо на другую империалистическую группировку, а это глубоко неверно...»^{387}

Накануне вероятной войны, 4 мая 1941 года политбюро утвердило постановление «Об усилении работы советских центральных и местных органов», в соответствии с которым Сталин становился главой правительства — Совета народных комиссаров СССР, теперь уже официально сосредоточивая в своих руках не только партийную, но и государственную власть. Постановление прямо касалось и Жданова: «Ввиду того, что тов. Сталин, оставаясь по настоянию ПБ ЦК первым

секретарём ЦК ВКП(б), не сможет уделять достаточного времени работе по Секретариату ЦК, назначить тов. Жданова А.А. заместителем тов. Сталина по Секретариату ЦК...»^{388} С этого дня Андрей Жданов официально становился вторым человеком в правящей партии — а с учётом роли ВКП(б) и вторым человеком во всей властной иерархии СССР.

Первым заместителем Сталина в Совнаркоме назначался «ленинградец» Николай Вознесенский. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) теперь возглавлял ещё один старый товарищ нашего героя — Александр Щербаков. При этом он возглавлял и Московский комитет партии. Он и Вознесенский также войдут в образованную в конце мая 1941 года Комиссию по военным и военно-морским делам при Бюро Совнаркома СССР. В начале июня, сменив арестованного Бориса Ванникова, наркомом вооружений СССР станет «ленинградец» Дмитрий Устинов. Таким образом, накануне Великой Отечественной войны ждановская команда становится наиболее значительной и влиятельной группировкой среди партийно-государственного чиновничества СССР.

Наращивая власть и влияние в масштабах всей страны, Жданов не забывал и Ленинград. К маю 1941 года завершилось строительство ленинградского Дома Советов, который должен был стать главным зданием нового городского центра. Оставались лишь некоторые отделочные работы, и самый большой административный дворец СССР запланировали открыть 7 ноября 1941 года. В это же время полным ходом развернулось строительство ленинградского метро — второго в СССР после Москвы. За год предполагалось проложить тоннели первой линии. В начале июня 1941 года ленинградские метростроевцы приступили к созданию вестибюля первой подземной станции.

Влияние Жданова в стране усиливалось, а вот состояние здоровья становилось удручающим: обострились сердечные проблемы, появились симптомы диабета. После двух десятилетий работы на износ, заваленный бесчисленным количеством задач и проблем, второй человек в правящей партии стал почти инвалидом.

Незадолго до начала войны, 10 июня 1941 года, политбюро рассматривало записку начальника лечебного управления Кремля о необходимости предоставить Жданову месячный отпуск в Сочи в связи с болезненным состоянием и «общим крайним переутомлением». Заботами Сталина Жданов получил больше, чем просили врачи. По сталинской резолюции политбюро приняло решение: «Дать т. Жданову отпуск в Сочи на 1½ месяца»^{389}.

Как всё вышло на деле, вспоминает Юрий Жданов: «В июне 1941 года Политбюро приняло решение о предоставлении очередного отпуска для лечения моему отцу. 19 июня отец приехал в Москву из Ленинграда и отправился к Сталину. Там он поделился своей тревогой: в немецком консульстве какая-то возня, уничтожают документы, вскоре всё может начаться.

Сталин на это: "Нам известно, что немцы планировали нападение на 15 мая. Теперь они завязли на Балканах. Немцы в этом году упустили наиболее выгодное для них время для нападения. Скорее всего, это случится в сорок втором. Поезжайте отдыхать. Правда, тревожит то, что немцы не опубликовали в своей прессе опровержение ТАСС".

Знаменитое опровержение ТАСС от 14 июня 1941 года опровергало распространившиеся слухи, будто наступило осложнение советско-германских отношений, что не исключена конфликтная ситуация. Опровержение ТАСС, по словам отца, было пробным шаром...

Всей семьёй мы отправились в Сочи. По дороге отец с тревогой говорил: "Успеем ли доехать?" 21 июня мы были на месте. Утром 22-го мать вошла в мою комнату и сказала: "Война". Наступила новая эпоха.

В Москву мы вернулись поздно, 25 июня. По дороге война являла своё лицо колоннами новобранцев и крест-накрест заклеенными белой бумагой окнами домов.

Отец сразу же отправился к Сталину. Мы ждали его допоздна, он вернулся ночью. Вот его слова: "Пал Двинск. Горит Минск. Немцы наносят главный удар на Ленинград. Настроение Сталина тяжёлое: "Мы не сберегли завещанное нам Лениным... Немедленно отправляйтесь в Питер"...»^{390}

Юрий Жданов ошибся — журнал посещений кремлёвского кабинета Сталина зафиксировал его разговор со Ждановым вечером 24 июня. Но переданный разговор со Сталиным достоверен. Вечером 24 июня в Кремле уже знали, что танковые части немецкой группы армий «Север» прорвались к Двинску (Даугавпилсу), на тот момент это был один из самых глубоких прорывов. В соответствии с планом «Барбаросса» Ленинград действительно был стратегической целью группы армий «Север». Против советского Прибалтийского фронта в первые дни войны наступали две германские танковые группы из четырёх, так что 24 июня вполне мог быть сделан вывод о главном ударе немцев в северо-восточном направлении, на Ленинград.

23 июня была образована Ставка Главного командования (позднее — Ставка Верховного главнокомандования), и спешивший в столицу Жданов был назначен постоянным советником при Ставке. В Москве он пробыл

несколько часов — в ближайшие полгода вернуться сюда ему будет суждено только дважды и на короткое время: в августе — на несколько часов для доклада Ставке накануне окружения Ленинграда, и в декабре 1941 года самолётом, на сутки покинув блокадный город...

25 июня в Ленинграде Жданов первым делом встретился с Алексеем Кузнецовым, вторым секретарём горкома, и Маркияном Поповым, командующим Ленинградским военным округом. В условиях стремительного наступления немцев в Прибалтике, помимо штатных мобилизационных мероприятий, приняли решение о создании народного ополчения и мобилизации ленинградцев для строительства оборонительных полос на старой границе и дальних подступах к городу. Такие экстренные решения в первые дни войны неизбежно демонстрировали населению, что ход боевых действий для СССР складывается неудачно и совсем не «малой кровью на чужой территории». Через четверть века генерал Попов вспоминал: «Учитывая значение этих мероприятий, А.А. Жданов решил всё же посоветоваться с И.В. Сталиным и сразу же доложил ему об этом по телефону. Разговор носил несколько затяжной характер. По фразам Жданова чувствовалось, что ему приходится убеждать Сталина, а по окончании переговоров, положив трубку, он сказал, что Сталин дал своё согласие, указав одновременно на необходимость провести большую разъяснительную работу среди населения»^{391}.

28 июня Ставка утвердила представленный Ждановым план организации в Ленинграде семи добровольческих дивизий. Создание ополчения изначально не входило в планы военных, но уже в июле 1941 года, когда стала очевидна вся тяжесть положения, незапланированные ополченческие дивизии потребовались на фронте, на дальних подступах к Ленинграду.

Часть этих формируемых по городским районам и заводам дивизий решением Жданова получила звание гвардейских. Но, в отличие от появившейся только в сентябре 1941 года армейской гвардии, восходившей традициями к Петру I, ленинградские ополченцы-гвардейцы именовались так в честь бойцов революционной Красной гвардии 1905 и 1917 годов. Благодаря развитой промышленности Ленинграда эти дивизии народного ополчения (ДНО) были неплохо вооружены для 1941 года, даже на фоне регулярных стрелковых дивизий.

Вот что пишет о личном составе дивизий Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) современный историк Великой Отечественной войны А. Исаев в книге «От границы до Ленинграда»: «Промышленные рабочие были достаточно высокообразованным и

мотивированным контингентом... Уровень образования и, соответственно, уровень абстрактного мышления делали их неплохими солдатами с точки зрения индивидуальных качеств бойца и младшего командира. Это достаточно ярко продемонстрировала 2-я ДНО, результативно противостоявшая немецким подвижным соединениям. Боеспособность ополченцев 2-й ДНО оказалась на уровне курсантов Ленинградского пехотного училища»^{392}.

1 июля 1941 года в городе создана Чрезвычайная комиссия по вопросам обороны Ленинграда. Председателем комиссии стал Жданов, в её состав вошли: секретарь горкома Алексей Кузнецов, секретарь обкома Терентий Штыков, председатель облисполкома Николай Соловьёв и председатель горисполкома Пётр Попков.

10 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны создал Главкомандование войск Северо-Западного направления во главе с Ворошиловым, которому подчинили Северный и Северо-Западный фронты, Балтийский и Северный флоты. Военный совет возглавил Жданов. Если командующие фронтами и направлениями были высшей военной властью и осуществляли непосредственное руководство войсками, то члены военных советов фронтов и направлений, являясь главными представителями высшей государственной власти, отвечали и за ход боевых действий, и за мобилизацию всех сил и средств в интересах вооружённой борьбы.

В тот же день, 10 июля, на главную базу Балтийского флота в Таллине заместителю наркома ВМФ адмиралу Ивану Исакову поступило распоряжение Жданова об организации обороны столицы Эстонской ССР. Бои в Эстонии и затянувшаяся на весь август оборона Таллина, где ключевую роль сыграют именно ленинградцы, свяжут значительные силы немецкой группы армий «Север».

Как свидетельствуют генерал А.И. Черепанов, в то время главный инспектор при главкоме Северо-Западного направления, и П.М. Курочкин, начальник связи Прибалтийского округа (затем Северо-Западного фронта), 12 июля 1941 года Ворошилов и Жданов находились под Новгородом в штабе Северо-Западного фронта. Именно в эти дни войска фронта подготовили и провели наступление под Сольцами, один из первых успешных контрударов лета 1941 года. Под угрозой окружения наступавшие дивизии немцев отошли на несколько десятков километров, ударные части группы армий «Север» приостановили наступление на Ленинград.

Контрудар под Сольцами, а также последующая оборона советских войск под Лугой почти на месяц задержали наступление противника к

Ленинграду, что позволило выиграть время для подготовки длительной обороны города. Лужский оборонительный рубеж строили почти полмиллиона ленинградцев, мобилизованных по решению, которое Жданов обосновал перед Сталиным ещё в первые дни войны.

В последние дни июля Жданов был на другом направлении, в Петрозаводске — финны перешли в наступление, пользуясь тем, что основные наши силы были переброшены из Карелии на германский фронт. Как свидетельствует «красный» финн Вольдемар Виролайнен, тогда уполномоченный Наркомата путей сообщения, Жданов побывал в Петрозаводской группе войск и на возводимых оборонительных рубежах. Уезжая из столицы Карело-Финской Республики, Жданов сформулировал Геннадию Куприянову, первому секретарю ЦК компартии Карело-Финской ССР, главную задачу обороны Карелии: «Не дать возможности врагам продвинуться к Ленинграду с востока, не дать немцам и финнам соединиться на южном берегу Ладожского озера и создать мёртвое кольцо вокруг города Ленина»^{393}. Через полтора года Вольдемар Виролайнен приведёт в Ленинград первый поезд с боеприпасами и продовольствием. Это случится в феврале 1943 года — после того как нашим войскам удастся пробить первую брешь в блокаде, и в город по южному побережью Ладоги, в трёх километрах от немецких артиллерийских позиций, за 17 дней проложат 33 километра и три моста временной железной дороги. Но до этого дня Ленинграду придётся пережить сотни дней блокады...

18 августа 1941 года немцы заняли Нарву, на следующий день пал Новгород. Передовые части группы армий «Север» вышли к станции Чудово, угрожая перерезать Октябрьскую железную дорогу — основную трассу, соединяющую Ленинград и Москву.

В такой напряжённой обстановке 20 августа в Смольном собрался партийный актив Ленинграда, присутствовали командиры и комиссары дивизий Ленинградского народного ополчения. Очевидец приводит слова Жданова: «Враг у ворот. Вопрос стоит о жизни и смерти. Либо рабочий класс Ленинграда будет превращен в рабов и лучший его цвет будет истреблен, либо соберём всё в кулак и ответим двойным ударом, устроим фашизму могилу под Ленинградом. Будем крепкими, организованными, сильными — и победа будет за нами»^{394}.

Навстречу наступающим немцам рвались финны, которые 3 сентября 1941 года перешли старую границу по реке Сестре и начали штурм Белоострова, нынешнего пригорода Петербурга. Как позднее вспоминал командовавший на данном направлении 23-й советской армией генерал

Александр Черепанов, в тот день ему позвонил Жданов: «Товарищ Черепанов, — услышал я его усталый, но твёрдый голос, — ленинградцы болезненно переживают потерю Белоострова. Постарайтесь вернуть его»^{395}. Упорные бои за переходивший из рук в руки Белоостров и доты Карельского укрепрайона продолжались до ноября 1941 года.

На этот раз события складывались куда сложнее и трагичнее, чем во время памятной Жданову «пермской катастрофы» 1918 года. Трагедию блокады, вызванную стремительным наступлением агрессора, и поныне используют для создания «чёрной легенды» о Жданове. Тут истеричные обличители и очернители русской истории вешают на Жданова всех собак, используя и объективные трудности, и самые нелепые выдумки.

Типичный образчик такой писанины стоит процитировать: «За 900 дней блокады ответственность должно нести партийное руководство, и в первую очередь самый бездарный чиновник — первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) товарищ А.А. Жданов, который к героическому подвигу жителей города никакого отношения не имел. Первый секретарь блокаду "проспал": много пил, много ел, занимался физкультурой, чтобы сбросить лишний вес, на передовую не ездил и хозяйством не занимался»^{396}.

К сожалению, остаётся неизвестным, кто (или что) имеет отношение к столь впечатляющим умственным способностям автора данной цитаты... Бесполезно задавать ему, например, вопрос об ответственности за 900 дней блокады таких одарённых чиновников, как Гитлер или Маннергейм, — объективность и логика не в чести у тех, кто разоблачает сталинских сатрапов между бизнес-ланчем и офисом.

Очерняя Жданова, создатели подобных легенд любят противопоставлять «самому бездарному чиновнику» то уполномоченного ГКО по снабжению Ленинграда Алексея Косыгина, то второго секретаря Ленинградского горкома Алексея Кузнецова. «Разоблачители», конечно, «забывают», что именно «бездарный» Жданов и выдвинул этих талантливых людей в руководство страны и города.

Некоторые элементы «чёрной легенды» о Жданове в годы блокады мы рассмотрим ниже. Сейчас же заметим одно: с 1941 по 1945 год на Северо-Западе России и в Ленинграде Андрей Александрович Жданов играл ту же роль, что и Сталин в масштабах всей страны. Как убоги и бессмысленны утверждения, что можно выстоять и выиграть мировую войну при бездарном лидере или «вопреки» негодному главнокомандующему, так же бессмысленно отрицать роль Жданова в спасении Ленинграда. Именно

Жданов осуществлял там в тяжёлые дни и месяцы высшее государственное руководство, именно сформированная им в довоенные годы команда (Косыгин, Кузнецов и многие другие) управляла городом в самых тяжёлых условиях Великой Отечественной войны.

Эвакуация мирных жителей из Ленинграда началась 29 июня 1941 года, задолго до того, как немцы вышли на дальние подступы к городу. К сентябрю, когда гитлеровцы окончательно замкнули кольцо блокады, было эвакуировано, то есть спасено от смерти, 700 тысяч человек, из них почти половина — дети. Добавим, что масштабная эвакуация городского населения проводилась и в течение всей блокады (с её начала до весны 1942 года по Дороге жизни и авиацией эвакуировано свыше полумиллиона ленинградцев).

Позднейшие претензии, что надо было эвакуировать в два-три раза больше людей, не выдерживают критики, если подходить к данному вопросу не с обличительным пафосом послезнания, а с учётом суровых реалий того времени. Даже в наше мирное время эвакуация в столь сжатые сроки такого количества людей (всего, с учётом беженцев из окрестных областей, за лето первого военного года из города вывезено до миллиона человек) является сложнейшей задачей. Тогда же эвакуация проводилась в условиях тяжелейшей войны, когда все транспортные системы были задействованы для нужд сражающейся армии, да и само размещение миллионов беженцев в тыловых областях было непростой задачей для воюющей страны. Тотальная эвакуация была невозможна и в силу особого значения ленинградской промышленности для всей нашей обороны — во второй половине 1941 года даже после эвакуации предприятия Ленинграда производили четвертую часть основных видов вооружения, выпускавшегося тогда в СССР. Значение этой ленинградской продукции в самый критический момент войны очевидно. В дальнейшем, даже после установления блокады, часть военной продукции Ленинграда — от артиллерии до радиостанций и авиационного оборудования — направлялась на другие участки советско-германского фронта.

В сентябре 1941 года на момент установления блокады в городе находилось два с половиной миллиона человек. С учётом жителей пригородов, оборонявших город войск и Балтийского флота в кольце блокады оказалось свыше трёх миллионов человек.

К началу блокады в городе были созданы запасы продовольствия, достаточные для снабжения населения и войск в течение немногим более месяца. В июле было ещё невозможно предвидеть окружения города, тем более столь длительную осаду. Создать же всего за один месяц в условиях

войны полугодовые запасы продовольствия для многомиллионного мегаполиса было просто нереально. К тому же проходившие через город и оседавшие в городе массы беженцев, формирование и передислокация войск осложняли накопление таких запасов. Вопреки «чёрной легенде» о Бадаевских складах, после их бомбардировки немцами было потеряно три тысячи тонн муки из необходимых городу ежемесячно 100 тысяч тонн.

Подготовка транспортного маршрута по Ладоге началась ещё до установления блокады, в конце августа. Уже 12 сентября, всего через четверо суток после захвата немцами Шлиссельбурга, в город по озеру пошли первые баржи с хлебом. Началу работы Ладожской трассы предшествовало состоявшееся в тот же день расширенное совещание в кабинете Жданова в Смольном ленинградских гидрометеорологов и других специалистов по навигации в весьма непростых условиях Ладожского озера^[397]. Дорога жизни — единственная артерия для спасения города — была использована руководством страны и Ленинграда по максимуму.

Михаил Казанский, в будущем известный океанолог, а в начале войны 26-летний начальник ледовой службы Краснознамённого Балтфлота, вспоминал:

«8 сентября 1941 года после захвата немецко-фашистскими войсками города Шлиссельбурга Ленинград оказался отрезанным от страны. Началась его блокада.

В этот же день начальника Гидрометеорологической службы Балтийского флота подполковника Г.Д. Селезнёва вызвали в Смольный к члену Военного Совета Ленинградского фронта, секретарю ЦК ВКП(б), секретарю Ленинградского обкома и горкома партии Андрею Александровичу Жданову. В Смольный вместе с Селезнёвым поехал и я. А.А. Жданов интересовался особенностями ледового режима Ладоги, задавал вопросы о том, как лучше организовать перевозки в периоды между ледоставами.

— Через две недели жду от вас обстоятельный доклад. Дело вам поручается весьма ответственное, — сказал на прощание Андрей Александрович.

К началу войны озеро было достаточно хорошо изучено. Однако, как ни полны были сведения о Ладоге, сейчас потребовалась информация иного характера. Нужны были надёжные данные о прочности и устойчивости ледяного покрова, его способности выдерживать большие нагрузки. Полмесяца напряжённой работы ушло на то, чтобы собрать все тогда известные сведения. И вот 24 сентября А.А. Жданову, членам Военного Совета Ленинградского фронта секретарю горкома партии А.А.

Кузнецову и начальнику Главного Морского Штаба вице-адмиралу И.С. Исакову были представлены материалы в виде карт и текста на 34 листах. Затем мы доложили об ожидаемом характере замерзания и продолжительности сохранения ледяного покрова.

В этот день фактически и родился проект ладожской Дороги жизни...»[{398}](#)

Осенью 1941 года город пережил два смертельных кризиса. Первый в сентябре, когда создалась реальная угроза захвата Ленинграда и город готовился отдать свою жизнь как можно дороже. Достаточно сказать, что на улицах было построено более четырёх тысяч дотов и дзотов, оборудовано более двадцати тысяч огневых точек, а при минировании городских объектов, на случай их захвата немцами, использовано свыше 300 тонн взрывчатки. Второй смертельный кризис был в ноябре, когда из-за льда на Ладоге остановилось судоходство, но толщина ледового покрова ещё не позволяла начать транспортировку по льду, и продовольственное снабжение упало до минимума. Но в эти кризисы город выстоял, пережил он и первую трагическую зиму. К весне 1942 года уже можно было не сомневаться, что город врагу не сдастся и будет спасён.

Посмотрим, как прожил Жданов этот самый тяжёлый период блокады. В сентябре 1941 года, когда немцы взяли Шлиссельбург и замкнули кольцо вокруг Ленинграда, у него, старого «сердечника», случился инфаркт. Приступ болезни сердца Жданов перенёс на ногах. Об этом свидетельствуют документы, зафиксировавшие осенью 1941 года его многочисленные встречи, переговоры и переписку с работниками города, командующими армиями и частями Ленфронта, в том числе Георгием Жуковым, с представителями Москвы и Верховным главнокомандующим Сталиным. Надо заметить, что в самые критические моменты германского наступления многие переговоры были, естественно, весьма острыми и нервными.

В ноябре 1941 года, когда в Москве проходил знаменитый военный парад на Красной площади, Жданов выступил на собрании партактива в Смольном: «Русские люди много раз смотрели смерти в глаза, проявляя при этом непоколебимую душевную силу: они и на этот раз не дрогнули, но надо рассказать народу правду такой, какая она есть...»[{399}](#)

Нарком торговли РСФСР Дмитрий Васильевич Павлов, сын петербургского рабочего, с сентября 1941 года был уполномоченным Государственного Комитета Оборона по обеспечению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта, находился в блокадном городе,

непосредственно занимаясь вопросами снабжения. Позднее он так вспоминал о руководителе Ленинграда: «Жданов умел слушать людей и быстро реагировать на вопросы — дар, присущий немногим. Он был требователен, за упущения в работе никому не давал спуска. Но всё это делалось в такой форме, что самолюбие подчинённых не задевалось. Он умел владеть собой. Даже в самые мрачные дни осады города Жданов казался бодрым, уверенным и только близкие к нему люди иногда могли уловить его душевное волнение... Обеспечение жителей города продовольствием находилось под наблюдением Жданова, от его взгляда не ускользала ни одна важная деталь в жизни города»^{400}. В.И. Демидов и В.А. Кутузов в книге «Ленинградское дело», отнюдь не комплиментарной для нашего героя, на основе общения со множеством очевидцев и свидетелей тех событий признают: «Незаурядная, очень динамичная память помогала прочно удерживать и, главное, мгновенно извлекать всевозможные сведения. В блокаду Жданов часто конфузил начальников различных служб (тыла, метеообеспечения и т. п.), вылавливая в их отчётах и справках различные ошибки. Соперничать с ним в памятьливости и кругозоре никто в ленинградском руководстве не мог. Как и в фонтанировании идей. Хотя далеко не всегда собственных»^{401}.

Во множестве воспоминаний людей, занимавшихся военной экономикой и производством в блокадном городе, Жданов присутствует именно как центральный руководитель, решавший многочисленные проблемы блокадной жизни, техники и промышленности. Так, один из инженеров Военно-воздушных сил Ленинградского фронта А.Л. Шепелев вспоминает:

«С каждым днём всё труднее становилось выполнять возросшие заказы авиационных частей. Требовалось организовать ремонтные работы непосредственно на аэродромах, создать в полках подвижные авиационно-ремонтные мастерские (ПАРМы).

Составив проект постановления Военного совета фронта по этому вопросу, я обсудил его с главным инженером, а затем представил командующему. Генерал-майор авиации А.А. Новиков написал на документе, что он ходатайствует перед Военным советом о принятии такого решения. Затем Александр Александрович вернул мне бумагу и сказал:

— Доложите суть дела первому члену Военного совета Анд рею Александровичу Жданову. Поскольку вы инженер, вам, как говорится, и карты в руки!

Признаюсь, я немного растерялся. Ведь Андрей Александрович

Жданов был не только членом Военного совета фронта, но прежде всего членом Политбюро ЦК ВКП(б), секретарём Центрального Комитета партии, первым секретарём Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

— Боюсь, что товарищ Жданов не станет со мной разговаривать, — высказал я опасение. — Ведь совсем недавно Военный совет решал вопрос о нештатных ремонтных базах. И вдруг — новое дело — ПАРМы...

— Не робейте и не теряйте времени, — ободрил меня командующий. — Андрей Александрович сейчас в кабинете, и на приёме у него пока мало народу.

Генерал А.А. Новиков помолчал немного и, как бы размышляя вслух, продолжал:

— Товарищ Жданов хорошо относится к авиаторам, заботится об укреплении наших ВВС. Он знает, как дорог нам каждый отремонтированный самолёт, и непременно поможет.

И вот я в приёмной А.А. Жданова. Его секретарь то отвечает на телефонные звонки, то сам кого-либо вызывает.

Первый член Военного совета Ленинградского фронта принял меня довольно быстро. Здороваясь, он приветливо улыбнулся, и это как-то сразу помогло мне освободиться от скованности.

Я не раз слушал выступления А.А. Жданова на торжественных собраниях, партактивах и партийных конференциях, но наедине с ним оказался впервые. Андрей Александрович выглядел усталым, чувствовалось, что он постоянно недосыпает и не совсем здоров. Мой доклад он слушал внимательно, вопросы задавал чёткие, лаконичные, иногда делал записи в блокноте.

Затем Андрей Александрович переговорил по телефону с секретарём Ленинградского горкома партии по промышленности, чтобы уточнить производственные возможности некоторых предприятий, и с командующим ВВС фронта генералом А.А. Новиковым. У товарища, отвечавшего за работу городского транспорта, он выяснил, сколько можно выделить автобусов для нужд фронта... А.А. Жданов подошёл к решению нашего вопроса с таким же глубоким пониманием, с каким относился к мероприятиям государственного масштаба. По решению Военного совета фронта нам дали 50 автобусов. Получили мы и необходимое станочное оборудование. Эти автобусы довольно быстро переоборудовали в ПАРМы. Так был решён очень важный для нас вопрос...»^{402}

В 1980 году далёкий от истории и политики научный журнал «Химия и жизнь» опубликовал материалы о судьбе и деятельности профессора Горного института в Санкт-Петербурге Александра Назаровича Кузнецова.

Во время Первой мировой войны, в 1915 году, Кузнецов впервые в истории организовывал производство противогазов для русской армии — первые образцы испытывал на себе. В годы сталинской индустриализации он стал одним из организаторов алюминиевой промышленности СССР. В первые недели блокады 63-летний профессор встретился с нашим героем: «Как вспоминал сам профессор А.Н. Кузнецов, его вызвал первый секретарь Ленинградского горкома партии, член Военного совета фронта А.А. Жданов и спросил — что такое синал? А синал был смесью аммиачной селитры с активной металлической добавкой — силикоалюминием. Кремний, азот, алюминий— "Si, N, Al"— эти три элемента определяли взрывчатые свойства синала. Чтобы сохранить состав в тайне, Жданов предложил изменить название на "АК". Здесь — и азот, и алюминий, и кремний, и ещё и намёк на автора — Александра Кузнецова...»^[403]

Промышленности окружённого города остро не хватало сырья для производства взрывчатых веществ и боеприпасов. Взрывчатка «Синал», переименованная Ждановым в «АК», была особо ценна доступностью сырья — основу мог составлять измельчённый кирпич или даже обычная глина. Синал был слабее тротила и заменить его в артиллерийских снарядах не мог, но с успехом использовался в более простых инструментах войны — во время блокады ежедневно взрывчаткой «АК» снаряжали до 100 тысяч ручных гранат, по 1000—1500 миномётных мин, множество противопехотных и противотанковых мин. Как видим, член политбюро Жданов не только оперативно решил вопрос с производством взрывчатки из буквально подножного материала и даже не просто лично встретился с нужным специалистом — он с ходу создал новый шифр взрывчатого «изделия», сохранявший военную тайну и, безусловно, лестный изобретателю, которого в те дни стоило наградить хотя бы так... В 1942 году изобретатель внедрённой Ждановым ленинградской взрывчатки профессор Кузнецов получил Сталинскую премию.

Начальник цеха на Ижорском заводе А.С. Ирклей вспоминал, как осенью 1942 года Жданов занимался организацией производства брони для катеров БМО — бронированных морских охотников, причём встречался не только с руководством завода, но и с рабочими и специалистами: «Мы с Павлом Ивановичем (секретарь Колпинского райкома партии П.И. Иванов. — А. В.) недавно были вызваны к секретарю ЦК ВКП(б), Ленинградских областного и городского комитетов партии Андрею Александровичу Жданову. Он сообщил, что нам поручено изготовление брони для малых тральщиков, бронированных морских охотников и шхерных мониторов, которые вскоре будут строить в Ленинграде. Нужна броня для палуб и

боевых рубок... Андрею Александровичу Жданову хорошо были известны трудности, испытываемые ижорцами при организации и подготовке производства броневых изделий для БМО. Он пригласил ижорцев для беседы. В составе делегации были электросварщица Е. Попова, слесарь-сборщик Н. Гончаров, правщик брони А. Павлушин, вальцовщик Е. Ершов...»^{404}

И вот такие, именно деловые воспоминания очевидцев о рабочих встречах с товарищем Ждановым наилучшим образом опровергают «чёрную легенду» о «самом бездарном чиновнике», «проспавшем» блокаду.

Добавим, что в условиях окружения с сентября 1941 года решением Совнаркома СССР на Ленинградский горком ВКП(б) были возложены функции всех отраслевых наркоматов. То есть Жданов в годы войны официально являлся «министром всех министерств», руководителем всех без исключения государственных и экономических структур в городе. Он же, как первый член Военного совета Ленфронта, был и одним из военных руководителей обороны.

Глава 23.

ГОЛОД

В декабре 1941 года небывало сильные морозы фактически уничтожили водоснабжение оставшегося без отопления города. Без воды остались хлебозаводы — на один день и без того скудная блокадная пайка превратилась в горсть муки. Вспоминает Алексей Беззубов, в то время начальник химико-технологического отдела расположенного в Ленинграде Всесоюзного НИИ витаминной промышленности и консультант санитарного управления Ленинградского фронта, разработчик производства витаминов для борьбы с цингой в блокадном Ленинграде: «Зима 1941/42 года была особенно тяжёлой. Ударили небывало жестокие морозы, замёрзли все водопроводы, и без воды остались хлебозаводы. В первый же день, когда вместо хлеба выдали муку, меня и начальника хлебопекарной промышленности Н.А. Смирнова вызвали в Смольный... А.А. Жданов, узнав о муке, просил немедленно к нему зайти. В его кабинете на подоконнике лежал автомат. Жданов показал на него: "Если не будет рук, которые смогут крепко держать этот совершенный автомат, он бесполезен. Хлеб нужен во что бы то ни стало".

Неожиданно выход предложил адмирал Балтийского флота В.Ф. Трибуц, находившийся в кабинете. На Неве стояли подводные лодки, вмёрзшие в лёд. Но река промёрзла не до дна. Сделали проруби и по рукавам насосами подлодок стали качать воду на хлебозаводы, расположенные на берегу Невы. Через пять часов после нашего разговора четыре завода дали хлеб. На остальных фабриках рыли колодцы, добираясь до артезианской воды...»^{405}

Примером организационной деятельности Жданова в блокаду является и такой специфический орган, созданный Ленинградским горкомом ВКП(б), как Комиссия по рассмотрению и реализации оборонных предложений и изобретений, — на нужды обороны был мобилизован весь интеллект ленинградцев, и рассматривались, просеивались всевозможные предложения, способные принести хоть малейшую пользу осаждённому городу. Академик Абрам Фёдорович Иоффе, выпускник Санкт-Петербургского технологического института, «отец советской физики» (учитель П.Л. Капицы, И.В. Курчатова, Л.Д. Ландау, Ю.Б. Харитона), писал: «Нигде, никогда я не видел таких стремительных темпов перехода

научных идей в практику, как в Ленинграде в первые месяцы войны»^{406}. Из подручных материалов изобреталось и тут же создавалось практически всё — от витаминов из хвои до взрывчатки на основе глины. А в декабре 1942 года Жданову представили опытные образцы доработанного в Ленинграде пистолета-пулемёта Судаева, ППС, — в блокадном городе на Сестрорецком заводе впервые в СССР начали производство этого лучшего пистолета-пулемёта Второй мировой войны.

Городским властям во главе со Ждановым пришлось решать массу самых разных проблем, жизненно важных для спасения города и его населения. Так, для защиты от бомбардировок и постоянного артиллерийского обстрела в Ленинграде было сооружено свыше четырёх тысяч бомбоубежищ, способных принять 800 тысяч человек (стоит оценить эти масштабы). Решалась сложная задача предотвращения эпидемий, этих извечных и неизбежных спутников голода и городских осад. Именно по инициативе Жданова в городе были созданы специальные бытовые отряды. Усилиями властей Ленинграда, даже в условиях значительного разрушения коммунального хозяйства, вспышки эпидемий были предотвращены — а ведь в осаждённом городе с неработающими водопроводом и канализацией это могло стать опасностью не менее страшной и смертоносной, чем голод. Об этой задавленной в зародыше угрозе, о спасённых от эпидемий десятках и сотнях тысяч жизней обличители прошлого почему-то не вспоминают.

Зато любят «вспоминать», как Жданов «обжирался» в городе, умиравшем от голода. Тут в ход идут самые феерические байки, обильными тиражами наплодившиеся ещё в «перестроечном» угаре. И уже третий десяток лет привычно повторяется развесистая клюква, как Жданов, дабы спастись от ожирения в блокадном Ленинграде, играл в лаун-теннис (видимо, диванным разоблачителям очень уж нравится импортное словечко «лаун»), как ел из хрустальных ваз пирожные «Буше» и объедался персиками, специально доставленными самолётом из партизанских краёв. Безусловно, все партизанские края СССР просто утопали в персиках...

Впрочем, у персиков есть не менее сладкая альтернатива — так Евгений Водолазкин в «Новой газете» накануне Дня Победы, 8 мая 2009 года, написал о городе «с нечеловечески страдающими людьми», с «Андреем Ждановым во главе, получавшим спецрейсами ананасы». Показательно, что доктор филологических наук Водолазкин не раз с явным увлечением и смаком повторяет про эти «ананасы» в целом ряде своих публикаций^{407}. Повторяет, конечно же не потрудившись привести ни малейшего доказательства, так — мимоходом, ради красного словца.

Поскольку заросли ананасов в воюющем СССР не просматриваются, остаётся предположить, что, по версии Водолазкина, данный фрукт специально для Жданова доставлялся по ленд-лизу... Проявим справедливость к уязвлённому ананасами доктору филологических наук и заметим, что он далеко не единственный, скорее, типичный распространитель подобных откровений.

К сожалению, все эти байки, из года в год повторяемые легковесными журналистами и «десталинизаторами», разоблачаются только в специализированных исторических публикациях. Но их мизерным тиражам сложно конкурировать с жёлтой прессой...

Попробуем рассмотреть быт нашего героя в годы блокады на основе доступных фактов и свидетельств очевидцев. Вот что рассказывает В.И. Демидов в сборнике «Блокада рассекреченная»: «Известно, что в Смольном во время блокады вроде бы никто от голода не умер, хотя дистрофия и голодные обмороки случались и там. С другой стороны, по свидетельству сотрудников обслуги, хорошо знавших быт верхов (я опросил официантку, двух медсестёр, нескольких помощников членов военсовета, адъютантов и т. п.), Жданов отличался неприхотливостью: "каша гречневая и щи кислые — верх удовольствия". Что касается "сообщений печати", хотя мы и договорились не ввязываться в полемику с моими коллегами, — недели не хватит. Все они рассыпаются при малейшем соприкосновении с фактами. "Корки от апельсинов" обнаружили будто бы на помойке многоквартирного дома, где якобы жил Жданов (этот "факт" — из финского фильма "Жданов — протеже Сталина"). Но вы же знаете, Жданов жил в Ленинграде в огороженном глухим забором — вместе с "помойкой" — особняке, в блокаду свои пять-шесть, как у всех, часов сна проводил в маленькой комнате отдыха за кабинетом, крайне редко — во флигеле во дворе Смольного. И "блины" ему личный шофёр (ещё один "факт" из печати, из "Огонька") не мог возить: во флигеле жил и личный ждановский повар, "принятый" им ещё от С.М. Кирова, "дядя Коля" Щенников...»^[408]

Оператор располагавшегося во время войны в Смольном центрального узла связи Михаил Нейштадт вспоминал: «Честно скажу, никаких банкетов я не видел. Один раз при мне, как и при других связистах, верхушка отмечала 7 ноября всю ночь напролёт. Были там и главком артиллерии Воронов, и расстрелянный впоследствии секретарь горкома Кузнецов. К ним в комнату мимо нас носили тарелки с бутербродами, солдат никто не угощал, да мы и не были в обиде... Но каких-то там излишеств не помню. Жданов, когда приходил, первым делом сверял расход продуктов. Учёт был

строжайший. Поэтому все эти разговоры о "праздниках живота" больше домыслы, нежели правда... Жданов был первым секретарём обкома и горкома партии, осуществлявшим всё политическое руководство. Я запомнил его как человека, достаточно щепетильного во всём, что касалось материальных вопросов»^{409}.

Ставший после войны известнейшим ленинградским журналистом Михаил Хононович Нейштадт спустя 60 лет даёт и своё личное мнение о нашем герое: «Жданов был высококультурный и эрудированный человек. Сталин советовался со Ждановым: "Андрей Александрович, а как вы считаете?.." Но говорил Жданов очень длинно, путано»^{410}. Последнее суждение, вероятно, родилось на фоне лаконичного и чёткого Сталина, немым свидетелем переговоров которого со Ждановым в годы блокады ежедневно являлся связист Нейштадт. Это, кстати, не первое свидетельство очевидца о склонности нашего героя к затянутым фразам.

Даниил Натанович Альшиц (Аль), коренной петербуржец, доктор исторических наук, выпускник, а затем профессор истфака ЛГУ, рядовой Ленинградского народного ополчения в 1941 году, пишет в недавно вышедшей книге: «...По меньшей мере смешно звучат постоянно повторяемые упрёки в адрес руководителей обороны Ленинграда: ленинградцы-де голодали, а то и умирали от голода, а начальники в Смольном ели досыта, "обжирались". Упражнения в создании сенсационных "разоблачений" на эту тему доходят порой до полного абсурда. Так, например, утверждают, что Жданов объедался сдобными булочками. Не могло такого быть. У Жданова был диабет и никаких сдобных булочек он не поедал... Мне приходилось читать и такое бредовое утверждение — будто в голодную зиму в Смольном расстреляли шесть поваров за то, что подали начальству холодные булочки. Бездарность этой выдумки достаточно очевидна. Во-первых, повара не подают булочек. Во-вторых, почему в том, что булочки успели остыть, виноваты целых шесть поваров? Всё это явно бред воспалённого соответствующей тенденцией воображения»^{411}.

Как вспоминала одна из двух дежурных официанток Военного совета Ленинградского фронта Анна Страхова, во второй декаде ноября 1941 года Жданов вызвал её и установил жёстко фиксированную урезанную норму расхода продуктов для всех членов Военсовета (командующему М.С. Хозину, себе, А.А. Кузнецову, Т.Ф. Штыкову, Н.В. Соловьёву): «Теперь будет так...»^{412}

Участник боёв на Невском пятачке командир 86-й стрелковой дивизии

(бывшей 4-й Ленинградской дивизии народного ополчения) полковник А.М. Андреев упоминает в мемуарах, как осенью 1941 года после совещания в Смольном видел в руках Жданова небольшой чёрный кисет с тесёмкой, в котором член политбюро и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) носил полагавшийся ему пайковый хлеб — хлебная пайка выдавалась руководству несколько раз в неделю на два-три дня вперёд^{413}.

Конечно, это были не 125 граммов, полагавшихся иждивенцу в самый кризисный период блокадного снабжения, но, как видим, и пирожными с лаун-теннисом тут не пахнет. Разоблачители ждановских «персиков» и «ананасов» явно экстраполируют на то время собственные нравы. Предъявлять же руководству блокадного Ленинграда претензии в лучшем снабжении — значит предъявлять такие претензии и солдатам Ленфронта, питавшимся в окопах лучше горожан, или обвинять лётчиков и подводников, что их в блокаду кормили лучше рядовых пехотинцев. В блокадном городе всё без исключения, в том числе и действовавшая жёсткая иерархия норм снабжения, было подчинено целям обороны и выживания. Других разумных альтернатив, позволяющих выстоять, у города просто не было.

Здесь мы подходим ещё к одному «разоблачительному» мифу, бьющему по Жданову, — Ленинграду якобы было лучше капитулировать и не переживать ужасов голодной блокады. Некоторым современным гражданам действительно близки призывы «расслабиться и получать удовольствие». Но к чему тогда могло привести следование такому совету?

Для начала приведём несколько цитат, свидетельствующих о вполне деловых планах на будущее города наших добрых германских и финских соседей. Франц Гальдер, начальник Генерального штаба командования сухопутных войск Германии, 8 июля 1941 года пишет в своём дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы»^{414}. Его подчинённый Альфред Йодль, начальник оперативного отдела командования сухопутных войск, 7 октября 1941 года сообщает генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу: «Капитуляция Ленинграда, а позже и Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником... Нельзя кормить их население за счёт германской родины...»^{415}

Вот уже сам Гитлер 16 сентября 1941 года вещает в беседе с

бригаденфюрером СС Отто Абецом, немецким послом в занятом германскими войсками Париже: «Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должен исчезнуть с лица земли... Азиаты и большевики должны быть изгнаны из Европы, период 250-летнего азиатства должен быть закончен»^{416}. Автор этой цитаты куда более романтичен, чем солдафоны Гальдер и Йодль.

Вот отрывок из ещё одной директивы от 23 сентября 1941 года «Die Zukunft der Stadt Petersburg»: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населённого пункта... Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у её новой границы»^{417}.

Здесь всё без фантазий — 11 сентября 1941 года президент Финляндии Ристо Хейкки Рюти заявил немецкому посланнику: «Ленинград надо ликвидировать, как крупный город»^{418}. Позднее товарищ Жданов прямо в Финляндии посадит господина Рюти как военного преступника на десять лет, в том числе и за эти слова. После смерти Жданова подельник Гитлера по блокаде Рюти будет тут же амнистирован.

Может быть, все эти людоедские цитаты всего лишь просто слова, громко сказанные в разгар войны? Давайте взглянем на конкретные дела.

Никакой крупный город, тем более мегаполис, не может существовать без систематического снабжения хотя бы продовольствием (не говоря уже об иных видах снабжения — топливом, электричеством и т. п.). Даже если не проводить целенаправленного геноцида, а просто разрушить системы такого снабжения и не заниматься их восстановлением, то любой крупный город будет обречён на вымирание в течение года-двух. И чем крупнее город, чем выше концентрация населения, тем трагичнее его судьба.

Достаточно посмотреть на ситуацию с населением трёх крупнейших по численности городов СССР, захваченных немцами в 1941 году. В Киеве к началу войны было около миллиона жителей, в конце 1943 года — менее 200 тысяч. В Харькове за три года оккупации от примерно 800 тысяч человек осталось 190 тысяч. В Минске к лету 1944 года население города сократилось более чем в пять раз и составило около 50 тысяч человек (270 тысяч в 1941 году).

Лишь часть населения крупных городов в условиях оккупации сумела самостоятельно прокормиться по деревням «натуральным хозяйством». Значительная часть городских жителей в отсутствие блокады в течение

двух-трёх лет оккупации умерла от недоедания, а также вызванных им и военной разрухой болезней. Соотношение умерших и выживших в этих городах не менее страшно, чем в осаждённом голодающем Ленинграде. При этом заметим, что Минск был в то время относительно небольшим городом, а почти миллионные Киев и Харьков находятся на территории чернозёмной Украины с достаточно развитым и щедрым сельским хозяйством.

Теперь представим, что оккупирован трёхмиллионный Ленинград, расположенный на Северо-Западе России в зоне проблемного земледелия, где и без блокады, просто в условиях войны и немецкой власти на оккупированных территориях царили голод с массовой смертностью. Это Париж мог быть объявлен «открытым городом», немцы милостиво разрешили побеждённым французам сохранить свои муниципальные и государственные структуры, богатые колонии и даже армию (только эта армия дисциплинированно передала немцам все тяжёлые и осадные орудия, которые три года использовались для артобстрела блокадного Ленинграда). В России такой «либерализм» Гитлером не предусматривался.

С учётом приведённого выше понятно, что никакой разумной альтернативы у стойкой обороны «второй столицы» не было — захват или капитуляция неминуемо влекли ещё большие человеческие жертвы. Это не говоря уже о политических и военных последствиях падения Ленинграда — слом фронта на всём Северо-Западе России, от Мурманска до Москвы, что делало поражение нашей страны в той войне практически неизбежным.

Отсюда и проистекала необходимость обороны города «любой ценой». Отсюда — и находящаяся вне морали мирного времени система распределения пайков в осаждённом голодающем городе, действовавшая иерархия норм снабжения. Логика тотальной войны была безжалостной — без иерархии норм снабжения, если бы ключевые для обороны города лица (высшее руководство, командование, лётчики и т. п.) умирали от голода, неизбежным итогом стали бы развал Ленинградского фронта и гибель в оккупации подавляющего большинства городского населения.

Показательный рассказ о Жданове в военном Ленинграде оставил Гаррисон Солсбери, шеф московского бюро «Нью-Йорк тайме». В феврале 1944 года этот хваткий и дотошный американский журналист прибыл в только что освобождённый от блокады Ленинград. Как представитель союзника по антигитлеровской коалиции, он посетил Смольный и иные городские объекты. Свою работу о блокаде Солсбери писал уже в 1960-е годы в США, и его книгу уж точно невозможно заподозрить в советской цензуре и пропаганде. По словам американского журналиста, большую

часть времени Жданов работал в своём кабинете в Смольном на третьем этаже: «Здесь он работал час за часом, день за днём. От бесконечного курева обострилась давняя болезнь — астма, он хрипел, кашлял... Глубоко запавшие, угольно-тёмные глаза горели; напряжение испещрило его лицо морщинами, которые резко обострились, когда он работал ночи напролёт. Он редко выходил за пределы Смольного, даже погулять поблизости...

В Смольном была кухня и столовая, но почти всегда Жданов ел только в своём кабинете. Ему приносили еду на подносе, он торопливо её проглатывал, не отрываясь от работы, или изредка часа в три утра ел по обыкновению вместе с одним-двумя главными своими помощниками... Напряжение зачастую сказывалось на Жданове и других руководителях. Эти люди, и гражданские и военные, обычно работали по 18, 20 и 22 часа в сутки, спать большинству из них удавалось урывками, положив голову на стол или наскоро вздремнув в кабинете. Питались они несколько лучше остального населения. Жданов и его сподвижники, так же как и фронтовые командиры, получали военный паёк: 400, не более, граммов хлеба, миску мясного или рыбного супа и по возможности немного каши. К чаю давали один-два куска сахара... Никто из высших военных или партийных руководителей не стал жертвой дистрофии. Но их физические силы были истощены. Нервы расшатаны, большинство из них страдали хроническими заболеваниями сердца или сосудистой системы. У Жданова вскоре, как и у других, проявились признаки усталости, изнеможения, нервного истощения»^[419].

За три года блокады Жданов, не прекращая изнурительной работы, перенёс «на ногах» два инфаркта. Его одутловатое лицо больного человека через десятилетия даст повод сытым разоблачителям, не вставая с тёплых диванов, шутить и лгать о чревоугодии Жданова во время блокады.

Валерий Кузнецов, сын Алексея Александровича Кузнецова, второго секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), в 1941 году — пятилетний мальчик, ответил на вопрос корреспондентки о питании ленинградской верхушки в столовой Смольного в период блокады:

«Я обедал в той столовой и хорошо помню, как там кормили. На первое полагались постные, жиденькие щи. На второе — гречневая или пшённая каша да ещё тушёнка. Но настоящим лакомством был кисель. Когда же мы с папой выезжали на фронт, то нам выделяли армейский паёк. Он почти не отличался от рациона в Смольном. Та же тушёнка, та же каша.

— Писали, что в то время, как горожане голодали, из квартиры Кузнецовых на Кронверкской улице пахло пирожками, а Жданову на самолёте доставлялись фрукты...

— Как мы питались, я уже вам рассказал. А на Кронверкскую улицу за всё время блокады мы приезжали с папой всего-то пару раз. Чтобы взять деревянные детские игрушки, ими растопить печку и хоть как-то согреться, и забрать детские вещи. А насчёт пирожков... Наверное, достаточно будет сказать, что у меня, как и у прочих жителей города, была зафиксирована дистрофия.

Жданов... Понимаете, меня папа часто брал с собой в дом Жданова, на Каменный остров. И если бы у него были фрукты или конфетки, он бы наверняка уж меня угостил. Но такого я не припомню»^{420}.

По воспоминаниям многих очевидцев, Жданов и Кузнецов, при соблюдении всей партийной субординации, были близкими друзьями. Так, Анастас Микоян в своих написанных много десятилетий спустя и изданных в перестройку мемуарах рассказывает: «Когда началась блокада и немцы стали обстреливать город, Жданов практически переселился в бомбоубежище, откуда выходил крайне редко. Прилетая в Москву, он сам откровенно рассказывал нам в присутствии Сталина, что панически боится обстрелов и бомбёжек и ничего не может с этим поделать. Поэтому всей работой "наверху" занимается Кузнецов. Жданов к нему, видно, очень хорошо относился, рассказывал даже с какой-то гордостью, как хорошо и неутомимо Кузнецов работает, в том числе заменяя его, первого секретаря Ленинграда»^{421}.

Тут Микоян не понимает или явно лукавит — трус никогда не будет открыто признаваться в своей трусости и рассказывать о храбрости другого человека. Да и в те суровые десятилетия откровенно трусливые люди во власть не шли по вполне понятным причинам. Другое дело, что сам Жданов мог вполне искренне не считать себя храбрым человеком на фоне тех, кто ходил в атаки, а свойственный ему юмор позволял руководителю блокадного Ленинграда в кругу равных товарищей посмеиваться и над собой.

Кстати, творцы «чёрной легенды» наряду с «персиками -ананасами» часто обвиняют Жданова в том, что он якобы за всё время блокады ни разу не появился на фронте. Оставим за скобками тот факт, что тыл для осаждённого Ленинграда, простреливавшегося немецкой артиллерией, был понятием весьма условным — даже относительно безопасный Смольный был далеко не «ташкентским фронтом» и не раз обстреливался дальнобойной артиллерией противника. Но миф о том, что Жданов не показывался на фронте, разоблачается множеством свидетелей.

Так, однофамилец нашего героя, командующий артиллерией

Ленфронта Николай Николаевич Жданов вспоминал, что руководитель Ленинграда за время блокады неоднократно присутствовал под немецким огнём на артиллерийских наблюдательных пунктах, чем весьма нервировал свою охрану и военных, опасавшихся, что немцы могут убить секретаря ЦК ВКП(б). Будущий Маршал Советского Союза, а в годы войны командир роты Сергей Ахромеев вспоминал, что Жданов приезжал в его подразделение на Ленинградском фронте^{422}.

Лейтенант Пётр Мельников, командир батареи форта Красная Горка на Ораниенбаумском плацдарме, вспоминает, как Жданов в сентябре 1942 года побывал в расположении его части:

«Андрей Александрович прибыл в сопровождении члена Военного совета Краснознамённого Балтийского флота Н.К. Смирнова и члена Военного совета Приморской оперативной группы В.П. Мжаванадзе. Они обошли все службы и батареи дивизиона. У нас, на флагманской, задержались, пожалуй, дольше всего. Да это и понятно: подробный осмотр нашей батареи требовал больше времени. А гости побывали везде: и в башнях, и на командном пункте, и в центральном посту, и в погребах.

В погребе Андрей Александрович вдруг остановился.

— А это что? — указал он на тускло поблёскивавший чёрный шар якорной мины.

— Морская мина типа КБ-три, товарищ Жданов, — доложил я.

— Вижу, что мина. Но зачем она здесь? Разве береговым артиллеристам приходится пользоваться минным оружием?

— Нет, товарищ Жданов. Мины здесь и в других местах были поставлены на случай, если возникнет угроза захвата форта противником. Они здесь с прошлого года стоят...

— Вот что, товарищ старший лейтенант. Приказываю мины выбросить и забыть, для чего они предназначались.

...Говорил Жданов легко и свободно, безо всяких бумажек. Увлекаясь сам, он увлекал и слушателей. Когда он закончил, у нас осталось цельное представление об общем положении на фронтах. Андрей Александрович не старался ничего приукрасить, не преуменьшал трудностей. С озабоченностью говорил он о напряжённом положении на Северном Кавказе и особенно в Сталинграде, где уже всю разгорелись уличные бои...»^{423}

Форт Красная Горка на плацдарме, отрезанном даже от блокадного Ленинграда, это, конечно, не передовые окопы. Но в них, в эти окопы, не часто залезают и генералы действующих армий всех стран, не говоря уже о

высших государственных чиновниках. Так что из всех крупных политиков Второй мировой войны именно Андрей Александрович Жданов смело может претендовать на то, что он дольше всех находился и работал в непосредственной близости к фронту.

Но помимо чисто военного фронта у Жданова был ещё один специфический фронт — знаменитая Дорога жизни. Он неоднократно лично выезжал на Ладогу. Шофёр М.Е. Твердохлеб вспоминал первый рейс по ледовой дороге: «Как только мой "газик" взошёл на землю, встречающие гурьбой бросились ко мне, вытащили из машины и я оказался в крепких объятиях круглолицего человека в мохнатой ушанке. Это был Жданов... — "Твоего подвига ленинградцы никогда не забудут!" — сказал мне Андрей Александрович, ещё раз стиснул в объятиях и побежал ко второй подошедшей машине...»^{424}

В марте 1942 года, когда Дорога жизни позволила накопить в городе хоть какой-то запас еды, Жданов обмолвился в одном из разговоров с руководством городского комитета комсомола: «Ну, теперь я богач, у меня на двенадцать дней продовольствие есть»^{425}.

Роль Жданова как руководителя блокадного города и одного из высших государственных деятелей СССР в годы войны до сих пор должным образом не оценена потомками. В Петербурге стоит памятник Маннергейму, убивавшему ленинградцев блокадой. Памятника Жданову, создававшему Дорогу жизни, в городе нет.

Глава 24.

НА ФРОНТАХ ВОЕННЫХ

Жданов не был профессиональным армейским командиром. Однако Тифлисская школа прапорщиков, Восточный (колчаковский) фронт на Урале пусть и не обогатили его практикой полноценных боевых действий, но дали очень многое для понимания военного дела. На протяжении 1920—1930-х годов Жданов сначала как первый секретарь Нижегородского крайкома, а потом как руководитель Северо-Запада России регулярно присутствовал на учениях войск, постоянно работал и общался с армейским командованием. А многолетняя работа с военной промышленностью и конструкторами, особенно в конце 1930-х годов, сформировала у Жданова прекрасное представление о характеристиках и свойствах современной ему военной техники. Почти всю советско-финляндскую войну 1939—1940 годов он провёл в действующей армии.

К июню 1941 года таким опытом могли похвастаться далеко не все командиры РККА. Поэтому на протяжении Великой Отечественной войны Жданов рука об руку с командованием защищавших Ленинград фронтов участвует в решении сложнейших военных задач.

Александр Новиков, будущий маршал авиации, в начале войны командующий ВВС Ленинградского военного округа, вспоминал один из эпизодов в самом конце июня 1941 года, когда под Псковом лётчик Пётр Харитонов на истребителе И-16 тараном сбил немецкий бомбардировщик, а сам благополучно вернулся на аэродром:

«Что это вы, генерал, сегодня такой радостный? — едва только я очутился в кабинете, спросил Жданов. — Уж не одержали ли случаем большую победу?

— Самую настоящую победу, товарищ Жданов! — быстро ответил я.

Я тут же рассказал о подвиге Харитонова.

— Это замечательно! — взволнованно произнёс Андрей Александрович»^{426}.

Лётчика наградили Звездой Героя Советского Союза. «В тот же день, только несколько позже, — вспоминал Новиков, — Жданов при мне позвонил в Москву и доложил И.В. Сталину о героях-ленинградцах. Сталин поддержал наше представление о награждении отличившихся лётчиков. Никаких документов об этом в архивах не сохранилось, их

просто не было. Разговор Жданова со Сталиным да телеграмма в Ставку заменили обычные наградные листы»^{427}.

7 августа 1941 года Жданову из политуправления Северо-Западного фронта доставили секретный пакет с образцами немецких листовок, в которых сообщалось о пленении командира 6-й батареи 14-го гаубичного артполка 14-й танковой дивизии старшего лейтенанта Якова Джугашвили, сына Сталина. Наш герой был хорошо знаком с лейтенантом Джугашвили. Подробности история не сохранила, но, без сомнения, Андрей Жданов не мог не сообщить об этом своему старшему товарищу...

8 начальный период войны, в июле—августе 1941 года, Жданову пришлось работать вместе с Ворошиловым. Бывший член Реввоенсовета Первой конной армии, вопреки расхожим представлениям, неплохо проявил себя в те кризисные дни — с его именем связан успешный контрудар под Сольцами. Но тогда общее наступление немцев можно было только задержать, не остановить, что и сказалось на военной судьбе «первого маршала». Будущий же маршал Василевский, тогда заместитель начальника Генштаба, в августе 1941 года стал свидетелем следующего: «В связи с обострением обстановки под Ленинградом К.Е. Ворошилов и А.А. Жданов были вызваны в Ставку. Разговор происходил на станции метро "Кировская". Верховный Главнокомандующий сурово обошёлся с ними и потребовал разработать оперативный план защиты Ленинграда. К.Е. Ворошилов и А.А. Жданов не высказали ни слова обиды на резкость тона, они лишь попросили помощи резервами и пообещали выполнить все указания Ставки. Чувствовалось: они глубоко переживают за судьбу Ленинграда и со знают, какая большая и трудная задача легла на их плечи»^{428}.

«Сурово» — так дипломатично описан весьма жёсткий разговор Сталина, Ворошилова и Жданова. В условиях непрерывного немецкого наступления общение старых товарищей действительно шло на грани нервной ругани — как в сердцах говорил Сталин, «если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо»^{429}. 9 сентября 1941 года Сталин даёт буквально кричащую телеграмму на имя Ворошилова и Жданова: «Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами приняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Будет ли конец потерям? Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?.. Мы требуем от вас,

чтобы вы в день два-три раза информировали нас о положении на фронте и о принимаемых вами мерах»^{430}.

Ворошилова на посту командующего Ленфронтом сменил Георгий Жуков. Очевидец — начальник Инженерного управления Северного фронта Борис Бычевский — оставил нам описание встречи со Ждановым и Жуковым в те сентябрьские дни:

«В четвёртом часу ночи меня разыскал адъютант Г.К. Жукова.

— Приказано немедленно прибыть в Смольный...

Когда мокрый, облепленный грязью я вошёл в кабинет, Г.К. Жуков и А.А. Жданов стояли, склонясь над картой. Командующий покосился в мою сторону:

— Явился, наконец. Где болтаешься, что тебя всю ночь надо разыскивать?

Начало не предвещало ничего хорошего.

— Выполнил ваш приказ, проверял рубеж по Окружной дороге, — ответил я.

— Ну и что? Готов?

— Готовы семьдесят огневых позиций противотанковой артиллерии. Отрыты рвы. Закончена установка надолб и минных полей.

— Командующий сорок второй армией знает этот рубеж?

— Днём я передал схему рубежа начальнику штаба армии генералу Березинскому. Сам генерал Федюнинский выезжал в войска.

— Я спрашиваю не о том, каким писарям отдана схема! Интересует другое — знает или не знает командарм этот рубеж?

И надо же было, чтобы в эту минуту чёрт меня дёрнул наивно объявить:

— Генерал Федюнинский здесь в приёмной, товарищ командующий...

Взрыв ярости последовал немедленно:

— Ты думаешь, что говоришь?.. Без тебя знаю, что он здесь... Ты понимаешь, если дивизия Антонова не займёт за ночь оборону по Окружной дороге, то немцы в город ворвутся? А.А. Жданов поморщился. Он явно не одобрял такой тон командующего. Сам Андрей Александрович ругаться не умел, у него не получалось, и сейчас, желая как-то смягчить грубость Жукова, Жданов заговорил со мной:

— Товарищ Бычевский, как же вы не догадались найти самого Федюнинского! Ведь он только что принял армию. И дивизия Антонова, которая должна занять новый рубеж, буквально на днях сформирована. Разбомбят дивизию, если она пойдёт туда в светлое время. Поняли, наконец, в чём дело?

Видимо, я действительно был в состоянии оцепенения и только теперь сообразил, зачем меня вызвали. Надо было немедленно, до наступления утра, обеспечить выход 6-й дивизии народного ополчения на новый, подготовленный нами рубеж. Я уже не осмелился доложить, что мне не был известен приказ командующего фронтом о том, что эта 6-я дивизия должна войти в состав 42-й армии и под прикрытием ночи спешно занять рубеж в тылу пулковской позиции. Вместо этого сказал:

— Разрешите, товарищ командующий, выехать сейчас вместе с командармом, и мы выведем дивизию на подготовленный рубеж.

— Додумался, наконец! Немедленно отправляйся и помни: если к девяти часам дивизия не будет на месте, расстреляю...»^{431}

Действительно, в кризисной ситуации Жуков отличался крайне жёсткими мерами. 17 сентября 1941 года он издаёт приказ, где указывалось: «Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда... Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, оборонявшему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу»^{432}. Ранее за оставление без приказа позиций расстрелу подлежали только виновные командиры и никогда такая мера не распространялась на весь рядовой состав. И первоначально Жданов отказался подписывать такой приказ, поставив свою подпись только после телефонного разговора со Сталиным.

Председатель военного трибунала Ленинградского и Северного фронтов генерал-майор юстиции Иван Фролович Исаенков позднее вспоминал, что Жданов неоднократно рекомендовал ему «не увлекаться расстрелами» — применять высшую меру, только чтобы не допустить распространения и повторения опасных преступлений. Это, однако, не значит, что член военного совета Жданов проявлял мягкость в те дни. Так, председатель трибунала Исаенков вспоминает случай осени 1941 года, когда командование 80-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта во время первой попытки прорыва блокады на направлении Мги отказалось выполнять рискованную боевую задачу, мотивируя решение тем, что дивизия после боёв слаба и к наступлению не готова. Данная часть была сформирована летом в Ленинграде и до конца сентября 1941 года называлась Первой гвардейской Ленинградской стрелковой дивизией народного ополчения. Вероятно, прежнее почётное звание дивизии

усугубило суровую реакцию командования фронта и Жданова. Командира и комиссара дивизии арестовали и предали суду военного трибунала. Фронтной прокурор М.Г. Грезов обвинил их в измене родине, потребовал расстрела. Но трибунал пришёл к выводу, что формально измена родине в составе преступления отсутствует.

Вспоминает председатель трибунала Исаенков: «Грезов отреагировал жалобой на "либерализм" трибунала в Военный совет. Жданов меня вызвал и начал с разноса. Но я ему сказал: "Андрей Александрович, вы ведь сами всегда инструктировали нас: судить только в строгом соответствии с законами. По закону, в действиях этих лиц 'измены Родине' нет". — "У вас есть с собой Уголовный кодекс?" — "Есть..." Полистал, показал другим членам Военного совета: "Вы поступили правильно—в строгом соответствии с законом. И впредь поступать только так. А с ними, — добавил загадочную фразу, — мы разберёмся сами"...»^[433]

Военный трибунал принял решение «во внесудебном порядке»: командующий и комиссар, не выполнившие приказ дивизии, — полковник Иван Фролов и полковой комиссар Иванов, — были расстреляны. Суть их преступления заключалась в следующем: дивизия в ночь с 27 на 28 ноября 1941 года должна была атаковать немецкие позиции во взаимодействии с лыжным отрядом морской пехоты, который по льду Ладожского озера вышел в тыл к немцам. Отрядом лыжников командовал Василий Маргелов, будущий «десантник № 1», создатель советских Воздушно-десантных войск. Тогда полк, которому не пришла на помощь злосчастная дивизия, был почти уничтожен, сам Маргелов тяжело ранен и чудом вынесен с поля боя. Через несколько дней к нему в госпиталь пришёл военный дознаватель из окружного трибунала и сообщил: «Сам товарищ Жданов кровно заинтересован в наказании виновных»^[434]. 2 декабря 1941 года Маргелов на костылях присутствовал в качестве свидетеля на том разбирательстве в трибунале фронта. Спустя много лет он рассказал, как после вынесения смертного приговора комдив и комиссар просили у него прощения...

Командующий Балтийским флотом адмирал Владимир Трибуц вспоминал середину сентября 1941 года, когда в самый кризисный период обороны Ленинграда существовала опасность прорыва наступающих немцев в город: «Вскоре меня пригласил к себе А.А. Жданов. В Смольном мне вручили телеграмму, подписанную Сталиным, Шапошниковым и Кузнецовым. Это был приказ подготовить всё необходимое, чтобы в случае прорыва противником обороны Ленинграда уничтожить боевые и транспортные корабли, оборонные объекты флота, ценности, запасы

оружия, боеприпасов и т. д. Я прочитал это страшное решение несколько раз и не поверил своим глазам. А.А. Жданов спросил, всё ли мне ясно? Я ответил, что всё, хотя выразил недоумение: неужели обстановка под Ленинградом требует проведения такого мероприятия? Жданов сказал, что положение на фронте очень серьёзное, но не безнадёжное, а этот приказ нужно выполнять только в крайнем случае...»^[435]

Тогда, под угрозой захвата города немцами, был разработан «План мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер по выводу из строя важнейших промышленных и иных предприятий города Ленинграда на случай вынужденного отхода наших войск». При отступлении планировалось взорвать более 380 предприятий города, портовые сооружения, мосты и т. п.

Очевидцы приводят и иные примеры участия Жданова в подготовке взрывных и диверсионных мероприятий. Вспоминает начальник Инженерного управления фронта Борис Бычевский: «...Военный совет и обком партии поручили мне создать в лесах и болотах северо-восточнее Пскова, а также между Псковом и Гдовом склады взрывчатых веществ для партизанских отрядов. Уточняя на карте конкретные пункты тайников, А.А. Жданов вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Бычевский, а четвёртая парфюмерная фабрика выполняет какие-либо заказы для фронта?

Вопрос удивил меня. Хотя для работы на оборону были привлечены не только крупные предприятия, но и многие мелкие, вроде артелей "Примус" и "Металлоигрушка", я не знал, чем нам могут быть полезны парфюмеры.

— Поговорите с товарищами с фабрики, — посоветовал Жданов. — Полагаю, что некоторые их предложения заинтересуют вас.

На другой день мы с М.В. Басовым (заведующий промышленным отделом Ленинградского горкома. — А. В.) рассматривали принесённые с фабрики обломки кирпича, куски каменного угля, гальку, щебень. Даже при самом внимательном осмотре трудно было определить, что всё это изготовлено из папье-маше.

— Чудесная имитация! — восхищался Михаил Васильевич. — Чем не корпуса для мин?!

— Разумеется, — поддержал я его. — А если немного уменьшить размеры, они будут очень подходящи для партизан.

Наши инженеры из отдела заграждений тоже высоко оценили выдумку работников парфюмерной фабрики.

— Можете изготовить эти вещицы граммов по сто двадцать — сто пятьдесят? — спрашиваю директора фабрики.

- Конечно. А не слабоваты будут?
- Ступню оторвёт и такой заряд. К тому же габариты будут удобны.
- Сколько вам таких корпусов нужно? — в свою очередь интересуется директор.
- Делайте первую партию в двести тысяч.
- Хорошо»^{436}.

Именно Ждановым впервые в ходе войны было создано централизованное руководство партизанами — прототип Центрального штаба партизанского движения — Ленинградский штаб партизанского движения. Первое совещание по вопросам организации борьбы на оккупированной территории Жданов провёл в Смольном ещё 13 июля 1941 года. Штаб ленинградских партизан образовали 27 сентября 1941 года, его возглавил третий секретарь Ленинградского обкома, коренной петербуржец Михаил Никитич Никитин. В городе, на случай возможного захвата, также были подготовлены партийное подполье и резидентуры НКВД.

В октябре 1941 года в Ленинград прилетел будущий Главный маршал артиллерии Николай Воронов, уроженец Санкт-Петербурга, знакомый Жданову по советско-финляндской войне.

«Прямо с аэродрома, — вспоминал Воронов, — я поехал в Смольный к Андрею Александровичу Жданову. Разговор касался предстоящей наступательной операции по восстановлению связи с Большой землёй. А.А. Жданов подробно рассказал о состоянии фронта и города...

Проезжая по улицам и площадям, я видел амбразуры, появившиеся в стенах домов, дзоты, построенные на перекрёстках. Город приготовился к бою... Но вместе с тем бросалось в глаза и другое: город стал словно ещё многолюднее.

Жданов подтвердил это: да, в Ленинград из окрестных районов съехалось много тысяч людей, не пожелавших попасть под власть гитлеровцев. Продовольственные запасы в городе истощались...

Жданов настаивал, чтобы в Ленинград доставлялось больше боеприпасов. Я же уверял, что производство снарядов и мин можно организовать на предприятиях Ленинграда. По моим подсчётам, ленинградцы вполне могли изготовить уже в ноябре не менее миллиона снарядов и мин всех калибров, а в декабре — ещё больше... впредь следует рассчитывать не только на подвоз с Большой земли нужного количества пороха и взрывчатых веществ, а постараться использовать местные резервы.

На следующий день мы продолжили беседу. Жданов уже был озабочен тем, как лучше и скорее наладить производство нужных фронту

боеприпасов.

...Вскоре Жданов пригласил к себе Кузнецова, Капустина и меня. Ещё раз обсудили вопрос. Я обещал необходимую помощь от ГАУ и наркомата боеприпасов. Договорились о некотором упрощении технических требований к производству боеприпасов... ленинградцы должны будут, по мере возможности, даже делиться своей продукцией с другими фронтами»^{437}.

Когда город оказался в плотной осаде, Жданов обратился к военному прокурору Красной армии В.И. Носову с предложением подготовить проект указа Верховного Совета СССР «Осадное положение». Ленинград был отрезан от остальной страны, и нормы законодательных актов о военном положении не вполне отвечали специфике окружения. Так блокадная действительность возродила к жизни средневековый термин «осада»...

В сентябре 1941 года Жданов по телефону разговаривал с лейтенантом Петровым, командиром окружённого финнами дота «07», передовой точки Карельского укрепрайона. Лейтенант Петров, старый питерский рабочий, мобилизованный в начале войны, кричал в трубку линии подземной связи, обращаясь к члену политбюро: «Семёрка врага не пропустит!»^{438} Финны смогут уничтожить окружённый дот только через полгода осады.

Полковой комиссар 6-й отдельной бригады морской пехоты Пётр Ксёنز вспоминал, как Жданов ставил боевую задачу его бригаде:

«В ночь на 27 октября 1941 года командование бригады было вызвано в Смольный, где располагался Военный совет фронта... Всех нас пригласили к товарищу Жданову, члену Военного совета фронта. Его речь, обращенная к нам, была краткой, нетрадиционной.

— Внутреннее положение нашего фронта, — сказал товарищ Жданов, — непосредственно перед Ленинградом, сейчас, после активных боёв, войсками 42-й армии стабилизировалось. Противник возводит оборонительные сооружения, активных действий не ведёт. Видно, думает взять нас измором. Перегруппировав свои войска, враг накопил значительные силы...»^{439}

Далее, по воспоминаниям Ксёнза, на карте Жданов подробно изложил оперативную обстановку на внешнем фронте блокадного кольца в южном Приладожье и поставил конкретные задачи.

Начальник инженерного управления фронта Борис Бычевский рассказывает ещё об одном из военных совещаний у Жданова в Смольном в начале ноября 1941 года:

«Едва началось совещание, как к городу прорвалась группа немецких самолётов. Бомбы падают где-то недалеко. От взрывов звенят стёкла в кабинете, то громче, то тише, словно отмечая расстояние.

Жданову докладывают по телефону о местах падения бомб. Набрякшие веки у него тяжелеют ещё больше, астматическое дыхание становится резче, он нервно берётся за папиросу. Однако тёмные глаза, как всегда, блестят.

— Положение Ленинграда тяжёлое, — говорит он, — а если не примем меры, может стать критическим. Давайте подумаем, какую мы в силах оказать помощь войскам на волховском направлении. Следует всемерно активизировать наши действия на плацдарме...»^{440}

Плацдарм — это знаменитый Невский пяточок, два километра по фронту и 800 метров в глубину на левом берегу Невы, где наши войска осенью—зимой 1941 года упорно пытались прорвать блокадное кольцо. Сложнейшей, почти неразрешимой задачей стала постройка тяжёлой переправы для переброски на плацдарм танков. По подсчётам военных инженеров, требовалось десять километров металлического троса. Ещё раз предоставим слово Бычевскому:

«...Жданов подводит итог:

— Ну что ж, задача, конечно, архитрудная. А всё же решать её нужно. — И обращается ко мне: — Где вы наберёте десять километров троса?

— Мы уже начали сбор по городу. Кое-что дадут моряки.

— А понтоны для паромов?

— Понтоны делают на заводах, но надо обязать Ленэнерго дать хотя бы тысяч пять киловатт энергии для сварочных работ.

Жданов листает записную книжку:

— Пять тысяч киловатт не дадим. Может быть, тысячи три выкроим. И то надо посоветоваться... А водолазы Эпрона работают? Потопленные понтоны вытаскиваете, ремонтируете?»^{441}

Несмотря на все усилия, блокаду прорвать не удаётся. Командующий ВВС Ленфронта Новиков вспоминает начало голода в ноябре 1941 года:

«Я хорошо помню эти страшные дни. Нервы у всех были взвинчены до предела. Даже Жданов, всегда очень сдержанный, умевший владеть собой и не любивший сетовать на трудности, и тот был подавлен и не скрывал своих переживаний.

— Не могу больше ездить по улицам, — однажды сказал он глухим дрогнувшим голосом. — Особенно дети... Нельзя за быть и простить такого. Никогда!

Он помолчал и сообщил, что Военный совет фронта пошёл на крайнюю меру: решил пустить в ход аварийные запасы муки флота и сухари неприкосновенного фонда войск.

— Иначе население нечем будет кормить. Вот какие дела, Александр Александрович. Надо быстрее налаживать сообщение по льду Ладоги. Немцы, конечно, узнают об этом. Поду майте заранее, как прикрыть будущую трассу с воздуха.

Я ответил, что над озером уже появлялись вражеские воздушные разведчики.

— Вот-вот, — встревожился Андрей Александрович, — так что будьте готовы встретить их. Передайте лётчикам, что каждый мешок муки — это несколько десятков спасённых от голодной смерти ленинградцев»^{442}.

Продовольствие в Ленинград доставляли и самолёты военно-транспортной авиации. Обрато они везли эвакуированных и необходимую «Большой земле» военную продукцию ленинградских заводов. Не случайно 2 ноября 1941 года, в разгар немецкого наступления на Москву, убывший из Ленинграда на защиту столицы Жуков пишет личное письмо Жданову:

«Дорогой Андрей Александрович!

Крепко жму тебе и Кузнецову руку.

...Очень часто вспоминаю сложные и интересные дни и ночи нашей совместной боевой работы. Очень жалею, что не пришлось довести дело до конца, во что я крепко верил.

Как тебе известно, сейчас действуем на западе — на подступах к Москве.

Основное это то, что Конев и Будённый проспали все свои Вооружённые силы, принял от них я одно воспоминание... К настоящему времени сколотил приличную организацию и в основном остановил наступление противника, а дальнейший мой метод тебе известен: буду истощать, а затем бить.

К тебе и т. Кузнецову у меня просьба — прошу с очередным рейсом Дугласов отправить лично мне:

40 миномётов 82 м,

60 миномётов 50 м,

за что я и Булганин будем очень благодарны, а вы это имеете в избытке. У нас этого нет совершенно.

Жму ещё раз крепко руки.

Ваш Г. Жуков»^{443}.

12 ноября 1941 года при переходе из осаждённой финнами военно-морской базы Ханко в Кронштадт подорвался на mine и затонул теплоход «Андрей Жданов». До 1937 года он назывался «Алексей Рыков». В 1920-е годы это был первый крупный корабль, построенный на верфи Ленинграда после Гражданской войны. В 1937—1938 годах теплоход возил оружие испанским республиканцам, летом 1941 года был переоборудован в госпитальное судно и участвовал в эвакуации гарнизона Таллина. Наверное, Андрей Жданов вздрогнул, когда в сводках потерь увидел своё имя...

Дмитрий Павлов, уполномоченный Государственного Комитета Обороны по обеспечению продовольствием Ленинграда и Ленфронта, вспоминая, как в декабре 1941 года Жданов летал из осаждённого города в Москву в Ставку главнокомандования, приводит слова Жданова: «По окончании доклада Сталин подошёл ко мне, обнял, поцеловал и выразил восхищение мужеством ленинградцев...»^{444} Психологически эта сцена достоверна — с исчезновением угрозы военной катастрофы для обеих столиц отношения старых товарищей покинула нервозность, а стойкость Ленинграда в блокаде стала залогом общей победы. В столицу Жданов летал 17 декабря 1941 года. До полного снятия блокады он всего пять раз будет покидать Ленинград для докладов Ставке: 17—19 июня и 30 ноября — 1 декабря 1942 года, 14—16 апреля и 18—20 декабря 1943 года, 1—3 января 1944 года.

В период блокады больше всего Жданов работал с будущим маршалом Говоровым, возглавившим войска Ленфронта с мая 1942 года. Когда-то, в начале 1919 года, они воевали по разные стороны фронта — мобилизованный в Западную армию Колчака подпоручик артиллерии Леонид Говоров, командуя батареей, обстреливал Уфу, где в то время Жданов возглавлял культпросветотдел Уфимского губвоенкомата РККА. Служба у Колчака, отсутствие членства в большевистской партии и жена-полячка не помешали Говорову сделать карьеру в Красной армии. Со Ждановым они познакомились во время финской войны, когда комбриг Говоров командовал артиллерией 7-й армии на Карельском перешейке.

По итогам контрнаступления под Москвой скупой на похвалу Жуков дал блестящую характеристику Говорову. Через несколько месяцев после его назначения в Ленинград Жданов скажет своим замам в Смольном: «Пожалуй, лучшего командующего, чем Говоров, для Ленинградского фронта не найти»^{445}. Новый командующий, профессиональный и талантливый артиллерист, как никто соответствовал специфике

сложившегося под Ленинградом позиционного фронта, где с обеих сторон решающую роль играла именно тяжёлая артиллерия.

По причине колчаковского прошлого Говорова ранее отказывались принимать в ВКП(б). Но летом 1942 года в Смольном генералу посоветовали подать такое заявление. Через несколько дней Жданов сообщил Говорову, что Центральный комитет вынес специальное решение о приёме его в члены партии без прохождения кандидатского стажа. Уже после войны на XIX съезде партии, переименовавшем ВКП(б) в КПСС, маршала Говорова изберут кандидатом в члены ЦК. Так, благодаря Андрею Александровичу Жданову возникнет уникальный исторический казус: бывший офицер-белогвардеец — в центральном руководстве коммунистической партии.

Показательно, что в годы войны и блокады Жданов продолжает выдвигать своих людей, с кем хорошо сработался. Будущий маршал авиации Новиков так вспоминал о своём новом назначении с поста командующего ВВС Ленфронта: «В феврале 1942 года решением Государственного Комитета Оборона меня назначили первым заместителем командующего ВВС Красной Армии. Это назначение свалилось буквально как снег на голову. Я долго и безуспешно гадал, кому обязан столь крутым поворотом в служебной карьере. Лишь много позже узнал, что моему столь большому повышению содействовал А.А. Жданов. Но в то время об его участии в моей судьбе я даже не подозревал, Андрей Александрович ни словом не обмолвился об этом. Более того, при расставании он сделал вид, будто мой перевод в Москву полная неожиданность и для него.

В одиннадцатом часу ночи 1 февраля 1942 г. меня срочно вызвали в Смольный. Жданов прихварывал и потому принял меня полулёжа. Как всегда, приветливо поздоровавшись, он осведомился, как идут дела в моей "епархии", помолчал, внимательно глядя на меня, и вдруг тихо, но чётко произнёс:

— К сожалению, Александр Александрович, нам придётся расстаться. Вас срочно вызывают в Москву...»^{446}

Для полноты картины необходимо привести впечатления о Жданове в период блокады и от человека, откровенно недоброжелательного к нашему герою. Речь идёт о писателе Данииле Гранине, который в начале войны был рабочим Кировского завода, затем воевал на Ленинградском фронте и спустя полвека, уже на гребне «перестроечных» разоблачений, в рассказе «Запретная глава» оставил такие воспоминания:

«Это было зимой 1942 года. Прямо из окопов нас вызвали в штаб

армии, там придирчиво осмотрели, как выглядим. Накануне мы получили новые гимнастёрки, надраили свою кирзу, подшили свежие подворотнички. Штаб помещался на Благодатном, так что в Смольный нас везли через весь город.

Мы ехали на газогенераторной полуторке стоя, чтобы не запачкаться, в Смольном на вручение орденов нас собрали из разных частей фронта. Нас — человек шестьдесят. Я плохо что видел и замечал, потому что волновался.

Провели нас в маленький зал. За столом сидели незнакомые мне начальники, командиры. Единственный, кого я узнал, был Жданов. Всё вручение он просидел молча, неподвижно, запомнилась его рыхлость, сонность. В конце процедуры он тяжело поднялся, поздравил нас с награждением и сказал про неизбежный разгром немецких оккупантов. Говорил он с чувством, но круглое, бледное, гладко-блестящее его лицо сохраняло безразличие. В некоторых местах он поднимал голос, и мы добросовестно хлопали.

Когда я вернулся в батальон, пересказать толком, о чём он говорил, я не мог. У меня получалась какая-то ерунда, ничего нового, интересного. Ни про второй фронт, ни про наши самолёты. Нас Жданов ни о чём не спросил. Хотя мы были наготове, нас инструктировали в политотделе. Мы все видели его впервые. Ни у кого из нас он в части не бывал, вообще не было слышно, чтобы он побывал на переднем крае. Весть об этом дошла бы» [{447}](#).

Даже из такого недоброжелательного описания через полвека виден смертельно усталый человек. Вот это же — «он в части не бывал» — опровергаемое иными очевидцами, оставим на совести Гранина, слишком вовремя, в перестройку, почувствовавшего вкус к подобным разоблачениям...

Уже упоминавшийся Борис Бычевский оставит свидетельский рассказ о Жданове в Смольном накануне лета 1942 года:

«Ночи стали почти белыми... Около Смольного в такой час тихо, безлюдно. Да и в самом здании, в его длинных, по-старинному гулких коридорах царит необычная для крупного командного пункта тишина. Бесшумно сменяются часовые на лестничных площадках и у некоторых дверей, неторопливо проходят командиры с картами и телеграфными лентами.

За этим внешним строгим спокойствием не каждый уловит беспокойный пульс командного пункта осаждённого фашистами Ленинграда. Здесь под одной крышей расположены и штаб фронта, и обком

и горком партии, и горисполком... Четыре-пять часов утра лишь условно можно считать здесь концом рабочего дня. А может быть, и началом... Обычно в это время начальник штаба фронта генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Гусев и начальник артиллерии полковник Георгий Федотович Одинцов докладывают члену Военного совета Андрею Александровичу Жданову оперативную сводку за истёкшие сутки.

У Жданова болезненное, слегка отёкшее лицо, его сильно мучает астматический кашель. Временами он закуривает специальную лечебную папиросу — становится как будто легче...

Жданов делает пометки в маленькой записной книжке... Жданов очень внимателен ко всем деталям оперативной и разведывательной сводки. Через час телеграф передаст её в Ставку.

— Фашисты явно меняют метод осадного огня по городу, Андрей Александрович, — докладывает полковник Одинцов.

— А именно?

— Сегодня они опять выпустили по Свердловскому району за десять минут огневого налёта сто один тяжёлый снаряд и всё — по заводу "Севкабель".

— Третий раз подряд?

— Да. Прежняя тактика бессистемного огня по разным улицам и зданиям сменилась тактикой сосредоточенных и более методических ударов.

— Разрушать город по клеткам? По графику?.. — Жданов перестаёт задавать вопросы, молча смотрит на план Ленинграда, на точки, обозначающие новые места поражения. — Переход нашей артиллерии к таким дуэлям, в итоге которых полностью уничтожались бы осадные орудия врага, требует по крайней мере 10—12 тысяч снарядов тяжёлых калибров ежемесячно. А Ленинград получил в феврале и в марте по 2,5 тысячи. Одинцов предлагает не только просить у Ставки больше тяжёлых снарядов, но и посылать солдат на те заводы Ленинграда, где есть оборудование и нет рабочих, чтобы увеличить производство снарядов в самом городе. А где взять необходимую электроэнергию? Единственная действующая 5-я ГЭС, ещё подающая чуть-чуть тока для выпечки хлеба и других самых насущных нужд, сама под прицельным огнём фашистов. Они знают, что там последний энергоисточник города.

Записная книжка Жданова, где он ищет иногда ответа на многие и многие вопросы, не говорит, откуда можно снять одну-две тысячи киловатт для производства тяжёлых снарядов...»^[448]

Начальник артиллерии Ленфронта полковник Одинцов в будущем

станет одним из основателей Ракетных войск стратегического назначения. В годы же блокады его главной задачей была борьба с осадной артиллерией противника — под Ленинградом в 1942—1944 годах развернулась беспрецедентная во Второй мировой войне артиллерийская дуэль. На протяжении двух лет тяжёлая и дальнобойная артиллерия вермахта обстреливала осаждённый город. Ленинград привык изо дня в день жить и работать под этим методическим смертоносным огнём, вычисляя безопасные стороны улиц и регулярно меняя места остановки общественного транспорта, к которым пристреливались немцы.

Контрбатарейная борьба станет важнейшей задачей, и в ней Жданов не был только высокопоставленным наблюдателем. Начальник штаба артиллерии Ленфронта, командир Ленинградского гвардейского артиллерийского корпуса прорыва генерал Н.Н. Жданов так вспоминал о своём однофамильце: «Пожалуй, самым активным поборником уничтожения немецких батарей был А.А. Жданов, который не только следил за контрбатарейной борьбой, но и в зависимости от положения на фронте и общей ситуации войны предлагал соответствующие методы борьбы. Так, например, А.А. Жданов предложил самостоятельные артиллерийские операции, смысл которых заключался в том, чтобы не только уничтожать наиболее активные батареи, но, самое важное, взорвать снаряды на огневой позиции до их применения батареями немцев в обстреле Ленинграда и тем самым лишить эти батареи возможности участвовать в разрушении города»^{449}.

Дошедшие до нас стенограммы выступлений Жданова на совещаниях ленинградского руководства в годы войны показывают вдумчивого аналитика и стратега блокадной обороны. В июле 1942 года, выступая на заседании бюро Ленинградского горкома, Жданов следующим образом определяет внутренние задачи города: «...Превращение Ленинграда в военный город заключается в том, чтобы в Ленинграде осталось лишь то количество населения, которое нужно непосредственно, во-первых, на удовлетворение насущных нужд фронта и флота и, во-вторых, на удовлетворение насущных нужд населения, и чтобы это население было достаточно мобильно, чтобы в любой момент могло на винтовку сменить свою профессию, оборониться от штурма, потом опять взяться за работу, чтобы оно было мобильное, самодеятельное, а не беспомощное, могущее держать в руках себя и помогать другим в деле организации обороны...

ЦК считает, что для этой цели нам в Ленинграде более 800 тысяч народа иметь нецелесообразно. Сейчас мы имеем 1 млн. 100 тыс., 300 тысяч вывезем, останется 800 тысяч. Это есть, примерно, лимит населения,

который в наших сложных условиях мы можем и кормить и питать и который достаточен для разрешения основных вопросов»^{450}.

Северный периметр блокады держали финские войска. И Жданов не забывал оказывать военное и политическое давление на Финляндию. Внутреннее положение союзника Германии после года войны резко ухудшилось. И до войны Финляндия ввозила часть хлеба из других стран. В военное время сократилась посевная площадь и снизилась урожайность. Финскому правительству приходилось отправлять большое количество мясной и молочной продукции в Германию. Кроме того, мобилизация в армию вызвала острый недостаток рабочей силы в деревне. В это время советские войска нанесли ряд контрударов на Карельском перешейке. Оценивая значение этих местных боёв летом 1942 года, Жданов говорил: «Мы знали, что часть финской армии ушла на полевые работы, мы имели сведения из Финляндии, что страна устала, находится на грани экономического банкротства, очень сильны антивоенные настроения. Мы решили напомнить, что война продолжается, и держать в напряжении... С этой целью была проведена операция...»^{451}

Через год, на собрании актива ленинградской партийной организации 17 мая 1943 года, анализируя обстановку на фронтах, Жданов говорил так: «Немцы могут ещё где-либо кинуться на новую авантюру. Они ещё достаточно сильны для этого. Враг может начать наступление и на наш город. Из чего можно судить, что немцы готовятся к штурму Ленинграда? Об этом, во-первых, свидетельствуют многочисленные высказывания в печати и радио нейтральных стран. Несомненно, часть этих высказываний нейтральной печати инспирирована немецкой разведкой... Тем не менее все эти разговоры о наступлении на Ленинград внушают нам определённые опасения и должны вызывать насторожённость...

На других участках советско-германского фронта немцы часто действительно выравнивали фронт для того, чтобы занять выгодные позиции. Здесь, на Ленинградском фронте, даже там, где у них позиции невыгодны с военной точки зрения, они не выравнивают фронта, они цепляются за каждый вершок земли. Чем это объясняется? Это объясняется в первую очередь значением, которое имеет для них Ленинград. Немцы понимают, что если под Ленинградом они будут разгромлены, то, во-первых, Финляндия немедленно выходит из игры, второе, они вынуждены будут немедленно убираться из Прибалтики и из Норвегии, война, таким образом, приблизится непосредственно к границам Восточной Пруссии»^{452}.

Позиционный фронт, на долгих два года сложившийся вокруг осаждённого города, породил свои особенности, не характерные для других фронтов Великой Отечественной — затяжную окопную и снайперскую войну. В течение блокады Андрей Жданов уделял немало внимания этой специфике «своего» фронта.

Не раз поднимал он вопрос о невольном стремлении войск на позиционном фронте зарыться в землю, застолбить «свои» участки укреплений и не двигаться вперёд. Так, 14 июля 1942 года Жданов выступал на совещании политработников Ленинградского фронта: «Мы, Военный совет, конечно, понимаем, что блокада развивает чувство пассивности, окопный кретинизм, ноги становятся тысячепудовыми, жиреет совесть. Но на то мы и большевики, чтобы бороться с окопными болезнями. Болезнь состоит в принципе — раз я в окоп забрался, меня никакими силами вперёд...»^{453}

Рабочий завода «Электросила» А.А. Козлов вспоминал, как в марте 1943 года его 1025-й полк был выведен с передового края во второй эшелон, в местечко Ижора, где они настойчиво учились наступать. Полк посетил Жданов и несколько часов наблюдал за ходом учения: «Он стал делать нам замечания, как надо и как не надо воевать. Он буквально обращал внимание на все мелочи. Особенно много указаний сделал он командиру батальона, который вёл батальон на штурм дзота в лоб. Он говорил тогда, что одной силой, да особенно в лоб, дзота не возьмёшь. Надо воевать не только силой, но и хитростью. Долговременные огневые точки надо блокировать, обтекать и только потом их уничтожать.

Один из командиров батальона во время тактических занятий много кричал и без толку мотался. Генерал (Жданов. — А. В.) подошёл к нему и сказал, что так вести себя на поле боя офицеру нельзя. Командир должен так вести себя, чтобы боец понимал его с одного взгляда. Много указаний сделал генерал офицерскому составу о том, как бойцы должны делать перебежки, переползания...

Поблагодарив личный состав полка, А.А. Жданов тепло распрощался и уехал. Через несколько дней на нашем участке фронта началось наступление»^{454}.

Заметим, что с учётом опыта Жданова — от Тифлисской школы прапорщиков пехоты до советско-финляндской войны — его общение с офицерами по поводу тонкостей пехотной тактики не выглядит как покровительственная болтовня высокого начальства.

В 2010 году газета «Красная звезда» опубликовала статью,

посвященную проблемам подготовки снайперов в современных Вооружённых силах Р.Ф. Автор, рассказывая историю развития снайперского дела, утверждает, что «снайперское движение на фронтах началось в 1942 году... с подачи члена Военного совета Ленинградского фронта, секретаря и члена Политбюро ЦК партии Андрея Жданова»^[455]. Даже если здесь и есть некоторое преувеличение, то факт внимания Жданова к этой стороне военного дела сомнению не подлежит — ещё в январе 1942 года Жданов направил доклад в ЦК партии об особенностях и перспективах снайперской войны. Ежедневно для Жданова составлялась сводка действий и успехов снайперов. Весной 1942 года в окопах Ленинградского фронта действовали уже не одиночки, а организованные снайперские группы.

17 апреля 1942 года в Ленинградской студии кинохроники практически все руководители блокадного города обсуждали рабочие материалы документальной картины «Оборона Ленинграда». Стенограмма сохранила любопытные замечания Андрея Жданова:

«Картина большая, поэтому с одного маха трудно впечатление составить, а работа порядочная...

Насчёт музыки. Согласен, что она душераздирающая. Зачем это? Совсем не нужно оплакивать. Живём, воюем, будем жить, зачем же реветь в голос?..

...Во второй части показано народное ополчение, стреляют, идут части, затем опять стреляют, затем показаны призывные пункты, показано, как погнали стада коров, пошли армейские части, потом свиньи пошли по Кировскому проспекту. Получается всё едино — кого-то куда-то гонят... Это напоминает картины Чаплина; сначала стада, а потом безработных показывают, помните? Не подходит, народ будет иронизировать...

...Первой должна быть показана оборона. Надо показать, что есть враг, а он совершенно не показан. Враг показан только в виде пленных, причём тщедушного и жалкого вида. Спрашивается, в чём дело? Если враг такой, то откуда трудности, блокада, разруха, голод, холод и т. д.? Неправильно показан враг. Надо показать соответствующе врага и нашу оборону, показать какой-нибудь участок — 23-й, 42-й армии хотя бы... Надо показать в чём дело, показать, что враг около Ленинграда.

В картине переборщён упадок. Вплоть до торчащих машин! Выходит, всё рухнуло... Люди говорили, что голодаем, но живём надеждой на победу...

Абсолютно не показана ленинградская женщина. Её нужно показать. Она сыграла огромную роль и сейчас играет. Не показаны команды ПВО в

обороне города, которые также играют исключительную роль. Показали бы молодёжь, дежурившую на крышах, борьбу с "зажигалками"...

Картина не удовлетворяет. Она представляет из себя большую кашу. Всё дело надо привести в систему...»^{456}

Особое внимание уделял Жданов и пропаганде, направленной на войска противника. 9 июля 1942 года, выступая на совещании фронтовых политработников, он указал на принципиальный недостаток такой пропаганды в условиях тотальной войны — по довоенной инерции советские политработники всё ещё пытались использовать интернационалистские установки, взывая к совести и человеческим чувствам захватчиков. Жданов считал, что в сложившихся условиях это в корне неправильно и, главное, неэффективно. «Мы хотим убедить грабителя, — говорил он, — мы даём ему листовки, в которых указывается, что вот в Ленинграде ходят трамваи, бьёт ключом культурная жизнь, а ему плевать на всю нашу культуру. Он разграбил музеи Гоголя, Чайковского и других, и нечего перед ним оправдываться.

Мы обращаемся к нему и говорим: посмотри-ка, какими великими были Гёте и Шиллер, а какой ты? А ему плевать на Гёте и Шиллера, ибо он воспитан совершенно иначе и Шиллера и Гете понимает по-своему»^{457}.

По мнению Жданова, на этом этапе войны действенной будет пропаганда, идущая от силы Красной армии и Советского Союза. Интересны и технические приёмы ленинградской контрпропаганды на вражеские войска, которым Жданов уделял особое внимание. Благодаря мощной радиоаппаратуре советским офицерам спецпропаганды Ленфронта иногда удавалось вклиниваться в вещание немецкого или финского радио со своими передачами или короткими репликами, предназначенными для агитации и психологического воздействия на вражеских солдат. Официально это именовалось «радиодиверсией», а технические исполнители называли проще — «накладками»: советская радиопередача как бы накладывалась, замещала вражескую передачу. Так, в 1942 году ленинградским спецпропагандистам, к особому удовольствию Жданова, удалось сделать очень удачную «накладку» во время ответственной передачи финского радио «Лахти» — солдаты финской армии на подступах к осаждённому городу, слушавшие выступление президента Ристо Рюти, вдруг вместо него услышали в своих радиоприёмниках передачу финской редакции Ленинградского радиокomiteта^{458}.

Наш герой пытался вникнуть не только в психологию врагов, но и понять мотивы их худшей разновидности — предателей. Юрий Жданов в

своих воспоминаниях приводит такую историю: «Во время Отечественной войны немцы забросили под Ленинградом диверсионную группу для разрушения дороги, связывающей осаждённый город с Ладогой. Группу задержали и среди диверсантов обнаружили русского. Он где-то в августе 1941 года под Лугой попал в плен. Его завербовали и направили к нам в тыл.

Узнав об этом, мой отец выразил желание встретиться с этим русским. Отец его спрашивал: сознаёт ли он, на что пошёл? Понимает ли положение жителей Ленинграда? Как он мог решиться на такой поступок? Диверсант бормотал лишь о том, что он не здешний, из каких-то далёких мест.

Рассказывая об этом, отец в сердцах бросил: "У него не сформировалось чувство Родины"»^{459}.

Кстати, единственный сын нашего героя в сентябре 1941 года был призван в армию и направлен в 7-й отдел Главного политического управления РККА, занимавшийся пропагандой среди вражеских войск. Здесь, с одной стороны, проглядывает отцовская протекция. С другой стороны, Юрий Жданов блестяще владел немецким языком, и его использовали в армии так, как это было рациональнее для целей войны и победы. Он сотрудничал в «немецкой редакции» управления спецпропаганды — занимался анализом пропаганды противника, работал с перешедшими на нашу сторону немецкими военнопленными, постоянно выезжал на фронты в действующую армию для проведения пропагандистских спецмероприятий, направленных на войска противника.

В январе 1943 года Юрий Жданов участвовал в операции по разложению окружённого немецкого гарнизона Великих Лук. В этом городе ещё в конце ноября 1942 года были окружены более десяти тысяч немецких солдат и офицеров во главе с командиром 277-й пехотной дивизии подполковником фон Зассом. Гитлер в личном сообщении приказал ему ни при каких обстоятельствах города не сдавать, пообещав прорвать окружение — самого фон Засса фюрер наградил Рыцарским крестом, заметив, что после победы назовёт город его именем. Любопытно, что командующий окружённым гарнизоном происходил из баронского рода «остзейских» немцев Эстонии и сам считался в вермахте специалистом по агитации войск противника.

В течение января 1943 года советские пропагандисты, среди них Юрий Жданов, непрерывно давили на психику окружённых, используя громкоговорящие установки, обращения нескольких десятков военнопленных и парламентёров. «Агитштурм» расколол окружённых на сторонников и противников капитуляции. Накануне решающего штурма

сдалось до трёх тысяч солдат великолукского гарнизона. Самого Эдуарда фон Засса и его штаб взяла в плен группа майора Эдуарда Лемминга из красноармейцев-эстонцев Эстонского стрелкового корпуса, среди которых было немало участников «солнечной революции» Жданова...

За Великолукскую спецоперацию Юрий Андреевич Жданов был награждён орденом Красной Звезды. Войну он закончил в звании майора в Вене.

Но вернёмся к Жданову-старшему. Широко известен факт исполнения в блокадном Ленинграде 7-й симфонии Шостаковича. Загруженный работой Жданов на ленинградской премьере симфонии 9 августа 1942 года не присутствовал. Но мало кому известно, что именно он поручил своему «личному» пилоту Василию Литвинову вместе с медикаментами и продовольствием для госпиталей доставить из Куйбышева, где жил эвакуированный Шостакович, четыре объёмистые тетради — партитуру симфонии^{460}.

«Личный» пилот появился у Жданова после начала блокады — капитан Литвинов из Особой северной авиагруппы был одним из первых лётчиков воздушной трассы Ленинград — «Большая земля». Его пассажирский самолёт ПС-84 перевозил не только Жданова, но и ближайших помощников члена военного совета фронта. Когда не было заданий по транспортировке начальства, «личный» самолёт Жданова эвакуировал жителей Ленинграда и доставлял в город медикаменты и продовольствие.

Кстати, помимо знаменитой Блокадной симфонии примерно в те же дни 1942 года появилось ещё одно музыкальное произведение осаждённого Ленинграда — «Песня о Жданове»:

Взвивайся, алый стяг сражений,
Могучих битв богатырей
Для большевистских поколений
Грядущих лучезарных дней.
Пусть имя Жданова Андрея
Гремит раскатом боевым,
Багряным светом пламенея
На берегах седой Невы.
Твои дела, товарищ Жданов,
Нам, ленинградцам, не забыть.
Орде коричневых тиранов
Ты не дал город задушить.

Ты большевистскою заботой
Нас, ленинградцев, окружил.
Ты через льды, снега, болота
Дорогу в город проложил.

Несмотря на то что это был типичный для тех лет образец военной поэзии, приправленный «малым культом личности», песня не кажется вымученным официозом. Автором музыки к ней стал выпускник Ленинградской консерватории Михаил Глух, в 1941 — 1942 годах, в самые тяжёлые месяцы блокады, — младший лейтенант на Ленинградском фронте, командир пулемётного взвода. Только после тяжёлого ранения на Ораниенбаумском плацдарме он попал в полк ПВО, а затем, как композитор, в армейский ансамбль войск противовоздушной обороны Ленинграда, где и появилась эта песня.

В марте 1943 года к Жданову с письмом от наркома химической промышленности Первухина прибыли два инженера из атомной лаборатории Курчатова. Для продолжения работ над атомным проектом требовался циклотрон, ранее разрабатывавшийся Ленинградским физико-техническим институтом (ЛФТИ). Жданов поручил председателю Ленгорсовета Петру Попкову найти и эвакуировать в Москву все необходимые детали и материалы. Из кабинета Попкова в Смольном сотрудники Курчатова ежедневно связывались с московской лабораторией. Части ленинградского циклотрона обнаружили во дворе ЛФТИ, где их по распоряжению Якова Капустина, одного из ленинградских заместителей Жданова, закопали перед эвакуацией института ещё летом первого года войны. 75-тонный электромагнит пришлось вытаскивать с площадки завода «Электросила», которая находилась всего лишь в трёх километрах от линии фронта, под артобстрелом противника. Оборудование для атомного проекта отправили из Ленинграда эшелоном по только что пробитому в блокадном кольце узкому коридору^{461}.

В январе 1944 года наши войска подготовили наступательную операцию «Январский гром», чтобы окончательно отбросить немцев от «второй столицы». В ходе подготовки к операции 1—3 января Жданов посетил Ставку Верховного главнокомандующего. Вернувшись из Ставки, на одном из последних перед наступлением совещаний он подчеркнул: «Хвалят нас и благодарят за то, что мы отстаивали город русской славы, сумели защитить его. Теперь надо, чтобы нас также похвалил советский народ за героизм и умение в наступательных боях...»^{462}

Генерал Николай Николаевич Жданов вспоминал, как накануне наступления, 13 января 1944 года, к нему обратился член Военного совета фронта Андрей Александрович Жданов: «Я, как ваш однофамилец, хочу завтра быть на вашем пункте, прошу эту просьбу уважить»^{463}.

Наблюдательный пункт артиллерийского корпуса Николая Жданова располагался рядом с передовым краем фронта, на крыше Дворца Советов — главного вклада нашего героя в ленинградскую архитектуру. «Что делать? — вспоминал Н.Н. Жданов. — Наблюдательный пункт на чердаке Дворца Советов был для немцев словно заноза. Они часто обрушивали на него ураганный огонь нескольких батарей сразу. Снарядами крупных калибров стены Дворца неоднократно прошивались насквозь. Осколки снарядов, битые камни долетали до крыши. Дворец окутывали клубы дыма и пыли. Находиться в это время на чердаке было небезопасно.

В ночь перед операцией мы устроили в нижнем этаже комнатку, усилив её снаружи бетонными плитами. Эти плиты нам удалось разыскать на строительной площадке. В комнате предполагалось немного задержать Андрея Александровича, чтобы он мог потеплее одеться, прежде чем подняться на наблюдательный пункт. В лестничном проёме, где было оставлено место для лифта, разведчики устроили своеобразный подъёмник. Они подобрали кусок доски и закрепили канатом. С помощью блока на крыше разведчики быстро поднимались на наблюдательный пункт, следовало только сесть на доску и обвязаться верёвкой.

Примерно за три—пять минут перед тем как приехать к нам Андрею Александровичу, до пяти батарей противника угостили нас сильнейшим огневым налётом. А.А. Жданов прибыл за пять—семь минут до начала артиллерийской подготовки. Мы его пригласили в подготовленную комнату... Там его дипломатично задержали, и, пока он переодевался, бой начался. Я уже был на своём Н.П. Один за другим, в соответствии с планом, производились огневые налёты корпуса. Заговорила вся войсковая и армейская артиллерия. Противнику уже было не до Н.П. Когда Андрей Александрович был поднят на наблюдательный пункт, наша пехота и танки уже развивали наступление.

Невольный обман был обнаружен Андреем Александровичем, но я понимал, что не имел права подвергать опасности жизнь секретаря Центрального Комитета нашей партии»^{464}.

Заметим, что книга Н.Н. Жданова, в которой описан данный случай — «Огневой щит Ленинграда», — не обычные воспоминания о войне, а научная работа для профессиональных артиллеристов, где подобные

мемуарные зарисовки вкраплены в массу таблиц, диаграмм и физических формул, описывающих работу тяжёлой артиллерии в ходе ленинградской блокады.

Итогом начатой 14 января 1944 года наступательной операции «Январский гром» стало полное снятие блокады Ленинграда, наши войска прорвали хорошо подготовленную оборону противника и отбросили его на расстояние 60—100 километров от города. В конце января атакующие войска Ленинградского фронта вышли к границе Эстонии.

27 января 1944 года в обращении Говорова и Жданова к войскам и жителям Ленинграда говорилось: «Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы. От имени войск Ленинградского фронта поздравляем вас со знаменательным днём великой победы под Ленинградом»^[465].

Глава 25.

СОЮЗНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ В ФИНЛЯНДИИ

После снятия блокады главной задачей Жданова стало выведение Финляндии из войны. В случае успеха это коренным образом меняло стратегическую обстановку на всём фронте — немцы теряли ключевые позиции на Севере и Балтике, а СССР, сократив фронт на полторы тысячи километров, высвобождал значительные силы для удара непосредственно по Германии.

Сразу после операции «Январский гром» советская авиация дальнего действия трижды бомбила Хельсинки. Под впечатлением германского отступления от Ленинграда и этих ударов по своей столице финские власти задумались о мире — уже в марте на аэродроме под Ленинградом приземлился шведский самолёт с финской делегацией. Парламентёром стал старый знакомый нашего героя, финский политик Юхо Паасикиви, именно с ним четыре года назад Молотов и Жданов подписывали договор, завершивший «зимнюю войну». Но в апреле 1944 года первая попытка договориться о мире завершилась безрезультатно — финский президент Рюти под давлением Берлина отказался от дальнейших переговоров.

Тогда к лету 1944 года советское командование подготовило общее наступление Ленинградского и Карельского фронтов. С конца 1941 года боевые действия на этом направлении носили позиционный характер, под Ленинградом финский фронт пролегал всё ещё в 30 километрах от центра города. Нашим войскам предстояло наступать на Карельском перешейке, по местам боёв 1939—1940 годов, где противник за три года войны подготовил три полосы укреплений общей глубиной свыше 100 километров.

Накануне решающего наступления провели успешную операцию по дезинформации противника — основные силы Ленинградского фронта были демонстративно сосредоточены под Нарвой, якобы для наступления в Эстонию, а затем быстро и скрытно переброшены на Карельский перешеек. Главная роль в этой операции отводилась 21-й армии Ленфронта.

За несколько дней до начала наступления штаб армии посетили Говоров и Жданов. Описание их визита оставил член военного совета 21-й армии Евдоким Егорович Мальцев. В 1941 — 1943 годах он воевал южнее,

на Украине и Северном Кавказе, участвовал в Новороссийской операции, где сдружился с ещё никому не известным полковником Леонидом Брежневым. В мае 1944 года после курсов Академии Генштаба генерал Мальцев получил назначение в военный совет 21-й армии.

«За несколько дней до начала операции, — вспоминал он через 35 лет, — в армию прибыли командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л.А. Говоров и член Военного совета генерал-лейтенант А.А. Жданов... Жданова я знал по портретам, по его многочисленным выступлениям. Выйдя из машины, Андрей Александрович шёл вслед за командующим. Он чуть ниже Л.А. Говорова, но значительно полнее. Болезненное, полное, почти без единой морщинки лицо; живые, умные карие глаза не выглядели добрыми. Они выдавали в Жданове человека безмерной требовательности к себе и к окружающим. Китель, генеральские брюки, сапоги, фуражка тщательно подогнаны на ладной фигуре Андрея Александровича.

...Жданов в своём выступлении охарактеризовал политическое значение предстоящей операции.

— Дойдём до Выборга в назначенные сроки — Финляндия вылетит из войны, — сказал он. — А это спасёт десятки тысяч жизней наших красноармейцев и командиров. Надо учесть, что вести боевые действия в лесисто-болотистой и каменисто-озёрной местности — а она такая на всём протяжении Ленинградского и Карельского фронтов — задача исключительно сложная. Это должны знать не только командиры, но и каждый боец...

Андрей Александрович обратил внимание на необходимость соблюдения намеченных темпов наступления. Если в 1939/40 годах 100 километров до Выборга советские войска прошли за 100 дней, то теперь, несмотря на то, что финны значительно укрепили Карельский перешеек, ставилась задача преодолеть это же расстояние за 10 дней.

— Побольше огневого воздействия на противника, — продолжал член Военного совета фронта, — надо усилить наступающие подразделения, штурмовые группы ручными пулемётами и автоматами, чтобы ни одной перебежки не было без мощного огневого прикрытия...

— За всё, что недодумаем мы с вами, бойцы и командиры заплатят кровью, — сказал в заключение Андрей Александрович. — Так-то, дорогие товарищи.

...В комнате стало душно. Андрей Александрович расстегнул ворот кителя, а потом вдруг предложил:

— Идёмте, товарищ Мальцев, побродим по лесу.

Он вырезал себе палку из орешника и пошёл осматривать кусты и поляны в поисках грибов.

— Люблю, знаете, побродить по лесу. А из грибов выше все го ценю лисички: аккуратные, чистые, сухие. И вкусные, если приготовить в сметане.

Я, признаться, не был знатоком грибов, так как до тех пор жил, служил и воевал не в грибных краях, но лисички знал и составил члену Военного совета компанию.

— От обеда тоже отказываюсь, — сказал А.А. Жданов перед отъездом. — Я на диете, хотя и трудно её было соблюдать в условиях Ленинграда. А вот грибки, с вашего разрешения, заберу. Повар из них сделает для нас с Леонидом Александровичем знатное угощение...»^{466}

18 июня 1944 года, в разгар успешного наступления на Финляндию, объявят о присвоении Леониду Говорову звания Маршала Советского Союза. Сам Жданов тогда же получил воинское звание на два ранга ниже — когда-то прапорщик пехоты, он стал генерал-полковником. Впрочем, с высоты члена политбюро и первого заместителя Сталина в Секретариате ЦК эти чины существенного значения не имели.

Первые дни наступления Говоров и Жданов проведут на командном пункте 21-й армии. В июне 1944 года наши войска уже отличались от тех, что упирались в линию Маннергейма в декабре 1939 года или начинали войну в июне 1941 года. Преодолев за десять дней весь Карельский перешеек, финские укрепления и многочисленные водные преграды, 21 июня 1944 года советские части заняли Выборг. Финны были вынуждены перебросить сюда все резервы, что способствовало нашему наступлению севернее Ладожского озера, где войска Карельского фронта в конце июня заняли столицу Карелии — Петрозаводск.

Через месяц в Хельсинки начались политические перемены — там прекрасно понимали, что следующее советское наступление пойдёт уже вглубь Финляндии. 1 августа 1944 года ушёл в отставку президент Ристо Рюти, один из главных проводников гитлеровской политики и организаторов войны против СССР. Новый президент Финляндии и главнокомандующий вооружёнными силами Маннергейм — формально он никогда не подписывал никаких соглашений с Гитлером — начал переговоры о мире. 5 сентября на советско-финляндском фронте вступило в силу соглашение о прекращении огня.

В полдень 19 сентября 1944 года в Москве Жданов подписал соглашение о перемирии союзников по антигитлеровской коалиции с Финляндией. Примечательно, что Жданов подписал этот исторический

документ не только как представитель СССР, но по поручению и от имени британского короля. В соответствии с соглашением Финляндия обязалась отвести свои войска за линию границы 1940 года, освободить всех военнопленных, разоружить находящиеся на её территории германские войска, предоставить Советскому Союзу необходимые аэродромы и военно-морскую базу рядом с Хельсинки, а также выплатить нашей стране за причинённые убытки контрибуцию 300 миллионов долларов (в современных ценах — порядка 15 миллиардов). Кроме того, на финскую сторону возлагались обязанности возвратить всё вывезенное с территории нашей страны имущество, передать под контроль советского командования все морские суда, распустить враждебные СССР организации и содействовать наказанию военных преступников.

Для контроля за соблюдением Финляндией условий перемирия вплоть до подписания мирного договора нашей страной и Великобританией учреждалась специальная контрольная комиссия. Де-факто основной стороной в соглашении был Советский Союз, и 25 сентября 1944 года была сформирована Союзная контрольная комиссия в Финляндии (СККФ) под председательством Андрея Александровича Жданова.

До вылета в Хельсинки Жданов успел побывать в частях и штабе 21-й армии, расположившемся в отбитом у финнов Выборге. Теперь армии предстояло совершить тысячекилометровый марш на юг и в составе 3-го Белорусского фронта вести наступление уже в направлении Восточной Пруссии, где должен был пригодиться полученный на Карельском перешейке опыт прорыва долговременной обороны.

Среди прочего, член военного совета 21-й армии Евдоким Мальцев описывает такой любопытный эпизод со Ждановым:

«Помню, однажды он спросил у одного из заместителей командиров полков по тылу:

— Доложите, товарищ майор, как у вас в части осуществляется подгонка обмундирования.

— Стараемся, товарищ генерал, — отчеканил интендант. — Красноармейцы в бою, известно, любят, чтобы обмундирование было попросторнее.

— Вот-вот, — строго заметил Андрей Александрович. — И у вас так же, как у других. Обмундирование попросторнее, то есть, как правило, на рост, а то и на два побольше. А знаете, что это значит? Это значит, надо дополнительно выпускать миллионы метров материала. А страна и так работает на нужды фронта с большим напряжением. Кроме того, личный состав ходит в каких-то балахонах, а не в форменном обмундировании. —

И, обращаясь уже ко мне, А.А. Жданов заметил: — Я прошу, товарищ Мальцев, навести в этом вопросе порядок. Это непозволительная бесхозяйственность!»

В прощальном выступлении перед офицерским составом 21-й армии Жданов говорил: «Мы с вами пережили горечь утрат и радость побед, выдержали блокаду Ленинграда, восстановили границу. И где бы ни пришлось вам воевать, высоко несите честь и славу защитников города Ленина, громите ненавистного врага так, как били его на Карельском перешейке. Главное — успешно, своевременно и без потерь совершить марш. Учтите: в бою враг один, а на марше много. Врагами на маршруте могут стать бездорожье, непогода, нерасторопность и нераспорядительность в любых звеньях руководства...»^{467}

5 октября 1944 года самолёт Жданова приземлился в Хельсинки. Председателя СККФ встречал почётный караул в виде батальона финских солдат со всеми торжественными церемониями. По свидетельству очевидцев, наш герой громко поприветствовал почётный караул по-фински, после чего направился в резиденцию СККФ, расположившуюся в центре Хельсинки в отеле «Торни» («Башня») — единственном в городе четырнадцатипятиэтажном «небоскрёбе».

Стенограмма сохранила слова Жданова на первом совещании СККФ: «Мы должны здесь предстать как величественная победоносная нация... Мы должны здесь работать так, чтобы заслужить одобрение нашего правительства, так как мы выполняем здесь специальное задание... Чем дальше мы заберёмся в поры местной жизни, тем будет лучше»^{468}.

Жданов отдельно подчеркнул вопрос о необходимости тщательного контроля и недоверия к бывшему противнику: «Надо всё побережье взять под контроль. Если этого не сделать, то эти жулики нас всё время будут обманывать»^{469}.

СККФ представляла собой весьма солидную дипломатическую, военную и хозяйственную структуру. Заместителем председателя стал генерал-лейтенант интендантской службы Григорий Михайлович Савоненков, до того бывший начальником тыла Ленинградского фронта. В составе комиссии работала оперативная группа офицеров контрразведки, возглавлявшаяся помощником начальника ГУКР «Смерш» генерал-майором Сергеем Фёдоровичем Кожевниковым. К 1945 году вместе с техническими специалистами в СККФ работало свыше тысячи человек. В составе комиссии было несколько представителей Великобритании, и даже рассматривался вопрос о включении в неё представителя Бельгии. Но

иностранцы играли лишь дипломатическую и представительскую роль. Определяли политику СККФ и вели всю работу советские граждане во главе со Ждановым.

Для оперативной связи с Москвой и Ленинградом, а также для быстрого перемещения по Финляндии в распоряжении сотрудников Жданова находилась в/ч 27987 — 21-й отдельный авиационный транспортный отряд при Союзной контрольной комиссии. Он располагался на специально отведённой части аэродрома Хельсинки в Мальми, под охраной советских военнослужащих.

В отеле «Торни» был оборудован узел правительственной связи, где работали связисты Смольного, обеспечивавшие во время блокады оперативные переговоры Жданова со Сталиным. Финские спецслужбы прослушивали телефоны «Торни», но одолеть спецсвязь не смогли.

Первая встреча Жданова и Маннергейма состоялась 7 октября в усадьбе Тамминиеми, президентской резиденции на окраине Хельсинки.

После «зимней войны» и советизации родственной Эстонии Жданов для финнов был, пожалуй, наиболее пугающей и одиозной фигурой, олицетворявшей великого восточного соседа. Это отношение к Жданову не изменилось и поныне.

Военная разведка подготовила Маннергейму личную характеристику главного советского представителя: «Жданов в общении тяжёлый, властный человек, щепетильный, лишённый предрассудков... Заядлый курильщик ленинградских папирос "Беломорканал". Любитель сухого грузинского вина...»^{470}

Финские очевидцы и биографы Маннергейма описывают эту странную встречу не без некоторого смятения. Финский историк и литератор Вейо Мери пишет, что, когда к резиденции президента на большой скорости подъехали автомобили с вооружённой охраной Жданова, «...хозяева совершенно растерялись и просто-таки пришли в ужас... Адъютанты начали судорожно хвататься за пустую кобуру. Они решили, что совершается государственный переворот и сейчас захватят дом»^{471}. Окружение Маннергейма вздохнуло с облегчением, когда Жданов, Савоненков и сопровождающие вошли в дом без оружия.

Почти все присутствующие с обеих сторон, включая маршала Маннергейма и генерал-полковника Жданова, были в военной форме. Языкового барьера между высокими сторонами не существовало — и президент Маннергейм, и военный министр Вальден некогда были офицерами царской армии. И тут произошло нечто удивительное. Со слов

почитателей Маннергейма, в процессе представлений и приветствий Жданов признался президенту Финляндии, что в годы Первой мировой войны «имел честь служить» в артиллерии кавалерийского корпуса, которым в 1917 году на Румынском фронте командовал Маннергейм. Старый 77-летний кавалерист, генерал-лейтенант Российской империи и маршал Финляндии в ответ тут же предложил выпить за это приятное совпадение, вероятно, руководствуясь справкой разведки о пристрастии советского представителя к «сухому грузинскому вину». Жданов и Маннергейм, оставив своих помощников, уединились в кабинете маршала. Как пишет Вейо Мери, «всего через несколько минут из комнаты, где хозяин уединился со своим гостем, послышались довольный смех и цивилизованный разговор»^{472}.

Опираясь на финские источники, современный русский биограф и страстный почитатель Маннергейма Л.В. Власов не сомневается ни в том, что Жданов действительно «признался» финскому президенту в былой службе под его командованием, ни в правдивости этих признаний: «Выпив, вспомнили Первую мировую войну и людей, с которыми вместе служили. Жданов хорошо помнил генерала Приходкина и ефрейтора Полищука — личного шофёра Маннергейма. Он рассказал весёлый случай, который произошёл с ним в Кишинёве, когда на базаре он вместо самогона купил воду... Маннергейм предложил Жданову перейти в боковую комнату, откуда послышался громкий смех генерал-полковника. Президент блестяще умел рассказывать короткие анекдоты»^{473}.

Конфуз для почитателей финского маршала: Андрей Александрович Жданов никогда не служил в артиллерии 6-го кавалерийского корпуса Маннергейма на Румынском фронте, не знал ни генерала Приходкина, ни ефрейтора Полищука, а Шадринск его 139-м запасным пехотным полком располагался чрезвычайно далеко от Кишинёва. К ответственной встрече готовился и читал характеристики спецслужб не только Маннергейм. Судя по всему, советские компетентные органы подготовили для Жданова самую детальную «ориентировку» на главу Финляндии, и неожиданное Жданове кое «признание» в армейской службе под началом Маннергейма было тщательно продуманным мероприятием. Старый маршал три десятилетия спустя не мог помнить каждого младшего офицера своего корпуса. Не мог он и проверить информацию о «прапорщике Жданове». У советских же спецслужб были в полном распоряжении архивы некогда располагавшегося в Кишинёве штаба 6-го кавкорпуса царской армии. И Жданов, как настоящий разведчик, тщательно выучил «легенду», необходимые детали и

фамилии из тогдашнего окружения Маннергейма...

Для советской стороны в те дни барон Карл Густав Эмиль Маннергейм был не только давним врагом большевиков, но и главным инициатором и гарантом прекращения огня на советско-финляндском фронте. Более того, именно Маннергейм являлся тем, кто мог заставить вооружённые силы Финляндии, прежде всего её антисоветски настроенный офицерский корпус, воевать против своих недавних союзников — на севере Финляндии всё ещё располагались почти 200 тысяч войск гитлеровской Германии из горной армии «Лапландия». Поэтому ради высших интересов Советского Союза необходимо было установить с президентом и маршалом доверительные отношения. В этих целях Андрей Жданов и разыграл роль его «однополчанина».

Конечно, ни Жданов, ни Маннергейм после установления контакта не перестали быть изощёрёнными противниками с полярными интересами. Но в сложной гамме чувств присутствовало и свойственное сильным натурам взаимное уважение — маленькая Финляндия показала себя серьёзным противником, а Советская Россия вдруг стала мировой державой из постреволуционного небытия и краха 1941 года. В обоих случаях личные заслуги высоких договаривающихся сторон были очевидны. С этого момента Маннергейм обращался к Жданову «генерал», а Жданов к нему — «господин президент».

После любезного знакомства, совместных «воспоминаний», бокалов вина и разговора наедине Жданов и Маннергейм вернулись к своим сопровождающим и продолжили переговоры уже официально. Первые переговоры СККФ и президента Финляндии продолжались два с половиной часа, на них обсудили все вопросы перемирия — от внутренней политики до военных баз и военнопленных.

Как пишет Вейо Мери: «При расставании возникла неловкая ситуация. Будучи аристократом и главой государства, Маннергейм, конечно, и помыслить себе не мог подать Жданову шинель. Адъютанты, находившиеся на верхнем этаже, не слышали призывов Маннергейма. Во второй раз за день они пришли в полное замешательство, увидев разгневанного Маннергейма, который явился за теми, кому вменялась в обязанность упомянутая задача»^[474].

Далёкого от аристократического снобизма Жданова, вероятно, позабавила эта попытка Маннергейма соблюсти все тонкости придворного этикета. Шинель он надел сам. Начало деловому контакту было положено. Через несколько дней, в октябре 1944 года, финские войска нехотя, осторожно, но начали боевые действия против германской армии на севере

страны.

Следующим этапом стало формирование нового правительства Финляндии, лояльного Советскому Союзу, — действующее правительство, созданное в сентябре 1944 года до появления Жданова в Хельсинки, советскую сторону не удовлетворяло. Соглашение о перемирии не давало возможности прямо вмешиваться в формирование властных органов Финляндии, и представителям СККФ пришлось действовать через финских политиков и депутатов парламента, прежде всего через группу сторонников авторитетного политика и финансиста Юхо Паасикиви, который всегда был противником откровенно антирусского курса верхов Финляндии. Таким политическим лоббированием в контакте с группой Паасикиви, по поручению Жданова, занимался Елисей Сеницын — заместитель политического советника СККФ, инженер-химик по образованию и кадровый сотрудник советской разведки, с 1939 года работавший под дипломатическим прикрытием резидентом в Хельсинки и Стокгольме. 8 октября 1944 года Сеницын недвусмысленно высказался в разговоре с финскими политиками и депутатами парламента о том, что СССР не доверяет нынешнему правительству и «не считает, что оно стремится выполнять соглашение о перемирии». Позднее он обещал Паасикиви, что в случае формирования дружественного правительства финская сторона сможет убедиться: «мы не только берём, но мы тоже даём»^[475]. Страх перед мощью восточного соседа и перспективы выгод от экономического сотрудничества — кнут и пряник — сыграли решающую роль: в ноябре 1944 года появилось новое правительство во главе с премьер-министром Паасикиви.

Вскоре Елисей Сеницын проявил себя не только как искусный дипломат, но и как успешный резидент разведки. При помощи находящегося с ним на связи агента по кличке «Граф» из военных спецслужб Финляндии удалось пресечь попытки финской и британской разведок прослушивать телефонные переговоры Сталина и Жданова по спецсвязи. «Граф» так и остался безмянным и нераскрытым агентом нашей разведки.

О деятельности будущего генерал-майора КГБ Сеницына сведений немного. Известно, что в мае 1945 года по ложному доносу он был неожиданно отозван в Москву. Однако Жданов, доверяя успешному разведчику и дипломату, потребовал тщательного расследования, которое полностью оправдало Сеницына. Верный своей многолетней привычке всюду выдвигать способные кадры, Жданов способствовал его назначению начальником отдела Скандинавских стран Первого управления (внешней

разведки) НКГБ.

Союзная контрольная комиссия с момента своего появления в Финляндии занималась и возвращением советских военнопленных. Кроме того, финские власти в октябре 1944 года освободили свыше тысячи политзаключённых, в том числе финских коммунистов. Жданову пришлось нажать на финскую сторону, чтобы вернуть в СССР почти 55 тысяч карел и ингерманландцев, во время оккупации переселённых в Финляндию. Но наиболее жёстко Жданов давил на военные и политические власти бывшего противника, чтобы вернуть в Советский Союз 1200 предателей — граждан СССР, в годы войны перешедших на службу в финскую армию.

Политические и военные задачи в деятельности комиссии Жданова тесно переплетались с серьёзными экономическими вопросами. Ещё на первом совещании СККФ 5 октября 1944 года Жданов обозначил стратегическую цель — поставить хозяйственную жизнь Финляндии в зависимость от экономического сотрудничества с СССР и тем самым обеспечить стабильное советское влияние.

Статья 11 соглашения о перемирии обязывала Финляндию возместить в течение шести лет ущерб, нанесённый Советскому Союзу, товарами на сумму 300 миллионов долларов. При этом репарационные платежи лишь на 10 процентов возмещали прямой ущерб, нанесённый финнами только советской Карелии. При детальном рассмотрении вопроса о репарациях СССР потребовал производить расчёты в соответствии с уровнем довоенных цен 1938 года. Маннергейм пытался возражать, что за годы войны цены выросли почти в два раза и, следовательно, это дополнительное условие означало, что 300 миллионов долларов на практике превращаются в 600 миллионов (напомним, что в современных ценах это свыше 30 миллиардов долларов). Жданов пошёл на некоторые уступки и пообещал снизить объёмы репараций на 10 процентов, заявив, что репарации — дело не коммерческое, а политическое. Сочетая кнут и пряник, наш герой, в случае отказа финнов от такого варианта, грозил применить санкции — забрать в советскую собственность промышленные предприятия. Для давления он также использовал зависимость Финляндии в условиях продолжавшейся мировой войны от поставок советского продовольствия.

Чтобы добиться выполнения всех советских условий, Жданов поддерживал у финской стороны неуверенность за судьбу страны. В связи с этим он говорил сотрудникам СККФ, что необходимо использовать несколько тактик: «для своих действий, для друзей, для друго-врагов». При этом ни в коем случае нельзя было «проговориться, что ни при каких

условиях Финляндия не будет оккупирована»^{476}.

17 декабря 1944 года соглашение о репарациях было подписано на советских условиях с незначительными уступками. Поставки по репарациям финны выполняли тщательно и в срок. Это привело к тому, что под новый, 1946 год Финляндии облегчили положение и продлили срок выплаты репараций с шести до восьми лет, а в 1946 году Сталин простил половину оставшегося долга — 75 миллионов долларов. 18 сентября 1952 года, когда Жданова уже не было в живых, из Финляндии в СССР был торжественно отправлен последний поезд с репарационным грузом. Если сцепить между собой все поезда, перевозившие в нашу страну станки, оборудование разного рода, бумагу, целлюлозу и прочее в течение восьми лет, их протяжённость составила бы три с половиной тысячи километров. Кроме этого «состава» в 340 тысяч вагонов, было ещё 514 судов, построенных на финских верфях для нашей страны.

С октября 1944 года группы офицеров СККФ занимались осмотром всех гарнизонов и мест расквартирования финской армии. В самом конце года с несколькими офицерами случился неприятный эпизод. Сотрудник СККФ, подполковник Александр Богданов, в годы войны служивший в контрразведке Ленинградского фронта, в 1990-е годы описал этот инцидент так:

«Начальник финского гарнизона устроил встречу командования гарнизона с нашими офицерами, на которой распивались спиртные напитки. Некоторые офицеры, в том числе имевшие звание полковника, выпили лишку и вели себя на встрече крайне недостойно... А.А. Жданов наложил резолюцию, на основании которой незамедлительно был подготовлен приказ председателя СКК в Финляндии. Согласно этому приказу пять офицеров в звании полковника, допустивших недостойное поведение в гарнизоне финской армии, отчислялись из состава СКК и в течение суток должны были покинуть Финляндию с последующей отправкой на фронт. Приказ был объявлен всему офицерскому составу СКК. Этот суровый, но справедливый приказ сыграл важную роль в укреплении дисциплины личного состава СКК. Характерно, что за следующие 3 года деятельности СКК в Финляндии ни одного ЧП в ней не произошло»^{477}.

Надо отметить, что и президент Финляндии, в свою очередь, пытался бороться с русско-финским пьянством. Как пишет его биограф Вейо Мери, «Маннергейм весьма сердился на министров, позволявших себе пьянствовать с русскими. Финляндцы обязаны сохранять своё достоинство.

Паасикиви же был другого мнения. Он очень благосклонно относился к тому, что Кекконен может до утра пить с послом Советского Союза...»^[478].

С конца 1944 года проверочные группы СККФ, специалисты по различным отраслям экономики и военным вопросам буквально переворошили всю Финляндию. Перемирие и тщательный контроль за бывшим противником со стороны СККФ позволили СССР к началу 1945 года перебросить на германский фронт 600 тысяч солдат. В распоряжение советских войск и Балтийского флота была предоставлена база в Порккала-Удд, надёжно контролировавшая вход в Финский залив и более удобная, чем база в Ханко, полученная после «зимней войны». Кроме того, сама база располагалась в 30 километрах от Хельсинки. Не зря советские политработники тогда говорили: «Порккала-Удд — пистолет, приставленный к виску Финляндии».

В январе 1945 года в стране прошли парламентские выборы. Жданов не мог вмешиваться в их ход напрямую, но приложил все усилия, чтобы обеспечить победу дружественных или нейтральных сил и не допустить в финский сейм враждебных СССР политиков. Этому способствовала 21-я статья соглашения о перемирии, требовавшая от Финляндии «немедленно распустить находящиеся на её территории все прогитлеровские (фашистского типа) политические, военные, военизированные, а также другие организации, ведущие враждебную Объединённым Нациям, в частности Советскому Союзу, пропаганду, и впредь не допускать существования такого рода организаций».

По требованию СККФ были ликвидированы такие организации, как «Щюцкор» или Карельское академическое общество, выступавшие за отторжение от СССР всех финно-угорских территорий вплоть до Урала. Одновременно комиссия Жданова работала над формированием широкой политической коалиции леводемократической ориентации. Вышедшая из подполья коммунистическая партия Финляндии была немногочисленной и не имела пока большого влияния. К выборам был создан Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ), в состав которого вошли коммунисты и левые социал-демократические организации — Союз мелких земледельцев, Союз товариществ и др. В итоге прошедшие 17—18 января 1945 года парламентские выборы дали большинство левым и умеренным силам — Социал-демократической партии Финляндии, Аграрному союзу и просоветскому ДСНФ.

Финские коммунисты предлагали Жданову начать в Финляндии проведение набора добровольцев на германский фронт для борьбы с Гитлером. Но в конце войны победоносный Советский Союз в помощи

такого рода уже не нуждался, а сочувствующие были больше нужны в самой Финляндии, что Андрей Жданов и объяснил финским товарищам.

В феврале 1945 года в Хельсинки с неожиданным успехом прошли гастроли Краснознамённого ансамбля песни и пляски Красной армии, завоевавшего огромную популярность в Британии и США. Возглавлял его композитор и дирижёр, доктор искусствоведения генерал-майор Александр Васильевич Александров, автор музыки к гимну СССР. Когда-то, свыше тридцати лет назад, он преподавал в музыкальной школе Твери и учил пению способного к музыке школьника-реалиста Андрюшу Жданова. Теперь член политбюро и сталинский надзиратель за Финляндией писал из Хельсинки жене о гастролях ансамбля Александрова: «Свёл с ума всех финнов, без различия направлений. Все, кто знает финнов, и в первую очередь они сами, утверждают, что финнов никогда и ни по какому поводу в таком экстазе не видели. В Таммерфорсе всех участников ансамбля толпа несла на руках из здания театра. Триумф полный»^{479}.

Находясь в Финляндии, Жданов старался узнать её народ, понять национальный характер финнов, пытался учить весьма сложный финский язык и, по свидетельству очевидцев, владел сотней финских фраз. Кстати, как вспоминал его сын, он знал немного и французский язык и «даже шуткой рассказывал, что, когда он был в Хельсинки, на приёмах у Паасикиви он немножко разговаривал с обществом на французском языке, особенно с дамами»^{480}. В 1945 году в кремлёвской квартире Ждановых появилась приглянувшаяся Андрею Александровичу маленькая деревянная скульптура, изображающая финского крестьянина. По словам Юрия Жданова, его отец отмечал, что она очень точно выражает менталитет финского народа...

Требование СККФ о запрете и роспуске враждебных СССР организаций затронуло и русские эмигрантские объединения, многие из которых ещё с 1920-х годов занимались активной антисоветской деятельностью. Впрочем, к 1945 году изменились и настроения в самой эмиграции — военные победы русского оружия и заметный крен сталинского государства в сторону национальной идеологии привлекли симпатии многих эмигрантов. В конце 1944 года в Хельсинки появился кружок по изучению жизни Советского Союза и возникла русская секция финской компартии. В марте 1945 года с одобрения Жданова было проведено учредительное собрание Русского культурно-демократического союза, призванного объединить всю российскую эмиграцию Финляндии, — в союз вошли многие эмигрантские активисты и общественные

объединения, включая Русское купеческое общество в Гельсингфорсе. Отныне русская диаспора действовала в интересах Советского Союза, поддерживая и пропагандируя его политику и культуру.

Парламентская победа левых сил позволила весной 1945 года ввести в правительство Паасикиви финских коммунистов. В частности, министром внутренних дел стал коммунист Юрье Лейно, в 1930-е годы не раз арестовывавшийся полицией, годы войны проведший в тюремном заключении и штрафном батальоне. Маннергейм всячески возражал против назначения коммуниста министром МВД, но реальная власть финского президента и маршала в 1945 году была не слишком велика.

Особой задачей СККФ был поиск и привлечение к суду финских военных преступников. Согласно 13-й статье соглашения о перемирии Финляндия взяла на себя обязательство сотрудничать с антигитлеровской коалицией в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях. Поэтому ещё 19 октября 1944 года Жданов передал действующему тогда премьер-министру Финляндии Кастрену список, в котором значился 61 человек — финские военные чины, совершавшие преступления на территории оккупированной Карелии, личности которых смогла установить советская сторона.

Необходимо пояснить, что в 1941—1944 годах на оккупированной территории финские власти поместили в концентрационные лагеря почти всё «неродственное», то есть славянское население Карелии и севера Ленинградской области, включая женщин и детей. Славян тщательно отделили от финнов и местных карелов. Только в Петрозаводске было создано семь концентрационных лагерей для русских. За три года оккупации в таких лагерях, предназначенных — по финской терминологии — для «гражданских пленных», погибло свыше трети заключённых.

Сразу после освобождения территории Карело-Финской ССР были собраны подробные показания выживших очевидцев, исследованы массовые захоронения, установлены имена отдельных виновников геноцида и воинских преступлений. Заметим, что с ноября 1942 года Андрей Жданов вместе с выдающимся русским хирургом Бурденко, историком Тарле, писателем Алексеем Толстым, митрополитом Волынским и Луцким Николаем и другими представителями советской общественности входил в состав особого органа — Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Так как Финляндия вовремя вышла из войны и не подверглась оккупации, Советский Союз не имел прямых возможностей по задержанию

и наказанию виновных в убийствах и геноциде. Финская же сторона не спешила задерживать и судить своих военных преступников. По списку, переданному Ждановым, с октября 1944-го по декабрь 1947 года задержали 45 человек, из которых лишь 14 были наказаны лишением свободы и один... штрафом. Бывшие военные коменданты оккупированных территорий Котилайнен и Араюри бежали в Швецию.

Более того, до лета 1945 года финские чиновники, наиболее тесно сотрудничавшие с Гитлером и вынашивавшие планы уничтожения Ленинграда, вроде бывшего президента Рюти, продолжали занимать ряд ответственных постов в государственных структурах и видное место в добропорядочном финском обществе. Только в июле 1945 года, через два месяца после краха Германии, после того как своё недоумение выразили все представители «большой тройки» стран-победительниц, а внутри страны не без помощи СККФ были проведены демонстрации сторонников коммунистов и леводемократических сил из ДСНФ, наиболее запачкавшиеся в сотрудничестве с Гитлером финские политики, включая Рюти, подали в отставку.

Ещё со времён Нижегородского губкома Жданов хорошо понимал, насколько важен постоянный анализ общественного мнения. Аппарат СККФ готовил ему справки по настроениям в финском обществе. Примечательна записка, предоставленная Жданову начальником Инспекции союзной контрольной комиссии генерал-майором Кожевниковым 8 августа 1945 года, где, в частности, приведено высказывание рабочего-металлурга завода «Кастор» в Питаянмяки, беспартийного Микко Нярге: «Странны и непонятны представленные нам Советским Союзом льготы. Мы ведь в сущности вполне удовлетворительно не выполняем соглашение о перемирии. Военные преступники гуляют на свободе, целая организация при Генеральном штабе вела и была уличена в преступной работе против СССР. Рюти вместо тюрьмы ещё получил большую пенсию»^{481}.

Упомянутая «организация при Генеральном штабе» стала ещё одной целью Союзной контрольной комиссии, наряду с военными преступниками. Весной 1945 года агенты СККФ вскрыли и частично уничтожили целую сеть разбросанных по всей Финляндии тайных складов оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Данный факт свидетельствовал о нарушении статей 4 и 21 соглашения о перемирии, по которому Финляндия обязывалась перевести армию на мирное положение и распустить военные и военизированные организации антисоветского толка. Так как такое нарушение соглашения потенциально грозило прямым

вмешательством Советского Союза, финские власти вынуждены были нехотя, но всё же взяться за расследование. В итоге обнаружилась целая подпольная организация финской армии, руководимая полусотней высших офицеров финского Генерального штаба во главе с близким Маннергейму начальником Генштаба генерал-лейтенантом Акселем Айро. Ещё до заключения соглашения о перемирии осенью 1944 года группа высокопоставленных генштабистов приступила к тайному планированию и подготовке вооружённых действий против СССР. Интересно, что «подпольщики» в погонах лелеяли надежду на вооружённый конфликт между западными союзниками и СССР.

Всю вторую половину 1945 года контрольная комиссия Жданова всеми возможными средствами стремилась принудить финские власти отправить на скамью подсудимых виновников войны и нарушителей соглашения о перемирии. Жданов прямо тогда заявил финнам: «По крайней мере половину умерших от голода в Ленинграде я отношу на совесть финнов, так как они наравне с немцами участвовали в блокаде Ленинграда»^{482}. Сейчас финское общественное сознание этой вины не видит, а большинство финских историков пытаются доказывать даже невиновность их страны в блокаде. Однако, например, в бумагах бывшего финского президента Ристо Рюти, изученных комиссией Жданова, летом 1942 года сделана такая запись: «Гражданское население Петербурга может гибнуть, ведь русские такие ненадёжные и изворотливые, что жалеть их совершенно незачем»^{483}.

После того как в августе 1945 года на совещании министров иностранных дел стран-победительниц в Лондоне было принято решение о применении принципов виновности к тем, кто «отвечал за начало и ведение наступательной войны», финские власти вынуждены были перейти от отставок к подготовке судебного процесса. Андрей Жданов в беседе с премьер-министром Паасикиви высказал мнение советского правительства, что наказание лиц, ответственных за войну, должно «показать, что народ Финляндии полностью отвергает прежнюю политику, осуждает руководителей этой политики и готов вступить на путь новой политики». Жданов намекнул при этом, что СККФ могла бы взять дело в свои руки, но, учитывая интересы Финляндии, доверяет сделать это самим финнам^{484}.

Опасаясь, что обвиняемых вывезут в СССР и будут судить там, финский парламент принял чрезвычайный закон о наказании виновников войны, и 15 ноября 1945 года — на следующий день после начала Нюрнбергского процесса — в Хельсинки начался суд над лицами,

руководившими Финляндией в период 1939—1944 годов. В качестве обвиняемых были привлечены восемь человек: бывший президент Финляндии Ристо Рюти, бывшие премьер-министры Рангель и Линкомиес, бывший посол в Берлине Кивимяки, министры Таннер, Рейникка, Рамсай и Кукконен.

В отличие от Нюрнбергского процесса подсудимые в Хельсинки были отнесены к разряду «виновников войны», и им не предъявлялось обвинений в военных преступлениях или преступлениях против человечества. Форма и сроки наказаний были предусмотрены значительно более мягкими, чем в других странах, участвовавших в войне на стороне Германии. При этом никакого энтузиазма финские власти, слишком тесно связанные с обвиняемыми, в судебном процессе не проявляли.

Комиссия Жданова проделала большую политическую и юридическую работу, предоставив в ходе процесса необходимые доказательства. Решающий перелом в ходе процесса наступил после оглашения германских документов, в том числе плана «Барбаросса» и показаний немецких военных преступников. Обвинение доказало, что перед войной были разработаны оперативные планы наступления финской армии на Ленинград. При этом руководство Финляндии само проявило готовность участвовать в войне на стороне Германии в целях реванша и захвата территорий Карелии и Ленинградской области. Были приведены доказательства намерений правительства Рюти совместно с немцами ликвидировать «нежелательный» город Ленинград.

Особую пикантность деятельности политиков из клана Рюти придавал тот факт, что они были готовы поступиться суверенитетом Финляндии — на суде были оглашены стенограммы проводимого Гитлером совещания 16 июля 1941 года, где было заявлено, что «со всей осторожностью нужно подготавливать присоединение Финляндии как подчинённого государства к Германии»^{485}.

Советская сторона сознательно отказалась от привлечения в качестве обвиняемого действующего президента Финляндии маршала Маннергейма. Сотрудники комиссии Жданова собрали в финских архивах веские доказательства того, что Маннергейм не менее, чем Рюти, был виновен во втягивании Финляндии в войну. Однако Жданов распорядился, чтобы эти материалы хранились только у него лично. Именно Маннергейм обеспечил выход Финляндии из войны, а затем и участие финской армии в боевых действиях против немцев — за эти актуальные заслуги высшее руководство СССР не стало привлекать его к ответственности за былые антисоветские прегрешения. К тому же маршал уже был больным человеком и глубоким

стариком, дни его, тем более в активной политике, были сочтены.

При этом сам Маннергейм, не желая быть причастным к процессам над виновниками войны даже просто в качестве высшего официального лица, попытался уйти в отставку с поста президента. Но Жданов прозрачно намекнул, что, по мнению Москвы, маршал должен оставаться на занимаемом посту до конца процесса. В ноябре 1945 года Маннергейм, опасаясь привлечения к суду или иного втягивания в процесс, собрался выехать в Португалию (на Пиренейском полуострове сохранились единственные в Европе после 1945 года правые диктатуры), мотивируя поездку необходимостью лечения. Но для такой поездки требовалась неофициальная санкция главы контрольной комиссии.

Жданов отвечал, что маршал, как лидер суверенного государства, может ехать куда угодно, но лично он, Жданов, посоветовал бы президенту лечиться в Крыму... Маннергейм намёк понял и заграничную поездку отменил. Он смог покинуть страну только после личного разрешения Сталина.

Параллельно с процессом над виновниками войны шло следствие по делу о «подпольщиках» из финского Генштаба. Под давлением СККФ, с участием сторонников коммунистов и офицеров из комиссии Жданова, МВД Финляндии выявит 1311 тайных складов оружия и допросит более шести тысяч человек. Свыше тысячи финских военных будут задержаны, а 128 высших офицеров окажутся в предварительном заключении под следствием — среди них шесть генералов и 19 полковников финской армии.

Приговор по делу Рюти и компании ожидался уже в самом начале первого послевоенного года. Но 29 декабря 1945 года Андрея Жданова решением политбюро экстренно вызвали в Москву — в связи с болезнью Сталина и непростой обстановкой на самых верхах кремлёвской власти.

Часть четвёртая.
«ЖДАНОВЩИНА»

Глава 26.

НА ВЕРШИНЕ

С января 1945 года решением политбюро, в связи с необходимостью сосредоточить усилия на работе в ЦК ВКП(б) и Союзной контрольной комиссии в Финляндии (СККФ), Жданов оставил пост первого секретаря Ленинградского горкома и обкома, который занимал десять лет. Новым первым лицом Ленинграда 17 января 1945 года был избран ближайший ждановский помощник в предвоенные годы и блокаду Алексей Кузнецов.

До декабря 1945 года Жданов регулярно бывал в Москве, но большую часть времени проводил в Хельсинки. Там он встретил весть о победе — телеграмму о капитуляции Германии на узле связи СККФ в отеле «Торни» принял радист Михаил Нейштад, всю блокаду обеспечивавший связь Жданова со Сталиным, за исключением нескольких самых тяжёлых месяцев на Невском пятачке, куда радистов Смольного в декабре 1941 года направили для обеспечения связи с плацдармом...

24 мая 1945 года Жданов присутствовал на знаменитом приёме в Кремле, где Сталин поднял тост «за здоровье русского народа». По одной из версий (не подтверждённой, правда, стенографической записью), Сталин провозгласил тост и за здоровье Жданова, как «организатора обороны Ленинграда». Наш герой подошёл к Верховному главнокомандующему, чокнулся с ним и поблагодарил^{486}.

Сразу же после завершения Второй мировой войны, 4 сентября 1945 года, советское руководство вернулось к довоенным структурам власти, упразднив Госкомитет обороны и официально передав все его дела Совету народных комиссаров. Неформальная верховная власть внутри страны в этот период сосредоточивалась в руках так называемой «пятёрки» — группы членов политбюро, ставших наиболее близкими Сталину в годы войны. Помимо самого вождя в «пятёрку» входили Маленков, Молотов, Берия и Микоян.

В конце 1945 года у Сталина произошёл довольно резкий конфликт с Вячеславом Молотовым, неизменным руководителем советской внешней политики на протяжении всех военных лет. Одним из итогов этих закулисных событий и стало решение политбюро от 29 декабря 1945 года о возвращении Жданова в Москву и фактическом расширении «пятёрки» до «шестёрки». Формально это выглядело так — по инициативе Сталина было

принято решение об организации комиссии по внешним делам при политбюро, куда вождь вписал прежнюю руководящую «пятёрку», а также Жданова. Но фактически такая узкая комиссия руководила не только внешней политикой, но и всей жизнью СССР.

Впрочем, возвращение Жданова было связано не только со сложным балансом сил и влияний на вершине советского Олимпа. После завершения 26 декабря 1945 года московского совещания министров иностранных дел стран-победительниц — СССР, США и Великобритании — начался новый, послевоенный период. Он ещё не привёл к открытому противостоянию бывших союзников, но уже ставил перед страной новые, сложнейшие задачи и проблемы, как внутренние, так и внешние.

Долгая военная блокада города на Неве несколько отдалила Жданова от неформального центра реальной власти. Он мог бывать в Кремле и у Сталина только редкими наездами (точнее — прилётами). Естественно, его влияние на дела в Центре стало уступать влиянию Маленкова или Берии. Но всё это время Жданов фактически был единственным из высших военных и политических руководителей СССР, кто тянул свой отдельный огромный участок работы почти автономно от Сталина. Жданов был реальным соратником, способным самостоятельно понимать и решать общие задачи. Годы войны не только сохранили, но, похоже, укрепили доверительное отношение Сталина к нему.

Ждановское «путешествие из Петербурга в Москву» было стремительным. Через сутки после решения политбюро от 29 декабря 1945 года, в 00 часов 15 минут 31 декабря Андрей Жданов появился в кремлёвском кабинете Сталина.

Это событие породило целый букет последствий. Заметно сдал в аппаратном весе Молотов, из влиятельнейшего соратника Сталина он превращался в «обычного» главу внешнеполитического ведомства; Берия уходил с поста наркома внутренних дел, чтобы сосредоточиться на важнейшем атомном проекте, — пусть и временно, но его влияние неизбежно снижалось. Было начато расследование в Наркомате авиационной промышленности, которое отозвалось существенными неприятностями для Маленкова, куратора авиапрома в годы войны. Специализировавшийся на внешней торговле и снабжении Микоян, будучи самым младшим по рангу членом прежней «пятёрки», не мог тягаться в аппаратном влиянии ни с вышеназванными товарищами, ни со Ждановым.

Кстати, наш герой, не будучи причастным лично к атомному проекту, присутствовал на первой встрече Сталина с Курчатовым 25 января 1946 года. «Отец» советской атомной бомбы начинал свою научную

деятельность и провёл первые опыты в области ядерной физики именно в Ленинграде.

В самом начале 1946 года Жданову пришлось заняться выборами в Верховный Совет СССР. Война отодвинула сроки перевыборов образованного ещё в 1938 году советского парламента. И первые послевоенные выборы должны были стать общенародным «вотумом доверия» сталинскому руководству. Проводились они с соблюдением всех демократических формальностей тех лет, с предвыборной агитацией и т. п. Шли по всей стране, включая вновь присоединённые территории и места дислокации советских войск за пределами СССР. Несмотря на безальтернативность сталинских кандидатов, власть подошла к выборной кампании более чем серьёзно. Сталин, Жданов, Маленков, другие высшие руководители СССР лично готовили программные речи и выступали перед избирателями. В этих выступлениях не только подчёркивались безусловные успехи советского государственного строительства, лучшим доказательством которых стала победа в мировой войне, но и впервые публично намечались задачи и цели СССР в новом послевоенном мире.

В предвыборной речи перед ленинградцами Жданов, помимо общих для всей страны вопросов, подчеркнул следующее: «Очень важный вопрос — в каком направлении будет дальше развиваться народное хозяйство Ленинграда? Нет никакого сомнения, что Ленинград и впредь будет развиваться как крупнейший центр машиностроения... Опыт показывает, что трудностью для Ленинграда является его зависимость от дальнепривозного топлива и металла...

Речь идёт о создании около Ленинграда крупной металлургической базы. Речь идёт о развитии добычи печорских углей, Кольских железных руд, о развитии транспортных связей Ленинграда с Печорой и Кольским полуостровом. Речь идёт о том, чтобы не возить металл с Урала или с юга для Ленинграда, а иметь металл под боком у Ленинграда... Свой газ, свой металл, свой уголь, свои транспортные связи, объединяющие и прорезывающие весь ленинградский экономический район, — вот что нужно, чтобы в кратчайший срок Ленинград и его промышленный район стали ещё более могущественными и ещё более цветущими, чем были до войны»^[487].

Выборы состоялись 10 февраля 1946 года. Жданов не только был избран депутатом одной из двух палат советского парламента второго созыва — Совета Союза Верховного Совета СССР, но и на первой сессии парламента, открывшейся 12 марта, стал председателем Совета Союза, заняв пост одного из высших парламентских деятелей страны.

Это событие нашло неожиданный отклик в далёкой Индии, где в предгорьях Гималаев доживал свои последние годы русский художник и философ Николай Рерих. 15 марта 1946 года он пишет одному из своих адресатов в Нью-Йорке: «Вы уже знаете, что Верховный Совет в Москве выдвинул Жданова. Помните, я писал Вам о нём, о великом патриоте. Где Жданов, там хорошо»^[488]. Эпистолярное наследие Рериха свидетельствует, что он был своего рода поклонником нашего героя, обнаруживает неплохое знакомство Николая Константиновича с публичными выступлениями и политическими действиями Жданова, например, в Финляндии. Ещё ранее, осенью 1941 года, Рерих пишет посвященное осаждённому Ленинграду эссе «Верден»: «...Ждановский Верден не сдастся. Имя-то хорошее — жданный Жданов»^[489].

Однако вернёмся из Гималаев в Москву. Двумя неделями ранее, 25 февраля 1946 года, Андрей Жданов был награждён орденом Ленина, что не только отметило его прежние заслуги, но и подчеркнуло его новое положение в сталинской иерархии.

Даже условно демократические выборы (отметим, что подавляющее большинство населения земного шара в те годы не знало и таких) стали не только хорошо организованным избирательным триумфом Сталина, но и достаточно серьёзным испытанием для местных советских и партийных властей. В предвыборный период население активно воздействовало на партийные органы, угрожая не голосовать или голосовать против партийных кандидатов, если не будут решены те или иные бытовые проблемы, коих после войны накопилось великое множество. Разъяснение возможности голосовать «против» входило в обязанности предвыборных агитаторов, а местные органы должны были добиться почти стопроцентной явки советских граждан к избирательным урнам. Так что выборы обеспечили хорошую «обратную связь» местных властей с населением и стали весьма хлопотным периодом для низовых партийных органов.

Жданов заметил эту особенность и всего через два месяца на заседании в Управлении пропаганды и агитации ЦК так высказался о работе партийных и советских органов с населением в связи с выборами: «Вопрос принципиальный, кончаем с этим делом или нет после выборов? Райкомы и райисполкомы относятся к этому делу очень легко, так как они имели дополнительную нагрузку в смысле того, что во время выборов и избирательной кампании им приходилось решать ряд бытовых вопросов... Поэтому некоторые наши райкомы и райисполкомы с большим удовольствием прекратили это дело, для них это обуза. А как смотрит на

это дело сам избиратель?.. По-моему избиратель смотрит так, что когда мы были нужны вам, когда нужны были наши голоса, вы занимались нами, а как только мы за вас проголосовали, вы о нас забыли до следующих выборов...»^{490} (Согласимся, что эти слова Жданова актуальны и в наши дни.)

19 марта 1946 года в семь часов вечера Жданов в качестве председательствующего, в присутствии многочисленных почётных гостей, иностранных дипломатов и корреспондентов, а также Сталина и всей верхушки СССР в президиуме, открыл в Большом Кремлёвском дворце первое совместное заседание обеих палат вновь избранного Верховного Совета. Примечательно, что в качестве второго выступающего он предоставил слово Алексею Кузнецову, тоже избранному депутатом советского парламента. Верховный Совет СССР удовлетворил официальное прошение Сталина о формировании правительства СССР. Это заявление Сталина было написано на имя «Председателя совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей тов. Жданова А. А.».

Но главную роль в то время играла совсем иная «ветвь» власти — партийная. В марте 1946 года параллельно с первой сессией нового Верховного Совета в Москве прошёл пленум ЦК ВКП(б), на котором главными докладчиками выступили Сталин, Жданов и Маленков — именно они по итогам пленума стали центральными фигурами в партии, одновременно занимая руководящие должности во всех трёх высших органах ЦК партии — Политбюро, Оргбюро и Секретариате ЦК.

Результатом пленума стал и внушительный аппаратный рост кадров из команды Жданова. Секретарями ЦК ВКП(б) стали Алексей Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома, и Георгий Попов, первый секретарь Московского областного комитета ВКП(б) — выдвиженец Александра Щербакова (сам Щербаков неожиданно скончался 9 мая 1945 года). Кандидатом в члены политбюро стал Алексей Косыгин, заместитель председателя правительства.

13 апреля 1946 года политбюро утвердило распределение обязанностей между новым составом секретарей ЦК ВКП(б). Жданов теперь курировал Управление пропаганды и агитации ЦК и вообще всю работу партийных и советских организаций в идеологической сфере, к которой относились, как подчеркнуло постановление, — «печать, издательства, кино, радио, ТАСС, искусство, устная пропаганда и агитация». В его ведении находился и Отдел внешней политики ЦК. При этом его ближайший соратник Алексей Кузнецов, освободив пост первого секретаря Ленинградского обкома, возглавил в ЦК Управление кадров, он

же сменил Маленкова в качестве председательствующего на заседаниях Секретариата ЦК. В аппарате ЦК появился ещё один близкий ждановской команде человек — 38-летний Николай Семёнович Патоличев возглавил Организационно-инструкторский отдел ЦК, руководивший местными парторганами, затем стал секретарём ЦК.

Нижегородский комсомолец Патоличев познакомился со Ждановым ещё в 1920-е годы. Через полвека, уже в 1970-е годы, он так опишет своё назначение секретарём ЦК:

«И вот кремлёвская квартира Сталина. В прихожей мы задержались. Поскрёбывшись похлопал меня по плечу — не робей, мол, — и оставил меня одного... Сказать, что я очень волновался — значит почти ничего не сказать. Открываю дверь. В комнате у стола стоит Сталин, а за столом два секретаря ЦК — Андрей Александрович Жданов и Алексей Александрович Кузнецов. Поздоровавшись, Сталин предложил сесть. А сам, как всегда, продолжал стоять и ходить. По выражениям лиц Жданова и Кузнецова вижу, что обстановка спокойная...

Сталин ходил по комнате, говорил негромко, будто думал вслух... Сталин внимательно всматривался...

— А что, если мы утвердим вас секретарём ЦК? — Посмотрел на меня и снова пошёл.

Когда он повернулся к нам спиной, я оглянулся на Жданова и Кузнецова. Жданов, улыбаясь, развёл руками, как бы говоря: "Сам решай, сам думай".

Поравнявшись со мной, Сталин сказал:

— Ну скажите же что-нибудь!

— Товарищ Сталин, решайте, как вы считаете нужным, — был мой ответ»^{491}.

Аппаратная революция Жданова развивалась быстро. 4 мая 1946 года политбюро, по итогам «дела авиаторов» — расследования деятельности бывшего наркома авиапромышленности Алексея Шахурина — и с подачи Сталина, приняло решение о смещении Маленкова с поста секретаря ЦК. В постановлении говорилось: «Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приёмка недоброкачественных самолётов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б)»^{492}.

Георгий Маленков понёс лишь «моральную ответственность», остался на вершине власти и сохранил ряд ключевых постов, но на ближайшие два

года его влияние и влияние «его людей», сложившейся вокруг него чиновничьей команды, заметно снизилось.

2 августа 1946 года постановлением политбюро Жданов стал председателем «директивного органа ЦК» — Оргбюро. С этого времени фактическое руководство всем аппаратом ЦК — штабом правящей партии — перешло в руки Жданова, его «ленинградцев» и близких им кадров. Помимо этого роль главного куратора идеологии, с учётом её роли и места в то время, позволяла Жданову от имени ЦК осуществлять общее управление всеми сферами внутренней и внешней политики СССР. Не случайно именно тогда сложилась традиция политбюро, когда в нём «зам по идеологии» одновременно являлся признанным всеми первым заместителем «Главного» — будь то Сталин или Брежнев...

Полномочия Жданова заметно расширились. Став в течение 1946 года практически первым заместителем Сталина, он, наряду с ним, начал подписывать совместные постановления ЦК и Совета министров. За несколько месяцев баланс в неформальной правящей группе ещё более изменился в пользу Жданова. Влияние Микояна, ответственного за снабжение, упало в связи с неурожаем и нехваткой хлеба, а сама «шестёрка» членов политбюро превратилась в «семёрку», включив в свой состав «ленинградца» Николая Вознесенского, заместителя Сталина в Совете министров, ещё одного человека команды Жданова.

В течение двух первых послевоенных лет Жданов возглавляет всевозможные комиссии и комитеты, с ним согласовываются практически все решения, принимавшиеся Политбюро, Секретариатом и Оргбюро ЦК.

1946—1948 годы стали периодом настоящей аппаратной экспансии «ленинградцев» Жданова и иных его выдвинутых. Пошёл в рост и крепкий хозяйственник Пётр Попков, чьё косноязычие было поводом для ждановского юмора в дружеском кругу. Но Жданов по-человечески любил этого здорового, добродушного увальня, блестящего знатока городского хозяйства, толкового, но не способного к речам, и именно его, после выдвижения Кузнецова в ЦК, рекомендовал на пост первого секретаря Ленинградского обкома. Что, кстати, вызвало явную ревность ещё одного ждановского зама по ленинградскому хозяйству, куда более интеллигентного инженера Якова Капустина, искренне считавшего, что пост «первого» в городе и области больше подходит именно ему. Помимо партийного поста Попков получил ещё и членство в Президиуме Верховного Совета СССР.

В марте 1946 года председателем Совета министров РСФСР стал 39-летний Михаил Родионов, в начале 1930-х годов комсомольцем работавший

в культурно-просветительском отделе «администрации» Жданова в Нижегородском крае. До назначения главой правительства РСФСР Родионов занимал пост, который 12 лет назад оставил Жданов, — первого секретаря Горьковского обкома. Когда Родионов пошёл на повышение в Москву, в Горький на пост председателя исполкома Горьковского областного совета отправился Николай Жильцов, ранее работавший в команде Жданова в Ленинградском облсовете. Первым же заместителем Родионова, как главы правительства РСФСР, вскоре стал зампред Ленинградского горсовета Михаил Басов.

Второй секретарь Ленинградского обкома Иосиф Труко возглавит Ярославскую область. Председатель исполкома Леноблсовета Николай Соловьёв станет руководителем входившей тогда в РСФСР Крымской области. Секретари Ленинградского горкома Георгий Кедров и Александр Вербицкий станут партийными руководителями соответственно Эстонской ССР и Мурманской области.

Примыкал к «ленинградской» команде и сорокалетний Георгий Попов, инженер-электрик по профессии и образованию, первый секретарь Московского областного и городского комитетов ВКП(б)^[14].

Пётр Кубаткин, начальник Управления НКГБ—МГБ по Ленинградской области, 39-летний генерал-лейтенант, сработавшийся в годы блокады со Ждановым, в июне 1946 года ненадолго возглавил Первое управление МГБ СССР, то есть всю внешнюю разведку страны. Формально это ответственное назначение курировалось новым руководителем Управления кадров ЦК Алексеем Кузнецовым, в ведение которого входили и все «силовые структуры». Кубаткин и Кузнецов весьма сблизились за годы тесной работы во время блокады Ленинграда, но, несомненно, такое назначение было санкционировано самим Ждановым, который, вспомним, всегда сдержанно относился к «органам» и был не прочь поставить этот страшный инструмент под свой контроль.

Известный генерал-диверсант Павел Судоплатов вспоминает обстоятельства назначения Абакумова новым руководителем МГБ в мае 1946 года: «...Сталин тут же предложил назначить министром Абакумова. Берия и Молотов промолчали, зато член Политбюро Жданов горячо поддержал эту идею»^[493]. По словам Судоплатова, ждановский протеже Кузнецов и глава МГБ Абакумов «установили самые тесные дружеские отношения»^[494]. В то же время взаимоотношения Абакумова с основными конкурентами «ленинградской группы» — как со своим бывшим начальником Берией, так и, после «дела авиаторов», с Маленковым —

оказались весьма непростыми... У Жданова же с Абакумовым сложились вполне рабочие контакты. Так, в марте 1946 года тогда ещё только начальник армейской контрразведки докладывал Сталину: «В соответствии с Вашими указаниями материал по делу Власова и других в настоящее время просматривает товарищ Жданов, и в ближайшие дни Вам будут представлены для рассмотрения и утверждения наши предложения об организации суда над этой группой власовцев»^{495}. Подготовленный Абакумовым и Ждановым процесс по делу предателей-власовцев пройдёт летом 1946 года.

Успешно продвигались кадры Жданова и в вооружённых силах. Леонид Говоров, наиболее близкий Жданову из маршалов Советского Союза, с послевоенного поста командующего Ленинградским военным округом в апреле 1946 года был переведён с повышением на должность главного инспектора Сухопутных войск. В январе 1947 года он становится главным инспектором Вооружённых сил СССР в ранге заместителя министра.

Главное политическое управление Советской армии в те же годы возглавил генерал-полковник Иосиф Шишкин. Когда-то в начале 1930-х годов он, техник Горьковского автомобильного завода, был выдвинут Ждановым начальником одного из райкомов ВКП(б) в Горьком. Затем наш герой перевёл его за собой в Ленинград на должность комиссара располагавшейся здесь Высшей военной электротехнической школы комсостава Рабоче-крестьянской Красной армии — центрального вуза страны, готовившего военных связистов. Перед войной Иосиф Шишкин работал в политическом управлении Ленинградского военного округа, а затем возглавил политуправления Ленинградского и Волховского фронтов.

Даже такой далеко не исчерпывающий перечень наглядно демонстрирует, как Андрей Жданов весьма настойчиво продвигал «своих» людей на всех уровнях власти — будь то выходцы из его нижегородской или ленинградской команды. Подобное явление характерно для бюрократии всех времён и народов, но в данном случае действовал не только и не столько принцип подбора кадров по их личной преданности «шефу». Все они были испытаны и проверены жесточайшей школой войны.

Кстати, по воспоминаниям очевидцев, работники Смольного в разговорах между собой так и называли Жданова — «шеф». Когда же на вершину власти в ЦК ушёл и Алексей Кузнецов, то «шефом» стали величать именно его, а действовавшего уж на совсем заоблачных вершинах сталинского Олимпа Жданова в кабинетах Смольного переименовали в

«основного шефа».

Через несколько месяцев после смерти Жданова, когда «ленинградская группа» будет ещё на пике власти, Пётр Попков, выступая на объединённой областной и городской партийной конференции Ленинграда, с гордостью расскажет, что за два минувших года ленинградская парторганизация выдвинула на руководящую работу 12 тысяч человек, «в том числе 800 — за пределы области...»^{496}.

Наша страна вышла победительницей из мировой войны, во внешней и внутренней политике появились новые задачи, новые возможности, а вместе с ними — новые проблемы и вызовы. Страна получила шансы стать сверхдержавой, но одновременно испытывала и большие сложности — от восстановления разрушенной войной экономики до новых отношений с бывшими союзниками. Изменившаяся ситуация требовала новых методов работы, и, судя по документам, это хорошо понимал товарищ Жданов. Как второй человек в СССР, он первым делом начал крутую реорганизацию партийной идеологии и всего партийного аппарата.

Важнейшей здесь была проблема качества управленцев, уровня подготовки и профессионализма партийно-государственных чиновников. Не случайно этот вопрос стал центральным на первом совещании Управления пропаганды и агитации ЦК (УПА), проведённом под председательством Жданова 18 апреля 1946 года.

Совещание под его руководством признало, что 70—80 процентов членов партии оказались коммунистами, «политически мало подготовленными», «пропагандистский аппарат и партийный аппарат упустил из виду организацию работы с рядовыми коммунистами». Прозвучали следующие сравнения: «В 1924 году было принято 200 тысяч коммунистов в партию, но тогда было уделено внимание тому, чтобы этот призыв вооружить, а мы во время войны приняли 3,5 млн. и по существу работы не развернули. Если прибавить, что обстановка сейчас значительно сложнее — трудно будет работать, то всё-таки дальше мириться с таким положением нельзя... Раньше, когда путиловцы шли на собрание, они знали, что им придётся вести дискуссию с меньшевиками, эсерами, анархистами, они должны были читать, а сейчас непосредственной нужды не чувствуют»^{497}.

Несмотря на впечатляющий модернизационный рывок, страна оставалась всё ещё малограмотной и во многом неразвитой, что отражалось и на управленческом аппарате. Годы войны дали бесценный, но односторонний опыт. Отсутствие открытой внутривластной

конкуренции также не лучшим образом сказывалось на тоне руководящих кадров и рядовых коммунистов в целом.

С точки зрения Жданова виновными в недостаточной подготовке кадров были партийные руководители среднего уровня. «Тут круговая порука, — говорил он на совещании, — не проверяет тот, кто сам не занимается, потому что если ты начнёшь проверять, то тебе могут задать вопрос, а как ты смотришь, если я почитаю эту книгу, потом найдутся люди, которые могут задать коварный вопрос, а такие люди найдутся, а он может растеряться. Поэтому нам надо покончить с теорией невмешательства и начинать проверку с верхушек — с обкомов, с постановкой этого вопроса на Оргбюро»^{498}.

Запланированные Ждановым мероприятия по повышению квалификации управленческих кадров были направлены в первую очередь на руководящие кадры ВКП(б). На первом же заседании оргбюро, состоявшемся 18 мая 1946 года под председательством Жданова, был не только обновлён состав редакции «Правды» (при этом старый товарищ нашего героя Пётр Поспелов сохранил за собой пост главного редактора центральной партийной газеты), но и принято решение о создании комиссии во главе с Алексеем Кузнецовым и Ждановым, чтобы «разработать вопрос о теоретической подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников»^{499}. Заметим, что сформулированные задачи по вопросам подготовки и проверки теоретического уровня партийных и советских работников давали в руки Жданова и его команды мощнейшие рычаги влияния на подбор и расстановку руководящих кадров. Но, опять же добавим, эти шаги Жданова в первую очередь диктовались объективными причинами — изменившейся и усложнившейся обстановкой вокруг и внутри страны.

В течение весны — лета 1946 года Жданов провёл настоящую реформу подготовки партийных и руководящих кадров. 8 июля 1946 года появилось постановление «О росте партии и мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)», предполагавшее проведение обязательных экзаменов по проверке теоретических знаний всех без исключения членов партии. ЦК инициировал изучение и обсуждение данного постановления во всех низовых парторганизациях.

Вопрос с политическим образованием малограмотных коммунистов вскоре был решён следующим образом. Вместо предполагавшейся «политграмоты», то есть ещё более упрощённого изложения основ, чем это

было в «Кратком курсе», вышли в свет краткие биографии советских вождей. В этой связи УПА подготовило постановление «О пропагандистской работе партийных организаций в связи с изданием биографий В.И. Ленина и И.В. Сталина». В проект постановления Ждановым собственноручно вписано: «Для многих рабочих и крестьян чтение сочинений Ленина и Сталина является делом трудным и малодоступным. Серьёзным подспорьем для них является изучение биографий Ленина и Сталина...»^{500}

Но наибольшую тревогу ЦК ВКП(б) в послевоенные годы вызывал уровень образования руководящих кадров. Для управленческого слоя СССР, действующего в условиях нового этапа противостояния с Западом, в изменившихся стране и мире, требовались более эффективные методы подготовки. Суть вопроса Жданов набросал в своей записной книжке: «Общевойсковой, общепартийный командир [должен] понимать все дела — по агитации, пропаганде, хозяйству... Чтобы повернуть от старого к тому, что уже есть у военных, надо организовать переподготовку секретарей»^{501}. Впоследствии эти ждановские мысли обрели чёткую форму в постановлении ЦК ВКП(б): «Подобно тому как общевойсковой командир для умелого применения и правильного взаимодействия всех видов оружия, всех родов войск должен обладать солидными знаниями по артиллерии, танкам, авиации, связи и другим отраслям военного дела, первый секретарь обкома, крайкома ВКП(б), ЦК компартии союзных республик для правильного руководства областью, краем, республикой должен хорошо знать экономику промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, бюджет и планирование, хорошо разбираться в вопросах идеологии и культуры, в совершенстве владеть марксистско-ленинской теорией и уметь применять её для руководства практической работой на местах, для верной ориентировки в вопросах внешней и внутренней политики. Без таких глубоких и основательных знаний руководящие работники захиреют и вырождаются в деляг-крохоборов, станут посмешищем в партии и будут неизбежно отброшены в сторону»^{502}.

Для страны, только что прошедшей чудовищную Вторую мировую войну и готовящейся к вполне возможной третьей мировой, военные параллели и примеры были более чем близки и понятны. Отметим, что за прикладными вопросами, которыми должен в совершенстве владеть «общепартийный руководитель», — будь то проблемы сельского хозяйства или бюджетного планирования, — Жданов не забывал и ключевое для него положение. В своих дневниках он тогда сделал пометку: «Без

теоретической подготовки партработник ничто»^{503}. Действительно, в условиях начавшейся холодной войны — противостояния цивилизаций — руководитель должен был обладать целостной непротиворечивой картиной мира, объясняющей и ему, и его подчинённым всё происходящее, дающей необходимые ориентиры на будущее.

Но послевоенный уровень руководящих кадров оставался далеко не блестящим. Так, один из работников аппарата ЦК весьма наглядно докладывал Жданову о ситуации: «Среди номенклатурных работников ЦК и обкомов 50% и более людей, имеющих начальное и среднее образование... Например, некоторые министры не знают, кто такой Черчилль, это министр социального обеспечения одной из союзных республик не знал. Предположим, это анекдот. Но вот в Кировской области провели беседу со 120 работниками, спрашиваем, какую читали литературу, получили ответ — "Всадник без головы". Слышали о Белинском? — Да, это русский педагог, видимо, спутали с Ушинским. О композиторах не знают ничего. Это отвечал председатель Слободского райисполкома, он говорит, что помнит только о Минине и Пожарском»^{504}.

Существовала и другая сторона проблемы — с окончанием войны и демобилизацией многомиллионной армии естественным образом пошёл приток в руководство на местах молодых, перспективных людей, с опытом и способностями, проверенными войной. В 1945—1946 годах только из числа демобилизованных офицеров в СССР было избрано почти шесть тысяч руководителей городских и районных комитетов партии. Но многие из этих людей до войны не успели получить высшее образование, а после победы, попав на руководящую партийную работу, которая в те годы не оставляла времени даже для личной жизни, уже не имели возможности учиться в обычных вузах.

Важным недостатком Жданов посчитал и «отсутствие порядка, при котором партийные и советские работники через известный промежуток времени должны направляться на курсы переподготовки»^{505}.

В итоге для обеспечения государства руководящими кадрами Ждановым была создана целая новая система. 2 августа 1946 года появилось постановление ЦК «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников».

Решено было в ведении Управления кадров ЦК, в епархии Алексея Кузнецова, вместо действовавшей ранее Школы парторганизаторов создать Высшую партийную школу (ВПШ), предназначенную готовить руководителей для обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных

республик. В школе создавалось два факультета с трёхлетним обучением— советский (для подготовки работников государственного аппарата) и партийный (для подготовки организационно-партийных работников, пропагандистов и редакторов газет). В ВПШ принимались лица, имеющие «как минимум законченное среднее образование» и опыт работы секретарями или руководителями отделов обкомов партии, исполкомов областных Советов депутатов, а также ответственных сотрудников министерств, сотрудников республиканских и областных газет и т. п. На каждом курсе обоих факультетов должно было обучаться по 300 человек. Устанавливались вступительные экзамены: по истории СССР, русскому языку, географии и основам марксизма-ленинизма.

Для переподготовки кадров при ВПШ были образованы девятимесячные курсы. При обкомах, крайкомах ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик созданы областные, краевые и республиканские партийные школы с двухгодичным сроком обучения руководящих партийных и советских работников городского и районного уровня. При этих школах создавались шестимесячные курсы переподготовки руководящих работников районного, городского уровня, а также секретарей первичных партийных организаций, председателей сельсоветов и комсомольских работников.

Жданов планировал в ближайшее время провести через эти школы и курсы переподготовки весь руководящий аппарат партии, что было отражено в постановлении: «В целях серьёзного повышения политического и теоретического уровня руководящих партийных и советских работников в течение ближайших 3—4 лет охватить партийными школами и курсами... основные руководящие республиканские, краевые, областные, городские и районные партийные и советские кадры»^[506].

Особое место в постановлении ЦК ВКП(б) было уделено вопросу подготовки теоретических кадров партии, которая оценивалась Ждановым как неудовлетворительная. Поэтому высшие руководители государства сочли необходимым создать при ЦК, уже в ведении Управления пропаганды и агитации, Академию общественных наук (АОН) для подготовки теоретических работников. В АОН принимались члены партии с высшим образованием, с опытом партийно-пропагандистской работы, преподавательской или литературной деятельности, проявившие склонность к научным исследованиям.

В армии аналогом ВПШ и АОН становилась восстановленная Военно-политическая академия вооружённых сил. Эту академию возглавил ещё один «ленинградец», советский генерал-майор из кубанских казаков

Алексей Ковалевский. До войны он был преподавателем располагавшейся в Ленинграде Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачёва, в 1941 году работал вместе со Ждановым в штабе и Военном совете Северо-Западного фронта.

Новую систему переподготовки руководящих кадров Жданов разрабатывал лично, о чём свидетельствуют многочисленные записи в его записных книжках. Особое внимание он уделял учебным программам подготовки, считал, что программу необходимо составить так, чтобы партийный «секретарь имел общее понятие о всех отраслях работы партии... Если этого не будет, партийная работа захиреет, а секретари станут посмешищем»^{507}.

В партийных школах партийные и советские кадры должны были изучать всеобщую историю, историю страны и историю партии, политическую экономию, диалектический и исторический материализм, логику, историю международных отношений и внешней политики, экономическую и политическую географию, отечественную и мировую литературу, основы советской экономики и практику руководства отраслями народного хозяйства, партийное строительство, основы государства и права. Предусматривалось также изучение отдельных отраслей права, иностранных языков и обширный курс журналистики на отделении редакторов газет.

Отдельный годичный курс переподготовки Жданов задумал для перспективных руководителей высшего звена, секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик. Эти люди, по его мнению, должны были обеспечить преемственность высшего руководства СССР и «дать не одну, а несколько смен руководящих деятелей нашей партии и Советского государства»^{508}. Они должны были, по замыслам Жданова, получить на курсах «серьёзную теоретическую подготовку в области экономики и овладеть научными методами практического руководства социалистическим хозяйством: промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, финансами и торговлей, изучить основы народно-хозяйственного планирования и составления бюджета, усвоить передовые методы социалистического хозяйства (организация труда, хозрасчёт, режим экономии, снижение себестоимости, рентабельность и т. д.)»^{509}. В программу включались лекции по вопросам внешней политики СССР, а также экономики, государственного устройства, деятельности политических партий, внешнеполитических отношений зарубежных государств, «с тем чтобы секретари могли свободно ориентироваться в м/н

(международной. — А. В.) обстановке»^{510}.

Секретари должны были научиться «хорошо разбираться в вопросах пропаганды и агитации, идеологии и культуры и осуществлять квалифицированное руководство литературой, искусством, общественными науками»^{511}.

В учебный план ВПШ, помимо марксизма-ленинизма и общих для партийных школ предметов, были включены ещё и особые курсы лекций: об основных проблемах истории СССР, по вопросам культуры, литературы, искусства; о важнейших достижениях современной науки и техники; об основах советской военной науки; углублённые лекции по логике.

Много внимания уделялось в этой программе изменению стиля партийного руководства. Жданов, например, лично внёс в учебный план такие темы: «О типе современного партийного руководителя», «О советской интеллигенции», «Первый секретарь обкома — общепартийный руководитель», «Методы партийного руководства советскими органами».

Для повышения общего культурного уровня перспективных парткадров Ждановым предусматривались посещения слушателями курсов ведущих московских театров — МХАТа, Малого театра, Театра имени Вахтангова, как записал Жданов в своей записной книжке, «важнейших оперных постановок Большого театра, а также прослушивание выдающихся произведений советских композиторов»^{512}. Также слушатели должны были посещать Третьяковскую галерею, Музей нового западного искусства, выставки архитектурных проектов.

Как видим, речь у Жданова шла не только о подготовке высококвалифицированных управленцев широкого профиля, но и о формировании у них, выражаясь языком нашего героя, «особого партийного вкуса».

В учебном плане курсов переподготовки были, например, лекции на следующие темы: «Прогрессивные тенденции русской литературной критики (Белинский, Герцен, Чернышевский, Писарев, Плеханов)», «Борьба партии в послевоенный период за высокую идейность советской литературы (с критическим разбором новых произведений советских писателей)», «Критика основных направлений современной буржуазной литературы», «Борьба партии за высокую идейность театрального искусства и кинематографии (с критическим разбором репертуара театров и новых кинофильмов)».

Читались лекции на темы: «Классическая русская музыка (Глинка, Чайковский, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков) и её мировое

значение», «Великие русские художники-реалисты (Суриков, Репин, Серов, Левитан, Васнецов) и их мировое значение» и т. п.

В подготовленную Ждановым программу образования высших партийных кадров входил также отдельный курс лекций по «основам советской военной науки» — победив во Второй мировой войне, страна должна была быть готова и к третьей.

По окончании курсов слушатели были обязаны представить письменную работу на выбранную теоретическую тему и сдать экзамены по следующим предметам: марксизму-ленинизму; политической экономии и практике руководства народным хозяйством; внешней политике СССР; экономике и политике зарубежных государств.

Как видим, у Андрея Жданова явно присутствовал вкус к педагогической работе, не случайно он был сыном и внуком блестящих преподавателей главного гуманитарного вуза Российской империи — Московской духовной академии. И очевидно, что Жданов строил нечто похожее на Царскосельский лицей, каким он был по первоначальным замыслам Александра I и Михаила Сперанского. Только вместо зелёных отпрысков аристократических родов ждановский «лицей» должен был готовить для управления государством и обществом тридцати-сорокалетних мужчин рабоче-крестьянского происхождения, ровесников века, прошедших огонь, воду и медные трубы самой страшной половины XX столетия...

Глава 27.

ПРОПАГАНДА ВНУТРЕННЯЯ

В преамбуле к постановлению о переподготовке руководителей партии Жданов так объяснял актуальность вопроса: «Необходимо помнить, что культурный уровень и политическая активность рабочих, крестьян, интеллигенции и, прежде всего, коммунистов быстро растут, и ими нельзя руководить без глубокого понимания существа дела, путём администрирования и прикрикивания. Партийный работник, пытающийся руководить с помощью окриков, теряет авторитет в глазах коммунистов, глазах народа, который уважает только хорошо знающих своё дело и растущих руководителей»^{513}.

В своих записных книжках Жданов формулировал проблему ещё откровеннее: «У нас неправильный взгляд о секретарях от районов до ЦК. Взгляд на секретарей, действующих труппами»^{514}.

Андрей Жданов понимал, что сложившийся в годы индустриализации и коллективизации, в годы репрессий и во время войны стиль руководства — быстрый очевидный результат любыми средствами во что бы то ни стало, «труппами» — будет всё менее эффективным по мере развития и усложнения государственных, общественных и экономических структур.

Помимо новой системы образования, призванной привить кадрам «партийный вкус», средством исправления «партийного стиля» стали проверки положения дел на местах, начавшиеся в 1947 году. К лету представители Управления пропаганды и агитации ЦК проверили работу Саратовского, Ростовского, Чкаловского, Тамбовского, Ярославского, Смоленского, Рязанского и Пензенского обкомов ВКП(б). В материалах проверки был отмечен любопытный момент: «Как и прежде, основным методом руководства колхозами всё ещё остаётся посылка уполномоченных, часто некомпетентных в вопросах сельского хозяйства и скатывающихся нередко на путь администрирования в отношении колхозов»^{515}.

Результаты разбирал лично Жданов, вызывая «на ковёр» секретарей обкомов. По его мнению, типичный нерадивый секретарь предпочитал руководить по «упрощённой системе», суть которой он формулировал так: «Есть 50 райкомов и 2200 колхозов, а у этих колхозов есть председатели. Так вот, время от времени вызывают в 50 райкомов 2200 председателей

колхозов — и благодать будет. Никаких партийных ячеек не нужно, никаких партийных организаций не нужно создавать, действовать только через председателя колхоза... Если руководство будет опираться только на председателя колхоза, то он будет благодушную картину создавать при всех условиях, потому что ему своя жизнь дороже, выговор от секретаря райкома очередной получать не хочется, и он представляет дело в несколько выгодном свете, всё это будет суммироваться секретарями, и это блюдо в концентрированном виде подаётся секретарю обкома. Отсюда благодушные обкома»^{516}.

«Вы в своей работе по проведению линии обкома опирались на 2200 человек вместо того, чтобы опираться на 200 тысяч человек. И с этой точки зрения вы есть человек мелкий, руководитель мелкий, ибо крупный человек считает в области не на сотни, а на десятки тысяч»^{517} — так распекал наш герой первого секретаря Чкаловского (Оренбургского) обкома 38-летнего Георгия Денисова.

Отдельно Жданов остановился и на необходимости для партруководства держать руку на пульсе всех явлений общественной жизни: «Мы должны в недра лезть, а обкомы почему-то считают, что это дело им не пристало. Что за бояре? Партийная организация должна лезть туда, где нужен партийный взгляд, она должна лезть повсюду, даже в балалайки лезть, если в области играют, надо посмотреть, что они играют и на чём играют»^{518}.

Впрочем, Жданову в те годы пришлось заниматься «стилем руководства» не только колхозного начальства, но и вождей самого высокого уровня, включая недавних победителей гитлеровской Германии.

В конце февраля 1947 года состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором Жданов играл одну из ведущих ролей. Именно он и его протеже Алексей Кузнецов, заведовавший кадрами партии, провели исключение из состава членов ЦК и кандидатов в ЦК ряда высокопоставленных лиц.

На вечернем заседании 21 февраля рассматривали вопросы вне повестки дня. Кузнецов предложил пленуму исключить из состава ЦК партии бывшего наркома авиационной промышленности Алексея Шахурин и бывшего первого секретаря Хабаровского крайкома Владимира Донского. Причины исключения Шахурин объяснялись Кузнецовым кратко и просто: «Он осуждён, сидит в тюрьме». Ещё проще объяснили удаление с вершин партии товарища Донского — «не ведёт никакой работы в нашей партии, спился к тому же»^{519}. Формулировка «спился», пожалуй, самая уникальная в истории непростых

внутрипартийных отношений. Впрочем, для уволенного с высот ЦК она оказалась, может, и обидной, но не страшной — спившийся был отправлен на пенсию и благополучно умер в своей постели в 1954 году.

С генерал-полковником Шахуриным дело обстояло значительно сложнее — к тому времени он был уже осуждён к семи годам лишения свободы, а начатое против него следствие по нарушениям в Наркомате авиапромышленности в годы войны стало причиной «опалы» ряда крупнейших политических и военных деятелей СССР, начиная с Георгия Маленкова.

Сразу после выступления Кузнецова председательствующий на вечернем заседании пленума Молотов предоставил слово Жданову. Его сообщение для многих было неожиданным: «Я вношу предложение вывести из состава кандидатов в члены Центрального комитета Жукова. Он, по моему мнению, рано попал в Центральный комитет партии, мало подготовлен в партийном отношении. Я считаю, что в кандидатах ЦК Жукову не место. Ряд данных показывает, что Жуков проявлял антипартийное отношение. Об этом известно членам ЦК, и я думаю, что будет целесообразно его не иметь в числе кандидатов в члены ЦК»^[520].

Если по членам ЦК Донскому и Шахурину выступал Кузнецов, то по кандидату в члены ЦК Жукову высказался второй человек в партии. К тому времени маршал Жуков был уже снят с должности главкома Сухопутных войск и переведён в Одесский военный округ. В отношении маршала вовсю шло расследование так называемого «трофейного дела» — Георгий Константинович, выдающийся военачальник, имел свои человеческие слабости и действительно несколько увлёкся собиранием трофейного барахла. «Трофейное дело» закончится для него через год, в январе 1948-го, переводом в тыловой Уральский округ и покаянным письмом в адрес Жданова.

«Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал всё это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно»^[521], — объяснялся Георгий Жуков перед Андреем Ждановым 12 января 1948 года. Маршалу пришлось весьма унижительно оправдываться и описывать все эти люстры, гобелены, отрезки на костюмы, запасы обезьяньего и норкового меха «на пальто», ящики столового серебра для своей любовницы, а также ордена и медали. Грехи в целом не смертельные. Но попытаемся представить, как воспринимал всё это наш герой, убеждённый большевик и примерный семьянин, которому и в голову не могло прийти заводить среди обслуги любовниц или собрать для детей

запасец серебряных ложек. Все финские «трофеи» Жданова ограничивались подаренной деревянной скульптурой, и несложно понять, с каким презрением он знакомился с перечнем вещей, вывезенных обслугой маршала из Германии.

Впрочем, личные слабости Жукова были скорее поводом или как максимум лишь одной из причин его «опалы». Талантливый военный, без сомнения, один из лучших военачальников Второй мировой войны, маршал даже на фоне типично жёстких и властных руководителей тех лет выделялся именно этими качествами характера. И в эйфории победы они, пожалуй, перешли у Жукова в откровенное самоуправство и даже барство. Чрезвычайно чуткий к подобным вещам Сталин, способный при необходимости обуздывать подобные свойства своего характера, решил поставить властного и влиятельного, слишком возомнившего о себе военачальника «на место» — благо военачальник своим поведением дал к тому немало поводов.

Отношения Жданова и Жукова были не менее сложными. Для нашего героя маршал был человеком слишком близким к конкурирующей группировке Маленкова. Заочный конфликт с Жуковым возник ещё и при назначении генерала Шишкина, человека Жданова, на пост начальника Главного политуправления армии. Жуков был против его кандидатуры и попыток усилить в войсках влияние политработников. Покоритель Берлина искренне считал, что никакие комиссары ему уже не нужны. Жданов был абсолютно уверен в обратном — и на основании собственного военного опыта, и прежде всего благодаря пониманию ещё неочевидных опасностей начинавшейся холодной войны.

Накануне февральского пленума ЦК партии 1947 года Жданов сделал в своей записной книжке весьма откровенную пометку: «Посмотреть список членов и кандидатов ЦК... вывести Маленкова, Жукова»^{522}. Эти два имени поставлены рядом не случайно. И, без сомнения, такие намерения в отношении Маленкова не были только личной инициативой нашего героя. Но, вероятно, самый старший товарищ из всех товарищей на земле счёл нецелесообразным убирать единственного конкурента Жданова в ЦК. В итоге Маленков остался в составе Центрального комитета и, более того, опять начал набирать вес и влияние...

Социальные, экономические проблемы послевоенной страны, даже бытовые проблемы населения СССР занимали тогда внимание Жданова едва ли не больше, чем идеология или внешняя политика. Страна и до войны была весьма небогатой, большинство населения веками жило в откровенной нужде. Первые положительные плоды индустриализации и

коллективизации едва стали сказываться на материальном положении народа, как были уничтожены огнём страшной войны. Народ-победитель устал от постоянного перенапряжения и тягот военного времени. Поэтому только мобилизационные и сугубо административные методы не годились. Требовались пусть небольшие, но заметные результаты улучшения жизни. И здесь заметную роль сыграли как сам Жданов, так и его ленинградские выдвиженцы Николай Вознесенский и Алексей Косыгин, ставшие в 1946 году заместителями председателя Совета министров СССР, ведущими руководителями советской экономики.

Послевоенный поворот от мобилизационного, милитаризованного хозяйства был предельно ясно озвучен на всю страну Ждановым во время его предвыборного выступления в феврале 1946 года: «...Народ, нёсший в течение многих лет войны жертвы и лишения, законно требует, чтобы материальные и бытовые условия были быстро улучшены. Всё это отнюдь не мелочь. Дело улучшения бытового и материального благосостояния масс, расширения производства товаров широкого потребления есть дело, за которое надо поратовать, побороться, вложить в него тот же большевистский энтузиазм и страстность, с которыми мы шли на разрешение военных задач. Народ нам за это скажет только спасибо»^[523].

На практике этот поворот в сторону гражданской экономики был оформлен несколькими постановлениями Совета министров СССР за 1946—1948 годы: «О развёртывании кооперативной торговли в городах и посёлках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями», «О мероприятиях по ускорению подъёма государственной лёгкой промышленности, производящей предметы широкого потребления», «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих посёлках», «О мероприятиях по улучшению торговли» и т. п. Речь шла о значительном увеличении товарооборота, расширении объёмов производства и торговли продовольствием и предметами широкого потребления. Оживлялась негосударственная кооперативная торговля, предусматривалось повсеместное расширение сети магазинов и лавок.

Концептуальные идеи этого плана развивал печатный орган возглавлявшегося Вознесенским Госплана СССР — журнал «Плановое хозяйство». На его страницах подчёркивалось, что «переход к мирной экономике требует перестройки планирования и укрепления экономических рычагов организации производства и распределения — денег, цены, кредита, прибыли, премии». Обосновывалась необходимость

конкурентных отношений в торговой системе, приветствовалось устранение монопольного положения государственной торговли, развитие «здоровой конкуренции» между ней и кооперацией^{524}. За 1946—1947 годы оборот кооперативной торговли вырос более чем в пять раз.

Накопившиеся за годы войны проблемы в финансах и послевоенные перемены потребовали денежной реформы и отмены карточной системы распределения. Поначалу денежную реформу планировали на 1946 год. Но из-за голода, вызванного засухой и неурожаем в целом ряде регионов страны, её задержали на год. В период этих последних в истории СССР настоящих продовольственных затруднений, осенью 1946 года, Сталин, отстранив несправившегося Микояна, поручил контролировать распределение запасов хлеба Жданову, Вознесенскому и Патоличеву

Через год Жданов, Вознесенский и Косыгин сыграют ключевую роль в подготовке и проведении денежной реформы. Не случайно по её итогам Косыгин станет министром финансов СССР. По решению политбюро от 13 декабря 1947 года за проведение обмена купюр по всей территории СССР отвечала комиссия в составе Жданова, Вознесенского и бессменного сталинского секретаря Поскрёбышева. Косыгин возглавил отдельную комиссию, обеспечивавшую крупнейшие города страны дополнительными продуктами массового спроса на первый период после отмены карточек.

Постановление Совета министров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 14 декабря 1947 года «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» было подписано Сталиным и Ждановым. Первый подписал этот важнейший документ как председатель Совета министров, второй — как секретарь ЦК. Текст постановления лично редактировался старыми товарищами из-под «дуба Мамврийского». Отметим, что постановление не было исключительно рабочим правовым актом, одновременно оно являлось и развёрнутым пропагандистским документом, доступно и логично объяснявшим народным массам причины, суть, методы и цели денежной реформы.

Все первые послевоенные годы товарищ Жданов продолжал править «партийный стиль» под новые условия и задачи. В феврале 1948 года урок правильной работы преподали областным парторганам на примере Сталинского и Башкирского обкомов ВКП(б). Руководил заседаниями Секретариата ЦК лично Жданов, что подчёркивало не только важность темы, но и её идеологическое и воспитательное значение. К тому же угледобывающая и нефтяная отрасли промышленности имели важнейшее значение для экономики СССР — в Башкирии развивался один из центров

нефтедобычи, а Сталинская^[15] область (ныне Донецкая на Украине) была главным поставщиком угля в СССР.

Распекая на Секретариате ЦК секретаря Сталинского обкома Леонида Мельникова, Жданов говорил: «Наверное, в 1947 году было много горячки с планом. Наверное, у вас было много уполномоченных в Донбассе, наверное, каждый уполномоченный требовал крови: чтобы не только за добычей ездить, а чтобы оправдать свою командировку, он снимал двух-трёх работников... вопрос относительно администрирования и неумеренного перемещения кадров не снимается...»^[525]

Такое явление именовалось тогда в партийных документах «избиением кадров». Оно вело к постоянной смене мелких руководителей, на которых перекадывалась вся ответственность за провалы в работе, и, по мнению Жданова, являлось одним из серьёзнейших недостатков партийной работы. Его замечания свидетельствуют о стремлении изжить «штурмовщину» и «кампанейщину», придать работе более систематический, плановый характер, а также оградить низовые кадры, чья квалификация заметно выросла за минувшее десятилетие, от своеволия более высоких начальников и заезжих контролёров.

Послевоенная разруха, трудности восстановления и необходимость мобилизации скудных ещё ресурсов, чтобы соответствовать статусу сверхдержавы, естественно, сказывались на материальном положении народных масс. Тяжелейшие условия труда и неустроенный быт породили массовую миграцию рабочих с предприятия на предприятие в поисках лучших условий, что, безусловно, влияло на производительность труда и, соответственно, на выполнение плановых заданий. Это явление получило в партийных документах того времени название «текучка кадров». И всё чаще партийное руководство склонялось к обыкновенной «накачке», использованию чрезвычайных мер, как во время недавней войны.

Для Жданова это было неприемлемо: «В результате недостатков в партийно-политической работе усугубились трудности восстановления. ЦК не должен скрывать, что трудности есть, но текучесть, связанная с неустроенностью, она усугубляется ошибками и недостатками в работе руководства»^[526].

Особую тревогу нашего героя вызвал следующий факт: в Сталинской парторганизации стали требовать от шахтёров-коммунистов партийной клятвы в том, что они обязуются во что бы то ни стало выполнить производственное задание. Однако такие экстраординарные «моральные» меры хорошо показывали, что по сути власть на местах оказалась

бессильной должным образом организовать производственный процесс. На заседании Секретариата ЦК Жданов весьма эмоционально оценил подобные действия партийного руководства города Сталино. Его эмоции передаёт даже стенограмма: «Клятвы и всякие штуки, которые представляют из себя, по моему мнению, уже верх извращения политической и партийной работы, ибо поставить несколько десятков тысяч людей под угрозу стать клятвопреступниками перед партией, — я считаю, что это означает, мягко выражаясь, — на это могут идти только у последней черты... Это последний резерв. Какие ещё мероприятия политического воздействия могут быть в отношении этих 30 000, если они не сдержали клятвы?»^{527}

Не умея использовать политические методы воздействия, чиновники прибегали к репрессиям, благо для них в Донбассе на шахтах работало немало людей, принудительно мобилизованных на восстановление угольной промышленности или осуждённых к таким работам в административном порядке. «Вы обратили внимание на некоторое смещение отношения к кадровым рабочим и к спецконтингенту? Есть некоторое перенесение на всю рабочую массу методов, которые применяются к концлагерникам или к спецконтингенту. Разве бывшие кулаки не воевали в ВОВ, разве из них не выходили почтенные люди? Уголовники воевали, а здесь ведь не уголовники, а менее скомпрометировавшие себя люди. Если по два месяца к ним не обращаться с политическим словом, то, ведь, такого положения нет даже в органах ГПУ, в концлагерях...»^{528} — возмущался Жданов.

Основным недостатком в руководстве обкомом Жданов назвал «одностороннее увлечение мелкой хозяйственной работой в ущерб партийной работе, в ущерб вопросам культуры и быта»^{529}. Причём он специально подчеркнул, что «это ошибка не практическая, это ошибка политическая». Эту ошибку наш герой разъяснял так: «Обком, вместо того, чтобы наладить контроль за деятельностью советских учреждений, опирается в руководстве на шахты, тресты и комбинаты, никого кроме не видит — не видит ни торговых организаций, ни клубов, ни жилищных организаций. Вцепился как клещ обком в хозяйственных руководителей и с ними всё время под ручку гуляет...»^{530}

По мнению Жданова, ситуация исправится только тогда, когда партийные организации возьмут под постоянный контроль все культурно-бытовые учреждения: «...Поворот будет тогда, когда в обкоме станут постоянными отчётчиками руководители этих учреждений»^{531}. При этом

Жданов оговорился: «В ЦК нет людей, которые считают, что вы можете за полгода построить всё жильё и все клубы. У нас нет таких людей, которые думают, что вы можете делать чудеса...»

Жданов прекрасно понимал всю сложность восстановления нормального быта в послевоенных условиях. В Сталине, где всё было сконцентрировано на восстановлении угольной промышленности, рабочим приходилось жить даже в бывших овощехранилищах. Обращаясь к местным партийным руководителям, Жданов сумел очень прочувственно сформулировать необходимость особого подхода к людям в таких условиях: «Надо перекрывать недостатки, если хотите объективные, внимательностью. Русский человек очень терпелив, а внимание и заботу он ценит очень высоко. Он вам простит и двойные нары, и овощехранилища, но не простит вам отсутствия элементарного внимания»^[532].

Слова о «русском человеке» были отнюдь не случайными в лексике Жданова. Национальная тема, тема русского народа с конца Великой Отечественной войны стала одной из ключевых в идеологии и пропаганде позднего сталинизма. Тон здесь задавал, конечно, сам вождь — достаточно вспомнить знаменитый тост Сталина за русский народ в мае 1945 года. Но думается, не будет ошибкой утверждать, что наиболее активными и последовательными проводниками русской темы стали именно «ленинградцы» и другие выдвиженцы Жданова.

Ещё в годы войны Ждановым была сформулирована и неизменно поддерживалась следующая максима, наиболее громко и значимо высказанная им на всю страну 6 февраля 1946 года в программном выступлении перед избирателями Володарского избирательного округа Ленинграда, откуда Жданов баллотировался в Верховный Совет СССР: «... Наш великий советский народ и его руководящая сила — русский народ»^[533].

«Ленинградцы» Жданова развили эту формулу уже применительно к городу на Неве — на одном из предвыборных собраний коммунистов в начале того же 1946 года Алексей Кузнецов, только что взлетевший в заоблачные выси ЦК, провозгласил: «Можно без преувеличения сказать, что одним из передовых отрядов русского народа, храбрым и в то же время скромным, деятельным и в то же время не кричащим о себе, является отряд ленинградцев, на долю которых выпали в этой войне самые тяжёлые испытания...»^[534]

Эти русофильские настроения «ленинградской группы» наиболее ярко (хотя на тот момент и скрыто от глаз даже высшей номенклатуры партии и

тем более остального мира) проявились в процессе работы Сталина и Жданова над проектом новой программы ВКП(б). И здесь можно говорить даже об идейной борьбе двух старых друзей, подельников и соратников вокруг одного из самых ключевых вопросов нашей истории — русского вопроса.

Глава 28.

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИК ЖДАНОВ

Сложные и скрытые процессы внутри сталинского политбюро вокруг первого послевоенного съезда партии косвенно отражены в мемуарах сына нашего героя Юрия. Отражены со слов его матери Зинаиды, с которой Андрей Жданов, в семье человек мягкий и зависимый от жены, несомненно, делился некоторыми (но, будем справедливы, лишь некоторыми) рабочими переживаниями.

«Анализируя итоги прошедшей войны, — пишет Юрий Жданов, — в узком кругу членов Политбюро Сталин неожиданно сказал: "Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться". Наступившую тишину нарушил отец:

— Мы, вопреки уставу, давно не собирали съезда партии. Надо это сделать и обсудить проблемы нашего развития, на шей истории.

Отца поддержал Н.А. Вознесенский. Остальные промолчали, Сталин махнул рукой:

— Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков... Необходим предварительный глубокий анализ...

Вернувшись домой и рассказав о случившемся матери, отец вздохнул: "Не дадут"..."^{535}

Далее Юрий Жданов анализирует некоторые последствия этих намерений высших лидеров СССР: «Фактически настроение Сталина ("надо покаяться") и инициатива отца были подхвачены Хрущёвым и реализованы в уродливой форме, что принесло лишь вред коммунистическому движению»^{536}. Рассмотрев в этой главе наработки Андрея Жданова к предполагавшемуся съезду, мы увидим, что этот вывод его сына не лишён веских оснований.

Принципиальное решение о необходимости проведения послевоенного съезда большевистской партии было принято политбюро в январе 1947 года по инициативе Жданова, поддержанного тут Лаврентием Берией. В последний день пленума 1947 года, 26 февраля, именно Жданов объявил собравшимся партийным руководителям, что «в конце 1947 года или, во всяком случае, в 1948 году наверняка предстоит созыв очередного XIX

съезда нашей партии»^{537}. Кроме этого, в целях оживления внутрипартийной жизни он предложил принять упрощённый порядок созыва партийных конференций, проводя их ежегодно с обязательным обновлением по их итогам состава ЦК не менее чем на одну шестую^{538}.

Решением Политбюро от 15 июля 1947 года в связи с намечавшимся созывом съезда партии создаётся комиссия во главе с А.А. Ждановым для подготовки новой программы ВКП(б). Глобальные изменения в стране и мире после Второй мировой войны должны были отразиться и в основном документе правящей в СССР партии.

Жданов вносит в проект новой партийной программы следующие слова: «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ... [который] по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций... Русский рабочий класс и русское крестьянство под руководством ВКП(б) дали всем народам мира образцы борьбы за освобождение человека от эксплуатации, за победу социалистического строя, за полное раскрепощение ранее угнетённых национальностей»^{539}. По сути, такая формулировка не только официально закрепляла ведущее и центральное значение русской нации в СССР, но и провозглашала для неё почти мессианскую роль в мире. Сталин на этом черновике оставил пометку: «Не то».

В подготовленном Ждановым проекте программы партии подчёркивалась и особая роль русской культуры среди культур составляющих СССР народов. В ждановской формулировке это звучало так: «ВКП(б) будет всячески поощрять изучение русской культуры и русского языка всеми народами СССР»^{540}. Это положение также было отвергнуто Сталиным и не вошло в итоговый вариант проекта.

Можно лишь предполагать, какие споры шли между вождём СССР и Ждановым по столь сложному вопросу. Баланс и отношения между нациями в Советском Союзе являлись настолько тонкой материей, да ещё осложнённой внешним давлением и международными задачами страны, что тут сразу не ответить однозначно, кто прав в этом великом и скрытом ото всех споре двух единомышленников, товарищей, соратников и просто друзей — Сталин или Жданов...

Ярко выраженное русофильство Жданова и его выдвиженцев было отнюдь не случайным — вся верхушка ждановской команды состояла из этнических великороссов, выросших, учившихся, работавших и воевавших в России, все их личные и деловые интересы были связаны именно с Россией, РСФСР. Это конечно же не могло не влиять даже на самых

убеждённых коммунистов-марксистов, какими были Жданов и его «нижегородцы» с «ленинградцами».

Исключения из великорусского состава этой команды были весьма немногочисленными и далеко не на главных постах. Среди них — некоторые руководители Эстонии из близкого к Ленинграду Таллина (например, Арнольд Мери, первый эстонец, ставший в 1941 году Героем Советского Союза) и ряд этнических евреев, главным образом в средствах массовой информации, например, Давид Заславский, бывший меньшевик-бундовец, в 1917 году популярный петербургский журналист и противник большевиков, а в 1930—1940-е годы — один из ведущих сотрудников «Правды».

Спустя десятилетия выжившие очевидцы настроений и соотношения сил, сложившихся и менявшихся на Олимпе советской власти, не раз отмечали русофильские настроения ждановской команды. Так, Молотов почти мимоходом упомянул, что в связи с ними «был какой-то намёк на русский национализм»^{541}. Анастас Микоян, рассказывая о Николае Вознесенском как о «грамотном, образованном экономисте», высказался более определённо: «...Как человек Вознесенский имел заметные недостатки. Например, амбициозность, высокомерие. В тесном кругу узкого Политбюро это было заметно всем. В том числе его шовинизм. Сталин даже говорил нам, что Вознесенский — великодержавный шовинист редкой степени. "Для него, — говорил, — не только грузины и армяне, но даже украинцы — не люди"»^{542}.

У Микояна были свои счёты с Вознесенским, оба занимались вопросами экономики, нередко были жёсткими противниками, и воспринимать такие пассажи в его мемуарах надо критически. Однако для интернационалистов из «инородцев» с окраин Российской империи некоторые моменты в поведении русских коммунистов действительно могли казаться проявлением русского национализма. Но это именно в том восприятии, обострённом этническим происхождением, идеологическим пафосом интернационализма и политическим соперничеством. В реальности марксист и коммунист Вознесенский был в своих убеждениях конечно же далёк от «великодержавного шовинизма», но Россия, крупнейшая республика Союза, была в центре его внимания как одного из главных руководителей экономики.

Русофильские настроения группировки Жданова на пике влияния в 1947 году проявились и в попытке скорректировать, фактически изменить партийно-государственное устройство СССР. Спустя 20 лет Никита

Хрущёв так вспоминал об этом:

«Как-то после войны, приехав с Украины, я зашёл к Жданову. Тот начал высказывать мне свои соображения: "Все республики имеют свои ЦК, обсуждают соответствующие вопросы и решают их или ставят перед союзным ЦК и Советом министров СССР. Они действуют смелее, созывают совещания по внутриреспубликанским вопросам, обсуждают их и мобилизуют людей. В результате жизнь бьёт ключом, а это способствует развитию экономики, культуры, партийной работы. Российская же Федерация не имеет практически выхода к своим областям, каждая область варится в собственном соку. О том, чтобы собраться на какое-то совещание внутри РСФСР, не может быть и речи. Да и органа такого нет, который собрал бы партийное совещание в рамках республики". Я с ним согласился: "Верно. Российская Федерация поставлена в неравные условия, и её интересы от этого страдают". "Я, — продолжал Жданов, — думаю над этим вопросом. Может быть, надо вернуться к старому, создав Бюро по Российской Федерации?"

Мне кажется, это приведёт к налаживанию партийной работы в РСФСР"»^{543}.

Самая крупная республика Советского Союза перед лицом центральной власти действительно была раздроблена на области и автономные образования — и тут положение иных союзных республик с их республиканскими компартиями было более выигрышным при взаимодействии и отстаивании своих интересов перед Центром. Эти размышления нашего героя легли в основу записки на имя Сталина, направленной 27 сентября 1947 года председателем Совета министров РСФСР Михаилом Родионовым. Глава российского правительства писал главе правительства союзного: «Прошу Вас рассмотреть вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Создание Бюро, как мне представляется, необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и Союзное Правительство...»^{544}

Прецеденты существования специального органа по России в правящей партии уже были. И, вероятно, совсем не случайно именно в 1947 году появляется научно-историческое исследование с говорящим названием «Русское бюро большевистской партии: 1912—1917»^{545}. Группа Жданова пыталась опираться на исторические примеры и прецеденты.

Тогда инициативы по новому Русскому бюро ВКП(б) остались без последствий. Жить Жданову оставалось меньше года, большинство

замыслов он уже не успевал ни реализовать, ни даже запустить в жизнь. После же его смерти эти инициативы роковым образом скажутся на судьбах его последователей.

В окружении Жданова, особенно в частных разговорах, замыслы шли гораздо дальше простого органа ЦК по России. Обсуждались даже возможности переноса столицы РСФСР в Ленинград и создания отдельной Российской коммунистической партии, РКП или РКП(б), в составе ВКП(б). Об этом, например, в 1949 году ещё до ареста и следствия на объединённом пленуме Ленинградского обкома и горкома открыто признавался глава Ленинграда Пётр Попков: «Я неоднократно говорил — причём, говорил здесь, в Ленинграде... говорил это в приёмной, когда был в ЦК (но не со Ждановым, а в приёмной Жданова), говорил и в приёмной Кузнецова... о РКП. Обсуждая этот вопрос, я сказал такую шутку: "Как только РКП создадут — легче будет ЦК ВКП(б): ЦК ВКП(б) руководить будет не каждым обкомом, а уже через ЦК РКП". С другой стороны, я заявил, что, когда создадут ЦК РКП, тогда у русского народа будут партийные защитники...»^{546}

Именно такие разговоры лягут в основу обвинений, которые обернутся смертными приговорами для многих выдвиненцев Жданова. Но пока, в 1947 году, они ещё были достаточно сильны и влиятельны, чтобы обсуждать в своём кругу такие амбициозные и далекоидущие планы.

Но не стоит приписывать «ленинградцам» Жданова и тем более ему самому банальный русский национализм, как теперь это любят делать даже в отношении самого Сталина. Прежде всего эти люди были большевиками, марксистами, революционерами. Русофильские мысли Жданова лишь подчёркивают, что он, будучи убеждённым коммунистом, воспринимал официальную доктрину интернационализма не догматически, понимая всю сложность и значимость национальных отношений.

Особенно наглядно об этом свидетельствуют высказывания и формулировки Жданова по поводу русской истории. Здесь нам придётся вернуться в лето 1944 года — между визитом генерал-полковника Жданова в штаб 21-й армии накануне решающего наступления и его отъездом в столицу прекратившей войну Финляндии. Тогда, несмотря на все фронтовые заботы, в Кремле прошло совещание ЦК, посвященное вопросам истории. Мероприятие готовил давний соратник Жданова Александр Щербаков, тогда начальник Совинформбюро и главного политуправления Красной армии. Жданов присутствовал на нём и видел, как не на шутку схлестнулись взгляды и мнения почти ведущих историков СССР, таких как Евгений Тарле, Борис Греков, Алексей Ефимов...

История, без сомнения, самая политизированная наука, и совещание историков под эгидой ЦК должно было привести к единому знаменателю и как-то оформить те изменения, которые произошли «на историческом фронте» в годы Великой Отечественной войны. Тема «советского патриотизма» достаточно широко использовалась в пропаганде ещё в 1930-е годы, но в ходе войны «патриотизм» стал более «русским», нежели «советским». Перед высшим руководством многонациональной страны встала необходимость проанализировать и сформулировать своё отношение к проявлениям и доминированию именно русского патриотизма.

Кроме того, естественный в условиях войны всплеск патриотизма и национальной гордости вызвал заметное беспокойство наиболее принципиальных историков-марксистов. Так, Анна Панкратова, в те годы один из ведущих историков СССР, заместитель директора Института истории Академии наук, не раз писала на имя Жданова, доказывая, что под флагом патриотизма некоторые историки (в частности, Тарле) «отказываются от классового подхода»^[547]. Анна Михайловна была весьма примечательной личностью той эпохи. Выпускница исторического факультета Новороссийского (Одесского) университета, в 1917 году член партии левых эсеров, в разгар Гражданской войны она, двадцатилетняя девушка, вступает в компартию и работает в смертельно опасном большевистском подполье Одессы. В 1920-е годы Анна — любимая ученица ведущего тогда историка Михаила Покровского, верная последовательница его «марксистской исторической школы». Убеждённая сторонница Сталина, в 1927 году она добивается исключения из партии за троцкизм любимого мужа, отца её двухлетней дочери. Муж, Григорий Яковин, был её сокурсником по университету, комиссаром на фронтах Гражданской войны, одним из организаторов разгрома махновского движения. В конце 1920-х годов он фактически возглавлял троцкистское подполье в Ленинграде, даже умудрился некоторое время жить в СССР на нелегальном положении. При этом Анна Михайловна мучительно любила супруга, ездила после ареста к нему в тюрьму, пытаясь — безуспешно — убедить Григория порвать с троцкизмом^[548]. Его расстреляли в 1938 году в лагере в Воркуте, Анна в тот год стала заместителем директора главного исторического института страны...

Так что дискуссии на кремлёвском совещании историков 1944 года велись более чем острые. Примечательно, что главным «обвинителем» в националистическом уклоне выступила убеждённая марксистка, русская Анна Панкратова, а основными проводниками и защитниками русского

патриотизма оказались сознательно принявший православие еврей Гарле и армянин Хорен Аджемян. Последний в разгар полемики перешёл в наступление и заявил с весьма далекоидущими последствиями, что обвинение в великодержавном шовинизме «чаще всего играет роль фигового листка, тщетно скрывающего другой порок, имя которого — космополитический интернационализм»^{549}. Формула о «безродных космополитах» ещё не появилась, но близкие по смыслу обвинения уже прозвучали...

Хорен Аджемян в своём «великодержавном шовинизме», или государственническом патриотизме, перегнул палку в другую сторону — например, объявил реакционером Емельяна Пугачёва, поскольку его восстание подрывало обороноспособность страны и грозило уничтожением её культурной элиты, то есть дворян-крепостников. Такие новации для большевиков-революционеров были неприемлемы.

Недопустимость вульгарного отождествления рождённого революцией государства с Российской империей ясно высказал сам Жданов в своих замечаниях «О недостатках и ошибках некоторых историков»: «Не трудно понять, что "взгляды" Аджемяна, пытающегося доказать преемственность политики Советского государства с политикой русского царизма... ведут к отрицанию необходимости Октябрьской революции...» К этим словам Сталин лично приписал, доводя мысль до логического завершения: «... Следовательно, также советского строя как результата этой революции»^{550}.

Заметим, что выводы по итогам «исторического» совещания в августе 1944 года, несмотря на занятость вопросами войны, делал именно Жданов — это было продолжением его работы над вопросами отечественной истории, начатой ещё в середине 1930-х годов.

«Традиционных» историков-марксистов, ту же Анну Панкратову, поправили замечаниями о том, что в учебнике истории для средней школы, вышедшем под её редакцией, чересчур часто упоминаются «норманнские завоевания» и «призвание варягов». Как принижение роли русской культуры подчёркивался и тот факт, что в учебнике не упомянуты выдающиеся флотоводцы Михаил Лазарев и Фёдор Ушаков, нет, к примеру, иллюстраций с изображениями Дмитрия Донского, Александра Невского, Минина и Пожарского, но есть портреты Чингисхана, Батыея, Лжедмитрия. По мнению нашего героя, главными недостатками в исторической науке оставались пренебрежение историческим прошлым России и оценка развития русской культуры с точки зрения чужой, западноевропейской

мысли.

Верховной власти, советской идеологии требовалось найти вывод из противоречия во взглядах между догматическими марксистами, для которых в истории России всё ещё преобладал негатив и гипертрофированный классовый подход, и зарвавшимися «патриотами», у которых СССР был исключительно продолжением Российской империи. Жданов, кажется, нашёл достаточно удачное решение этой задачи.

При этом не стоит думать, что идеологические новации Жданова в «русском вопросе» были возвращением к банальному национализму или «казённому патриотизму». Провозглашая авангардную роль русской нации в СССР или ценность русских национальных традиций в построении коммунистического будущего, он не отрицал наличия в истории России глубоких национальных проблем. Но Жданов предлагал разделить историю Российской империи на историю политики эксплуататорских классов и общую историю русского народа, который, наоборот, явился освободителем всех иных народов империи от колониального и социального угнетения, свергнув феодально-буржуазную верхушку общества, показав тем самым пример угнетённым нациям нашей страны и всего мира. Идеологическая доктрина Жданова позволила органично включить достижения всей дореволюционной русской истории в идеологию сталинского СССР. Не случайно эта национальная грань коммунистической идеи во многих западных политологических и исторических исследованиях нашего времени получила определение «национал-большевизма»^[16].

Немного позже, в 1948 году, Жданов так публично сформулирует своё отношение к балансу интернационализма и патриотизма: «Если в основе интернационализма положено уважение к другому народу, то нельзя быть интернационалистом, не уважая и не любя своего собственного народа»^[551].

Однако Жданов шёл по национальной стезе несколько дальше, чем это было приемлемым для товарища Сталина. В документе по итогам совещания историков в 1944 году Жданов предложил такую формулировку: «Ведущая роль русского народа в борьбе за социализм... не навязана другим народам, а признана ими добровольно в силу той помощи, которую оказывал и оказывает другим народам русский народ в деле развития их государственности и культуры, в деле ликвидации их прежней отсталости, в деле строительства социализма. Это не может не наполнять каждого русского человека чувством законной гордости». Напротив этой фразы Сталин записал на полях короткое «не то», и в последнем варианте тезисов

данный текст был исключён^{552}.

В отличие от других соратников кремлёвского диктатора Жданов куда свободнее высказывал ему свои мысли и предложения. В том числе и поэтому именно Жданову была доверена разработка проекта новой программы партии — здесь требовалось не безропотное исполнение верховной воли, а творческий подход, вдумчивый анализ. И наш герой не подвёл. Ждановский проект программы ВКП(б) предлагал всестороннюю программу дальнейшего развития Советского государства и общества, новый подход в определении места и роли русской нации в Союзе ССР.

Впервые в мировой истории о коммунизме говорилось как о реальности завтрашнего дня. Проект ждановской программы прямо провозглашал: «Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20—30 лет построить в СССР коммунистическое общество»^{553}.

Как видим, Жданов опередил Хрущёва с его построением коммунизма к 1980-м годам. Заметим, что для людей, ещё хорошо помнивших начало XX века — сословную крестьянскую страну с полуфеодальной монархией — и лично наблюдавших стремительные социально-экономические и культурные изменения 1920—1940-х годов и послевоенных лет, мысль о возможности построения коммунизма за несколько десятилетий совсем не казалась сказочной.

Не была эта цель и чисто теоретическим лозунгом — параллельно с новой программой партии и в связке с ней шла подготовка «Генерального хозяйственного плана СССР на 1946—1965 годы», выполнение которого и должно было подготовить материально-экономическую базу для вступления нашего общества в новую фазу развития. Разработкой этого документа занимался Вознесенский, возглавлявший специальную группу ведущих экономистов и работников Госплана СССР. План содержал подробные выкладки намечаемого громадного роста выпуска продукции по всем основным позициям — как группы «А» с её производством средств производства, так и группы «Б» с производством продуктов потребления.

Представления о коммунизме руководителей партии и государства в полной мере соответствовали формуле Маркса: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Считалось, что ко времени полной реализации «Генерального плана», при «достижении изобилия продуктов» и с «ликвидацией остатков классовых различий», станет возможным «одну третью часть потребляемого народного дохода распределить по потребностям». Предполагалось, что сначала бесплатными

станут хлеб и картофель, а затем — «почти все» продукты питания. На основе этого экономического плана проект программы ВКП(б) предусматривал к концу 1960-х годов введение бесплатного снабжения населения основными продуктами питания, осуществление подготовки к бесплатному обслуживанию граждан «первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями»^{554}.

Вообще социальные аспекты в проекте были поданы очень привлекательно и с размахом. Так, в стране, где почти вчера войной была уничтожена треть и без того небогатого жилого фонда, выдвигалась задача до конца ликвидировать жилищную нужду, развернуть в больших масштабах жилищное строительство с целью «обеспечить каждому трудящемуся отдельную благоустроенную комнату», а каждой семье отдельную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам. Любопытна и ещё одна деталь — предлагалось уделить особенное внимание массовому производству автомобилей для населения, «имея в виду предоставить каждому гражданину возможность пользоваться легковым автомобильным транспортом»^{555}.

Не менее интересными были положения проекта партийной программы о путях эволюции Советского государства: «Развитие социалистической демократии на основе завершения построения бесклассового социалистического общества будет всё больше превращать пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа. По мере вовлечения в повседневное управление делами государства поголовно всего населения, роста его коммунистической сознательности и культурности, развитие социалистической демократии будет вести к всё большему отмиранию принудительных форм диктатуры советского народа, всё большей замене мер принуждения воздействием общественного мнения, к всё большему сужению политических функций государства, к превращению его по преимуществу в орган управления хозяйственной жизнью общества»^{556}.

Как видим, несмотря на этатизм и диктаторство товарища Жданова в его практической деятельности, в душе он с юношеских лет хранил вполне искренние идеалистические убеждения, с которыми вступил в своё время в нелегальный кружок тверских социал-демократов и прошёл через все революционные потрясения и испытания военных лет. Думается, Жданов, владеющий диалектикой, не видел здесь серьёзной проблемы, не считал непреодолимым препятствием барьер между «культом личности», который

он формировал и навязывал, и демократизацией Советского государства.

Предполагалось на практике приступить к соединению производственной работы с участием в управлении государственными делами, с переходом на поочередное выполнение всеми трудящимися функций управления. Ставилась задача по мере продвижения к коммунизму осуществлять принцип выборности всех должностных лиц государственного аппарата, предполагалось изменение роли госорганов в сторону всё большего превращения их в учреждения, занимающиеся учётом и контролем общенародного хозяйства.

Высказывалась идея о введении прямого народного законодательства, для чего считалось обязательным проведение всенародных голосований, то есть референдумов «по большинству важнейших вопросов государственной жизни как общеполитического, хозяйственного порядка, так и по вопросам быта и культурного строительства». Граждане и общественные организации должны были получить право вносить запросы в Верховный Совет по важнейшим проблемам международной и внутренней политики. Общественные организации получали максимальное развитие, и им предоставлялось также право законодательной инициативы.

В проекте программы ВКП(б) обращалось внимание и на усиление значимости общественного мнения в деле коммунистической переделки сознания людей, воспитания в широких народных массах «социалистической гражданственности», «трудового героизма» и «красноармейской доблести»^{557}.

В процессе работы над проектом программы возник целый букет предложений, направленных на демократизацию партийной и общественной жизни: об ограничении срока пребывания в партийных и советских выборных органах всех уровней, о выдвижении альтернативных кандидатов на выборах депутатов в Советы всех ступеней, освобождение партии от функций хозяйственного управления и т. п.

Добавим, что параллельно с разработкой новой программы были предприняты шаги по созданию и проекта новой Конституции СССР такой же демократической направленности, с акцентом на развитие самоуправления в общественной жизни, существование наряду с государственной экономикой мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей, предоставление больших прав региональным и местным Советам. Такая совокупность проектов ясно показывает, что высшие руководители СССР, Сталин и Жданов, прекрасно осознавали необходимость эволюции по мере развития общества от партийной диктатуры к иным, более сложным формам управления.

Смерть Жданова и последующее уничтожение «ленинградской группы» партийно-государственных управленцев остановят работу над программно-теоретическими документами партии и на несколько лет отодвинут сам съезд, который соберётся лишь осенью 1952 года. Однако наследие Жданова не будет окончательно похоронено в закрытых архивах.

Описанные выше программно-теоретические наработки через десятилетие будут отчасти использованы Хрущёвым и Косыгиным. У первого это обернётся пресловутыми декларациями о «построении коммунизма к 1980 году», у второго выразится в известных «косыгинских» реформах советской экономики.

Тезис Жданова о ведущей роли русской нации в семье советских народов, не будучи оформленным в связи с позицией Сталина в каких-либо официальных документах, всё же сыграет важную роль во внутренней идеологии СССР. Так, у Анны Панкратовой, в то время одного из главных чиновников от истории, в 1950 году появится объёмная, по сути концептуальная работа «Великий русский народ» — название и содержание весьма неожиданное для бывшей ученицы Покровского, ранее борющейся за чистоту классового подхода. Эта до самой смерти вождя СССР переиздававшаяся большими тиражами книга широко цитирует Жданова. О содержании говорят названия основных глав: «Русский пролетариат — передовая революционная сила», «Великий русский народ — руководящая сила Советского Союза», «Русский народ во главе прогрессивного человечества в борьбе за мир, демократию и социализм».

Жданову удалось, вполне в духе диалектики, снять внешнее противоречие марксистских и национальных, революционных и государственных традиций, что позволило верхам СССР уверенно оперировать русской национальной тематикой. Особенно ярко это выразилось в материалах последнего при Сталине XIX съезда правящей партии, прошедшего уже после смерти Жданова.

Сам Сталин не случайно употребит в своём центральном выступлении на съезде следующие слова — «нам, русским коммунистам»^{558}. Другие лидеры сталинского государства также использовали ждановские тезисы. «Силой, цементирующей дружбу народов нашей страны, является русский народ, русская нация, как наиболее выдающаяся из всех наций, входящих в состав Советского Союза»^{559}, — сообщит съезду не кто иной, как Лаврентий Берия, политический соперник уже уничтоженной «ленинградской группы» покойного Жданова.

Формулировки в том же духе прозвучат в речах почти всех лидеров

республиканских компартий СССР. Среди них, наверное, стоит отметить выступление первого секретаря компартии Молдавии, ещё молодого генерал-полковника Леонида Брежнева: «За это время молдавский народ в братской семье советских народов, опираясь на их помощь и прежде всего на помощь великого русского народа...»^{560} Напомним, что при генсеке Брежнев, на пике развития СССР, страной будут на деле руководить два ждановских выдвиженца — Алексей Косыгин и Дмитрий Устинов.

Глава 29.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ

Идейные и практические установки самого Жданова образца 1946—1948 годов наиболее ярко и впечатляюще отражены в его деятельности по организации пропаганды в СССР и за его пределами. Эта работа пришлась на непростое время, когда первые послевоенные годы стремительно превращались в начальные годы ещё не понятой и далеко не всеми осознанной, но не менее опасной холодной войны.

В ту эпоху основным средством пропаганды и массовой информации оставалась пресса. К концу 1940-х годов телевидение в СССР, как и во всём мире, находилось ещё в зачаточном состоянии, а радиовещание, несмотря на активное развитие в предыдущие годы, не могло пока конкурировать с печатными СМИ.

Заметим, что Жданову невольно пришлось стать, как руководителю пропагандистской работы, пионером и радиовещания, и телевидения в нашей стране. Вспомним, что в начале 1920-х годов в Нижнем Новгороде работала ведущая в СССР радиолaborатория, и Жданов в декабре 1924 года стал одним из первых партийных деятелей, выступивших по радио в прямом эфире. Именно в Ленинграде, возглавляемом Ждановым, в 1935 году был создан Всесоюзный НИИ телевидения, где разрабатывали первые образцы отечественной телетехники. В 1938 году Ленинград начал производство первых в нашей стране серийных телевизоров ТК-1, а в сентябре того же года, тоже впервые, началось регулярное вещание ленинградского телецентра — одного из первых в Европе и мире. Эти начальные шаги советского телевидения были прерваны мировой войной и блокадой Ленинграда.

Но вернёмся в послевоенные годы к самому главному, массовому и относительно доступному тогда СМИ — газетам. Именно они весьма беспокоили товарища Жданова, когда в самом начале 1946 года он вернулся к центральной работе в Кремле. Не случайно в проекте постановления политбюро о распределении обязанностей секретарей ЦК наш герой собственноручно вписал и фактически сам себе поручил следующее: «Обязать т. Жданова в своей работе по руководству пропагандой и агитацией сосредоточить основное внимание на решительное улучшение работы газет»^[561]. Постановление утвердили 13 апреля 1946 года, и уже на

следующий день Жданов затребовал от Управления пропаганды и агитации ЦК все материалы о работе в области периодической печати. 18 апреля под председательством Жданова впервые состоялось совещание работников ЦК «по вопросам пропаганды», где опять главное внимание уделили проблемам советских газет.

Завершение мировой войны позволило увеличить их количество и тиражи — если в мае 1945 года издавалось немногим более 4,5 тысячи газет, а их разовый тираж составлял 18 миллионов экземпляров, то уже к 1946 году разовый тираж вырос до 30 миллионов^{562}. В апреле 1946 года в стране издавались 21 центральная, 98 республиканских и 5512 газет районного и городского уровня. Но разовый тираж, как сообщали Жданову представленные статистические материалы, несмотря на рост, был совершенно недостаточным — ежедневно на тысячу человек в СССР приходилось всего 90 экземпляров газет всех наименований^{563}. Для сравнения: в Российской Федерации в 2010 году на тысячу человек приходилось свыше 600 телевизоров, для большинства всё ещё основного ежедневного СМИ нашего времени^{564}. Как видим, количественно и качественно охват и воздействие на аудиторию с того времени выросли на порядок...

Основным недостатком центральной прессы, озвученным на совещании 18 апреля 1946 года, было то, что все газеты были очень похожи, «они копируют друг друга». Причины этого были понятны и даже естественны. Как отметили на совещании, «в период войны газеты на $\frac{3}{4}$, а иногда и на все 100% заполнялись официальным материалом, и сейчас газеты не могут перестроиться и отойти от этого режима»^{565}. От центральной прессы требовалось активное освещение международных отношений и внешней политики, но журналисты стремились обходить эти «скользкие темы», ограничиваясь пересказом официальных сводок. «Источником информации по международной жизни является только ТАСС. Все газеты получают одни и те же материалы ТАСС. Это создаёт ещё более однотипный вид газет»^{566}, — констатировало совещание. Сам Жданов, как доносит до нас стенограмма, высказался менее обтекаемо и более чётко. По его мнению, причина тусклости центральных газет заключалась в нежелании редакторов и журналистов брать на себя ответственность: «Трусость — вот какое положение»^{567}.

Печальным оставалось и положение с образованием кадров. «По областным, краевым, республиканским газетам людей с высшим образованием среди редакторов меньше $\frac{1}{3}$ »^{568}, — приводили статистику

на совещании 18 апреля 1946 года. Не случайно, работая в том же 1946 году над проблемами обучения партийно-государственных кадров в созданной им системе партийных школ, Жданов предусмотрит отдельные курсы и факультеты журналистики.

Показательно, что у главного ежедневного советского СМИ — газеты «Правда» — в 1946 году было всего 205 литературных сотрудников, а корреспондентская сеть по стране насчитывала едва 60 человек (а в 1945 году — только 24). При этом большинство из них не имело специальной подготовки. Опять же, для сравнения, посмотрим на данные аналога газеты «Правда», главного официоза современной РФ — ОАО «Первый канал». Численность его сотрудников в начале XXI века превысила две тысячи человек, свыше 60 процентов из них — с высшим профессиональным образованием^{569}.

По окончании Великой Отечественной войны наша страна всё ещё была бедна ресурсами, а главное — не хватало образованных людей, квалифицированных специалистов. Немногочисленные и неподготовленные журналисты в тех условиях были не способны наращивать уровень прессы в соответствии с требованиями времени, не могли эффективно выполнять и возложенную на них советской системой крайне важную функцию критики и дополнительного контроля над деятельностью партийных и советских органов. «У людей недостаточно знаний, чтобы с ними обком и ЦК компартии союзной республики могли считаться»^{570}, — полагал Жданов.

Чиновники УПА и прежде всего его начальник Георгий Александров видели выход из положения в усилении контроля над газетами. Жданов, понимая всю ограниченность чисто чиновничьих средств в деле улучшения журналистики, возразил: «Ваш аспект идёт по линии, в первую очередь, усиления накачки, т. е. по той линии, которой добиваются, а наша задача заключается в том, чтобы лучше научить плавать и отрывать от земли без помощи накачиваемых аппаратов»^{571}.

По мнению Жданова, повысить качество и уровень советской журналистики (следовательно, повысить влияние советской идеологии) должны были не административные меры, а иное, более тонкое воздействие. Журналистов и прочих работников всех СМИ — от газет и киностудий до театров, книгоиздательств и даже музеев — должны были учить и подстёгивать не чиновники партаппарата, а их же коллеги. В этих целях Жданов предложил участникам совещания учредить в СССР центральный печатный орган, специализирующийся именно на

всесторонней критике любых средств массовой информации, — «орган всесоюзной трибуны печати, чтобы через него можно было получить инструктивные сообщения, чтобы газеты видели, чего от них хотят»^{572}.

Такой орган — «Культура и жизнь» — будет создан в течение двух месяцев. Первый номер этой специализированной общесоюзной газеты выйдет в свет 28 июня 1946 года. Это издание виделось Жданову критическим рупором, который на должном уровне обеспечит систематическую работу по формированию необходимого общественного мнения, прежде всего среди работников СМИ, научной и творческой интеллигенции. «Скажем, раскритиковали газеты в Оргбюро. Это забывается, если не организовать общественного мнения, чтобы не забывалось»^{573}, — зафиксировал в записной книжке Жданов в апреле 1946 года накануне совещания.

В ходе совещания, объясняя необходимость уйти от мелочного контроля к воспитанию, он выскажется так: «Процесс активного вмешательства в творчество в первую очередь связан с вопросом критики... Я не думаю, что мы должны повторять практику такого превентивного редактирования. Я думаю, что мы себя очень свяжем, если мы будем превентивно редактировать, т. е. брать литературное произведение сюда. Тогда мы лишим себя возможности критически разобрать и оценить его»^{574}.

Но для эффективного «воспитания» интеллигенции нужен был не вес чиновничьих рангов, а совсем другой вес — заслуженный авторитет в этой среде. И Жданов пояснял специалистам агитации и пропаганды, то есть современному «пиарщикам» и социологам из ЦК: «...Вопрос о том, чтобы дать беспристрастную критику и дать настоящий разбор того или иного литературного произведения, требует наличия в Управлении пропаганды и агитации лиц, которых, не стыдясь, можно было бы выпустить на арену, потому что совершенно очевидно, что к их голосу будут прислушиваться и они будут властителями дум наших литераторов, они будут иметь очень большой вес на нашей литературной арене. Поэтому мы должны оснащаться лучшими людьми, которые могут обеспечить критические обзоры»^{575}.

В редакцию газеты «Культура и жизнь» (по сути, в аппарат УПА) по предложению Жданова привлекли почти четыре десятка известных и авторитетных тогда деятелей культуры. Среди них были талантливый и признанный кинорежиссёр и педагог С.А. Герасимов, директор ленинградской Российской публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-

Щедрина А.В. Усов, ответственный редактор журнала «Театр» Г.С. Калашников, работавшая в редакции «Литературной газеты», известный литературный критик, преподавательница МГУ Е.И. Ковальчук, ленинградский профессор-филолог, литературовед, заместитель директора Института истории искусства АН СССР М.С. Григорьев.

«Мы не должны быть регистраторами прорыва, а мы должны быть выразителями коллективного заказа и коллективных требований и партии, и государства»^{576}, — говорил Жданов. Для него Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в идеале виделось ещё и всесоюзным социологическим центром, отслеживающим и контролирующим изменения общественного мнения в стране. Можно констатировать, что Жданов, пытаясь уйти от примитивного идеологического диктата, стремился построить автономный, тонкий, способный к саморегуляции идеологический механизм развитого, сложного общества.

Новый печатный орган — «Культура и жизнь» — должен был решить ещё одну системную проблему советской культуры, озвученную Ждановым в ходе совещания 18 апреля 1946 года. В ту пору важнейшим средством воздействия на сознание людей, уверенно конкурируя с кино, был театр. Так, даже в военном 1945 году театры в СССР посетило 30 миллионов человек. При этом, как отметили на совещании в ЦК, уставшие от войны и повседневной жизни люди стремились в театры, чтобы в первую очередь отдохнуть и развлечься. «Идеологически выдержанные» и полезные с точки зрения большевистской морали пьесы на советские темы («Кремлёвские куранты», «Русские люди», «Фронт») были показаны в 1945 году 865 раз, а комедийные или, как их назвал Жданов, «балаганные» постановки шли на сценах в пять раз чаще.

Театральной сферой СССР заведовало отдельное ведомство при Совете министров — Комитет по делам искусств, который возглавлял бывший университетский преподаватель 43-летний Михаил Храпченко, крупнейший тогда специалист по истории русской литературы XIX века. При всей своей идеологизированности советские учреждения не могли полностью отказаться от материальных выгод в угоду пропагандистским интересам. Не избежал материальных соблазнов и Комитет по делам искусств — театральные сборы от комедий были значительно выше, чем от пьес на советские темы. «Здесь дело заключается в том, — подчеркнул Жданов, — что нужно сказать Храпченко, что неправильно дана установка избегать острых тем современности, что после войны людям надо дать отдохнуть и т. д. Если будем придерживаться такого рода политики, то мы окажемся в очень критическом положении».

Жданов понимал, что всеобщее послевоенное увлечение «балаганом», психологически понятное стремление «отдохнуть» от военного стресса, в условиях начинающейся холодной войны может завести совсем не туда. Жданов очень чутко улавливал даже малейшие тонкости общественных настроений. Так, увлечение послевоенных театров «историческими постановками» он справедливо связывал с «уходом от действительности».

Выходом виделись злободневные и интересные пьесы на острые темы современности. И здесь, по мнению Жданова, направляющую роль должна была сыграть театральная критика. Но специализировавшийся на ней журнал «Театр» тоже подчинялся ведомству Храпченко. Поэтому, как отмечал на совещании заведующий отделом искусств УПА, выпускник филологического факультета МГУ и бывший директор Третьяковской галереи Поликарп Лебедев, «Храпченко читает от корки до корки этот журнал и выбрасывает оттуда всё, что касается его учреждения»^{577}. Аналогичная ситуация была и в иных «культурных» ведомствах страны: их руководители не хотели, чтобы названия подчинённых им учреждений мелькали в критических обзорах на страницах подведомственных им же журналов и газет.

Решить эту проблему и призван был новый орган «Культура и жизнь». Жданов пояснял: «Теперь вы видите разницу, которая будет между нашей газетой и ведомственной газетой... Кто же может исправить ведомственную установку, которая извращает дело и противоречит интересам народа? Конечно, только партийное вмешательство через свою критику, через организацию своей критики партийной в противовес ведомственной»^{578}.

С первого номера газеты «Культура и жизнь», увидевшего свет 28 июня 1946 года, в передовице «Выше уровень идеологической работы», в статьях — «Газеты должны стать подлинными центрами идеологической работы в массах», «Поставщики духовной отравы», «Разложение буржуазного киноискусства», «Буржуазный театр в тупике», «Капитализм и его культура», «Нравы буржуазной прессы», «О некоторых американских газетах», «Рабы доллара» — достаточно ярко проявилось главное направление самого идеологизированного издания послевоенной советской журналистики.

«Культура и жизнь» регулярно публиковала обзоры печати, ставшие одной из форм партийного руководства прессой. Объектом анализа становились периодические издания всех уровней — от центральных до республиканских, краевых и областных. Так, 20 сентября 1946 года в статье

«О некоторых недостатках газеты "Известия"» критике подвергли вторую газету страны. В частности, отмечалось, что редакция официального печатного органа Верховного Совета СССР не имеет собственной позиции по внешнеполитическим вопросам — «излагается лишь точка зрения иностранных газет», а «читателю предоставляется самому разобраться в высказываниях зарубежной печати». «Культура и жизнь» обвиняла «Известия» в отсутствии боевитости и конкретности в изложении материалов. В дальнейшем систематической критике подверглись республиканские газеты «Заря Востока», «Правда Востока», «Советская Киргизия», краевые — «Алтайская правда», «Тихоокеанская звезда» и многие другие.

В статьях «Литература советского народа», «Газеты должны стать подлинными центрами политической работы в массах», «Неотложные задачи художественной кинематографии» и других «Культура и жизнь» настоятельно рекомендовала всем работникам СМИ и сферы искусств «помнить о классовом подходе при оценке фактов жизни», «широко и повседневно пропагандировать ленинское мировоззрение», «воспитывать у советских людей коммунистическое сознание».

Несмотря на столь кондовые, в духе того времени заголовки публикаций, газета получилась достаточно живой и интересной. «Культура и жизнь» давала весь спектр критических материалов — от директивных статей, экономических и философских исследований до аналитических обзоров культурных событий. На страницах газеты публиковались как новые, привлечённые Ждановым авторы, так и старые «зубры» ждановской пропаганды, такие как Давид Заславский.

В изданиях последних десятилетий «Культура и жизнь» упоминается, как правило, в одном контексте. Непременно указывается, что газета развернула «беспощадную травлю работников искусства, культуры, литературы» и её использовали как «дубинку в борьбе ЦК с отечественной культурой». Так проявляются не только новые, уже антисоветские идеологические установки нашего времени, но и общий тон отечественной мемуаристики, посвященной тому периоду, — оставившие воспоминания деятели культуры тех лет закономерно не любили верховный орган критики. В те годы у кормящихся на ниве советской культуры современников газета получила не лишённые меткости прозвища «Культура или жизнь» и «Александровский централ» (по имени её главного редактора, начальника УПА Александрова). В современных исследованиях это почему-то считается доказательством того, что издание не достигло своей цели и не имело должного авторитета. При этом напроць

игнорируется простая, но объективная логика — критикуемые всех времён и народов не очень-то жалуют своих критиков. Раскритикованная публика закономерно не испытывала положительных эмоций по отношению к газете, ставшей своеобразным «кнутом и пряником». Достаточно упомянуть, что на «Культуру и жизнь» огрызалась в 1947 году даже главная газета страны «Правда». Задуманное Ждановым издание было просто обречено на такую «нелюбовь». Но как раз это и является лучшим доказательством, что требуемая Ждановым критика была по меньшей мере хорошо замечена.

Мемуаристика сохранила для нас и совсем иные оценки ждановского проекта. Так, журналист Владимир Ерёмченко, в 1960-е годы — один из ведущих корреспондентов ТАСС, а в послевоенное время — студент Сталинградского пединститута, уже в наши дни отметит в воспоминаниях: «Я помню чересчур смелые по тем временам статьи академика Александрова в "Правде" и в "Культуре и жизни", где он был главным редактором. Последняя тогда была самым смелым и интересным изданием. Здесь громили бюрократизм, инертность властей, нередко затрагивая и партийные сферы»^{579}. По свидетельству современников, «Культура и жизнь» имела и иное, куда более уважительное прозвище — «Газета для газет». Об этом сообщают, например, личные дневники Лазаря Бронтмана, работавшего в 1940-е годы журналистом «Правды»^{580}.

Судьба дала Жданову слишком мало времени — всего два года — для достижения всех целей задуманного проекта. После его смерти «Культура и жизнь» будет выходить скорее по инерции и вскоре прекратит своё существование. Но даже будучи тяжелобольным и заваленный решением множества государственных задач, Жданов будет практически ежедневно работать над созданием эффективной системы агитации и пропаганды. На одном из совещаний в ЦК он так подчёркивал её важность: «Если взялись за пятилетку хозяйственную, давайте возьмёмся за идеологическую и вытянем её. Что, сил не хватит? Хватит. Есть преимственность, есть великая преимственность великолепных традиций...»^{581}

К исходу 1946 года Жданов понял, что существующий аппарат Управления пропаганды и агитации ЦК не справляется с поставленными задачами. По состоянию на июнь того года в УПА работали 259 человек, не считая технического персонала. Почти все они имели высшее образование, как правило, гуманитарное — «технарями» были лишь 15 человек^{582}. Получалось, что центральный орган идеологического аппарата — начиная с начальника управления, 38-летнего Георгия Александрова — почти

полностью состоял из гуманитариев, попавших в кадры ЦК после чисток Большого террора. Большинство не имело ни военного опыта, ни опыта работы в местных парторганизациях. Всю войну эти кабинетные теоретики проработали далеко от фронта, весьма комфортно устроившись в Москве.

Сотрудники агитпропа погрязли в «самоуспокоении». По поручению Жданова отвечавший за кадры секретарь ЦК Алексей Кузнецов провёл проверку работников аппарата ЦК, в том числе на предмет побочных доходов. Оказалось, что именно среди сотрудников УПА, начиная с руководства, большинство имеет доходы со стороны, зачастую многократно превышающие должностные оклады. Формально всё было абсолютно законно — сотрудники управления были людьми блестяще для своего времени образованными, с литературными и иными талантами, научными званиями и должностями, а чиновный и столичный статус открывал им широкие возможности для публикаций. Авторские гонорары в те времена выплачивались щедро и аккуратно, став едва ли не единственной легальной возможностью получать доходы заметно выше средних.

В итоге выплаты за многочисленные книги, статьи и лекции работников Управления пропаганды и агитации ЦК стабильно превышали их и так немаленькую «цековскую» зарплату. Начальник управления Георгий Александров, имея месячный оклад 2300 рублей, на деле зарабатывал 9658 рублей, его заместитель Пётр Федосеев, с месячным окладом 2200 рублей, имел реальный доход в размере 9133 рублей в месяц. Некоторые из заведующих отделами по прибыльности превзошли своё начальство. Так, Ф.Н. Олещук, один из основных лекторов управления, при окладе две тысячи рублей имел реальный месячный доход, заметно превышавший десять тысяч рублей^[583].

Товарищ Олещук был весьма колоритной личностью — ещё в 1930-е годы он был секретарём знаменитого Союза воинствующих безбожников СССР, а после смерти главного «богоборца» Емельяна Ярославского (Миня Губельмана) в 1943 году был исполняющим обязанности председателя союза. В рамках деятельности «безбожников» он, как и его бывший патрон Ярославский, публиковал многочисленные антирелигиозные статьи и брошюры. Кадровики Кузнецова выяснили, что хитрый «безбожник» с большей части своих дополнительных заработков не платил членские взносы в партийную кассу.

Олещук был одним из тех, кто после Великой Отечественной войны пытался возродить прежнюю деятельность Союза воинствующих безбожников, направляя соответствующие проекты секретарям ЦК, прежде всего Жданову. Но в новых условиях «безбожники» понимания не

встретили: в ЦК им указали, что они «живут старыми взглядами», а в феврале 1947 года решением ЦК деятельность Союза безбожников была прекращена. Его активы передали организованному при содействии Жданова всесоюзному обществу «Знание».

В июне 1947 года руководитель УПА Александров будет подвергнут публичной критике в ходе так называемой «философской дискуссии». 17 сентября того же года он был снят с должности начальника агитпропа. При этом за ним сохранялась должность главного редактора газеты «Культура и жизнь».

Стремление Александрова и «александровских мальчиков», как прозвали чиновников УПА, зарабатывать на стороне в представлении Жданова явно не сочеталось с образом идеальных солдат идеологического фронта. В 1946 году Жданов начинает работу по поиску и привлечению новых кадров для агитпропа. По его распоряжению составлялись списки и подбирались данные на перспективных работников областных комитетов партии фактически по всему СССР, прежде всего РСФСР. Все рассмотренные кандидатуры объединяли следующие качества: наличие высшего образования, опыт работы «на земле», в производстве или местных парторганизациях, непосредственный военный опыт 1941—1945 годов.

Новыми руководителями Управления пропаганды и агитации ЦК станут 45-летний Михаил Суслов и 42-летний Дмитрий Шепилов. Обоих, особенно последнего, тоже нужно считать выдвинутыми Жданова. И такой выбор, при всей одиозности этих имён в поздней советской истории, нельзя назвать неудачным. Оба, вне всякого сомнения, были верны коммунистической идее, как они её понимали. Отмечая выдающийся консерватизм Сусллова в брежневскую эпоху, даже его недоброжелатели признают за ним личную честность и нетривиальный аскетизм. Аналогично «и примкнувший к ним» Шепилов запомнился многим как один из последних приверженцев жёсткого идеалистического коммунизма, проигравший Хрущёву... Но в 1947 году всё выглядело иначе и проще — в соответствии с критерием Жданова по подбору кадров: хорошее образование плюс большой практический и военный опыт.

Саратовский крестьянин Михаил Суслов «начинал карьеру» бойцом продотряда в годы Гражданской войны, что было не менее опасно, чем фронт. В 1920—1930-е годы получил блестящее для тех лет образование в Московском институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова и Институте экономики Коммунистической академии (предшественнике современного Института экономики РАН). В 1939 году он возглавил

Ставропольский крайком и 1942—1943 годы фактически провёл на фронте. Судя по многочисленным воспоминаниям, в том числе опубликованным уже в наши дни, член Военного совета Северо-Кавказского фронта по тылам не отсиживался, в самые критические дни германского наступления на Кавказе побывал во многих воинских частях, на ключевых оборонительных пунктах и партизанских базах. Среди его практического опыта есть и выселение сотрудничавших с немцами этносов Кавказа. В конце 1944 года Сулов становится председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, возглавив всю нелёгкую борьбу с «лесными братьями» в этой прибалтийской республике.

Дмитрий Трофимович Шепилов, сын железнодорожника, в 1920-е годы окончил юридический факультет МГУ и аграрный факультет Института красной профессуры (дальний предок современной Российской академии государственной службы). Работал в Сибири и прокурором, и руководителем совхоза. В середине 1930-х уже выдвигался на работу в аппарат ЦК, но предпочёл научную деятельность. Накануне войны он уже учёный секретарь Института экономики АН СССР. В 1941 году, отказавшись от брони и эвакуации, пошёл в Московское народное ополчение. Войну завершил начальником политотдела 4-й гвардейской армии в Вене. Там генерал-майор Шепилов познакомился с Юрием Ждановым, молодым офицером из 7-го отдела Главного политического управления армии. После войны молодой, блестяще образованный генерал был переведён в Главное политическое управление Советской армии, возглавлявшееся людьми Жданова. Оттуда он очень скоро попал на работу в редакцию «Правды».

Шепилов оставил для нас развёрнутые воспоминания о Жданове, его мыслях и стиле работы тех лет. Свои мемуарные наброски он писал спустя много десятилетий — для себя, их опубликовали уже после его смерти в самом начале нашего века. Глазами вчерашнего фронтовика, пусть несколько предвзято, но весьма выпукло и эмоционально, Шепилов охарактеризовал ситуацию в агитпропе накануне его назначения:

«Во главе Управления пропаганды и агитации ЦК тогда стоял Г.Ф. Александров, сам по себе умный и книжно-грамотный человек... Опытный педагог и пропагандист, Александров представлял собой типичный образец "катедер-коммуниста" (т. е. "коммуниста от профессорской кафедры"). Он никогда не был ни на какой практической работе ни в городе, ни в деревне. Не был он и на фронте...

Возглавив Агитпроп после опустошительных чисток 1937—1938, Александров и в аппарате ЦК, и на всех участках идеологического фронта

расставлял своих "мальчиков". Все они были "со школьной скамьи", на практической работе не были, следовательно, не общались ни с какими "врагами народа"... Все они, используя своё положение в аппарате ЦК и на других государственных постах, лихорадочно брали от партии и государства полными пригоршнями все материальные и иные блага, которые только можно было взять. В условиях ещё далеко не преодолённых послевоенных трудностей и народной нужды они обзаводились роскошными квартирами и дачами. Получали фантастические гонорары и оклады за совместительство на всяких постах. Все они в разное время и разными путями стали академиками, докторами, профессорами и прочими пожизненно титулованными персонами»^{584}.

Благодаря Шепилову мы, хотя бы опосредованно, можем представить мысли и намерения Жданова тех дней, его восприятие и оценку ситуации, сложившейся после Великой Отечественной войны в стране и мире. И здесь не обойтись без обширной цитаты из мемуаров нового руководителя Управления пропаганды и агитации ЦК.

«В Москве, — вспоминает Шепилов, — я был назначен заместителем начальника Управления пропаганды и агитации Главного политического управления Вооружённых сил СССР. А 2 августа 1946 года состоялось моё утверждение Центральным Комитетом редактором "Правды" по отделу пропаганды. Началась самая трудная, ни с чем не сравнимая, буквально испепеляющая человека газетная работа. Она отнимала большую часть дня и почти всю ночь: в те времена "Правда" выходила поздно, в 6—9 утра. Мы не знали выходных и праздничных дней. От частых недосыпаний появились головные боли, отёки лица.

...Обычно после ночной работы и всегда неполного дневного сна я ехал на Воздвиженку в "кремлёвскую столовую". Здесь за столиками собирался весь московский актив: народные комиссары, члены коллегий, ответственные работники ЦК и Совета министров, старые большевики, маршалы, крупные дипломаты и т. д.

...Так вот, как-то в середине сентября 1947 года перед рабочим вечером я обедал в кремлёвской столовой. Меня вызвали к правительственному аппарату и сказали, что А. Жданов просит сейчас приехать к нему в ЦК.

Тот же пятый этаж в доме на Старой площади. Огромный кабинет, отделанный светло-бежевым линкрустом. Письменный стол в стиле барокко и большущий стол для заседаний. Книжные шкафы. Многочисленные книги, газеты, журналы. Тоже на столе.

Передо мной стоял человек небольшого роста с заметной сутулостью.

Бледное, без кровинки лицо. Редкие волосы. Тёмные, очень умные, живые, с запряжанными в них весёлыми чёртиками глаза. Чёрные усики. Андрей Александрович был в военном кителе с погонами генерал-полковника...

Внешний облик, его манера держаться и говорить, его покоряющая улыбка — всё это очень располагало к себе. Этот первый разговор был очень продолжительным и впечатляющим. Жданов очень откровенно изложил положение дел на идеологическом фронте и свои соображения — как следовало бы решать назревшие вопросы. Говорил он живо, остроумно, интересно, с взволнованной страстностью. Он всё время прохаживался по кабинету и помогал своей речи выразительными жестами. Иногда он вплотную подходил ко мне и пытливо заглядывал в глаза, словно желая убедиться, что аргументы его убедили собеседника. Время от времени он останавливался, чтобы отдышаться: все знали, что у Жданова большое сердце.

Главное, что сказал Жданов в этой первой беседе со мной, сводилось к следующему: у нас сложилось очень неблагоприятное положение в Агитпропе ЦК. Война закончилась. Перед нами встали гигантские хозяйственные задачи. Замысел товарища Сталина таков: в ближайшее время не только полностью восстановить социалистическую промышленность, но и серьёзно двинуть её вперёд. То же — сельское хозяйство. Но для того чтобы решить такие задачи, нужно провести огромную идейную работу в массах. Без этого мы не сможем продвинуться вперёд ни на один вершок.

Положение достаточно серьёзное и сложное. Намерение разбить нас на поле брани провалилось. Теперь империализм будет всё настойчивее разворачивать против нас идеологическое наступление. Тут нужно держать порох сухим. И совсем неуместно маниловское прекрасодушие: мы-де победители, нам всё теперь нипочём. Трудности есть и будут. Серьёзные трудности. Наши люди проявили столько самопожертвования и героизма, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Они хотят теперь хорошо жить. Миллионы побывали за границей, во многих странах. Они видели не только плохое, но и кое-что такое, что заставило их задуматься. А многое из виденного преломилось в головах неправильно, односторонне. Но, так или иначе, люди хотят пожинать плоды своей победы, хотят хорошо жить: иметь хорошие квартиры (на Западе они видели, что это такое), хорошо питаться, хорошо одеваться. И мы обязаны всё это людям дать.

Среди части интеллигенции, и не только интеллигенции, бродят такие настроения: пропади она пропадом, всякая политика. Хотим просто хорошо жить. Зарабатывать. Свободно дышать. Хорошо отдыхать. Вот и всё. Им и

невдомёк, что путь к хорошей жизни — это правильная политика.

Товарищ Сталин постоянно твердит нам в последнее время: политика есть жизненная основа советского строя. Будет правильная политика партии, будут массы воспринимать эту политику как своё кровное дело — мы всё решим, создадим и достаток материальных и духовных благ. Не будет правильной политики, не воспримут массы политику партии как своё кровное дело — пропадём.

Поэтому настроения аполитичности, безыдейности очень опасны для судеб нашей страны. Они ведут нас в трясины. А такие настроения ощутимы в последнее время. В литературе, драматургии, кино появилась какая-то плесень. Эти настроения становятся ещё опаснее, когда они дополняются угодничеством перед Западом: "Ах, Запад", "Ах, демократия", "Вот это литература", "Вот это урны на улицах". Какое постыдство, какое унижение национального достоинства! Одного только эти господа воздыхатели о "западном образе жизни" объяснить не могут: почему же мы Гитлера разбили, а не те, у кого урны красивые на улицах.

В последнее время товарищ Сталин, Политбюро ставят один идеологический вопрос за другим. А что в это время делает Агитпроп: Александров и его "кумпания"? Не знаю. Они приходят ко мне и восторгаются решениями, которые ЦК принимает, чтобы духовно мобилизовать наш народ. И никакой помощи от них ЦК не видит.

И это не случайно. Ведь все эти Александровы, Кружковы, Федосеевы, Ильичёвы, окопавшиеся на идеологическом фронте и монополизировавшие всё в своих руках, это — не революционеры и не марксисты. Это — мелкая буржуазия. Они действительно очень далеки от народа и больше всего озабочены устройством своих личных дел.

Вы человек военный и знаете, что такое "запасные позиции". Создаётся впечатление, что по части квартир, дач, капиталов, учёных степеней и званий они подготовили себе первые запасные позиции, вторые, третьи — так, чтобы обеспечить себя на всю жизнь. В ЦК несколько писем насчёт этих деятелей поступило. Они словно чувствуют, что всплыли наверх случайно, и их лихорадит: могут прогнать, надо обезопаситься. Какие же это духовные наставники. Какая уж тут идеология.

Вот почему в Политбюро пришли к выводу, что мы не сможем вести успешное наступление на идеологическом фронте, не почистив и не укрепив Агитпроп ЦК. Есть такие соображения, чтобы и вас привлечь к этому делу: назначить вас пока заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК. Начальником предполагается оформить М.А. Сулова, но он будет отвлечён другими делами, так что фактически вам

придётся вести всё дело.

Я сказал Андрею Александровичу, что я благодарю за оказанное доверие, но думаю, что такая работа мне не по плечу, у меня нет достаточно знаний и опыта.

— Ну, батенька, это уж позвольте с вами не согласиться. У вас два высших образования: МГУ и Институт Красной профессуры. Нашему брату так поучиться не посчастливилось. Да и опыт — слава тебе господи: работа в комсомоле, в ЦК партии, политотдельская работа в Сибири, пять армейских фронтовых лет — комиссар дивизии, член Военного совета армии... Нет, батенька, у вас нет ни малейших оснований отказываться.

Жданов продолжал:

— Уберите с идеологического фронта всю эту мелкую буржуазию, привлечите свежих людей из обкомов, из армейских политработников, и дело пойдёт наверняка»^[585].

Глава 30.

ВНЕШНЯЯ ПРОПАГАНДА

Завершение Второй мировой войны отнюдь не сразу привело бывших союзников к холодной войне. В общественном сознании стран антигитлеровской коалиции всё ещё по инерции господствовали союзнические настроения. Правящие элиты США, обладая с 1945 года монополией на ядерное оружие и несопоставимо превосходящими экономическими возможностями, имели все основания считать себя безусловными лидерами послевоенного мира. От СССР просто не ожидали какого-либо активного противодействия новому мировому порядку. Это уже потом, постфактум, послевоенная заявка нашей страны на новую роль в мире стала восприниматься как нечто естественное и неизбежное, но тогда высшее руководство СССР прекрасно осознавало слабость страны после военных потерь и всю ограниченность её ресурсов.

Поэтому вылившееся в холодную войну противостояние двух систем нарастало постепенно на протяжении 1946—1947 годов. Это хорошо прослеживается и в публичных выступлениях Жданова — вполне официальных установках, широко публиковавшихся для граждан СССР как в советской прессе, так и отдельными изданиями.

В предвыборной речи Жданова от 6 февраля 1946 года содержится пока лишь обтекаемый намёк на возможное противостояние: «Имеются ещё и в рядах свободлюбивых наций реакционные элементы, люди, недружелюбно относящиеся к Советскому Союзу... Ещё много придётся работать над реализацией решений Ялтинской и Потсдамской конференций для укрепления Организации Объединённых Наций, над закреплением итогов нашей победы. Вы все следите за печатью и видите, что организация мира и подлинной безопасности, проведение в жизнь нашей политики дружбы народов не всем нравится. Конечно, на всех не угодишь, но мы должны быть бдительны. Во всяком случае, Советский Союз стал сейчас таким важным международным фактором, что как-либо умалить его значение или недооценить его интересы никому не удастся. Такого рода попытки, которые идут из лагеря людей, не вполне дружелюбно к нам относящихся, — попытки умалить роль СССР или представить её в невыгодном свете, — обречены на провал»^{586}.

В ноябре 1946 года публикуется речь Жданова, посвященная 29-й

годовщине Октябрьской революции. Здесь наш герой даёт уже более развёрнутый анализ начинающегося «холодного» противостояния:

«Известно, что от той "информации" о России, которая наполняет столбцы многих газет в США и Великобритании, начинает спирать дух даже у многих буржуазных деятелей, выдавших всякие виды по части вранья. Теперь для того, чтобы написать что-либо о России, бывает достаточно смешать немножко клеветы, немножко невежества, немножко нахальства, блюдо готово. Дело доходит до того, что правдивая информация об СССР становится исключением, а лживая — правилом. Если же факты трудно извратить, то тем хуже для фактов, о них просто умалчивают.

Недавно в американских газетах промелькнуло сообщение, что институт общественного мнения в США на заданный им вопрос: имеют ли беспартийные избирательное право в СССР, получил незначительный процент правильных ответов. Большинство же ответило либо что таких прав беспартийные не имеют, либо что отвечающие не знают, что сказать. На вопрос: можно ли исповедовать в СССР какую-либо религию? — большинство отвечает, что или нельзя, или они не знают, как ответить на этот вопрос. Выходит, что средний американец либо не получает никакой информации об СССР, либо получает её в извращённом и клеветническом виде.

За последнее время появилось также много "исследований" на тему о характере советских людей вообще, о национальном характере русских в частности, причём во многих статьях не жалеют усилий для того, чтобы изобразить советских людей в самом неприглядном свете.

Читаешь и удивляешься, как быстро русские люди изменились. Когда лилась наша кровь на полях сражений, восхищались нашей храбростью, мужеством, высокими моральными качествами, беспредельным патриотизмом. И вот теперь, когда мы в сотрудничестве с другими народами хотим реализовать своё равное право на участие в международных делах, нас начинают поливать потоками ругани и клеветы, поносить и заушать, приговаривая в то же время, что у нас якобы несносный и подозрительный характер»^{587}.

Обратим внимание на некоторые особенности речи Жданова: Россия и СССР звучат у него как аналоги, а, как покажет практика публикаций на английском языке, переводчик не сможет адекватно перевести глагол «заушать»: Жданов здесь использовал старый русский термин, который словарь Даля объясняет как «бить рукою по щеке, оплеушить»... При этом изложенные Ждановым сведения, хотя и представляют сугубо предвзятый

взгляд, не только отражают глубокое понимание сущности холодной войны, но и фактически точны.

С начала 1946 года администрация Трумэна предприняла настойчивые усилия по изменению образа СССР в американском общественном сознании — прежнее восхищение и даже восхваление союзника весьма резко сменилось на противоположный тон. Развёрнутая пропагандистская кампания в западных СМИ сделала своё дело: уже к концу 1946 года Госдепартамент США с удовлетворением констатировал, что 70 процентов американцев негативно относятся к Советскому Союзу.

В столь резком изменении подходов чувствуется откровенное раздражение правящей элиты Северной Америки, которая буквально в полушаге от безраздельного мирового доминирования наткнулась на неожиданное препятствие в виде СССР. В США вполне резонно ожидали, что ослабленный мировой войной Советский Союз будет куда более сговорчив и уступчив. Когда этого не произошло, благожелательное и даже покровительственное отношение, свойственное администрации Рузвельта, сменила «доктрина Трумэна», заключающаяся в «спасении Европы от советской экспансии». Начинается активная идеологическая война, непрерывно продолжавшаяся до конца XX века. Не случайно с весны 1946 года будут нарастать объёмы русскоязычного радиовещания на СССР. Пионером здесь выступило британское радио «Би-би-си» — англичане за годы мировой войны накопили солидный опыт воздействия на чужую аудиторию.

В мае 1946 года на имя Жданова поступило письмо корреспондента «Правды» Юрия Жукова, только что вернувшегося из командировки во Францию. Жуков, когда-то начинавший машинистом в Донбассе, со временем блестяще овладеет французским, станет переводчиком и знатоком литературы Франции. Тогда же из своей послевоенной поездки он привёз тревогу, изложенную им в записке Жданову, — отношение западных СМИ к СССР резко и враждебно менялось, а эффективные внутри страны приёмы и штампы советской пропаганды были недостаточно способны влиять на сознание западного человека. Жданов особо выделил в тексте письма предложение Жукова присылать за рубеж не готовые статьи, а только информацию, под которой понимались «тщательно подобранные злободневные факты», с тем чтобы комментарии к ним давали уже представители левой французской прессы^{588}.

Примечательно, что первыми забили тревогу по поводу политического наступления Запада не пропагандистские или властные органы СССР — Сталин до 1947 года стремился сдержанно реагировать на новый курс

Трумэна, — а простые советские граждане, работавшие или служившие за пределами страны. В Европе после 1945 года базировались наши многочисленные воинские части и ведомства, и именно поэтому Главное политическое управление Вооружённых сил СССР (напомним, возглавляемое в это время ждановским «протезом» Иосифом Шишкиным) стало аккумулятором многочисленных обращений и писем такого рода. После идиллии отношений военной поры, на фоне всё ещё осторожной советской пропаганды новая линия поведения вчерашних союзников вызывала у советских людей недоумение.

Изучив письмо корреспондента «Правды», Жданов запросил информацию о методах и содержании английской пропаганды. Его внимание привлекло то обстоятельство, что на Западе понимали пропаганду и контрпропаганду как обязательный атрибут великой державы, «часть военной машины, которая заменяет военные силы, когда они вынуждены бездействовать»^{589}.

Письмо корреспондента Жукова и иные подобные обращения в июле 1946 года стали причиной обсуждения в ЦК вопроса о деятельности Совинформбюро, созданного ещё в первые дни Великой Отечественной войны главного инструмента советской пропаганды. Загруженный массой текущих дел, Жданов на совещании не присутствовал, но со всеми материалами ознакомился заранее и своё мнение изложил молодому секретарю ЦК Николаю Патоличеву^{590}. Обсуждение протекало в русле установок, полученных от Жданова, что подтверждают подшитые к стенограмме личные конспекты Жданова^{591}.

Одним из ключевых вопросов стала проблема придания советской пропаганде наступательного характера по отношению к западному миру. Действующая пропаганда признавалась безобидной и беспартийной, в то время как должна была стать «наступательной, агитационной». Необходимость такого изменения объяснялась тем, что «сейчас идёт борьба за человека в пропаганде — Англия и Америка ведут антисоветскую пропаганду, они клеветают на советского человека, они, кроме того, отравляют советского человека, настраивают в свою пользу против государства, против нас»^{592}.

Участники совещания особо подчеркивали, что «в упаковке и даже в таре есть политика, которую проводят американцы»^{593}. Здесь видится глубокое проникновение в суть вещей: вспомним, как в конце 1980-х годов советские граждане гонялись за яркой импортной упаковкой...

Документы свидетельствуют, что на протяжении 1946—1948 годов

Андрей Жданов тщательно изучал все нюансы пропагандистского противостояния, которое в наши дни именуется информационной войной. В его архиве сохранилось множество писем и справок советских корреспондентов с их соображениями о недостатках и способах улучшения советской пропаганды. Корреспондент Юрий Жуков, представивший в 1946 году критический и самостоятельный взгляд на эти проблемы, с 1948 года возглавит корпункт «Правды» в Париже. И власти Франции в разгар холодной войны будут воспринимать его как опасного противника, даже вышлют из метрополии ряд лиц за слишком близкое сотрудничество с ним.

В феврале 1948 года Жданов будет изучать аналитический доклад заведующего отделом информации англоязычной газеты «Московские новости» Колманова — тот отметит всё ещё недостаточное знание «противника», его уязвимых мест, методов пропаганды и контрпропаганды, необходимых «литературных форм, которые наиболее доходчивы и привычны среднему американцу, англичанину, французу, арабу»^[594]. Использовались Ждановым и другие источники информации. Так, по его поручению посетившего СССР французского физика, профессора Жака Николя попросили поделиться впечатлениями о восприятии советской пропаганды во Франции — материалы этой беседы были тщательно изучены Ждановым.

Был предпринят и ряд довольно оригинальных решений. Например, в апреле 1948 года Косыгину и Суслову пришлось заняться работой с французской фирмой грамзаписи «Шан дю монд» («Le chant du monde», буквально — «Песни мира»). В итоге связанное с французской компартией коммерческое предприятие стало крупнейшим и успешным распространителем советской музыки в Европе.

31 июля 1947 года Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О "Литературной газете"», коренным образом изменившее скромное еженедельное издание Союза писателей СССР. Эту общественную газету решено было сделать рупором неформальной пропаганды. Новым редактором «Литературной газеты» назначили Владимира Ермилова, опытного и весьма резкого критика, когда-то возглавлявшего Российскую ассоциацию пролетарских писателей. После обсуждения на Оргбюро ЦК отчёта Ермилова о подготовке к изданию нового варианта газеты выпуск первого номера наметили на 20 сентября. Он был приурочен к созданию Коминформа, то есть к совершенно новому для послевоенного периода этапу советской внешней политики. Но об этом — позднее.

Константин Симонов оставил мемуарные заметки об одном из совещаний в Кремле, где обсуждались новые подходы к идеологической

работе:

«— Бытие новое, а сознание старое, — сказал Жданов.

— Сознание, — усмехнулся Сталин. — Оно всегда отстаёт... Мы здесь думаем, — сказал он, — что Союз писателей мог бы начать выпускать совсем другую "Литературную газету", чем он сейчас выпускает. Союз писателей мог бы выпускать своими силами такую "Литературную газету", которая одновременно была бы не только литературной, а политической, большой, массовой газетой... Все наши газеты — так или иначе официальные газеты, а "Литературная газета" — газета Союза писателей, она может ставить вопросы неофициально, в том числе и такие, которые мы не можем или не хотим поставить официально. "Литературная газета" как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения...

Я очень хорошо помню, как Сталин ухмыльнулся при этих словах.

— Вы должны понять, что мы не всегда можем официально высказаться о том, о чём нам хотелось бы сказать, такие случаи бывают в политике, и "Литературная газета" должна нам помогать в этих случаях. И вообще, не должна слишком бояться, слишком оглядываться...»^[595]

Описываемое совещание, где возникли планы о новом лице «Литературной газеты», прошло ещё в мае 1947 года. Симонов оставил яркие штрихи, раскрывающие характер отношений в дуэте Сталин — Жданов:

«Перед Ждановым лежала докладная красная папка, а перед Сталиным — тонкая папка, которую он сразу открыл...

— Ну что ж, — сказал Сталин, — я думаю, что этот вопрос нельзя решать письмом или решением, а надо сначала поработать над ним, надо комиссию создать. Товарищ Жданов, — повернулся он к Жданову, — какое у вас предложение по составу комиссии?

— Я бы вошёл в комиссию, — сказал Жданов. Сталин засмеялся, сказал:

— Очень скромное с вашей стороны предложение. Все расхохотались.

После этого Сталин сказал, что следовало бы включить в комиссию присутствующих здесь писателей...

— И вот ещё кого, — добавил он, — Мехлиса, — добавил и испытующе посмотрел на нас. — Только он всех вас там сразу же разгонит, а?

Все снова рассмеялись.

— Он всё же как-никак старый литератор, — сказал Жданов...»^{596}

20 сентября 1947 года в первом же номере реорганизованной «Литературной газеты», пользуясь её негосударственным статусом, поместили материал, который не могли себе позволить партийные и государственные издания СССР из опасения дипломатического скандала. В статье «Гарри Трумэн» президента США сравнили с «маленьким ефрейтором из Мюнхена». В первые послевоенные годы, вероятно, сложно было придумать более оскорбительное сравнение. Подобные публикации «Литературной газеты» послужили спусковым крючком для всей советской прессы — с осени 1947 года отечественные СМИ, сохранявшие осторожность даже после Фултонской речи Черчилля, наконец перестали сдерживаться в отношении Запада.

В этой области пропаганды Сталин и Жданов порой «опускались» даже до самых мелких деталей. Известный советский карикатурист Борис Ефимов вспоминает, как в 1947 году его пригласили к нашему герою:

«Жданов весьма приветливо со мной поздоровался, пригласил сесть на один из стоящих у стены стульев и сам уселся рядом.

— Мы вот почему вас побеспокоили, — начал он. — Вы, на верно, читали в газетах сообщения о военном проникновении американцев в Арктику под тем предлогом, что им оттуда грозит "русская опасность". Товарищ Сталин сказал, что это дело надо бить смехом. Товарищ Сталин вспомнил о вас и просил поговорить с вами — не возьмётесь ли вы нарисовать карикатуру на эту тему.

При словах "товарищ Сталин вспомнил о вас..." я склонил голову и слегка развёл руками, давая этим понять, как высоко я ценю доверие товарища Сталина и приложу все силы, чтобы это доверие оправдать. Но внутри у меня тревожно сжалось сердце. Попасть в орбиту внимания Сталина было столь же почётно, сколь и опасно. При его феноменальной памяти, вспомнив обо мне, он, без сомнения, вспомнил и о том, что я — родной брат репрессированного и расстрелянного Михаила Кольцова. И малейшее неудовольствие Хозяина, малейшая неудача в исполнении его задания могли привести к большой беде для меня и моей семьи.

Между тем Жданов продолжал:

— Товарищ Сталин так, примерно, представляет себе этот рисунок: генерал Эйзенхауэр с целой военной армадой рвётся в Арктику, а рядом стоит простой американец и спрашивает: "В чём дело, генерал? Почему такая бурная военная активность в этом мирном районе?" А Эйзенхауэр отвечает: "Разве вы не видите, что нам отсюда грозит русская опасность?" Или что-нибудь в этом роде.

— Нет, нет, — поспешил сказать я. — Зачем что-нибудь другое? По моему, это очень здорово. Разрешите, я так и нарисую.

— Что ж, хорошо, — сказал Жданов. — Я так и доложу товарищу Сталину.

— Позвольте, Андрей Александрович, только один вопрос. Когда нужен этот рисунок?

— Когда? — Жданов на секунду задумался. — Ну, мы вас не торопим, но и особенно задерживать не надо. Всего хорошего»^[597].

На следующий день, однако, художника поторопил телефонным звонком лично Сталин. Уже вечером готовый рисунок курьером правительственной связи передали в Кремль. Вспоминает Ефимов:

«Следующий день прошёл без всяких событий, а на другой — раздался телефонный звонок: "Товарищ Жданов просит вас приехать в ЦК к часу дня".

...В приёмной перед кабинетом Жданова сидели десятки людей. "Ну, до меня не скоро дойдёт очередь", — подумал я.

Но когда через несколько минут из кабинета Жданова вышел увешанный орденами генерал, сидевший за большим письменным столом в приёмной помощник, сняв трубку внутреннего телефона и ответив: "Да, здесь", пригласил меня вне всякой очереди в кабинет.

Жданов сидел не за монументальным письменным столом в глубине огромного кабинета, а на торце длинющего стола заседаний, стоявшего перпендикулярно к письменному столу. Он любезно поднялся мне навстречу. Приветливо взяв меня за плечи, он подвёл к длинному столу, на котором я увидел свой рисунок.

— Ну, вот, — сказал Жданов. — Рассмотрели и обсудили. Есть некоторые поправки. Все они сделаны рукой товарища Сталина.

Произнеся эти слова, он многозначительно на меня взглянул. Я, как и следовало, почтительно склонил голову и развёл руками. Потом, внимательно взглянув на рисунок, сказал:

— Андрей Александрович. Мне кажется, что поправки — главным образом, по тексту. А по рисунку, как будто...

— Да, да. По рисунку всё в порядке. Правда, некоторые члены Политбюро говорили, что у Эйзенхауэра слишком акцентирован зад, но товарищ Сталин не придал этому значения. Нет, против рисунка нет возражений. Но товарищ Сталин, вы видите, внёс в рисунок уточнения, написал — "Северный полюс", "Аляска", "Канада", чтобы было ясно, что речь идёт именно об Арктике...

И тут я услышал от Жданова нечто непостижимое:

— Полчаса тому назад, — сказал Жданов, — звонил товарищ Сталин и спрашивал, пришли ли вы уже? Я ответил ему, что вы ждёте у меня в приёмной.

"Фантасмагория! — пронеслось у меня в голове. — Сталин спрашивал у Жданова обо мне... Расскажи об этом — кто поверит?!"

— При этом, — продолжал Жданов, — он велел мне зачеркнуть в последнем предложении слова "как раз" и написать вместо них "именно".

И, действительно, на моём рисунке можно увидеть над зачёркнутым "как раз" начертанное рукой Жданова "именно".

Что можно об этом сказать?

Не трудно себе представить, какое множество вопросов и проблем, важных и неотложных, политических, хозяйственных, культурных, международных ждали рассмотрения и решения Хозяина. Людям отвечали: "Товарищ Сталин занят. Ждите". И люди со своими срочными делами и проблемами безропотно ждали, не смея обнаруживать нетерпение. А чем был занят Генералиссимус? Он возился с моей карикатурой, исправляя "как раз" на "именно". Но карикатура на Эйзенхауэра была тогда для Сталина, как мне думается, отнюдь не случайной причудой или забавой, а глубоко продуманной политической акцией, имевшей целью показать, что возникшее со стороны бывших союзников недружественное, настороженное, почти угрожающее отношение к Советскому Союзу его не пугает, а только смешит...

— Ну, что ж, — сказал Жданов, — с поправками всё. Отсылаем рисунок в газету.

— Андрей Александрович, а может быть, я оперативно сделаю точно такой же рисунок, а этот мне бы хотелось оставить у себя.

Жданов посмотрел на меня и улыбнулся.

— Хорошо. Я вас понимаю...»^{598}

Если уж зашла речь о художниках, то стоит отвлечься от проблем внешнего противостояния и вспомнить, что в том же 1947 году именно Жданов «открыл» талантливого живописца Лактионова. Как рассказывают биографы этого художника-реалиста, на выставке современной живописи в Третьяковской галерее Жданов заметил повешенную под лестницей, не принятую художественными критиками картину Лактионова «Письмо с фронта». В отличие от маститых критиков и живописцев, высокомерно отнёсшихся к такому народному и слишком «простому» реализму, секретарь ЦК оценил трогательную сцену, созданную кистью художника, и распорядился поместить картину в центральном зале выставки. По легенде, её даже возили на несколько дней из Третьяковки в Кремль, показывать

Сталину. Вскоре Александру Лактионову за картину «Письмо с фронта» вручили Сталинскую премию первой степени.

Со временем отмеченный Ждановым художник по праву станет одним из классиков соцреализма в живописи. В отличие от многих других мэтров социалистического искусства его подчёркнуто советские картины, советские и по форме и по содержанию (например, «В новую квартиру»), отнюдь не были данью конъюнктуре в творчестве этого сына деревенского кузнеца, окончившего после революции Ленинградскую академию художеств. Заметьте, что и тут не обошлось без ждановского продвижения «ленинградцев». Впрочем, ленинградская школа соцреализма в истории отечественной живописи заняла достойное место и без протекции Жданова...

С деятельностью Жданова в конце 1940-х годов связана и попытка привить советскому человеку новый, планетарный взгляд на мир, дать ему привычку мыслить глобально, думать о далёких землях и континентах. Не случайно именно в те годы возник поток переизданий старой русской «ориентальной» литературы о дальних странах и континентах, путешествиях, кругосветных плаваниях, первопроходцах. Жданов стремился побудить людей поднять голову от мелочей быта, чтобы увидеть мир во всём его многообразии.

С этой точки зрения понятна и роль Жданова в судьбе тогда начинающего писателя Ивана Ефремова. В 1946 году, не найдя понимания у издателей, ленинградский учёный-палеонтолог отправил Жданову по почте свою первую историко-фантастическую повесть «Великая дуга» (сейчас она известна как «На краю Ойкумены»), которая и поныне хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде Жданова. И секретарю ЦК это фантастическое произведение, наполненное неоднозначными аллюзиями настоящего и прошлого, понравилось. Позднее, ставший классиком советской фантастики Иван Ефремов напишет Юрию Жданову: «В своё время мой исторический роман "На краю Ойкумены" валялся по редакциям, забракованный ретивыми рецензентами, около двух лет. Я обратился к Андрею Александровичу, и только с его помощью книга увидела свет, а потом и успех»^[599].

Успех в любом неподъёмном деле просто невозможен без красивой, нереальной, именно, что фантастической мечты. Вот её, эту мечту, для советского проекта и будет создавать своим талантом Иван Ефремов — здесь можно только удивляться интуиции Андрея Жданова, разглядевшего едва мелькнувшую искру в калейдоскопическом ворохе текущих дел и

задач...

В начинавшейся холодной войне советская сторона вполне успешно отбивала первые информационные атаки противника. В январе 1948 года Госдепартамент США совместно с министерствами иностранных дел Великобритании и Франции издал сборник документов «Нацистско-советские отношения: 1939—1941», в котором СССР изображался агрессором, одним из виновников развязывания Второй мировой войны. (Заметим, как стар этот доживший до наших дней приём борьбы за умы.) Тогда реакция Кремля последовала незамедлительно, и Совинформбюро уже в феврале подготовило и опубликовало ответ, названный «Фальсификаторы истории». При этом умело использовались документы о неблагоприятном поведении западных элит и их отдельных представителей, в частности Трумэна, в отношениях с Гитлером. Основанные на этих материалах публикации в феврале — марте 1948 года появились во всех газетах СССР, но, главное, 27 апреля 1948 года руководитель Совинформбюро Борис Пономарёв уже докладывал Жданову об итогах мероприятий по распространению «Фальсификаторов истории» на Западе и в мировых СМИ. Во Франции только редакция «Юманите», газеты французской компартии, обеспечила распространение пятисот тысяч экземпляров. В США и Великобритании советский ответ продвигать было сложнее, но тем не менее за два месяца там было распространено несколько десятков тысяч экземпляров, не считая публикаций в газетах.

Можно констатировать, что начальный этап идеологического противостояния на заре холодной войны противоборствующие стороны отыграли вничью. СССР, при всех своих проблемах и скудных по сравнению с США ресурсах, умело отражал все информационные атаки и порой даже переходил в контрнаступление. Как минимум в этом есть и заслуга Андрея Жданова — напомним — главного куратора в те годы всей советской прессы и идеологического аппарата.

В связи с этим вспомним и другое: в апреле 1946 года при распределении обязанностей секретарей ЦК политбюро возложило на Жданова, помимо руководства «в области пропаганды и агитации», ещё и «руководство Отделом внешней политики». За этими скупыми словами — Отдел внешней политики ЦК — скрывался преемник некогда знаменитого на весь мир Коминтерна.

Глава 31.

КОМИНФОРМ

Как высший руководитель Отдела внешней политики ЦК Жданов по сути был партийным министром иностранных дел, курируя деятельность всех внешнеполитических органов страны — от МИДа СССР до СВАГ, советской военной администрации в оккупированной Германии. Но главное, Жданов от имени ВКП(б) осуществлял оперативное руководство и взаимодействие со всеми коммунистическими партиями мира. Период 1946—1948 годов, наряду с активной работой внутри страны, стал для него чередой сплошных встреч, переговоров и переписки с руководством и активистами почти всех иностранных компартий.

Это было время, когда наша родина, израненная мировой войной, под руководством сталинской команды буквально за несколько лет достигла пика своего идейного и геополитического влияния. В Восточной Европе — в Чехословакии, Болгарии, Румынии, Польше и Венгрии — именно в 1946—1948 годах по технологиям, напоминающим пресловутые «оранжевые революции», к власти пришли коммунистические партии (напомним здесь и «солнечную революцию» Жданова в Латвии в июле 1940 года). На западе Европейского континента, во Франции и Италии, компартии насчитывали сотни тысяч членов, имели многочисленные парламентские фракции и десятки тысяч бывших партизан, неплохо вооружённых в ожидании близкой революции. В те годы представители коммунистической партии Франции (ФКП) открыто заявляли в парламенте, что начнут партизанскую войну, если США развяжут боевые действия против СССР. И их слова не были голословными: среди членов ФКП имелись даже офицеры французского Генштаба. В Греции шла масштабная партизанская война местных коммунистов за власть против американцев, англичан и их местной прислуги. Даже во франкистской Испании коммунисты вели партизанские и террористические действия с не меньшим размахом, чем поддерживаемые с Запада бандеровцы или «лесные братья» на территории Галиции и Прибалтики.

Ещё более внушительными были масштабы коммунистического движения в Азии. Вооружённые силы компартии Китая насчитывали три миллиона штыков и вели успешную гражданскую войну против ориентированных на США чанкайшистов. На севере Корейского полуострова бывшим заместителем товарища Жданова по Ленинградскому

обкому генералом Штыковым и бывшим капитаном Советской армии Ким Ир Сенем создавалось первое корейское социалистическое государство. Во Вьетнаме старый коминтерновец Хо Ши Мин вёл полномасштабную партизанскую войну против французских колонизаторов и уже претендовал на власть во всём «французском» Индокитае. На Филиппинах десятки тысяч местных коммунистов, ранее партизанивших против японцев, начали повстанческую войну против войск США. В Индонезии партизаны-коммунисты контролировали обширные освобождённые районы этой голландской колонии, третьей по численности населения в мире после Китая и Индии. Проводили свои первые съезды коммунистические партии и организации арабского Востока и Африки.

На другой стороне земного шара, в Латинской Америке, многочисленные компартии уже готовились начать герилью против местных «банановых» диктатур. И даже в США после окончания Второй мировой войны коммунистическая партия насчитывала свыше ста тысяч членов, в том числе десять тысяч офицеров и рядовых «US Army».

Излишне повторять, что все эти силы ориентировались на идеи и голос Москвы. В практическом плане этим «голосом Москвы» и был Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Ждановым.

Отдел внешней политики ЦК возник в 1943 году после решения о роспуске Коммунистического интернационала, возглавил его бывший лидер Коминтерна Георгий Димитров. Когда же он вплотную занялся проблемами послевоенной Болгарии, его сменил Михаил Сулов.

В июне 1946 года появляется записка Сулова на имя Жданова, в соответствии с которой для Отдела внешней политики ЦК стали дублироваться «материалы Министерства иностранных дел, как то: отчёты, доклады, письма и шифрограммы послов, посланников и консулов, а также другие материалы о политическом положении стран и внешней политике их правительств»^{600}. Отдел внешней политики ЦК едва ли не ежедневно готовил для Жданова докладные записки с информацией и анализом политической ситуации в различных регионах, странах и партиях. Такие же документы с данными об эффективности и проблемах советской пропаганды в различных странах готовились совместно Отделом внешней политики и Управлением пропаганды и агитации ЦК. Обычно они подписывались М. Суловым и Г. Александровым.

Важнейшей частью внешнеполитической деятельности Жданова стали его личные встречи с руководителями компартий планеты. По свидетельству генерал-лейтенанта Ивана Ковалёва, бывшего в 1946—1949 годах представителем Сталина при Ставке Мао Цзэдуна, лидер китайских

коммунистов, уже побеждая в гражданской войне и готовясь к первому визиту в Москву, «имел желание встретиться ещё со Ждановым, считая его крупным политическим деятелем и теоретиком»^{601}. Специализирующийся на Китае бывший советский, теперь американский историк А. Панцов в своей книге о Мао выражает даже недоумение в связи с этим желанием лидера китайских коммунистов^{602}. Есть надежда, что у читателя данной биографии Жданова такого недоумения уже нет... Мао был искушённым политиком с развитой интуицией, и такая оценка нашего героя крупнейшим коммунистическим лидером Азии и основателем современного Китая явно не случайна.

Жданов первым среди высших руководителей СССР встретился с 34-летним Ким Ир Сенем, который спустя полвека, когда имя Жданова на родине всячески очернялось в угаре перестройки, с большим уважением вспомнит об этой встрече в Москве.

С именем Жданова связано и образование КНДР. Весной 1945 года Терентий Штыков был направлен из Ленинграда на Дальний Восток для создания 1-го Дальневосточного фронта. Опыт боёв и прорыва финских долговременных укреплений должен был пригодиться при штурме японских укрепрайонов в лесах Северной Маньчжурии. Позднее он возглавил нашу сторону в советско-американской комиссии по Корее. Именно он представил Жданову бывшего корейского партизана, которого советская сторона прочила в лидеры послевоенной Кореи. В мемуарах Ким Ир Сен так описал встречу со Ждановым:

«Спустя несколько дней нас представили А.А. Жданову... Когда мы явились к нему, там был и Т.Ф. Штыков.

Обращаясь к нам, Жданов сказал, что встречает посланцев с Востока по поручению И.В. Сталина, и с одобрением отозвался об антияпонской вооружённой борьбе, проведённой нами. "Я, — говорил он, — много слышал о корейском партизане Ким Ир Сене от товарищей Сталина и Штыкова. Очень рад, что вы выглядите намного моложе, чем я представил". По его словам, нашей деятельностью живо интересуется и Сталин.

Беседа со Ждановым началась с вопроса о текущем военно-политическом положении. Беседуя с ним, я увидел, что он очень интересуется моим мнением о том, каким образом следует работать, чтобы развивать освобождённую Корею как демократическое независимое государство.

Во время беседы Жданов неожиданно спросил меня, сколько лет

потребуется корейцам после освобождения страны, чтобы построить независимое государство. Я ответил — не больше двух или трёх лет.

Услышав это, Жданов обрадовался, потирая руки. Однако он не скрывал и своего удивления...

Внимательно выслушав меня, Жданов спросил, в какой форме помощи нуждается корейский народ в борьбе за государственное строительство после освобождения...»^{603}

Описание встречи от имени Ким Ир Сена достаточно апокрифично, однако точно в общих оценках — почти десять лет партизанивший против японских оккупантов полевой командир Ким, тогда 35-летний капитан Советской армии, был искренне готов немедленно строить независимую Корею в любых условиях на самой скудной материальной базе. Вождь Северной Кореи даже вспомнил характерную для Жданова активную жестикуляцию.

Далее Ким Ир Сен вспоминал:

«Жданов остался доволен моим ответом. "Недавно, — произнёс он, — гость одной из стран Восточной Европы, встретившись со мной, обратился со словами, что его страна, экономически отсталая да к тому же сильно пострадавшая от войны, стоит перед большими трудностями, поэтому хорошо, если бы Советский Союз оказал ей помощь, как старший брат. Какой это контраст с вашей позицией! Не знаю, такова ли разница между Востоком и Западом, между краем, где восходит солнце, и краем, куда оно заходит".

Последние слова Жданова были, разумеется, шуткой...» — пояснял Ким Ир Сен для северокорейского читателя и завершал своё описание встречи: «Жданов обещал, что доложит Сталину о встрече со мной. И после этого мы не раз встречались, и у нас завязались глубокие дружественные отношения»^{604}.

Весной 1947 года из Пхеньяна в Москву доставили проект первой конституции будущей КНДР. Её текст на «ближней даче» Сталина правили сам хозяин (и дачи, и всего иного), Жданов и Штыков^{605}.

Надо сказать, что Северная Корея вполне сознательно строилась по лекалам «развитого сталинизма» конца 40-х годов XX века, вплоть до униформы. После крушения отказавшегося от сталинского наследия СССР и мирового соцлагеря этот «сталинистский» тип государства на примере Северной Кореи как минимум доказал свою жизнеспособность. Другая политическая система вряд ли выжила бы в столь жёстких условиях на такой скудной материальной базе. Излишне пояснять, что идейные и

практические наработки Жданова были важнейшей и неотъемлемой частью такого «развитого сталинизма», нацеленного на решения сверхзадач путём постоянной мобилизации всех ресурсов. Не случайно Ким Ир Сен в 1992 году публично вспомнил имя Жданова, противопоставив его деятельность «капитулянтским» действиям лидеров позднего СССР.^{606}

На другом конце Евразийского континента в непосредственном контакте со Ждановым было создано ещё одно государство, сохранившее сталинскую модель вплоть до начала 90-х годов XX века. 20 июля 1947 года на имя товарища Жданова поступило письмо от коммунистов Албании (переписка шла на французском языке): «Ввиду того, что мы собираемся легализовать нашу партию и назвать её Партией труда, мы хотели бы проконсультироваться с Вами относительно программы и устава партии, а также по вопросу структуры Центрального комитета. В скором будущем мы созовём первый съезд партии. Ввиду того, что мы не имеем опыта в проведении подобных съездов, мы нуждаемся в некоторых практических советах по этим вопросам»^{607}. Далее албанские коммунисты давали развёрнутый перечень вопросов фактически по всем сферам жизни государства и общества — от организации управления культурой и экономикой до структуры партийного руководства в армии. «По всем этим вопросам мы хотели бы, товарищ Жданов, проконсультироваться с Вами», — завершали своё обращение албанские лидеры Энвер Ходжа и Кочи Дзодзе.

Личная встреча состоялась через двое суток, 23 июля 1947 года. Организацией контактов и работой с албанскими товарищами занимался новый сотрудник Отдела внешней политики ЦК 38-летний Леонид Баранов, в годы войны он был вторым секретарём Челябинского обкома, по сути, заместителем Николая Патоличева по «Танкограду», крупнейшему центру военного производства в СССР 1942—1945 годов. Теперь вместо танков он, с тем же упорством и талантом, занимался производством сталинистских режимов.

39-летний Энвер Ходжа и 30-летний Кочи Дзодзе были командирами албанских партизан, совсем недавно дравшихся с итальянскими и немецкими войсками в горах Албании, Македонии и Косова. Бывший школьный учитель Ходжа, с начала 1930-х годов связанный с Коминтерном, возглавлял компартию и правительство Албании. Его соратник и соперник Дзодзе одновременно был министром обороны и министром внутренних дел послевоенной Албании. Через два года Дзодзе, ориентировавшийся на Югославию Иосипа Броз Тито, проиграет верному сталинцу Ходже и будет

казнён в Тиране. Ходжа навсегда останется сторонником Сталина, в 1956 году в знак протеста покинет XX съезд КПСС, в пику Хрущёву учредит орден Сталина.

В 1946—1948 годах Жданов фактически стал главным консультантом албанских коммунистов. Запись его беседы с Ходжей и Дзодзе от 23 июля 1947 года завершается так: «...Т.т. Э. Ходжа и К. Дзодзе просят командировать в Албанию двух советских товарищей — одного специалиста по вопросам организации идеологической работы и другого — для работы в Отделе культуры в Агитпропе ЦК партии. Товарищ Жданов дал согласие на командирование двух советских работников в Албанию сроком на один год. Затем товарищ Жданов высказал пожелание и уверенность в укреплении связи между ЦК ВКП(б) и ЦК Партии труда Албании. Это пожелание товарища Жданова было встречено т. т. Э. Ходжей и К. Дзодзе с большим удовлетворением»^[608].

В 1946—1948 годах Жданову пришлось немало общаться не только с бывшими, но и с действующими партизанами — прежде всего с Никосом Захариадисом, лидером компартии Греции, недавно перешагнувшим сорокалетний рубеж. Несколько штрихов его биографии: портовый грузчик, студент Коммунистического университета в Москве, узник нацистского концлагеря Дахау. Ещё в 1944 году в Греции начались вооружённые столкновения местных коммунистов с британскими войсками. Проблемой партизан в Греции озаботились Соединённые Штаты. Собственно, «доктрина Трумэна», положившая начало холодной войне, и начиналась с выступления президента США, требовавшего выделить 300 миллионов долларов (порядка 15 миллиардов долларов в ценах 2012 года) греческому королю Георгу II для войны против греческих коммунистов.

СССР оказывал поддержку партизанам-коммунистам из Демократической армии Греции, но, не рискуя в те дни обострять отношения с обладавшими монополией на ядерное оружие США, Кремль стремился сохранить свои контакты с греческими повстанцами в строжайшем секрете и вынужден был ограничиваться косвенной помощью через бывших партизан Югославии и Албании. Журнал посещений кабинета Сталина свидетельствует, что 23 мая 1947 года в 23 часа 40 минут у вождя были трое посетителей — Молотов, Жданов и Захариадис. Покинули они кабинет Сталина далеко за полночь.

В дальнейшем взаимодействие Захариадиса с Кремлём шло через аппарат Жданова. Архивы сохранили записи бесед партизанского лидера с нашим героем. Через Албанию и Югославию греческим коммунистам поставлялось трофейное немецкое оружие и снаряжение, наличные деньги

передавались через сотрудников Отдела внешней политики ЦК ВКП(б). Но послевоенный СССР мог тогда оказать поддержку своим греческим сторонникам в значительно меньшем размере, нежели помощь США генералам греческого короля. Отметим, что Никос Захариадис даже после поражения в гражданской войне сохранил личную верность сталинским принципам и после XX съезда КПСС под давлением Хрущёва будет исключён из компартии Греции...

Албания и Греция хотя и были ключевыми точками Балкан и Восточного Средиземноморья, но находились всё же на периферии Европы. Куда большее внимание послевоенного Кремля в те дни занимали иные страны этого региона. «Советизируемые» Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария не без труда, но достаточно надёжно контролировались со стороны СССР политическими, военными и экономическими рычагами. Отдельно стояла Югославия — в отличие от правящих компартий вышеперечисленных стран лидер югославских коммунистов Иосип Броз Тито, всё ещё ориентируясь на Сталина, обладал самостоятельной военной силой, сложившейся в годы партизанской войны на Балканах. Ещё более специфическими были отношения Кремля с коммунистами Италии и Франции — здесь возникли огромные по численности, хорошо организованные компартии, но послевоенный СССР не имел никаких рычагов воздействия на эти страны, за исключением идейного и морального влияния на местных коммунистов.

И тут проявилось малоизученное обстоятельство, которое охарактеризовал советский дипломат А.М. Ледовский: «На внешнюю политику Советского Союза, разработку её линии оказывало большое влияние отсутствие у советского руководства опыта отношений с правящими коммунистическими партиями, поскольку до Второй мировой войны таких партий практически не было»^[609]. К «правлящим» в данном случае можно отнести не только компартии Центральной и Восточной Европы, но и парламентские партии коммунистов на западе Европейского континента. Жданов стал одним из первых в советском руководстве, кому пришлось набирать такой опыт.

В сентябре 1946 года в Болгарии прошёл отменивший монархию референдум, последний царь из немецкой Саксенбург-Готской династии эмигрировал, страна стала республикой, в которой развернулась политическая борьба за власть между просоветскими партиями и силами, ориентировавшимися на англо-американскую коалицию. 6 ноября 1946 года пост первого председателя правительства новой республики занял бывший глава Коминтерна и лидер местных коммунистов, именовавшихся

тогда членами Болгарской рабочей партии, Георгий Димитров. Накануне он прилетел в Москву и вёл переговоры о составе будущего правительства Болгарии с Андреем Ждановым. Наш герой посоветовал болгарским товарищам не отказываться от переговоров с прозападной оппозицией о её возможных представителях в новом правительстве, но предлагал вести их так, «чтобы вынудить оппозицию сорвать переговоры и всю вину за срыв возложить на неё». В любом случае, подчёркивал Жданов, «все наиболее важные портфели должны быть в руках Рабочей партии. Не следует также отбрасывать в сторону союзников... Есть опасение, что Рабочая партия, одержав победу на выборах, поднимет хвост и заразится головокружением от успеха, думая, что может обойтись без союзников. Это было бы глубоко неправильно»^{610}. В тот же день по итогам переговоров Димитров передал бывшему коллеге по Исполкому Коминтерна Андрею Александровичу Жданову следующий документ: «Сообщаю Вам предварительный план болгарского Цека о формировании нового правительства Болгарии и президиума Великого Народного собрания...»^{611}

Правительство и президиум парламента новой республики на Балканах составили болгарские коммунисты и их союзники по политической коалиции из целого ряда других партий, от социал-демократов до «земледельцев» и «звенаров» — партий мелкой либеральной буржуазии и националистической интеллигенции. Такие широкие политические коалиции «народной демократии» в первые послевоенные годы рассматривались в Кремле как основной метод управления в странах с преобладающим влиянием СССР. Вспомним, что ещё в декабре 1939 года именно этот путь предлагался Ждановым для так и несостоявшейся Финляндской Демократической Республики, а летом 1940 года реализовывался в ходе «солнечной революции» в Эстонии.

Летом 1944 года в записной книжке нашего героя появляется карандашный набросок «мирного перехода к социализму» для занимаемых советскими войсками Австрии, Венгрии, Германии и сопредельных СССР стран Восточной Европы. Их коммунистические партии должны были не бросаться к немедленной диктатуре пролетариата, а действовать более тонкими и гибкими методами широких политических коалиций. В итоге переход к социализму здесь мыслился постепенным и поэтапным, путём кропотливой работы коммунистов по созданию союзных сил в государственном аппарате и обществе, без прямого грубого насилия.

Весной 1945 года Жданов в ряде бесед с руководителями компартии Финляндии подчёркивал: коммунистам «нельзя изолироваться от других

партий» парламента, чтобы не оказаться в условиях «блестящей изоляции»; политическая коалиция, «демократический блок» создаётся «не на принципе персональных комбинаций, а на основе определённой платформы»; блок — не временная комбинация для раздела мест в правительстве, он «должен быть прочным и постоянно действующим сотрудничеством фракций на основе выполнения принципиальной платформы». Параллельно он формулировал для финских коммунистов и такие задачи, как захват в свои руки «определённых командных постов», проникновение в госаппарат, приобретение необходимых навыков в управлении государством^{612}. По мере развития ситуации Жданов вносил необходимые коррективы. Так, когда финские коммунисты слишком уж увлеклись коалиционной политикой, он их поправил на встрече с генеральным секретарём ЦК компартии Финляндии Вилле Песси в июне 1947 года: «Нельзя в блоке обойтись без кровопускания по отношению к своим партнёрам, если они нарушают основу сотрудничества... Мы ждём от Финской компартии наступательных боёв»^{613}.

Схожая работа проводилась и с коммунистами других стран. Однако пережившие суровую школу политической борьбы руководители европейских компартий — у многих за плечами были долгие годы опасного подполья и тюремного заключения (тот же 45-летний Вилле Песси за коммунистическую деятельность десять лет провёл в финских тюрьмах и лагерях), — даже признавая безусловный авторитет Кремля, отнюдь не являлись его безвольными марионетками. В Кремле тоже понимали, что необходимо срочно искать баланс, компромисс между возможностями и интересами СССР и его новых союзников. Необходимо также было и определиться с задачами европейских компартий в начавшейся холодной войне.

В связи с этим к лету 1947 года в высшем руководстве СССР, у Сталина и Жданова, возникла идея создания международного объединения европейских коммунистических партий. Для многочисленных и активных компартий Азии — в Китае, Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, на Филиппинах — актуальнее были не вопросы парламентских и правительственных коалиций (хотя и там использовалась концепция «новой демократии», союза коммунистов с либералами и левыми националистами), а вопросы стратегии и тактики масштабной партизанской войны. В Европе оружие уже (или пока ещё) молчало — за исключением маленькой Греции, но именно поэтому греческую компартию и не планировалось официально привлекать в новое объединение.

Непосредственным поводом к созданию такого объединения послужила ситуация с коммунистической партией Франции. На тот момент партия французских последователей Ленина и Сталина являлась крупной политической силой, насчитывала тогда почти миллион членов, объединённых жёсткой дисциплиной, многие из которых имели опыт подпольной и вооружённой борьбы. Председатель ФКП Морис Торез, когда-то приговорённый в своей стране к смертной казни и вернувшийся во Францию из Москвы в 1944 году, занимал пост заместителя премьер-министра. Ещё четверо коммунистов также являлись министрами французского правительства, среди них — Франсуа Бийу, министр обороны Франции, за плечами которого было и руководство французским комсомолом в 1920-е годы, и пять лет каторги, и участие в антигитлеровском сопротивлении. Прозападная пресса вполне откровенно именовала такое положение «международной аномалией» в «зоне, где преобладает англо-американское влияние»^{614}.

Но доминировавшие в стране антикоммунистические силы уже втянули Францию в кровопролитные колониальные войны во Вьетнаме и на Мадагаскаре, а сложное послевоенное экономическое положение во Франции вызвало массовую волну рабочих забастовок. В таких условиях французские коммунисты официально отказали в поддержке действующему правительству, и в мае 1947 года министры-коммунисты покинули правящую коалицию Четвёртой французской республики. Для Советского Союза это стало серьёзным внешнеполитическим поражением — в условиях уже начавшейся холодной войны Кремль окончательно потерял и без того небогатые возможности реального влияния на политику крупнейшей страны континентальной Европы. Франция окончательно уходила в зону влияния США.

Действия французских коммунистов не были согласованы с Москвой. 2 июня 1947 года в ЦК французской компартии на имя Тореза было направлено весьма необычное по форме письмо Андрея Жданова:

«Дорогой товарищ! ЦК ВКП(б) озабочен последними политическими событиями во Франции, в результате которых французские коммунисты оказались за бортом правительства. Рабочие Советского Союза обращаются к нам с многочисленными просьбами разъяснить, что случилось во Франции. Советские рабочие обеспокоены резким изменением политической обстановки и соотношением сил во Франции в неблагоприятную для компартии сторону, их тревожат политические последствия происшедших перемен. Мы затрудняемся дать им ясный ответ ввиду недостатка информации. Сообщения, которые проникают во

французскую печать, противоречивы и недостаточны.

Многие думают, что французские коммунисты согласовали свои действия с ЦК ВКП(б). Вы сами знаете, что это неверно, что для ЦК ВКП(б) предпринятые Вами шаги являются полной неожиданностью. Из всего этого Вам, конечно, будет ясно, насколько мы нуждаемся в Вашей информации, которая дала бы нам возможность уяснить новую обстановку, создавшуюся во Франции. Если Вы согласны, то мы просили бы Вас нас проинформировать»^{615}.

Письмо было подписано следующим образом: «С коммунистическим приветом и по поручению ЦК ВКП(б) Жданов».

Отметим, что ссылка на обращения советских рабочих была не только риторическим приёмом — люди в СССР, буквально вчера пережившие страшную войну, по понятным причинам весьма обострённо реагировали на внешнеполитические события. Архивы за те годы действительно полны обеспокоенными обращениями весьма далёких от дипломатии советских граждан к руководящим и партийным органам с самыми разными вопросами и личными соображениями по поводу внешней политики. Для тех, кто только что пережил мировую войну, уход единственного политического союзника из правительства крупнейшей тогда континентальной державы Западной Европы в условиях начавшегося противостояния с США вполне очевидно бил по безопасности их страны. Жданов в корректной форме, но жёстко сформулировал претензии Кремля к французским товарищам, которые так подвели русский пролетариат.

Какое большое значение придавалось этому письму, показывает то, что буквально через несколько дней его копии были разосланы в ЦК всех крупнейших компартий Европы. А в аппарате Жданова приступили к непосредственной подготовке первого совещания европейских коммунистов — специалисты Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) в абсолютной секретности (даже от своих коллег из других отделов ЦК) готовили аналитические справки о политическом и экономическом положении соответствующих стран и компартий, включая разделы, где анализировались сильные и слабые стороны французских, итальянских, югославских и других коммунистов. Итогом такой кропотливой работы стали два документа — «О международных связях ЦК ВКП(б)» и «Международное положение Советского Союза», представленные Ждановым вниманию Сталина в начале сентября 1947 года.

Предстоящее совещание европейских компартий готовилось под непосредственным руководством Жданова так, чтобы не показать, хотя бы внешне, инициативу и ведущую роль советской стороны. Формально

инициатором и организатором совещания стал лидер польских коммунистов 42-летний Владислав Гомулка, заместитель премьер-министра Польши, прозванный тогда в своей стране «маленький Сталин». За его плечами были и тюрьмы при режиме Пилсудского, и подполье в годы гитлеровской оккупации. Именно он рассылал руководителям европейских компартий приглашения. Правда, перед этим Михаил Суслов передал представителю польского ЦК текст приглашения с собственноручными правками и пометами Жданова. В частности, Жданов написал: «С Бельгией и Финляндией пока подождать»^{616}.

Участниками совещания стали девять компартий, представлявших СССР, Францию, Италию, Югославию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Болгарию и Румынию. Местом встречи выбрали небольшой городок Шклярска-Поремба на новой юго-западной границе Польши, совсем рядом с Чехией и Германией. Городок, основанный в Средние века немецкими колонистами на славянских территориях, издавна был центром стекольного производства, а с XIX века здесь располагался довольно известный курорт. До 1945 года город назывался Шрейберхау и входил в Силезскую провинцию Германии. После войны эти земли отошли к Польше, город переименовали, немцев выселили, курорт не работал, новое польское население только начало прибывать. Безлюдные коттеджи бывшего курорта на склонах самой высокой части Судетских гор стали идеальным местом для конспиративной встречи.

В 60 километрах от Шклярска-Порембы находился бывший немецкий город Лигниц, ставший польской Легницей. Когда-то его старинный замок был крайней точкой продвижения монголов Батыя в Европу, теперь же здесь располагался штаб Северной группы советских войск маршала Рокоссовского — до июня 1945 года эти войска именовались 2-м Белорусским фронтом и участвовали в Берлинской операции, атакуя последний оплот Гитлера с севера. Аэродром в Легнице и должен был принять самолёты с партийными делегациями. Поляки вскоре прозовут заполненную советскими офицерами Легницу «маленькой Москвой».

В начале сентября 1947 года помощник Жданова Леонид Баранов представил нашему герою детальный план подготовки совещания. На место его проведения для решения организационных вопросов заранее командировали одного из заместителей заведующего Отделом внешней политики ЦК и двух сотрудников кремлёвской охраны. С польской стороны в тесном контакте с советскими товарищами подготовительной работой занимался член ЦК польской компартии Мечислав Медковский, тогда — заместитель министра госбезопасности Польши. В подпольную компартию

он вступил ещё девятнадцатилетним юношей, в 1922 году, участвовал в гражданской войне в Испании, в 1943 году стал одним из первых офицеров сформированного в СССР Войска польского. При Хрущёве, а потом и в современной Польше его будут обвинять как одного из главных проводников «сталинских репрессий» в этой стране...

Самолётами и схемой перелётов занимался командующий авиацией Военно-морского флота СССР маршал авиации Семён Жаворонков — он не только организовывал первую бомбардировку Берлина в 1941 году, но имел и опыт других мероприятий: в феврале 1945 года по заданию Сталина обеспечивал перелёт в Советский Союз делегаций стран—участниц Ялтинской конференции.

Направлявшаяся в Шклярска-Порембу советская делегация насчитывала 20 человек, включая сотрудников Отдела внешней политики ЦК, владеющих польским и французским языками, а также шифровальщика и радиста с двумя рациями. Заметим, что у Отдела внешней политики ЦК, органа, по сути, совмещавшего функции и дипломатического учреждения, и спецслужбы, специалисты и средства шифрованной связи были своими. На возможные расходы Министерство финансов СССР выделило делегации более 200 тысяч польских злотых (в современных ценах — свыше 100 тысяч долларов).

Вылет из Москвы представителей ВКП(б) осуществлялся инкогнито, без оформления заграничных документов и виз. На аэродроме в Легнице соблюдались аналогичные меры секретности.

Накануне вылета в Польшу Жданов несколько дней провёл со Сталиным на его даче в Сочи — в том году стареющий вождь СССР с августа по октябрь находился в затяжном отпуске. Впрочем, менялось лишь место руководящей работы — кремлёвский кабинет и дача в Волынском на одну из правительственных дач в районе Сочи. Жданов с лета 1947 года готовил к совещанию европейских компартий развёрнутый доклад «О международном положении», который должен был стать директивным документом, определяющим положение СССР и международного коммунистического движения в послевоенном мире. По мере появления отдельных разделов доклада с ними знакомились члены узкой группы политбюро, дававшие свои замечания и предложения — архивы позволяют установить как минимум троих соредакторов ждановского текста — Молотов, Берия и конечно же Сталин.

Изначально на совещании предполагалось подвергнуть критике компартии Франции, Италии и Чехословакии за ошибки «справа» и компартию Югославии за ошибки «слева», но в итоге приняли решение

ограничиться только критикой французов и итальянцев.

Все компартии, участвовавшие в совещании, представляли делегации из двух человек, включающие либо руководителей, либо вторых лиц. От ВКП(б) в Шклярска-Порембу прибыли Андрей Жданов и Георгий Маленков. Как мы помним, ещё полгода назад наш герой вполне серьёзно собирался вывести Георгия Максимилиановича из членов ЦК. Светлана Аллилуева, которая вскоре станет женой Юрия Жданова, вспоминала: «В доме у Ждановых Маленкова называли только презрительной кличкой "Маланья" из-за его круглого, женоподобного лица»^{617}. Судя по воспоминаниям сына Маленкова, его отец тоже не питал дружеских чувств к Андрею Жданову.

Отношения между ними, конечно, не стоит сводить только к банальной драке за власть — многое разъединяло, но не меньше и связывало в единую упряжку. Они не были друзьями, но волей судьбы и убеждений были товарищами.

Руководитель уровня Жданова или Маленкова — это уже не отдельный человек, за каждым из ближайших соратников Сталина стояли даже не сотни, а тысячи людей на разных уровнях государственной машины. За Ждановым шла одна из таких крупнейших и наиболее влиятельных в стране группировок. После войны сопоставимыми с ней по влиянию были конкурирующие группировки Маленкова и Берии.

Дав возможность Жданову и его людям «развернуться» и одновременно сохранив влияние «опального» Маленкова, Сталин явно выстраивал свою систему «сдержек и противовесов», характерную для власти всех времён и народов.

Но в отношениях Жданова и Сталина был ещё один важный и тонкий момент. По словам Юрия Жданова, как-то после войны наедине с ним Андрей Александрович обронил фразу: «Я не хочу пережить Сталина»^{618}. Пожалуй, наш герой был единственным среди сталинского окружения, кто мог произнести такие слова. Жданов являлся безусловным лидером, но при этом не был обуреваем той безудержной жадью власти, что характерна для всех стремящихся в первые вожди — он искренне болел за близкое ему дело, которому посвятил всю жизнь, был опытным и авторитарным руководителем, но к верховной власти изо всех сил явно не рвался. Оттого и не хотел пережить Сталина, понимая, что будет после смерти вождя и какая борьба развернётся за вакантный трон.

Кстати, наверняка поэтому чрезвычайно жадный до власти Сталин так ценил и приближал Жданова — знал его несомненные способности, его

безусловную преданность общему делу и в то же время видел отсутствующую у Жданова всепоглощающую жажду власти. То есть наш герой получался идеальным вторым лицом, безупречным замом. Поэтому властелин мог, не опасаясь, приближать его к себе и искренне дружить, тем более что человеческие симпатии и вкусы у Сталина и Жданова явно совпадали — их дружба, хотя и была обременена тяжким грузом гигантской власти, но, несомненно, была естественной и искренней...

Направление в Шклярска-Порембу и Жданова, и Маленкова свидетельствовало о том значении, которое придавалось этой встрече коммунистов. Одновременно два наиболее влиятельных после Сталина человека в ВКП(б) должны были, контролируя друг друга, предоставить вождю СССР объективную информацию о ходе совещания и настроениях высших представителей крупнейших компартий Европы.

Жданов и Маленков летели одним самолётом вместе с ближайшими помощниками — А.Н. Кузнецовым, многолетним секретарём Жданова, и Д.Н. Сухановым, столь же бессменным секретарём Маленкова. В следующем десятилетии, когда Хрущёв свергнет Маленкова, Суханов будет арестован и получит десять лет лишения свободы. Пока же личные помощники соратников-соперников из политбюро получили статус официальных гостей мероприятия в Шклярска-Порембе.

Жданов и Маленков прибыли на совещание 21 сентября 1947 года, остальные делегации с соблюдением всех мер секретности доставили в Легницу советскими военными самолётами на сутки раньше.

Первое послевоенное совещание компартий открылось вечером 22 сентября. Примечательно, что во всех внутренних документах и протоколах совещания список участников начинается именно со Жданова. Первые три дня заняли подробные доклады делегатов, по сути, отчёты о положении и деятельности их партий в послевоенный период. Лишь на третий день случилось неожиданное — Жданов прервал докладчика.

Выступал Луиджи Лонго, представитель итальянской компартии (ИКП). За плечами 47-летнего Лонго были и работа в Коминтерне, и бои в Испании, где он был одним из руководителей интербригад, тюрьмы Муссолини и руководство «гарibaldiйскими бригадами» — итальянскими партизанами в годы Второй мировой войны. В 1947 году Лонго стал депутатом итальянского парламента и одним из лидеров крупнейшей компартии Западной Европы.

Ситуация в итальянской компартии была уникальной. При фашистах, в нелегальном положении, в ней насчитывалось всего пять-шесть тысяч глубоко законспирированных членов. К концу Второй мировой войны в

партии состояло уже свыше 1,5 миллиона человек, а накануне осени 1947 года — 2 миллиона 700 тысяч. Крупнее в Европе была только ВКП(б), а равной по численности — компартия Китая, чьё население в десять раз превышало число всех итальянцев в мире.

ИКП участвует в формировании первых послевоенных правительств Италии, но в мае 1947 года итальянский премьер-министр, христианский демократ Альчиде Де Гаспери, опираясь на поддержку США и предоставленные американцами огромные кредиты, формирует новое правительство уже без участия итальянских коммунистов. Для СССР и международного коммунистического движения это был удар не меньший, чем потеря французскими коммунистами постов в правительстве Франции.

ИКП не смогла решительно отреагировать на новую ситуацию. «Мы добиваемся свержения правительства Де Гаспери, — заявил Луиджи Лонго 24 сентября 1947 года в Шклярска-Порембе. — Мы предлагаем следующее решение вопроса. Необходимо создать правительство с участием всех левых партий»^{619}.

Тут Жданов не выдержал такой беззубости огромной партии, где среди почти трёх миллионов членов было свыше двухсот тысяч партизан с опытом подполья и вооружённой борьбы. «И христианских демократов? — вклинился он в выступление Лонго. — Они же вас выгнали из правительства. Они же враги. Они совершили государственный переворот... Вы хотите быть парламентариями больше, чем сами парламентарии. Они первые нарушили парламентские правила, устраняя из правительства вас, сильнейшую партию. Нам не понятны эти комбинации. Разрешите задать вопрос. Если реакция наступает, то ЦК партии отступает. Реакция, выгнав коммунистов из правительства, добилась успеха. Это не есть шаг назад. Это — государственный переворот. Что думает делать партия? Перейдёт ли партия от обороны к наступлению? Есть ли у партии план наступления, до какого места партия думает обороняться и с какого места партия перейдёт в наступление? Или, может быть, под флагом избегания "авантюра" вы дадите запретить кампанию? Как долго партия намерена отступать? Все эти вопросы не могут не волновать рабочий класс всего мира»^{620}.

Лонго попытался ответить общими словами, но в итоге вынужден был признать: «ЦК нашей партии рассматривал вопрос об исключении коммунистов из правительства и констатировал, что партия проявила слабость при переходе в оппозицию. Наша оппозиция была больше словесной и выражалась в организации собраний и митингов. Только в

последнее время партия переходит к действиям».

«Стали вас бояться?» — тут же спросил Жданов. «Да, нас бояться», — ответил Лонго. «Двухмиллионная партия может нагнать страху на десять Де Гасперей. Если же бояться вас, то почему происходят аресты партизан, обыски в помещениях компартии и запрещаются митинги?»^[621] — усомнился вслух Жданов.

Позднее партийные спецслужбы доложили в Кремль, как в октябре 1947 года руководство компартии Франции обсуждало ход этого совещания. Представлявший ФКП на совещании в Шклярска-Порембе Жак Дюкло сообщил французскому политбюро, что «Жданов показал себя властным и навязал настоящий диктат»^[622]. С этим мнением трудно не согласиться, но внешне Жданов оставался корректен, больше шутил, чем «наезжал» (стенограммы не раз фиксируют смех в ответ на его меткие реплики). Основная критика политических поражений ИКП и ФКП прозвучала из уст не представителей ВКП(б), а со стороны руководства югославской компартии. Молодые югославские коммунисты (большинству в руководстве не было и сорока лет), опираясь на партизанскую армию, первыми вне СССР установили в своей стране безраздельную диктатуру компартии и явно испытывали «головокружение от успехов» — рвались не только быстро построить социализм у себя, но и принялись активно поучать другие компартии, как надо понимать марксизм и брать власть в свои руки. До поры Кремль благосклонно относился к такой самонадеянности своих младших партнёров, надеясь использовать её в нужном русле.

Компартию Югославии на совещании в Шклярска-Порембе представляли черногорец Милован Джилас и словенец Эдвард Кардель, всего три года назад они командирами партизан дрались в горах с немцами и их балканскими союзниками. Теперь 36-летний генерал-лейтенант Джилас, прошедший тюрьмы югославской монархии и потерявший в партизанской войне двух братьев и сестру, был министром в новом правительстве. 37-летний генерал-полковник Кардель, бывший школьный учитель и работник Коминтерна, теперь был заместителем главы правительства Югославии. Неудивительно, что эти люди вполне искренне возмущались политической робостью их французских и итальянских товарищей.

Позднее Джилас так вспоминал сентябрь 1947-го в Шклярска-Порембе: «В кулуарах, ещё до докладов Дюкло и Лонго о своих партиях, Кардель и я упомянули Жданову и Маленкову—и они тоже нам

предложили — о критике французской и итальянской партий. Жданов этого едва дождался: "Нужно их критиковать!"»^{623}.

А вот свидетельство Карделя: «Когда в перерыве Джилас и я разговаривали со Ждановым, он спросил нас, что мы думаем о положении и политике коммунистических партий Италии и Франции. Мы высказали ему наше тогдашнее мнение, которое было довольно критическим... Жданов кивал головой и особенно не комментировал наше мнение, но немного позднее, в тот же или на следующий день, позвал в свою канцелярию и предложил мне, чтобы Джилас и я публично, на заседании, подвергли критике итальянскую коммунистическую партию, как и компартию Франции, в духе того, что мы ему говорили в частной беседе»^{624}.

Однако помимо критики французских и итальянских коммунистов у совещания в Шклярска-Порембе была ещё одна, даже более важная задача — дать крупнейшим компартиям Европы общую директиву об особенностях нового послевоенного мира и задачах коммунистического движения. Если Георгий Маленков, как и все остальные делегаты, выступил с докладом о деятельности ВКП(б), то Андрей Жданов представил вниманию участников совсем иной документ — подготовленный им доклад «О международном положении».

Полуторачасовое выступление Жданова началось в час дня 25 сентября 1947 года и сразу вошло в историю, как только о нём стало известно за пределами курортного коттеджа в Шклярска-Порембе. Для Запада этот доклад нашего героя стал аналогом Фултонской речи Черчилля, с которой в российской и советской исторической традиции отсчитывается начало холодной войны. Но противники СССР отсчитывали «официальное» начало глобального противостояния именно с доклада Жданова.

Весной 1946 года проигравший свою любимую Британскую империю сэр Уинстон Черчилль обиженно вещал в американском Фултоне: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен "железный занавес". За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы...»^{625}

Жданов на границе Польши, Чехословакии и ещё оккупированной Германии осенью 1947 года озвучил по сути тот же тезис, но без публицистических красот потомка герцогов Мальборо: «Сформировались две противоположные политические линии: на одном полюсе политика СССР и демократических стран, направленная на подрыв империализма и укрепление демократии, на другом полюсе политика США и Англии, направленная на усиление империализма и удушение демократии...»

И поныне, в начале XXI века, актуальны тезисы товарища Жданова об особенностях политики США: «Экспансионистская внешняя политика, вдохновляемая и проводимая американской реакцией, предусматривает одновременную активность по всем направлениям:

- 1) военно-стратегические мероприятия,
- 2) экономическая экспансия и
- 3) идеологическая борьба.

...Одним из направлений идеологической "кампании", сопутствующей планам порабощения Европы, является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идей "всемирного правительства". Смысл этой кампании состоит в том, чтобы приукрасить безудержную экспансию американского империализма, бесцеремонно нарушающего суверенные права народов, выставить США в роли поборника общечеловеческих законов, а тех, кто сопротивляется американскому проникновению, представить сторонниками отжившего "эгоистического" национализма... Идея "всемирного правительства" используется как средство давления в целях идейного разоружения народов, отстаивающих свою независимость от посягательств со стороны американского империализма»^[626].

Сформулированные Ждановым тезисы о расколе мира на два лагеря, об уходящих в прошлое последних колониальных империях и превращении бывших великих держав Европы в фактических сателлитов США в наше время выглядят общеизвестными и даже банальными истинами, но тогда, в 1947 году, они не были ещё столь очевидными.

Жданов предвосхитил и многие приёмы холодной войны, которым на ближайшие десятилетия предстояло стать стандартными клише идеологического противоборства. В частности, он довольно убедительно для многих своих современников, особенно марксистов тех лет, ответил на модные и сейчас обвинения СССР в тоталитаризме и отсутствии формальной многопартийности:

«В идеологической борьбе против СССР американские империалисты,

не разбираясь в политических вопросах и демонстрируя своё невежество, выделяют прежде всего идею о том, чтобы изобразить Советский Союз как силу якобы антидемократическую, тоталитарную, а США и Англию и весь капиталистический мир как демократию. Эта платформа идеологической борьбы — защита буржуазной лжедемократии и обвинение коммунизма в тоталитаризме — объединяет всех без исключения врагов рабочего класса, начиная от капиталистических магнатов и кончая лидерами правых социалистов, которые с величайшей готовностью подхватывают любую клевету на СССР, подсказанную их империалистическими хозяевами. Стержнем этой мошеннической пропаганды является утверждение о том, что признаком истинной демократии служит якобы многопартийность и наличие организованного в оппозицию меньшинства. На этом основании английские лейбористы, не жалеющие сил для борьбы против коммунизма, хотели бы обнаружить антагонистические классы и соответствующую борьбу партий в СССР. Невежды в политике — они никак не могут понять, что в СССР уже давно нет капиталистов и помещиков, нет антагонистических классов и нет ввиду этого множественности партий. Они хотели бы иметь в СССР милые их сердцу буржуазные, в том числе псевдосоциалистические партии, как империалистическую агентуру. Но, к их прискорбию, история обрекла эти эксплуататорские буржуазные партии на исчезновение»^{627}.

В завершение своего обширного доклада Жданов недвусмысленно дал понять, что в новых условиях важнейшим долгом коммунистов всех стран, особенно там, где они входят в состав правительств, является оказание помощи и поддержки Советскому Союзу: «Поскольку во главе сопротивления новым попыткам империалистической экспансии стоит Советский Союз, братские компартии должны исходить из того, что, укрепляя политическое положение в своих странах, они одновременно заинтересованы в укреплении мощи Советского Союза как главной опоры демократии и социализма»^{628}. Далее он выразил несогласие с тем, что некоторые деятели компартий подчёркивают свою независимость от Москвы: «Нарочитое подчёркивание этой "независимости" от Москвы, "отречение" от Москвы по сути дела означает угодничество, приспособленчество, подыгрывание тем, кто считает Москву врагом»^{629}.

Так идейный авторитет СССР Жданов искусно конвертировал в прямое геополитическое влияние нашей страны. Что, однако, не стоит воспринимать только как использование коммунистической доктрины в сугубо государственных целях — влияние СССР в те годы и означало

распространение социализма и идей коммунизма на планете. Так что здесь вполне можно констатировать диалектическое единство противоположностей — интернациональной доктрины и национальных интересов России.

В итоге Жданов подвёл совещание к необходимости воссоздания нового международного объединения коммунистов: «За четыре года, истёкшие со времени роспуска Коминтерна, произошло значительное укрепление коммунистических партий, усиление их влияния почти во всех странах Европы и Азии... Однако в нынешнем положении коммунистических партий есть и свои недостатки. Некоторые товарищи поняли дело таким образом, что роспуск Коминтерна означает ликвидацию всякой связи, всякого контакта между братскими коммунистическими партиями. Между тем опыт показал, что такого рода разобщённость между коммунистическими партиями неправильна, вредна и по сути дела неестественна. Коммунистическое движение развивается в национальных рамках, но вместе с тем имеет общие для партий разных стран задачи и интересы... Эта потребность в консультации и добровольной координации действия отдельных партий в особенности назрела сейчас, когда продолжающаяся разобщённость может приводить к ослаблению взаимного понимания, а порой и к серьёзным ошибкам»^{630}.

Напомним, что четыре года назад именно Жданов был одним из подписантов решения о роспуске Коминтерна, теперь же он становился официальным инициатором его реинкарнации. В последовавшем обмене мнениями возражений со стороны делегатов не последовало. Новое объединение основных коммунистических партий Европы получило наименование «Информационное бюро» и вошло в историю как Коминформ. Рабочими языками нового международного объединения стали русский и французский.

Официально совещание завершилось 28 сентября 1947 года выступлением Жака Дюкло, ветерана мясорубки под Верденом в Первую мировую войну, руководителя подпольной деятельности компартии Франции в годы гитлеровской оккупации, второго человека в ФКП на тот момент: «...Я особенно горячо благодарю товарища Жданова за его яркий и ясный доклад и его заключительное слово, которые помогут нам найти правильную дорогу. От имени французской делегации я благодарю товарища Жданова за ценные указания, с помощью которых мы определим направление наших путей. Я благодарю его за то, что он помог отрегулировать наш компас, игла которого начала показывать неверно и

могла бы привести к огромной опасности»^{631}.

Фактически Жданов был почти официально признан вторым человеком после Сталина в международном коммунистическом движении. Избранный здесь же на совещании председателем редакционной комиссии, он с заметным даже по стенограмме азартом и увлечением готовил текст и правил стиль итоговых документов. Помимо официального сообщения о создании и учредительной декларации Информбюро компартий Европы в первый пакет официальных директив этого наследника Коминтерна включили и доклад Жданова «О международном положении».

Всю неделю Шклярска-Поремба находилась на связи с Кремлём, каждую ночь по завершении официальных и неофициальных мероприятий Жданов и Маленков готовили радиосообщения Сталину о ходе совещания и принимали ответные радиogramмы вождя. В этих шифровках Жданов подписывался как «Сергеев», Маленков был «Борисовым», Сталин — «Филипповым».

Утром 29 сентября Жданов и Маленков вылетели в Москву. Уже в начале октября 1947 года Жданов пять дней проведёт на Кавказе, где снова «под дубом Мамврийским» будет обсуждать с вождём СССР итоги совещания европейских коммунистов и перспективы работы Коминформа. А работа предстояла немалая — зарубежные компартии и после Шклярска-Порембы отнюдь не стали ручными, что практически сразу продемонстрировала ФКП. Вопреки взятым на совещании обязательствам как можно быстрее опубликовать первые материалы Коминформа в прессе всех партий-участников, французские коммунисты задержали их публикацию в «Юманите» на целый месяц — во Франции шли муниципальные выборы, и лидеры ФКП опасались потерять часть голосов избирателей из-за критики социалистов в докладе Жданова...

Глава 32.

«ЖДАНОВЩИНА»

Именно такое, похожее на ярлык имя — «ждановщина» — дала западная историография событиям культурной и общественной жизни СССР первого послевоенного периода 1946—1948 годов. Уже после исчезновения «этой страны», разгромленной в холодной войне, термин «ждановщина» прочно закрепился и в историческом сознании постсоветских республик. Тесно связанная с именем и деятельностью нашего героя, «ждановщина» со времён разоблачительной «перестроечной» публицистики подаётся едва ли не главной задачей Жданова в тот период и главным же его прегрешением. Надеемся, читатель сам сможет оценить и суть «ждановщины», и её удельный вес в многогранной деятельности нашего героя первых послевоенных лет, ставших для него последними годами жизни. Заодно взвесим и степень греховности этих действий с учётом сложившейся тогда исторической обстановки.

Первыми по хронологии и степени обличительного накала идут события, тесно связавшие политическое имя Жданова с литературными именами Ахматовой и Зощенко. Вообще-то во все времена и у всех народов внимание, даже негативное, сильных мира сего к творцам и их творчеству считалось и считается законным поводом для гордости тех самых творцов. Но вот внимание сталинского ЦК к литературным вопросам уже в годы разрушившей нашу страну перестройки велено было считать несомненным признаком махрового тоталитаризма и дремучей диктатуры. Поэтому имя Жданова как одного из инициаторов и проводников такого внимания стало настоящим жупелом антисоветской и постсоветской публицистики на исторические темы. И для создания и поддержания пущей черноты этого образа непременно размахивают постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Попробуем хотя бы кратко разобраться с содержанием и сутью данного документа и историей его появления.

Архивная стенограмма доносит, что ещё 18 апреля 1946 года в ходе большого совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК Жданов затронул и тему литературных журналов: «Товарищ Сталин дал очень острую критику нашим толстым журналам, причём он поставил вопрос насчёт того, что наши толстые журналы, может быть, даже следует

уменьшить. Это связано с тем, что мы не можем обеспечить того, чтобы они все велись на должном уровне. Товарищ Сталин назвал как самый худший из толстых журналов "Новый мир", за ним идёт сразу "Звезда"... Что касается критики, то товарищ Сталин дал такую оценку, что никакой критики у нас нет, а те критики, которые существуют, они являются критиками на попечении у тех писателей, которых они обслуживают...»^{632}

«Толстые» журналы были главными инструментами литературной политики тех лет, именно они давали первые публикации писателей и поэтов, они же специализировались в области литературной критики. После мая 1945 года Сталин и высшее руководство СССР наконец получили время и возможность обратить внимание на вопросы, которые долгие годы боевых действий оставались третьестепенными. Представляется, что советские вожди, с некоторой — не побоимся здесь этого слова — наивностью по окончании войны ожидали заметного расцвета литературы. К весне 1946 года «наверху» не без раздражения заметили, что расцвет как-то не очевиден. Это и стало одним из толчков к разбирательству с литературными журналами.

Вопрос с московским «Новым миром» решили в рабочем порядке — сменили главного редактора, которым в 1946 году стал Константин Симонов. Всю войну редакцию журнала возглавлял невнятный литературный функционер Щербина. Довоенный редактор Владимир Ставский в июне 1941 года ушёл спецкорреспондентом на фронт и через два года погиб во время вылазки к немецким окопам. По господствующей ныне версии истории литературы, Ставский — «гонитель Мандельштама», и мало кто помнит, что он был талантливым и храбрейшим военным корреспондентом, в прямом смысле ходившим вместе с бойцами в атаки на Халхин-Голе в 1939 году, на Карельском перешейке в 1940-м и на фронтах Великой Отечественной войны в 1941—1943 годах.

Прошедший войну тридцатилетний поэт Симонов уже носил полковничьи погоны и удачно сочетал литературный талант с искренней преданностью сталинской доктрине. Его выдвижение редактором главного литературного журнала Москвы и страны, вероятно, решило, хотя бы на время, вопрос с претензиями товарища Сталина к «Новому миру». Но ситуация с ленинградскими литературными журналами оказалась сложнее и многограннее, её неожиданно усугубили вопросы как внутренней, так и внешней политики.

Журнал «Звезда», выходивший в городе на Неве, был старейшим и ежемесячным, «Ленинград» считался более «лёгким» и выходил два раза в

месяц. Ленинградские журналы изначально находились в более сложном положении, чем их московские аналоги — столица традиционно притягивала к себе лучшие литературные силы. Война и блокада ещё более осложнили положение. В блокадном городе осталось 93 писателя, к 1944 году 56 из них погибли. Из эвакуированных литераторов за первый послевоенный год по разным причинам не все вернулись в город. Те из литературных деятелей, кто ушёл на фронт и не погиб в боях, тоже ещё не все были демобилизованы из армии. Поэтому редакции ленинградских литжурналов были малочисленнее и слабее московских и в отличие от их столичных собратьев — убыточными. В связи с этим возникшая на верхах власти мысль — вместо двух литературных журналов оставить в Ленинграде один — представляется логичной.

В условиях послевоенного дефицита литературных имён в Ленинграде особое положение в городе заняли вернувшиеся из эвакуации Анна Ахматова и Михаил Зощенко. О причинах негативного отношения сталинских верхов, в частности Андрея Жданова, к творчеству Ахматовой мы уже писали. Тем не менее Жданов поучаствовал в военной судьбе уже немолодой поэтессы — в 1942 году звонил секретарю ЦК КП(б) Узбекистана Николаю Ломакину с просьбой позаботиться о ней. Это подтверждается и свидетелями, весьма негативно настроенными в отношении нашего героя. В частности, Надежда Мандельштам, соседка Ахматовой по ташкентской эвакуации, пишет в мемуарах: «В Ташкент по правительственному проводу звонил сам Жданов (!) и просил позаботиться об Ахматовой»^[633]. 29-летний Николай Ломакин, самый молодой из секретарей ЦК республики, заматанный размещением эвакуированных производств, всё же помог устроить быт поэтессы, насколько это было возможно в тех условиях, а в 1943 году — даже издать в Ташкенте сборник её стихов.

Однако по возвращении Ахматовой в Ленинград происходят события, вызвавшие серьёзное раздражение советских верхов. В конце 1945-го — начале 1946 года Ахматова несколько раз встречалась со вторым секретарём Британского посольства в СССР Исайей Берлиным. Этот сын богатейшего компрадора из имперского Петербурга, еврейского торговца русским лесом, бежавшего после 1917 года в Лондон, английский дипломат и разведчик, философ и историк, человек с блестящим британским аристократическим образованием и великолепным для иностранца знанием России, в близком будущем, в период холодной войны, станет искусным обольстителем советской творческой интеллигенции, профессиональным специалистом психологической войны. До 1945 года Исайя Берлин работал

в британских спецслужбах, затем его по личному распоряжению Черчилля направили в СССР для сбора информации об общественных настроениях в нашей стране. В условиях начинавшейся холодной войны подобная информация, не являясь формально государственной тайной, была не менее важной, чем сведения о военном производстве или экономическом положении. Эта сторона деятельности разведчика-дипломата стала известна советским властям уже в 1946 году. Естественно, контакты с таким британским агентом сделали имя Ахматовой серьёзным раздражителем в советских верхах.

Имя Зощенко в Кремле тоже вызывало негативную реакцию, но по другим причинам. До войны он был весьма популярным и благополучным литератором. Помимо широко известной сатиры Зощенко писал, например, и вполне конъюнктурные, позволявшие ему безбедно существовать вещи, вроде новелл о перековке рецидивистов на Беломорско-Балтийском канале или слащавых «Рассказов о Ленине». При этом даже большие поклонники зощенковского творчества не назовут его идейным советским писателем. Тем не менее жизненный и творческий путь Михаила Михайловича в СССР был вполне благополучным, скажем прямо — до неприличия благополучным, особенно на фоне тех грандиозных и трагических событий, что происходили в нашей стране в 1920—1940-е годы. Годы войны этот уроженец Санкт-Петербурга и житель Ленинграда провёл в эвакуации, сначала в Алма-Ате^[17], потом в Москве. Персональную эвакуацию из Ленинграда самолётом ему, как признанному писателю, обеспечил тот самый Жданов.

Руководители СССР вполне логично ожидали вклада в общую победу и от известных деятелей литературы. Даже совсем не «советская», негативно настроенная к той власти поэтесса Ахматова создаст цикл сильных и искренних стихов военной поры: «Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне...» А что же писал вполне благополучный литератор Зощенко в те дни, когда его родной город и сотни тысяч его жителей умирали от голода, сражаясь с вражеской блокадой? Весь свой талант Зощенко в комфортной эвакуации вложил в повесть «Перед восходом солнца». Зная это произведение, стоит просто сопоставить его содержание с тем, что происходило в нашей стране в те дни, месяцы и годы, когда оно создавалось. Напомню, что тогда шла — как ни пафосно это звучит — Великая Отечественная война. Для тех, кто не знаком с этим плодом творчества Зощенко, хорошее представление о нём даёт аннотация современного публициста и литературоведа Дмитрия Быкова. По его мнению, данная повесть — это «...исповедальный рассказ о том, как автор

пытался победить свою меланхолию и страх жизни. Он считал этот страх своей душевной болезнью, а вовсе не особенностью таланта, и пытался побороть себя, внушить себе детски-жизнерадостное мировосприятие. Для этого (как он полагал, начитавшись Павлова и Фрейда) следовало изжить детские страхи, побороть мрачные воспоминания молодости. И Зощенко, вспоминая свою жизнь, обнаруживает, что почти вся она состояла из впечатлений мрачных и тяжёлых, трагических и уязвляющих... В результате "Перед восходом солнца" превращается не в повесть о торжестве разума, а в мучительный отчёт художника о бесполезной борьбе с собой»^{634}.

Вот так — гибнут миллионы соотечественников в страшной войне на истребление с беспощадным агрессором, а писатель Зощенко трудится в эвакуации, с вдохновением описывая, как «пытался победить свою меланхолию». Ленинград пытается победить голод, а гражданин Зощенко вдохновенно воюет со «страхом жизни» в «бесполезной борьбе с собой». Принимая во внимание время создания данного произведения Зощенко, будут вполне понятны и раздражённые слова Жданова, произнесённые по этому поводу в августе 1946 года: «В этой повести Зощенко выворачивает наизнанку свою подлую и низкую душонку, делая это с наслаждением, со смакованием...»^{635} Заметим, что, кардинально отличаясь по стилю и цели, слова Дмитрия Быкова здесь, по сути, смыкаются со словами Жданова.

Это в наше благополучное время, когда сверху (уже или ещё) не падают чужие бомбы, сытые любители такого типа творчества вправе ценить рефлексии и самокопания Зощенко. В других же исторических условиях, во время войны и сразу после неё, такое «душевное» выковыривание творцом собственных внутренностей неизбежно вызовет у сражающегося большинства лишь справедливое раздражение и понятную злобу в отношении духовного дезертира. Не случайно Константин Симонов в мемуарах, отдав дань писательской солидарности при упоминании критики Зощенко со стороны сталинской власти, всё же не удержался и осторожно заметил, что «к Зощенко военных лет не питал того пиетета»^{636}. В переводе с аккуратного языка мемуаров Симонова-писателя на простой язык Симонова-фронтовика «не питал пиетета» явно будет звучать куда грубее, примерно как у Жданова: «А Зощенко, окопавшись в Алма-Ате, в глубоком тылу, ничем не помог в то время советскому народу в его борьбе с немецкими захватчиками»^{637}.

Ещё во время войны, когда в конце 1943 года повесть Зощенко «Перед

восходом солнца» начали печатать в журнале «Октябрь», это произведение встретило недоуменные отклики. 11 января 1944 года секретарь Ленинградского горкома по пропаганде Александр Маханов передал Жданову письмо работников Ленинградского радиозавода. И во время войны люди читали литературу, с удивлением отмечая: «Зощенко занят только собой... Противно читать повесть. Непригляден и сам автор... Писателю Зощенко не мешал в работе артиллерийский обстрел...»^{638}

Маханов намеревался опубликовать это письмо в «Ленинградской правде», Жданов предложил напечатать его в центральной прессе, написав жёсткую резолюцию: «...Усилить нападение на Зощенко, которого нужно расклевать, чтобы от него мокрого места не осталось»^{639}. Чтобы было понятнее, поясним: подписавшие письмо работники Ленинградского радиозавода — небольшая группа людей, оставшихся в осаждённом городе после эвакуации основного производства. В условиях блокады, под регулярным артобстрелом они обеспечивали сложнейшее тогда производство коротковолновых переносных раций «Север». Освоить такую технологию в то время могли только в Ленинграде. И это производство, кстати, начиналось с рабочего совещания военных и инженеров у Жданова в Смольном.

Секретарь горкома по пропаганде Александр Иванович Маханов проработал в городе всю блокаду, именно он курировал все без исключения вопросы культуры в осаждённом Ленинграде — от работы местного радио до создания первого музея блокады, он же занимался вопросами эвакуации и спасения ленинградских деятелей культуры, того же Зощенко — в частности. Свою гневную резолюцию по поводу творчества эвакуированного в тыл писателя Жданов наложил 11 января 1944 года, в разгар подготовки операции «Январский гром», которая окончательно снимет блокаду с Ленинграда; ровно через три дня он поднимется на простреливаемую немцами крышу недостроенного Дома Советов, чтобы лично наблюдать за началом наступления...

Представляется, что и у оставшихся в блокадном Ленинграде рабочих радиозавода, и у Маханова, и у Жданова в этих условиях было моральное право жёстко критиковать только что перебравшегося из Алма-Аты в Москву ленинградского писателя Зощенко.

Надо учесть, что и Зощенко, и Ахматова были ленинградскими литераторами. Вспомним: весна — лето 1946 года — это время укрепления позиций «ленинградской группы» Жданова и аппаратного поражения Маленкова. Но Георгий Максимилианович, человек с 1920-х годов близкий

Сталину, опытнейший подковёрный политик, не мог не сопротивляться. И негативное внимание к литературным журналам Ленинграда стало для него шпилькой, которую он не преминул воткнуть в наступающих «ленинградцев».

В редакциях, естественно, не знали всех тонкостей верхушечных умонастроений. Однако Ленинградский горком, непосредственно курировавший городскую печать, вероятно, не без подсказки Жданова, в июне 1946 года решил обновить руководство журнала «Звезда». Прежним редактором был 46-летний Виссарион Саянов, ленинградский поэт и журналист, сын профессиональных подпольщиков-эсеров, выросший в сибирской ссылке, куда при царе его родителей сослали на вечное поселение. Новым редактором назначили 36-летнего ленинградского журналиста Петра Капицу, только что демобилизованного из военно-морского флота. Здесь тоже проявилась кадровая политика Жданова и его «ленинградской группы» — двигать навверх молодых, сочетавших довоенное образование и практику с фронтовым опытом.

Благодаря Капице у нас теперь есть уникальная возможность представить ключевые события августа 1946 года не только через сухие документы и стенограммы, но и с помощью прекрасно дополняющих и оттеняющих их живых воспоминаний. При этом свои короткие мемуары Пётр Капица написал в 1980-е годы прошлого века, не зная о содержании ещё закрытых партийных архивов. Дадим ему слово:

«Не знаю, что побудило Саянова в последнем "его" номере завести новый отдел — для малышей. Он поместил детские стихи Корнея Чуковского и небольшой рассказик Михаила Зощенко "Приключения обезьяны".

Сдвоенный номер "Звезды" с цифрами "5—6" вышел в конце июля, когда я собирался уже сдать в набор первый "свой" номер — "7—8". Но сделать это не удалось. В начале августа нас срочно вызвали в Москву... В пути мы узнали, что в той же "Красной стреле" едут секретарь горкома партии — Попков и Широков»^[640].

Уточним: Широков был секретарём Ленинградского горкома по пропаганде, а вот Пётр Попков был новым первым секретарём и обкома, и горкома, то есть высшим чином в государственно-партийной иерархии Ленинградского региона. И его вызов в столицу говорил о многом...

Вспоминает Капица: «"Что же такое стряслось?" — принялись гадать мы. Обсудили многие материалы, напечатанные в последних номерах журналов, но никому и в голову не пришло вспомнить "Приключения обезьяны".

Утром того же дня мы попали на приём к начальнику Управления пропаганды ЦК Александрову. Нам думалось, он сразу начнёт распекать нас, но говорил он каким-то приглушённым тихим голосом, оба, мол, журнала печатали сырые, мало художественные, а порой и идейно вредные произведения, но чашу весов переполнил рассказ "Приключения обезьяны", поэтому нас всех вызывают на Оргбюро ЦК»^{641}.

Слова уже знакомого нам Георгия Александрова показательны. Злополучный номер «Звезды» попался на глаза в Кремле где-то в первых числах августа и, видимо, не без помощи Маленкова спустил курок верховного гнева. Уже 7 августа 1946 года появляется подготовленная Александровым «Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о неудовлетворительном состоянии журналов "Звезда" и "Ленинград"». Формально записка адресована Жданову как новому куратору всей агитации и пропаганды. Записка уже содержит те развёрнутые обвинения, что громко прозвучат на всю страну в августе и сентябре 1946 года — здесь фигурируют и Ахматова, и Зощенко, и другие.

Понятно, что помимо официального адресата копия документа попадёт на стол главного члена политбюро, да и сам Жданов не сможет скрыть её от старшего товарища. Учтём, что Александров — это человек Маленкова, и Жданов не простит ему эту историю — ровно через год выживет его с высот аппарата ЦК в почётную ссылку на пост директора Института философии. Но на тот момент Жданов не мог затормозить и замять это дело. Во-первых, работали свои аппаратные правила — документ был запущен, и на него надо было реагировать с учётом мнения и повышенного внимания к теме верховного вождя. Во-вторых, Жданов как лидер активно захватывающей власть группы просто-таки обязан был демонстрировать перед Сталиным объективность, в том числе и к своим «проштрафившимся» людям. В-третьих, все идеологические обвинения, прозвучавшие в докладной записке Александрова, вполне отвечали убеждениям Жданова (тот же журнал «Звезда» активно критиковался в первых номерах созданной Ждановым газеты «Культура и жизнь»). Другое дело, что сам Жданов не стал бы подавать эти претензии к журналам в форме, бьющей по ленинградскому партийному руководству. Но здесь уж его обыграл соратник-соперник Маленков.

Впрочем, не будем переоценивать такой удар — со стороны обороняющегося Георгия Максимилиановича это была лишь мелкая подножка наступающему Андрею Александровичу — главные баталии разыгрывались совсем в других сферах.

Докладная записка Александрова появляется 7 августа, а на 9 августа

уже назначено заседание Оргбюро ЦК, как раз посвященное вопросам культуры, прежде всего литературы и кинематографа. Вот на это заседание в Кремль и вызвали Петра Капицу с прочими ленинградскими товарищами. Заседание начиналось в шесть часов вечера.

«Как было принято в те времена, мы сначала зашли в бюро пропусков, — вспоминает Капица. — Там нам сказали: "Проходите по списку". Списки были на контрольных пунктах у входа и внутри здания. Всюду сверяли фамилии с паспортами и, как бы ощупывая глазами, спрашивали: "Оружия не имеете?"

Нас удивило, что внутри здания на контроле стояли не старшины, а подполковники. Один из них провёл всех шестерых в фойе с буфетом.

— Располагайтесь и ждите вызова, — сказал он. — Если есть желание — можете закусить. Буфет бесплатный.

Дмитрий Левоневский — замредактора журнала "Ленинград" — любил поесть. Он тут же пристроился к бутербродам с севрюгой и копчёной колбасой. Мы открыли пару бутылок лимонада, похожего по шипучести на шампанское, и тоже принялись закусывать.

Вскоре к буфету подошли Николай Тихонов, Александр Фадеев, Всеволод Вишневский. Они тоже были приглашены на заседание»^[642].

Кстати, заметим, что Капица подчёркивает отсутствие нательного обыска, какая-либо аппаратура обнаружения тоже отсутствует. А ведь тот же Капица воевал в морской пехоте — при соответствующих настроениях какой-нибудь трофейный «браунинг» малых размеров, скрытый под одеждой, мог бы уполовинить членов политбюро. Но, как видим, последние во главе со Сталиным не страдали излишней паранойей перед возможным киллером с пистолетом... Бутерброды с рыбой и колбасой в послевоенной стране при желании можно трактовать по-разному. Для одних это — атрибут «зажравшейся верхушки», для других — попытка создать минимальный комфорт сотням напряжённо работающих людей, которых постоянно и зачастую экстренно вызывали в Кремль с разных концов страны, и они прибывали сюда обычно напрямиком с вокзалов и аэропортов.

«Минут через двадцать, — вспоминает Капица, — нас впустили в зал, где небольшие столики были расставлены в шахматном порядке. За каждый мог сесть только один человек. Впереди был невысокий барьер, за ним — полированный стол и три кресла.

В зал вошли несколько членов Политбюро, секретари Ленинградского горкома партии и работники Управления пропаганды Центрального Комитета. Они уселись за столики впереди нас. Вскоре и за барьером

появились трое солидных мужчин. Андрея Александровича Жданова мы, конечно, сразу узнали, так как не раз встречали в Ленинграде. Он занял председательское место. Двое усачей уселись по бокам.

У меня невольно возникла мысль: "Вон тот усач справа, будь лет на десять моложе, мог бы в каком-нибудь фильме выступить в роли Сталина". В те времена, стоило лишь упомянуть имя Иосифа Виссарионовича, как люди на собраниях вскакивали с мест и бурно аплодировали. А если он появлялся сам, устраивали получасовую оvation. Этот же пожилой человек вошёл и скромно уселся почти у краешка стола. Одет он был как-то подомашнему: просторный тёмно-серый костюм полувоенного, полупижамного покроя. Брюки заправлены в мягкие сапоги с невысокими голенищами...

За соседним столиком, слева от меня, сидел сотрудник аппарата ЦК. Я пригнулся к нему и шёпотом спросил:

— А кто тот седой справа?

Сосед посмотрел на меня с недоумением и отстранился. И тут я сам понял, кто это. Просто здесь, в ЦК, когда входил Сталин, не принято было вскакивать и встречать его аплодисментами. Всё происходило тихо, поделовому.

Андрей Александрович Жданов открыл заседание и предоставил слово начальнику Управления пропаганды ЦК товарищу Александрову, предупредив, что ему отпущено десять минут.

Александров скороговоркой доложил, что оба ленинградских журнала — "Звезда" и "Ленинград" наряду со значительными художественными произведениями напечатали вещи серые, недоработанные, а порой пошлые, идеологически вредные... Больше всего досталось редакциям за то, что они поместили стихи Анны Ахматовой, а "Звезде" дополнительно за вредный рассказ Михаила Зощенко "Приключения обезьяны".

Закончил он весьма нелестным выводом: редакции обоих журналов не справляются с возложенной на них работой, а Ленинградский горком партии плохо ими руководит.

Александров уложился точно в десять минут»^{643}.

Вероятно, фраза о Ленинградском горкоме была здесь ключевой. Капица дальше вспоминает: «...Слово получил ответственный редактор "Ленинграда" Борис Лихарев. Он и так был бледен и худ, а тут побледнел ещё больше. Казалось, не шёл, а тащился за барьер. Раскрыв блокнот, Борис каким-то отрешённым голосом каждую фразу начинал со слов "Правильно сказал товарищ Александров" и повторял перечисленные недостатки.

Сталин вдруг перебил его:

— Говорите зубастей! Почему со всем соглашаетесь? Лихарев несколько воспрянул духом и начал оправдываться...

Вторым пошёл за барьер Виссарион Саянов. Очки его сверкали, но сам он походил на сомнамбулу и тоже был бледен. Заговорил глухим голосом: "Приключения обезьяны" напечатаны не по вине Зоценко, а случайно, так как на редколлегии решили завести в журнале страничку для малышей.

— Разве ваш журнал для детей? — сердито спросил Сталин. — Элементарной требовательности нет ни у редактора, ни у секретаря. Пустой рассказ. Ни уму, ни сердцу ничего не даёт. Бездарной балаганной штуке предоставили место. Только подонки могут создавать подобные произведения. У Зоценко есть обиды на советских людей... Хулиган ваш Зоценко! Балаганный писака!

...Сталин не унимался, говорил резко, не сдерживая себя. Чувствовалось, что он очень сердит на автора "Приключений обезьяны":

— Видите ли, обезьянке в клетке лучше жить, чем на воле. В неволе легче дышится, чем среди советских людей!

— Они там битых у себя в Ленинграде приютили! — вставил реплику член Политбюро Георгий Маленков. Глаза его были без улыбки, а лицо вечно серьёзное, как у евнуха. — В "Ленинградской правде" так расхваливали Зоценко — тронуть не смей!»

Отметим, что эти резкие эпитеты Сталина в отношении Зоценко потом едва ли не слово в слово повторит Жданов в своём прозвучавшем на всю страну докладе. Отметим и ловкие уколы Маленкова в адрес ленинградского партруководства. Оно же в лице крайне далёкого от проблем литературы «крепкого хозяйственника» Попкова на том совещании оказалось не на высоте. Вспоминает всё тот же Капица:

«Заседание продолжалось. Секретарь Ленинградского горкома Широков, попросив слова, что-то мямлил, признавая критику в свой адрес, и жаловался на писателей, которые не посещают Университет марксизма-ленинизма.

Сталин резко оборвал его:

— Дайте им книги — сами разберутся. Они взрослые люди. В этой реплике почувствовалось, что Широкову больше

не бывать в горкоме, судьба его решена. Широков что-то ещё пробормотал в оправдание и ушёл. Его место занял первый секретарь Ленинградского обкома Попков, темнокожий, похожий на цыгана. Он стоял с видом провинившегося комсомольца.

— Должен признаться, — говорил, — заела текучка. Блокада, теперь

восстановление... Не всегда удавалось прочитывать "Красную звезду"...

— Как? Как? — перебил его Сталин.

Словно мальчишка, не выучивший урок, Попков с просящим лицом повернулся к нам...

Мы принялись шёпотом подсказывать:

— "Звезда"... просто "Звезда"!

— Да фу-ты, господи, "Звезда", — подхватил Попков. — Перепутал с газетой "Красная звезда".

Сталин, видимо, услышал подсказку, потому что понимающе ухмыльнулся в усы и неторопливо стал ломать папиросы, вытащенные из красной коробки, и набивать добытым табаком трубку.

Попков сник, говорил упавшим голосом, и уже не было озорства в его тёмных глазах...»^{644}

Здесь от мемуаров перейдём к архивной стенограмме. Опытный в подобных делах Маленков в нужный момент бросил Попкову резкий вопрос об изменениях в редакции «Звезды»: «Зачем Зоценко утвердили?» Растерявшийся от литературных баталий секретарь Ленинградского обкома признал свою вину и тут же — вольно или невольно — подставил своего соперника за лидерство внутри ленинградского партруководства Якова Капустина, лично утверждавшего новый состав редакции «Звезды» с участием Зоценко: «Я должен взять вину на себя, это решение горкома партии, проглядел, без меня это было, проводил заседание товарищ Капустин»^{645}. Внутри внешне монолитной «ленинградской группы» точно так же соперничали люди и интересы, как и на вершине сталинского Олимпа, а Жданова, как и Сталина, вероятно, вполне устраивала такая система «сдержек и противовесов».

Растерявшийся Попков не только согласился с предложением Управления пропаганды и агитации ЦК ликвидировать журнал «Ленинград», но даже вдруг лично стал обращаться к Жданову, председательствующему на оргбюро, не так, как было принято на подобных заседаниях — «товарищ Жданов», а так, как привык это делать многие годы ранее наедине в кабинете Смольного: «Андрей Александрович». Известно, что Сталин такие обращения, по имени-отчеству вместо «товарищ», не любил...

В момент обсуждения возможных кандидатур нового редактора «Звезды», превратившегося фактически в разговор троих — Сталина, Жданова и Маленкова, последний снова сумел прищипить ленинградское руководство. Сталин поинтересовался у секретаря Ленинградского горкома

по пропаганде Ивана Широкова, будет ли авторитетен среди писателей утверждённый горкомом новый редактор «Звезды» Капица:

«Сталин. Что-то не слыхали о таком писателе.

Широков. Капица молодой писатель, у него сейчас вышла работа "В открытом море".

Маленков. Писатели его признают?

Сталин. Авторитет будет у него среди писателей?

Широков. В Ленинграде, когда обсуждали вопрос о редакторе, среди писателей ленинградских возражений не было.

Сталин. Может быть, подошли так, что слабого бояться нечего. В старое время царём сажали чужака, слабого человека, чтобы легче было нажимать на него. Может быть, так обстоит дело?

Широков. Я не думаю.

Маленков. Но что же, эта редакция действует или старая?

Широков. Пока старая.

Маленков. Два месяца тому назад назначили новую редакцию, а действует старая.

Широков. Номер очередной готовила старая редакция и решили, чтобы она довела до конца начатое дело.

Жданов. В своё время места мокрого не оставили ленинградцы от Зоценко.

Сталин. А такие, как Зоценко, они имеют власть над журналом. Это что же — ленинградский журнал или журнал Союза советских писателей?

Широков. Нет, не ленинградский.

Сталин. Вы хотите, чтобы было подтверждено ваше решение?

Жданов. Вы оформили новую редакцию или обе существуют?

Широков. Мы решение приняли у себя.

Маленков. Приняли решение утвердить редакцию и ввели Зоценко.

Сталин. Ленинградский комитет осведомлён о вашем решении о новой редакции?

Маленков. Это ленинградский комитет решил»^{646}.

Не стоит думать, что заседание Оргбюро ЦК 9 августа 1946 года сводилось только к разносам — в частности, в связи со злополучным рассказом «Приключения обезьяны» присутствующие очень по-деловому и квалифицированно обсудили проблему короткой прозы и рассказов в советских журналах. Оказалось, что этот жанр в загоне, не отмечается премиями и не оплачивается должным образом, просто не выгоден литераторам. «Неохотно пишут рассказы... Оплата плохо дифференцирована», — заметил деловой вождь СССР с каким-то вполне

капиталистическим подходом. При этом отметим, что сам Сталин продемонстрировал, без преувеличений, просто блестящее знание современной ему литературы.

Вернулись к вопросу о редакторе главного литературного журнала Ленинграда. И вновь мемуары Капицы рисуют нам очень живую картинку:

«Затем Сталин прочёл вторую "объективку".

— Саянов... М-м... пьёт. Нет воли, характер слабый... Эге... так, так. Я всё-таки попробовал бы оставить его на "Звезде", если он, конечно, найдёт в себе достаточно мужества.

Тут к Иосифу Виссарионовичу склонился Жданов и что-то шепнул. Сталин приподнял брови, как бы что-то соображая, и вместо председательствующего сказал:

— Сделаем на пять минут перекур!

Вместе со Ждановым они ушли в соседнее помещение, а мы направились покурить в фойе. Там к Саянову подошёл секретарь ЦК по кадрам Алексей Кузнецов. Он начал уверять Виссариона, что сказанное Сталиным надо принять как похвалу. При этом пожал ему руку и произнёс:

— Поздравляю, держи голову выше!

К нам подошли секретари Ленинградского горкома, а потом присоединился и Жданов, решивший, видимо, нас подбодрить:

— Не теряйтесь, держитесь по-ленинградски, мы не такое выдержали. Покажите, каким нужно журнал выпускать!

В дверях показался Сталин. Видя толпящихся ленинградцев, шутливо удивился:

— Чего это ленинградцы жмутся друг к дружке? Я ведь то же питерский.

Жданов отошёл от нас.

— Продолжим заседание! — произнёс он...

Как я узнал позже от заместителя начальника Управления пропаганды ЦК Еголина, Жданов, выйдя в перерыве в другую комнату, сказал:

— Иосиф Виссарионович, на секретариате решено Саянова освободить.

Сталин, словно сдаваясь секретарям, приподнял обе руки и ответил: "Подчиняюсь большинству", — хотя это не часто с ним случалось...»^{647}

На очереди начавшегося в шесть вечера и затянувшегося далеко за полночь заседания Оргбюро ЦК были кинематографисты со своими фильмами и проблемами. Слово Капице:

«Выступив с коротким заключением, Жданов сказал:

— Переходим ко второму вопросу. Товарищи, пришедшие по первому,

могут покинуть заседание.

Мы стали подниматься, Сталин, недоумевая, спросил: — Это кто — писатели? Разве им не интересно послушать про кино? Пусть останутся.

Мы опять уселись на свои места. Теперь со стороны можно было спокойно понаблюдать, как ведут себя кинематографисты, когда их работу обсуждают на столь высоком заседании. Наши дела, нам казалось, окончились благополучно. Не зря ведь Сталин столь благосклонно оставил нас послушать...»^{648}

Андрей Жданов, курировавший ещё с довоенных времён и кинематограф, в июне 1946 года представлял на утверждение политбюро первый послевоенный план производства художественных фильмов на 1946—1947 годы. Месяцем позднее по его предложению политбюро приняло решение об участии советских фильмов в международных кинофестивалях в Венеции и Каннах.

Докладчиком по кинематографической части заседания Оргбюро ЦК 9 августа 1946 года был сам Жданов. Рассматривалась вторая часть кинофильма «Большая жизнь» (первая часть вышла ещё до войны и была лидером советского кинопроката 1940 года). Посвященная восстановлению Донбасса картина была раскритикована Ждановым. Вспоминает Капица:

«Андрей Александрович сказал, что в этом кинопроизведении нет идей, смешаны две эпохи... Остаётся впечатление, что не было достижений в технике после пятилеток. Показан примитивный, грубый физический труд. Коллектив всё делает на свой риск, даже вопреки решениям государственных органов. Разве мыслимо восстановление без организаторской роли государства. Восстанавливают шахту, и никто не вспомнит, что прошла тяжёлая, всё разрушившая война. Общая обстановка в фильме не соответствует жизненной правде.

— Мы мобилизовали миллион работников на Донбасс! — вставил Сталин.

— В "Большой жизни" никто не поднимает людей на восстановление, — продолжал Жданов. — Руководители словно изолированы от народа. Герои фильма малокультурны, политически плохо воспитаны. В картине не соблюдена пропорция личного и государственного.

— Сколько израсходовано денег? — вдруг спросил Сталин.

— Четыре миллиона восемьсот тысяч, — торопливо ответил режиссёр.

— Пропали деньги! — как бы про себя пожалел Сталин...»^{649} В выступлениях Сталина и Жданова также шла речь о фильме «Адмирал Нахимов» и второй серии фильма «Иван Грозный» Эйзенштейна.

Заседание оргбюро закончилось далеко за полночь. После кинематографа рассматривали репертуар драматических театров.

«Мы ушли с заседания, — пишет в мемуарах Капица, — возбуждённые встречей со Сталиным и потрясённые его короткими выступлениями. Ни на какой транспорт садиться не хотелось, до гостиницы "Москва" шли пешком. Всю дорогу восхищались: "Вот она — гениальная простота! Такой занятой, а почти все журналы читает и фильмы смотрит. Ну и работоспособность! А как чётко и ясно формулирует!"

...И на Зощенко, казалось нам, Сталин не зря сердился. Ведь в самую тяжёлую годину войны Михаил Михайлович в повести "Перед восходом солнца" начал копать в себе, пытаясь объяснить происхождение своей тоски, хандры, угнетённого состояния духа. Не до этого тогда было. Да и теперь с обезьянкой...

Через день в гостиницу "Москва" приехал Андрей Александрович Жданов. Нас пригласили в номер Попкова. Здесь Жданов зачитал проект постановления ЦК о журналах "Звезда" и "Ленинград". В нём были важные и нужные пункты о том, что советская литература не может быть безыдейной и аполитичной, что она обязана помочь государству воспитывать молодёжь бодрой, верящей в своё дело, готовой преодолеть всяческие препятствия, но резкость формулировок и несправедливость по отношению к Зощенко, Ахматовой и другим писателям ошеломила меня. Ничего подобного мы не ждали. Нам казалось, что в конце заседания все относились к нам со снисхождением и пониманием обстановки, сложившейся в городе, едва оправлявшемся после девятисотдневной блокады.

После некоторого замешательства мы попытались смягчить формулировки, стали вносить поправки. Но Жданов не принимал их.

— Подрессорить хотите? — спросил он, — Не выйдет!»^{650} Здесь Жданов употребил одно из своих любимых словечек, «подрессорить». Он подчеркнул, что Сталин одобрил проект постановления, и текст его изменениям теперь не подлежит.

Вернёмся к воспоминаниям Капицы: «— Ну что ж, друзья, — сказал Жданов, — собирайтесь в путь. Сегодня выезжаем "Красной стрелой" в Ленинград. Меня и Прокофьева он попросил задержаться.

— Мне с вами нужно посоветоваться о новом составе редколлегии "Звезды", — сказал Андрей Александрович...

В редколлегию вошли ещё Прокофьев, Борис Лавренёв, драматург Борис Чирсков и философ Евгений Кузнецов.

— Надо ещё кого-то из литературных критиков ввести, — предложил

Жданов. — Только с русской фамилией»^{651}.

Обратим внимание и на это ждановское «только с русской фамилией». В 1946—1947 годах в аппарат Жданова поступило заметное количество обращений и «сигналов», в которых сообщалось о засилье в советских органах — от МГУ до средств массовой информации — людей с еврейскими фамилиями. Жданову были представлены подробные отчёты о процентном соотношении национальностей в кадровом составе различных учреждений и даже докладная записка о состоянии советской еврейской литературы. Никаких оргвыводов со стороны Жданова не последовало, наоборот, было отмечено, что в большинстве случаев такие «сигналы» надуманны. Перехлест борьбы с «безродным космополитизмом» примет антисемитский уклон уже после смерти Жданова. Но ещё раз отметим его воздержанность и аккуратность в этом щекотливом вопросе.

Кстати, необходимого для журнала «Звезда» ленинградского критика нашли, им оказался бывший преподаватель литературы Ленинградского педагогического института Валерий Друзин. Правда, на тот момент он всё ещё со времён войны служил в армии, но Жданов удовлетворённо кивнул: «Хорошо, попросим его демобилизовать и направить в Ленинград»^{652}.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» было утверждено 14 августа 1946 года. Редакцию первого журнала сменили, второй был ликвидирован «ввиду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется надлежащих условий». Объявили выговор городским партруководителям Капустину и Широкову, последнего сняли с поста секретаря горкома по пропаганде. Завершающим тринадцатым пунктом постановления было поучение «командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б)»^{653}.

По итогам заседания оргбюро Жданов, явно в спешке и сжатые сроки, за пару дней написал развёрнутый доклад. Представляется, что углубление в литературные дебри вплоть до цитирования художественной критики 1920-х годов, помимо того что отвечало личным убеждениям и вкусам Жданова, должно было задвинуть в тень, сгладить обвинения в адрес Ленинградского горкома. Инвективы в адрес Ахматовой, Зощенко и других литераторов прятали, смягчали выговоры и претензии в адрес Попкова и Капустина.

Вечером 14 августа 1946 года Жданов и все ранее вызванные на заседание оргбюро ленинградцы выехали из Москвы. Предоставим ещё раз слово Петру Капице:

«В Ленинград мы ехали, не дотрагиваясь до коньяка, который разносили по вагонам официантки. Актив был назначен в необычное время — в тринадцать часов, как по поводу чрезвычайного происшествия. Нас, конечно, заставят выступать, потому надо быть с ясной головой...

В Ленинграде, добравшись на трамвае домой, мы успели лишь побриться, позавтракать, как пришло время отправляться в Смольный.

Партактив собирался в актовом зале. Делалось это неспроста — хотели придать весомость обсуждаемым делам... Зал был переполнен работниками райкомов, директорами заводов, пропагандистами, преподавателями вузов. Рядом с нами сели секретари горкома и обкома. Слово для информационного доклада было предоставлено Жданову. Он зачитал постановление Центрального Комитета, а затем продолжал доклад не по писаному, а лишь заглядывая в листки. Говорил резко, с преподавательской чёткостью выговаривая слова...»^{654}

По свидетельству документов, Жданов начал выступление такими словами: «Товарищи, мне поручено Центральным Комитетом партии дать разъяснения решению ЦК от 14 августа "О журналах 'Звезда' и 'Ленинград'". Вопрос на обсуждение Центрального Комитета о работе этих журналов был поставлен по инициативе товарища Сталина, который лично подробно ознакомился с состоянием этих журналов, читал их и предложил Центральному Комитету обсудить вопрос о недостатках в руководстве журналов "Звезда" и "Ленинград". Товарищ Сталин лично принял участие в заседании Оргбюро ЦК и дал руководящие указания, положенные в основу решения Оргбюро Центрального Комитета партии, которое я обязан вам разъяснить»^{655}.

Обширный доклад Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» представляет собой весьма многогранное произведение. Это очень тенденциозная, предвзятая, но глубоко и со знанием вопроса написанная литературная рецензия. Помимо широко известных в связи с этим докладом Ахматовой и Зощенко тут не без изящества и по делу затронута масса литераторов прошлого — Горький, Мандельштам, Некрасов, Чернышевский, акмеисты, символисты, Серапионовы братья и пр. Одновременно этот доклад и актуальная для тех дней политическая публицистика, литературные вопросы умело подвёрстаны докладчиком к новым политическим условиям начинающейся холодной войны. И в завершение: доклад Жданова это ещё и весьма проницательный анализ личных и экономических отношений в советской литературной среде тех лет с её групповщиной и персональными связями.

Если попытаться в одном предложении выразить главную мысль обширного ждановского доклада, то звучать она будет примерно так: в условиях послевоенного восстановления, в условиях продолжающегося строительства нового общества и мирового соперничества с более богатым империализмом литература должна оставаться одним из главных инструментов воспитания и политики, а всё, что не служит такому воспитанию и укреплению государства, должно быть безжалостно отброшено как чуждое и враждебное. Можно не соглашаться с данным убеждением, но в нём присутствует жёсткая логика, продиктованная форсированным развитием разорённой страны в условиях холодной войны.

Сам Жданов в докладе пояснял: «Некоторым кажется странным, почему ЦК принял такие крутые меры по литературному вопросу? У нас не привыкли к этому. Считают, что если допущен брак в производстве или не выполнена производственная программа по ширпотребу или не выполнен план заготовок леса, — то объявить за это выговор естественное дело (здесь стенограмма отмечает одобрительный смех в зале. — А. В.), а вот если допущен брак в отношении воспитания человеческих душ, если допущен брак в деле воспитания молодёжи, то здесь можно и потерпеть. Между тем, разве это не более горшая вина, чем невыполнение производственной программы или срыв производственного задания? Своим решением ЦК имеет в виду подтянуть идеологический фронт ко всем другим участкам нашей работы... Нельзя жить вслепую, не заботясь о завтрашнем дне не только в области материального производства, но и в области идеологической»^{656}.

Доклад был многостраничным, Жданов выступал с ним более часа. Пётр Капица вспоминает один из кульминационных моментов:

«Можно ли дойти до более низкой степени морального и политического падения и как могут ленинградцы терпеть на страницах своих журналов подобное пакостничество и непотребство? — обратился Андрей Александрович к сидящим в зале.

Зал отозвался грозным гулом. Актив слушал докладчика с повышенным вниманием...

Всё, что говорил дальше Жданов о Зощенко, мы уже слышали из уст Сталина. Удивлялись только тому, как это Андрей Александрович запомнил всё, чтобы повторить слово в слово. Новым было лишь то, что относилось к "Серапионовым братьям" и высказываниям Зощенко в двадцатые годы...»^{657}

Без всякого пафоса заметим, что 15 августа 1946 года Жданов

выступал в актовом зале Смольного перед людьми, ленинградскими руководителями, вынесшими всю тяжесть блокады и восстановления города после многолетней осады. И в целом они понимали и оправдывали необходимость такого послевоенного «закручивания гаек». Тот же Капица, в душе абсолютно несогласный с грубым разносом уважаемого им Зощенко, в своих мемуарах так иллюстрирует ход своих мыслей по поводу жёстких «воспитательных» инициатив сталинского ЦК:

«Я так и эдак пытался объяснить для себя происшедшее. Появилась, мол, насущная необходимость круче подвернуть гайки во всей идеологической работе... Война превратила безусых юношей в храбрых, самоотверженных мужчин, научила самозабвенно любить родную землю, облагородила, но многих и развратила. Многие пришли в действующую армию прямо со школьной скамьи, не имея никакой специальности. На войне они не заботились ни о еде, ни об одежде. Их одевали, кормили и даже давали сто граммов водки. Они, мол, привыкли к походной, довольно беззаботной жизни, особенно в последний год успешного наступления... К такой жизни человек привыкает быстрее, нежели к трудовым будням.

Я вспомнил, как у нас на Черноморском флоте десантники на отдыхе превращались в опасных дебоширов. За вино они сдавали и обмундирование, и припрятанное трофейное оружие. А если ничего не было, могли в загуле и ограбить, искалечить, убить. Человеческая жизнь не ставилась ни в грош. Некоторые именно на отдыхе попадали под трибунал, лишаясь орденов, званий и... вновь в штрафных батальонах высаживались десантом, чтобы кровью искупить вину и вернуть награды. Как они будут привыкать к мирной жизни?

Куда их приспособишь, если они не научились ничему другому? Кроме того, в стране развелось много беспризорников, сказывалась безотцовщина. Конечно же, думали мы, тут надо принимать решительные меры, по-новому строить воспитательную работу...» [{658}](#)

Заметим, что многое в этих словах Капицы перекликается с приводившимся нами ранее монологом Жданова в изложении Шепилова, при назначении последнего в Управление пропаганды и агитации ЦК. Капица писал свои мемуарные наброски в 1988 году, не будучи знакомым с опубликованными позднее воспоминаниями Шепилова. Но подобное совпадение слов и мыслей совершенно не случайно: именно такое понимание послевоенных проблем нашего общества было характерно для многих думающих людей из поколения победителей...

Как вспоминает Капица, в августе 1946 года «крепко досталось и секретарям Ленинградского горкома. Прений на активе не открывали. Их

решили провести на другой день, когда в актовом зале собралась все писатели и приглашённые композиторы, художники, артисты и работники издательств»^{659}.

На второй день своего пребывания в Ленинграде, 16 августа, в том же зале Смольного товарищ Жданов зачитал свой доклад уже не партактиву, а нескольким сотням творческих работников города. Старинный приятель Анны Ахматовой ленинградский журналист Иннокентий Басалаев оставил свою яркую зарисовку того дня: «Докладчик вышел справа, позади сидевших, в сопровождении многих лиц. Он шёл спокойно, серьёзный и молчаливый, отделённый от зала белыми колоннами. Он был в штатском. В руках папка. Его волосы под сиянием электричества блестели. Казалось, он хорошо отдохнул и умылся. Все встали. Заплодировали. Он поднялся на трибуну...

Как обычно, вслух выбрали громкий президиум. Даже чуточку посмеялись... Докладчик улыбнулся, сказав тихо что-то смешное. Торопливо успокоились. Президиум сел. Сдержанный шумок затих. Докладчик секунду помолчал и заговорил.

И через несколько минут началась дичайшая тишина. Зал немел, застывал, оледеневал, пока не превратился в течение трёх часов в один белый твёрдый кусок.

Доклад ошеломил...»^{660}

Журналист с колоритным именем Иннокентий Мемнонович Басалаев сотрудничал с редакциями «Звезды» и «Ленинграда» и именно он передавал туда стихи Ахматовой. Капица, подтверждая его впечатления, так описывает реакцию на доклад Жданова:

«После ободряющей концовки: "Мы уверены, что ленинградские литераторы правильно воспримут критику и сумеют показать, что они передовой отряд советской литературы", — мало кто захлопал в ладоши. Многие были подавлены... Сев рядом с председательствующим, Жданов спросил:

— Кто желает выступить?

В зале наступила неловкая тишина, никто не стремился появиться первым на трибуне. Пришлось говорить нам, участникам совещания... Я вспомнил кое-какие детали из прошедшего заседания и сказал, что рассказ "Приключения обезьяны" напечатан не только у нас, а гораздо раньше в Москве стотысячным тиражом в книжечке-приложении к журналу "Огонёк".

Жданов сделал недовольный жест и вставил:

— И до москвичей доберёмся, говорите о своих ленинградских делах.

...Потом вышел на трибуну Николай Никитин. Он был связан с "Серапионовыми братьями", но ничего не мог сказать, стоял и молчал, губы у него дрожали. Наконец, как робкий ученик, стоявший перед воспитателем, он шёпотом попросил:

— Разрешите уйти...

Жданов, словно опасаясь, что Никитин сейчас разрыдается, согласно закивал головой:

— Пожалуйста... пожалуйста!

После Никитина на трибуну стали выходить литераторы, пытавшиеся разной критикой поправить свои дела. Особенно запомнился прозаик М., который ни одной книги не написал самостоятельно, а всегда — с чьей-нибудь помощью.

К концу войны он проштрафился и за пьяные похождения в освобождённом Таллине был уволен с флота, хотя война ещё не кончилась. Он-то и принялся поносить всех "Серапионовых братьев" — заслуженных, известных литераторов, таких как Константин Федин, Николай Тихонов, Вениамин Каверин. Почему-то называл их "уродами", делая ударение на первой букве. Слушая его, Жданов морщился.

— Перехватывает. Кто такой? — спросил у меня. Я шёпотом объяснил.

Затем стали выходить кликуши и каяться в грехах, о которых никто не имел понятия. Одна из пожилых детгизовских редакторш, бия себя в грудь, призналась, что она первая напечатала Зоценку. Казалось, что она сейчас завопит: "Казните меня!" Жданов этого не ждал...

Выступали ещё какие-то околотитературные люди, которых, как пену во время наводнения, выносит на поверхность в такие дни. Они, не задумываясь, поносили оба журнала и предъявляли какие-то свои претензии»^{661}.

Собрание деятелей ленинградской культуры требовалось завершить соответствующей резолюцией. Председательствующий, второй секретарь обкома 38-летний Иосиф Турко, до войны директор фарфорового завода «Пролетарий», огласил подготовленный заранее проект резолюции. Современный историк, профессор Петербургского университета В.А. Кутузов в конце 1980-х годов записал рассказ Иосифа Турко о тех минутах:

«У меня в проекте резолюции было сказано: осудить произведения Зоценко, как охаивающие советский строй, советских людей. Спрашиваю: "Есть ли дополнения и изменения..." Смотрю — сухонькая такая, в пенсне женщина, пожилая (тогда, наверное, показалось, что пожилая) поднимает руку. Я видел, да ну, думаю... "нет желающих". А Саша Вербицкий — он

тогда больше флотом как член Военного Совета занимался — сидел в Президиуме и — "есть" — показывает на ту старушку. Она поднимается, зачитывает этот пункт. А я удивился: у неё проект резолюции в руках! Ведь только у меня был, у Жданова! Сейчас бы сказали (усмехнулся): утечка информации, гриф "секретно"... Встаёт и предлагает: поставить после моих слов запятую и записать: осудить... кроме произведений о Ленине...

Что делать? Медленно начинаю снова всё читать, чтобы выиграть время, сообразить. В зале — настороженность. Тут Жданов рядом сидит, как бы бумажки перебирает, и шепчет мне: "Надо ли..." Я, такой карт-бланш получив, обращаюсь к залу: "Надо ли?" Понимаете, когда к залу в неопределённой формулировке обращаешься, начинается разброд, а когда — или-или..."Нет!" — кричат. Я проголосовал. А ведь надо же узнать, кто она. Смотрю: стоит просто так. Я ей: "А Вы!.." "Я — за, я — за!" — перепугалась. "Хорошо, а кто Вы? — Чтобы в протокол записать: предложение есть предложение"; "Я — секретарь Зощенко". Она, оказывается, застенографировала проект резолюции и успела по своим закорючкам прочитывать. Зощенко-то мы решили — правильно или неправильно — пригласительного билета не посылать»^[662].

Автором этой единственной робкой попытки подправить резолюцию в пользу Зощенко была Наталья Дилакторская, детская писательница, работавшая в Ленинграде. Будучи редактором и приятельницей Зощенко, она была близко знакома и с Анной Ахматовой. Именно благодаря Дилакторской, её рукописным записям, сохранились многие стихи поэтессы. Кстати, как и семья Ахматовой, семья Дилакторской в годы Гражданской войны пострадала от красных и в дальнейшем при всей внешней лояльности она, подобно многим рядом с Ахматовой, в своём кругу не скрывала антисоветских настроений. Так что слова из доклада Жданова о чуждости творчества Ахматовой советской литературе были не риторическим приёмом, а констатацией вполне реального политического факта существования среди формально «советских» литераторов значительной группы вполне антисоветских...

Отметим, что при всей нелюбви к большевикам, Дилакторская в годы Великой Отечественной войны проявила себя очень достойно, активно работала в газетах Ленинградского фронта, была ранена. Думается, она вполне искренне в тот момент вспомнила рассказы Зощенко о Ленине (довольно слащавые истории для детей о маленьком Володе Ульянове), которые формально противоречили словам резолюции о том, что раскритикованный писатель «специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности и

аполитичности, рассчитанной на дезориентацию советской молодёжи и отравление её сознания»^{663}. Опытный Жданов тут же сообразил, что имя Ленина будет совершенно неуместно в разгромной резолюции, и умело поправил своего растерявшегося от неожиданности младшего товарища по партийному руководству, вовремя шепнув второму секретарю Иосифу Турко: «Надо ли...»

Ещё один член президиума того собрания, тот, что принципиально не дал Турко не заметить неожиданной поправки, — 42-летний Александр Вербицкий. В прошлом — выпускник военно-химического факультета Ленинградского химико-технологического института, с июня 1941 года — член Военного совета Балтийского флота, с 1946 года — генерал-майор береговой службы и секретарь Ленинградского обкома. Через четыре года, уже после смерти Жданова, Александра Вербицкого расстреляют в ходе «ленинградского дела», чуть более везучий Иосиф Турко получит 15 лет тюремного заключения. В отличие от них все литературные объекты острой и грубой ждановской критики в августе 1946 года отделались лишь моральными потерями.

Первые материалы об этом «литературном» событии появились в советской прессе уже в конце августа. Одним из его последствий в сентябре стала смена руководства в Союзе писателей СССР — сняли со своего поста председателя правления союза ленинградского поэта Николая Тихонова, кстати, в молодости входившего в раскритикованное Ждановым литературное объединение «Серапионовы братья». По воспоминаниям Константина Симонова, руководил этими переменами именно Жданов.

19 сентября 1946 года Сталин пишет нашему герою короткую записку по поводу его ленинградского выступления: «Г. Жданов! Читал Ваш доклад. Я думаю, что доклад получился превосходный. Нужно поскорее сдать его в печать, а потом выпустить в виде брошюры. Мои поправки смотри в тексте. Привет!»^{664}

Отметим, что Сталин оставил в ждановском тексте лишь несколько незначительных правок стилистического характера. Уже через два дня сокращённую версию доклада Жданова публикует «Правда», а вскоре он был издан отдельной брошюрой тиражом 500 тысяч экземпляров и широко использовался в системе партийной учёбы, в преподавании основ марксизма-ленинизма в вузах и т. д. Изучение доклада Жданова, проведение на его основе всяческих собраний и мероприятий стало первой в СССР идеологической кампанией такого рода.

В последующие десятилетия холодной войны на Западе, а со времён

перестройки — и в нашей стране описанные события стали одним из ключевых элементов «чёрной легенды» о Жданове как гонителе творческой интеллигенции. Но, как мы видели, значительная часть интеллигенции тех лет, даже не солидаризируясь с резкостью оценок, вполне разделяла мотивы таких «гонений».

Даже в наше время отнюдь не все оценки Жданова кажутся предвзятыми и сомнительными. Так, в своём докладе он писал: «Зощенко, как мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелочных сторонах быта. Это копание в мелочах быта не случайно. Оно свойственно всем пошлым мещанским писателям, к которым относится Зощенко»^{665}. Но разве читатель современной русской литературы начала XXI века не согласится, что подавляющая её часть теперь и состоит именно из подобного «копания в самых низменных и мелочных сторонах быта»?

Взглянем из нашего времени и на другие пассажи ждановского доклада: «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Её стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, "искусства для искусства", не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодёжи и не могут быть терпимы в советской литературе»^{666}.

Можно не разделять критический пафос этих строк, но также сложно не признать их обоснованность. К чести самой Ахматовой, а её жизненный путь в отличие от презираемого ею Зощенко не был лёгким, она, по воспоминаниям современников, со здоровым чёрным юмором в частных разговорах отмечала, что данные строки постановления вполне соответствуют действительности — свой образ «аристократического эстетства и декадентства» Ахматова несла открыто и до конца.

Но если опять же дать себе труд вспомнить, в какое сложное для страны время изображала весь этот «аристократизм», «эстетство» и «декадентство» эвакуированная в 1941 году по распоряжению Жданова из Ленинграда в Ташкент гражданка Горенко, то несложно понять то раздражение, которое Жданов излил в своём докладе. Напомним его слова ещё раз: «Ахматовская поэзия совершенно далека от народа. Это — поэзия десяти тысяч "верхних" старой дворянской России...»^{667}

Тем, кто, надрываясь, строил из бывшей полуграмотной и полуфеодальной монархии научно-техническую сверхдержаву, лирические

трели Ахматовой действительно казались узкими и ничтожными. Зато теперь, в наши дни, благополучно проиграв большую страну в соперничестве цивилизаций, можно приятно расслабиться и без ждановских помех наслаждаться творчеством Ахматовой:

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь,
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь...

Отметим ещё один немаловажный момент: в докладе Жданова «декадентству» Ахматовой и «мещанству» Зощенко противопоставлялась не столько бодрая советская литература, сколько русская литературная традиция. В актовом зале Смольного в августе первого послевоенного года Жданов перечислил имена, создававшие её: Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Герцен, Салтыков-Щедрин...

Глава 33.

СУДЫ ЧЕСТИ

Зощенко поспешил прогнуться под ждановскую критику и уже в конце 1946 года, как со вздохом отметят его биографы, «в состоянии тяжелейшей депрессии пробовал писать» рассказы... про войну — столь же сусальные, как и истории о маленьком Володе Ульянове. Эти вымученные произведения Зощенко будет с унижительными оправданиями посылать в секретариат Сталина и Жданова. Брались помочь «опальному» литератору и коллеги по цеху. Константин Симонов попробовал передать «наверх» новые произведения исправившегося Зощенко через Александра Кузнецова (не путать с Алексеем Кузнецовым) — секретаря Жданова:

«Привёз я эти рассказы со своим письмом и отдал из рук в руки помощнику Жданова — Александру Николаевичу Кузнецову, человеку, на мой взгляд, хорошему, доброжелательно относившемуся к писателям, в том числе и ко мне.

Прошло какое-то время. Я стал звонить Кузнецову. "Нет, пока не прочтено". Снова: "Нет, пока у Андрея Александровича не было времени прочесть". — "Да, напомнил, но пока не было времени прочесть".

Наконец после очередного звонка Кузнецов доверительно сказал мне, что, насколько он понял, Андрей Александрович познакомился с рассказами, но сейчас, как ему кажется, времени для встречи со мной у Андрея Александровича нет, и он советует мне позвонить ему самому, но не раньше, чем недели через две»^[668].

Описанные Симоновым события происходили в начале весны 1947 года. Их продолжение состоялось 13 мая того же года, когда в шесть часов вечера в кремлёвском кабинете Сталина собрались руководители Союза писателей СССР — известные всей стране литераторы Фадеев, Горбатов и Симонов. Последний опишет эту встречу так:

«Без пяти шесть мы собрались у него в приёмной в очень тёплый майский день, от накалённого солнцем окна в приёмной было даже жарко. Посередине приёмной стоял большой стол с разложенной на нём иностранной прессой — еженедельниками и газетами. Я так волновался, что пил воду.

В три или четыре минуты седьмого в приёмную вошёл Поскрёбышев и пригласил нас... Молотов и Жданов сели напротив, но не совсем напротив,

а чуть поодаль, ближе к сидевшему во главе стола Сталину.

Все это, конечно, не столь существенно, но мне хочется запомнить эту встречу во всех подробностях.

Перед Ждановым лежала докладная красная папка, а перед Сталиным — тонкая папка, которую он сразу открыл. В ней лежали наши письма по писательским делам»^{669}.

Обсуждались вопросы советской литературы, в частности о ставках и выплатах авторских гонораров. Сталин предложил подключить к решению этого вопроса Льва Мехлиса, возглавлявшего после войны Госконтроль, главный тогда орган финансового надзора. «Он всё же как-никак старейший литератор», — пошутил в сталинском кабинете Жданов. Все присутствующие посмеялись... Отшутившись, Жданов предложил сократить раздутые штаты Союза писателей.

В ходе беседы, как вспоминает Симонов, «я вдруг решил на то, на что не решался до этого, хотя и держал в памяти, и сказал про Зощенко — про его "Партизанские рассказы", основанные на записях рассказов самих партизан, — что я отобрал часть этих рассказов, хотел бы напечатать их в "Новом мире" и прошу на это разрешения.

— А вы читали эти рассказы Зощенко? — повернулся Сталин к Жданову.

— Нет, — сказал Жданов, — не читал.

— А вы читали? — повернулся Сталин ко мне.

— Я читал, — сказал я и объяснил, что всего рассказов у Зощенко около двадцати, но я отобрал из них только десять, которые считаю лучшими.

— Значит, вы как редактор считаете, что это хорошие рассказы? Что их можно печатать?

Я ответил, что да.

— Ну, раз вы как редактор считаете, что их надо печатать, печатайте. А мы, когда напечатаете, прочитаем.

Думаю сейчас, спустя много лет, что в последней фразе Сталина был какой-то оттенок присущего ему полускрытого, небезопасного для собеседника юмора, но, конечно, поручиться за это не могу. Это мои нынешние догадки, тогда я этого не подумал, слишком я был взволнован — сначала тем, что решил сам заговорить о Зощенко, потом тем, что неожиданно для меня Жданов, который, по моему представлению, читал рассказы, сказал, что он их не читал; потом тем, что Сталин разрешил печатать эти рассказы»^{670}.

Вся кремлёвская критика Зощенко и компании носила не репрессивный, а сугубо воспитательный характер. Уже в сентябре 1947 года десять «Партизанских рассказов» исправившегося сатирика были опубликованы в журнале «Новый мир».

Тогда же, 13 мая, Сталин неожиданно для приглашённых к нему в кабинет литераторов обратился совсем к другой теме. Впрочем, логически тесно связанной с прошлогодней критикой ленинградских журналов. Обратимся опять к воспоминаниям Симонова:

«— А вот есть такая тема, которая очень важна, — сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчётливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально её воспроизвести, — у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя ещё несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников... Почему мы хуже? В чём дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдавливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает, — и он снова заговорил о профессоре, о котором уже упоминал. — Вот взять такого человека, не последний человек, — ещё раз подчёркнуто повторил Сталин, — а перед каким-то подлецом-иностранцем, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет своё достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничтожения у многих наших интеллигентов.

Сталин повернулся к Жданову.

— Дайте документ.

Жданов вынул из папки несколько скреплённых между собой листков с печатным текстом...»[{671}](#)

Наш герой протянул приглашённым литераторам подготовленную в его аппарате сводную записку с изложением так называемого дела профессоров Ключевой и Роскина. В настоящее время, начиная с периода перестройки, «дело КР», дело Ключевой — Роскина, подаётся как аналог дела Ахматовой — Зощенко, но уже не для литературных, а для научных кругов.

И здесь не обойтись без детального изложения этого «научно-политического» процесса. Московские учёные-медики Григорий Иосифович Роскин и Нина Георгиевна Ключева с 1930-х годов занимались проблемами клеток живого организма и, в частности, вопросами лечения

рака. Проблема и в наши дни остаётся нерешённой, однако даже тогда, в только что победившей холеру и чуму небогатой стране ей уделялось серьёзное внимание. Во время Великой Отечественной войны Клюева и Роскин благополучно проработали в эвакуации. К 1946 году они пришли к выводу, что сумели обнаружить метод торможения роста раковых клеток путём биотерапии с использованием паразитических простейших *Trypanosome cruel*, распространённых в Латинской Америке (специальная терминология призвана показать, с какими нетривиальными вопросами медицинской науки придётся разбираться членам политбюро, и в частности Жданову, в самом ближайшем будущем. — А. В.).

Для того чтобы проверить и отработать практическое использование возможного научного открытия, требовались отдельные лаборатории и дополнительные ресурсы. Отметим, что речь идёт о начале 1946 года, когда половина страны ещё лежала в руинах. В тех суровых условиях немедленно выделить такие ресурсы могли только с самого верха. И здесь Клюевой и Роскину помог их знакомый, инспектор городских больниц Минздрава СССР Виктор Викторов. Дело в том, что в 1920-е годы он работал в Нижнем Новгороде, хорошо помнил Жданова и решил обратиться прямо к нему с просьбой о помощи учёным. 15 марта 1946 года он направляет личное письмо члену политбюро и секретарю ЦК Жданову: «С нижегородских времён прошли годы. Вы за это время видели тысячи людей. Но мне хочется думать, что пишущего эти строки бывшего заведующего нижегородским губздравом Викторова Виктора Николаевича Вы помните...»^{672}

Наш герой, вспомнив старого подчинённого, внимательно ознакомился с представленными материалами о работе Клюевой и Роскина по проблемам рака. «Если Вы, вопреки тому, что Вы бесконечно заняты, — писал Викторов, — найдёте возможность их вызвать, Вы окажете большую услугу советской науке»^{673}.

Уже через две недели вопрос о создании в Москве отдельной научной лаборатории по проблемам биотерапии рака с подачи Жданова был рассмотрен на заседании Секретариата ЦК ВКП(б). Ещё через две недели Минздрав СССР по распоряжению ЦК передал Клюевой и Роскину спецлабораторию в Центральном институте эпидемиологии и микробиологии АМН СССР. Разработанный ими метод действительно в отдельных случаях тормозил развитие раковых клеток. Но увлечённым исследователям в тот момент искренне казалось, что они почти создали эффективное лекарство от рака. Серия оптимистических материалов об

открытии Ключевой — Роскина появилась в 1946 году на страницах научных изданий СССР и даже в московских газетах.

Эти сообщения привлекли повышенное внимание к работе советских учёных со стороны США. Работы над антираковой вакциной шли в Соединённых Штатах уже несколько десятилетий и пока не приносили результата. При этом США на тот момент оставались единственной страной, не только не пострадавшей, но и обогатившейся на вчерашней мировой войне. Для других крупнейших стран мира — как победителей, так и побеждённых — тогда были актуальнее проблемы разрухи и голода. После многомиллионных жертв вопросы смертности от рака не казались столь важными. В США таких проблем не стояло и близко, поэтому тема лечения рака была довольно популярна в американском обществе. И граждан США здесь можно понять — за годы Второй мировой войны на фронтах они потеряли меньше, чем за то же время умерло в стране от данной болезни... К тому же бизнесмены самой развитой капиталистической державы прекрасно понимали, какие доходы сулит в перспективе панацея от рака. Накануне мировой войны конгрессом США был учреждён Национальный институт рака, и в 1945 году в нём попытались решить проблему этого заболевания путём концентрации всех научных и иных ресурсов по примеру и опыту успешного атомного проекта.

Неудивительно, что уже в июне 1946 года Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней в Москве специально для встречи с Ключевой и Роскиным посетил новый посол США Уолтер Беделл Смит. Вообще-то генерал Смит был профессиональным военным и ещё в прошлом году занимал должность начальника Штаба американских войск в Европе. Более того, Смит считался в США специалистом по разведке и ведению самых щепетильных и ответственных переговоров — например, именно он вёл переговоры о капитуляции итальянских войск в 1943 году, а по окончании работы послом в Москве возглавил ЦРУ.

Советские спецслужбы для руководителей СССР дали следующую характеристику нового посла: «Характер экспансивный. Самостоятелен. Самолюбив. Прямолинеен. Рассчитывает на внимание к себе и на более тесные личные отношения с советскими деятелями... Несомненно, будет вести активную разведку по сбору информации как по вооружённым силам, так и по экономике. В его штабе в Германии это дело было поставлено чрезвычайно искусно»^{674}.

Но летом 1946 года в сознании большинства советских людей, далёких от переднего края мировой политики, всё ещё господствовали

союзнические настроения времён войны — американцы по инерции воспринимались как богатый и щедрый союзник, партнёр, с которым есть ещё общие цели и интересы.

Учёным и медицинским чиновникам явно льстило такое внимание высокой дипломатической персоны самого богатого государства мира. А посол Смит действительно оказался талантливым разведчиком и дипломатом — обаял собеседников, сказал много красивых слов, предложил «во имя человечности в борьбе против рака объединить усилия американских и советских учёных»^{675}. Суть его предложения была простой: советская сторона передаёт американцам своё открытие в обмен на щедрые обещания технического содействия. Разошедшийся посол обещал даже лично обеспечить поставки оборудования самолётами, но, естественно, после того, как материалы профессоров Ключевой и Роскина попадут в США... Нельзя исключать здесь и личного коммерческого интереса господина посла.

Опытному разведчику и дипломату Смитсу не составило труда уговорить медицинских чиновников сделать проект соглашения между Минздравом СССР и посольством США, по которому советская сторона передаёт США «исчерпывающую информацию о противораковом препарате Ключевой — Роскина ("КР")», в частности о технологии изготовления препарата»^{676}. Обязанности США в данном соглашении оговаривались куда менее конкретно, сводясь лишь к обещанию предоставлять информацию о своих возможностях и в будущем «дооборудовать» советские противораковые лаборатории. Фактически посол получил согласие на предоставление всех данных по советскому препарату в обмен на размытые, но конечно же щедрые обещания. Учёные и чиновники Минздрава СССР не возражали против предложений американца: Ключева и Роскин с вполне понятным научным честолюбием жаждали международного признания своих открытий, а руководство Минздрава — далёкое от коммерческих интересов — искренне надеялось получить из США новейшее оборудование.

Андрей Жданов не сразу узнал о посещении американским послом знакомых ему учёных, вроде бы нащупавших возможность лечения рака. Визит посла Смита к Роскину и Ключевой состоялся 20 июня 1946 года, через месяц Жданов запросил материалы об этой встрече. 3 августа 1946 года из Управления кадров ЦК ВКП(б) к нему на стол поступила подробная записка «Об обстоятельствах посещения американским послом в СССР Смитом Института эпидемиологии, микробиологии и инфекционных

заболеваний». Тщательно исследовавшие обстоятельства встречи сотрудники аппарата ЦК сделали вывод: «И Смит, и переводчик его были хорошо осведомлены об открытиях профессором Ключевой и Роскина и об их работе. Из вопросов, из грамотного и правильного употребления узкоспециальных терминов было видно, что Смит хорошо знает историю открытия и его значение»^{677}.

Внимательно изучив записку и собрав дополнительные материалы, 7 августа 1946 года Жданов отправил копии всех этих документов тому, кто по своим прямым обязанностям должен был курировать такие явления — заместителю министра иностранных дел Владимиру Деканозову В сопроводительном письме Жданов написал: «Прошу ознакомиться с материалом и дать своё заключение. Я думаю, что Смита не нужно было пускать в институт»^{678}.

В то время всё ещё действовала инерция союзнических отношений эпохи войны и отсутствовал опыт тотального засекречивания любых научных открытий и разработок в качестве государственной или коммерческой тайны. Тем более для большинства чиновников не казались требующими защиты от чужого интереса какие-то непонятные опыты с тропическими трипаносомами. Здесь Жданов оказался одним из первых, кто вовремя понял, что под щедрые словесные обещания в чужие руки уплывает перспективное научное открытие.

В августе 1946 года институт Роскина и Ключевой посетила делегация американских профессоров, интересовавшихся именно противораковыми исследованиями. Один из американцев неожиданно проявил познания в русском языке, сообщив Роскину: «В Америке вы были бы миллионщиками»^{679}.

В октябре — ноябре 1946 года на Генеральной Ассамблее новорождённой Организации Объединённых Наций специально обсуждался вопрос о международном научном сотрудничестве. Поэтому в те дни в США присутствовала не только политическая, но и многочисленная научная советская делегация, в частности руководитель Академии медицинских наук СССР, специалист по сердечному кровообращению Василий Парин. В Америку академик Парин приехал с рукописью книги профессором Ключевой и Роскина «Биотерапия рака» и образцами их вакцин. В СССР рукопись только была подготовлена к изданию, но ещё не напечатана. Советские учёные ждали признания своих заслуг и возможной материальной помощи со стороны США, а Минздрав СССР в расчёте на соглашения с послом Смитом о научно-технической

помощи не возражал против передачи советских материалов по лечению рака. В итоге, пока шло согласование между чиновниками МИДа и Минздрава, считать или нет материалы Роскина и Ключевой секретными, академик Парин передал их рукопись и ампулы с препаратом представителям американского Национального института рака.

Примерно в эти же дни, 15 ноября 1946 года, Нина Ключева и Григорий Роскин уже сами непосредственно обращаются с письмом к Жданову: «Обращаемся к Вам с большой просьбой оказать личное внимание к судьбе нашей работы по лечению рака. Благодаря Вашей помощи в мае — июне с. года были приняты меры, чтобы дать нам возможность нормально работать... Но дело помощи не было доведено до конца... Мы работаем в постыдных условиях научной нищеты»^{680}.

Обращает на себя внимание, что, поглощённые своим, как им казалось, эпохальным открытием, учёные не очень понимали, что в стране только в прошлом году кончилась чудовищная война с многими миллионами убитых и страшными разрушениями. Естественно, государство при всём желании ещё не могло обеспечить комфортные условия всем своим учёным. При этом Ключева и Роскин уже работали в куда более привилегированном положении, чем многие их коллеги.

Однако Жданов, понимая, какое значение может иметь успешное решение проблемы рака, снова пошёл навстречу требовательной паре медицинских светил. Через несколько дней, 21 ноября 1946 года в 18 часов 15 минут, Ключева и Роскин посетили кабинет нашего героя. Жданов выслушал их и обещал, что «партия и правительство предпримут все меры для оказания помощи их работе»^{681}. Действительно, уже 25 ноября в том же кабинете Жданова в 20 часов состоялось расширенное заседание по данной проблеме. Присутствовали профессора Ключева и Роскин, курировавший тогда от политбюро вопросы медицины маршал Ворошилов, а также высшие профильные чиновники — заместитель министра здравоохранения и министр медицинской промышленности. В девять вечера к совещанию присоединился министр Госконтроля СССР Мехлис. На совещании обсуждались ход исследований Ключевой — Роскина и проблемы необходимой дополнительной помощи для их успешного завершения.

Напомним, что в то время Жданов был уже очень больным человеком, и через пять дней политбюро предоставило ему лечебный отпуск на полтора месяца. 9 января 1947 года политбюро по настоянию врачей продлит отпуск Жданову до 25 января «для окончания лечения»^{682}.

Впрочем, отпуск высокопоставленного чиновника в те годы сводился лишь к смене рабочего кабинета на номер в правительственной санатории — работа нашего героя с многочисленными документами в последний месяц 1946 года и первый месяц 1947-го продолжалась с той же интенсивностью.

В отношении профессоров Ключевой и Роскина это вылилось в подписание Ждановым проекта постановления Совета министров СССР «О мероприятиях по оказанию помощи Лаборатории экспериментальной биотерапии профессора Н.Г. Ключевой». Проект был подписан Ждановым 16 декабря 1946 года и через неделю утверждён Сталиным. Лаборатории двух профессоров выделялись новые помещения, две служебные автомашины, распределялись заказы на срочное изготовление и закупку нужного оборудования и препаратов как в СССР, так и за рубежом.

Но кроме этого, во время затянувшегося лечения, Жданов внимательно ознакомился со всеми документами и обстоятельствами передачи материалов Ключевой и Роскина американцам. К самим учёным здесь можно было предъявить только моральные претензии — они, движимые научным честолюбием, лишь не возражали, чтобы медицинские чиновники передали их открытие за океан.

Жданов вернулся из отпуска 24 января 1947 года и вечер того же дня провёл в кремлёвском кабинете Сталина, где также присутствовало ближнее окружение — Берия, Вознесенский, Маленков, Микоян, Молотов, Хрущёв. Следующий вечер старые товарищи из-под «дуба Мамврийского» провели вдвоём в том же кабинете. Только в 22 часа 15 минут в кабинет вождя СССР пригласили секретаря ЦК Алексея Кузнецова и начальника УПА Александра.

Помимо иных вопросов обсуждалась и ситуация с опытами Ключевой — Роскина. Не случайно 28 января Жданов лично встретился с профессором Ключевой, а на следующий день появилось новое, уже под грифом «совершенно секретно», постановление Совмина СССР о распространении на лабораторию Ключевой — Роскина режима охраны государственной тайны.

Нина Ключева провела в кабинете Жданова чуть более часа. Наш герой выслушал от неё рассказ о ходе исследований и о только что завершившемся в Ленинграде съезде онкологов всей страны. Но главным образом второго человека в СССР интересовал другой вопрос. Все официальные встречи высших руководителей государства либо стенографировались, либо фиксировались в краткой записи с изложением сути. Архивы сохранили именно такую запись беседы Жданова и Ключевой:

«Тов. Жданов спрашивает, как могло получиться, что не удалось

удержать препарат в руках советских учёных и секрет изготовления препарата стал известен американцам?.. Тов. Жданов замечает, что всё это сделали без разрешения правительства и это оставило неприятный осадок с точки зрения интересов как советской науки, так и Советского государства. Зачем вас ввязали в это дело? Кто-то вас агитировал? Зачем тянули вас на договор с американцами?

Клюева соглашается с тов. Ждановым, что всё это действительно получилось нехорошо...»^{683}

На следующий день, 29 января, в кабинет Жданова к двум часам дня был вызван уже министр здравоохранения СССР, 46-летний Георгий Митирев, сын оренбургского крестьянина, в 1930-е годы выросший от заведующего вендиспансером до наркома здравоохранения. В годы войны Митирев своей самоотверженной работой обеспечил отсутствие эпидемий в сражающейся стране. Но в новых условиях, по мнению Жданова, не справился с работой: «Как же вы могли допустить, что у вас из-под носа крадут государственные достижения? Линия министерства во всём этом деле выглядит не как линия защиты государственных национальных интересов, а как линия низкопоклонства и раболепия перед границей»^{684}.

Ключевые слова — «низкопоклонство», «раболепие перед границей» — прозвучали. Фактически наш герой в эти дни провёл настоящее следствие: изучил массу медицинских и иных документов, в частности подробные материалы МГБ о проявлениях американцами интереса к противораковым исследованиям в СССР, встретился и опросил множество учёных и чиновников от науки. Так, Жданов почти пять часов разговаривал с академиком Лариным, который передал материалы Роскина и Клюевой американцам, опросил всех заместителей министра здравоохранения и т. п.

Неприятным итогом этих действий стало понимание того, что советские учёные и руководители науки не вполне осознают грань между научным сотрудничеством и сохранением собственных достижений, а главное, несмотря на явные успехи отечественной науки последних лет, всё ещё рассматривают себя как находящихся на обочине научного мира.

Послевоенный СССР уже замахивался на мировое лидерство. Но политический центр мира закономерно должен стать и научным, и культурным центром. Такое «периферийное» сознание советских учёных конечно же не соответствовало этим амбициям — настроения требовалось менять.

Передавший американцам материалы академик Парин и чиновник

Минздрава, ответственный за подписание соглашения с послом Смитом, были арестованы в феврале 1947 года. Но чисто репрессивные меры, по мнению Жданова, здесь были явно недостаточны. Необходимо было наглядно и доходчиво разъяснить всему научному сообществу новую ситуацию, возникшую в результате соперничества цивилизаций. На многолетнюю и кропотливую «воспитательную» работу просто не оставалось времени, да и жёсткие нравы поколения, пережившего две мировые и Гражданскую войны, брали своё.

При желании и Ключевой с Роскиным, и многим иным учёным и научным руководителям, замешанным в деле о передаче научных сведений американцам, можно было предъявить уголовные обвинения, но их вина и просчёты оставались скорее в области морали и политической сознательности. К тому же высшее руководство СССР прекрасно понимало ценность научных работников, а в отдельных случаях и их незаменимость, поэтому было решено показательно наказать провинившихся учёных, но не посредством уголовного преследования, а иным, совсем новым способом — судом чести.

Обычно исследователи при упоминании послевоенных судов чести сразу отсылают читателей к их аналогам в царской России. Но в данном случае это не вполне верно — аналоги существовавших до революции офицерских судов чести в СССР появились ещё в 1939 году и тоже в вооружённых силах. Сложно сказать, кто первый — Сталин или Жданов — предложил распространить суды чести за пределы армии, на государственных служащих и сотрудников госучреждений. Однозначно одно — возникла эта идея в самом конце зимы 1947 года и именно в связи с делом профессоров Ключевой и Роскина.

25 марта Жданов представил Сталину на утверждение проект постановления ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». Проект был подготовлен Ждановым вместе с его выдвиженцами — А.А. Кузнецовым и М.А. Сусловым.

Подготовленный Ждановым текст гласил:

«1. В целях содействия воспитанию работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам Советского государства и высокого сознания своего государственного и общественного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника, в министерствах СССР и центральных ведомствах создаются суды чести.

2. На суды чести возлагается рассмотрение антипатриотичных, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий,

совершённых руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке»^{685}.

По духу и смыслу этот документ был близок к положению о товарищеских судах чести в РККА 1939 года. Здесь вообще можно говорить о распространении на госслужащих послевоенного СССР строгой армейской дисциплины — достаточно вспомнить, что в то же время шло введение униформы для большинства гражданских министерств и ведомств Советского Союза, от дипломатов до банковских работников. Для учёных мундиры не вводили, но жёсткая послевоенная дисциплина распространялась и на них.

Постановление «О судах чести» было подписано двумя первыми лицами страны — Сталиным, как председателем Совета министров, и Ждановым от имени правящей партии.

По их мнению, суды чести, избравшиеся общим тайным голосованием из работников соответствующих министерств и ведомств, должны были выкорчёвывать у своих коллег благодушное отношение к служебным обязанностям, угодничество перед иностранными структурами и явлениями, а главное, воспитывать во всём государственном аппарате советский, выражаясь современным языком, корпоративный дух.

На подготовленном Ждановым проекте постановления «О судах чести» к машинописному тексту его рукой был приписан 13-й пункт: «В первую очередь суд чести организовать в Министерстве здравоохранения»^{686}. Первыми подсудимыми должны были стать уже хорошо знакомые Жданову супруги — Нина Ключева и Григорий Роскин.

Вспомним, что Андрей Жданов сам когда-то стал объектом похожего суда чести 139-го запасного полка, в июле 1917 года отлучавшего его от офицерского сообщества за политические симпатии к Ленину. Наверняка весной и летом 1947 года, уже сам выступая творцом нового суда чести, он не раз вспомнил события тридцатилетней давности...

Подготовка к первому и показательному суду шла в апреле — мае 1947 года. 8 апреля прошли выборы первого суда чести в системе Минздрава СССР, в них приняли участие 1695 медиков и учёных. Как умелый «пиарщик», Жданов готовил не только сам воспитательный процесс, но и информационную кампанию вокруг и после него. Именно в рамках этой подготовки и зашла речь о деле Ключевой — Роскина 13 мая 1947 года на встрече Сталина и Жданова с писателями Симоновым, Горбатовым и Фадеевым. Поэтому вернёмся к воспоминаниям Константина Симонова о

том майском вечере, когда вождь СССР неожиданно заговорил о низкопоклонстве интеллигенции перед границей и предложил Жданову передать литераторам письмо о «деле КР».

«Когда Фадеев дочитал письмо до конца, — вспоминал Симонов, — Сталин, убедившись в том, что прочитанное произвело на нас впечатление, — а действительно так и было, — видимо, счёл лишним или ненужным спрашивать наше мнение о прочитанном... Сталин только повторил то, с чего начал:

— Надо уничтожить дух самоуничужения, — и добавил: — Надо на эту тему написать произведение. Роман... Надо противопоставить отношение к этому вопросу таких людей, как тут, — сказал Сталин, кивнув на лежащие на столе документы, — отношению простых бойцов, солдат, простых людей. Эта болезнь сидит, она прививалась очень долго, со времён Петра, и сидит в людях до сих пор»^[687].

Далее Симонов вспоминал:

«Через несколько дней после нашей встречи со Сталиным мне позвонил помощник Жданова Кузнецов и сказал, что я могу заехать к нему и познакомиться с теми материалами, которые мне могут пригодиться для работы.

Когда я приехал к Кузнецову, он дал мне папку с разными бумагами и сказал, что знакомит меня с ними по поручению Андрея Александровича. Ещё едучи туда, я смутно предполагал, о чём может идти речь, там я убедился, что догадка моя была правильной. Это были материалы, связанные всё с тем же так называемым делом Ключевой и Роскина. Материалов было не очень много, я прочёл их все за тридцать или сорок минут, пока сидел в кабинете у Кузнецова, и, поблагодарив, вернул ему их. Кажется, Кузнецов был чуть-чуть удивлён, как я быстро это прочёл, и, когда я поднялся, спросил меня:

— Значит, могу я сказать Андрею Александровичу, что вы познакомились с материалами?

Я ответил утвердительно и, поблагодарив, поехал домой.

Материалы не произвели на меня особого впечатления просто-напросто потому, что они мало добавляли к тому ощущению не столько важности самой этой истории с Ключевой и Роскиным, сколько важности проблемы уничтожения духа самоуничужения, как выразился Сталин... Слова Сталина об уничтожении духа самоуничужения с особенной силой запали мне в душу именно потому, что о чём-то близком я писал в своей повести, писал о людях, гордых своей бедной, израненной, исстрадавшейся страной перед лицом всей послевоенной американской мощи и

благополучия»^{688}.

О чём-то схожем с мыслями поэта Симонова писал той весной 1947 года и Андрей Жданов, писал для себя быстрым карандашом на отдельных листках в своих записных книжках и на рабочих документах, среди заметок по подготовке первого суда чести:

«Со всех концов закрыть двери для антипатриотов»^{689}.

«Вдолбить, что за средства народа должны отдавать всё народу».

«С Петра немцы, французы».

«У крестьян больше достоинства и духа, чем у Ключевой».

«Не хватает чувства своего достоинства. Непонимание роли, которую разыграла Россия. Расклевать преувеличенный престиж Америки с Англией».

«Чтобы не только чиновники знали, но и народ»^{690}.

«Не единичное дело. Пережитки среди отдельных слоев интеллигенции ещё сохранились. После того, что произошло, после той роли, которую сыграл для человечества и цивилизации СССР, пресмыкательство порочно».

«Иностранцы твердили о неполноценности. Не будут уважать тех, кто себя не уважает. Они издеваются над слабыми»^{691}.

Даже из этих отрывочных слов можно составить представление о чувствах и мыслях нашего героя. Кстати, американцы, получив материалы Ключевой — Роскина, даже не подумали приступить к выполнению своей части обязательств, о перспективах которых так убедительно и красочно рассказывал посол Смит летом 1946 года. Более того, в США не стали даже признавать советский приоритет в разработке методов биотерапии рака — статья Роскина в центральном американском журнале по данной тематике «Cancer reserch» была задержана на год и опубликована уже после соответствующих статей американских учёных.

Для нашего же героя разбирательство с делом Ключевой — Роскина обернулась ещё и дополнительной работой — 21 апреля 1947 года политбюро приняло решение «возложить наблюдение за работой Министерства здравоохранения СССР на т. Жданова А. А., освободив от этой обязанности т. Ворошилова К. Е.»^{692}.

Впервые суд чести Минздрава СССР собрался 15 мая 1947 года, его председателем был избран хирург Александр Шабанов, главный редактор журнала «Фельдшер и акушерка». Общественным обвинителем по предложению Жданова стал хорошо знакомый ему Пётр Куприянов. В отличие от Ключевой и Роскина председатель и обвинитель суда чести в

1941—1945 годах работали не в тылу, а на фронте, военными хирургами. Генерал-лейтенант медицинской службы Куприянов был не только главным хирургом Ленинградского фронта, но и по праву считался одним из лучших медиков страны в области сердечно-сосудистой хирургии.

15—16 мая в суд чести Министерства здравоохранения для предварительных объяснений были приглашены профессор Роскин и другие медицинские работники и чиновники, замешанные в этом деле. Примечательно, что Клюева явиться в суд отказалась.

Копии стенограммы по результатам этих бесед-«допросов» передавались непосредственно Жданову и Сталину. МГБ, выполняя распоряжение политбюро об обеспечении секретности научных исследований Клюевой — Роскина, контролировало и частные разговоры учёных. Уже в ночь на 16 мая Сталину доставили запись разговора «подсудимых» с корреспондентом газеты «Известия» Эмилем Финном, специализировавшимся на освещении судебных процессов. Просмотрев листки с записью этой беседы, Сталин оставил карандашную пометку: «Поговорить со Ждановым»^{693}.

Первый в СССР суд чести начался 5 июня 1947 года в актовом зале знаменитого Дома на набережной. На нём присутствовал весь ареопаг советской медицины — работники министерств здравоохранения СССР и РСФСР, Академии медицинских наук, академики, профессора, директора институтов, клиник и вузов, ведущие медицинские специалисты страны.

«Воспитательный» процесс на глазах всей научно-медицинской общественности продолжался три дня, до 7 июня, повторяя общепринятую судебную процедуру с допросами и объяснениями «подсудимых» и свидетелей. В качестве своеобразного свидетеля суда чести выступил и Андрей Жданов — его «показания» были оформлены в виде письма на имя председателя суда чести Шабанова. Письмо заранее было составлено Ждановым и отредактировано совместно со Сталиным.

Жданов обвинял учёных в «желании угодить иностранцам», в том, что они «руководствовались соображениями личной славы и дешёвой популярности за границей», в итоге «лишили советскую науку приоритета в этом открытии и нанесли серьёзный ущерб государственным интересам Советского Союза»^{694}. Подчеркнём: речь шла именно о моральных, а не уголовных обвинениях.

Жданов же отредактировал и речь общественного обвинителя профессора Куприянова с экскурсом в историю отечественной науки и культуры: «Всякого рода антипатриотические воззрения, чувства,

унижающие достоинство людей, чувство постоянной зависимости от иностранщины, чувство раболепия и преклонения перед ней долгие и долгие годы вбивали в головы интеллигенции и народа как господствовавшие реакционные классы царской России, так и реакционные зарубежные силы, которым было выгодно поддерживать это рабское чувство преклонения перед всем иностранным среди народов, населявших Россию»^{695}.

Именно в этой речи было публично на всю страну и мир заявлено, что отныне СССР является альтернативным Западу научным центром мира, а «русский язык — один из самых богатых, развитых языков мира — уже давно является международным языком»^{696}. Отныне Советский Союз претендовал на планетарное лидерство не только в политике, но и в науке.

Имея за плечами богатый опыт публичных мероприятий, начиная с организации Первого съезда советских писателей 1934 года, товарищ Жданов как по нотам разыграл необходимое ему демонстративное действо, почти театральный процесс. Суд чести вынес решение: признать «поведение Ключевой и Роскина недостойным, антигосударственным и антипатриотическим» и «объявить профессору Ключевой Н.Г. и профессору Роскину Г.И. общественный выговор». На гребне послевоенного патриотизма очень многие вполне искренне возмущались поведением Ключевой и Роскина.

«Осуждённые» продолжили свою работу в предоставленном им правительством научно-исследовательском институте, а Жданов продолжил воспитательную кампанию, организовав обсуждение первого суда чести во всех парторганизациях, НИИ и вузах страны. Не забыли и культурное воздействие — по мотивам событий в том же году появилась пьеса «Закон чести», написанная ленинградским драматургом Александром Штейном, в годы войны служившим фронтовым корреспондентом Балтийского флота. Пьеса станет сценарием для фильма «Суд чести», который снимет в 1949 году известный тогда режиссёр Абрам Роом, — картина получит Сталинскую премию, её посмотрят свыше пятнадцати миллионов кинозрителей. Не останется в стороне и Константин Симонов: в течение года он тоже напишет пьесу «Чужая тень» — о «заблудших учёных, вставших на скользкий путь стремления к зарубежной славе». Писатель передаст её Жданову в 1948 году, накануне его смерти — ни постановку задуманных пьес, ни экранизацию этой поучительной истории Жданов уже не увидит...

Но вернёмся в июнь 1947 года, когда де-факто второй человек в СССР

составил закрытое письмо о «деле КР» и разослал этот документ с прилагавшимися материалами суда показательному кругу адресатов: «Членам и кандидатам ЦК ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам и райкомам партии, министрам СССР, членам коллегий и руководителям центральных ведомств, секретарям парторганизаций министерств СССР и центральных ведомств, всем командующим военных округов и войсковых групп»^{697}.

В письме Жданов от имени ЦК «разжёвывал» поставленные проблемы научного приоритета: «Наука в России всегда страдала от этого преклонения перед иностранщиной. Неверие в силы русской науки приводило к тому, что научным открытиям русских учёных не придавалось значения... Всё это было выгодно для иностранных капиталистов, поскольку облегчало им возможность воспользоваться богатствами нашей страны в своих корыстных целях и интересах. Поэтому они всячески поддерживали и насаждали в России идеологию культурной и духовной неполноценности русского народа»^{698}.

В письме подчёркивалось, что «источником раболепия и низкопоклонства» в современных условиях является попавшая под духовное влияние Запада «наименее устойчивая часть нашей интеллигенции».

Суть и задачи развёрнутой воспитательной и пропагандистской кампании Жданов сформулировал в следующем абзаце: «Дело Ключевой и Роскина вскрыло, что среди некоторых работников нашего государственного аппарата, в том числе и руководящих, имеют место нетерпимое притупление бдительности, благодушие и ротозейство. Перед лицом враждебного капиталистического окружения некоторые наши работники ведут себя не как государственные политические деятели, а как беспринципные аполитичные деляги, готовые попасть в сети и оказать любую услугу иностранному разведчику ради пары льстивых, ласковых слов. Если мы хотим, чтобы нас уважали и считались с нами, мы должны прежде всего уважать самих себя. Задача заключается в том, чтобы наши люди научились держать себя с достоинством, как подобает советским людям»^{699}.

В наши дни очернителями истории «дело Ключевой — Роскина» используется как аналог «травли Ахматовой и Зощенко» в сфере воздействия государства на научную интеллигенцию. Утверждается, что, мол, Сталин и Жданов по своей тоталитарной привычке мешали естественному развитию отечественной и мировой науки. При этом

подразумевается, что центр этой науки находится конечно же за пределами нашей страны. Впрочем, обличители научной «ждановщины» своего добились — центр науки в наши дни действительно страшно далёк от России. А рыдания по поводу «гибели международного сотрудничества» в конце 1940-х годов, отсутствия в нашей стране «научной открытости» отдают театральщиной и рассчитаны на очень наивных людей. Выжженная чудовищной войной страна не могла позволить себе дарить высокой ценой добытые научные знания куда более богатому и благополучному сопернику. Тем более что соперник и сам, вопреки утверждениям, никогда не был склонен к филантропии и не спешил делать встречные подарки.

Постановление «О судах чести» предусматривало, что они избираются на один год. Но Жданов задумывал их не как временную пропагандистскую кампанию, а как всеобщий и постоянный инструмент воспитания общества — прежде всего чиновников и интеллигенции. И неудивительно, что именно чиновники и стали главными противниками этого нововведения. В отличие от интеллигенции они не выражали своё недовольство публично, но сопротивлялись привычными им бюрократическими методами.

Руководители центральных министерств отнюдь не спешили получить в своих ведомствах новый, непонятный, а главное, независимый от них общественный орган. Например, в Министерстве авиационной промышленности суд чести выбирать не стали, поскольку министр Хруничев посчитал, что у его подчинённых нет провинностей, которые находятся в компетенции судов чести. Министерство находилось на острие технического противоборства холодной войны, как раз начинались работы по созданию реактивной авиации (не менее важные для страны, чем атомный проект) и авиационный министр, ощущая свою необходимость, мог проявить независимость от органов партийного контроля.

Другие чиновные начальники сопротивлялись не явно, но не менее решительно. В итоге задуманная кампания развивалась медленно и со скрипом. Только в начале октября 1947 года состоялся суд чести в Главном управлении гидрометеорологической службы — его работники обвинялись за излишнее рвение в рассекречивании сведений по гидрометеорологическому режиму отдельных районов СССР.

15 октября 1947 года состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б), посвященное вопросам исполнения постановления «О судах чести». «Мне кажется, — говорил на заседании оргбюро Алексей Кузнецов, — что в реализации закрытого письма ЦК мы встречаем сопротивление. Хочется признавать это или не хочется, но это факт: мы встречаем сопротивление и со стороны партийных руководителей на местах, и со стороны

хозяйственных руководителей. То, что товарищи не хотят организовывать суд чести, означает, что они сопротивляются той новой форме воспитания интеллигенции, которую установил ЦК»^{700}.

Такое мнение одного из главных выдвиженцев Жданова было не случайным. В ЦК вопросы судов чести курировали именно Кузнецов и Суслов, но главное — для группировки Жданова суды чести были не только инструментом мобилизации общества в условиях холодной войны, но и средством усиления собственного влияния на весь государственный аппарат. Поэтому новый секретарь ЦК Алексей Кузнецов проявит небывалую активность в организации таких судов. Но ситуация имела и обратную сторону — рост влияния и активное вмешательство «Ленинградцев» Жданова во все сферы формировало против них молчаливое сопротивление, сговор остальных группировок во власти, ориентированных на других лидеров — в первую очередь на Маленкова и Берия. Эта консолидация чиновничьих интересов против «Ленинградской группы» очень скоро, почти сразу после смерти Жданова, породит «ленинградское дело». Но пока товарищ Жданов был ещё жив, и кампания судов чести развивалась вопреки молчаливому саботажу бюрократии.

Чтобы подать пример министерствам, а заодно и подвинуть сторонников Маленкова, Жданов инициировал проведение суда чести в аппарате ЦК. «Подсудимыми» стали ответственные работники Управления кадров и Управления пропаганды и агитации, руководившие отделами этих управлений до прихода туда людей Жданова. Впрочем, вменили им реальные прегрешения в виде слишком явной тяги к «сладкой жизни», ресторанам и женщинам в послевоенной Москве.

В ноябре 1947 года прошёл суд чести в Министерстве высшего образования СССР над профессором сельскохозяйственной академии Жебраком за то, что тот критиковал своего оппонента Лысенко не в советских изданиях, а на страницах американского журнала «Science».

До конца 1947 года состоялись суды чести в Министерстве геологии и Министерстве государственного контроля, в начале 1948 года — в Министерстве электропромышленности и Министерстве станкостроения. В декабре был санкционирован и в январе 1948 года проведён суд чести в Министерстве вооружённых сил. Под суд попали хорошо знакомые Жданову недавние высшие руководители ВМФ — адмиралы Кузнецов, Галлер, Алафузов, Степанов. Данный суд проходил на основании соответствующего постановления о военных судах чести от 1939 года, но явно в рамках кампании, начатой Ждановым. Общественным обвинителем адмиралов выступил маршал Леонид Говоров, ещё один соратник и

выдвиженец Жданова.

Реальными причинами суда были разногласия Сталина с Кузнецовым о путях развития флота и, главное, невысокая оценка высшим руководством страны деятельности ВМФ в 1941—1945 годах и его послевоенной боеготовности. Официальное обвинение состояло в том, что в конце войны адмиралы передали Великобритании и США чертежи и описания некоторых систем вооружения нашего флота, а также большое количество секретных морских карт. Суд чести состоялся очень быстро и уже в начале февраля 1948 года признал адмиралов виновными и постановил ходатайствовать перед Советом министров СССР о предании их уже уголовному суду.

Не обошли своим вниманием ленинградские энтузиасты судов чести и такой важнейший орган сталинского государства, как Министерство госбезопасности. На выборах членов суда чести МГБ в ноябре 1947 года выступил Алексей Кузнецов: «Органы государственной безопасности должны усилить чекистскую работу среди нашей советской интеллигенции... мы будем воспитывать интеллигенцию в духе искоренения низкопоклонства перед границей, будем судить судом чести... Видимо по отношению кое-кого из представителей интеллигенции, уж особо преклоняющихся перед Западом, мы должны будем принять другие меры — чекистские меры»^{701}.

Суд чести в МГБ состоялся в начале марта 1948 года и неожиданно вызвал неудовольствие Сталина, который посчитал, что секретарь ЦК Кузнецов зарвался, организовав подобное мероприятие в столь ответственном министерстве без санкции политбюро. Это, однако, не остановило Жданова в стремлении расширить и усилить роль таких судов. 19 марта 1948 года он направил Сталину проект постановления о создании союзного суда чести. Данный орган должен был уже разбирать моральные прегрешения самых высших представителей сталинской бюрократии на уровне министров и заместителей председателя правительства. Для союзного суда чести был даже намечен первый «подсудимый» — министр путей сообщения Иван Ковалёв, обвинённый в расходовании слишком больших средств на переустройство своей дачи.

Но проект такого всеильного суда чести уже напрямую задевал интересы и безопасность всех других членов политбюро, не входивших в группировку Жданова. Маленков, Берия, Молотов, Микоян, Каганович, Булганин либо руководили министерствами, либо являлись заместителями председателя Совета министров — то есть попадали под юрисдикцию союзного суда чести. В отличие, кстати, от самого Жданова, который

никаких постов в правительстве и министерствах не занимал.

Поэтому ждановский проект союзного суда чести на собрании «узкой группы» политбюро в апреле 1948 года остальные высшие лидеры СССР совсем по-чиновничьи просто утопили в поправках и обсуждениях, и в итоге утверждение такого суда отложили до пленума ЦК партии. Вероятно, наш герой не сомневался, что на пленуме он «продавит» свой проект — вспомним, что Жданов планировал куда более частое проведение пленумов и съездов партии. Но он не знал, что жить ему оставалось чуть более трёх месяцев, а следующий пленум ЦК после его смерти состоится только в 1952 году.

Тем не менее сама кампания судов чести не останавливалась. Так, в июне 1948 года состоялся суд чести даже в Комитете информации — органе, который с 1947 года объединял сразу две разведки, политическую и военную, чекистов и ГРУ. На этом суде рассматривалось дело генерал-майора Леонида Малина, резидента в Берлине и советского представителя в Контрольном совете по Германии. Ему вменили недостойное поведение при общении с бывшими союзниками и по итогам суда чести перевели из внешней разведки в мелкие начальники железнодорожной охраны.

В наши дни суды чести, с подачи западных историков времён холодной войны, оцениваются сугубо односторонне и негативно, как ещё один пример «ждановщины». При этом обычно упускают из виду, что аналогичные и даже похожие по форме процессы в то же время шли и в США. Внутреннее политическое ужесточение американской «демократии» не отставало от аналогичных процессов советского «тоталитаризма». Так, в октябре 1947 года Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности проведёт процесс над группой работников Голливуда, уличённых в симпатиях к «красным». Тогда же в Штатах введут «чёрные списки» работников культуры, установят запрет на освещение в кино темы «богатых и бедных» и прочие ограничения. В этом плане внутренняя политика США эпохи маккартизма и деятельность Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности не будут принципиально отличаться от «ждановщины» — обе стороны в условиях начавшейся холодной войны проведут «закручивания гаек» в идеологии.

6 июля 1948 года Сталин подписал переданный ему Ждановым проект постановления о продлении деятельности судов чести ещё на один год. Одновременно на стол вождя СССР лёг бланк Лечебно-санитарного управления Кремля с медицинским заключением о предоставлении Жданову длительного отпуска для срочного лечения. Из этого отпуска наш герой уже не вернётся...

Глава 34.

«ФИЛОСОФСКИЙ СЪЕЗД»

Наряду с кампанией судов чести, в последний год своей жизни Жданов инициировал ещё один нашумевший метод воспитания и управления обществом. Он вообще был сторонником мягких, не репрессивных подходов к подобным вопросам, и предложенный им приём был по форме даже более демократичен, чем общественный суд. Речь идёт о научных и иных дискуссиях, сотрясавших внутреннюю жизнь СССР в конце 40-х годов минувшего века. Естественно, эти дискуссии затронули прежде всего образованную часть общества — высший слой партийного чиновничества, научную и культурную интеллигенцию, студенчество.

Началось всё с, казалось бы, отвлечённой и далёкой от приземлённых проблем философской дискуссии 1947 года. Поводом послужило направленное Сталину в ноябре 1946 года письмо Зиновия Белецкого, заведующего кафедрой диалектического материализма философского факультета МГУ. Этот сын белорусского священника, бывший медик и дипломированный философ, мягко говоря, был очень не любим философским сообществом СССР — фанатичный марксист Белецкий постоянно критиковал всех и вся, невзирая на должности и лица. В письме Сталину (а писали вождю СССР учёные тогда часто и много) неугомонный философ покритиковал недавно вышедшие в свет третий том «Истории философии» и книгу «История западноевропейской философии». Автором последней был весьма большой тогда кремлёвский начальник — уже знакомый нам руководитель Управления пропаганды и агитации Георгий Александров. Он же, Александров, был и среди соавторов третьего тома «Истории философии», также посвященного европейской философии Нового времени, прежде всего немецкой классической.

Естественно, что работы начальника такого уровня были тут же подняты на щит большинством философского сообщества — их выдвинули на Сталинскую премию, почти объявили эталонными и т. п. Однако мысли Белецкого о философии Гегеля и Канта с критикой товарища Александрова показались Сталину интересными. Тем не менее письмо стало лишь поводом, причин же, как у любого явления жизни, здесь прятался целый комплекс. Работа карьерного философа и пропагандиста Александрова отличалась академизмом и традиционным почтением к западноевропейской традиции, из которой и вырос марксизм. Но в условиях начавшегося

противостояния с Западом требовался и иной подход к западной философии.

Помимо того, верхи явно стремились расшевелить мысли и страсти, бросить камень в застоявшееся философское болото. Действительно, к 1940-м годам ставшие большими начальниками ведущие философы того времени — тот же Александров, Марк Митин или Павел Юдин — забыли комсомольские споры 1920-х годов, обогатились щедрыми сталинскими премиями, неплохо обустроили быт и уже не стремились ничего менять в своём благополучном «философском» существовании.

Наряду с этим, вероятно, свою роль сыграло желание товарища Жданова «подвинуть» тесно связанного с группой Маленкова товарища Александрова с ответственного поста начальника Управления пропаганды и агитации ЦК. Здесь, как видим, политические убеждения Жданова полностью совпадали с его личными интересами.

В январе 1947 года Секретариат ЦК ВКП(б) устами ждановского выдвиженца Алексея Кузнецова распорядился организовать критическое обсуждение книги Александрова «История западноевропейской философии» в Институте философии Академии наук СССР. По свидетельству очевидцев, на этой дискуссии присутствовал личный секретарь Сталина: Александр Поскрёбышев слушал заумные споры о немецкой диалектике и метафизике в форме генерал-майора.

Стенограммы трёхдневного заседания философов немедленно отправлялись в секретариат Жданова. Наш герой посчитал критику недостаточной, с ним согласился Сталин, назвав январскую дискуссию «куцей» — именно это слово вписал красным карандашом вождь СССР в подготовленный Ждановым проект постановления политбюро «О дискуссии по книге тов. Александрова»^{702}. В итоге принятое 22 апреля 1947 года постановление признавало, что январская дискуссия «оказалась куцей, неэффективной», к концу мая была намечена новая дискуссия с обязательной широкой публикацией её стенограммы. «Организацию и проведение новой дискуссии поручить тов. Жданову» — гласил последний пункт постановления^{703}.

Действительно, в политбюро при всём многообразии организационных талантов и воли к власти у большинства его членов, пожалуй, только Жданов мог выполнить столь специфический гуманитарный проект. Тем более что «наезд» на философское сообщество требовалось провести не грубо, а мягко и дипломатично.

Андрей Жданов был завален массой разнообразных задач. В числе

прочего именно с мая 1947 года началась подготовка к созданию Коминформа, а в начале июня прошёл первый суд чести над профессорами Ключевой и Роскиным. Поэтому новая философская дискуссия началась почти на три недели позже запланированного срока. По точному замечанию её очевидца и участника, «то был единственный в нашей истории всесоюзный съезд работников философии»^{704}.

Дискуссия проходила с 16 по 25 июня и уже не в конференц-зале Института философии, как это было в январе, а в здании ЦК. К участию пригласили ведущих философов из вузов и научных учреждений не только Москвы, но и Ленинграда, Киева, Минска и других крупнейших городов страны. Также присутствовали руководящие работники ЦК ВКП(б), республиканских и областных парторганизаций — фактически вся идеологическая номенклатура страны. Пригласили и несколько десятков руководителей Академии наук, ведущих экономистов и историков, не забыли и первых литераторов того времени — в заседаниях «философского съезда» приняло участие всё руководство Союза писателей: Вишневский, Фадеев, Панфёров, Симонов и др. Помимо Жданова на всех заседаниях присутствовали секретари ЦК Кузнецов и Сулов. Интересно, что Жданов оформил пропуск-приглашение и своей жене, Зинаиде Александровне, работавшей тогда сотрудницей «историко-партийного кабинета» в ВПШ. «Философский съезд» Зинаида Жданова посещала вместе с супругой маршала Ворошилова, работницей той же партшколы. Этих жён членов политбюро объединяла не только совместная работа и соседние квартиры в Кремле: до встречи с мужьями-большевиками в юности обе успели побывать членами партии социалистов-революционеров...

Заседания шли по вечерам, с 18 до 22 часов, иначе их не мог посещать загруженный делами Андрей Жданов. Именно он по поручению ЦК открыл первое заседание коротким вступлением: «Уже то, что эта дискуссия проводится вторично, показывает, какое значение Центральный Комитет придаёт обсуждаемой теме. Тема эта, как вы сами понимаете, серьёзная»^{705}.

Ещё раз отметим пристальное внимание сталинского руководства к, казалось бы, отвлечённым вопросам литературы или философии — факт в истории, пожалуй, беспрецедентный. На этот раз дискуссия получилась достаточно свободной и не без неожиданностей. Так, опять проявился неугомонный «великорусский шовинист» Хорен Аджемян, призвавший ЦК большевиков «взять в союзники диалектического материализма православие в целях борьбы с Ватиканом»^{706}.

Но кульминацией дискуссии были конечно же не этот казус и не выступления «штатных» советских философов. Внимание всех присутствующих было приковано к речи товарища Жданова. Внимательно наблюдая и слушая выступающих, ночами Жданов работал над подготовкой своего доклада. Текст его был готов к 23 июня и тут же направлен Сталину с сопроводительной запиской:

«Тов. Сталину. Направляю Вам проект своей речи на философской дискуссии. Очень прошу Вас просмотреть и сделать свои указания. Речь предполагаю произнести завтра, 24-го июня в 6 ч. вечера, после чего, по моему, следует вести прения ещё в течение вечернего заседания 24-го и часть вечернего заседания 25-го июня с тем, чтобы 25-го июня дать заключительное слово т. Александрову и на этом закончить дискуссию. А. Жданов»^{707}.

На записке рядом с чернильной подписью Жданова Сталин написал ответ простым карандашом: «Т. Жданов! Вышло не плохо. Хорошо бы разбить речь на две главы (глава 1-ая — критика учебника, глава 2-ая — о философ. фронте). Есть поправки в тексте. И. Сталин»^{708}.

Андрей Жданов дисциплинированно разбил свой доклад на две главы с соответствующими названиями. Правки вождя и старшего товарища были немногочисленными — 26 на сорок одной странице — и скорее стилистическими. Так, в изначальной ждановской фразе — «марксизм возник, вырос и победил в беспощадной борьбе со всеми представителями идеалистического мракобесия» — Сталин исправил залихватское «мракобесие» на более строгое и уважительное «направление». Впрочем, доклад сохранил привычную Жданову живость и нарочитую весёлость стиля — последнее, пожалуй, в те времена было присуще исключительно его произведениям; все остальные властители СССР были тогда сугубо серьёзны в публичных выступлениях. Жданов же и в докладе, задуманном по сути как обязательная директива всему философскому сообществу, сумел с юмором и дипломатично польстить аудитории, прежде чем начать ею командовать и ставить в рамки.

Начиная выступление, он назвал себя «философским юнгой, впервые вступающим на зыбкую палубу философского корабля во время жестокого шторма», в отличие от присутствующих в зале профессиональных философов, названных «старыми философскими морскими волками», способными «легко бороздить философские моря и океаны»^{709}. При этих словах стенограмма фиксирует одобрительный смех в зале, что, впрочем, привычно для его докладов и выступлений. Жданову такая реакция

слушателей явно нравилась. Без сомнения, и сам Сталин считал, что чрезмерную серьёзность, присущую советским вождям, полезно иногда разбавлять простыми человеческими шутками.

Но почти сразу аудитория получила совсем нешуточный удар: «На философском фронте отсутствует развёрнутая большевистская критика и самокритика. Отсутствие творческих дискуссий, критики и самокритики не могло не отразиться пагубным образом на состоянии научной философской работы. Известно, что философская продукция совершенно недостаточна по количеству и слаба по качеству. Монографии и статьи по философии — редкое явление»^{710}.

Отметим, что для Жданова «критика и самокритика» была не просто прикладным инструментом, в его понимании она являлась главным средством преодоления противоречий в социалистическом обществе. Жданов так сформулировал этот ключевой тезис: «Наша партия уже давно нашла и поставила на службу социализму ту особенную форму раскрытия и преодоления противоречий социалистического общества (а эти противоречия имеются, и о них философы не хотят писать из трусости), ту особенную форму борьбы между старым и новым, между отживающим и нарождающимся у нас в советском обществе, которая называется критикой и самокритикой»^{711}.

Не будем вдаваться во все философские тонкости сорока с лишним страниц научного доклада Жданова. Очевидец вспоминал позднее: «Речь Жданова произвела на участников дискуссии сильное впечатление. На фоне по преимуществу догматических выступлений её участников она выгодно отличалась имманентностью хода рассуждения, претензией на крупномасштабные обобщения и глобальные формулировки, как бы выводящие методологию историко-философского исследования на новый и высокий уровень»^{712}.

Эта оценка принадлежит доктору философских наук Захару Каменскому. При этом сам Каменский, один из лучших специалистов по истории русской философии XIX века, весьма критически относился к роли Жданова и написал эти слова в сборнике, изданном в 1991 году, в самый разгар антисталинской «перестроечной» публицистики, под говорящим названием «Изживая "ждановщину"». К философскому содержанию доклада Жданова Захар Каменский отнёсся критически, но, как видим, не смог не отметить блестящую форму того доклада.

Сразу после выступления Жданова аудитория мигом разделилась на льстецов и критиков. «Придворный философ» Марк Митин, руководитель

кафедры диалектического материализма ВПШ, поспешил с запиской: «Уважаемый Андрей Александрович! Не могу удержаться от того, чтобы не выразить свои чувства после Вашей речи. Ваша речь доходит до глубины души... Вот каким большевистским языком мы должны говорить! Вот чему мы должны учиться. Разрешите мне от всей души поблагодарить Вас за такое вдохновляющее выступление»^{713}.

Показательно раскаялся и сам объект критики. «Я вполне сознаю, — писал в июле 1947 года Александров Сталину и Жданову, — что не поправь меня Центральный Комитет по теоретическим вопросам, мало пользы было бы от меня как профессионального философа для партии... Философская дискуссия, и особенно глубокое, сильное выступление товарища Жданова, зарядили философских работников огромной большевистской страстью, вызвала у всех у нас рвение, искреннее стремление покончить со старыми приёмами, навыками в научной, публицистической и организаторской работе»^{714}.

Жданов наверняка усмехнулся такой грубой лести, в те дни на его рабочем столе подобных записок появилось немало. Но куда больше внимание Жданова привлекли развёрнутые письма, направленные ему рядом философов, в том числе совсем не «маститых». Многие из них содержали вполне конструктивную критику отдельных положений его доклада от 24 июня 1947 года.

И здесь отметим, что особое внимание Жданов уделил не «чистым», кабинетным философам, а тем, кто занимался вопросами философии, одновременно работая в области естественных наук. Так, к нему обратился сотрудник аппарата ЦК Сергей Суворов, получивший образование и начинавший карьеру как учёный-физик, поэтому в докладе Жданова он обратил внимание на момент, где были затронуты совсем уж глубоко научные моменты стыка физики и философии по поводу природы материи. Ознакомившись с соображениями Суворова и материалами теоретической физики, Жданов согласился, что его пассаж с полным отрицанием взгляда на материю, как «сумму волн, несущих энергию», всё же не совсем верен с точки зрения современной ему физической теории. В итоге в печатной версии доклада появилась более осторожная и обтекаемая формулировка, что отрицаются попытки изобразить материю «только лишь как некоторую совокупность волн». На этом примере можно оценить степень глубины и проработки Ждановым философских идей.

На следующий день после доклада, 25 июня 1947 года, к Жданову обратился 42-летний профессор философии Бонифатий Кедров, крупный

учёный в области органической химии. Жданов обратил внимание на пророческие слова Кедрова о том, что в советской жизни уже присутствуют «некоторые симптомы особого рода ревизии марксизма путём выхолащивания из него творческого характера»^{715}. Собственно, все последующие десятилетия, 1950—1980-е годы, и пройдут в СССР под знаком такого выхолащивания и омертвления марксистской идеологии. И вполне диалектический парадокс: здесь свою негативную роль сыграет именно выдвигенец Жданова на ниву идеологии М.А. Суслов. Впрочем, в отсутствие живой марксистской философии в брежневское время, «заместитель генсека по идеологии» только и мог, что консервировать прежние наработки.

Жданов явно чувствовал такую опасность. Сама организованная им и Сталиным дискуссия во многом была направлена как раз против народившегося самоуспокоения и выхолащивания философской науки. По итогам встречи с философом-химиком Кедровым у Жданова появилась мысль не ограничиваться только публикацией стенограммы «философского съезда». В записной книжке он пометил карандашом: «Философск[ий] журнал и начать с дискуссии»^{716}. Так в конце 1947 года в СССР появился журнал «Вопросы философии», призванный бороться с застоём в области теории. Новый журнал должен был играть ту же роль, что и газета «Культура и жизнь» в творческой сфере. Главным редактором журнала с подачи Жданова стал Бонифатий Кедров — его снимут с этого поста через несколько месяцев после смерти Жданова, когда люди Маленкова возьмут административный реванш и разгромят «ленинградскую группу». Попытка радикально оживить философскую мысль в СССР в рамках марксизма в конечном итоге не удалась.

Для лучшего понимания атмосферы тех лет обратим внимание на такую деталь: упомянутые нами крупные философы эпохи были не просто учёными. Все они — участники Великой Отечественной войны. Например, доктора философии Захар Каменский и Бонифатий Кедров были бойцами Московского народного ополчения: Каменский — рядовым стрелком, а Кедров — командиром артиллерийского расчёта; на передовой они прошли самые страшные бои осени 1941-го и первой военной зимы.

Фронтовой опыт наряду с опытом естественных наук и, разумеется, поддержкой Жданова тоже в немалой степени способствовал взлёту философской карьеры Кедрова. Очень скоро, в сентябре 1947 года, Жданов прервёт и большую государственную карьеру философа Александрова — решающую роль здесь сыграли не «философские» ошибки, а повышенное

внимание к личному благополучию с высокими гонорарами и принадлежность к группе Маленкова. Александрова на посту начальника УПА сменит (в том числе и по результатам философской дискуссии) ждановский выдвиженец Михаил Сулов, а его заместителем станет также человек Жданова Дмитрий Шепилов — оба, опять-таки, не только с высшим образованием, но и с реальным практическим и фронтовым опытом. Оба до конца жизни останутся преданными коммунистическим идеалам и приверженцами аскетического образа жизни.

Раскритикованного на философской дискуссии и уволенного из аппарата ЦК Александрова переведут на пост директора Института философии. Уже после смерти Сталина, в короткий период выдвижения в первые лица Георгия Маленкова, его тезка и креатура Георгий Александров станет министром культуры СССР. Он пробудет на этом посту год и один день и снова будет «задвинут» в мелкие научные начальники сразу после того, как Хрущёв победит Маленкова в аппаратной борьбе. Но это уже совсем другая история...

9 июля 1947 года по итогам философской дискуссии к Жданову обратился 39-летний Михаил Иовчук, секретарь ЦК КП(б) Белоруссии по пропаганде и агитации. Он просил Жданова включить в публикуемую стенограмму «философской дискуссии» свой ответ на критику его статей, прозвучавшую в одном из выступлений. На просьбу Иовчука Жданов резонно ответил короткой запиской: «Это было бы несправедливо по отношению к другим. Жданов»^[717].

По согласованному со Сталиным решению стенограмма должна была быть обнародована полностью, без купюр и дополнений. Исключили только личные нападки на Александрова в одном из выступлений и призыв Аджемьяна побрататься марксистам с православием «против Ватикана», а также подкорректировали упомянутую выше фразу в докладе Жданова о соотношении материи и энергии.

Жданов утверждал даже эскиз обложки первого номера журнала «Вопросы философии», в котором обнародовали стенограмму съезда. Примечательно, что по предложению Жданова в новом журнале установили и самые высокие в СССР гонорары за публикацию.

В завершение темы добавим, что философский доклад Жданова тогда же напечатали отдельной брошюрой. До самой смерти Сталина её неоднократно будут переиздавать большими тиражами и сделают важной частью официальной идеологии «позднего сталинизма», обязательной к изучению в вузах.

На прошедшем под руководством Жданова «философском съезде»

прошла лишь первая из намеченных высшим руководством СССР дискуссий по важнейшим научным направлениям. Летом 1948 года пройдёт инициированный высшим руководством страны диспут биологов, когда на сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина) яростно столкнутся сторонники и противники Лысенко.

На весну 1949 года наметят аналогичную дискуссии среди физиков. Но она не состоится — на тот момент многие ведущие специалисты были слишком заняты в атомном проекте, а когда в августе того же года успешно испытали первую советскую ядерную бомбу, в Кремле явно сочли, что у советских физиков и без дискуссии всё в порядке с теорией и практикой.

Летом 1950 года среди филологов и не только пройдёт большая дискуссия по проблемам языкознания. В конце 1951 года будет организована дискуссия по проблемам политэкономии социализма. Аналогичные мероприятия пройдут среди историков и других представителей академических наук. Отметим, что вылившиеся в жаркие, а порой и ожесточённые споры дискуссии были не только инициативой верховной власти — во многих случаях необходимость их проведения вызревала «снизу».

Однако опыт этих дискуссий так и не был до конца осмыслен. И в индивидуальных мемуарах, и в коллективной памяти научного сообщества он остался негативным из-за всеобщего нежелания быть объектом ожесточённой критики. Но вот парадокс — для развития науки оказалось полезнее содрогаться в таких вот дискуссиях под требовательным оком злой власти, чем ощущать спокойное безразличие нашего времени к научным достижениям...

Глава 35.

«МИНИСТР И МУЗЫКА»

По мнению Жданова, в дискуссиях нуждались не только сугубо научные сферы — культура и искусство тоже не могли развиваться без «критики и самокритики». Но под грудой разнообразных задач послевоенного восстановления этот вопрос отодвигался на второй план. «Сигналы были, но у нас не доходили руки»^{718} — так выскажется об этом Андрей Жданов в январе 1948 года.

Поводом стала опера Вано Мурадели «Великая дружба», поставленная на сцене Большого театра к тридцатилетию Октябрьской революции. 5 января 1948 года Сталин, Жданов, Молотов, Берия, Маленков, Микоян и Вознесенский наконец посмотрели её. Полночь с 5-го на 6-е все вышеперечисленные руководители встретили в кремлёвском кабинете Сталина.

Вероятно, у лидеров СССР были завышенные ожидания от оперы, постановка которой была приурочена к столь знаменательной дате. Дмитрий Шепилов вспоминал: «Жданов сразу же после её прослушивания сказал мне, что Сталин остался недоволен новой оперой. По его мнению, это — какофония, а не музыка. К тому же Сталин считает, что фабула оперы искажает историческую правду. Андрей Александрович предложил мне, чтобы Агитпроп разобрался, каково положение в советской музыке, и подготовил ЦК свои предложения»^{719}.

Отметим, что все свои распоряжения наш герой подкреплял такой ссылкой на товарища Сталина — даже в среде чиновников высшего уровня «культ личности» оставался удобным инструментом управления. Но, судя по тому явному увлечению, с которым Жданов в начале 1948 года занялся «музыкальным фронтом», его негативная оценка юбилейной оперы была вполне искренней, а не просто уступкой мнению вождя. Для Жданова неудачная опера станет не только поводом для проведения дискуссий в музыкальной среде, но и возможностью заменить руководство советской культуры своими выдвинутыми.

Опера «Великая дружба» (другое её название «Чрезвычайный комиссар») рассказывала о Гражданской войне на Кавказе. Композитор Вано Мурадели был земляком Сталина, уроженцем Гори, того же города, где родился вождь. Вообще-то Мурадели от рождения носил армянскую

фамилию Мурадян, но в честь вождя сменил её на грузинский аналог. Был он вполне успешным и небесталанным композитором, ряд его произведений пользовался заслуженной популярностью, а парадные музыкальные вещи, вроде симфонии памяти Кирова или «Кантаты о Сталине», обеспечили ему высокое и доходное место в музыкальной иерархии СССР. Мурадели был легальным советским миллионером. Только Большой театр в 1947 году выплатил ему за музыку к опере «Великая дружба» 67 тысяч рублей, а ещё 17 советских театров, также собиравшихся ставить это произведение, заплатили композитору свыше 170 тысяч рублей. Для сравнения напомним: месячная зарплата руководителя в аппарате ЦК тогда составляла чуть более двух тысяч рублей.

Современные исследователи «музыкальных событий» 1947—1948 годов в целом достаточно критично относятся к уровню злополучной оперы Мурадели. Однако, раскритиковав парадное произведение советского композитора («причудливую смесь из самого дурного пошиба оперной вампуки с набором заштампованных политических лозунгов»^{720}), тут же начинают осуждать сталинское руководство и персонально Жданова за критику раскритикованной ими же оперы. И в угаре привычного антисталинизма эта явная, мягко говоря, нелепость совсем не смущает исследователей.

Но нам куда интереснее оценка оперы, подготовленная в недрах ждановского агитпропа: «Если все русские охвачены мрачным чувством мести, изображены одной чёрной краской, то все горцы показаны в идиллических тонах... Мы не встречаем ни одного русского положительного персонажа... Орджоникидзе выведен не руководителем большевистски настроенной горской и казачьей бедноты, не организатором партизанской борьбы в тылу у Деникина, как это было в действительности, а лишь вождём горцев... Следует отметить также, что если музыка, характеризующая комиссара и горцев, широко использует национальные мелодии и в целом удачна, то музыкальная характеристика русских лишена национального колорита, бледна»^{721}.

События развивались стремительно. Уже 10 января 1948 года Жданов открыл в ЦК трёхдневное совещание советских композиторов, где присутствовал весь цвет отечественной музыкальной культуры тех лет — Шостакович, Хачатурян, Соловьёв-седой и др. Присутствовал и сам «виновник» Мурадели, но, судя по вступительному слову Жданова, «банкротство» юбилейной оперы стало лишь поводом вызвать в среде композиторов дискуссию о современном положении и путях развития

советской музыки.

«Мы должны по всей справедливости оценить значение провала оперы Мурадели, — высказывался наш герой. — Если опера является высшей, синтетической формой искусства, которая сочетает в себе достижения всех основных видов музыкального и вокального искусства, то неудача оперы, появившейся после многолетнего перерыва, означает серьёзный провал советского музыкального искусства. Это не частный случай, и поэтому его нельзя свести к творческой неудаче Мурадели. Надо всесторонне выяснить, в каких условиях мог совершиться этот прорыв, каковы причины, его породившие»^{722}.

Далее Жданов не без лукавства призывал собравшихся: «Если ЦК не прав, защищая реалистическое направление и классическое наследие в музыке, пусть об этом скажут открыто. Быть может, старые музыкальные нормы отжили свой век, быть может, их надо отбросить и заменить новым, более прогрессивным направлением? Об этом надо прямо сказать, не прячась по углам и не протаскивая контрабандой антинародный формализм в музыке под флагом якобы преданности классикам и верности идеям социалистического реализма»^{723}.

Впрочем, рассуждения о формализме лишь подводили Жданова к главному, по его мнению, вопросу музыкальной жизни: «Неясно также, каковы "формы правления" в Союзе советских композиторов — являются ли эти формы правления демократическими, основанными на творческой дискуссии, критике и самокритике, или они больше смахивают на олигархию, при которой все дела вершит небольшая группа композиторов и их верных оруженосцев — музыкальных критиков подхалимского типа, — и где, как от неба до земли, далеко до творческой дискуссии, творческой критики и самокритики»^{724}.

Из этих слов несложно понять, как Жданов оценивал ситуацию на вершине советского музыкального бомонда. И если не принимать безоговорочно на веру точку зрения самих «музыкальных олигархов» и их эпигонов (как делают большинство современных исследователей), данная Ждановым оценка не будет преувеличением. К его чести, он понимал, что в этой сфере проблемы не решаются чисто административными мерами, а присутствующие в зале «музыкальные олигархи» — тот же Шостакович, например — являются в первую очередь бесспорными музыкальными талантами. Но талант, по мнению Жданова, не давал индульгенции от критики. Отсюда и это совещание композиторов, и намеченный на весну 1948 года большой съезд деятелей музыкальной культуры.

Отметим и то, что Андрею Жданову явно нравилось заниматься этой темой. Если среди членов политбюро написать квалифицированный доклад по философии мог бы, при желании, и товарищ Сталин, то теоретические тонкости музыкальной сферы среди верховных властителей СССР были доступны, без преувеличения, только Жданову. Предоставим слово Шепилову:

«Была сфера, соприкасаясь с которой Жданов буквально преображался, становился одержимым, с вдохновенным горением искал ответы на мучившие его вопросы... Помню, в каком состоянии творческой одержимости вынашивал он своё выступление по вопросам музыки. Он собирал по крупицам и всесторонне продумывал высказывания Маркса и Энгельса, штудировал эстетические работы Плеханова, статьи, записи бесед, письма Ленина. На столе у него лежали стопки книг В. Стасова, А. Серова, письма П. Чайковского с закладками, пометками, подчёркиваниями.

Найдя в литературе какой-нибудь поразивший его образ или формулировку, он горел желанием поделиться своими мыслями и чувствами. Он нередко звонил мне на 3-й этаж в самое неожиданное время — утром, глубокой ночью:

— Вы можете зайти сейчас? Я приходил.

— Слушайте: "Музыка должна высекать огонь из сердец людей". Бетховен. По поводу его Пятой симфонии. Представляете себе, какое высочайшее предназначение музыки: высекать огонь из сердец людей.

Или:

— Вы штудировали "Критические статьи" Серова о музыке? Ну, батенька, какие же здесь золотые россыпи. Слушайте: "В мелодии — главная прелесть, главное очарование искусства звуков; без неё всё бледно, бесцветно, мертво, несмотря на самые принуждённые гармонические сочетания, на все чудеса контрапункта и оркестровки". А модернисты изгоняют мелодию, то есть умерщвляют душу музыки!»^{725}

Работы Александра Серова, русского композитора XIX века и, пожалуй, первого музыкального критика дореволюционной России, действительно активно использовались нашим героем в его выступлении. Не меньше внимания Жданов уделил и Владимиру Серову, самому крупному музыкальному критику России на рубеже XIX—XX веков. Выступление секретаря ЦК перед советскими композиторами обошлось без ссылок на Маркса или Сталина, зато показательно базировалось на теоретическом наследии классической русской музыки как раз того периода, когда она сумела вобрать в себя всё лучшее из европейской

классики и русского народного творчества.

Музыкальные пристрастия Жданова в январе 1948 года не остались тайной и для его «ленинградцев». Историки В.И. Демидов и В.А. Кутузов на основе общения с работниками аппарата Смольного, часто бывавшими в Москве у Жданова, приводят воспоминания как раз о тех январских днях подготовки Ждановым музыкального совещания: «Александр Николаевич Кузнецов, самое доверенное его лицо и бессменный помощник, допускал иногда "утечку информации" — загадочно улыбаясь, сообщал узкому кругу: "А вы знаете, чем сейчас занят Андрей Александрович?.. Он нацелен на серьёзную перестройку в нашей музыкальной культуре... Вот уже вторую неделю сидит и прослушивает пластинки — с классикой, народной, эстрадной музыкой..."»^{726}.

Архивы сохранили множество писем, обращений и целых докладов композиторов, в основном преподавателей Московской и Ленинградской консерваторий, поступивших тогда на имя Жданова. Со многими из них Жданов предварительно встречался в процессе подготовки своего «музыкального» выступления.

Остановимся только на отдельных, наиболее показательных моментах речи Жданова, прозвучавшей перед композиторами 13 января 1948 года:

«Новаторство не является самоцелью; новое должно быть лучше старого, иначе оно не имеет смысла... Мы не утверждаем, что классическое наследство есть абсолютная вершина музыкальной культуры. Если бы мы так говорили, это означало бы признание того, что прогресс кончился на классиках. Но до сих пор классические образцы остаются непревзойдёнными. Это значит, что надо учиться и учиться, брать из классического музыкального наследства всё лучшее, что в нём есть и что необходимо для дальнейшего развития советской музыки.

...Болтают об эпигонстве и всяких таких штуках, пугают этими словечками молодёжь, чтобы она перестала учиться у классиков. Пускают в ход лозунг, что классиков надо перегонять. Это, конечно, очень хорошо. Но для того, чтобы перегнать классиков, надо их догнать, а вы стадию "догоняния" исключаете, как будто это уже пройденная ступень.

...Вы, может быть, удивляетесь, что в Центральном Комитете большевиков требуют от музыки красоты и изящества. Что за новая напасть такая?! Да, мы не оговорились, мы заявляем, что мы стоим за красивую, изящную музыку... Ведь что такое гениальное в музыке? Это совсем не то, что могут оценить только кто-то один или небольшая группа эстетствующих гурманов. Музыкальное произведение тем гениальней, чем оно содержательней и глубже, чем оно выше по мастерству, чем большим

количеством людей оно признаётся, чем большее количество людей оно способно вдохновить. Не всё доступное гениально, но всё подлинно гениальное доступно...»^{727}

Даже в этих коротких цитатах просматривается основное требование Жданова к современному искусству — с одной стороны, оно не должно быть заумным развлечением «небольшой группы эстетствующих гурманов», с другой — не должно опускаться ниже имеющихся классических образцов.

Нельзя не отметить ещё одну фразу из выступления Жданова: «Современную музыку характеризует одностороннее увлечение ритмом в ущерб мелодии»^{728}. Похоже, здесь Жданов, сам того не ожидая, сделал пророческое предсказание — сейчас даже неискушённый читатель, оглянувшись на музыку второй половины XX века, наверняка согласится, что вся история современных музыкальных течений, от джаза до рока, прошла под знаком тотального торжества ритма над мелодией. Яркое свидетельство этому — современная коммерческая эстрада в Р.Ф. Остающийся массовый спрос на мелодию реализуется на самом примитивном уровне, типа «шансона». При этом современная музыка в России явно проигрывает западным аналогам, а классическое музыкальное искусство стало уделом крайне малочисленных профессионалов и «эстетствующих гурманов». Невольно задумаешься: что же лучше для развития музыкальной культуры — современная «свобода творчества» или исступленно осуждаемый тоталитаризм ждановского образца?

Жданову удалось расшевелить композиторское сообщество. Наряду с дежурными уверениями в верноподданничестве и комплиментами в адрес представителя ЦК, пошло вполне деловое обсуждение проблем. Много критиковали не только профессиональную часть, но и музыкальную критику, склонную к стереотипному восхвалению авторитетов и не обеспечивающую должный уровень критического разбора новых музыкальных произведений. Жданов много общался напрямую с аудиторией, задавал вопросы, выслушивал ответы. Стенограмма привычно для нас отмечает: «Смех, аплодисменты».

Вот что в начале 1990-х годов в самый разгар разоблачительной публицистики написал очевидец того события композитор Тихон Хренников:

«На совещании присутствовали все крупнейшие композиторы — и Прокофьев, и Шостакович, и Мясковский, и другие. Первым выступал Жданов. Доклад его был очень интересным. Кстати говоря, доклад он не

читал. Это в более поздние времена нас приучили к тому, что доклад обязательно должен быть писан и читан по бумажке...

В деятельности Жданова, конечно, много было негативного, особенно в том, что касается его выступления по поводу А. Ахматовой и М. Зощенко. Жданов был человек своего времени, проводил сталинскую политику. По-видимому, был человеком очень жёстким. Но справедливости ради надо сказать, что он был талантлив. И доклад сделал очень темпераментный. Вероятно, у него были какие-то тезисы, записки, но он их не читал. Когда речь дошла до высказываний Серова и Стасова, он попытался отыскать выписки, но потом махнул рукой и процитировал на память.

Когда Жданов кончил доклад, ему аплодировали все, кто сидел в зале: и Шостакович, и Прокофьев (я сидел позади Прокофьева), и другие. Аплодисменты были долгие, очень долгие и единодушные.

И многие музыканты искренне разделяли положения доклада.

...По поводу доклада потом ходило немало небезлиц. Как-то в руки мне попались мемуары одного из наших известных писателей. Перелистал книгу и вдруг попал на то место, где автор пишет, что, по рассказам, на совещании музыкальных деятелей Жданов садился за рояль и показывал Прокофьеву и Шостаковичу, как им надо сочинять музыку и т. д. Признаться, мне стало стыдно, когда я прочитал эту сказку. В ЦК никогда не было инструмента, и уже по этой причине Жданов никак не мог сесть за инструмент. Это был зал заседаний ЦК, в котором, как помнят очевидцы, музыкальные инструменты не водились.

И ещё одно соображение. Конечно, Жданов был человеком очень самоуверенным, но не настолько, чтобы играть в присутствии цета советской музыки. Ведь в зале сидели выдающиеся музыканты! Рассказывают, что где-то, когда-то на каких-то вечеринках и сборищах Жданов действительно любил садиться за инструмент и играл вальсики. Под эти вальсики танцевали высокие лица. Но не более.

Итак, выступление Жданова было встречено единодушным шквалом аплодисментов. Передо мной, как я уже сказал, сидел Прокофьев, а впереди него — М.Ф. Шкирятов. Не помню, кто сидел слева от Прокофьева, но очень часто Прокофьев обращался туда и переговаривался с кем-то во время выступления Жданова. И так же часто оборачивался Шкирятов и пытался призвать к порядку Прокофьева. В конце концов Прокофьев не выдержал и вскипел:

— Кто вы такой, что делаете мне замечания!

В чём-то, видимо, ситуация была комическая, ибо Жданов прервал свою речь и стал смеяться.

Вы спрашиваете, кто такой Шкирятов? В то время вершитель судеб — председатель партийной контрольной комиссии... Так вот на вопрос Прокофьева Шкирятов ответил:

— А никто, я просто такой же человек, как и вы»^{729}.

Показательно отсутствие чиновничества и страха у советского композитора перед высокопоставленным чиновником. Отметим и даже некоторый пиетет одного из вершителей судеб ЦК, каким был Шкирятов, человек жестокий и жёсткий, перед популярным деятелем советской культуры. Запомним и реакцию Жданова на инцидент.

Дмитрий Шостакович брал слово на совещании дважды, разбирал недостатки оперы Мурадели, предлагал новые методы музыкальной пропаганды. Завершил своё выступление один из самых исполняемых композиторов мира, лауреат пяти сталинских премий так: «Критика, прозвучавшая по моему адресу, правильная, и я буду всячески стараться работать больше и лучше... Мне хотелось бы, как, думаю, и другим, получить экземпляр того выступления, которое сделал товарищ Жданов. Знакомство с этим замечательным документом может нам дать очень много в нашей работе»^{730}.

Жданов лично занимался подготовкой книги по итогам январского собрания композиторов. Уже в марте 1948 года, очень быстро для техники того времени, из печати большим тиражом выйдет полная стенограмма под именем «Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)». Отдельной брошюрой будет издано выступление Жданова — так же как и его речь на «философском съезде», до самой смерти Сталина она будет переиздаваться тиражами в сотни тысяч экземпляров.

Последствия «банкротства» юбилейной оперы Мурадели не ограничились лишь «критикой и самокритикой» внутри музыкального сообщества. Опера была ещё и весьма дорогостоящим проектом, только прямые расходы Большого театра на её постановку превысили миллион рублей. Всего же потери государства, с учётом подготовительных мероприятий по постановке оперы в других театрах страны, приближались к двум миллионам тех рублей (почти 20 миллионов долларов в текущих ценах). Поэтому произошли изменения в руководстве этим сегментом музыкальной культуры, оформленные постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели». На самом деле постановлений было два. Первое, закрытое, для внутреннего пользования, было сугубо деловым, спокойным, как выразился сам Жданов, «академическим» документом. Его готовили работники УПА. Но для

усиления воспитательного эффекта Андрей Жданов к публикации в «Правде» лично подготовил другой, более жёсткий текст, в который добавил целые абзацы музыкальной критики «сверху» с элементами политического характера:

«Особенно плохо обстоит дело в области симфонического и оперного творчества. Речь идёт о композиторах, придерживающихся формалистического, антинародного направления. Это направление нашло своё наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как гг. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др., в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам. Характерными признаками такой музыки является отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся якобы выражением "прогресса" и "новаторства" в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение звуков. Эта музыка сильно отдаёт духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик»^{731}.

Примечательно, что современная музыкальная критика как раз относит произведения Шостаковича к музыке с элементами атональности^{732}. То есть с указанными Ждановым фактами расхождений нет, есть лишь полярные взгляды и оценки.

Обратим внимание на ещё один момент ждановской критики музыкальной системы СССР. Он — и, видимо, не без оснований — обвинял музыкантов в шаблонном подходе к подготовке молодой смены: «Творчество многих воспитанников консерватории является слепым подражанием музыке Д. Шостаковича, С. Прокофьева и др.»^{733}.

Предназначенный к публикации вариант постановления об опере Мурадели Жданов окончательно отредактировал уже вместе со Сталиным. Соратники в итоге несколько сгладили накал критики, убрали особенно острые выпады. Например, вычеркнули совсем уж тяжкое обвинение в отрыве «ряда деятелей советской музыки от жизни партии, Советского государства и советского народа»^{734}.

В системе государственных органов театры и музыку курировал

Комитет по делам искусств при Совете министров СССР. Его прежнего руководителя 43-летнего литературного критика Михаила Храпченко в начале февраля 1948 года по предложению Жданова сменил бывший директор Третьяковской галереи, тоже 43-летний Поликарп Лебедев. Сменилось и руководство Союза советских композиторов, генеральным секретарём союза назначили уже упоминавшегося Тихона Хренникова, тогда ещё совсем молодого 35-летнего композитора, автора ряда опер и музыки к популярным фильмам тех лет. Его заместителем и главным редактором журнала «Советская музыка», в соответствии со ждановскими кадровыми предпочтениями, стал недавний фронтовик Витольд Мариан Ковалёв, в 1941 году ушедший с учёбы в Московской консерватории в Московское народное ополчение. Критика и кадровые перестановки по той же ждановской традиции сопровождались и «бонусами» — главный музыкальный журнал СССР получил дополнительные средства и штаты, стал выходить чаще, а его гонорары и оклады сотрудников подняли до уровня центральных литературных журналов.

По всему СССР в музыкальных коллективах и училищах были организованы собрания с обсуждением выступления Жданова и других материалов январского совещания композиторов в Кремле. Верховная власть стремилась открыть пути для критики «музыкальных олигархов» и снизу.

Новый руководитель Комитета по делам искусств Поликарп Лебедев даже предложил Жданову, для пущего закрепления воспитательного эффекта, провести суд чести «над музыковедами-формалистами». К такому суду должны были привлекаться не композиторы, а именно музыкальные критики и именно за «низкопоклонство перед Западом». Вот что писал 12 марта 1948 года Лебедев в адресованной на имя Жданова докладной с проектом приказа «Об организации суда чести над музыковедами-формалистами»: «Музыкальный критик Шнеерсон пропагандировал на страницах советской печати современную упадочную американскую, английскую и французскую музыку, не критически восхваляя её (как пример, пропаганда Д. Гершвина)»^[735].

Товарищ Жданов, человек при всей политической ангажированности с тонким пониманием предмета и музыкальным вкусом, не оценил такой административный восторг и проект «музыкального» суда чести отклонил, написав на докладной резолюцию: «Дело сомнительное»^[736].

Тихон Хренников так описал свою первую встречу со Ждановым уже в новом качестве главы Союза композиторов:

«Через некоторое время меня к себе пригласил Жданов.

— Ну, как дела? — спрашивает.

— Вы знаете, — отвечаю, — совершенно не знаю, что мне там делать...

— Самая главная ваша задача, — продолжал Жданов, — организовать сейчас как можно больше поездок. Композиторы должны общаться с жизнью, а не смотреть на свой собственный пуп.

Не ручаюсь за дословную точность пересказа всего разговора со Ждановым, но, признаюсь, довольно долго был в шоке по поводу его рассуждений о композиторах, которые "всё время смотрят на свой собственный пуп и не знают, что вокруг них происходит в жизни". Похоже, что это была главная мысль Жданова, он её много раз повторял. Естественно, что это мне крепко запомнилось, хотя такой бесцеремонный пассаж по поводу художника запомнится, даже если он и не повторен, а сказан однажды. Соответственно, и все советы Жданова исходили из главной мысли, а именно: композиторов нужно обратить лицом к жизни. Надо сказать, что при этом он ничего не говорил, как я должен себя вести, и уж во всяком случае, не требовал от меня какой-то жёсткой политики, жёсткой линии.

Во время нашего разговора вошёл А. Кузнецов, который был тогда секретарём ЦК (он прибыл из Ленинграда и потом был расстрелян). В тот момент готовилось какое-то постановление ЦК по поводу антирелигиозной пропаганды, и Кузнецов принёс его проект. Читая текст, Жданов остановился и произнёс:

— Нам нужно думать о лекторах.

И стал рассуждать, что они, как правило, очень плохие, а потому не могут ответить там на вопросы. По этому случаю Жданов рассказал эпизод с одним из лекторов ЦК. Явившись однажды в колхоз с лекцией и поясняя старикам и старухам, что Бога-де нет, этот лектор был посрамлён единственным заданным ему вопросом по поводу того, что если уж он всё знает, то как объяснить, что одна и та же трава, идущая в корм корове, лошади и козе, превращается в навоз разной формы и качества. Ответа собравшиеся не услышали, зато услышали назидательную реплику спрашивавшего:

— Ты в г... не разбираешься, а говоришь, что Бога нет. Рассказ об этой истории Жданов закончил словами о том,

что нужны профессиональные кадры, пропагандисты, знающие жизнь и могущие ответить на все вопросы»[{737}](#).

Вообще Андрей Жданов достаточно скептически относился к

пониманию госчиновниками новых послевоенных задач по развитию общества, тем более всех тонкостей философской или музыкальной дискуссии. Об этом, например, недвусмысленно свидетельствует сохранившаяся в семейном архиве Ждановых юмористическая пьеса «Министр и музыка», написанная Андреем Александровичем. Её коротенький текст стоит привести полностью:

«Министр и музыка»

Сценка в 2 действиях

Действующие лица:

Министр — Алексенко.

Его жена.

Шепилов — Шепилов.

Действие происходит в Москве в феврале 1948 года.

Действие 1

Министр — в министерстве; Шепилов — в аппарате.

Министр (в телефонную трубку): Здравствуйте, товарищ Шепилов!

Шепилов: Здравствуйте, товарищ министр!

Министр: А я думал, думал и не удержался — решил позвонить в ЦК. Сегодня такой знаменательный день. Какое замечательное решение ЦК по музыке. Ну и ЦК у нас. В самую точку попал. Как будто в воду глядел. А я уже много лет всё думаю: почему до меня современная музыка не доходит, почему я на всех концертах сплю? Жена говорит, что это оттого, что я музыки не понимаю. Таскает по концертам и пилит. Нет, уж теперь я с ней поговорю по-другому. Спасибо ЦК, что открыл нам глаза. Большущее спасибо.

Шепилов (скромно): Мы очень рады, что решение ЦК всколыхнуло не только музыкантов, но и весь партийный советский актив. О нашем разговоре будет сообщено секретарям ЦК.

Министр (восторженно): Прошу вас. До свидания.

Шепилов: До свидания.

Действие 2

В зале консерватории во время концерта.

Жена министра: Послушай, Ваня, ты опять спишь на концерте. Как тебе не стыдно! Ведь на нас люди смотрят.

Министр (просыпаясь): Отстань! Брысь! Ты опять меня формалистикой угощаешь. Нет уж, теперь дудки, шалишь. Решение ЦК читала?

Жена: Читала.

Министр: Ну а если читала, не мешай. Теперь на нашей улице праздник. Разве это музыка? Это же сплошной диссонанс, режущие слух звуко сочетания. Какофония! Ма-ма-разм! (*Засыпает.*)

Жена (в испуге шепчет): Ваня, Ваня, проснись! Ты спутал. Ведь это "Иван Сусанин", второй акт.

Министр (просыпается): Что? Кого? Сусанин — говоришь? Вот бы никогда не поверил. А я думал чёрт-те что, какой-то Хачатурян. Ну раз Сусанин это, конечно, особая статья. Ты бы так и сказала. Классика, она, брат своё возьмёт. Это не то, что извращённые вкусы эстетствующих гурманов ублажать — Глинка это не какой-нибудь Герострат. Одним словом — могучий жанр! (*Храпит.*)

Занавес».

*

Теперь сложно сказать, предназначалась ли эта насмешка над казённым пониманием искусства Сталину и коллегам по политбюро или была написана для себя в короткие часы отдыха от давящей груды государственных дел. Скорее — первое. Андрей Жданов был слишком дисциплинирован и осторожен, чтобы писать «в стол» нечто, что он не мог показать Сталину, которого, при всех нюансах отношений на заоблачных вершинах власти, искренне уважал и как полубога-вождя, и как просто старшего товарища, даже приятеля в отдельные моменты жизни. Жаль, мы уже не узнаем, как оценил этот юмор товарищ Сталин.

В начале 1948 года по стране прошла инспекция всей системы музыкального образования. Академической музыке в музучилищах и консерваториях в послевоенном СССР учились чуть более ста тысяч человек. Были изменены учебные планы — например, в консерваториях для теоретикокомпозиторских факультетов добавили отдельный курс истории философии и семинар по музыкальной критике, был значительно расширен курс истории русской музыки, увеличены часы изучения русского народного творчества, на всех факультетах введены курсы «Истории советской музыки» и «Музыки народов СССР».

Любопытно, какие недостатки обнаружили в Московской

консерватории проверяющие из аппарата ЦК: «Творчество значительной части студентов-композиторов несёт отпечаток нездоровой атмосферы на композиторском факультете: отгороженность от жизни, замкнутость в кругу технических, формальных задач, абстрактность и схоластичность музыкального языка, крайний индивидуализм, при обострённом интересе к западноевропейской модернистической музыке и при явно выраженном пренебрежении к демократическим музыкальным средствам и жанрам... Ни директор консерватории Шебалин, ни тем более педагог Шостакович даже не пытались предотвратить эти вредные увлечения вверенной им молодёжи. Шебалин упорно добивался исключения политэкономии и философии из учебного плана композиторского отделения "как излишних для музыкантов", член парткома Д. Ойстрах постоянно выступает против обучения пианистов и скрипачей основам марксизма-ленинизма... Многие педагоги консерватории не ходят на собрания. Газет не читают, в политике не разбираются»^{738}.

При всей политической ангажированности отчёта, сложно утверждать, что упомянутые профессиональный снобизм и стремление к замкнутости от мира не соответствуют реалиям. В иное время в благополучной стране такие устремления деятелей искусства, возможно, были бы оправданны. Но весна 1948 года — это всего три года после великой войны, а большинству памятливы и Первая мировая с Гражданской... А рядом разгорается новая война, лишь позже названная холодной. В те дни люди вполне допускают и возможность ядерного нападения на Москву и Ленинград. Всё это диктует свои нравы и своё понимание задач искусства.

Тихон Хренников, новый глава Союза советских композиторов, запомнится истории не только популярными шлягерами. Наряду с Косыгиным, Устиновым, Суловым, теми выдвигенцами Жданова, кого судьба не смахнёт в небытие «ленинградским делом», он станет политическим долгожителем советского Олимпа, будет бессменным главой Союза композиторов СССР до 1991 года. При этом он на всю жизнь сохранит верность советским идеалам, будучи долгожителем, уже в XXI веке так охарактеризует Жданова: «Меня приглашал Жданов, который был образованнейшим человеком. Это сейчас стали из него делать пугало: якобы он был незнайкой, якобы садился за рояль и показывал великим композиторам, как нужно сочинять.

...Вообще в СССР музыка, как в классической Древней Греции, была крупнейшим государственным делом. Духовное влияние крупнейших композиторов и исполнителей, формирующее умных и волевых людей,

было огромным»^{739}.

Упоминание классической Греции в связи с музыкальной политикой «позднего сталинизма», пожалуй, не случайно. Советским идеалом личности для Сталина и Жданова действительно представлялся такой «античный», всесторонне развитый человек. Поэтому рабочие в СССР должны были разбираться в музыкальной критике, а профессиональные музыканты изучать общественные науки... Такой вот культурный тоталитаризм.

Глава 36.

ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА

Куда больше сил, внимания и времени, чем тонкости философии или музыкальной теории, требовали от Жданова иные, более «приземлённые», но не менее важные заботы, связанные с внешнеполитическими проблемами ВКП(б) и Советского государства. Через три дня после завершения совещания композиторов, поздним вечером 16 января 1948 года, Сталин, Молотов и Жданов в кремлёвском кабинете вождя встречали представителя Югославии Милована Джиласа. Затянувшееся за полночь обсуждение политики на Балканах, где, ещё невидимый, уже зрел раскол между Тито и Сталиным, решили продолжить на даче хозяина СССР. В правительственном ЗИСе Жданов и югославский посланник разместились рядом, на заднем сиденье.

Милован Джилас сохранил для нас в своих воспоминаниях пусть и предвзятые, но любопытные детали той ночи:

«Ожидая, пока соберутся остальные, Сталин, Жданов и я оказались в вестибюле дачи перед картой мира. Я опять взглянул на круг, очерченный синим карандашом вокруг Сталинграда, — и Сталин опять это заметил... Жданов тоже заметил этот обмен взглядами, подошёл к нам и сказал:

— Начало Сталинградской битвы...

Если я хорошо помню, Сталин начал искать Кенигсберг, потому что его должны были переименовать в Калининград, и вокруг натёкался на места, которые всё ещё носили немецкие названия. Это привлекло внимание Сталина, он повернулся к Жданову и коротко сказал:

— Измените названия — бессмысленно, что эти места по-прежнему носят немецкие названия! — При этом Жданов до стал небольшой блокнот и записал указание Сталина маленьким карандашом...

Жданов был довольно низкого роста, с коричневатыми подрезанными усами, высоким лбом, острым носом и нездоровым красным лицом. Он был образован и считался в Политбюро большим интеллектуалом... Он также был циником — по-интеллектуальному, но поэтому ещё более отталкивающим, потому что за интеллектуальностью можно было безошибочно угадать властелина, который был "великодушен" к людям духовности и пера...

Жданов сообщил о замечании Сталина в отношении книги стихов о любви К. Симонова: "Надо было напечатать всего два экземпляра — один

для неё и один для него!" При этом Сталин с притворной скромностью улыбнулся, а остальные расхохотались...

Однако самым важным из всего я считал атмосферу, которая нависала над словами и за их пределами на протяжении всех шести часов того ужина. За тем, что говорилось, было заметно нечто более важное — что-то такое, о чём следовало бы говорить, но никто этого делать не осмеливался. Навязываемый разговор и выбор тем заставляли это нечто казаться вполне реальным, почти постижимым умом. Внутренне я даже был уверен в содержании этого: то была критика Тито и югославского Центрального комитета. В той ситуации я расценил бы такую критику как равносильную вербовке меня со стороны советского правительства. Жданов проявлял особую энергию, но не каким-либо конкретным, осязаемым образом, а придавая определённую степень сердечности и даже близости разговору со мной.

...Слева от меня сидел молчаливый Молотов, а справа говорливый Жданов. Последний рассказал о своих контактах с финнами и с уважением подчеркнул их пунктуальность в доставке репараций.

— Всё вовремя, отлично упаковано, великолепного качества. Мы допустили ошибку, не оккупировав Финляндию. Всё было бы в порядке, если бы мы это сделали, — заключил он.

Молотов:

— А, Финляндия — это мелочь.

Как раз в то время Жданов проводил встречи с композиторами и готовил "постановление" о музыке. Он любил оперу и, проходя, спросил меня:

— У вас в Югославии есть опера?..

Жданов был единственным, кто пил апельсиновый сок. Он объяснил мне, что делает это из-за больного сердца.

— Насколько серьёзна ваша болезнь? — спросил я. Сдержанно улыбнувшись, он ответил с обычной иронией:

— Могу умереть в любой момент, а могу прожить очень долго...»^{740}

Отметим, что Жданов тогда оставался единственным трезвенником на вечеринках у Сталина. Врачи запретили ему спиртное, и любивший порой подпоить соратников вождь следил, чтобы товарищ Жданов эти запреты не нарушал. Хотя ещё год назад, по воспоминаниям Никиты Хрущёва, бывало и совсем иначе: «Как-то, уже после войны (меня в тот раз не было), когда все обедали у Сталина, то дообедались до такой степени, что Жданов уже не мог идти. Захотел он, как это раньше случалось, заночевать у Сталина. Не тут-то было. Сталин ему говорит: "У вас есть своя квартира". И

буквально выпроводил его. Об этом мне рассказал Маленков. Но Маленков рассказывал в другом свете, считая, что Сталин прав. А мне было жалко человека. Ведь спойл его Сталин»^{741}.

Несмотря на стариковское злословие отставного Никиты Сергеевича, сцена представляется реальной и очень жизненной — обратим внимание и на панибратские отношения, и на известную бытовую грубоватость Сталина, вероятно, порой утомлявшегося от общительного Жданова, и явную ревность Маленкова к особым отношениям Жданова с вождём...

Но вернёмся от алкоголя к большой политике. 10 февраля 1948 года, в тот день, когда Жданов и Сталин закончили редактировать постановление об опере Мурадели, куда больше внимания и времени у них заняла встреча с делегациями Болгарии и Югославии. Тогда, пожалуй, впервые открыто проявилось недовольство Сталина политикой Тито — обсуждали гипотетическую Балканскую федерацию и попытку ввода югославской дивизии в Албанию. Кстати, ещё летом 1947 года, готовя первое совещание Коминформа, Жданов предлагал покритиковать «ошибки слева» югославской компартии. Но тогда Сталин решил подождать с публичным осуждением самоуверенного поведения вчерашних партизан.

Через три дня, 13 февраля 1948 года, Жданов встречался с главой компартии Австрии Йоганном Копленигом. В годы Первой мировой войны этот австрийский социал-демократ, пленённый русскими, попал на Урал, здесь в 1918 году вступил в партию большевиков — так что у них со Ждановым были общие воспоминания о колчаковском фронте. Примечательно, что тогда же и там же в рядах большевиков воевал и будущий лидер послевоенной Югославии маршал Тито.

На встрече с главой австрийских коммунистов Жданов обсуждал перспективы после вывода советских войск. Краткая запись той беседы доносит его любопытные мысли, которые он втолковывал австрийскому соратнику:

«У австрийских товарищей были даже разговоры о том, что раздел Австрии лучше, чем какая-либо другая перспектива. ЦК ВКП(б) считает эту установку в корне неправильной. Ваши соображения исходят из расчёта на продление пребывания советских оккупационных войск. Это неправильно и нанесёт вред и нашему, и вашему влиянию...

Надо ориентировать австрийский народ на установление дружественных отношений с СССР и на проведение мероприятий, обеспечивающих от всяких англо-американских мер, направленных к ограничению суверенитета и независимости Австрии. Надо со всей остротой и силой показывать различие политики СССР от политики

англичан и американцев, стремящихся подчинить Австрию своему влиянию.

Австрийцам надо скорее встать на собственные ноги. Всякий иной путь не является ни национальным, ни демократическим, ни революционным путём...

Тов. Коплениг говорил здесь, что оккупационные советские войска поддерживают внутреннюю устойчивость в Австрии. Я не согласен с этим. Это является злом, неизбежным, но злом, которое на определённой стадии становится прямой помехой для демократического развития Австрии. Независимость страны не может опираться на иностранные войска... Мы понимаем трудности, стоящие перед австрийской Коммунистической партией. Мы понимаем, что путь её нелёгок, но мы не можем здесь предложить какого-либо лёгкого пути...»^{742}

Действительно, в те годы СССР не стремился делить не только оккупированную Австрию, но даже и Германию. Опытных реалистов Сталина и Жданова не радовала перспектива строить там за свой счёт социализм. Куда выгоднее в экономическом и политическом плане для Советского Союза были единые и нейтральные Германия и Австрия, где местные компартии не тратят свои силы на насаждение советского влияния и искусственное построение социализма на советские субсидии, а полностью сосредоточены на борьбе за национальную независимость против американского влияния.

Эта позиция Кремля была впервые озвучена Ждановым при обсуждении политики Коминтерна ещё весной 1941 года. Тогда Георгий Димитров записал в своём дневнике слова Жданова: «Мы сбились на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты... Сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших "националистов"... Главное — изучение своей страны, своей партии, их проблем, как бить врага у себя дома»^{743}. После войны именно такая национальная ориентация всех компартий планеты рассматривалась Ждановым как хорошее средство борьбы с претензиями США на мировое господство.

Обсуждение политического будущего Австрии в феврале 1948 года тоже не обошлось без упоминания югославских демаршей. Слишком поверившие в свои силы лидеры КПЮ активно поучали всех соседей, в частности, австрийским коммунистам предлагали отделять «советскую» часть страны и побыстрее делать там социализм, одновременно намекая,

что границу с Австрией неплохо бы изменить в пользу Югославии. Такие моменты в поведении Тито порождали всё большее раздражение Кремля.

Примечательно, что личные свидетельства о некоторых сложностях в отношениях с югославскими руководителями ещё летом 1945 года Андрею Жданову привёз его родной сын. 25-летний майор Юрий Жданов закончил войну в Вене, откуда через Югославию вернулся в СССР:

«Полуразбитый Белград светился улыбками, отвечал крепкими рукопожатиями, словами братства. Как положено, я доложил в нашем посольстве...

Но самой важной была моя встреча с нашим военным атташе. После того как я представился, он усадил меня в кресло, а сам вскочил, начал ходить из угла в угол и говорить нечто совершенно неожиданное:

— Я не знаю, где мы находимся. Я не знаю, кто такой Тито. Здесь мы поставлены в положение изоляции. С нами явно не хотят сотрудничать. Нам не дают необходимой информации.

Это был как гром среди ясного неба. Многие увиделось иначе, особенно глухой и длинющий высокий каменный забор, который ограждал от мира резиденцию Тито. Как мне сказали: "Он там".

Но победа есть победа, всё неприятное забывается. Где-то в конце июня я вернулся в Москву и привёз свой трофей: ящичек первой свежей черешни, которую я сам собрал в саду посольства. Угостил родных, чем вызвал ужас у чекистов: черешня не проверена.

После всех рассказов о поездке я вспомнил и о беседе с военным атташе. Отец внимательно слушал, а через несколько дней он, как выяснилось, рассказал об этом эпизоде Сталину. Реакция Сталина была спокойной: "В кои-то веки на Балканах появился крупный лидер. У него могут быть и отдельные просчёты, но это пройдёт".

Позже мне рассказывали о встречах у Сталина с югославским руководством. Иногда они носили семейный характер. На одной из них Кардель подарил маме на память маленькие дешёвые часики»^[744].

Обратим внимание на то, что военный атташе в Белграде прекрасно понимает, с чьим сыном он разговаривает. Упомянутый Эдвард Кардель в послевоенной Югославии был заместителем Тито в правительстве и министром иностранных дел, в 1945—1947 годах неоднократно встречался со Сталиным, Ждановым и другими высшими руководителями СССР. Дамские часики, подаренные Зинаиде Александровне Ждановой, были всё же золотыми, но действительно самыми скромными из всех югославских подарков семьям советских вождей — архивы сохранили подробный перечень. Светлане Аллилуевой, будущей жене Юрия Жданова, тогда

достались от Тито платиновые часы с бриллиантами.

Назревавший конфликт с югославами был тем обиднее, что 1945—1947 годы стали единственным в тысячелетней истории кратким периодом, когда все славянские народы достигли политического единства. Дореволюционные славянофилы и монархисты могли о таком только мечтать. Лишь победившие в мировой войне большевики смогли обратить вековую мечту в реальность. Пусть и короткую...

Развивая поднятую ещё во время войны тему славянской общности, руководство СССР запланировало на апрель 1948 года провести в Москве международный конгресс учёных-славистов. Подготовку такого научного мероприятия большого политического значения с высот ЦК курировал Андрей Жданов. 27 марта под его председательством прошло итоговое совещание оргкомитета конгресса, где он высказал ряд интересных замечаний по всем темам будущего мероприятия. Так, он посчитал нецелесообразным поднимать вопрос о «славянской экономике»: «Ведь в славянских странах различная экономика — у нас, в СССР социалистический уклад, а в славянских странах новой демократии только проблески, элементы социализма... Научно нельзя сказать "экономика славянских стран". А чем отличается экономика славянских стран от экономики неславянских стран? Что в этой теме от марксистского подхода, есть ли здесь хотя бы гран марксизма?»^{745}

Предусмотрительного Жданова смутили и некоторые чисто научные темы будущего конгресса. Так, он предупредил, что тема «Общность славянских народов по данным этнографии» может привести к нежелательным последствиям, задеть некоторые болезненные вопросы межславянских отношений: «На что тут будут акцентировать? Надо ли нам заниматься такими вопросами, как, скажем, вопрос о том, стоят ли галицийские украинцы ближе к великороссам или к западным славянам, какая степень родства между великороссами и украинцами, великороссами и белорусами или нет ли у великороссов примеси татарской крови и т. п. На что будут делать упор — на различия или же на самую общность? Надобно ли, чтобы мы, русские, взяли эту тему и её скандировали? Пойдут разговоры о "младших братьях" и т. д.»^{746}.

Интересно, что Жданов выступил против приглашения на конгресс учёных-славистов из США, Великобритании и Франции с характерным обоснованием: «Пусть эти учёные обуздают сначала своих правителей и заслужат честь быть приглашёнными Советским Союзом»^{747}.

Естественно, в ходе подготовки к конгрессу славистов из *славянских*

стран не остался без внимания и актуальный вопрос о возможном политическом союзе этих родственных народов. Андрей Жданов, учитывая международную обстановку, сформулировал проблему следующим образом: «Нельзя так, неправильно говорить, что на определённом этапе главным врагом славян была Германия, а теперь, поскольку её разгромили, главный враг славян — Америка. Мы можем дать этим повод американской пропаганде для обвинения нас в том, что славянство объединяется против США. Могут сказать, что Конгресс есть звено в цепи подготовки славян к столкновению с Америкой. Это, конечно, не значит, что мы фактически не объединяем славян, это объединение идёт. Но не надо выступать сейчас с этим, пусть пальма первенства в объединении блоков принадлежит самим американцам. США и Англия ищут сейчас всякого повода для того, чтобы обвинить нас в объединении славян против них. Зачем мы будем давать им в руки этот козырь?»^{748}

Несложно заметить, что Жданов всячески одобрял объединение всего славянства вокруг сталинского Кремля, но он предлагал временно отказаться в этом деле от всяческих формальностей, дабы не давать в руки геополитических соперников лишние пропагандистские доводы.

На совещании 27 марта 1948 года из уст Жданова впервые за пределами «узкого круга» политбюро прозвучала и пока ещё осторожная критика руководства Югославии. Жданов осудил «неправильные концепции», распространённые в некоторых странах народной демократии, «как, например, в Югославии», где утверждается, что есть путь «более верный и более надёжный, чем тот путь, по которому шёл Советский Союз». «В речах некоторых руководителей этих стран отсутствует марксистский анализ»^{749}, — пояснил товарищ Жданов.

В итоге подготовку конгресса славистов сочли недостаточной, и решением политбюро, с подачи Жданова, мероприятие перенесли с апреля на июнь 1948 года. К тому времени раскол между СССР и Югославией станет публичным и похоронит идею «славянского съезда» — московский конгресс учёных-славистов так и не состоится.

Но апрель 1948 года всё же запомнится Андрею Жданову одним научным мероприятием, которое неожиданно испортит ему немало нервов. И связано это будет с его сыном Юрием.

Майор Жданов, демобилизовавшись из армии, осенью 1945 года стал ассистентом на кафедре органической химии МГУ и одновременно учился в аспирантуре Института философии под руководством уже известного нам химика и философа Бонифатия Кедрова. Молодого учёного привлекали

проблемы на стыке наук, и в 1945—1947 годах Юрий Жданов опубликовал в журнале «Октябрь» две статьи о взаимосвязи биологии и эволюции человечества. Журнал регулярно читал Сталин, и небанальная статья сына ближайшего соратника привлекла внимание всемогущего вождя. Произошло это в октябре 1947 года, когда Сталин отдыхал на даче в Сочи. Там же в это время отдыхала и семья Жданова — консилиум кремлёвских врачей отправил Андрея Александровича в лечебный отпуск в связи с обострившейся болезнью сердца. Отпуск Жданов использовал и для личного доклада вождю о ходе первого совещания Коминформа. Вместе с женой на госдачу в Сочи отправились сын и старшая сестра Жданова Анна Александровна.

Иосиф Сталин дважды — 18 октября и 10 ноября — приглашал к себе на дачу Юрия Жданова. Тот приезжал в гости к вождю вместе с тётёй, работавшей, кстати, в редакции того самого журнала «Октябрь», где печатался Юрий. Живший одиноко Сталин к многочисленной женской родне своего ближайшего приятеля Андрея Жданова относился несколько иронично, называя кремлёвскую квартиру Ждановых «бабьим царством». Но сын нашего героя явно импонировал стареющему вождю — Юрий Жданов действительно был эталонным представителем «золотой молодёжи», воспитанной в советском духе: с детства серьёзно учился, в годы войны не прятался от фронта, но в отличие от того же Василия Сталина (с ним Юрий был в приятельских отношениях) не был замечен в шумных гулянках и скандалах, наоборот, усердно и успешно занимался наукой. В беседе с молодым учёным, хорошо знакомым ему с детства, Сталин хотел из первых уст получить сведения о проблемах химии и биологии, а также о положении в главном университете страны.

Итог встреч получился довольно неожиданным — Сталин предложил Юрию Жданову поработать в аппарате ЦК, в отделе, курирующем науку. Жданов-старший был против, он явно предпочитал для сына куда более спокойную и надёжную карьеру советского учёного. Однако активно сопротивляться пожеланию старшего товарища наш герой не хотел, да и не мог. К тому же Юрий Жданов с честолюбием молодости и под впечатлением лестных оценок вождя был совсем не против поработать на политической ниве в столь солидном учреждении.

1 декабря 1947 года Юрий Жданов был назначен на должность заведующего отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В принципе, это была испытанная кадровая политика сталинизма — бросать на ответственную работу замеченного свыше молодого специалиста и смотреть, справится или нет. Но здесь была существенная

разница: новый выдвиженец состоял в родстве со вторым человеком в сталинской иерархии.

Как всякий «неофит» на высокой должности, Юрий Жданов сразу развил кипучую деятельность и в целом удовлетворял строгим требованиям того непростого времени. Так, именно он активно участвовал в реализации проекта нового комплекса МГУ на Ленинских (Воробьёвых) горах в Москве. Но уже в апреле 1948 года Юрий совершил одну аппаратную ошибку, споткнувшись на так увлекавшей его биологии — по неопытности он забыл, что является крупным партийным чиновником, а не молодым учёным, и неосторожно влез в биологические дискуссии вокруг академика Лысенко.

Сам Юрий Андреевич вспоминал об этом так: «Подмываемый молодым задором, 10 апреля 1948 года я выступил на семинаре лекторов обкомов и горкомов ВКП(б) в зале Политехнического музея с лекцией на тему "Спорные вопросы современного дарвинизма". К интригам я и тогда не очень был приспособлен, да и сейчас плохо в них плаваю, и не знал, что, пока я читал лекцию, за спиной в подсобном помещении музея меня слушали и записывали Т.Д. Лысенко и М.Б. Митин»^[750].

Лекция Юрия Жданова действительно содержала умеренную критику концепций и действий Трофима Лысенко. Последний знал о том, что новый куратор науки к нему не благоволит, и прослушал выступление Жданова-младшего по репродуктору в одном из кабинетов музея. Марк Митин, хотя лично и распинался в преданности по итогам «философского съезда», был противником группировки Жданова-старшего.

Недоброжелателей у Лысенко в то время в академической среде хватало с избытком. Но здесь была совсем иная ситуация — все прекрасно знали, чьим сыном является Юрий Жданов, поэтому критика Лысенко из его уст на собрании ответственных работников партии воспринималась не как личное мнение или приглашение к дискуссии. Такое выступление можно было расценивать как спущенную свыше команду «фас». Опытный аппаратчик от науки, Лысенко тут же оценил всю опасность и неделю сочинял письмо на имя Сталина и Жданова-старшего с возражениями против выступления Юрия Жданова. Не дождавшись ответа, Лысенко сделал решительный ход — 1 мая 1948 года поставил вопрос о своей отставке с поста президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Эта должность входила в номенклатуру политбюро, и такое заявление уже не могло остаться без внимания высших властителей СССР. Тут же подсуетился и главный аппаратный соперник Жданова — из секретариата Маленкова затребовали стенограмму лекции Юрия Жданова в

Политехническом музее. Лишь тогда, как позднее вспоминал сам Юрий Андреевич, он «почувствовал недоброе»^{751}.

В последний день мая 1948 года Сталин в присущей ему манере отреагировал на ситуацию. На заседании политбюро среди прочих обсуждались вопросы сталинских премий по науке и изобретениям, поэтому присутствовал и новый заведующий отделом науки Юрий Жданов. Единственным очевидцем, оставившим воспоминания об этом не спустя десятилетия, а на следующий день после событий, стал заместитель председателя Совета министров СССР Вячеслав Малышев, в годы войны нарком танковой промышленности. Именно он на следующий день описал в своём дневнике то заседание политбюро: «Перед рассмотрением тов. Сталин обратил внимание на то, что Ю. Жданов (сын А. А.) выступил с лекцией против Лысенко и высказал, как подчёркивал сам Ю. Жданов, свои личные взгляды. Тов. Сталин сказал, что у нас в партии личных взглядов и личных точек зрения нет, а есть взгляды партии... Ю. Жданов поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко. Это неправильно»^{752}. Сталин подчеркнул, что «Лысенко имеет недостатки как учёный и человек», но нельзя «ставить своей задачей уничтожить Лысенко как учёного».

Сталин молниеносно ухватил суть, не сразу понятую не только молодым Ждановым, но и современными историками — всё публично сказанное высшим партийным чиновником, да ещё и сыном второго в иерархии человека, никогда не будет восприниматься только как личное мнение, а будет считаться «установкой сверху». Поэтому данное высказывание Сталина не столько ставило на место Юрия Жданова (или, по версии конспирологов от истории, его отца), сколько спасало Трофима Лысенко от аппаратной смерти.

Интересные детали тех событий доносят до нас мемуары Дмитрия Шепилова, хотя они написаны спустя десятилетия и автор местами путается в хронологии:

«...Мне позвонил Маленков с просьбой прислать ему стенограмму доклада Юрия Жданова.

Я сказал Маленкову, что стенограмма, как и обычно, будет готова через несколько дней: надо расшифровать, затем автор должен выправить её. Маленков настаивал, говоря, что звонит не только от своего имени:

— Я хочу, чтобы вы поняли, что стенограмма должна быть прислана немедленно и без всякой правки.

Я зашёл к А.А. Жданову и сказал ему о звонке. Андрей Александрович

был очень озабочен:

— Маленков достаточно вышколенный человек. Он не звонил бы вам, не имея на то поручение Хозяина. Пошлите стенограмму. Но как вы могли разрешить такой доклад, не посоветовавшись со мной? Мне было бы грех жаловаться на Юрия. Он воспитанный человек и очень почтителен дома, в семье. Но страшно увлекающийся, романтик. Он ни слова не сказал мне о предстоящей лекции. Действовал от чувства. А как вы, зрелый политработник, не оценили, к чему может повести такой доклад?

— Андрей Александрович, но ведь надо же кончать со всем этим позором. Ведь негодуют все ученые. Сельскому хозяйству наносится огромный урон. С лысенковской абракадаброй мы стали посмешищем для всего мира.

— Ах вы, наивная душа. Что вы мне-то доказываете? Я вижу, что вы не научились оставаться на почве реальности»^{753}.

Дмитрий Шепилов, как и Юрий Жданов, был в числе многочисленных противников Лысенко, и его крайне негативная оценка деятельности «народного академика» всё же страдает предвзятостью. Впрочем, и наш герой относился к Трофиму Денисовичу без пиетета, но куда осторожнее. Как вспоминал Юрий Жданов, «когда отец узнал, что я занимаюсь проблемами биологии, он сказал потрясающую фразу: "Не связывайся с Лысенко: он тебя с огурцом скрестит". Я не прислушался к этому предостережению; он скрестил»^{754}.

Шепилов так описывает детали заседания политбюро 31 мая 1948 года: «Сталин подошёл к своему столу, взял папиросу и вытряс табак в трубку. Он проделал то же и с другой папиросой. Раскурил трубку и медленно прошёлся вдоль стола заседаний. Опять взглянул на меня долгим взглядом. Затем произнёс очень тихо, но мне слышались в его тоне зловещие ноты:

— Нет, этого так оставить нельзя. Надо поручить специальной комиссии ЦК разобраться с делом. Надо примерно наказать виновных. Не Юрия Жданова, он ещё молодой и неопытный. Наказать надо "отцов": Жданова (он показал мундштуком трубки на Андрея Александровича) и Шепилова. Надо составить развёрнутое решение ЦК. Собрать учёных и разъяснить им всё. Надо поддержать Лысенко и развенчать, как следует, наших доморощенных морганистов. Надо запретить Агитпропу так своевольничать. Кто дал право самостоятельно решать такие вопросы? Кстати, кто у нас Агитпроп?

М. Сулов, поднявшись со стула:

— Я, товарищ Сталин.

— А чего же вы молчите? Вы разрешали ставить такой доклад?

— Нет, не разрешал. Я не занимался этим вопросом. Я был занят другими делами.

— Бросьте вы, мы все заняты многими другими делами. А порученное дело ведём и отвечаем за него»^{755}.

Хотя критика Жданова-младшего и не свидетельствовала о какой-либо «опале» нашего героя (о чём пишут некоторые исследователи), но для Андрея Жданова это, несомненно, был весьма неприятный момент. В своей записной книжке он, вероятно прямо на заседании или сразу после него, написал и резко подчеркнул слова: «Жданов ошибся»^{756}.

Вспоминает Шепилов: «Андрей Александрович Жданов в ходе заседания не проронил ни слова. Но, судя по всему, этот эпизод причинил ему глубокую травму. Я не знаю, что происходило в эту ночь после заседания Политбюро. Но в следующий полдень Андрей Александрович вызвал меня. Он выглядел совсем больным, с большими отёками под глазами. Он прерывал беседу длительными паузами: его мучили приступы грудной жабы, астматическое удушье.

Мне показалось очень неожиданным и странным, что Андрей Александрович не только не начал меня распекать за вчерашнее, но не сделал ни одного серьёзного упрёка. Тонем большого сожаления или даже участия он сказал мне:

— Вы очень неосторожно вели себя вчера на Политбюро. Это могло кончиться для вас, а может быть и не только для вас, трагически. Вам теперь всё нужно начинать сначала (я тогда не понял смысл этой фразы). А мне, возможно, придётся поехать лечиться. Что-то сердце начало сдавать»^{757}.

Ошибку Жданова-младшего должно было исправить запланированное постановление политбюро «О положении в советской биологической науке». Однако такое постановление с критикой доклада товарища Жданова Юрия Александровича так и не появилось. Либо Жданов-старший «подрессорил» ситуацию, либо сам Сталин отказался от слишком уж официального наказания Юрия, которому явно благоволил. Тем не менее проект такого постановления в секретариате Андрея Жданова с критикой его сына был подготовлен.

Спустя некоторое время Шепилов настоятельно посоветовал своему подчинённому Юрию Жданову: «Надо определить своё отношение к тому, что произошло на заседании Политбюро»^{758}. (Напомним, что Шепилова и

Жданова-младшего связывали не только чиновничьи отношения — они познакомились ещё во время войны на 3-м Украинском фронте.) Юрий написал Сталину письмо, где, отметив достижения Лысенко, всё же попытался обосновать свою критику. Спустя десятилетия он вспомнил рассказ отца, как в «узком кругу» членов политбюро Сталин зачитал его письмо вслух. Молотов суховатым заметил, что Жданов-младший «недостаточно разоружился», а Берия обратился к Жданову-старшему: «Всё это, Андрей, конечно, крайне неприятно, но надо быть выше отцовских чувств»^{759}.

Иосиф Сталин явно мог «быть выше отцовских чувств», о чём недвусмысленно свидетельствуют исторические факты. Тут Жданов точно не стал бы с ним соперничать — и, наверное, именно поэтому он был вторым человеком в той жестокой системе и не мог, даже не хотел, быть первым. Именно в те дни 1948 года он сказал сыну: «Я не хочу пережить Сталина»^{760}.

Состояние здоровья Жданова ухудшалось. Напряжённая деятельность в 1920—1930-е годы, действительно каторжный труд во время войны и не многим меньшие нагрузки в 1946—1948 годах всё тяжелее сказывались на его больном сердце. Врачи настоятельно советовали ему изменить характер работы, предупреждая, что с таким напряжением он ходит по краю пропасти и ему осталось не более года. Свой отказ Жданов сформулировал коротко и афористично, в присущем ему стиле: «Лучше физическая смерть, чем смерть политическая»^{761}.

Последним политическим действием Жданова стало второе совещание Коминформа (Информбюро коммунистических и рабочих партий). С конца марта 1948 года в переписке руководства СССР и Югославии было уже заметно растущее раздражение сторон. 4 мая в Белград ушло письмо с предложением рассмотреть советско-югославские разногласия «на ближайшем заседании Информбюро». Послание в адрес Тито было подписано Сталиным и Молотовым, но готовилось ими совместно со Ждановым — 2, 3 и 4 мая Сталин, Молотов и Жданов провели в кремлёвском кабинете вождя почти 12 часов, больше никто тот кабинет в эти три дня не посещал. Историки вполне справедливо говорят о «югославском шоке» — для сталинского руководства неожиданный раскол с социалистической Югославией стал не только политическим, но и тяжёлым психологическим ударом.

Обсуждать разногласия публично, в присутствии других компартий, Тито отказался. И Жданов начал готовить второе совещание Коминформа с

запланированным осуждением «югославских ревизионистов». Май 1948 года прошёл для него в шифропереписке с лидерами европейских коммунистов. Первоначально совещание планировали провести на Украине, но потом перенесли поближе к Югославии — в румынский Бухарест. Письма лидерам зарубежных партий уходили за подписью Сулова, как начальника Отдела внешней политики ЦК ВКП(б), но готовились лично Ждановым. В архивах ЦК тщательно просматривалась документация Коминтерна, связанная с деятельностью Тито в 1920—1930-е годы. Одновременно Жданов подготовил проект итогового документа будущего совещания Коминформа — резолюцию «О положении в коммунистической партии Югославии».

15 июня 1948 года Сталин, Молотов и Жданов общались с Анатолием Лаврентьевым, вызванным в Москву советским послом в Югославии. На следующий день поздно вечером в кабинете Сталина состоялось заседание политбюро, на котором присутствовали хозяин кабинета, Жданов, Молотов, Микоян, Берия, Булганин, Маленков, Каганович, Вознесенский. Помимо них на заседание пригласили Сулова и лидера греческих коммунистов Захариадиса (ситуация в Греции была тесно связана с югославской и балканской политикой). В ночь с 16 на 17 июня политбюро приняло постановление делегировать на совещание Коминформа трёх представителей ЦК — Жданова, Маленкова и Сулова.

Уже 19 июня 1948 года все трое были в Бухаресте, где вечером под председательством Жданова началось второе совещание Информационного бюро коммунистических партий. Помимо советских представителей присутствовали лидеры компартий Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Франции и Италии — те же, что и на первом совещании 1947 года, кроме руководства КПЮ.

Тито от имени Коминформа направили телеграмму с предложением принять участие в собрании. В течение суток ждали ответа из Югославии, откуда утром 21 июня поступил многословный дипломатический отказ. В два часа дня товарищ Жданов огласил собравшимся подготовленный им «Доклад о положении в коммунистической партии Югославии». В течение примерно пятидесяти минут он обвинял партию Тито в тяжких грехах: «отходе от линии марксизма-ленинизма», в «недостойной политике шельмования советских военных специалистов и дискредитации Советской Армии», в «ревизии марксистско-ленинского учения о партии» и т. п. Жданов поставил в вину Тито «отход от позиций рабочего класса» и «марксистской теории классов и классовой борьбы», подобно «оппортунистам типа Бухарина»^[762].

«Созданный югославскими руководителями бюрократический режим внутри партии, — говорил товарищ Жданов, — является губительным для жизни и развития Югославской компартии... Такой тип организации Югославской компартии нельзя назвать иначе как сектантско-бюрократическим. Он ведёт к ликвидации партии как активного, самостоятельного организма, культивирует в партии военные методы руководства, подобные методам, насаждавшимся в своё время Троцким»^{763}.

Многие обвинения были вполне реальными, но с теми же основаниями их можно было предъявить и сталинской компартии. Фактически главной виной югославов было несоблюдение субординации, неподчинение маршала Тито генералиссимусу Сталину. Но Жданов искусно маскировал эту понятную всем мысль вязью вполне реальных, но второстепенных практических и теоретических «грехов».

Отметим любопытный абзац в самом конце ждановского доклада: «Югославские руководители, видимо, не понимают или, возможно, делают вид, что не понимают, что подобная националистическая установка может привести лишь к перерождению Югославии в обычную буржуазную республику, к потере независимости Югославии и к превращению Югославии в колонию империалистических стран»^{764}.

Здесь товарищ Жданов оказался вольным или невольным пророком — даже успешно лавируя между советским блоком и Западом, Югославия к концу правления Тито оказалась обречёнными на распад задворками Европы, с гиперинфляцией, пещерным национализмом и миллионами югославских гастарбайтеров за пределами страны.

В июне 1948 года делегаты европейских компартий без колебаний осудили поведение югославских товарищей, тем более что все присутствовавшие помнили, как на первом совещании Коминформа именно представители КПЮ отличились задорной критикой итальянских и французских коллег. Как высказался Жак Дюкло: «Совершенно нормально, что Информационное бюро должно рассмотреть вопрос о положении в коммунистической партии Югославии. Руководители этой партии должны были бы первыми на это согласиться, тем более что они на предыдущем совещании Информбюро не преминули воспользоваться своим правом критики в отношении других партий»^{765}.

«Даже с излишком!» — тут же добавил с места Андрей Жданов, услышав эти слова лидера ФКП, ничуть не смущаясь, что в сентябре 1947 года сам подзуживал югославов к большей критике французов... И на

втором совещании Коминформа Жданов вёл себя привычно раскованно — шутил, больше других вставлял порой ехидные реплики с места и фактически руководил всем процессом. Делал это практически умирающий человек...

По установившейся практике каждую ночь зашифрованной радиограммой Жданов, Маленков и Суслов докладывали Сталину о ходе совещания. Телеграммы подписывались псевдонимами: на этот раз Жданов был «Журавлёвым», Суслов стал «Сорокиным», а Маленков — «Максимовым».

Хотя второе совещание Коминформа почти полностью было посвящено ситуации в Югославии, Жданов в своей записной книжке специально отметил один интересный теоретический момент из выступления Пальмиро Тольятти. Лидер коммунистов Италии тогда весьма прозорливо высказался о «новых опасностях», которые ждут массовые правящие компартии: «Коммунистическое движение сейчас приобрело широкое развитие и даже несколько неожиданное для нас. Компартии выросли в численном отношении, а в некоторых странах стали правящими партиями. Всё это создаёт опасность для компартий потерять историческую перспективу, проявить зазнайство... Такими партиями трудно руководить, в их жизни и борьбе возникают новые проблемы и новые опасности, и надо ясно видеть эти опасности. Самой большой опасностью является утеря понимания партии, как авангарда, как руководящей силы народных масс. Вследствие этого партия может превратиться в неоформленную массовую организацию без идеологического единства, без способности стать во главе масс и руководить их борьбой»^{766}.

Тольятти стал главным собеседником Жданова на совещании: 20—23 июня 1948 года с лидером итальянских коммунистов он встречался больше и дольше всех. Явно не без влияния Жданова уже в ближайшем будущем Сталин будет прочить в генеральные секретари Коминформа именно Пальмиро Тольятти. Но это случится уже после смерти нашего героя...

26 июня 1948 года Жданов снова войдёт в кремлёвский кабинет Сталина. И до 12 июля он будет посещать его практически ежедневно, всегда, когда в нём будет появляться сам хозяин—и кабинета, и всего СССР. В один из этих дней по дороге в Кремль Жданов потеряет сознание в служебном автомобиле. И 5 июля 1948 года на стол Сталину ляжет бланк Лечебно-санитарного управления Кремля с медицинским заключением о необходимости предоставления Жданову длительного отпуска для лечения. Синим карандашом «Хозяин» надписал прямо на бланке: «Куда отпуск, где

лечение?»

Консилиум врачей прошёл в тот же день, 5 июля. В нём участвовали члены Академии медицинских наук Гринштейн и Виноградов, профессор Егоров и лечащий врач Жданова — Григорий Майоров. Виноградов и Егоров были и лечащими врачами Сталина. Позже все они станут фигурантами известного «дела врачей».

Пока же светила кремлёвской медицины констатировали: «За последнее время в состоянии здоровья тов. Жданова А.А. наступило значительное ухудшение — усилились явления сердечной недостаточности настолько, что уже при обычных движениях возникает одышка. Сердце значительно расширено... В связи с ослаблением сердечной деятельности упало кровяное давление. Кроме того, на почве интенсивного спазма сосудов головного мозга, в ограниченном участке его развилось нарушение питания, выразившееся в нарушении чувствительности на правой руке и правой половине лица»^{767}.

Врачи потребовали два месяца отпуска — один на лечение в условиях строгого постельного режима, другой для реабилитации и отдыха.

Внимательнее ознакомившись с заключением врачей, Сталин зачеркнул свою прежнюю резолюцию и уже красным карандашом вывел над ней «За» и расписался. На следующий день в решениях политбюро появился пункт: «Разрешить т. Жданову А.А. отпуск с 10 июля на 2 месяца, согласно заключению врачей»^{768}.

Но 10 июля Жданов в отпуск не уехал. В тот день — точнее, вечер, «узкий круг» собрался в кабинете Сталина в 22.00. Во многом в связи с тяжёлой болезнью Жданова политбюро приняло постановление «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)». Менялись зоны ответственности и, соответственно, степень влияния ключевых секретарей ЦК. С этого момента Георгий Маленков, пережив падение 1946—1947 годов, вновь начнёт прибирать аппарат ЦК к своим рукам.

В тот же вечер в рамках подготовки к научной дискуссии по биологии на стол Сталина ляжет аналитическая записка «О положении в советской биологической науке» — та самая, что так и не превратилась в постановление политбюро с критикой Юрия Жданова. Начало документа, подписанного теперь не только Ждановым, но и Маленковым, безапелляционно гласило: «В науке, как и в политике, противоречия разрешаются не путём примирения, а путём открытой борьбы»^{769}.

Глава 37.

СМЕРТЬ

Последний раз он появился в сталинском кабинете в Кремле вечером 12 июля и покинул его за полночь, в половине первого. Больше старые приятели из-под «дуба Мамврийского» не встречались. Последняя запись с фамилией Жданова в журнале посетителей кремлёвского кабинета Сталина обведена красным карандашом. Мы не знаем, кто это сделал — возможно, сам хозяин кабинета, узнав о смерти друга.

Тяжёлая болезнь Андрея Жданова не была секретом для всех, кто с ним сталкивался хотя бы иногда. Его заместитель по работе в СККФ Елисей Синицын спустя полвека описал одну из сцен января 1945 года в Хельсинки: «Минут через десять в кабинет зашёл личный врач Жданова, налил из графина стакан воды и протянул ему таблетку. Жданов сказал врачу, чтобы он не мешал работать. Как только врач вышел, он с досадой выкинул таблетку в корзину, заметив, что "стенокардию вылечивает только смерть"»^{770}.

Другой сотрудник СККФ, подполковник Богданов, так вспоминал Жданова, которого видел весной 1946 года: «Он был одет в форму генерал-полковника, имел очень болезненный вид. Запомнились большие отёки (мешки) под глазами»^{771}.

Сохранились и впечатления о Жданове, относящиеся к июню 1948 года. Причём поделился ими человек, который видел его тогда в первый и последний раз в жизни. Вспоминает С. Крюков: «Мой отец, участник Великой Отечественной войны, первый заместитель министра просвещения Таджикской ССР в 1948—1960 годах, в последних числах июня 1948 года был принят Ждановым в ЦК ВКП(б). Принял он отца поздно ночью, только что прилетев из Югославии. По словам отца, Жданов выглядел очень плохо, смертельно больным»^{772}.

В середине лета на юге стояла противопоказанная сердечникам сильная жара, и Жданов отправился лечиться в санаторий Ленинградского обкома на Валдае. Здесь, возле берега озера Ужин, ещё в конце 1930-х годов была выстроена одна из правительственных дач. Сталин останавливался здесь только раз в 1939 году, по легенде, ему не понравилось расположение дома между двумя озёрами с единственной дорогой. Назвав дачу то ли «мышеловкой», то ли «ловушкой», властитель

быстро уехал.

Санаторий представлял собой типичную госдачу тех лет, построенную во многом по сталинскому вкусу — одноэтажное здание в сосновом лесу, высокие потолки, отделка коричневым деревом, тяжёлая массивная мебель того же цвета. По общим отзывам, комфортное, тихое, но довольно мрачноватое место.

Как и на любом отдыхе, Жданов продолжал работать: изучал привозившиеся документы, общался с Москвой по телефонам правительственной связи — их было несколько в номере. Вечером 23 июля 1948 года Жданов долго разговаривал по телефону с Шепиловым, который с этого месяца был уже не заместителем заведующего, а начальником агитпропа. Наш герой и во время болезни пытался не упустить из рук нити управления и оставаться в курсе внутренней жизни Кремля. Во время этого телефонного разговора и случился тяжёлый сердечный приступ. Таблетки нитроглицерина не помогли, приступ по методике тех лет снимали уколом в вену и ножными ваннами. О происшедшем тут же сообщили в столицу — кремлёвским докторам и родственникам.

Семья Жданова тогда оставалась в Москве — сын работал, жена Зинаида лежала с острым радикулитом на даче в Волынском. С ней на даче проживала старшая сестра Жданова, Анна Александровна. В сентябре того же года, вскоре после смерти брата, она попыталась описать ночь на 24 июля и следующий день:

«Зина хворала радикулитом и уже недели полторы не вставала с постели. Я пошла к ней. Внезапная тревога сжала мне сердце. В комнате Зины была зажжена настольная лампочка. Зина сидела на кровати. "У Андрея начался сердечный приступ, — сказала Зина, — Сейчас Майоров звонил из Валдая. Андрюше очень плохо. Он говорил ночью по телефону с Шепиловым минут двадцать пять, у него начались спазмы, он не закончил разговора с Москвой. И сейчас ему очень плохо". "Надо ехать к нему", — сказала я. "Да, сейчас полетят на Валдай доктора с Егоровым, жду звонка, может быть, полечу вместе с ними", — сказала Зина. "Я полечу с тобой", — ответила я. Мы позвонили на Валдай. Кто-то ответил по телефону, что опасность миновала, врачи вылетят на Валдай утром и будут там к 11 ч. утра. На аэродром нас провожал Юра»^{773}.

Из Москвы на Валдай вылетел самолёт с профессорами кремлёвской больницы Виноградовым, Василенко и Егоровым, женой и сестрой Жданова. На даче их встретили личный врач и личный охранник Жданова — доктор Майоров и майор Белов. После врачей к больному прошли родственники. Вспоминает Анна Александровна:

«Я вошла. Кровать стояла изголовьем к стене, так что от двери были видны лицо Андрюши, голова, утонувшая в больших пуховых подушках. Андрюша полулежал, руки его были сложены на одеяле. Тёмные, примоченные водой волосы оттеняли бледное лицо, тонкий нос заострился, на щеках проступила небритая синева. Глубокие тёмные глаза пристально и ласково смотрели на меня. "Здравствуй", — сдержанным шёпотом сказал Андрюша и приподнялся, протягивая мне руку. "Что ж это ты?" — спросила я, ощущая мягкое и нервное пожатие как бы бескостной маленькой руки Андрюши. "Да вот знаешь, Шепилов меня доконал! — зашептал горячо Андрюша. — Двадцать пять минут я с ним разговаривал, а когда сжало сердце, нитро не помогло, раз шесть лизнул, ничто не помогает, а потом я во весь голос стал кричать: Ой, батюшки мои! Белов к окнам кинулся и раскрыть не может, топором вышибли раму. Всех я перепугал!"

Воспоминание о прошедших страданиях тенью проходило в его глазах, дрогнули губы. "Ну а теперь всё хорошо, — продолжал Андрюша. — Только нервы у меня расшатались. Ничего читать не могу, возьму что-нибудь почитать и плачу, музыку слышать не могу, реву и реву". "Ну что ж, это реакция хорошая", — отвечала я, цепенея от сострадания. Он взглядом дал мне понять, что ему приятны и нужны мои успокоительные слова. "Я сплю теперь, а не мог спать долгое время, не сплю и не сплю, даже фонодорм не помогает". — Он как дитя спешил поведать мне о своих мучениях, хотел, чтобы его пожалели, хотел слышать ласковые слова. Он был так одинок здесь на Валдае. Один в громадном доме без родных людей»^{774}.

Для старшей сестры всесильный член политбюро, секретарь ЦК и прочая, и прочая всё равно оставался маленьким мальчиком, о котором она заботилась 40 лет назад в городке Корчева Тверской губернии...

Прибывшие из Москвы профессора констатировали, что у больного имел место острый приступ сердечной астмы. Симптомов инфаркта на кардиограмме не обнаружили. Жданову прописали полный постельный режим на ближайшие две недели. Анна Александровна вспоминала:

«В длинном коридоре вверху горели четыре люстры. Как темно показалось мне там. За одной из дверей лежал Андрюша, слабый, изнемогающий с израненным сердцем. Оттуда вышел доктор Майоров... Майоров рассказал нам, что у Андрея Александровича ночью начался длительный спазм сердца. Нитроглицерин не действовал, начался припадок астмы, отёк лёгких. Сделали ножную ванну и укол в вену. Белов раскрыл окна, так как Андрею не хватало воздуха. Он кричал "Ой, батюшки мои" и

метался по комнате. После укола спазм прошёл, но Андрей Александрович очень слаб, ему нужен полный покой, надо снять все телефоны из спальни, устранить все шумы, читать ему ничего нельзя, назначен постельный режим, строжайшая диета, больного ничем не надо беспокоить. Затем пришёл директор Егоров Пётр Иванович, он поставил диагноз: недостаточность левого клапана, поражение коронарных сосудов, сильное переутомление нервной системы, припадки астмы могут повториться, но может быть, что следующий припадок возникнет лет через десять, непосредственная опасность миновала, но положение больного очень серьёзное»^{775}.

Через несколько дней полного покоя больному стало лучше. За это время в Москве прошла сессия ВАСХНИЛ, Лысенко громил своих противников, а газета «Правда» 7 августа 1948 года в день окончания сессии опубликовала «покаянное» письмо Юрия Жданова. То самое, которое месяц назад упоминалось на политбюро как производящее впечатление «недостаточного разоружения». Письмо Юрия Жданова было адресовано Сталину:

«Я, несомненно, допустил серию серьёзных ошибок в своих лекциях по дискуссионным вопросам современного дарвинизма. Само представление такого отчёта было ошибкой. Я недооценил свою новую позицию работника аппарата Центрального Комитета; я недооценил свою ответственность; я не имел представления о том, что моё выступление будет расценено как официально выраженная точка зрения Центрального Комитета... Я, не подумав, высказывал свою личную точку зрения... Моя острая и публичная критика академика Лысенко была моей ошибкой. Академик Лысенко является в настоящее время признанным лидером мичуринского направления в биологии. Он защищал Мичурина и его доктрину от нападок буржуазных генетиков и сам сделал много для науки и практики нашей экономики... Я считаю своим долгом заверить Вас, товарищ Сталин, и в Вашем лице Центральный Комитет партии, что я был и остаюсь ревностным приверженцем Мичурина...»^{776}

Через несколько дней Юрий Жданов появился у отца. Спустя почти полвека он вспоминал об этом: «Поехал на Валдай к отцу, который встретил меня ироническим выпадом: "Ну вот, мне пора на пенсию. Ты будешь писать и публиковать опровержения, на гонорар от них и будем жить". Ирония была горькая, но довольно спокойная»^{777}.

К середине августа врачи сочли возможным снять постельный режим, Андрею Жданову опять разрешили прогулки, чтение, кино, но не

возвращение к работе. Отец и сын гуляли вокруг дома. Валдай с его системой озёр обладает прекрасным микроклиматом, август считается здесь лучшим месяцем для отдыха. Но Юрию Жданову, по понятным причинам, живописная местность запомнилась как «угрюмое лесное озеро»^{778}.

В 20-х числах августа врачи констатировали удовлетворительное состояние больного, рекомендовали увеличить прогулки, с 1 сентября разрешили ездить на машине и 9 сентября запланировали решение вопроса о возможности возвращения в Москву. Тогда же на Валдай по поручению политбюро приехал Николай Вознесенский. Вспоминает Юрий Жданов: «Я был на Валдае. По приказу Сталина туда приехал Вознесенский, чтобы узнать, не нужно ли чем-нибудь помочь. Мы тогда гуляли, и он говорил, что "судьба политического деятеля всегда трагична". Эти слова справедливы и для судьбы Жданова и самого Вознесенского...»^{779}

Спустя десятилетия те же дни вспоминал бывший работник Смольного Иосиф Турко, в то время первый секретарь Ярославского обкома партии. Как и другие члены «ленинградской группы», он почти ежедневно звонил на Валдай, чтобы справиться о здоровье Жданова, и запомнил ответ личного секретаря нашего героя, Николая Кузнецова: «Сегодня хорошо, разрешили читать, острит...»^{780}

Но в ночь на 28 августа, проведя несколько длинных разговоров по телефону с Москвой, Жданов вновь упал с острым приступом. Утром 28 августа на самолёте из столицы опять экстренно прилетела группа кремлёвских врачей — академики Виноградов, Василенко, профессор Егоров. На этот раз с ними была и заведующая кабинетом кардиографии кремлёвской больницы Лидия Тимашук. В полдень больному сделали электрокардиограмму. И здесь у врачей возникли разногласия, быстро ставшие весьма острыми. Тимашук по итогам кардиограммы диагностировала инфаркт миокарда. Остальные врачи выступили против такого диагноза, настаивая, что у больного «функциональное расстройство на почве гипертонической болезни». Кремлёвские профессора настояли, чтобы «инфаркт миокарда» не был записан в медицинском заключении от 28 августа 1948 года.

На следующий день у попытавшегося подняться с кровати Жданова вновь повторился сердечный приступ. Снова самолёт доставил из Москвы на Валдай специалиста по ЭКГ Лидию Тимашук. Спор о диагнозе повторился. Инфаркт требовал строгого постельного режима и отказа от прежних методов лечения. Родственников больного во все тонкости

диагноза и споров вокруг него врачи не посвящали, но сводки о состоянии здоровья Жданова ежедневно докладывались в Кремль. И обеспокоенная Тимашук обратилась к личному охраннику Жданова с просьбой сообщить в ЦК о её диагнозе. Майор МГБ Белов мог передать заявление Тимашук только по линии своего ведомства — Главного управления охраны Министерства госбезопасности СССР. И в тот же день Тимашук написала короткую записку на имя начальника кремлёвской охраны генерала Власика, отвечавшего за безопасность всех высших руководителей страны:

«29/VIII у А.А. повторился (после вставания с постели) сердечный приступ, и я вторично была вызвана из Москвы, но по распоряжению акад. Виноградова и пр. Егорова. ЭКГ 29/VIII, в день сердечн. приступа, не была сделана, а мне вторично было в категорической форме предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, о чём я поставила в известность тов. Белова А. М.

Считаю, что консультанты и леч. врач Майоров недооценивают безусловно тяжёлое состояние А. А., разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало повторный приступ, а в дальнейшем может привести к роковому исходу.

Несмотря на то, что я по настоянию своего начальника переделала ЭКГ, не указав в ней "инфаркт миокарда", остаюсь при своём мнении и настаиваю на соблюдении строжайшего постельного режима для А. А.»^[781].

Пятидесятилетняя Лидия Тимашук, начинавшая свою врачебную деятельность в 1920 году в особом санитарном поезде, боровшемся с эпидемиями тифа и холеры, была опытным врачом. В Лечебно-санитарном управлении Кремля работала с 1926 года, хорошо знала Жданова и его семью. Вероятно, она искренне радела о здоровье больного, а понимая, кем является пациент, не могла не беспокоиться и о себе — понятная ей врачебная ошибка пугала непредсказуемыми последствиями.

Именно отсюда, с этого момента, и пойдут слухи о странных обстоятельствах смерти Жданова. Через несколько лет начнётся «дело врачей», а историки и по прошествии десятилетий будут спорить о диагнозе и прочих «до сих пор не выявленных до конца обстоятельствах»^[18]. Электрокардиограмма была тогда новым методом диагностики, плохо знакомым профессорам старой школы. Поэтому вариант добросовестной врачебной ошибки представляется наиболее вероятным. Но власть на тех вершинах, где находился умирающий Андрей Жданов, была настолько огромной, что нельзя исключать любые средства в

борьбе за неё...

Вероятно, мы уже никогда не узнаем всей правды, и нам остаётся лишь согласиться — эта смерть навечно оставила вопросы без ответов. Сын нашего героя Юрий Андреевич Жданов, отвергая любые конспирологические версии гибели отца, даже в XXI веке неизменно повторял: «Я читал письмо Л. Тимашук, но вряд ли стоит в этом разбираться, не вижу интриги. Я хорошо знал лечащего врача Г.И. Майорова, он был с отцом в Ленинграде, когда у отца случился первый инфаркт. Это было в сентябре 1941 года, когда немцы блокировали Ленинград... Жданов пережил его на ногах... После смерти Андрея Александровича Г.И. Майоров приехал к нам домой и сказал: "Два ленинградских инфаркта — вот в чём причина смерти". Жизнь проще и трагичнее»^[782].

Для Лидии Тимашук врачебный конфликт с кремлёвскими профессорами медицины по поводу диагноза Жданова закончился в сентябре 1948 года увольнением из самой главной поликлиники страны. Её сын, тоже Юрий, был инвалидом войны, лётчиком, сбитым в бою за месяц до взятия Берлина. Несмотря на обгоревшие до костей руки, он прожил долгую жизнь и уже в 90-е годы минувшего века вспомнил рассказ матери о тех днях:

«Моя мама Лидия Феодосьевна Тимашук всё время работала в Кремлёвской больнице. По специальности была гинеколог, но переквалифицировалась и стала терапевтом, училась с уклоном в ЭКГ у профессора Фогельсона. Окончила 1-й Московский медицинский институт...

По долгу службы она, как я понимаю, не должна была рассказывать о работе. Но когда её убрали из 1-й поликлиники, когда ей пришлось перейти с понижением в должности и с понижением в окладе, конечно, она об этом говорила. У мамы не было другой поддержки, кроме семьи, и поэтому мы многое знаем.

Да, мама писала, но мы не знали об этом. Она писала непосредственно в Валдае, обращалась в ЦК и передала это письмо охраннику Жданова, поскольку ей не к кому было больше обратиться.

На Валдае её пригласили на консилиум в составе профессоров. Ей позвонили ночью и вызвали как опытного специалиста — моя мама делала ЭКГ всем членам Политбюро: и Калинин, и Жданову, знала ЭКГ всех больных наизусть. Семью Жданова она всё время наблюдала, так что она знала все ЭКГ Жданова. Она была убеждена, что у него инфаркт. В составе консилиума были Майоров, лечащий врач Жданова, Виноградов,

Василенко, Егоров и моя мама.

После консилиума семья Ждановых пригласила всех медработников не на банкет, а просто в столовую пообедать, мама там не присутствовала, но она рассказывала, что стол был с выпивкой. Вернулась она в полной растерянности и, конечно, сразу начала рассказывать, что с ней произошло. А произошло вот что: Жданову стало плохо, и мама по своей специальности стала его обследовать — оказалось, что у Жданова — инфаркт. Когда она стала докладывать об этом, другие консультанты её предложение сразу же отвергли и сказали, что никакого инфаркта у Жданова нет, а есть сердечная недостаточность. Мать на них смотрит и думает: то ли она сходит с ума, то ли они — сумасшедшие... Причём, она сдавала в институте экзамен Виноградову, это её учитель...

Она говорит: как же так, они утверждают, что ничего подобного нет... Ей ничего не оставалось делать, как действовать самой. Но действовать как? Обратиться к самому больному? К семье обратиться неэтично...

И она решила обратиться к охраннику, майору Белову, написала письмо, письмо сугубо медицинское. Письмо было адресовано, я помню, в ЦК. У мамы не было возможности посоветоваться, она была расстроена. Гражданский подвиг она совершила: не побоялась своего непосредственного начальника, Егорова, а это величина была. Её просто обстоятельства вынудили это делать. Если бы она была в Москве, я думаю, она побежала бы лично, не знаю куда, но побежала бы спасти человека. Начала хлопотать, но Валдай далеко от Москвы»^[783].

Валдай далеко от Москвы... Незатейливый рассказ сына Тимашук стыкуется с другими известными обстоятельствами. Ведущие кремлёвские врачи явно не считали состояние пациента смертельным, методы лечения, опасные при инфаркте, не изменили — отсутствовал строгий постельный режим, остался и общий массаж, рекомендованные прогулки и приём дигиталиса, лекарственного растения для стимулирования сердечной деятельности. В защиту профессоров из Лечсанупра Кремля отметим, что не все современные медики, изучавшие последние кардиограммы Жданова, согласны с диагнозом Тимашук. Вопрос остаётся открытым. Видимо, навечно.

Андрей Александрович Жданов умер 31 августа 1948 года в 15 часов 55 минут на кровати в спальне своего правительственного номера. Накануне он почувствовал себя лучше, с утра встал, побрился. Взялся за доставленные газеты и почту из ЦК. Последнее, что видел он в уходящие секунды жизни сквозь большое окно напротив, были тёмные, почти чёрные валдайские ели.

В тот же день здесь экстренно появились член политбюро, заместитель председателя Совета министров Николай Вознесенский и секретарь ЦК Алексей Кузнецов. Вместе с ним прибыл ближайший помощник Сталина, заведующий особым сектором ЦК Александр Поскрёбышев. Уже вечером, через несколько часов после смерти, провели вскрытие — прямо там же на даче, в ванне правительственного номера. Вскрытие на месте проводил прибывший из Москвы патологоанатом по специальному разрешению Сталина, переданному Поскрёбышевым.

В 17 часов 1 сентября 1948 года поезд с телом покойного, членами его семьи и сопровождающими уже прибыл на Белорусский вокзал столицы. Жданов в послевоенном СССР не только в кругах партийно-государственного чиновничества, но и в общественном сознании воспринимался как второй человек после Сталина. И его похороны стали одними из самых значительных по масштабу в советской истории, уступая лишь похоронам Ленина, Сталина и Брежнева.

На площади Белорусского вокзала собрались десятки тысяч москвичей, чтобы встретить траурный поезд. На перроне выстроился почётный караул. Прибыли все члены политбюро (кроме самого Сталина), маршалы Советского Союза, высшие чиновники огромной страны. Поток людей, следовавших за гробом, установленным на лафете, растянулся от Белорусского вокзала до Охотного Ряда.

Вспоминает Юрий Жданов: «Траурная процессия медленно двигалась по улице, и вдруг внезапно я слышу громкий смех. О чём-то оживлённо разговаривая с Маленковым, смеялся Берия»^{784}. Сын был раздавлен смертью отца и не факт, что адекватно воспринимал в тот момент окружающее. Но несомненно, что товарищи Маленков и Берия, привыкшие к человеческим смертям, не убивались от горя в связи с кончиной соратника-соперника.

Гроб с телом Андрея Жданова установили в Колонном зале Дома союзов на высоком постаменте, утопавшем в живых белых цветах. Над ним развернули приспущенное, обрамлённое чёрной каймой алое бархатное знамя. Мраморные колонны зала были затянуты кумачовыми полотнищами с гербами всех союзных республик и Советского Союза.

В зале — сотни венков. У гроба — самый большой с надписью на кумачовой ленте: «Дорогому товарищу и другу Андрею Александровичу Жданову от Центрального Комитета ВКП(б) и Совета министров СССР». Будет заметен и венок с такой надписью: «Боевому руководителю и другу искусств Андрею Александровичу Жданову от Большого театра СССР».

В почётном карауле у гроба Жданова стояли члены и кандидаты в

члены политбюро, министры, маршалы, генералы, представители науки и искусства, делегаты от предприятий Москвы и области.

В 23 часа 10 минут в почётный караул у гроба Жданова встал Иосиф Сталин. За неполные сутки в Колонный зал Дома союзов пришли проститься со Ждановым почти 200 тысяч человек. В послевоенном СССР большинство людей искренне скорбели по тому, кого считали одним из творцов нового государства и недавней великой победы.

Писатель Лев Кассиль оставил воспоминания о том прощании: «Медленно двинулись через зал траурной нескончаемой чередой сперва посланцы столицы — делегации заводов, институтов, районов, а потом просто люди всех возрастов, всех профессий, готовые простоять в скорбной очереди, протянувшейся от Охотного до Арбата, долгие часы, чтобы иметь возможность поклониться одному из лучших сынов коммунистической партии, верному сподвижнику великого Сталина...

Угас сентябрьский день, пришла траурная осенняя ночь. А люди всё идут и идут. Сменяются караулы у гроба, не видно конца и края молчаливым людским колоннам, медленно движущимся к Дому Союзов... Всю уже по-осеннему долгую сентябрьскую ночь идут люди к Колонному залу Дома Союзов. Бессонной кажется опечаленная Москва. А когда в рассвете пожелтели, словно усталые, уличные фонари и забрезжившее утро осветило поникшие траурные флаги, влажные от росы, ещё гуще и плотнее стал поток людей, идущих на последний поклон к Андрею Александровичу Жданову.

Уже некуда ставить в Колонном зале венки... На десятки кварталов вытянулись днём 2 сентября траурные колонны прощающихся с товарищем Ждановым... Рано утром здесь было много детей. Ребята шли сюда вместе с родителями, прежде чем отправиться в школу. Я видел девочку-пионерку лет двенадцати с большим портретом товарища Жданова, который она рисовала сама всю ночь»^[785].

В 16 часов 2 сентября 1948 года двери Колонного зала закрылись. С покойным прощались члены семьи. В 17 часов 20 минут в последний почётный караул у гроба встал Сталин. Затем он и другие члены политбюро под реквием Чайковского вынесли гроб к орудийному лафету. Траурная колонна медленно двинулась на Красную площадь. Над Кремлём на куполе Верховного Совета был приспущен красный флаг. Сталин шёл рядом с гробом друга. Впереди на алых подушечках несли депутатские значки, ордена и медали покойного.

Будущий премьер-министр, а тогда первый посол недавно образованного государства Израиль в Москве Голда Меир позднее

вспоминала тот день: «Мы прибыли в Москву через Прагу серым дождливым утром... Первым делом чиновники советского Министерства иностранных дел, встретившие меня на аэродроме, сказали, что сейчас добраться до гостиницы будет непросто, поскольку хоронят Андрея Жданова, одного из ближайших сотрудников Сталина. Поэтому первым моим впечатлением от Советского Союза были продолжительность и торжественность этих похорон и сотни тысяч — а то и миллионы — людей на улицах...»^{786}

В 18 часов открылся траурный митинг. Первым от имени ЦК и правительства выступал Молотов: «Жизнь и деятельность товарища Жданова — пример самоотверженного служения своему народу, пример пламенного борца за дело коммунизма, каким должен быть верный ученик и соратник Великого Сталина... Прощай, наш дорогой друг, наш боевой товарищ!»^{787}

Следом выступили руководители Москвы и Ленинграда, члены «ждановской» группировки — первый секретарь Московского обкома и горкома Георгий Попов и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома Пётр Попков. Затем траурную речь произнёс маршал Говоров: «Товарищ Жданов был душой героической обороны Ленинграда... Вечная память и слава боевому товарищу Андрею Александровичу Жданову!»^{788}

В 18 часов 40 минут Сталин и члены политбюро подняли гроб и понесли к могиле, вырытой у Кремлёвской стены. Под залпы орудийного салюта гроб опустили в землю, Сталин кинул первую горсть...

По Красной площади торжественным маршем двинулись войска — последняя дань памяти Андрею Жданову в тот день.

2 сентября 1948 года траурные митинги прошли и по всей стране, во всех областных и районных центрах. Траурная церемония в Мариуполе состоялась на улице Первого мая у дома 35, где в феврале 1896 года родился наш герой. Перед собравшимися выступил старейший учитель Мариуполя, преподаватель математики городской школы № 1 Юрий Константинович Попов — в конце XIX века он работал письмоводителем у инспектора народных училищ Александра Жданова... Накануне на стену мариупольского дома, где родился покойный, торжественно прикрепили мемориальную доску, дом украсили большим портретом Жданова с венком из живых цветов. В те же часы далеко от Украины, на Урале в Шадринске во время траурного митинга установили мемориальную доску на доме 120 по улице Октябрьской революции (бывшей Соснинской), где в 1917 году жил юный прапорщик Жданов...

Благодаря Алексею Рыбину, служившему в охране Сталина с 1931 года, мы знаем, что происходило на даче вождя в ночь после тех похорон: «Что касается самого Сталина... С 1930 по 1953 год охрана видела его "в невесомости" всего дважды: на дне рождения С.М. Штеменко и на поминках А.А. Жданова.

Все видели, что Сталин относился к Жданову с особым теплом. Поэтому после похорон устроил на даче поминки. Уезжая вечером домой, Молотов наказал Старостину (одному из охранников. — А. В.):

— Если Сталин соберётся ночью поливать цветы, не выпускай его из дома. Он может простыть.

Да, уже сказывались годы. Сталин легко простужался, частенько болел ангиной. Поэтому Старостин загнал ключ в скважину так, чтобы Сталин не мог открыть дверь. Впустую прокряхтев около неё, Сталин попросил:

— Откройте дверь.

— На улице дождь. Вы можете простыть, заболеть, — возразил Старостин.

— Повторяю: откройте дверь!

— Товарищ Сталин, открыть вам дверь не могу.

— Скажите вашему министру, чтобы он вас откомандировал! — вспыхнул Сталин. — Вы мне больше не нужны.

— Есть! — козырнул Старостин, однако с места не двинулся.

Возмущённо пошумев, что его, Генералиссимуса, не слушается какой-то охранник, Сталин ушёл спать. Утром Старостин обречённо понёс в машину свои вещи. Тут его вызвали к Сталину, который миролюбиво предложил:

— О чём вчера говорили — забудьте. Я не говорил, вы не слышали. Отдыхайте и приходите на работу.

Интересной была ситуация, правда же? Ну, её психологические тонкости вы сами оцените. А я подчеркну лишь вот что: если Сталин всё-таки хотел поливать цветы и даже запомнил весь ночной разговор, значит, был не очень пьяным. Ведь так? Хотя чисто по-житейски тут всё понятно — человек похоронил самого лучшего собеседника. С кем теперь обсуждать новые художественные книги? Потому имел полное право утолить своё горе»^{789}.

На даче Сталин закрыл и больше никогда не открывал рояль, на котором играл Жданов. После смерти друга вождь СССР, несомненно, понимал, что и ему осталось уже немного.

Жданов стал одним из первых в целом поколении руководителей социалистической системы, ушедших из жизни в период 1948—1953 годов.

Обычно обращают внимание только на смерть Сталина и её последствия для СССР, но забывают, что тогда произошла настоящая смена поколений. В течение короткого отрезка времени умерли наиболее опытные и убеждённые руководители международного коммунистического движения: Андрей Жданов, Георгий Димитров, Хорлогийн Чойбалсан, Лев Мехлис, Иосиф Сталин, Клемент Готвальд... Влияние смены поколений на дальнейшие судьбы СССР и коммунизма до сих пор в должной мере не оценены историками.

В первую неделю сентября 1948 года все газеты СССР — от центральных до районных — заполнились материалами о жизни, смерти и похоронах товарища Жданова. 1 сентября появилось сообщение о смерти и некрологи от ЦК ВКП(б) и Совмина, Московского и Ленинградского обкомов. Затем появились многочисленные статьи с говорящими названиями: «Друг советских писателей», «Рыцарь большевистской правды», «Верный соратник вождя», «Вдохновенный строитель социализма» — последняя была от имени Союза писателей Казахстана...

Опубликовали и медицинское заключение о смерти Жданова — без намёка на альтернативный диагноз Тимашук, в формулировке кремлёвских профессоров медицины: «В течение многих лет тов. Жданов А.А. страдал болезнью высокого кровяного давления, осложнявшейся тяжёлым атеросклерозом, особенно сосудов, питающих сердце. В последние годы у него были частые приступы грудной жабы, а затем появились припадки сердечной астмы. Смерть последовала от паралича болезненно изменённого сердца при явлениях острого отёка лёгких»^{790}.

Советские газеты в ту неделю заполнили многочисленные стихи, посвященные Андрею Жданову. Среди множества провинциальных поэтов отметились и известные в литературе имена. Самуил Маршак писал:

Он прожил только полстолетья,
Но в будущие времена
Расскажут внукам наши дети,
Как эта жизнь была полна.
Его слова не отзвучали.
Мы слышим их призывный гул.
И вся страна в Колонном зале
Встаёт в почётный караул^{791}.

Поэтесса Вера Инбер, пережившая блокаду Ленинграда и вступившая

в ВКП(б) в осаждённом городе (кстати, троюродная сестра Льва Троцкого), написала следующие строки:

Не скоро заживёт такая рана.
Он умер. Он ушёл от нас так рано.
О, сколько бы ещё он сделать мог
Для дела мира, для родного края.
Мы знаем — большевик не умирает,
Его дела — бессмертия залог^{792}.

Но первым на смерть Жданова уже 1 сентября откликнулся Виссарион Саянов, которого наш герой два года назад снял с поста редактора журнала «Звезда»:

Гудят гудки за Невскою заставой,
И с гулом волны плещутся в гранит...
Да, путь героя пройден был со славой,
О нём в столетьях песня прозвучит^{793}.

Как пример множества провинциальных публикаций приведём стихотворение из газеты «Бурят-монгольская правда»:

На плечи партии нежданно
Оно обрушилось... Навек
Ушёл из боевого стана
С кристальным сердцем человек.
Ушёл... Возможно ль?
Нет, не верьте!
Ведь вот он в центре баррикад
От рабства и от чёрной смерти
Отстаивает Ленинград.
Он здесь, наш Жданов, все мы слышим
Наказ, как Родине служить...
Пока живём, пока мы дышим,
Он будет в нашем сердце жить!^{794}

Существовавшие рядом с культом личности Сталина «малые культы» давали свои плоды — Андрей Жданов был одним из популярнейших руководителей СССР, стоящих в народном сознании рядом с верховным вождём. И нельзя сказать, что это было результатом исключительно пропаганды — победа в великой войне, очевидные успехи в развитии науки и культуры справедливо связывались и с именем Жданова. Как вспоминал рязанский поэт Алексей Корнеев, в юности тоже писавший стихи на смерть нашего героя, «Жданов был одним из кумиров молодёжи, о демократичности которого ходили легенды»^{795}.

Эта смерть не осталась без внимания и за рубежом: западные газеты в сентябре 1948 года разразились массой статей о неожиданной кончине второго человека в СССР. Так британская «Дейли экспресс» («The Daily Express») писала: «Жданов — ненавистник Запада... руководитель агрессивной антизападной фракции в Политбюро». В газете «Тайме» («The Times») сообщалось, что Жданов руководил обороной Ленинграда «с умением и энергией, которые заслужили ему всемирное восхищение. Несмотря на свою беспощадность, он действительно пользовался преданной поддержкой населения города, и когда, наконец, натиск немцев ослабел, его влияние в руководящих органах Советского Союза ещё больше усилилось». «Ньюс кроникл» («The News Chronicle») в редакционной статье, посвященной смерти Жданова, писала: «Жданов был в своём роде великим человеком, и если верно, что он намечался преемником Сталина, то он заслуживал этот пост... И всё же он не был другом демократии. Именно Жданов, как вдохновитель Коминформа, объявил холодную войну Америке и Англии в Варшаве в сентябре прошлого года... Мы не знаем, было ли что-либо личное в его враждебности к Западу»^{796}.

Западные СМИ отметили и обстоятельства смерти. Так «Манчестер гардиан» («The Manchester Guardian») писала: «Возможно, многим окажется трудным поверить, что его смерть была естественной». Ей возражала «Ньюс кроникл»: «Смерть Жданова была "естественной". Жданову мало кого приходилось бояться среди небольшой группы подлинных советских вождей»^{797}.

Совсем иначе смерть Андрея Жданова восприняли коммунисты за пределами СССР. Для них именно он, официальный создатель Коминформа и автор множества открытых и закрытых посланий зарубежным коммунистам, был интеллектуальным лидером, непосредственным «голосом Москвы» во второй половине 40-х годов XX века. Один из известнейших художников Италии XX века Ренато Гуттузо, в 1940 году

вступивший в подпольную компартию, участник партизанских бригад, застал смерть Жданова в польском Вроцлаве на Международном конгрессе деятелей культуры. Об этом художнику сообщил Александр Фадеев. «Я думаю, что ни Саша Фадеев, ни я не забудем голосов в развалинах Вроцлава в ночь, когда остановилось сердце Андрея Жданова... Жданов умер, он был, как всем известно, одним из лучших людей на земле: один из кристально чистых большевиков, твёрдый как кристалл. Наша война потеряла одного из наиболее доблестных воинов»^[798], — писал в октябре 1948 года Ренато Гуттузо. Освобождённый советскими войсками в жестоких, длившихся почти четыре месяца боях, стёртый с лица земли Вроцлав тогда ещё не был полностью восстановлен...

В конце октября 1948 года появилось два специальных постановления Совета министров СССР. 22 октября за подписью Сталина и управляющего делами Совмина Чадаева появилось закрытое постановление № 3957: «Об обеспечении семьи А.А. Жданова».

Вдове Зинаиде Александровне Ждановой правительство страны выплачивало единовременное пособие в размере 200 тысяч рублей и персональную пенсию две тысячи рублей. Пособия по 50 тысяч получали и сестры нашего героя — Анна Александровна и Татьяна Александровна Ждановы. За семьёй Ждановых сохранялись так называемое временное денежное довольствие в размере десяти тысяч рублей, государственная дача «с обслуживанием по линии Главного управления охраны МГБ СССР», легковая автомашина из гаража особого назначения и «право на лечение в Кремлёвской поликлинике»^[19].

Днём позже газета «Правда» опубликовала постановление Совета министров СССР об увековечивании памяти Андрея Александровича Жданова. Список мер, принятых в этом отношении, оказался внушительным. Город Мариуполь, где родился наш герой, переименовали в город Жданов. В его честь назвали Таганский район в Москве и Приморский район в Ленинграде, а также улицу Рождественку в столице. Присвоили имя Жданова Ижорскому заводу в Ленинграде, заводу «Красное Сормово» в Горьком (Нижнем Новгороде), Владимирскому тракторному заводу и Первой образцовой типографии в Москве. Стали носить имя Жданова Ленинградский государственный университет, Военно-морское политическое училище, Ленинградский дворец пионеров. Для студентов-отличников были установлены десять стипендий имени Жданова по 500 рублей: по четыре стипендии в Московском и Ленинградском университетах и две — в Московской государственной консерватории им.

П.И. Чайковского.

Примечательно, что предложения Ленинградского горкома ВКП(б) о присвоении имени Жданова заводу «Большевик» и Ленинградской воздушной академии, а также переименование года Кронштадта в Ждановск приняты не были.

Согласно данному постановлению в 1949—1951 годах должны были издать собрание произведений Жданова и его официальную биографию. В связи с этим постановление возлагало на Институт Маркса — Энгельса — Ленина подготовку соответствующих материалов. Среди мер по увековечиванию памяти Андрея Жданова постановление предписывало и создание памятников ему в центре Москвы и Ленинграда. Кстати, поставленное у Кремлёвской стены надгробие Жданову из чёрного гранита очень не понравится его вдове — именно этим чёрным, пугающим камнем...

Но ни собрание сочинений, ни новые памятники в центре двух столиц так и не появятся. Работы в этих направлениях будут неспешно вестись до самой смерти Сталина, после которой его незадачливым наследникам станет совсем не до памяти Жданова. Сыграло свою роль и «ленинградское дело», начавшееся едва ли не сразу после смерти Жданова.

В конце сентября 1948 года Маленков будет проявлять особое участие в трудоустройстве двух ближайших помощников Жданова, его личных секретарей Александра Кузнецова и Владимира Терёшкина. Маленков поспешит доложить Сталину, что первый становится заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а второй — заместителем заведующего Отделом внешних сношений ЦК.

Однако уже в феврале следующего года, всего через несколько месяцев после смерти Жданова, основные и наиболее влиятельные участники «ленинградской группы» Жданова попадут в опалу. Именно Маленков и стоящая за ним группировка во власти станут главными инициаторами и исполнителями «ленинградского дела». Группировка Берии окажет им в этом необходимое содействие.

«Ленинградское дело» — слишком большая и сложная история, чтобы подробно здесь на нём останавливаться, к тому же оно ещё требует детального изучения. Частично мы уже касались причин объединения всех бюрократических кланов во власти поздне сталинского СССР против «ленинградцев». Смерть Андрея Жданова сразу сломала равновесие сил в политбюро. К тому же именно в 1949 году Маленков и Берия и стоящие за ним группировки в глазах Сталина добьются очевидных и крайне важных успехов. Вспомним, что в те годы Берия возглавлял спецкомитет № 1 по

созданию ядерного оружия, а Маленков был главой спецкомитетов № 2 и № 3, разрабатывавших реактивную и ракетную технику и средства радиолокации. В условиях нарастающей холодной войны успехи в этой сфере придадут им ещё больший вес на сталинском олимпе.

Когда-то, в 1937 году, решая судьбу партийных руководителей Башкирии, товарищ Жданов высказался так: *«Столбы подрублены, заборы повалятся сами»*. Теперь судьба подрубила главный «столб» ленинградцев, и забор повалился — к августу 1949 года были арестованы все их главные лидеры: Николай Вознесенский, Алексей Кузнецов, Пётр Попков, Яков Капустин и многие другие. Кузнецова арестуют прямо в кабинете Маленкова.

На «ленинградцев» повесят и реальные ошибки, которые у них действительно были, и те антисоветские преступления, к которым они не были причастны. В более «травоядные» времена дело ограничилось бы увольнениями или перемещениями на низкие должности. Тогда же, в октябре 1950 года, верхушку «ленинградской группы» после формально открытого, но не освещавшегося в прессе судебного процесса расстреляли. Были казнены Кузнецов, Вознесенский, Попков, Капустин — всего 23 человека из ЦК и высшего руководства РСФСР и Ленинграда. Свыше двух сотен высокопоставленных чиновников «ленинградской группы» получили различные сроки тюремного заключения. Порядка двух тысяч руководителей более низкого ранга уволили или перевели на «менее ответственную работу».

По сталинским временам размах «чистки» был не самый большой и свирепый. Но «ленинградское дело» буквально смело не только властные верхушки Ленинграда и области, потрепало руководство РСФСР, но и затронуло целый ряд областей и регионов, которые после войны возглавили «ленинградцы» — от Горьковской области и Эстонии до Крыма. В Крыму, например, на место арестованного и расстрелянного Николая Соловьёва, бывшего в годы войны руководителем исполкома Ленинградского облсовета, придут уже выдвиженцы Хрущёва, что вскоре во многом и предопределяет судьбу этого полуострова.

После расстрела председателя Совета министров РСФСР Михаила Родионова и увольнения руководителя столицы Георгия Попова в Москву «выдвинется» Никита Хрущёв. Именно в тени подковёрной борьбы с «ленинградцами» и сложится группа его сторонников. Через несколько лет, сразу после смерти Сталина, клан Хрущёва в союзе с Маленковым уничтожит клан Берии, а ещё через четыре года скинет с вершин и самого Маленкова...

Бывший замначальника Следственной части по особо важным делам МГБ полковник Владимир Комаров, курировавший «ленинградское дело», позднее, перед собственным расстрелом в 1954 году, давал показания, как его инструктировал Абакумов, министр госбезопасности: «В Ленинград поехал я и ещё десять следователей... Перед отъездом в Ленинград Абакумов меня строго предупредил, чтобы на суде не было упомянуто имя Жданова. "Головой отвечаешь", — сказал он»^{799}.

Имя нашего героя в связи с «ленинградским делом» не прозвучало. К тому времени он посмертно стал родственником Сталина. На похоронах отца Юрий Жданов был в обществе Светланы Аллилуевой. Молодые люди были знакомы ещё детьми, Светлана сочувствовала горю Юрия, и вскоре они сблизились, в апреле 1949 года стали мужем и женой. Несмотря на критику зятя за ненужную дискуссию с академиком Лысенко, престарелый властитель сохранял благожелательное отношение к сыну своего умершего друга. У Светланы и Юрия родилась дочка, внучка и Сталина, и Жданова — позднее она станет известным в СССР вулканологом, в наши дни живёт на Камчатке.

Когда же осенью 1952 года Юрий Жданов и Светлана Аллилуева разошлись, Сталин в привычной ему манере высказал дочери: «Ну и дура! В кои-то веки попался порядочный человек, и не смогла его удержать»^{800}. В те дни имя Андрея Жданова уже будет упоминаться в следственных документах МГБ по «делу врачей» — Жданов будет объявлен главной жертвой медицинского заговора, наряду с неожиданно умершим в мае 1945 года Щербаковым. Формальным поводом к появлению «дела врачей-убийц» станут письма Лидии Тимашук об ошибках в диагнозе Жданова, о них «вспомнят» через четыре года в 1952 году. Среди арестованных будет и бывший личный врач нашего героя Георгий Майоров. «Дело врачей», как и «ленинградское дело», после сорока лет замалчивания и двадцати лет постперестроечной публицистики, ещё ждёт своего научного анализа. Но это уже другая история, обусловленная особенностями самодержавия стареющего Сталина...

Светлана Аллилуева оставила мемуары с предвзятыми, как у всякой разведённой женщины, но любопытными деталями о семье бывшего супруга:

«В 1949 году я вышла замуж за Юрия Жданова, сына Андрея Жданова. Мой отец тепло относился к нему и желал нашего брака...

Я знала Жданова (старшего. — А. В.) как человека безвольного, с больным сердцем, в общем приятного и мягкого. То, что его имя

соединилось в истории советского искусства с мрачной полосой репрессий и гонений 1946 и 1948 годов, явилось результатом слишком усердной деятельности человека, являвшегося носителем и исполнителем воли других. В данном случае — моего отца...

В конце концов, его возненавидели все как исполнительного адъютанта и возможного "наследника Сталина" в партии.

Между тем, он на такую роль не претендовал и не раз повторял: "Только бы не пережить!.." (моего отца). У него не было амбиции для борьбы за власть: он бы её с удовольствием уступил сам.

В доме он был всегда под пятой у женщин — у сестёр, у жены. Жизнь дома крутилась вокруг единственного сына, его друзей, его интересов. Здесь бывали интересные и весёлые молодёжные вечера. Друзья Юрия из школы и из университета приходили сюда, не думая о "высоком положении" хозяина дома. Здесь помогли многим, чьи родители пострадали в 1937—1938 годах: дружба из-за этого не прекращалась. В этой семье не было злобных или жестоких людей. Но ограниченность, догматизм и нечто фанатическое проявлялось во многом»^[801].

Действительно, товарищ Жданов был фанатиком коммунистической идеи и Советского государства, нашего государства, но пусть его за это осуждают американские редакторы и издатели мемуаров Светланы Аллилуевой. Дочь Сталина многое знала о Жданове только со слов его сына и вдовы. И главное, она видела Жданова исключительно в окружении семьи или рядом со своим отцом — и там и там Андрей Жданов был мягким и покладистым, безусловно уступая пальму первенства старшему товарищу в государстве и любимой жене в доме. Светлане просто не довелось увидеть другого Жданова: командовавшего фронтами и вежливо ставившего на колени чужие правительства...

Зинаиду Жданову, свекровь, Светлана явно недолюбливала — вдова нашего героя была женщиной властной, не уступая характером невестке. Но главное, и Светлана отмечала это, Зинаида — убеждённая коммунистка, в душе осуждала покойную жену Сталина за самоубийство, и это не могло не ощущаться в семейных отношениях.

Светлана Аллилуева оставила своё свидетельство и об отношениях Маленкова, Берии и Жданова: «До марта 1953 года можно было всегда видеть Маленкова и Берия, гуляющими под руку. Они ходили парой, так и приезжали к отцу на дачу, и выглядели близкими друзьями. Эта дружба, очевидная для всех, вероятно, основывалась на взаимной поддержке друг друга в каких-то спорных вопросах. Взаимоотношения внутри Политбюро были сложными, запутанными и взаимно недобрыми... Жданов

представлял собою некий противоположный полюс Маленкову и Берия»^{802}.

После смерти главы семьи Ждановы остались жить в Кремле, в старом здании Оружейной палаты, где были квартиры всех членов политбюро. Сейчас на этом месте стоит Кремлёвский дворец съездов, построенный уже в 1960-е годы. Зинаида Жданова вместе с женой Климента Ворошилова продолжала работать в Высшей партийной школе, где в 1950-е годы появилась шутка, что они обе служат «наглядными пособиями по истории КПСС».

Смерть Сталина затронет и семью Ждановых. Уже весной 1953 года работника аппарата ЦК Юрия Жданова вызовут к одному из секретарей Центрального комитета Петру Поспелову. Когда-то Поспелов вместе с Андреем Ждановым был членом юношеского кружка нелегальных социал-демократов Твери. Но теперь перед Юрием Ждановым сидел не юный романтик революции, чудом выживший в колчаковском «поезде смерти», а опытный и осторожный бюрократ. Поспелов, ссылаясь на некое мнение ЦК, настоятельно рекомендовал Юрию Жданову «получить опыт местной партийной работы», то есть покинуть Москву. Сохранилось воспоминание о Поспелове самого Юрия: «В начале 20-х годов он работал в Твери вместе с моим отцом. Более того, они дружили домами, и по рассказам матери, сидя на коленях у Поспелова, который любил со мной играть, я называл его "Типтя" вместо Пети»^{803}.

Теперь Пётр Поспелов предложил Юрию Жданову почётную ссылку на выбор — в Челябинск или Ростов-на-Дону. Юрий избрал последний вариант, так как хорошо помнил этот южный город, где жил несколько лет в детстве, когда Зинаида Жданова уходила от мужа к другому мужчине. С тех пор до самой смерти Юрий Андреевич будет жить и работать в Ростове-на-Дону.

После смерти Сталина вдову Жданова переселят из Кремля в ближайший к Красной площади жилой дом для членов правительства. В тревожные дни 1953 года маленькую Екатерину, внучку Жданова и Сталина, от греха подальше отправят к родственникам в Переславль-Залесский.

Все дальнейшие пертурбации на вершинах советской власти в эпоху Хрущёва и Брежнева обойдут семью Ждановых стороной. Зинаида Александровна пережила мужа на 42 года и умерла в 1990 году. Юрий Андреевич Жданов с 1957 по 1988 год работал ректором Ростовского государственного университета, был признанным специалистом в области

органической химии. Он умер уже в нашем веке, в 2006 году, оставив, без преувеличения, огромное научное и публицистическое наследие.

Очень показательно, что в отличие от отпрысков, например, Хрущёва, сыновья и Жданова, и Берии, и Маленкова прожили достойные жизни, не променяли родину на зарубежные гранты, всю жизнь занимались отечественной наукой: Юрий Андреевич Жданов — доктор химических наук, Андрей Георгиевич Маленков — доктор биологических наук, Серго Лаврентьевич Берия — конструктор ракетных систем. Эти достойные биографии сыновей, среди прочего, тоже характеризуют непростые личности их отцов.

Пережившие «ленинградское дело» выдвиженцы Жданова впоследствии играли существенную роль на вершинах государственной власти СССР, достаточно напомнить не нуждающиеся в представлении имена председателя правительства Алексея Косыгина, министра обороны Дмитрия Устинова и одного из «серых кардиналов» политбюро Михаила Суслова.

Ближайший личный помощник Жданова, его секретарь Александр Николаевич Кузнецов, в разгар «ленинградского дела» был «сослан» из ЦК на работу в Литовскую ССР. Но после устранения с вершин власти Маленкова он вскоре становится первым заместителем министра культуры СССР, многие годы работает при известной Екатерине Фурцевой. Десятки выдвиженцев из команды Жданова более низкого ранга работали во всех звеньях партийно-государственного аппарата СССР в эпоху Хрущёва и Брежнева, когда наша страна достигла пика своего развития.

Нельзя не упомянуть некоторые аспекты памяти об Андрее Жданове, связанные с его военной деятельностью. Дислоцированной в Ленинградском военном округе 70-й стрелковой дивизии (это она в 1940 году штурмовала Выборг, в июле 1941 года наносила один из первых контрударов под Сольцами, в 1942 году форсировала Неву у Московской Дубровки, в 1944 году участвовала в Таллинской наступательной операции) 22 октября 1948 года было присвоено имя А.А. Жданова. Тогда ещё никто не знал, что подразделения дивизии имени Жданова в 1962 году высадутся на Кубе, повергнув в шок США, а с 1980 года будут вести боевые действия в Афганистане. Уже после распада СССР части именно этой дивизии останавливали резню в Абхазии, а позднее участвовали в обеих чеченских войнах.

В последний день 1952 года на Балтике был спущен на воду крейсер «Жданов». В 1965 году крейсер с именем нашего героя стал первым в СССР кораблём управления, предназначенным для координации действий

флота в масштабах всего мирового океана.

До конца 1980-х годов XX века имя Андрея Александровича Жданова оставалось в историческом пантеоне советской власти. Его заслуги признавались официально, но без каких-либо попыток изучения практического и идейного наследия. Никакие его работы после 1956 года ни разу не переиздавались, не изучались и практически не упоминались. Пусть и положительные, но короткие, скудные строки в военных мемуарах, трафаретные официозные статьи к редким юбилеям — вот и весь уровень осмысления опыта и личности Жданова в позднем СССР.

В то же время на Западе политическая роль Жданова всегда привлекала внимание советологов и историков. Человек, считающийся за рубежом инициатором холодной войны и главным проводником идеологического сопротивления западным доктринам, не мог не стать объектом пристального изучения. Ещё в 1954 году Госдепартаменту США был представлен секретный доклад ЦРУ о соперничестве в высшем советском руководстве группировок Жданова и Маленкова с оценками влияния нашего героя. Этот доклад был раскритикован совсем недавно, но с конца 1950-х годов отдельные его части, касавшиеся характеристик Жданова, фактически определяли западную историографию по теме нашего героя.

За рубежом возникло целое направление в научной литературе, исследующее «ждановщину» и деятельность Жданова, как государственного руководителя, который наиболее успешно противостоял западному идеологическому давлению. У нас же на эту тему в массовом доступе присутствует лишь истеричный, хотя и многотиражный вой перестроечных «огоньков»...

Закономерно, что процессы распада нашей страны, Союза Советских Социалистических Республик, затронули и память об Андрее Жданове. Ещё до краха компартии и государства, 18 января 1989 года, появилось решение ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечением памяти А.А. Жданова». Горбачёвские «прорабы перестройки» цинично рапортовали: «В партийные и советские органы, средства массовой информации поступают многочисленные обращения трудящихся с предложением отменить правовые акты, увековечивающие память А.А. Жданова. ЦК КПСС обстоятельно изучил этот вопрос и принял соответствующее постановление. Установлено, что А.А. Жданов был одним из организаторов массовых репрессий 1930-1940-х годов в отношении ни в чём не повинных советских граждан. Он несёт ответственность за допущенные в тот период преступные действия,

нарушения социалистической законности».

ЦК КПСС, которому оставалось жить три года, «внёс предложения об отмене принятых указов и постановлений, связанных с увековечением памяти А.А. Жданова, присвоением его имени городам, районам, посёлкам, улицам, предприятиям, колхозам, воинским частям, школам, техникумам, профессионально-техническим училищам и другим учреждениям и организациям, расположенным на территории республик, краёв и областей»^{804}.

В течение 1989 года в агонизирующем Советском Союзе демонтировали все памятники Жданову, сняли его имя со всех возможных объектов. В том же году крейсер управления «Жданов» исключён из состава кораблей ВМФ и в ноябре 1991 года, за месяц до официального сообщения о прекращении существования СССР, продан частной зарубежной фирме на металлолом. В угаре «разоблачений» в Ленинграде (ещё в Ленинграде) чуть было не переименовали Ждановскую набережную на берегу реки Ждановка — едва вспомнили, что данное название существует с XVIII века и не имеет отношения к нашему герою.

Курганский облисполком принял решение о лишении статуса памятников истории зданий в Шадринске по улицам Октябрьская, 132, и Ленина, 138, связанных с памятью Жданова, «как не имеющих исторического значения». Один из центров советской металлургии — город Жданов снова назвали Мариуполем; в 1990-е годы он стал центром вывоза украинского металлолома в Турцию.

Примечательно, что на сайте, посвященном истории Мариуполя, к статье о переименовании города появился, уже в наши дни, весьма эмоциональный комментарий с запоздалым раскаянием:

«Мне стыдно и горько признаться, что я, 29-летний мужик, позволил горбачёвским краснобаям вовлечь себя в гнусное дело по переименованию нашего города Жданова. Прошу прощения у жителей города, которых я вовлёк в это гнусное дело... гнусность этого дела не в имени города — Мариуполь, а в том, что вся эта наша возня в составе инициативной группы была частью информационной войны против советского народа, в результате которой наш город подвергся разграблению и жизненные ресурсы его питают города врага»^{805}.

Перестройка и последующие годы обернулись валом легковесных и истерических «разоблачений», в которых имя Жданова по частоте и накалу упоминаний уступало только совсем уж монструозным Сталину и Берии. Издававшиеся после 1991 года немногие научно-исторические работы (за

последние 20 лет их в узкоспециальных изданиях насчитывается не более десятка), освещавшие биографию и деятельность Жданова, своими небольшими тиражами не могли конкурировать с многомиллионным потоком «жёлтой прессы». До сих пор в среде оседлавших отечественные СМИ людей, приватизировавших имя «интеллигенция», хорошим тоном считается пнуть память Жданова при каждом упоминании блокады Ленинграда.

Познавшие «истину» о Жданове из «перестроечной» публицистики даже сейчас продолжают дежурно возмущаться, едва заслышав это имя.

Так, в сентябре 2008 года «Литературная газета» опубликовала короткую заметку в десяток строк о шестидесятилетии со дня смерти Жданова. Заметка была помещена в юмористической рубрике и написана в пародийном жанре, имитируя стиль советского официоза, с таким окончанием: «Жданова уже давно нет, как нет города, улиц и площадей, названных в его честь, социалистический реализм уничтожен, безыдейность и аполитичность приветствуются. А литература и искусство от этого лучше не стали. Мягко говоря»^{806}.

Реакция «общественности» последовала незамедлительно. Радио «Свобода» разразилось передачей «Культурный убийца», филиппика была не нова: «Жданов уж точно купил себе бессмертие ценой травли Ахматовой и Зощенко, без упоминания о которой невозможны их биографии. Да и блокадники помнят, какие деликатесы доставляли Жданову на самолётах, пока ленинградцы умирали от голода и хоронили своих детей»^{807}.

Одновременно «Новая газета» завела ту же оперу в статье «Проба на ждановщину»: «"Литературная газета" почтила память погромщика писателей и музыкантов, который бранными словами отзывался о больших художниках слова Анне Ахматовой и Михаиле Зощенко... На его совести массовые аресты, высылки, расстрелы и тысячи жизней "классовых врагов"... В блокадном Ленинграде Жданов любил начинать день со свежих блинов. С Большой земли в осаждённый город для него доставлялись продукты, в том числе персики и вино. В то время, когда ленинградцы хоронили детей, умерших от голода, Жданов выкармливал медвежонка»^{808}.

Стоит искренне восхититься фантазией этих авторов. Впрочем, в современных СМИ они совсем не одиноки. Есть надежда, что после прочтения книги, которую читатель держит в руках, он сам сможет соотнести безапелляционное творчество подобных господ и сложную биографию товарища А.А. Жданова.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. ЖДАНОВА

1896, 26 (14-го старого стиля) февраля — в Мариуполе в семье инспектора народных училищ Александра Жданова родился сын Андрей.

1909, 16 марта (старого стиля) — смерть отца, Александра Алексеевича Жданова.

1915 — окончание Тверского реального училища, студент Московского сельскохозяйственного института.

Ноябрь — участие в нелегальной социал-демократической деятельности.

1916, июль — призван на военную службу.

Август — направлен в 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков.

1917, февраль — прибытие в 139-й запасной пехотный полк в Шадринске Пермской губернии.

Май — избран в исполком Шадринского совета рабочих и солдатских депутатов.

Июль — исключён из офицерского собрания 139-го полка за симпатию к большевикам. Избран председателем Шадринской организации социал-демократов-интернационалистов.

Сентябрь — венчание с Зинаидой Кондратьевой.

Декабрь — возглавил в Шадринске во время «пьяной революции» Комитет по охране порядка.

1918, январь — заместитель председателя исполкома Шадринского совета и уездный комиссар земледелия.

Июнь — прибытие в Екатеринбург для работы в Уралоблвоенкомате.

Август — руководитель военно-агитаторских курсов в Перми.

1919, январь — заведующий культпросветотделом Уфимского губвоенкомата.

Май — возвращение в Тверь, работа в губернском военном комиссариате.

Июль — руководитель политотдела при Тверском губкоме РКП (б).

20 августа — рождение сына Юрия.

Декабрь — делегат VII Всероссийского съезда Советов, избран в состав Всероссийского центрального исполнительного комитета.

1921, июнь — возглавил плановую комиссию Тверской губернии.

Июль — член президиума Тверского губисполкома, заместитель председателя исполкома по экономическим вопросам.

Декабрь — председатель Тверского губернского комитета РКП(б).

1922, апрель — председатель исполкома Тверской губернии.

Осень — решением ЦК партии направлен в Сормово Нижегородской губернии.

Декабрь — заведующий агитпропотделом Нижегородского губернского комитета РКП(б).

1924, 20 августа — секретарь Нижегородского губернского комитета партии.

1934, февраль — назначение на работу в Секретариат ЦК ВКП(б).

Август — совместный отпуск с С.М. Кировым и И.В. Сталиным, проведение Первого Всесоюзного съезда советских писателей.

15 декабря — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) после убийства С.М. Кирова.

1936, 25 сентября — совместная со Сталиным телеграмма о назначении наркомом НКВД Н.И. Ежова.

1938, 17 января — председатель Комиссии по иностранным делам при Верховном Совете СССР.

Март — член Главного военного совета Военно-морского флота.

15 июля — председатель Верховного Совета РСФСР.

1939, март — избрание членом политбюро.

1940, январь — член Военного совета Северо-Западного фронта.

12 марта — один из подписантов мирного договора с Финляндией.

Апрель — глава комиссии по проверке Наркомата обороны.

Август — входит в состав комиссии политбюро по просмотру и выпуску кинофильмов.

1941, май — заместитель И.В. Сталина по Секретариату ЦК ВКП(б). Член Комиссии по военным и военно-морским делам при Бюро Совнаркома СССР.

25 июня — решение о строительстве укреплений на подступах к Ленинграду.

28 июня — утверждение плана создания семи дивизий Ленинградского народного ополчения.

29 июня — решение о начале эвакуации мирного населения из Ленинграда.

1 июля — председатель Чрезвычайной комиссии по вопросам обороны Ленинграда.

10 июля — член Военного совета Главного командования войск

Северо-Западного направления.

8 сентября — первое совещание в кабинете Жданова о создании на Ладожском озере будущей ледовой Дороги жизни.

12 сентября — начало снабжения Ленинграда продовольствием по Ладоге.

17 декабря — первый полёт в Москву для доклада Ставке главнокомандования.

1942, январь — доклад Жданова в ЦК партии об особенностях и перспективах снайперской войны.

9 августа — ленинградская премьера 7-й Блокадной симфонии Шостаковича.

1943 год, январь — прорыв блокады.

1944, 14 января — Жданов с крыши Дворца Советов наблюдает за началом операции по полному снятию блокады Ленинграда.

18 июня — получает звание генерал-полковника.

19 сентября — подписывает с Финляндией соглашение о прекращении огня от имени СССР и Великобритании.

5 октября — прилетает в Хельсинки в качестве главы Союзной контрольной комиссии по Финляндии.

7 октября — первая встреча с президентом Финляндии маршалом Маннергеймом.

17 декабря — подписание соглашения о выплате Финляндией репараций в пользу СССР.

1945, 17 января — новым первым секретарём Ленинградского горкома и обкома вместо Жданова становится А.А. Кузнецов.

15 ноября — в Хельсинки начался суд над руководителями Финляндии в период войны.

29 декабря — решение политбюро о возвращении Жданова в Москву.

1946, февраль — председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. Избран членом всех трёх высших органов ЦК партии — Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б).

18 апреля — первое совещание Управления пропаганды и агитации ЦК по вопросам послевоенной реорганизации идеологической системы.

2 августа — председатель Оргбюро ЦК ВКП(б).

14 августа — постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

1947, 28 марта — постановление политбюро о судах чести.

5—7 июня — первый суд чести над профессорами Ключевой и Роскиным.

24 июня — доклад Жданова на «философском съезде».

15 июля — руководитель комиссии по подготовке новой программы ВКП(б).

25 сентября — доклад Жданова «О международном положении» на Первом совещании Коминформа.

14 декабря — постановление «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары», подписанное Сталиным и Ждановым.

1948, 13 января — выступление Жданова на совещании советских композиторов в Кремле.

31 мая — критика Сталиным на заседании политбюро выступления Юрия Жданова против Т.Д. Лысенко.

21 июня — доклад Жданова «О положении в коммунистической партии Югославии» на Втором совещании Коминформа.

13 июля — последняя встреча со Сталиным.

31 августа, 15 часов 55 минут — смерть Андрея Александровича Жданова.

2 сентября, 18 часов 40 минут — захоронение у Кремлёвской стены.

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова Е.А. Деятельность А.А. Жданова в Союзной контрольной комиссии в Финляндии (по материалам дневниковых записей Ю.К. Паасикиви) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Сборник. СПб., 1999.

Амосова А.А. Государственная и партийная деятельность П.С. Попкова: 1937—1950 годы: Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2010.

Андрей Александрович Жданов (1896—1948). М., 1948.

Барышников В.Н. Роль А.А. Жданова в создании и деятельности так называемого «терийокского правительства» (1939—1940 годы) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Сборник. СПб., 2003.

Борисов С.Б. Андрей Александрович Жданов: Опыт политической биографии. Шадринск, 1998.

Буткин Н.Г. Воспоминания о Шадринске // Шадринский альманах: Вып. 2. 1998.

Буткин Н.Г. Шадринск летом 1917 года//Шадринская старина: Краеведческий альманах. 1999.

Власов Л. В. Президент Финляндии К. Г.Э. Маннергейм и член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов: Встречи и переписка 1944—1945 годов // Феномен Петербурга: Сборник. СПб., 2006.

Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. М., 2010.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1953 годы. М., 2002.

Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2004.

Гордеева Л. П. Человек во власти (А.А. Жданов в Нижегородской губернии-крае) // Власть и общество: История и современность. Нижний Новгород, 2001.

Гусева А.В. «Краткий курс истории ВКП(б)»: История создания и воздействие на общественное сознание: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2003.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Член военного совета А.А. Жданов // Битва за Ленинград: Проблемы современных исследований: Сборник статей. СПб., 2007.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Председатель СКК в Финляндии А.А. Жданов по воспоминаниям её сотрудника // Санкт-Петербург и страны

Северной Европы: Сборник. СПб., 2008.

Демидов В.И., Кутузов В.А. А.А. Жданов в Твери (1919—1922 годы) // Вестник СПбУ: История (Серия 2). 2005. № 3.

Демидов В. И., Кутузов В. А. А.А. Жданов и Советско-финляндская война 1939—1940 годов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 8-й ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2007.

Демидов В.И., Кутузов В.А. А.А. Жданов: Начало партийной деятельности // Политические партии России: Прошлое и настоящее. СПб., 2005.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде // Век XX: Историография, источниковедение, региональная история России: Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2004.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Детские и юношеские годы А.А. Жданова // Вестник СПбУ: История (Серия 2). 2004. № 3-4.

Дубровский А.М. А.А. Жданов в работе над школьным учебником истории // Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков: Сборник. Брянск, 1996.

Есаков В., Левина Е. Сталинские «суды чести»: «Дело КР». М., 2005.

Ефимов Е.Б. Сумбур вокруг «сумбура» и одного «маленького журналиста». М., 2006.

Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 года. М., 1952.

Жданов Ю.А. Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. № 7.

Жданов А.А. Вступительная речь и выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 года. М., 1952.

Жданов А.А. Отчётный доклад IV Горьковской краевой конференции ВКП(б). Горький, 1934.

Жданов А.А. Речь на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей // Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчёт. М., 1934.

Жданов А.А. Речь на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа города Ленинграда 6 февраля 1946 года. М., 1946.

Жданов А.А. Уроки политических ошибок Саратовского крайкома. Л., 1935.

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов н/Д.,

2004.

Как создавались гиганты индустрии: Письма секретаря Нижегородского крайкома ВКП(б) А.А. Жданова: 1930—1932 годы // Исторический архив. 1999. № 6.

Каменский З. А. Философская дискуссия 1947 года (Преимущественно по личным воспоминаниям) // Отечественная философия: Опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. VI: Изживая «ждановщину». М., 1991.

Капица П.И. Это было так // Нева. 1988. № 5.

Карпи Г. Жданов в Италии: Послевоенные интеллектуалы и «Инженерия человеческих душ» // Вопросы литературы. 2006. № 6.

Кутузов В.А. А.А. Жданов и пирожные: мифы и реалии блокадного Ленинграда // Россия в XX веке: Проблемы политической, экономической и социальной истории: Сборник статей. СПб., 2008.

Кутузов В.А. А.А. Жданов и политические репрессии // Новейшая история России: Время, события, люди. СПб., 2010.

Кутузов В.А. А.А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. 2011. № 1.

Ленинградское дело / Сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990.

Малкин В., Лыкова Л. Цель была спасти жизнь больного // Источник. 1997. № 1.

Пашков А.А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии: 1917—1920 годы. Шадринск, 2007.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР: 1945—1953 годы. М, 2002.

Совещания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998.

Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

Хренников Г., Рубцова В. Так это было: Тихон Хренников о времени и о себе. М., 1994.

Boterbloem K. The life and times of Andrei Zhdanov: 1896—1948. Montreal, 2004.

Hahn W. Postwar Soviet Politics: The fall of Zhdanov and the defeat of moderation: 1946-1953. Ithaca, 1982.

Harris J. The origins of the conflict between Malenkov and Zhdanov: 1939 — 1941 // Slavic Review. 1976. Vol. 35. № 2.

Rayanan G. International policy formation in the USSR: Factional «debates» during the Zhdanovshchina. Hamden, 1983.

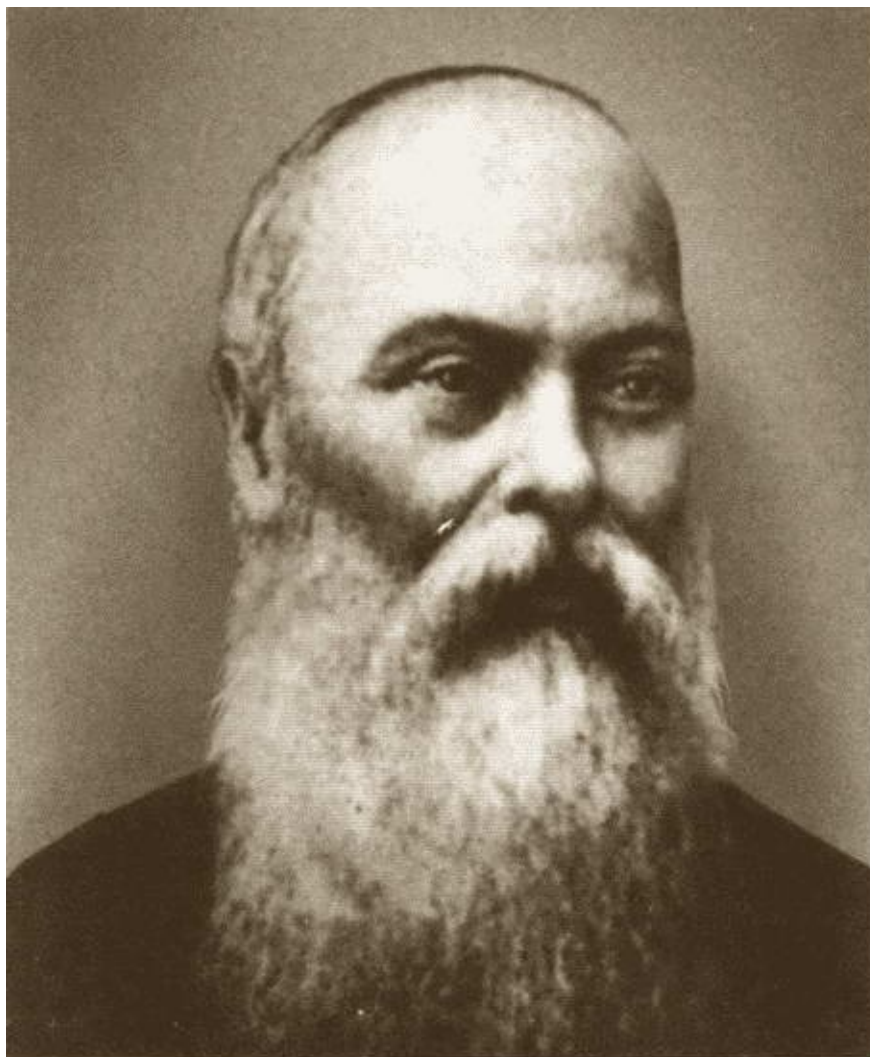
Rieber A. Zhdanov in Finland // The center for Russian and East European

studies. University of Pittsburgh. 1995. February. № 1107.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

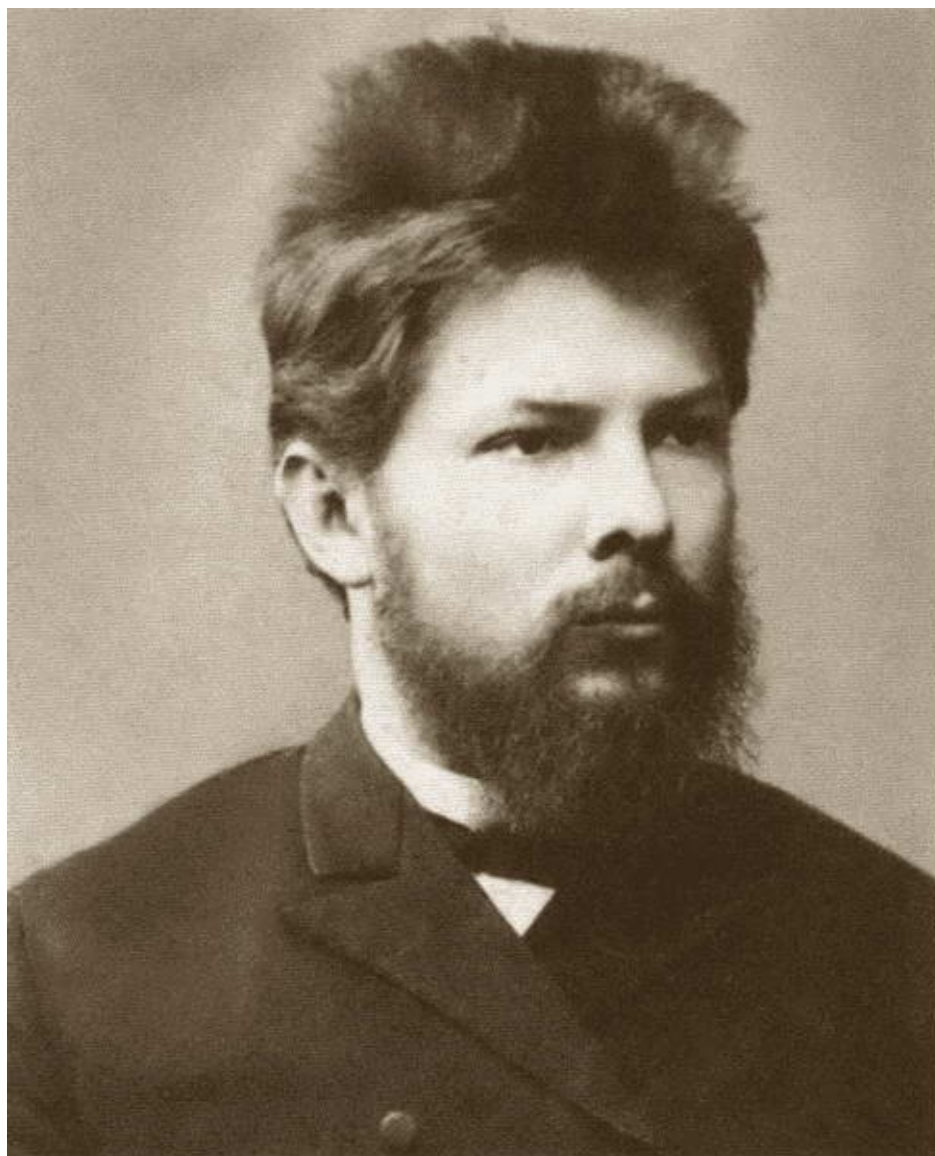
Жданов

Дед Андрея Жданова — Павел Иванович Платонов-Горский, профессор кафедры еврейского языка и библейской археологии Московской духовной академии. 1890-е гг.

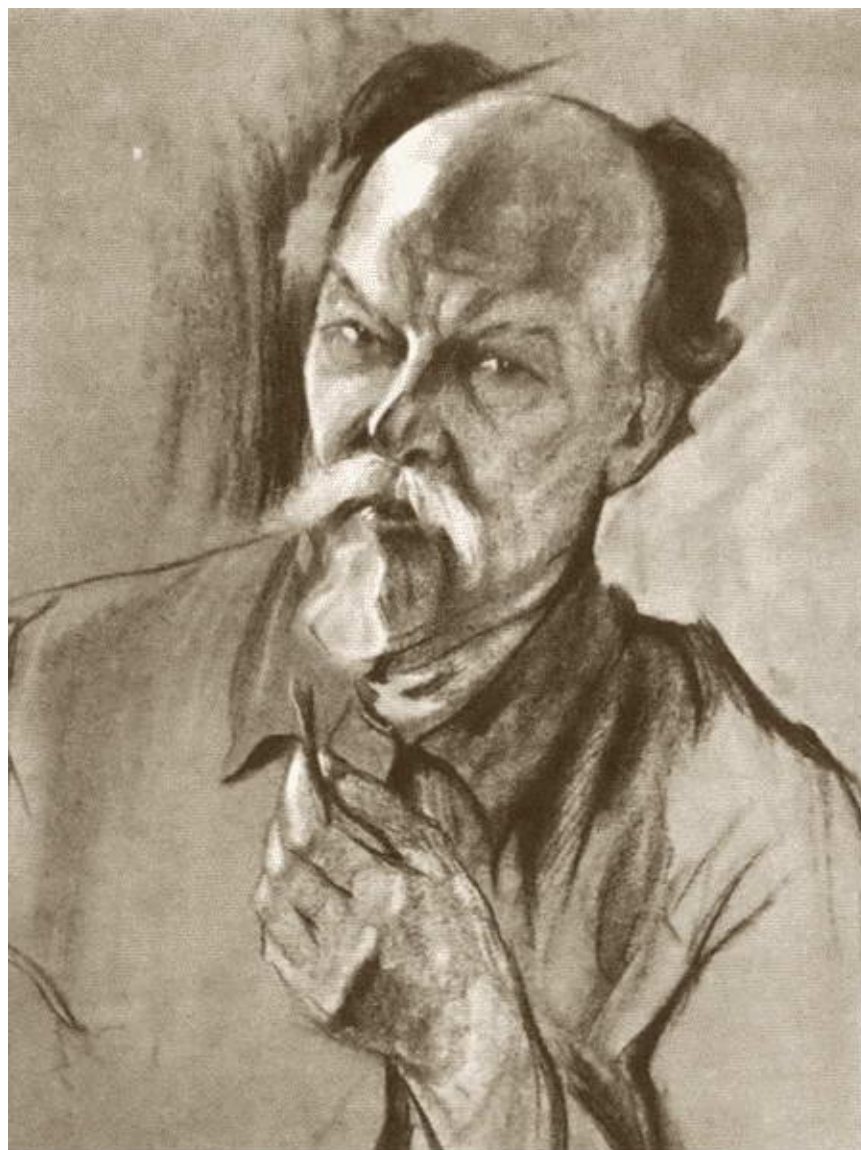

Храм Входа Господня в Иерусалим в селе Рудневе Рязанской области — бывший приход протоиерея Алексея (Алексея Никандровича Жданова), второго деда Андрея Жданова

Отец Андрея Жданова -Александр Алексеевич Жданов, доцент Московской духовной академии, с 1893 года инспектор народных училищ. 1890-е гг.

Дядя Андрея Жданова — Иван Алексеевич Жданов. Рисунок О.Л. Делла-Вос-Кардовской. 1923 г.

Александр Алексеевич Жданов с дочерьми Анной (слева), Еленой, Татьяной (справа) и сыном Андрюшей. 1900-е гг.

Юнкера 3-й Тифлисской школы прапорщиков. Слева — Андрей Жданов. 1916 г.

Зина Кондратьева и Андрей Жданов. Шадринск. 1917 г.

Спасо-Преображенский собор в Шадринске, в котором в 1917 году венчались Андрей и Зинаида Ждановы. 1910-е гг.

Председатель гордумы Шадринска эсер Николай Васильевич Здобнов. 1917 г.

Балтийский матрос, большевик Павел Хохряков, организатор первых отрядов Красной гвардии на Урале. 1918 г.

Агитпоезд 29-й стрелковой дивизии 3-й Красной армии. Ноябрь 1918 г.

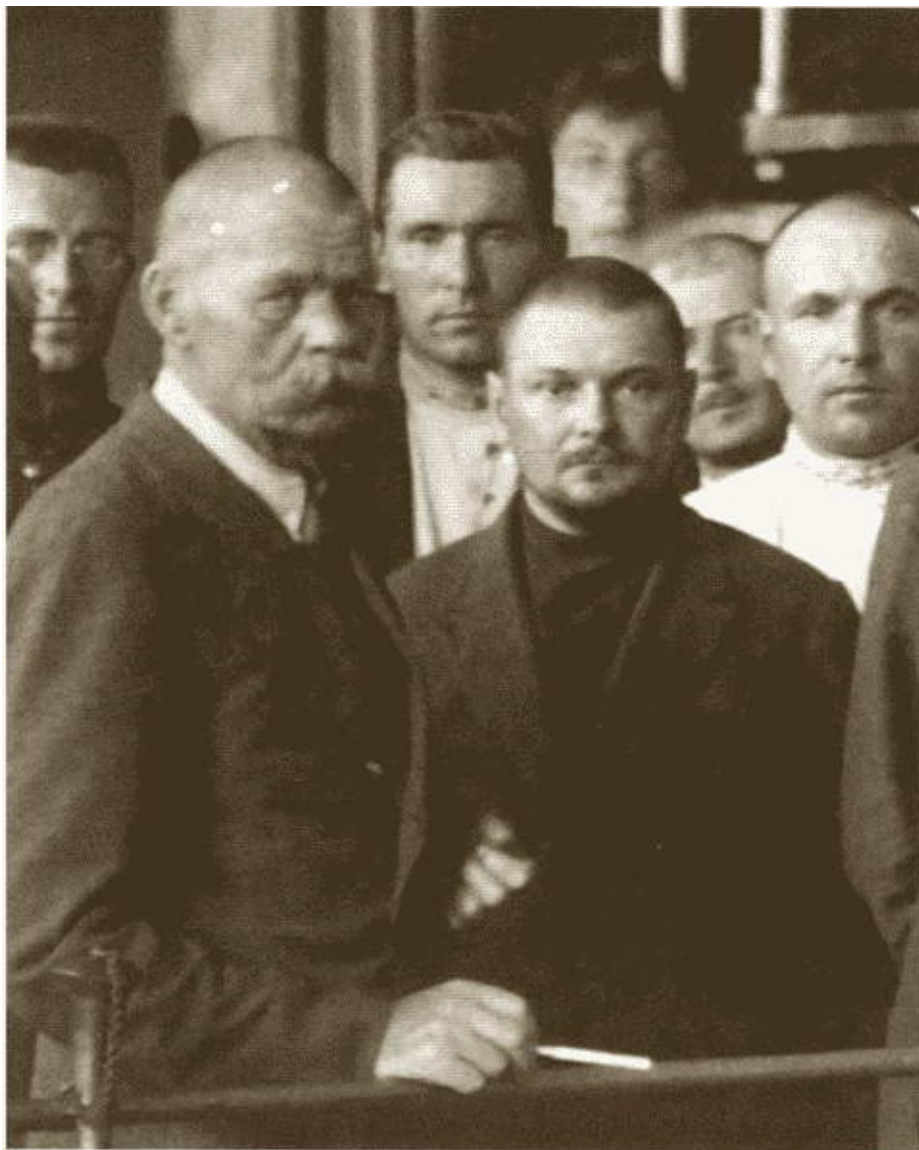

Андрей Жданов. Тверь. Начало 1920-х гг.

И.В. Сталин (во втором ряду в центре) и А.А. Жданов (во втором ряду третий слева) среди членов Нижегородской делегации на XIV съезде РКП(б). Москва. Декабрь 1925 г.

Алексей Максимович Горький и Андрей Александрович Жданов. 1928 г.

На Кировском заводе. Ленинград. Середина 1930-х гг.

Глава Нижегородского губернского комитета партии Андрей Александрович Жданов. Начало 1930-х гг.

На первомайском параде: К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов и И.В. Сталин. 1933 г.

Георгий Маленков, инструктор Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б). 1934 г.

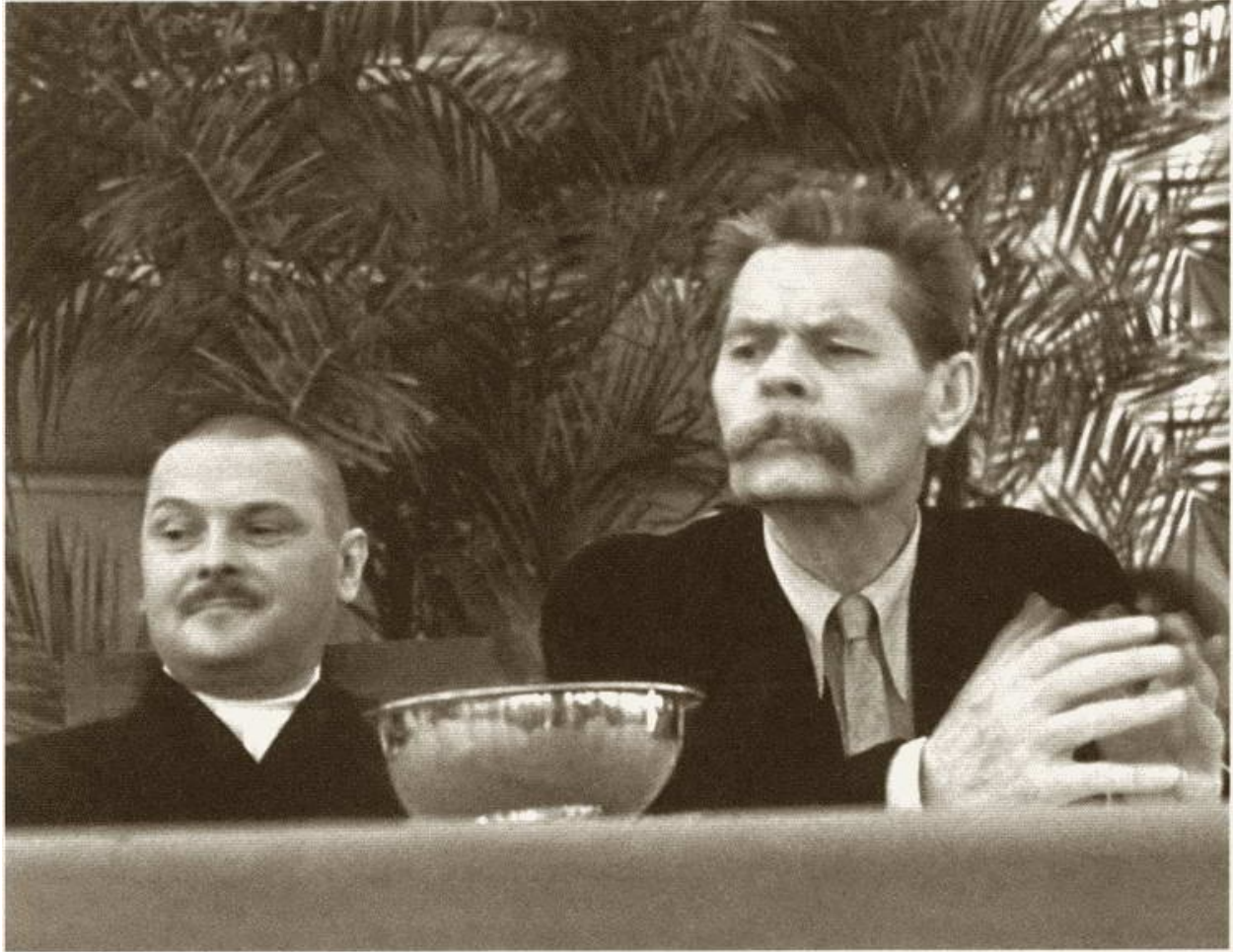

На трибуне мавзолея: А.М. Горький, А.И. Микоян, А.А. Жданов и И.В. Сталин. 1934 г.

На сталинской даче в Сочи: К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин и А.А. Жданов. 1936 г.

А.А. Жданов и А.М. Горький в президиуме Первого съезда писателей. Москва. 1934 г.

На похоронах С.М. Кирова: А.А. Жданов, В.М. Молотов, И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов. 1934 г.

Второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А.Б. Угаров и А.А. Жданов на трибуне на площади Урицкого. Ленинград. 1 мая 1937 г.

Среди ленинградских рабочих. Середина 1930-х гг.

Андрей Александрович Жданов. Середина 1930-х гг.

*А.А. Жданов (третий справа) и А.И. Микоян (в центре) на Северном флоте. Североморск.
Середина 1930-х гг.*

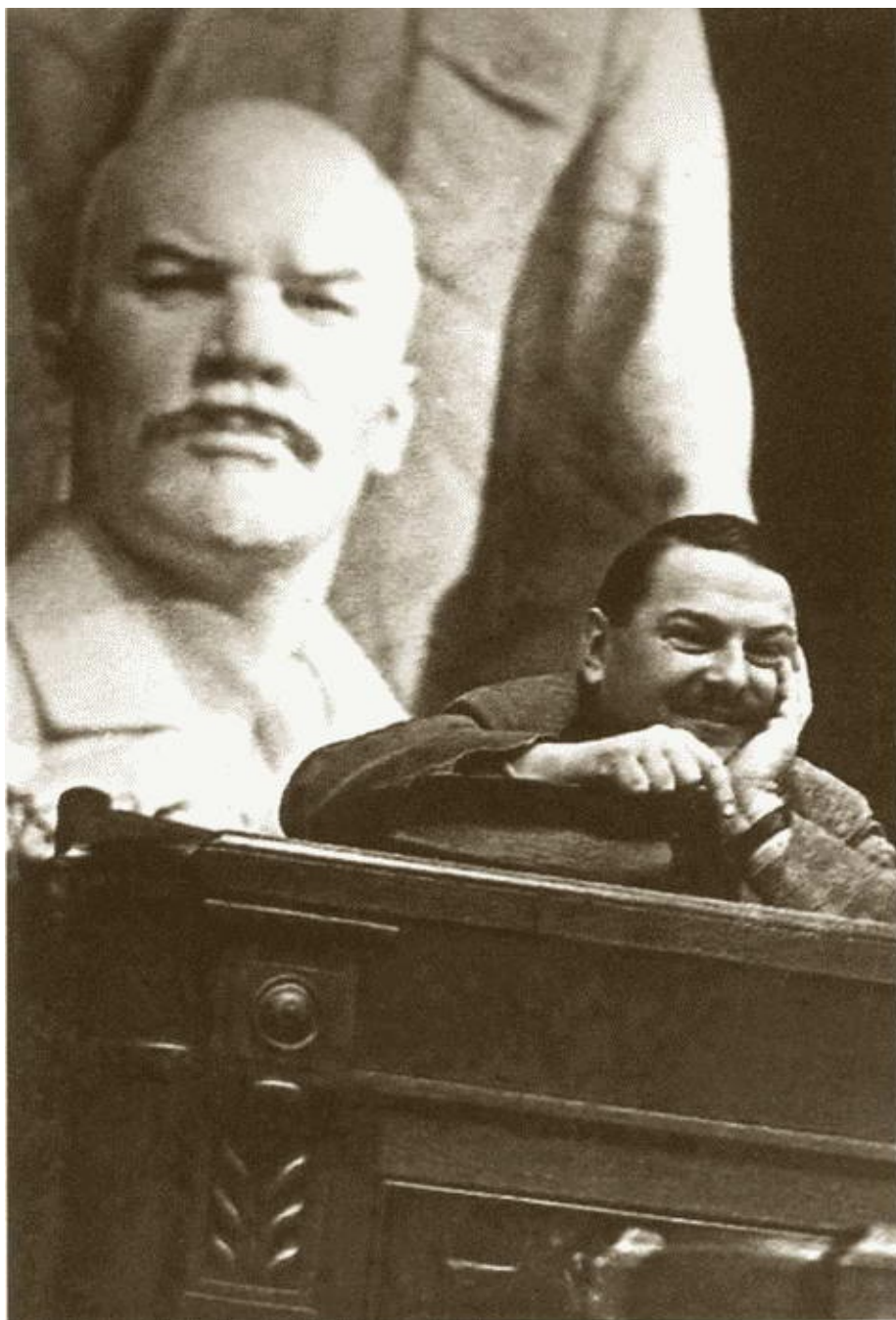

*Среди участников автопробега на машинах М-1 по маршруту Горький Москва — Ленинград —
Москва — Горький. Ленинград. 1936 г.*

*Товарищи Жданов (в центре) и Микоян (слева) на Мурманском судостроительном заводе.
Середина 1930-х гг.*

На Пятой конференции Ленинградской областной организации ВЛКСМ. Ленинград. 1936 г.

Андрей Александрович Жданов. Портрет работы В.П. Ефанова. 1947 г.

А.А. Жданов и И.В. Сталин в президиуме совещания передовиков урожайности. 29 декабря 1935

Соратники на даче вождя в Сочи. Середина 1930-х гг.

На одном из партийных мероприятий: в первом ряду — А.А. Жданов, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, А.А. Андреев. 1938 г.

А.А. Жданов с И.В. Сталиным и его детьми — Василием Сталиным (слева), Светланой Аллилуевой и Яковом Джугашвили (справа). 1937 г.

Алексей Кузнецов. 1930-е годы

Николай Вознесенский. 1930-е годы

Алексей Косыгин. 1939 г.

Александр Щербаков (сидит слева) во время работы в Нижнем Новгороде. 1930-е гг.

Председатель Верховного Совета РСФСР А.А. Жданов и заместитель председателя П.С. Макарова на 1-й сессии Верховного Совета РСФСР 1938 г.

Наблюдение за показательными полётами на лётном поле. Ленинград. 1936 г.

Именной танк Т-28 «Андрей Жданов». Москва. 7 ноября 1937 г.

*В.М. Молотов подписывает договор о взаимопомощи и дружбе с правительством Финляндии.
Стоят — А.А. Жданов, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, О. Куусинен. Москва. 2 декабря 1939 г.*

Прибытие товарища Жданова в Таллин. 19 июня 1940 г.

А.А. Жданов с эстонскими левыми активистами приветствует демонстрацию в честь присоединения Эстонии к СССР. Таллин. Июнь 1940 г.

В редкие минуты отдыха. Конец 1930-х гг.

С Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Лето 1941 г.

С командующим войсками Ленинградского фронта Леонидом Александровичем Говоровым. 1943

Зинаида Александровна и Андрей Александрович Ждановы. 1944 г.

Член Военного совета Ленинградского фронта А.А. Кузнецов вручает первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданову медаль «За оборону Ленинграда» за номером один. 3 июня 1943 г.

На Карельском фронте. 1944 г.

А.А. Жданов подписывает перемирие с Финляндией от имени СССР и Великобритании. 19 сентября 1944 г.

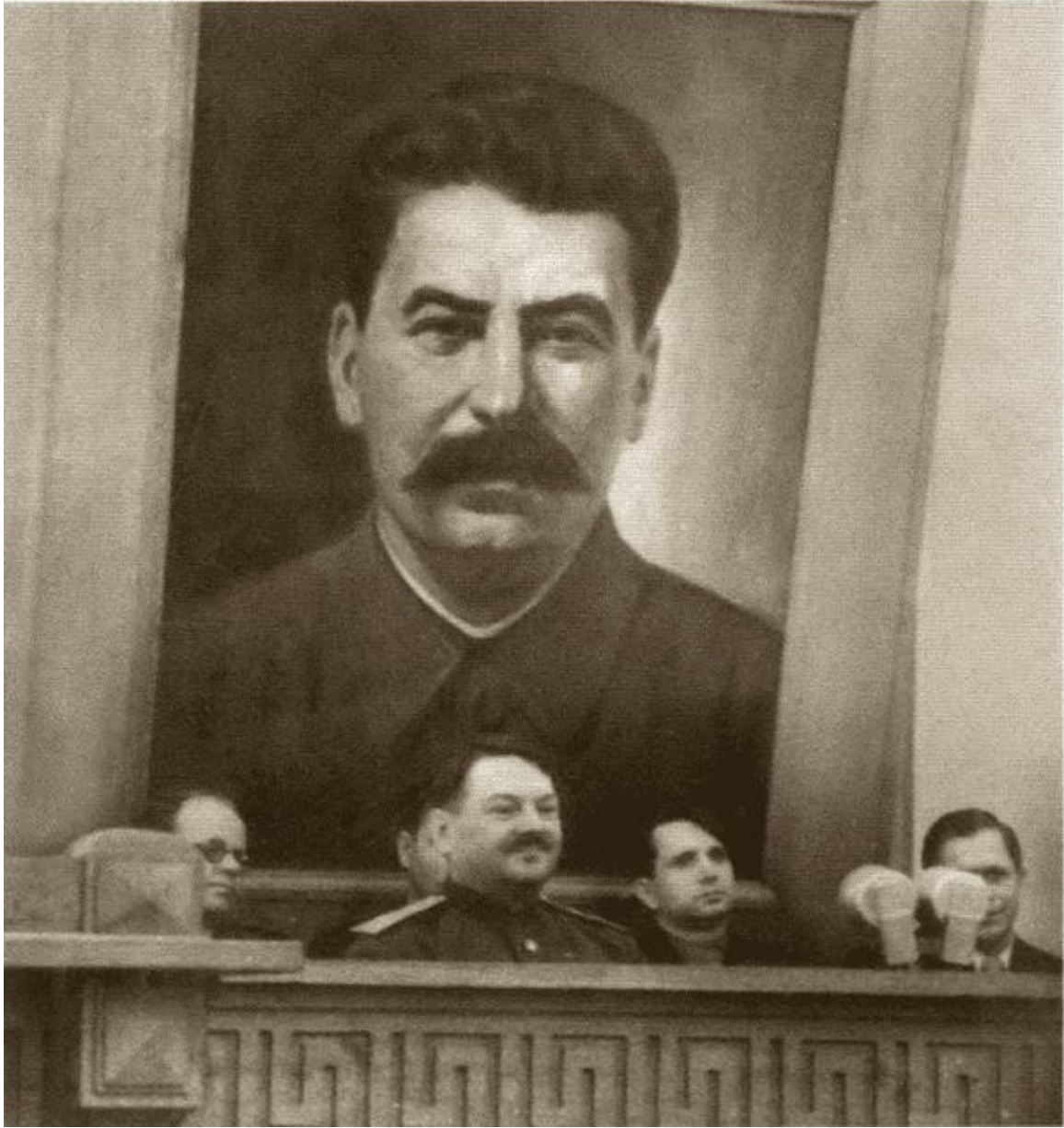

Глава правительства Финляндии Ю.К. Паасикиви, глава СККФ А.А. Жданов и его заместитель по СККФ генерал Г.М. Савоненков на дипломатическом приёме. Хельсинки. 1945 г.

Товарищи Жданов и Молотов в Кремле, сзади — личная охрана. 1946 г.

Выступление А.А. Жданова на одном из совещаний. Февраль 1946 г.

Вождь с близкими людьми: Г.М. Маленков и А.А. Жданов (сидят слева и справа), Василий Сталин и Светлана Аллилуева (стоят в центре). 1947 г.

Семья Ждановых: сестра Анна Александровна (сидит слева) и жена Зинаида Александровна, Андрей Александрович и сын Юрий. 1947 г.

И.В. Сталин во главе траурной процессии на похоронах А.А. Жданова. 2 сентября 1948 г.

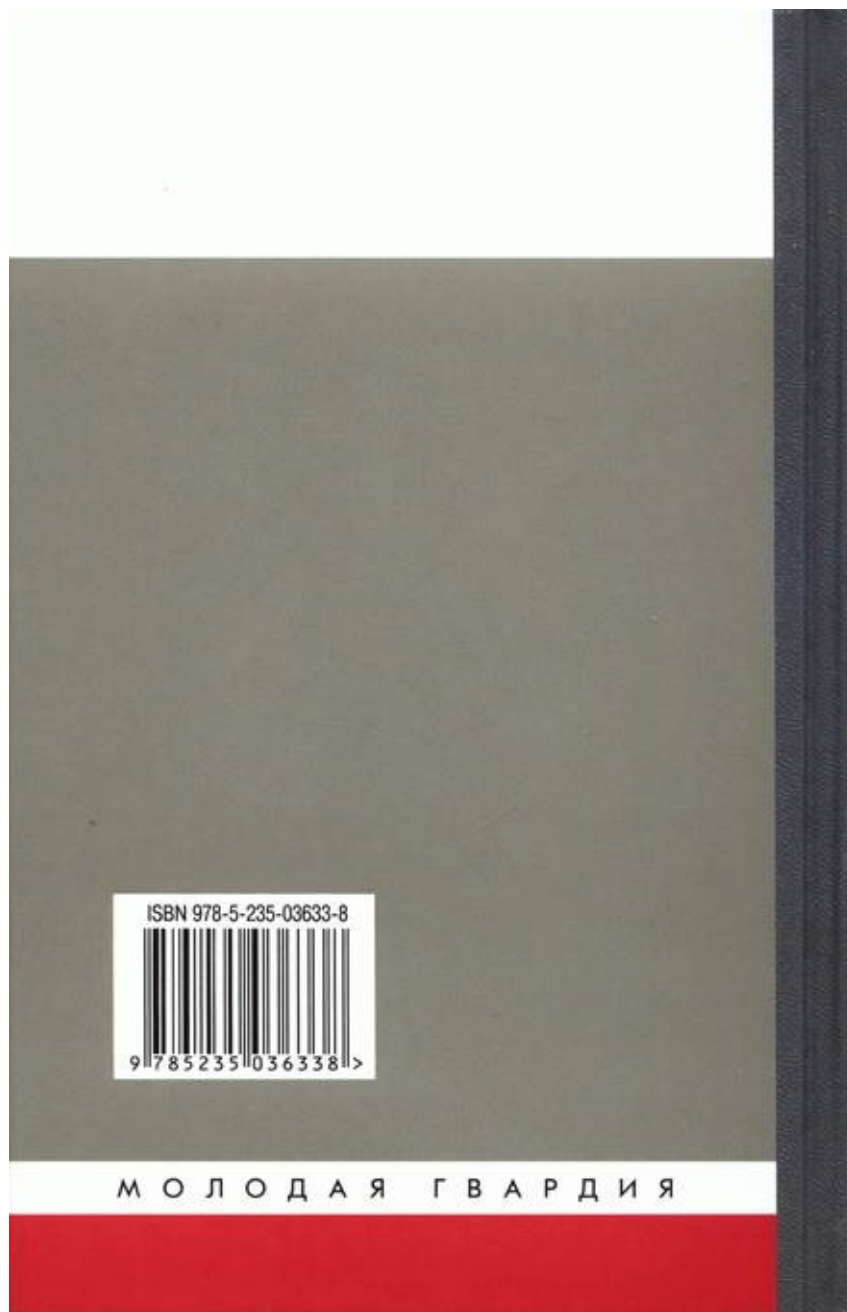

Траурный митинг в Мариуполе по случаю кончины товарища Жданова. 2 сентября 1948 г.

Могила Андрея Александровича Жданова у Кремлёвской стены

---

comments

Комментарии

Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора: С 1847 по 1913 год. Нижний Новгород, 2010. С. 177.

Там же. С. 198,213,222.

3

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 85. Л. 4.

4

Там же. Л. 4 об.

Высказывание Юрия Андреевича Жданова, сына А.А. Жданова. Цит. по: *Демидов В. И., Кутузов В.А. Детские и юношеские годы А.А. Жданова// Вестник СПбУ. История (Серия 2). 2004. № 3-4. С. 35.*

Опубликовано в: Прибавления к Творениям св. Отцов. 1864. Ч. 23. Кн. 3. С. 245-354.

Катанский А.Л. Указ. соч. С. 180.

Горский-Платонов П.И. По поводу неурожая // Богословский вестник.
1892. Т. 1. №1. С. 121.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004. С. 64.

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3595.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 85. Л. 5.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Детские и юношеские годы А.А. Жданова.
С. 36

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 84. Л. 71-73.

Там же.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Детские и юношеские годы А.А. Жданова.
С. 38.

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3595. Л. 4.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 84. Л. 9-10.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Детские и юношеские годы А.А. Жданова.
С. 39.

Там же.

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3595. Л. 9-12.

Там же.

Жданов Ю.А. Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 65-92.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 81.

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3595. Л. 9-12.

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3595. Л. 11-12.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 84. Л. 32.

Там же. Л. 33-33 об.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Детские и юношеские годы А.А. Жданова.
С. 40.

Русский народный начальнй учитель. 1909. № 8—9. С. 243—245.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 79. Л. 4-6.

Там же.

Там же. Л. 6-7.

Там же. Д. 87. Л. 16.

Из мемуаров переславль-залесского краеведа М.И. Смирнова (*Смирнов М.И. Воспоминания и записки. М., 2003. С. 58*).

Оригинал хранится в Переславль-Залесском краеведческом музее —
http://pki.botik.ru/articles/p-zhdanov_19141etter.pdf

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 87. Л. 3.

Там же. Л. 6.

Там же. Д. 1.Л. 8.

Там же. Л. 13.

Там же. Л. 25.

Там же. Д. 87. Л. 14.

Там же. Ф. 77. Оп. 2. Д. 2. Л. 14 об.

Там же. Д. 19. Л. 7 об.

Цит. по: Из истории Калининской партийной организации. Калинин, 1972. С. 117.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 2. Л. 4-4 об.

Там же. Д. 1.Л. 17.

Там же. Д. 19. Л. 7.

Там же. Д. 88. Л. 3-4 об.

Крестьянское движение в России в 1826—1849 годах. М., 1961. С. 248.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 71. Л. 74.

Там же. Л. 75—76.

Там же. Л. 76.

Там же. Д. 2. Л. 12.

Пашков Л.А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии: 1917-1920 годы. Шадринск, 2007. С. 37.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 14.

Там же. С. 18-19.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М., 1958—1965. Т. 2.
С. 393.

История родного края. Челябинск, 1975 — <http://delta-grup.ru/4/4l.htm>

ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 6. Л. 15-16.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 37—38.

Демидов В. И., Кутузов В.А. А.А. Жданов: начало партийной деятельности // Политические партии России: прошлое и настоящее. СПб., 2005. С. 95.

Там же. С. 93-94.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 43.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 71. Л. 76.

Буткин Н.Г. Шадринск летом 1917 года // Шадринская старина: Краеведческий альманах. 1999. С. 35—36.

Там же. С. 36.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 2. Л. 15 об.

Буткин Н. Г Шадринск летом 1917 года. С. 33—34.

Буткин Н.Г. Воспоминания о Шадринске // Шадринский альманах.
Вып. 2. 1998. С. 14.

Там же. С. 14-15.

Там же. С. 15.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 71. Л. 76.

Гаврилов Ю.Г. История зауральской милиции — <http://45.mvd.ru/gumvd/history/>

Буткин Н.Г. Воспоминания о Шадринске. С. 16.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 72.

Воспоминания В. Власова, Г Дворникова, А. Зайкова и др. о революционной деятельности А.А. Жданова в Шадринске. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 71. Л. 1-8.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 73.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1.Д. 11. Л. 2 об.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 94—95.

Там же. С. 91-92.

Стенограмма выступлений А.А. Жданова на съезде рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Шадринска. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 74. Л. 12.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 112.

Там же. С. 105.

Гаев И. Приметный дом на перекрёстке // Исеть. 2009. 10 июня.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 118.

Там же. С. 107-108.

Пашков А.А. Указ. соч. С. 168.

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 2302. Л. 117. Цит. по: *Демидов В. И.,
Кутузов В.А. А.А. Жданов: начало партийной деятельности. С. 98.*

РГАСПИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 77. Л. 85.

Там же. Д. 2. Л. 63 об.

Зайнетдинов Ш. Р. Формирование слоя партийно-советской бюрократии в 1920-е годы. Уфа, 1995. С. 37.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 235.

Демидов В. Н., Кутузов В.А. А.А. Жданов в Твери (1919—1922 годы) // Вестник СПбУ. История (Серия 2). 2005. № 3. С. 62.

Цит. по: *Глотова О.А.* Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2004. С. 55.

Задачи экономического совещания: Интервью с А.А. Ждановым.
Тверская правда. 1921. № 187. 15 ноября.

Суворов В.П. Тверские Бакунины и Кропоткины // Прямухинские чтения 2005 года: Сборник. Тверь, 2006.

Там же. Л. 95.

Там же. Л. 96.

Там же.

Цит. по: Из истории Калининской партийной организации. Калинин, 1972. С. 119; *Демидов В. И., Кутузов В.А. А.А. Жданов в Твери (1919-1922 годы)*. С. 63.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 2. Личное дело А.А. Жданова: 1919-1948
годы. Л. 13.

Там же.

Там же. Л. 61.

Микоян А.И. Так было. М., 1999. Глава 9: В Нижнем Новгороде — <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html>

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 2. Л. 16-16 об.

Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 т. М., 1999. Кн. 1.С. ПО.

Юрий Жданов, второй муж дочери «отца народов»: «Я знал Сталина с пятнадцати лет» // Комсомольская правда. 2007. 11 января.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 568. Переписка с Нижегородским горкомом РКП(б) по вопросу учёта партийных кадров. Л. 209.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 417.

Доклад на расширенном пленуме Нижегородского горкома РКП (б) об итогах работы XIII Всесоюзной партконференции от 28 января 1924 года. Л. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-3.

Там же. Д. 83. Л. 1-2.

Сталин И.В. Собрание сочинений: В 18 т. Т. 7. М, 1952. С. 341.

Выписка из протокола № 7 общерайонного партсобрания Сормовской организации ВКП(б) от 24 августа 1927 года. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3(с). Д. 1.Л.21.

Там же. Л. 8-10.

Там же.

Стенограмма заседания Оргбюро 12 сентября 1926 года. РГАСПИ. Ф.
17. Оп. 67. Д. 131. Л. 151.

Там же. Л. 129, 131.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде // Век XX: историография, источниковедение, региональная история России: Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2004. С. 303.

Там же. С. 303-304.

Там же. С. 304.

Цит. по: *Хрущёв Н.С.* Указ. соч. Кн. 1.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде. С. 305.

Цит. по: Коммунист. Нижний Новгород, 1923. № 4.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51. С. 130.

Как создавались гиганты индустрии: Письма секретаря Нижегородского крайкома ВКП(б) А.А. Жданова: 1930—1932 годы // Исторический архив. 1999. №6. С. 17.

Незабываемое: Воспоминания Александра Самойловича Магида. Из архива семьи Ждановых.

Там же.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 119.

Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1789. Л. 153-156. Цит. по: Исторический архив. 1999. № 6. С. 109.

Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4113. Л. 5-5 об.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде. С. 307.

Жданов А.А. Отчётный доклад IV Горьковской краевой конференции ВКП(б). Горький, 1934.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 82. Л. 34.

Там же. Оп. 1. Д. 345. Л. 1.

Правда. 1933. 4 мая.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний: 1919—1952: В 3 т. Т. 2: 1930-1939. М, 2001. С. 245, 249.

Народное просвещение в РСФСР. М.; Л., 1928. С. 14.

Цит. по: Доклад тов. Жданова на объединённом пленуме Крайкома и КрайКК ВКП(б) // Приокский рабочий. 1930. № 85 (263). 13 апреля.

Там же.

Там же.

Пятанов Ю. Край родной: литературные портреты. Кстово, 2007 —
<http://www.prokstovo.info/pyatanov2.shtml>

Цит. по: Доклад тов. Жданова на объединённом пленуме Крайкома и КрайКК ВКП(б).

<http://selo-kurlakovo.narod.ru/kolxoz.htm>

Цит. по: Доклад тов. Жданова на объединённом пленуме Крайкома и КрайКК ВКП(б).

Демидов В. И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде. С. 305—306.

Там же. С. 308-309.

Сталин И.В. О задачах хозяйственников // Правда. 1931. № 35. 5 февраля.

Как создавались гиганты индустрии... С. 15—16.

Там же. С. 16.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 146.

ГОПАН О.Ф. 1. Оп. 1. Д. 5747. Л. 246-248 об.

Теперь часть Приокского района Нижнего Новгорода.

Там же. С. 70-72.

Там же. С. 72-75.

Софронов Г.П. Неподвластное времени. М., 1976. С. 326—327.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 308.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде. С. 309.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 80.

Там же. С. 240-241.

XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчёт. М., 1934.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 82. Л. 32, 69.

Цит. по: *Аллилуева С.* Только один год. Н. У., 1969 — http://bookz.ru/authors/allilueva-svetlana/tol_ko-o_451/1-tol_ko-o_451.html

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 146.

Там же. С. 146-147.

Там же. С. 147-148.

Там же. С. 152.

Правда. 1936. 27 января.

Там же.

Там же.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 819. Л. 5.

Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 127. Л. 7.

Жданов А.А. Речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей // Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчёт. М., 1934.

Там же.

181

Рукописный дневник Щербакова. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1494. Л.
13 об.- 18 об.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 730. Л. 2-16.

Текст черновика цит. по: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1925 годы. М., 1999. С. 230-231.

Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы // Вопросы литературы. 2003. № 5.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 17.

Там же. Д. 1494. Л. 18 об.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 153.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 536. Л. 37.

Там же. Оп. 120. Д. 148. Л. 208.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 153.

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного архива: Сборник документов. М., 1993.

Цит. по: *Кирилина А.* Неизвестный Киров. СПб., 2002.

Жданов А.А. Об итогах ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). М, 1934. С. 6.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 149.

Ленинградское дело/ Сост. В.И. Демидов, В. А Кутузов. Л., 1990. С. 45.

Жданов Ю.А. Во мгле противоречий. С. 65—92.

Цит. по: *Кирилина А. Указ. соч. С. 373.*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 149.

201

Там же. Оп. 3. Д. 962. Л. 37.

Жданов А.А. Уроки политических ошибок Саратовского крайкома. Л., 1935. С. 9.

Ленинградская правда. 1935. 29 марта.

Правда. 1936. 28 января.

Цит. по: *Жданов А.А.* Вступительная речь и выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948. М., 1952. С. 7.

Цит. по: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1925 годы. С. 333.

Цит. по: *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания: 1931-1956. М., 2009.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 854. Л. 2-3.

Цит. по: *Дубровский А.М. А.А. Жданов в работе над школьным учебником истории // Отечественная культура и историческая наука XVIII — XX веков. Брянск, 1996. С. 139.*

Там же. С. 139-140.

212

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 359. Л. 14.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 83.

Там же. С. 92.

Архитектура Ленинграда. 1936. № 1. С. 14.

Цит. по: Ленинград: Архитектурно-планировочный обзор развития города. М.; Л., 1943. С. 67.

Цит. по: *Гусляров Е.* Сталин в жизни. М., 2003.

Водопьянов М.В. Валерий Чкалов. М., 1954. С. 226.

220

Правда. 1989. 18 января.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде. С. 304.

Там же.

Третьяков Н. В Павловском дворце сохранился дореволюционный запах // Русский журнал. 2003. 7 июля.

Жданов А.А. Победа социализма и расцвет советской демократии: Речь на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. М., 1936. С. 4-5.

Там же. С. 20-21.

Цит. по: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 3—14.

Подборка документов о положении в Оренбургской областной парторганизации в 1937 году. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 285. Л. 190.

Там же.

Цит. по: *Ергин Ю.* Я обязан умереть большевиком // Вельские просторы. 2005. № 1.

Цит. по: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. С. 3-14.

Азнабаев К.К. Жизнь брала под крыло... // Ленинец. 1987. № 124. 17 октября.

Цит. по: *Янтурин Д.* Массовые репрессии второй половины 30-х годов в автономиях Урало-Поволжья // Ватандаш. Уфа, 2004. № 1.

Азнабаев К. К. Указ. соч.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 285. Л. 190.

Азнабаев К.К. Указ. соч.

Там же.

Цит. по: *Кутузов В.Л. А.А. Жданов и политические репрессии // Новейшая история России: Время, события, люди. СПб., 2010. С. 365.*

Цит. по: *Угаров С.* Исповедь вражёнъша// Заметки по еврейской истории. 2009. №18(121). Ноябрь.

Там же.

Гольдштейн П.Ю. Точка опоры: В Бутырской тюрьме 1938 года. Иерусалим, 1982.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 34.

Там же. С. 33—34.

Цит. по: *Аллилуева С.* Указ. соч.

Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938. С. 189.

Ленинградское дело. С. 46—47.

247

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 14. Л. 9.

Там же. Л. 9—11.

Там же.

Советская историография: Россия XX век. М., 1996. С. 256—257.

XVIII съезд ВКП(б): Стенографический отчёт. М., 1939. С. 53.

252

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 308. Л. 17.

Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 725. Л. 34.

Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 707. Л. 7.

Гусева А.В. «Краткий курс истории ВКП(б)»: История создания и воздействие на общественное сознание: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2003. С.134.

256

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 2.

Колхозная правда. 1939. № 68 (2267). 24—25 марта.

Там же.

Там же.

260

Правда. 1939. 20 марта.

261

Речь на пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) 29 марта 1935 года.
РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 445.

Цит. по: *Микоян А.И.* Так было. М., 1999.

Вознесенский Л.А. Истины ради: О природе и причинах советского распада государства... М., 2004. С. 54.

Ленинградское дело. С. 48.

Кутузов В.А. А.А. Жданов и политические репрессии. С. 366.

Цит. по: *Амосова А.А.* Государственная и партийная деятельность П.С. Попкова: 1937—1950 годы: Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 65.

Цит. по: *Залесский К.А.* Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

Ашкенази М. Указ. соч. С. 79—80.

Рачинский В.В. Моя жизнь: Автобиографический очерк. М., 1992. С. 65.

Цит. по: *Микоян А.И.* Указ. соч.

Ленинградское дело. С. 46.

Там же.

Хрущёв Н.С. Указ. соч. Кн. 1. С. 47.

Там же.

Троцкий Л. Д. Сталин: В 2 т. М., 1996. Т. 2.

Васильев А.А. Становление и развитие бронетанковой промышленности Ленинграда в 20—30-е годы XX века: Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 143.

Там же. С. 135-136. Ссылка на: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2а. Д. 74. Л. 31-32.

Материалы В.И. Панфилова, заместителя директора Переславль-Залесского историко-художественного музея.

Устинов Д.Ф. Во имя Победы. М., 1988. С. 73-74.

Там же. С. 74.

Там же. С. 74—75.

Здесь и далее цит. по: *Кузнецов Н Г.* Накануне. М., 1969.

Краснознамённый Тихоокеанский флот. М., 1973. С. 141.

Дважды Краснознамённый Балтийский флот. М., 1990.

Михайловский Н Г. Таллинский дневник. М., 1985. С. 22—23.

Там же. С. 23.

Здесь и далее цит. по: Правда. 1939. 29 июня.

Цит. по: *Ширер У.* Взлёт и падение Третьего рейха: В 2 т. М., 2010. Т. 1.

Отрывки из записных книжек Жданова впервые опубликованы: Некрин А.М. 1941, 22 июня. М., 1995; Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.

ЦПА (Центральный партийный архив, ныне — РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1.
Ед. хр. 846. Л. 8. Цит. по: *Некрин А.М.* Указ. соч.

291

РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 846. Л. 11.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Член военного совета А.А. Жданов // Битва за Ленинград: проблемы современных исследований: Сборник статей. СПб., 2007. С. 164.

Хренов А.Ф. Мосты к победе. М., 1982. С. 38.

Там же. С. 42.

Лебедева Н С. Четвёртый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война. 1939—1945. М., 1996 — <http://Aatyn.codis.ru/lebedeva.htm>

Невежин В.А. Если завтра в поход... М., 2007. С. 160.

Государственный архив Эстонии. Ф. 84. Оп. 1. Ед. хр. 1047. Л. 32—39.
Цит. по: На чаше весов: Эстония и Советский Союз: 1940 год и его
последствия / Сост. П. Варес. Таллин, 1999. С. 32.

Вихаваинен Т. Внешняя политика Финляндии // Зимняя война 1939—1940 годов: В 2 т. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. С. 55.

Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 135.

РЦХИДНИ (ныне — РГАСПИ). Ф. 77. Оп. 3. Д. 163. Л. 312-314. Фонд Жданова. Цит. по: *Манинен О.* Выстрелы были // *Родина.* 1995. №12. С. 57.

301

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 163. Л. 312-314.

Приказание начальника Особого отдела ЛВО о создании оперативной группы 29 ноября 1939 года. Цит. по: 1939—1940 годы в документах НКВД, СПб., 2010. С. 115-116.

Барышников В. Н Роль А.А. Жданова в создании и деятельности так называемого «терийокского правительства» (1939—1940 годы) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Сборник. СПб., 2003. С. 102— 103.

Мерецков К.А. На службе народу. М., 1968. С. 184.

Воронов Н.Н. Указ. соч. С. 139.

См., например: *Лобанов М.М.* Начало советской радиолокации. М., 1975.

Лота В. Маршал военной разведки // Красная звезда. 2009. 2 сентября.

Устинов Д.Ф. Указ. соч. С. 103-104.

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3604. Л. 1-7. Цит. по: *Демидов В. И., Кутузов В.А. А.А. Жданов и Советско-финляндская война 1939—1940 годов.* С. 62-64.

310

Там же.

311

Там же.

Смирнов Е.И. Фронтное милосердие. М., 1991. С. 46—47.

Цит. по: *Мельтюхов М.И.* «Народный фронт» для Финляндии? // Отечественная история. 1993. № 3.

Там же. С. 99.

Цит. по: *Глотова О.А.* Изменения в системе подготовки сталинских партийных кадров в связи с публикацией «Краткого курса истории ВКП(б)» // *Международный исторический журнал.* 2002. № 20.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 242.

317

Там же.

318

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 758. Л. 1-1 об.

Цит. по: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1925 годы. С. 431.

Там же. С. 434.

321

Гусева А.В. Указ. соч.

Здесь и далее цит. по: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917—1925 годы. С. 439.

Там же. С. 462.

Виленкин В.Я. В сто первом зеркале. М., 1990. С. 17.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1925 годы. С. 456.

326

Там же.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП (б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1953 годы. М., 2002. С. 462.

Из сборника Ахматовой «Чётки», 1913 год.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 115.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1953 годы. С. 448.

Запись Б. Шумяцкого от 8 ноября 1934 года о просмотре Сталиным кинофильмов «Голова человека» (Франция), «Чапаев» и хроники в ночь с 7 на 8 ноября 1934 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Л. 57-60.

Ромм М.И. Как в кино: Устные рассказы. Нижний Новгород, 2003.

Громов Е.С. Сталин: Власть и искусство. М., 1998. С. 463.

Неправленая стенограмма выступления на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни» 9 сентября 1940 года. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 907. Л. 72-82.

Там же.

336

Правда. 1935. 1 февраля.

Цит. по: Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. II / С.В. Кулешов, О.В. Волобуев, Е.И. Пивовар и др. М., 1991.

Сталин И.В. Собрание сочинений: В 18 т. Т. 18. Тверь, 2006. С. 199—204.

339

Там же.

Цит. по: Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. II.

341

Там же.

Авдеенко Л. Отлучение // Знамя. 1989. № 4.

343

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 23. Л. 1.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1953 годы. С. 467.

345

Там же.

346

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 76-77.

Юмашева О.Г, Лепихов И.А. Феномен «тотального либерализма»: Опыт реформы советской кинематографии: 1939—1941 годы // Киноведческие записки. 1993/94. № 20. С. 125.

348

Стенограмма Совещания в ЦК ВКП(б) под председательством Жданова А.А. по вопросам художественного кинематографа. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1.Д.919.

Там же. Л. 24.

Там же. Л. 157.

351

Там же.

Там же. Л. 153.

353

Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп. 61. Д.
378. Л. 1.

Скоробогатько В. Электросиловский феномен // Ленинградская правда. 1987. 8 сентября.

Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии, заседание от 14 апреля 1940 года цит. по: Зимняя война 1939—1940 годов: В 2 т. Кн. 2: И.В. Сталин и Финская кампания. М., 1999.

Цит. по: На чаше весов: Эстония и Советский Союз...

Там же.

Read A., Fischer D. The deadly embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact, 1939-1941. L., 1988. P. 467.

Цит. по: На чаше весов: Эстония и Советский Союз...

360

Там же.

361

Там же.

362

Там же.

363

Там же.

См. — http://www.estoni.ru/a/vyiboryi_v_riygivolikogu_1940

Цит. по: На чаше весов: Эстония и Советский Союз...

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 69.

Цит. по воспоминаниям сотрудника личной охраны Сталина: *Рыбин А.Т.* Сталин на фронте — http://vlastitel.com.ru/stalin/vov/st_front.html

Цит. по: *Микоян А.И.* Указ. соч.

Цит. по: *Хрущёв Н.С.* Указ. соч. Кн. 1.

Цит. по: Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

371

Там же.

372

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1309. Л. 31-31 об.

Цит. по: *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1988.

Записка Н.Г. Кузнецова 1964 года опубликована: Правда. 1991. 20 июля.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 156.

376

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 913. Л. 119.

Шумейко Г.В. Из летописи старой площади: Исторический очерк. М., 1996. С. 282.

Ванников Б.Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1. С. 141.

Грабин В.Г. Оружие победы. М., 1989. С. 434—435.

Там же. С. 293.

Там же. С. 476.

Там же. С. 477.

Там же. С. 478.

Там же. С. 478-480.

Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1973. С. 269-270.

Расшифровка опубликована на сайте семейной истории —<http://www.famhist.ru/famhist/ap/000724e6.htm#00033757.htm>

Цит. по: *Марьина В.* Георгий Димитров — советский гражданин: 1934—1945 годы: По материалам дневников Г. Димитрова (Окончание) // Россия XXI. 2007. № 4. С. 97.

Там же.

389

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1315. Л. 152-153.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 157—158.

Цит. по: Оборона Ленинграда: 1941—1944 годы: Воспоминания и дневники участников. Л., 1968.

Исаев А.В. Иной 1941-й: От границы до Ленинграда. М., 2011. С. 409.

Цит. по: *Демидов В. И., Кутузов В.А.* Член военного совета А.А. Жданов. С. 162.

Цит. по: От Ленинграда до Рижского залива. Воспоминания о боевом пути одной из гвардейских дивизий Ленинградского народного ополчения. Л., 1989.

Черепанов А.И. Поле ратное моё. М., 1984. С. 230.

<http://vip.lenta.ru/topic/victory/blokada.htm> — статья неоднократно растиражирована в других интернет-СМИ.

Померанец К С. Гидрометеорология Северо-Запада в разные времена // История Петербурга. 2008. № 4 (44). С. 80.

Казанский М.М. Ледовые дороги жизни // Наука и жизнь. 1985. №5.

Цит. по мемуарам очевидца данного выступления начальника Главного управления продовольственного снабжения Красной армии Дмитрия Павлова: *Павлов Д.В. Стойкость*. М., 1983. С. 111.

Там же. С. 109.

Ленинградское дело. С. 47.

Шепелев Л. Л. В небе и на земле. М., 1974. С. 106—108.

Иркле́й А.С. Броневых дел мастера // На стапелях под огнём: Сборник воспоминаний и очерков. Л., 1986.

Беззубов А.Д. Витамины для блокадного Ленинграда // *Химия и жизнь*.
1985. № 1.

Цит. по: *Бульбенко Т.* Сделано в Ленинграде в 1942-м // Военно-промышленный курьер. 2009. № 17 (283). 6 мая.

См., например: *Водолазкин Е.* «Моя бабушка и королева Елизавета. Портрет на фоне истории» // *Зеркало недели: Украина.* 2007. № 44. 17 ноября.

Блокада рассекреченная/ Сост. В.И. Демидов. СПб., 1995. С. 139.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Член военного совета А.А. Жданов. С. 161.

Желтов В. Сталин на проводе... // Смена. СПб., 2005. 19 января.

Аль Д. Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб., 2007.
С.195.

Кутузов В.А. А.А. Жданов и пирожные: мифы и реалии блокадного Ленинграда // Россия в XX веке: Проблемы политической, экономической и социальной истории: Сборник статей. СПб., 2008. С. 172.

Андреев А.М. От первого мгновения — до последнего. М., 1984. С. 31.

Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск: 1939—1942 годы: В 3 т. М., 1968—1971. Т. 3. Кн. 1. С. 101.

Фролов М.И. Адольф Гитлер: «Ядовитое гнездо Петербург... дол жен исчезнуть с лица земли» // Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 26.

416

Там же.

Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР: 1941—1944 годы. М., 1968. С. 298.

Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия: 1941—1945.
СПб.; Хельсинки, 2002. С. 20.

Солсбери Г. 900 дней: Блокада Ленинграда. М., 1993. С. 216-217.

Химич О. Преемник Сталина: Интервью с В.А. Кузнецовым // Московский комсомолец. 2005. № 1539. 14 марта.

Микоян А.И. Указ. соч. С. 562.

Демидов В. //., Кутузов В.А. Член военного совета А.А. Жданов. С. 162.

Мельников П.Е. Залпы с берега. М., 1971. С. 169—170.

В огненном кольце: Воспоминания участников обороны города Ленина и разгрома немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом. М., 1963. С. 95-96.

Архив ЦК ВЛКСМ. Информсектор. Д. 47. Стенофамма 62. Л. 12. Цит. по: *Карасёв А.В.* Ленинградцы в годы блокады. М., 1959.

Новиков А.А. В небе Ленинграда: Записки командующего авиацией.
М., 1970. С. 72.

427

Там же.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1978. С. 161.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213.

Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 217.

Бычевский Б.В. Город — фронт. Л., 1967. С. 107—108.

Цит. по: *Гареев М.* Маршал Жуков: Величие и уникальность полководческого искусства. Уфа, 1996.

Ленинградское дело. С. 43.

Костин Б.А. Маргелов. М., 2005.

Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. М., 1985. С. 90.

Бычевский Б.В. Город — фронт. С. 18—19.

Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 204—206.

Корж Г.Г. Карельский укрепленный район — <http://www.kaur.ru/articles/korzh.php>

Михайлов М. История 6-й отдельной бригады морской пехоты —
http://belostokskaya.ru/M_Mihailov/Volhov/

Бычевский Б.В. Город — фронт. С. 137—138.

Там же. С. 139-140.

Новиков А.А. Указ. соч. С. 228-229.

443

Цит. по: *Гареев М. Указ. соч.*

Павлов Д.В. Указ. соч. С. 109.

http://marshal-govorov.ru/biography/biography_7/

Новиков А.А. Указ. соч. С. 254—255.

Гранин Д.А. Запретная глава // Гранин Д.А. Наш комбат. М., 1989.

Бычевский Б.В. Командующий фронтом (О Маршале Советского Союза Л.А. Говорове). М., 1974.

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965. С. 10-11.

450

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 771. Л. 2-3.

451

Там же. Д. 772. Л. 124.

452

Там же. Д. 780. Л. 1-3.

Там же. Д. 772. Л. 125.

Демидов В.И., Кутузов В.А. Член военного совета А.А. Жданов. С.162.

Бондаренко А. Один в поле воин // Красная звезда. 2010. 25 августа.

456

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 771. Л. 7-10.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 112.

Рубашкин А.И. Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. Л., 1980. С. 141-142.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 159.

Михельсон В. И., Ялыгин М.И. Воздушный мост. М., 1982. С. 120—121.

Неменов Л.М. «Послезавтра начнём облучение...»: Как был получен с помощью циклотрона первый в Европе плутоний // *Техника молодёжи.* 1975. № 5. С. 19-20.

Политическое обеспечение великой победы под Ленинградом. Л., 1945. С. 36.

463

Жданов Н.Н. Указ. соч. С. 95.

Там же. С. 95-96.

465

Правда. 1944. 28 января.

Мальцев Е.Е. В годы испытаний. М., 1979. С. 225—228.

Там же. С. 241.

Текст стенограммы первого совещания СККФ 5 октября 1944 года цит. по: *Брагин В.И.* Пушки на рельсах. М., 2006. С. 212—21Ъ.

469

Там же.

Власов Л.В. Президент Финляндии К. Г.Э. Маннергейм и член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов: Встречи и переписка 1944—1945 годов // Феномен Петербурга: Сборник. СПб., 2006. С. 242.

Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997.
С.188.

472

Там же.

Власов Л.В. Указ. соч. С. 243.

Мери В. Указ. соч. С. 188.

Акимова Е.А. Деятельность А.А. Жданова в Союзной контрольной комиссии в Финляндии (По материалам дневниковых записей Ю.К. Паасикиви) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Сборник. СПб., 1999. С. 432.

Андросова Т.В. Финляндия в планах СССР конца 1940-х — середины 1950-х годов. Политико-экономический аспект// Отечественная история. 1999. №6. С. 48.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Председатель СКК в Финляндии А.А. Жданов по воспоминаниям её сотрудника // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Сборник. СПб., 2008. С. 64—65.

Мери В. Указ. соч. С. 188-189.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 113.

Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы. С. 238—239.

Цит. по: *Галицкий В.П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 годы). М., 1997. С. 125.

Бекман И. Психологический аспект участия Финляндии в войне 1941—1944 годов в работах финских историков, литераторов и публицистов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Сборник. СПб., 2008. С. 445.

483

Там же.

Дерябин Ю.С. Преступники или жертвы: новые споры о прошлом // Независимая газета. 2005. 23 ноября.

Акимова Е.А. Освещение в ленинградской печати процесса над виновниками войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Сборник. СПб., 2001. С. 110.

Невежин В. «За русский народ!» // Наука и жизнь. 2005. № 5.

Жданов А.А. Речь на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа гор. Ленинграда 6 февраля 1946 года. М., 1946.С.12-13.

Рерих Н.К. Письма в Америку (1923-1947). М., 1998.

Рерих Н.К. Листы дневника (1935-1941). Т. 2. М., 1995.

490

Стенограмма совещания в УПА ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1946 года по вопросам пропаганды. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 64—65.

Патоличев И.С. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 279—283.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР: 1945—1953 годы.
М., 2002. С. 206.

Судоплатов П.А. Спецоперации Лубянка и Кремль: 1930—1950 годы.
М., 1997. Гл. 11.

494

Там же.

Цит. по: *Коняев Н.М.* Власов: Два лица генерала. М., 2003. С. 287.

Ленинградское дело. С. 55.

497

Стенограмма совещания в УПА ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1946 года по вопросам пропаганды. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 70.

Там же. Л. 68.

499

Там же. Оп. 116. Д. 261. Л. 3, 10.

Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы. С. 146.

501

Записные книжки А.А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 19.

Проект постановления ЦК ВКП(б) «О переподготовке секретарей обкомов, крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 504. Л. 2.

Записные книжки А.А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 10.

504

Стенограмма совещания в УПА ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1947 года о состоянии в области пропаганды и агитации. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 493. Л. 68.

505

Проекты постановлений ЦК, докладные записки и справки
Управления пропаганды и агитации и отдела пропаганды. РГАСПИ. Ф. 17.
Оп. 125. Д. 406. Л. 61.

КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 8: 1946-1955. М., 1985. С. 39-48.

Записные книжки А.А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 19.

508

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 504.

509

Записные книжки А.А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 19-20.

510

Там же.

511

Там же.

512

Там же.

Проекты постановлений ЦК ВКЛ(б) «О переподготовке секретарей обкомов, крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 504. Л. 2.

Записные книжки А.А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 18.

515

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 475. Л. 51.

Выступления тов. Жданова А.А. на заседаниях Секретариата ЦК ВКП(б) о работе обкомов ВКП(б). РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 21. Л. 10-11.

517

Там же. Л. 12.

518

Там же. Л. 16.

519

РГАН И.Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-2.

520

Там же.

Военные архивы России. М., 1993. С. 244.

Записные книжки А.А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 29.

Жданов Л.Л. Речь на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа гор. Ленинграда 6 февраля 1946 года. С. 13.

См.: Плановое хозяйство. 1947. № 1. С. 35; 1948. № 1. С. 47.

Выступления тов. Жданова А.А. на заседаниях Секретариата ЦК ВКП(б) о работе обкомов ВКП(б). РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 21. Л. 52-53.

526

Там же.

527

Там же.

528

Там же.

529

Там же. Л. 47.

530

Там же.

531

Там же. Л. 49.

532

Там же.

Жданов А.А Речь на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа гор. Ленинграда 6 февраля 1946 года.
С. 7.

Ленинградское дело. С. 37.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 227.

536

Там же.

537

РГАН И.Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

Там же. Л. 26-27.

539

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 123. Л. 23.

540

Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 800. Л. 204.

Чуев Ф.И. Указ. соч. С. 433.

Цит. по: *Микоян А.И.* Указ. соч.

Цит. по: *Хрущёв Н.С.* Указ. соч. Кн. 2. Ч. 3.

544

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 68.

Москалёв Л. Русское бюро большевистской партии, 1912 — март 1917.
М., 1947.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 16. Впервые опубликовано:
Ленинградское дело. С. 76—77.

Данилов В.Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества. Саратов, 2005 —
[http://www.sgu.rU/files/nodes/10077/31. pdf](http://www.sgu.rU/files/nodes/10077/31.pdf)

Беленкин Б. Репрессированные троцкисты — организованная политическая группа левого сопротивления сталинскому режиму (1927—1938): Борьба как норма жизни: На материале следственных дел г. Я. Яковина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Краснодар, 2010. С. 352-367.

Цит. по: *Вдовин А.И.* Русский народ и проблемы формирования советской исторической общности (1930-е годы) — <http://www.portal-slovo.ru/history/41178.php>

Замечания Сталина на проекте Жданова «О недостатках и ошибках некоторых историков». РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 731. Л. 43.

Жданов А.А. Вступительная речь и выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 года. С. 21—22.

Замечания Сталина на проекте Жданова «О недостатках и ошибках некоторых историков». РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 731. Л. 67.

Проект программы ВКП(б). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 190.

Там же. Л. 45.

Там же. Л. 39, 44, 146.

556

Там же. Л. 90.

557

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 25-28.

558

Цит. по: Правда. 1952. 15 октября.

559

Цит. по: Там же. 9 октября.

560

Цит. по: Там же. 8 октября.

561

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 4. Л. 20.

Печать СССР за 50 лет: Статистические очерки. М., 1967. С. 190.

563

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 376. Л. 2, 8.

Подсчитано по статистическому исследованию «Анализ рынка телевизоров в России в 2006—2010 годах» — <http://marketing.rbc.ru/research/562949980384223.shtml>

565

Стенограмма совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1946 года по вопросам пропаганды. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 13.

566

Там же. Л. 12.

567

Там же.

568

Там же. Л. 15.

569

Данные из квартального отчёта ОАО «Первый канал» за 1-й квартал 2004 года.

570

Стенограмма совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1946 года по вопросам пропаганды. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 13.

571

Там же. Л. 13.

572

Там же. Л. 17.

Цит. по: *Глотова О.А.* Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы. С. 153.

574

Стенограмма совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1946 года по вопросам пропаганды. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л.13.

575

Записные книжки А.А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 53.

576

Стенограмма совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1946 года по вопросам пропаганды. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 42-43.

577

Проекты постановлений ЦК, докладные записки и справки
Управления пропаганды и агитации и отдела пропаганды. РГАСПИ. Ф.17.
Оп. 125. Д. 406. Л. 40.

578

Там же.

Ерёменко В.Н. Вблизи сильных мира //Литературная Россия. 2001. № 51. 21 декабря.

Бронтман Л.К. Дневники 1932—1947//Журнал «Самиздат» (zhurnal.lib.ru), 2004. Запись 16 мая 1946 года.

581

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 458. Л. 85.

582

Там же. Оп. 125. Д. 376. Л. 84-85.

Проекты предложений, списки, др. документы о структуре и задачах
УПА ЦК ВКП(б). Там же. Д. 474. Л. 19.

Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 108.

Там же. С. 125-133.

Жданов А.А. Речь на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа гор. Ленинграда 6 февраля 1946 года. С. 14— 15.

Правда. 1946. 7 ноября; Наука и жизнь. 1946. № 11—12. С. 9.

Проект постановления ЦК ВКП(б), справки УПА, выводы комиссии ЦК ВКП(б), докладные записки, отчёты, письма и др. рабочие материалы о работе Советского Информбюро за 1945—1946 годы. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 55-64.

Там же. Л. 65-88.

590

Материалы о работе Совинформбюро: стенограмма совещания, докладные записки, отчёты о работе отделов и др. РГАСП И.Д. 387. Л. 3-25.

Там же. Л. 58—65.

592

Там же. Л. 5.

Цит. по: *Глотова О.А.* Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы. С. 219.

594

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 594. Л. 45.

Цит. по: *Симонов К.М.* Указ. соч.

596

Там же.

Ефимов Б., Фрадкин В. О временах и людях. М., 2005.

598

Там же.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 118.

600

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 846. Л. 53.

601

Ковалёв И.В. Россия и Китай (С миссией в Китае) // Дуэль. 1997.
№3(25). 11 февраля.

Панцов А. Мао Цзэдун (серия «ЖЗЛ»). М., 2007. С. 522.

Ким Ир Сен. В водовороте века: Мемуары: В 8 кн. Пхеньян, 1994—1998. Т. 8. С. 526-527.

Там же. С. 528-529.

Балканский А. Ким Ир Сен. М., 2011. С. 87.

Ким Ир Сен. Сочинения: В 44 т. Пхеньян, 1980-1999. Т. 43. С. 422.

607

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1075. Л. 49-56.

Там же. Л. 58—61.

Дедовский А.М. СССР, США и китайская революция глазами очевидца:
1946-1949. М., 2005. С. 23.

Цит. по: Восточная Европа в документах российских архивов: 1944—1953 годы. Т. 1: 1944—1948 годы. М.; Новосибирск, 1997. С. 541.

611

Там же. С. 539.

612

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 63. Л. 3 и др.

613

Там же. Д. 174. Л. 3.

Верт А. Франция: 1940-1955 годы. М., 1959. С. 303.

615

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 89. Л. 4.

Цит. по: Совецания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998. С. 5.

617

Цит. по: *Аллилуева С* Указ. соч.

Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы. С. 240.

Совещания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы.
С. 139-140.

620

Там же. С. 140.

621

Там же. С. 141.

622

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 98. Л. 2.

Совещания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы.
С. 16.

624

Там же.

Цит. по: *Злобин Н.* Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5 марта 1946 года // Новая и новейшая история. 2000. № 2.

Совещания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы.
С. 161-163.

627

Там же. С. 163.

Там же. С. 300.

629

Там же.

630

Там же. С. 297-298.

631

Там же. С. 237.

632

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 35.

Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990. С. 291.

Цит. по: Русская литература XX века. М., 1997.

635

Правда. 1946. № 225 (10307). 21 сентября.

636

Цит. по: *Симонов К М.* Указ. соч.

637

Правда. 1946. № 225 (10307). 21 сентября.

Цит. по: Об одной вредной повести // Большевик. 1944. № 2.

Цит. по: *Сарнов Б.М.* Сталин и писатели: Кн. 2. М., 2009.

Капица П.И. Это было так // Нева. 1988. № 5. С. 137.

641

Там же.

642

Там же.

643

Там же. С. 137-138.

644

Там же. С. 139.

Стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 августа 1946 го да
цит. по: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)
— ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1953
годы. С. 575.

646

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 1032. Л. 67.

647

Катица П.И. Указ. соч. С. 140-141.

Там же. С. 141.

649

Там же.

650

Там же. С. 142.

651

Там же.

652

Там же. С. 142-143.

653

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 30. Л. 14. Машинопись с рукописной правкой
И.В. Сталина.

654

Катица П.И. Указ. соч. С. 143.

655

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 802. Л. 46.

656

Цит. по: Правда. 1946. № 225(10307). 21 сентября.

657

Катица П.И. Указ. соч. С. 144.

658

Там же. С. 143.

659

Там же. С. 145.

Ахматова А. «Requiem». М., 1989. С. 232.

661

Катица П.И. Указ. соч. С. 145.

Кутузов В.А. А.А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. 2001. № 1. С. 149.

663

Из постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года. Цит.
по: Правда. 1946. № 225 (10307). 21 августа.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917-1953 годы. С. 606.

Сокращённая и обобщённая стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде // Правда. 1946. № 225 (10307). 21 сентября.

666

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 272.

667

Правда. 1946. № 225 (10307). 21 сентября.

668

Цит. по: *Симонов К. Указ. соч.*

669

Там же.

670

Там же.

671

Там же.

672

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 598. Л. 116.

673

Там же.

Мальков В.Л. Манхэттенский проект: Разведка и дипломатия. М., 1995.
С. 205.

675

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 147. Л. 2.

676

Там же. Оп. 122. Д. 619. Л. 6.

677

Там же. Оп. 3. Д. 147. Л. 2.

678

Там же.

679

Там же. Оп. 122. Д. 620. Л. 54.

680

Там же. Оп. 3. Д. 147. Л. 9.

Есаков В., Левина Е. Сталинские суды чести: «Дело КР». М., 2005. С. 68.

682

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1063. Л. 11.

683

Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 149. Л. 1-9.

684

Там же. Л. 19-20.

685

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 49-51.

686

Там же. Оп. 163. Д. 1497. Л. 108.

687

Там же.

688

Там же.

689

Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 177. Л. 5.

690

Там же. Л. 13 об., 19 об. и др.

691

Там же. Д. 150. Л. 6-7.

692

Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 44.

693

АПР Ф.Ф. 3. Оп. 29. Д. 15. Л. 1.

694

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 153. Л. 8-16.

695

Там же.

696

Там же.

697

Там же. Ф. 17. Оп. 122. Д. 269. Л. 183-184.

698

Там же.

699

Там же.

700

Там же. Оп. 121. Д. 640. Л. 40.

701

Там же. Д. 572. Л. 219.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): 1922-1952. М., 2000. С. 344.

703

Там же. С. 345.

Каменский З. А. Философская дискуссия 1947 года (Преимущественно по личным воспоминаниям) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. VI: Изживая «ждановщину». М., 1991. С. 8.

Кедров Б.М. Как создавался наш журнал // Вопросы философии. 1988.
№4. С. 96-97.

707

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 963. Л. 135.

708

Там же.

Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 года. М., 1952. С. 4.

710

Там же. С. 32.

711

Там же. С. 40.

712

Каменский З. А. Указ. соч. С. 14.

713

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 35.

714

Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 2.

715

Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 983. Л. 183.

716

Там же. Оп. 3, Д. 177. Л. 48.

717

Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 1.

ЦАОПИ М.Ф. 1292. Оп. 1. Д. И.Л. 6. Цит. по: *Власова Е.С.* 1948 год в советской музыке. М., 2010. С. 282.

719

Цит. по: *Шепилов Д.Т.* Указ. соч.

Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. С. 230.

721

АПР Ф.Ф. 3. Оп. 35. Д. 32. Л. 88.

Жданов А.А. Вступительная речь и выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 года. С. 6.

723

Там же. С. 9.

724

Там же. С. 10.

725

Цит. по: *Шепилов Д.Т.* Указ. соч.

Ленинградское дело. С. 49.

Жданов А.А. Вступительная речь и выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 года. С. 21, 23, 25.

Там же. С. 28.

Хренников Т., Рубцова В. Так это было: Тихон Хренников о времени и о себе. М., 1994. С. 123-125.

730

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 85. Л. 221.

731

Правда. 1948. 11 февраля.

См., например: *Витель Е.Б.* Мифы о Шостаковиче: символика музыкального языка. Кострома, 2008.

733

Правда. 1948. 11 февраля.

Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. С. 268.

735

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 636. Л. 178-179.

736

Там же.

Хренников Т., Рубцова В. Указ. соч. С. 127—128.

Цит. по: *Власова Е.С.* Что такое формализм, или Как готовилось постановление 1948 года// *Культура*. 2004. № 6. 12—18 февраля.

«Сталин знал музыку лучше нас...»: Интервью с Т. Хренниковым // Завтра. 2006. № 39 (671). 27 сентября.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1990.

741

Хрущёв Н.С. Указ. соч. Кн. 1. С. 112.

Советская политика в Австрии: 1945—1955 годы: Сборник документов. М.; СПб., 2006. С. 255-257.

743

Цит. по: *Марьина В.* Указ. соч. С. 96.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 219—221.

745

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. Л. 6.

746

Там же Л. 5—6.

747

Там же. Л. 7.

748

Там же. Л. 6.

749

Там же. Л. 4.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 252.

Жданов Ю.А. Во мгле противоречий. С. 65—92.

Малышев В. «Пройдёт десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти»: Дневник наркома // Источник: Документы русской истории (Приложение к журналу «Родина»). 1997. № 5. С. 135.

753

Цит. по: *Шепилов Д.Т.* Указ. соч.

Жданов Ю.А. Во мгле противоречий. С. 65—92.

755

Цит. по: *Шепилов Д.Т.* Указ. соч.

756

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 180. Л. 21.

757

Цит. по: *Шепилов Д.Т.* Указ. соч.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 257.

759

Там же. С. 258.

Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы. Дисс.... канд. ист. наук. М., 2005. С. 240.

761

Там же. С. 363.

Совещания Коминформа: 1947, 1948, 1949: Документы и материалы.
С. 408-409.

763

Там же. С. 410.

764

Там же. С. 417.

Там же. С. 426.

Там же. С. 440-441.

767

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1513. Л. 52.

768

Там же. Д. 1573. Л. 51.

769

Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 991. Л. 126.

Синицын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 213.

Демидов В. И., Кутузов В.А. Председатель СКК в Финляндии А.А. Жданов по воспоминаниям её сотрудника. С. 64.

Крюков С. Достоин ли Сахаров почестей? // Своими именами. 2011. № 18. 3 мая.

773

Семейный архив А.Ю. Жданова: Запись А.А. Ждановой от 15 сентября 1948 года.

774

Там же.

775

Там же.

776

Правда. 1948. 7 августа.

Жданов Ю.А. Во мгле противоречий. С. 65—92.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 310.

Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы. С. 241.

Ленинградское дело. С. 55.

Цит. по: *Малкин В., Лыкова Л.* «Цель была спасти жизнь больного» // Источник. 1997. № 1. С. 4—5.

Цит. по: *Глотова О.А.* Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920—1940-е годы. С. 241.

Цит. по: *Маслов А.* Арестованная медицина // Новая газета. 2003. № 12.
17 февраля.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 310.

Кассиль Л. Прощание // Литературная газета. 1948. № 71 (2454). 4 сентября.

Мейр Г. Моя жизнь. М., 1997.

Цит. по: Литературная газета. 1948. № 71 (2454). 4 сентября.

788

Там же.

Бенедиктов И. А., Рыбин А.Т. Рядом со Сталиным. М., 2010.

790

Цит. по: Сталинская трибуна. 1948. № 177 (4016). 2 сентября.

791

Литературная газета. 1948. № 71 (2454). 4 сентября.

792

Там же.

793

Там же. № 70 (2453). 1 сентября.

794

Бурят-монгольская правда. 1948. № 176 (9362). 3 сентября.

Красногорская И. Биография поэта — <http://www.history-ryazan.ru/node/1026>

Цит. по: *Толъц В.* ТАСС не уполномочен заявить: Смерть Жданова и западный миф о нём — <http://www.svoboda.org/content/transcript/464966.html>

797

Там же.

798

Guttuso R. Le rovine di Wroclaw gridano al mondo: Pace! // L'Unita.
28.10.1948.

Цит. по: *Мартиросян А.Б.* Сталин после войны: 1945—1953 годы. М., 2007.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 74.

801

Цит. по: *Аллилуева С.* Указ. соч.

802

Там же.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. С. 307.

804

Правда. 1989. 18 января.

805

<http://old-mariupol.com.ua>

Литературная газета. 2008. № 33—34 (6186). 27 августа.

807

<http://www.svoboda.org>

808

Петлянова Н. Проба на ждановщину // Новая газета. СПб., 2008. №68.
15—17 сентября.

---

notes

Примечания

1

Почётный гражданин — сословие царской России, занимавшее промежуточное положение между дворянством и купечеством.

Здесь и далее в книге все события и документы, относящиеся к периоду до 1 февраля 1918 года, датируются по юлианскому календарю (старый стиль), с 1 февраля 1918 года — по григорианскому (новый стиль).

Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) — литературно-политическая и творческая организация. Возникла в 1925 году, отличалась воинствующей, «левой» позицией, активно стремясь стать главной организационной политической силой в литературной жизни СССР

Авторство Заславского с привлечением финансовых и иных архивных документов исчерпывающе доказал Евгений Ефимов в исследовании «Сумбур вокруг "сумбура" и одного "маленького журналиста"» (М.: Флинта, 2006).

Ленинградский комвуз — позднее Ленинградский политологический институт при ЦК КПСС, ныне Северо-Западная академия государственной службы.

До революции — Санкт-Петербургский политехнический институт,
ныне — Санкт-Петербургский государственный политехнический
университет.

В тяжёлых танковых бригадах существовал целый ряд именных танков — «Сталин», «Киров», «Маршал Ворошилов», «Калинин» и т. д.

Не случайно фамилия Кузнецов считается самой распространённой в России. Так, среди ближайшего окружения Жданова мы видим трёх высокопоставленных Кузнецовых: второго секретаря Ленинградского обкома А.А. Кузнецова, наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова и бессменного секретаря Александра Николаевича Кузнецова. Незаметный и незаменимый секретарь Кузнецов проработает рядом с нашим героем всю жизнь, совсем как знаменитый сейчас и неизвестный тогда Поскрёбышев при Сталине. Помимо всего прочего, личный секретарь выполнял и роль своеобразного пресс-секретаря Жданова.

Ныне Всероссийский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова.

«...Начинает складываться парадоксальный своей двойственностью образ героини — не то "блудницы" с бурными страстями, не то нищей монахини, которая может вымолить у Бога прощение» (*Эйхенбаум Б. Анна Ахматова. Опыт анализа. Пг, 1923 // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 136*).

Можно, например, привести весьма колоритные воспоминания самой О.Л. Делла-Вос-Кардовской о Н. Гумилёве и А. Ахматовой и воспоминания о семье Кардовских в эпатажном мемуаре художника А.Г. Смирнова «Заговор недорезанных».

Ныне философский факультет МГУ.

Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств) — подразделение Народного комиссариата просвещения, ответственное за издательскую деятельность, одной из основных функций которого было «объединение всех видов цензуры печатных произведений».

В 1965 году во Владимире на Владимирском тракторном заводе им. А.А. Жданова, директором которого после опалы стал Г.М. Попов, его стараниями будет установлен памятник Жданову.

Ещё в 1924 году Юзовка, названная так в XIX веке в честь американского промышленника, крупнейший центр промышленного Донбасса, была переименована в Сталине. Переименование было связано именно со сталелитейной промышленностью и не имело отношения к И.В. Сталину.

Достаточно напомнить известную книгу «Национал-большевизм» Михаила Агурского или опубликованное уже в нашем веке фундаментальное исследование Давида Бранденбергера «Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956)».

С 1977 года Алматы.

Именно этими словами характеризует смерть нашего героя доктор исторических наук, профессор СПбГУ В.А. Кутузов, дольше и глубже всех в нашей стране изучающий биографию А.А. Жданова. См.: *Кутузов В.А. Из истории увековечивания памяти А.А. Жданова //Личность в истории Нового и Новейшего времени: Сборник. СПб., 2010. С. 133.*

Заверенная копия постановления на бланке Совета министров СССР хранится в семейном архиве Ждановых.